Кр.
р-204.249

Редкий фонд

КМ
М+
1

N 528.

Редкий фонд

ТЕРСКІЕ КАЗАКИ

СЪ СТАРОДАВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Проверено 1944 г.

Соч. ИВАНА ПОПКО.

Выпускъ первый

ГРЕБЕНСКОЕ ВОЙСКО.

(Со вступительнымъ очеркомъ, примѣчаніями и приложеніями).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1880.

Кр Р.
204.249 V
им. К. Маркса.
Проверено
1937—38 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 августа 1880 г.

Типографія Департамента Удѣловъ (Литейный пр , № 39).

Вступительный очеркъ трехвѣковой жизни терскихъ казаковъ.

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ кавказскій воинъ, съ какимъ смиреннымъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ, и сколько неизвѣстныхъ исторій героевъ молча легло для защиты знамени и долга.

(Изъ рѣчи гр. Соллогуба, привѣтствовавшаго назначеніе на Кавказъ Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича, въ 1863 году).

Терское казачье войско, долговременными трудами и жертвами, подготовило образованіе нынѣшней Терской области и, въ настоящее время, составляетъ основу ея русскаго населенія. Населеніе Терскаго войска, издревле обязанное воинской повинностью, выставляетъ на службу въ обыкновенное время: одинъ гвардейскій эскадронъ собственнаго Е. И. В. конвоя, двѣ конно-артиллерійскія батареи и пять конныхъ полковъ. Полки имѣютъ тройной личный составъ, такъ что въ военное время каждый полковой округъ, вмѣсто одного, высылаетъ на боевую службу три, а всѣ пять округовъ—пятнадцать полковъ. Полкамъ принадлежатъ имена: Кизляро-Гребенской, Моздокскій, Волгскій, Владикавказскій и Сунжинскій. Кизляро-Гребенской именуется полкомъ наслѣднаго великаго герцога Фридриха мекленбургъ-шверинскаго. Шефомъ Сунжинскаго полка состоитъ бывшій наказный атаманъ Терскаго войска,

генералъ-адъютантъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. Съ каждымъ изъ полковыхъ именъ соединяется своя исторія, болѣе или менѣе давняя, исторія русской колонизаціи и водворенія русскаго владычества на Кавказскомъ перешейкѣ, начиная съ той части его, гдѣ выдающимся географическимъ терминомъ является рѣка Терекъ.

Знакомство русскихъ людей съ Терекомъ началось еще въ XIV вѣкѣ. Первые проникали сюда съ Волги, варяжскимъ обычаемъ, новгородскіе повольники или ушкуйники, то есть охотники за сѣвернымъ медвѣдемъ-ушкуемъ и плаватели въ ладьяхъ, называвшихся тѣмъ же именемъ. Своевольство новгородцевъ, говоритъ Карамзинъ, возбуждало негодованіе великаго князя Димитрія Іоанновича: многіе изъ нихъ составляли цѣлые полки и ѣздили на добычу въ мѣста отдаленныя, между прочимъ и внизъ по Волгѣ, украшая разбои именемъ молодечества*). За новгородскими повольниками пускались въ тоже молодечество по Дону и Волгѣ и рязанскіе казаки, населявшіе придонскую волость Червленый-Яръ, гдѣ служили они украинной стражей Рязанскому княжеству. Великій князь Московскій Іоаннъ III гнѣвался на молодечество рязанскихъ казаковъ и грозилъ имъ наказаніемъ. Въ 1520 годахъ послѣдовало присоединеніе Рязанскаго княжества къ московской державѣ. По обычаю собиранія земли русской, менѣе сговорчивымъ жителямъ княжества предстояло принудительное выселеніе въ предѣлы суздальскіе. Скорѣе другихъ ожидали этой участи казаки Червленаго-Яра, а особенно тѣ изъ нихъ, которые чаще водились съ ушкуйниками и имѣли больше причинъ страшиться немилости московской власти. Во второй четверти XVI вѣка казаки эти, подбитые коноводами ушкуйниками, поднялись большой станицей (отрядомъ), посадились въ струги съ семьями и животами и выплыли весеннимъ поло-

*) Ист. Госуд. Росс. Карамзина. Изд. пятое, 1842 г. Кн. II, Т. V.

водьемъ въ Донъ, откуда, по Камышенкѣ, переволоклись на Волгу и пустились не незнакомымъ, конечно, путемъ къ недосягаемому никакой московской погоней убѣжищу—устьямъ Терека. Въ этомъ глухомъ углу восточнаго Кавказа существовало полу-торговое, полуразбойничье мѣстечко Теменъ, о которомъ будетъ сказано ниже. Не подлежитъ сомнѣнію, что удалая станица Червленаго-Яра направлялась къ этому притону, но никакое преданіе не объясняетъ, по какимъ обстоятельствамъ она тамъ не осѣла, а двинулась вверхъ по Тереку къ пятигорскимъ черкасамъ (кабардинцамъ), вступила въ тѣсный союзъ съ ними, и, съ ихъ помощью, поселилась у гребней или предгорій Кавказскаго хребта, при впаденіи Аргуна въ Сунжу. Пятигорскіе черкасы, отстаивая свою независимость противъ крымскихъ хановъ и дагестанскихъ шамхаловъ, искали покровительства московской державы и, въ 1555 году, чрезъ большое посольство били челомъ царю Іоанну Васильевичу Грозному о принятіи ихъ въ русское подданство. Съ тѣмъ же посольствомъ приходили къ царю съ повинной и атаманы русскихъ казаковъ, поселившихся въ союзѣ съ пятигорскими черкасами на Сунжѣ. Преданіе свидѣтельствуетъ, что царь Іоаннъ Грозный не только простилъ казакамъ ихъ побѣгъ съ Червленаго-Яра, но еще подарилъ ихъ рѣкою вольною Терекомъ, велѣвъ имъ служить свою службу государскую, беречи свою вотчину кабардинскую. Съ того времени первые русскіе поселенцы на Кавказѣ дѣлаются исторически извѣстными подъ именемъ *Гребенскихъ*, то есть горныхъ *казаковъ*. Для утвержденія царской власти въ пятигорскихъ черкасахъ, въ 1567 году, была поставлена на лѣвомъ берегу Терека, противъ устья Сунжи, русская крѣпость, названная Терскимъ городомъ или Теркомъ. При этомъ городѣ гребенскіе казаки начали отбывать дѣйствительную службу государству, заключавшуюся въ объѣздахъ, заставахъ, ближнихъ и дальнихъ

посылкахъ, въ охраненіи переправъ и въ походахъ на кабардинскаго недруга шамхала съ царскими войсками. Въ скоромъ времени, со стороны крымскаго хана и турецкаго султана послышались жалобы на утѣснительныя дѣйствія казаковъ, загораживавшихъ „черкасскую дорогу“. Жалобы оканчивались требованіемъ русскій городъ, поставленный въ кабардинской землѣ, снести и „черкасскую дорогу отпереть“. Въ 1571 году Терскій городъ „у усть-Сунчи рѣки“ былъ оставленъ царскими войсками къ великому огорченію кабардинскихъ князей, а особенно родичей тестя государева Темрюка, удѣлъ котораго примыкалъ къ городу. По ихъ настоянію, въ упраздненной русской крѣпости засѣли гребенскіе казаки, въ подмогу которымъ тѣже кабардинскіе князья, при содѣйствіи астраханскихъ воеводъ, призвали еще большую станицу вольныхъ казаковъ съ Волги. Жалобы отъ крымцевъ и турокъ возобновились, но московское правительство, искренно или такъ себѣ, отвѣчало, что въ брошенномъ Терскомъ городѣ самовольно засѣли „воры, волжскіе казаки, которые государя не слушаютъ,—хоть бы вы ихъ всѣхъ побили, намъ стоять за нихъ не для чего“. Шамхалъ и хотѣлъ это сдѣлать, нападая не разъ на городъ, но казаки храбро отбивались и не прежде покинули это укрѣпленное мѣсто, какъ когда былъ построенъ новый царскій городъ болѣе долговѣчный, благодаря тому, что Каспійское море и Астрахань служили ему надежною базою. Этотъ новый городъ былъ возведенъ въ 1588 году въ устьѣ Терека, близъ морскаго берега, и въ немъ учреждено воеводство, зависимое отъ астраханскаго. Ему дано было тоже названіе Теркъ, видоизмѣняемое нерѣдко въ Терку и въ Терки; старый же городъ, брошенный уже и казаками, писался послѣ того Суншинскимъ Городищемъ. Волжскіе казаки, по оставленіи этого мѣста, присоединились въ большинствѣ къ гребенскимъ казакамъ и

значительно усилили населеніе ихъ городковъ у сунжинскихъ гребней.

Городки эти, называвшіеся также казачьими острожками, были передовыми постами терскаго воеводства. Что посты эти несли полезную службу, показываетъ сохранившаяся отписка воеводъ въ Москву: „если казаковъ по Терку и въ Гребеняхъ не будетъ, и Терскому городу будетъ большая тѣснота". Казаки держались въ своихъ гребняхъ благодаря поддержкѣ князей нижней или малой Кабарды, землю которыхъ они прикрывали, и пріятельскимъ связямъ съ маловоинственными и немусульманскими тогда сосѣдними чеченскими обществами, изъ которыхъ брали даже себѣ женъ. Но къ исходу XVII столѣтія отношенія добраго сосѣдства измѣнились такъ невыгодно для казаковъ, что они должны были перенести свои городки къ Тереку и водворились въ треугольникѣ, образуемомъ правымъ берегомъ этой рѣки и послѣднимъ, параллельнымъ почти, теченіемъ впадающей въ нее Сунжи. Здѣсь прожили они лѣтъ тридцать, пока казанскій губернаторъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ не перезвалъ ихъ на лѣвую сторону Терека, на которой стоялъ и городъ Теркъ. Въ 1711 году, когда царь Петръ двигался къ Пруту, графъ Апраксинъ дѣлалъ походъ изъ Терка противъ кубанскихъ татаръ и сильно погромилъ ихъ съ помощью кабардинцевъ и гребенскихъ казаковъ. Ознакомившись съ тѣми и другими, какъ превосходными наѣздниками и стрѣлками, онъ уговорилъ послѣднихъ перейти на лѣвый берегъ Терека и образовать своими городками линію, которая послужила бы связью между нижнею Кабардою и городомъ Теркомъ. Въ слѣдующемъ 1712 году казаки перебрались на указанную мѣстность и заняли ее пятью городками, расположивъ ихъ въ линію по берегу рѣки, въ томъ порядкѣ, какъ существуютъ они донынѣ. Съ этого времени гребенское войско выставляло на службу не менѣе тысячи казаковъ, изъ коихъ поло-

вина состояла на хлѣбномъ и денежномъ жалованьи и ходила въ походы по требованіямъ правительства, а остальная половина оставалась при оборонѣ своихъ городковъ и служила „съ воды да съ травы“, то есть безъ всякаго содержанія отъ правительства. Изъ дальнихъ командировокъ по распоряженію правительства можно упомянуть о несчастномъ походѣ князя Бековича-Черкасскаго, въ 1717 году, въ хивинское ханство, гдѣ пятьсотъ гребенскихъ атамановъ и казаковъ, въ числѣ другихъ войскъ, были вѣроломно истреблены или обращены въ вѣчное рабство. Такая чувствительная потеря скоро однако пополнилась „гулящими людьми“, для которыхъ никогда не запиралась крѣпко дверь въ стародавнихъ казачествахъ. Къ ермоловскому времени въ строевомъ составѣ гребенскаго войска, состоявшемъ на жалованьѣ, числилось уже до тысячи человѣкъ. Съ такимъ служилымъ контингентомъ самостоятельное войско гребенское, въ 1832 году, переименовано было въ полкъ и включено въ составъ Кавказскаго Линейнаго войска. Здѣсь мы его оставимъ и перейдемъ къ судьбамъ другаго, тоже стародавняго, но не имѣвшаго такой же живучести военнаго братства.

Выше было упомянуто, что вольные казаки, ходившіе въ варяжское молодечество на Волгу, рано узнали дорогу къ устьямъ Терека. Здѣсь находили они превосходныя зимнія стоянки и обильныя угодья для рыболовнаго и охотничьяго промысловъ, которыми вольное казачество кормилось въ героическій періодъ своего существованія. Сюда же укрывались они и отъ преслѣдованій царскихъ ратей, очищавшихъ Волгу отъ разбоевъ. Въ развѣтвленіяхъ послѣдняго теченія Терека терялась черта, разграничивавшая шамхальскія и кабардинскія владѣнія, и въ эту приморскую мѣстность стекались разные выходцы изъ нижней и верхней Кабарды, изъ Кумыкъ, Мечкизовъ (чеченцевъ), изъ большихъ и малыхъ Ногаевъ и даже кубанскихъ Адыговъ (черкасъ).

Все это были люди того же пошиба, что и русскіе вольные казаки, а потому послѣдніе легко съ ними якшались и уживались. Когда-то эта приморская мѣстность или извѣстная часть ея населена была кумыками, народомъ болѣе другихъ промышленнымъ, и причислялась къ владѣніямъ шамхаловъ тарковскихъ, но въ эпоху построенія русскими втораго (приморскаго) города Терка здѣсь встрѣчается мѣстечко Теменъ, въ которомъ хозяйничаетъ одинъ изъ родичей Темрюка, тестя государева, князь Джанклишъ (по московскимъ документамъ Янглычъ). Этотъ нижне-кабардинскій князь, маститый старецъ, пріѣзжалъ въ Москву въ 1557 году и билъ челомъ Іоанну Васильевичу IV о принятіи его въ русское подданство съ сыномъ Сунчалеемъ и со всѣмъ теменскимъ владѣніемъ. Въ этомъ-то владѣніи и былъ поставленъ второй городъ Теркъ. А когда Суншино Городище было брошено сидѣвшими въ немъ казаками, младшій братъ Темрюка Мамсрюкъ Идаруко, жившій около Городища, перешелъ на житье въ новый русскій городъ и привелъ съ собою станицу волжскихъ казаковъ, не пожелавшихъ водвориться въ гребенскихъ городкахъ. Станица эта примкнула къ товариществу такихъ же волжскихъ казаковъ, основавшихся въ теменскомъ захолустьи незадолго до построенія здѣсь царскаго города и послужившихъ, какъ это часто бывало, пролагателями пути къ расширенію до этихъ дальнихъ береговъ русской государственной области.

Русская исторія записала, что три атамана волжскихъ казаковъ, навлекшихъ на себя царскую опалу, въ 1579 году, совѣщались въ низовьи Волги, куда имъ укрыться отъ царскаго гнѣва. Старшій, Ермакъ Тимофѣевичъ потянулъ на сѣверъ къ именитымъ людямъ Строгановымъ и сдѣлался завоевателемъ царства Сибирскаго. Остальное казачество выплыло въ море и, разбившись на два товарищества, направилось—меньшинство къ Яику, большинство къ Тереку, въ глухое

приволье теменскаго владѣнія. Здѣсь русскіе казаки сошлись съ подобными имъ кабардинскими и кумыцкими сходцами и при впаденіи одного изъ рукавовъ Терека въ море построили крѣпкій городокъ съ пристанью. Городокъ этотъ имѣлъ обширный окопъ въ видѣ треугольника, почему и назывался Трехстѣннымъ. Когда царскіе воеводы прибыли изъ Астрахани въ теменское владѣніе для сооруженія втораго Терка, казаки Трехстѣннаго городка явились къ нимъ съ повинною и оказали добрыя услуги при построеніи царскаго города. Такимъ поведеніемъ они снискали царское прощеніе и въ этомъ отношеніи не отстали отъ Ермака, поклонившагося государю сибирскимъ завоеваніемъ. Прощеніе было распространено и на товарищество, укрывшееся въ устьяхъ Яика, часть котораго, по вызову астраханскаго воеводы, пришла оттуда съ атаманомъ Матюхой Мещерякомъ и присоединилась къ терскому казачеству. Къ нему же пристроились и кабардинскіе князья Сунчалей и Мамсрюкъ съ ихъ подвластными, которые стояли на ногѣ служилыхъ людей и получали царское жалованье. Такъ образовалось при воеводскомъ городѣ Теркѣ *Терское казачье войско*, начало существованія котораго, какъ служилаго сословія, можно относить къ 1586 году, когда началось построеніе приморскаго Терка. Войско это отличалось двумя характеристическими особенностями: во первыхъ, примѣсью инородческаго элемента, привходившаго въ его составъ за все время его существованія, и во вторыхъ, чрезвычайной подвижностью и наклонностью къ морскому молодечеству, школой для котораго былъ рыболовный промыселъ.

Трехстѣнный городокъ былъ только опорнымъ и сборнымъ пунктомъ терскихъ казаковъ, а жили они разбросанными юртами по разметамъ терскаго устья и держались ватагами по ближайшимъ островамъ для производства рыболовнаго промысла. Самый привольный

въ этомъ отношеніи излюбленный казаками, особенно набродными и бездомовными, былъ островъ Чеченъ, отстоявшій отъ берега на полдня паруснаго плаванія. Бездомовное, непосидячее казачество часто приливало въ терскіе юрты съ Волги и стольже часто отливало на Волгу, такъ что численная сила войска находилась въ постоянномъ и рѣзкомъ колебаніи. Болѣе устойчивымъ и служилымъ по преимуществу элементомъ были семейные казаки, жившіе пригородными слободами поближе къ Терку. Извѣстное число атамановъ и казаковъ, обыкновенно сотъ до пяти, находилось на постоянной службѣ при терскомъ воеводѣ, подъ начальствомъ особаго головы; они назывались зимовными (какъ бы осѣдлыми) или жалованными, потому что получали царское жалованье. Общій созывъ войска дѣлался воеводами или для походовъ, или для усиленія обороны въ болѣе важныхъ случаяхъ. На время такихъ созывовъ тоже полагалось царское жалованье, но не столько, можетъ быть, жалованье, сколько надежда на добычу и просто русская удаль молодецкая была двигателемъ, приводившимъ вольныхъ казаковъ къ воеводскому знамени. Нѣкоторые, однако, случаи показываютъ, что казачество крѣпко оскорблялось, когда царское жалованье застревало въ рукахъ воеводъ. Оскорбленіе иной разъ переходило въ неповиновеніе и явное возмущеніе. Одинъ старинный документъ даетъ намъ понятіе о томъ, что происходило въ подобныхъ случаяхъ. Въ 1607 году пошелъ ропотъ между казаками: „государь де насъ хотѣлъ пожаловати, да лихи де бояре не дадутъ жалованья“. Юрты заволновались. Первый поднялся атаманъ Федоръ Бодыринъ съ тремя стами казаками и сталъ таборомъ на рѣкѣ Быстрой (южномъ рукавѣ Терека), около городка атамана Гаврилы Пана. Соединившись съ послѣднимъ, казаки сѣли въ струги и выплыли на островъ Чеченъ. Туда же стянулось войско и изъ остальныхъ юртовъ. Воевода Петръ Головинъ послалъ изъ Терка

голову служилыхъ казаковъ Ивана Хомяка сказать вольнымъ казакамъ, чтобъ половина ихъ оставалась въ юртахъ на случай прихода воинскихъ (то есть непріятельскихъ) людей; но казаки не послушались и въ числѣ четырехъ тысячъ человѣкъ ушли на Волгу, гдѣ и были увлечены волжскими и донскими казаками въ коловоротъ смутнаго времени. Но впослѣдствіи эти же самые своевольники съ стрѣлецкимъ головою города Терка, Василіемъ Хохловымъ, бились подъ Астраханью противъ мятежныхъ скопищъ Заруцкаго и Марины Мнишекъ за царя Михаила Ѳеодоровича *). Таковы были нравы вольнаго казачества вообще и терскаго въ особенности.

Относительно инородческаго элемента, входившаго въ составъ терскаго войска, слѣдуетъ сказать, что это были разные кавказскіе выходцы, поселявшіеся особыми слободами около Терка, подъ наименованіемъ Черкасъ, Охочанъ, юртовскихъ, то есть осѣдлыхъ, татаръ, Мечкизянъ, Шубутянъ и Новокрещеновъ. Послѣдніе выдѣлялись изъ тѣхъ же инородцевъ, принимая христіанство, и представляли изъ себя особый служилый разрядъ въ составѣ войска. Какъ эти новокрещены, такъ и другіе служилые инородцы наряжались преимущественно въ сопровожденіе торговыхъ каравановъ и посылались на развѣдки въ шамхальскія, кабардинскія и ногайскія земли, на Куму, на Кубань и даже въ Крымъ. Ближайшая власть надъ всѣми инородческими казаками принадлежала наслѣдственно княжескому роду упомянутаго выше Джанклиша, сынъ котораго Сунчалей, внукъ Муцалъ и правнукъ Каспулатъ, во время походовъ, весьма часто принимали начальство и надъ русскими, терскими и гребенскими казаками. Вліянію этихъ замѣчательно способныхъ и полезныхъ дѣятелей слѣдуетъ приписать отчасти удержаніе въ постоянномъ повиновеніи терскимъ воево-

*) Акты Археографич. Экспедиціи. Т. II, № 81. См. также Ист. Рос. С. Соловьева. Т. VIII.

дамъ какъ терскихъ, такъ и гребенскихъ казаковъ, при всѣхъ невзгодахъ, которымъ подвергался городъ Теркъ. Сами же они были привязаны къ русской службѣ, кромѣ царскаго жалованья, значительными выгодами, которыми пользовались они отъ торговли въ Теркѣ, особенно людьми и лошадьми, минуя установленные въ немъ таможенные сборы.

Терское войско, равно какъ и самый городъ Теркъ немало вынесли бѣдствій отъ непріятельскихъ нападеній, отъ наводненій и отъ болотнаго климата, вредно вліявшаго на здоровье русскихъ людей. Если самый городъ, благодаря своимъ укрѣпленіямъ, и устаивалъ противъ неоднократныхъ нашествій кубанскихъ татаръ, крымскихъ хановъ и даже шамхаловъ, всегдашнихъ „царскихъ ослушниковъ“, то казачьи юрты, въ томъ числѣ и инородческія слободы, подвергались при таковыхъ нашествіяхъ болѣе или менѣе значительнымъ опустошеніямъ. Къ этому надо добавить, что пиратство или, говоря языкомъ вѣка, молодечество, увлекавшее на „сине море“ казаковъ, а иногда и царскихъ стрѣльцовъ, губило множество отважныхъ плавателей въ утлыхъ дощаникахъ и стругахъ. Что же относится до злокачественнаго климата, втихомолку подтачивавшаго населеніе терскаго воеводства, то это обстоятельство, хорошо извѣстное и въ наше время, не требуетъ объясненій. Дабы приковать стрѣлецкіе полки къ тяжелому терскому посту, правительство высылало ихъ сюда съ женами и дѣтьми „на вѣчное житье“. Сюда же ссылались разные опальные люди, литовскіе и ливонскіе плѣнники, да и по доброй волѣ не мало заходило „гулящихъ“ людей, искавшихъ доли. И изъ этого многолюдства едва-ли даже третья часть выжила къ Петровскому времени. Было, правда, и для Терка цвѣтущее время въ первой половинѣ XVII вѣка: были здѣсь каравансараи, торговые ряды и базары, роскошные сады, общественныя бани, таможенный и кружечный дворы, аманатный дворъ,

дѣловой дворъ, были соборная и приходскія церкви и монастырь, гдѣ крестились иновѣрцы, съ полученіемъ за то царскаго награжденія. При такомъ благосостояніи города, и терское войско было многолюдно и жило привольно. Но скоро наступили, какъ для воеводскаго города, такъ и для служившаго ему казачьяго войска тяжелыя испытанія. Въ 1688 году кубанскій сераскеръ Казы-Гирей съ многочисленной ордой подступалъ къ Терку и дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобъ овладѣть имъ. Непріятель былъ храбро отбитъ отъ городскихъ валовъ, но что было внѣ ихъ жестоко пострадало. Послѣдовавшее за тѣмъ наводненіе со стороны моря, произведенное землетрясеніемъ, заставило перенести городъ въ другое мѣсто. Не успѣлъ онъ упрочиться на новомъ мѣстѣ, какъ въ 1707 году долженъ былъ выдержать нападеніе кубанскаго же сераскера Эштекъ-Султана. Такія бѣдствія привели воеводскій городъ въ крайній упадокъ, а ряды терскаго войска такъ порѣдѣли, что въ 1720-хъ годахъ въ немъ насчитывалось уже не болѣе тысячи казаковъ съ охочанами, новокрещенами и другими инородцами. Послѣдніе составляли около одной трети общаго числа служилыхъ людей въ войскѣ.

Въ такомъ печальномъ положеніи нашелъ старый Теркъ императоръ Петръ Великій во время персидскаго похода 1722 года. Осмотрѣвъ городъ лично, онъ приказалъ его бросить и черту, намѣченную Іоанномъ IV, подвинуть впередъ, на Сулакъ. Была заложена новая крѣпость въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ Сулака отдѣляется рукавъ, называемый Аграханью. Въ память существовавшей здѣсь нѣкогда греческой колоніи Ставрополиса, новое сооруженіе было названо крѣпостью Св. Креста*). Съ перемѣщеніемъ сюда гарнизона стараго Терка, терскіе казаки были также переведены на Астрахань и названы Астраханскимъ войскомъ. Они должны были прикрывать тридцативерстное пространство, отдѣлявшее

*) Греческое слово *Σταυροπολις* значитъ порусски городъ Креста.

новую крѣпость отъ пристани, устроенной на морскомъ берегу. По независѣвшимъ отъ нихъ соображеніямъ, избираемыя для ихъ поселенія мѣста перемѣнялись нѣсколько разъ. Отъ такихъ передвиженій и упорныхъ нападеній чеченцевъ и дагестанцевъ пришли они въ крайнее раззореніе. Потерявши свои хозяйства и не находя строительнаго матерьяла въ безлѣсной мѣстности, они вынуждались копать землянки для своего жилья, и эти сырыя, недоступныя для солнечнаго свѣта жилища, въ соединеніи съ лишеніями всякаго рода и зловреднымъ свойствомъ лихорадочнаго климата, губительно дѣйствовали на ихъ физическое благосостояніе. Смертность была такъ велика, что изъ каждыхъ трехъ человѣкъ выбывалъ одинъ, а многія семейства вымирали почти поголовно. Трудно сказать, чѣмъ бы такое положеніе дѣлъ кончилось, если бы съ воцареніемъ Анны Іоанновны крѣпость Св. Креста не была брошена и остатки Терскаго войска не были переведены обратно на Терекъ. Въ 1736 году, послѣ отдачи Надыръ-шаху петровскихъ завоеваній по Сулаку и по каспійскимъ берегамъ, была построена на прежней чертѣ, но только выше стараго Терка, крѣпость Кизляръ съ городскимъ учрежденіемъ. При этой крѣпости Терское войско, пережившее уже два подобныя сооруженія и уложившее болѣе двухъ третей своего населенія въ аграханскихъ могилахъ, водворилось такимъ малолюдствомъ, что едва могло поставлять на службу около 200 чиновъ, въ томъ числѣ иногородцевъ 67 человѣкъ. Не смотря на то, оно продолжало существовать какъ самостоятельная часть до самой эпохи образованія Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска, именуясь *войскомъ Терскимъ-Кизлярскимъ*. Послѣдній эпитетъ былъ прибавленъ къ стародавнему его именованію по слѣдующему обстоятельству.

Послѣ построенія крѣпости Св. Креста было усмотрѣно, что одни терскіе казаки не были въ силахъ занять и удерживать линію между крѣпостью и морскимъ

берегомъ. Для подкрѣпленія ихъ, въ 1724 году, сдѣлано было переселеніе съ Дону одной тысячи семей „сказочныхъ“ (то есть настоящихъ, а не набродныхъ) казаковъ. Переселенцы эти были также водворены по аграханской линіи и дополнили собою составъ аграханскаго войска. Имъ пришлось испить одну чашу съ терскими казаками и потерять въ теченіи десяти лѣтъ большую половину своего населенія. Пережившія существованіе сулацкой крѣпости семейства, съ немалымъ числомъ вдовъ и сиротъ, были переведены въ 1736 году на лѣвый берегъ Терека и поселены тремя городками между гребенскими станицами и новой крѣпостью Кизляромъ. Поселеніе это, продлившее гребенскую линію внизъ по Тереку, составило особое казачье войско, наименованное *Терскимъ-Семейнымъ*. Оно могло выставлять на службу четыре сотни казаковъ при двадцати четырехъ старшинахъ. Такимъ образомъ, въ низовьи Терека появилось два терскихъ войска, которымъ для отличія присвоены были дополнительныя названія: старому *Кизлярскаго*, а новому *Семейнаго*. Хотя оба они были семейныя, но присвоеніе послѣднему этого прилагательнаго имѣло основаніемъ, быть можетъ, то обстоятельство, что вслѣдствіе раззореній, испытанныхъ на Астрахани, ему отпускался провіантъ отъ казны не только на служилыхъ казаковъ, но и на всѣхъ сиротъ, вдовъ и церковно-служителей.

Такое пособіе мало, однакожъ, улучшало бѣдственное положеніе Терскаго-Семейнаго войска на нижне-терской линіи. Въ своемъ прошеніи къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ оно изображало это положеніе въ такихъ чертахъ: „Пришли мы въ крайнее убожество и живемъ съ женами и дѣтьми въ землянкахъ съ великою нуждою, и построиться некогда и нечемъ, понеже разставлены мы по рѣкѣ Тереку на бродахъ, по заставамъ, и содержимъ въ степяхъ разъѣзды, и командируемся въ партіи и разныя посылки непрестанно“. Для облегченія въ отбываніи

службы и повинностей, Терское-Семейное войско въ 1745 году было присоединено къ войску Гребенскому, но не ужилось въ этомъ сообществѣ и чрезъ десять лѣтъ вновь было обособлено подъ прежнимъ своимъ именованіемъ. Къ выдающимся эпизодамъ дальнѣйшей жизни Терскаго-Семейнаго войска относится слѣдующее приключеніе съ бывшимъ нѣкоторое время его казакомъ, всему свѣту извѣстнымъ Емельяномъ Ивановичемъ Пугачевымъ. Года за два до самозванства прибылъ этотъ пройди-свѣтъ въ Терское-Семейное войско и повидимому желалъ покончить здѣсь съ своимъ безпокойнымъ бродяжествомъ. Въ 1771 году онъ записался казакомъ въ Дубовскій городокъ, откуда вскорѣ перечислился въ другой городокъ, Каргалинскій, гдѣ станичный атаманъ Максимъ Макаровъ приходился ему сродни. Въ войскѣ было много недовольныхъ управленіемъ тогдашняго войсковаго атамана Павла Татаринцева. Въ началѣ 1772 года они „заручились“ избрать Пугачева въ войсковые атаманы, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ отправился въ столицу и исходатайствовалъ привиллегіи, утраченныя войскомъ съ переселеніемъ на Аграхань. Онъ было и отправился, но приверженцы Татаринцева схватили его на пути и представили за карауломъ къ коменданту Моздокской крѣпости, полковнику Иванову. Обвиняемый въ смутѣ и нарушеніи войсковаго порядка, Пугачевъ былъ посаженъ въ тюрьму, но при помощи своихъ избирателей бѣжалъ, вмѣстѣ съ бывшимъ на часахъ солдатомъ Венедиктомъ Лаптевымъ, и пробрался на Яикъ, гдѣ, какъ извѣстно, устроилась для него роль поважнѣе атаманства въ войскѣ, состоявшемъ изъ трехъ городковъ *).

Это, вмѣщавшееся въ трехъ городкахъ, войско прожило самостоятельной жизнью до 1832 года, а въ томъ

*) Въ допросныхъ бумагахъ о Пугачевѣ сохранилось слѣдующее описаніе его наружности: лицомъ смугловатъ, волосы стрижены, борода небольшая черная, окладистая, росту средняго, одѣтъ въ синій китайчатый бешметъ, а на ногахъ желтые сапоги.

году, на ряду съ другими подобными ему единицами, вошло въ составъ Кавказскаго Линейнаго войска съ именемъ Терскаго-Семейнаго полка. Въ 1836 году полкъ этотъ былъ соединенъ съ остаткомъ стародавняго терскаго казачества, Терскимъ-Кизлярскимъ полкомъ, и оба вмѣстѣ составили *Кизлярскій полкъ*. Часть эта сдѣлалась такимъ образомъ преемницею существованія двухъ казачьихъ войскъ, цѣною безмѣрныхъ жертвъ открывшихъ дорогу на Кавказъ русской колонизаціи. Serviendo consumor—вотъ значеніе ихъ многострадальной жизни.

Сто слишкомъ лѣтъ раньше того, эти два угасшія войска призваны были, какъ мы видѣли, составить передовое войско аграханское. Въ учрежденіи этого недолговѣчнаго, но предполагавшагося въ немалыхъ размѣрахъ, войска сказалась настоятельная потребность развитія казачьяго рода оружія на Кавказѣ. По переводѣ на аграханскую линію тысячи казачьихъ семей съ Дона, правительство обращалось къ донскимъ атаманамъ Краснощекову, Матвѣеву и Ефремову, „чтобъ они подговорили добровольно двѣ или три тысячи донскихъ казаковъ и съ ними поселились на Аграхани около крѣпости Св. Креста“. Краснощекову обѣщано было атаманство надъ аграханскимъ войскомъ съ жалованьемъ по тысячѣ рублей въ годъ. Послѣ того, указомъ Военной Коллегіи командовавшему низовымъ (впослѣдствіи кавказскимъ) корпусомъ ландъ-графу Людвигу Гессенъ-Гомбургскому предлагалось аграханское казачье войско „дополнить изъ командированныхъ въ оный корпусъ донскихъ и яицкихъ казаковъ, такожъ и изъ малороссійцевъ, кои въ томъ войскѣ сами служить пожелаютъ“ *). Наконецъ, кабардинскому князю Эльмурзѣ Бековичу-Черкасскому было поручено зазывать въ казачью службу черкесъ, грузинъ и армянъ, „которые въ войнѣ были бы обычны и во всемъ исправны“, обѣщая по пятнадцати и болѣе рублей годоваго жалованья на человѣка.

*) Указъ Воен. Коллегіи отъ 11 генваря 1733 г., № 148.

Мѣропріятія эти имѣли весьма слабый успѣхъ, но тѣмъ не менѣе правительство не оставляло мысли объ умноженіи иррегулярнаго войска изъ какихъ бы ни было элементовъ. Вскорѣ представился, повидимому, особенно благопріятный къ тому случай. Усобицы князей большой и малой Кабарды выдвинули человѣка, который долженъ былъ осуществить правительственную идею, разсчитывая именно на внутреннія неурядицы въ землѣ своихъ родичей. Это былъ малокабардинскій князь Коргока Кончокинъ, принявшій христіанство въ Кизлярѣ, побывавшій въ столицѣ и потомъ основавшій особое поселеніе на лѣвомъ берегу Терека, выше гребенскихъ городковъ, въ лѣсистомъ урочищѣ Мездогу (дремучій лѣсъ), съ цѣлью привлечь туда достаточное для видовъ правительства число выходцевъ изъ Кабарды, Осетіи и другихъ горскихъ обществъ. Для прикрытія этого поселенія, названнаго Моздокомъ, въ 1763 году построено было при немъ небольшое укрѣпленіе, для содержанія котораго посылались команды отъ кизлярскаго гарнизона и казаки терскіе и гребенскіе. Для обращающихся въ христіанство сооружена была тамъ деревянная церковь, а для доходовъ отъ торговли учреждена таможня. Поселявшимся въ Моздокѣ выходцамъ назначались пособія, но при этомъ требовалось, чтобы моздокій край „сколь можно военными, а не другими людьми умноженъ былъ“, чтобы выходцы писались въ казаки и изъ нихъ была бы составлена „моздокая горская команда“ по данному штату. Но къ умноженію выходцевъ кабардинскіе князья и уорки отнеслись весьма неблагопріятно, считая занятіе моздокаго урочища захватомъ и нарушеніемъ владѣльческаго права ихъ на эту землю. Въ послѣдовавшій осенью 1768 года разрывъ съ Турціей, они явно приняли сторону крымскаго хана и въ слѣдующемъ году, весною, соединясь съ кубанскими татарами, двинулись большими силами противъ моздокаго поселенія съ намѣреніемъ снести его съ лица земли. Къ счастью, пра-

витель калмыцкаго народа Убуши заступилъ имъ дорогу на р. Калаусѣ и разбилъ ихъ на голову. Враждебное движеніе кабардинцевъ, со временъ Іоанна Грознаго не поднимавшихъ открыто оружія противъ русскихъ, показало, что въ моздокской колоніи невозможно было обходиться какимъ-нибудь слабымъ форпостнымъ укрѣпленіемъ. Въ 1770 году форпостъ этотъ былъ превращенъ въ сильную крѣпость, вооруженную сорока орудіями и занятую самостоятельнымъ гарнизономъ съ комендантскимъ управленіемъ, по примѣру Кизлярской крѣпости. Для прислуги при крѣпостныхъ орудіяхъ переселено было съ Дону сто семей казаковъ съ званіемъ канонировъ. (Поселеніе этихъ казаковъ составило нынѣшнюю Луковскую станицу). Къ гарнизону новой крѣпости причислена была и моздокская горская команда. Въ ней состояло всего 104 человѣка всадниковъ. Число выходцевъ возрастало слабо и особеннаго желанія нести казачью службу въ нихъ не обнаруживалось. Самая благонадежность ихъ подвергалась сомнѣнію по случаю нерѣдкихъ побѣговъ въ горы. Тогда правительство обратилось къ болѣе надежной мѣрѣ—къ занятію моздокской окраины русскими казаками. Въ томъ же 1770 году, изъ Волгскаго войска, существовавшаго на правомъ берегу Волги между Царицынымъ и Камышинымъ, выведено было 517 казачьихъ и старшинскихъ семействъ, которыя и поселены въ линію по лѣвому берегу Терека пятью станицами, между Гребенскимъ войскомъ и крѣпостью Моздокомъ, на протяженіи около 80 верстъ. Въ виду враждебнаго настроенія кабардинцевъ, станицы были хорошо укрѣплены и на крѣпостное вооруженіе ихъ выдано по четыре трехфунтовыхъ пушки въ каждую. Для дѣйствія при пушкахъ переселено было съ Дону еще 250 семействъ, которыя съ тѣмъ же званіемъ канонировъ и распредѣлены по станицамъ, по 50 семействъ въ каждую. Это линейное поселеніе образовало изъ себя самостоятельную казачью часть—*Моздокій полкъ*. Часть эта

сохранила внутренній урядъ и общественное управленіе своей метрополіи, Волгскаго войска, но во главѣ ея поставленъ, вмѣсто атамана, полковой командиръ. Строевой составъ полка опредѣленъ высочайше утвержденнымъ штатомъ, по которому число служилыхъ людей, въ силу стариннаго правила, назначено было по числу семействъ, а именно 500 казаковъ и 17 старшинъ. Канонирскія семейства въ полковой составъ не включались; они поставляли 250 пушкарей, которымъ лошадей не полагалось, но требовалось, чтобъ они имѣли ружья, дабы при нападеніяхъ на станицы, кромѣ дѣйствія изъ орудій, могли защищать ихъ и ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ 1777 году къ полку были приписаны 200 кибитокъ крещеныхъ калмыковъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи астраханскаго епископа; но этотъ кочевой контингентъ нисколько не усилилъ строеваго состава полка и изъ него, кромѣ калмыковъ, ничего больше не вышло. Дѣйствительное же усиленіе произведено было въ 1799 году обращеніемъ въ составъ полка русской милиціи, переведенной въ Моздокскую крѣпость изъ Саратова и состоявшей при крѣпостномъ гарнизонѣ подъ названіемъ московской легіонной казачьей команды (нѣчто въ родѣ старинныхъ городовыхъ казаковъ). Обращено было 335 легіонеровъ, людей также семейныхъ, какъ и казаки. Съ присоединеніемъ ихъ прибавилась въ полковомъ округѣ новая станица (Стодеревская); послѣ чего число строевыхъ чиновъ полка, съ пушкарями, возрасло до 1030 человѣкъ. Въ эпоху собиранія Кавказскаго Линейнаго войска Моздокскій полкъ поступилъ въ его составъ, имѣя въ строю 1,250 чиновъ, при народонаселеніи около 11,500 душъ обоего пола.

Болѣе памятнымъ событіемъ въ самостоятельной жизни этой части было опустошительное нашествіе крымскаго калги (намѣстника) Шабазъ-Гирея и блистательное отраженіе казаками его орды въ 1774 году, предъ окончаніемъ первой войны Екатерины II съ Турціею.

Весною того года, по враждебнымъ происканъ кабардинцевъ, которые никакъ не могли примириться съ занятіемъ моздоцкой мѣстности, Шабазъ-Гирей появился въ виду Моздока съ громадными полчищами кубанскихъ татаръ и закубанскихъ адыговъ, скрытно усиленныхъ кабардинцами. Скопище это дополняли пятьсотъ русскихъ некрасовскихъ казаковъ, служившихъ крымскимъ ханамъ. Половина непріятельскихъ силъ вступила въ Кабарду и, поднявъ ея населеніе, угрожала Моздоцкой крѣпости, а другая половина, числомъ до десяти тысячъ, бросилась на станицы Моздоцкаго полка и четыре изъ нихъ погромила до основанія. Казаки съ семействами успѣли укрыться въ главной своей станицѣ Наурской, хорошо укрѣпленной съ трехъ сторонъ, а съ четвертой, выходившей на Терекъ, временно загороженной возами. Обложивъ эту станицу, непріятель приступалъ къ ней, то съ той, то съ другой стороны, впродолженіи шести дней. Казаки стояли на валахъ день и ночь и успѣшно отражали непріятельскіе напуски. Служилыхъ людей подкрѣпляли старики, подростки и женщины, вооруженные косами, вилами, топорами, ухватами. Обороною распоряжался командиръ полка, приведшій его съ Волги, полковникъ Иванъ Дмитріевичъ Савельевъ, впослѣдствіи знаменитый на Кавказѣ генералъ. Неся большія потери отъ огня осажденныхъ, татары поставили на арбы деревянные щиты и подъ ихъ закрытіемъ, 11-го іюня, двинулись на штурмъ со всѣхъ сторонъ. Оглушительный визгъ, наполнявшій воздухъ, показывалъ единодушную азіятскую рѣшимость. Рѣзня происходила на самыхъ валахъ. Некрасовскіе казаки, находившіеся въ рядахъ непріятельскихъ, сторонились отъ рукопашнаго боя и ободряли обороняющихся, передавая имъ русскимъ языкомъ, что татары истощили уже всѣ свои запасы и если будутъ отбиты, то въ тотъ же день уйдутъ, откуда пришли. Татары были отбиты и дѣйствительно бѣжали на Кубань, предоставивъ Кабарду самой себѣ. Казаки

купили побѣду цѣною четырехъ своихъ станицъ и хозяйствъ, но Моздокъ былъ спасенъ и значеніе его послѣ этого расширилось далеко.

Заключенный въ томъ же 1774 году кучукъ-кайнарджійскій мирный трактатъ съ Турціей доставилъ Россіи обладаніе Азовомъ, Азовскимъ моремъ и нѣсколькими опорными пунктами на проливѣ, соединяющемъ это море съ Чернымъ. Русскія владѣнія на Кавказѣ быстро подвинулись отъ востока къ западу. Поселеніемъ моздокаго полка по Тереку закончена была линія отъ терскаго устья до Моздока, на двѣсти слишкомъ верстъ; теперь требовалось продолжить ее отъ Моздока до Азова, по протяженію всего почти Кавказскаго перешейка. Въ 1777 г. поставленъ былъ по этой чертѣ длинный рядъ укрѣпленій, отъ впаденія Малки въ Терекъ и далѣе къ азовскому бассейну—по рѣкамъ Курѣ, Цалугѣ или Золкѣ, по Кумѣ и вершинамъ Карамыка, Домузлова, Бійбалы или Буйвалы и Калауса, а потомъ по Егорлыкамъ и Манычу до низовья Дона. Нельзя сказать, чтобы линія эта, названная Моздоцко-Азовской, была достаточно тверда географически, но ее все-таки требовалось заселить и никѣмъ другимъ, какъ русскими казаками, по примѣру установившейся уже линіи кизляро-моздоцкой. Для этого взята была другая половина Волгскаго войска, оставшаяся еще на Волгѣ послѣ выселенія первой половины, образовавшей моздоцкій полкъ. Въ 1777 году высланы были на Кавказъ одни служилые казаки въ числѣ 700 человѣкъ, а въ слѣдующемъ году прибыли и ихъ семейства. Переселенцы эти сѣли пятью станицами: а) въ урочищѣ Бештамакъ (устье Малки), при крѣпости Екатерининской, названной впослѣдствіи Екатериноградскою; б) при крѣпости Павловской, на р. Курѣ; в) при крѣпости Маріинской, на р. Золкѣ; г) при крѣпости Георгіевской, близъ впаденія Подкумка въ Куму; и, наконецъ, д) въ вершинѣ р. Домузлова, при крѣпости Александровской. Станицы названы по именамъ пере-

численныхъ крѣпостей. По дальнѣйшему протяженію линіи поселились слободско-украинскіе казаки, переведенные съ Хопра въ одно время съ волгскими и составившіе полкъ Хоперскій (нынѣ имени великой княгини Анастасіи Михаиловны), который въ кругъ нашего описанія не входитъ.

Прибывшая на Кавказъ остальная половина Волгскаго войска принесла съ собою всѣ свои войсковыя регаліи и удержала за собою въ этомъ новомъ краѣ прежнее наименованіе *Волгскаго войска*. Войску этому обѣщано было сохраненіе стараго внутренняго уряда и привиллегій, которыми пользовалось оно на Волгѣ съ царствованія императрицы Анны Іоанновны. По строевой же части оно обязано было содержать, по данному штату, „Волгскій казачій полкъ“, въ составѣ: командира полка 1, станичныхъ атамановъ 5, есауловъ, сотниковъ и хорунжихъ—каждаго чина по пяти, квартермистра 1, полковаго писаря 1 и казаковъ съ пятидесятниками 514. Число всѣхъ жителей въ войскѣ простиралось до 4,640 душъ обоего пола. Командиръ полка былъ вмѣстѣ и правитель войска. Кромѣ этой особенности мы видимъ еще и ту, что станичные атаманы включены въ строевой составъ полка,—что было вполнѣ сообразно съ расположеніемъ войска на опасныхъ передовыхъ постахъ. Въ протяженіи, занятомъ пятью станицами волгскаго войска, считалось болѣе 200 верстъ. Для содержанія линіи такой длины, силъ одного полка пятисотнаго состава, очевидно, было недостаточно. А между тѣмъ кабардинцы, при часто повторявшихся возстаніяхъ, первые свои удары направляли противъ волгскаго войска, считая его захватчикомъ лучшихъ своихъ земель. Отсюда выходило, что кромѣ строеваго полка и все остальное мужское населеніе войска постоянно находилось подъ ружьемъ, несло туже боевую службу, съ той только разницей, что не пользовалось никакимъ содержаніемъ отъ казны. Части строеваго

полка обыкновенно высылались въ дальніе кавказскіе походы, а во время внѣшнихъ войнъ государства и въ заграничныя кампаніи. Оборона линіи оставалась весьма часто на рукахъ отставныхъ, льготныхъ и вообще нестроевыхъ казаковъ. Случалось, что за выходомъ ихъ на линейные посты, въ станицахъ оставались одни дряхлые старцы съ подростками, да женщины съ дѣтьми. Но надобно сказать, что это были женщины, закаленныя въ непрерывныхъ линейныхъ тревогахъ не хуже своихъ мужей и братьевъ. Приведемъ доказательство. На разсвѣтѣ одного дня, большое скопище горцевъ бросилось на одно изъ передовыхъ укрѣпленій и было отбито картечнымъ огнемъ съ чувствительнымъ для себя уономъ. Провѣдавъ, что въ одной изъ окрестныхъ станицъ никого кромѣ стариковъ и женщинъ не находилось, горцы направились къ этой станицѣ, въ увѣренности поправить свою неудачу ся раззореніемъ. Но каково было ихъ разочарованіе, когда, приближаясь къ станицѣ, они увидѣли на ея валахъ густые ряды казаковъ, совершенно готовыхъ къ оборонѣ, что подтверждалось и сигнальными выстрѣлами изъ станичной пушки. Порѣшивъ, что они введены въ заблужденіе ложнымъ извѣстіемъ, горцы прошли мимо и станица уцѣлѣла. А она уцѣлѣла благодаря единственно демонстраціи, сдѣланной казачками, которыя, какъ только завидѣли приближеніе непріятельскаго скопища, надѣли на себя кто шапку, кто башлыкъ, накинули мужскую одежду, вооружились вилами и ухватами и дружно высыпали, вслѣдъ за немногими стариками и подростками, на станичный валъ, сперва—чтобъ „помаячить“, а потомъ, еслибы пришлось, и постоять за станичку съ божьей помощью, за неимѣніемъ другой.

Кромѣ длинноты, несоразмѣрной съ силами населенія, линія волгскаго войска страдала еще отсутствіемъ географической твердости и, вслѣдствіе того, чаще испытывала тревоги и раззоренія, чѣмъ другая какая-либо

лучше прикрытая линейная часть. Въ виду этого, генералъ Ермоловъ призналъ полезнымъ занять нѣсколько передовыхъ пунктовъ и заселить ихъ новыми станицами, для чего приходилось выдвигать, или сполна, или частями, населеніе тѣхъ же волгскихъ станицъ. Такимъ образомъ, изъ Александровской станицы выведено было, въ 1825 году, 385 семействъ, и изъ этого числа 100 семей поселились на Подкумкѣ, у крѣпости Кисловодской, гдѣ образовали станицу Кисловодскую, 50 семей положили начало станицѣ Бургустанской, близь укрѣпленія того же наименованія, и 235 семей основали на р. Бугунтѣ станицу Есентукскую. Изъ Георгіевской станицы вышло 250 семей, изъ коихъ 200 водворились около Горячихъ Водъ (нынѣшняго Пятигорска) и образовали станицу Горячеводскую, а 50 семей приселились къ Бабуковскому аулу, на Подкумкѣ, и составили съ кабардинскимъ его населеніемъ станицу Бабуковскую. Станицы Маріинская и Павловская передвинуты были, въ 1829 году, на Малку и названы по именамъ бывшихъ тамъ постовъ Бѣломечетской и Приближной. Наконецъ, по именному высочайшему указу, данному правительствующему сенату 2-го декабря 1832 года, обращены въ казаки и причислены къ волгскому войску четыре гражданскія селенія, лежавшія по Кумѣ: Нижнеподгорное, Верхнеподгорное, Александрійское и Незлобное, въ которыхъ насчитывалось 629 дворовъ съ населеніемъ до 4.050 душъ обоего пола. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ обращеніи не было ничего искусственнаго или насильственнаго: однодворцы и экономическіе крестьяне названныхъ селеній, испытывая частыя тревоги, были уже настолько оказачены, что у нихъ нашлось при обращеніи въ казачество до 2.400 лошадей и 850 исправныхъ ружей. Да и какой же русскій человѣкъ не казакъ, по слову Лермонтова, въ душѣ!

Такими способами поддержано было воинственное населеніе волгскаго войска при многочисленныхъ лише-

ніяхъ, начавшихся для него съ самаго его передвиженія на Кавказъ съ Волги, по голодной астраханской степи. Въ длинномъ ряду этихъ лишеній первое мѣсто занимаютъ, конечно, потери въ людяхъ отъ непрерывныхъ непріятельскихъ набѣговъ, раззореній, убійствъ, захватовъ въ плѣнъ и, въ добавокъ, отъ чумы, нерѣдко появлявшейся на Кавказской Линіи и особенно свирѣпствовавшей въ 1806 и 1814 годахъ. Не смотря на все это, волгское войско, къ концу періода своей самостоятельной жизни, явило замѣчательный примѣръ выносливости и жизненности, исторически отличающихъ русское племя: въ 1832 году оно вошло въ составъ Кавказскаго Линейнаго войска, имѣя до десяти съ половиною тысячъ душъ населенія (обоего пола) и изъ того числа до 1.150 строевыхъ казаковъ. При поселеніи же войска на Кавказѣ въ 1778 году народонаселеніе его, какъ мы видѣли, состояло изъ 4.640 душъ обоего пола, а прибавка отъ причисленій не особенно была значительна.

Какъ о выдающемся, хотя и не единственомъ въ развитіи кавказской колонизаціи фактѣ, можно упомянуть о томъ, что Екатерининская станица волгскаго войска повышена была одно время на степень главнаго города въ краѣ. Въ 1785 году было учреждено Кавказское намѣстничество изъ двухъ губерній, Кавказской и Астраханской, при чемъ Екатерининская крѣпость и станица того же наименованія объявлены были главнымъ городомъ намѣстничества подъ именемъ Екатериноградa. Древній хозарскій Итиль, а потомъ столица татарскаго царства—Астрахань должна была преклониться предъ новымъ городомъ, номинально выросшимъ въ глухомъ углу, образуемомъ сліяніемъ Малки съ Терекомъ. Но городъ, даже номинально, не просуществовалъ и десяти лѣтъ. „Фортуна скрылася, одна сума въ глазахъ“. Осталась одна прежняя станица, только переименованная изъ Екатерининской въ Ека-

териноградскую. И при станицѣ остались до нашего времени никому ненужныя тріумфальныя ворота съ надписью: „Построены попеченіемъ генералъ-губернатора Потемкина“. Самая станица, носительница имени мертворожденнаго города, выбыла впослѣдствіи изъ состава волгскаго войска для образованія новой линейной части, къ обозрѣнію которой мы и перейдемъ.

Существовало правило, чтобы каждая линейная часть, войско или полкъ, обороняла своими силами всю территорію, занятую ея поселеніями. Между этими поселеніями возникали нерѣдко и гражданскія, оборона которыхъ лежала также на казакахъ. Генералъ Ермоловъ, взвѣсивъ несоразмѣрность территоріальнаго пространства съ численной силой волгскаго войска, призналъ необходимымъ, для достиженія нѣкотораго равновѣсія, организовать особую линейную часть между волгскимъ войскомъ и моздокскимъ полкомъ. Часть эта была устроена въ 1824 году подъ наименованіемъ *Горскаго полка*, въ составъ котораго поступили: горская казачья команда, учрежденная въ Моздокѣ при самомъ его основаніи изъ кабардинскихъ и другихъ горскихъ выходцевъ; Луковская станица, основанная при Моздокѣ же донскими переселенцами, вызванными, какъ мы видѣли, для пушкарской службы при крѣпостной артиллеріи; два осетинскія селенія, составившіяся изъ выходцевъ этого племени; четыре русскія гражданскія селенія, водворившіяся между казачьими станицами, и, наконецъ, екатериноградская станица волгскаго войска. Изъ перечисленныхъ элементовъ образовались, кромѣ Луковской и Екатериноградской, станицы: Горская, Черноярская (осетинская), Ново-осетинская, Павлодольская, Приближная, Прохладная и Солдатская. Такимъ образомъ, новый полкъ составился изъ девяти станицъ, съ населеніемъ до пяти съ половиною тысячъ душъ. Чрезъ четыре года (въ 1829 г.) онъ былъ усиленъ еще двумя станицами, Государственною и Курскою, обращенными изъ гражданскихъ поселеній тѣхъ же на-

именованій, и выставлялъ въ строй болѣе 800 казаковъ. Русскіе поселяне быстро превращались въ служилыхъ казаковъ, потому что еще до того были обстрѣляны, но инородческій элементъ, какъ ни считали его „обычнымъ въ войнѣ“, не былъ такъ податливъ на несеніе тяжелой линейной казачьей службы. Съ обращеніемъ горской команды въ составъ полка были сюда же зачислены и многія семейства осетинъ и адыговъ, жившія въ Моздокѣ безъ всякой службы подъ именемъ „моздокихъ казачьихъ братьевъ“ (какъ бы старинныхъ подсусѣдковъ); но этихъ братьевъ никакая правительственная сила не могла заставить побрататься съ казаками и служить ихъ службу. Такимъ образомъ сформированіе горскаго полка въ подавляющемъ большинствѣ изъ русскихъ людей показало, насколько состоятельна была давняя правительственная мысль найти достаточное подспорье къ умиротворенію горцевъ въ самихъ горцахъ.

Кромѣ того, образованіе горскаго полка было, такъ сказать, шестымъ днемъ въ мірозданіи кавказскаго казачества старой эпохи: этой частью, шестой по счету, закончился на восточномъ Кавказѣ циклъ самостоятельныхъ линейныхъ единицъ, подготовившихъ образованіе Кавказскаго Линейнаго войска. Мысль о собраніи этихъ единицъ въ одно цѣлое возникала еще въ прошломъ столѣтіи, когда только еще приступлено было къ заведенію моздоцко-азовской линіи. Въ 1776 году дано было высочайшее повелѣніе: „всѣ подъ разными названіями небольшія войски, оставя на мѣстахъ жительства, соединить въ одинъ корпусъ съ наименованіемъ астраханскимъ казацкимъ войскомъ, чрезъ что они получатъ связь“ *). Но послѣдовавшее вскорѣ перемѣщеніе центра тяжести изъ Астрахани въ Екатериноградъ повело къ оставленію указаннаго войсковаго наименованія, при чемъ и самое объединеніе „небольшихъ войскъ“ фактически не состоялось. Въ 1820 годахъ этотъ забы-

*) Полн. Собр. Закон. Т. XX, ст. 14.464.

тый вопросъ былъ поднятъ генераломъ Ермоловымъ, но опять отложенъ по случаю персидской и турецкой войнъ, и только уже по представленію графа Паскевича-Эриванскаго осуществленъ въ 1832 году. Въ эту эпоху всѣ линейныя казачьи части, жившія индивидуально по кубанскому и терскому бассейнамъ, за исключеніемъ нижняго теченія Кубани, занятаго Черноморскимъ войскомъ, были названы *Кавказскимъ Линейнымъ войскомъ*, съ территоріальнымъ протяженіемъ въ 700 верстъ, отъ Изряднаго-Источника на Кубани (пограничнаго поста съ Черноморскимъ войскомъ) до впаденія Терека въ Каспійское море. Войско получило значительное приращеніе въ населеніи обращеніемъ въ станицы тридцати слишкомъ гражданскихъ селеній, болѣе или менѣе свыкшихся съ пограничными тревогами. Въ томъ же 1832 году былъ назначенъ войсковой наказный атаманъ (генералъ-маіоръ Верзилинъ). Тѣ изъ старыхъ частей, которыя именовались войсками, получили названіе полковъ. Но это сдѣлано было только для однообразія въ названіяхъ; на самомъ же дѣлѣ каждая часть, оставаясь въ своихъ территоріальныхъ предѣлахъ, продолжала жить прежнимъ строемъ и порядкомъ, подчиняясь въ гражданскомъ отношеніи, каждая въ своемъ мѣстѣ, полицейскимъ и судебнымъ учрежденіямъ Кавказской области. Единственное измѣненіе выразилось въ томъ, что два Терскія войска, по причинамъ, объясненнымъ выше, чрезъ короткое время послѣ переименованія ихъ въ полки Терскій-Кизлярскій и Терскій-Семейный, слиты были въ одну часть и, какъ было уже сказано, составили Кизлярскій полкъ.

Если, при этомъ перестроѣ, одна изъ старыхъ частей убыла, то убыль эта пополнилась образованіемъ новой части по восточной дугѣ Терека, на военно-грузинской дорогѣ, между крѣпостями Екатериноградской и Владикавказской. Это важное сообщеніе, для охраненія котораго заведены были военныя поселенія же-

натыхъ солдатъ, постоянно подвергалось хищническимъ нападеніямъ горцевъ. Для болѣе прочнаго обезпеченія его безопасности, въ 1837 году приступлено было къ заселенію этого пространства двумя малороссійскими казачьими полками, сформированными въ 1831 году малороссійскимъ дворянствомъ для дѣйствій противъ польскихъ повстанцевъ, а потомъ обращенными на службу при войскахъ Кавказской Линіи. Семейные казаки названныхъ полковъ, съ присоединеніемъ къ нимъ нѣсколькихъ десятковъ семействъ изъ старыхъ линейныхъ станицъ и переселенцевъ изъ Черниговской, Харьковской и Воронежской губерній, а также и солдатскихъ семействъ упраздненныхъ въ то же время военныхъ поселеній, заняли кабардинскіе берега Терека, на протяженіи ста слишкомъ верстъ, восемью станицами, изъ которыхъ составился *Владикавказскій полкъ*. Населеніе этого полка въ состояніи было ставить на службу шесть боевыхъ сотень.

Занятіе передовой линіи къ западу отъ Владикавказа повело къ занятію такой же линіи и къ востоку—по Сунжѣ. Это была стратегическая и даже географическая необходимость для Владикавказской крѣпости, выдвинутой далеко впередъ отъ терской базы еще въ прошломъ столѣтіи, ради сообщенія съ Грузіей. О занятіи сунжинской линіи дѣлалъ предположенія генералъ Булгаковъ въ 1810 году, а чрезъ десять лѣтъ потомъ, генералъ Ермоловъ уже намѣтилъ ее сооруженіемъ крѣпости Грозной и другихъ полевыхъ укрѣпленій. Не доставало только казачьихъ станицъ, обыкновенно дополнявшихъ на Кавказѣ первое слово, сказанное такимъ или другимъ полевымъ укрѣпленіемъ. Выдвиганіе станицъ на Сунжу началось съ 1845 года, когда еще поселеніе Владикавказскаго полка не было вполнѣ закончено. Въ тоже время совершалось аналогичное выдвиганіе линіи и со стороны Кубани на Лабу. Въ жизни Кавказскаго Линейнаго войска наступилъ періодъ уси-

леннаго колонизаціоннаго движенія, поглотившаго много финансовыхъ, а еще больше человѣческихъ жертвъ, но за то оказавшаго громадное вліяніе на исходъ кавказской войны. Старые линейные бойцы, по охотѣ, по жребію, по станичнымъ приговорамъ, покидали отцовскіе и дѣдовскіе очаги и шли въ горы съ своими семействами и имуществами, а мѣста ихъ пополнялись русскими людьми, приливавшими изъ южныхъ губерній при правительственныхъ пособіяхъ. Съ этимъ внѣшнимъ движеніемъ совпало движеніе внутреннее—организаціонное. Въ 14 день февраля 1845 года Кавказскому Линейному войску высочайше даровано,—по примѣру войскъ Донскаго и Черноморскаго, особое положеніе, всесторонне опредѣлившее его военное и гражданское устройство. Въ гражданскомъ отношеніи войско отособилось отъ Кавказской области, получивъ свое внутреннее управленіе, съ высшими и низшими учрежденіями, а по военной части—всѣмъ общественнымъ единицамъ войска, какъ старымъ такъ и новымъ, дана однообразная организація, съ уравнительнымъ распредѣленіемъ ихъ населеній. Основа организаціи осталась старая—помѣстная или территоріальная, основа, должно сказать, историческая, существовавшая еще въ гетманскомъ малороссійскомъ войскѣ: каждый полкъ составилъ свой территоріальный округъ, а станицы въ округѣ подѣлились на сотни. Каждая сотня выѣзжала въ строй съ своимъ значкомъ, на которомъ изображался крестъ съ девизомъ: „Съ нами Богъ“. Казакъ во фронтѣ чувствовалъ стремя того же товарища, плетень котораго граничилъ съ его дворомъ въ станицѣ. Строевой составъ полка опредѣленъ въ шесть сотень обыкновенной эскадронной числительности. На одну строевую сотню положена тысяча, а на полкъ шесть тысячъ душъ мужскаго пола. Для достиженія такой нормы, въ старыхъ полкахъ потребовалось перечислить нѣкоторыя станицы изъ однихъ полковыхъ округовъ въ другіе,

смежные, а въ новыхъ добавить недостающее число жителей переселенцами изъ губерній, преимущественно малороссійскихъ. Полки сохранили свои старыя имена, а присвоенные каждому изъ нихъ цвѣта въ обмундированіи способствовали, можно сказать, къ удержанію каждымъ своей физіономіи. Но особенно замѣчательно то, что помѣстное военное устройство дало возможность и земскому или гражданскому строю придать простоту, такъ желательную русскому человѣку, такъ отвѣчающую складу его ума и характеру. Военное и гражданское управленіе было слито въ однихъ учрежденіяхъ—полковыхъ и станичныхъ правленіяхъ. Такая естественность и близость къ жизни устраняла многоначаліе и соединенное съ нимъ развитіе канцеляризма, бюрократическаго формализма. Ни одно изъ казачьихъ войскъ, за исключеніемъ развѣ уральскаго, не писало такъ мало бумагъ, какъ кавказское, и за то ни одно не работало такъ лихо винтовкою и шашкою.

Полки были распредѣлены на бригады. Счетъ бригадъ шелъ отъ Кубани къ Тереку. Волгскій полкъ, по избытку своего населенія раздѣленный на два полка, составилъ въ реорганизованномъ кавказскомъ войскѣ 6-ю бригаду, Горскій и Владикавказскій 7-ю, Моздокскій, Гребенской и Кизлярскій 8-ю. Но какъ войсковое положеніе 1845 года застало войско въ самомъ разгарѣ колонизаціоннаго движенія, а движеніе это влекло за собою развитіе строеваго состава войска, то чрезъ протеченіе извѣстнаго времени и показанное число бригадъ увеличилось. Въ восточномъ отдѣлѣ Кавказской Линіи, подлежащемъ настоящему обозрѣнію, колонизаціонное движеніе создало двѣ новыя бригады по бокамъ и, отчасти, внутри треугольника, въ вершинѣ котораго стояла крѣпость Владикавказъ.

Заселеніе Сунжи, начавшееся, какъ мы видѣли, въ 1845 году, совершалось, съ нѣкоторыми уклоненіями въ стороны и съ перерывами во времени, болѣе пят-

надцати лѣтъ. Географическая послѣдовательность уступала нерѣдко мѣсто злобѣ дня—относительнымъ, чтобъ не сказать случайнымъ соображеніямъ отряловъ, дѣйствовавшихъ наступательно противъ Шамиля. Какъ бы то ни было, но по сунжинскому бассейну, въ показанный періодъ времени, водворилось три новыхъ полка: одинъ занялъ вершины Камбилея, Сунжи и длиннѣйшаго изъ ея притоковъ, Ассы—семью станицами; другой заселилъ среднее теченіе Сунжи съ боковымъ сообщеніемъ отъ нея къ Моздоку—семью станицами, и третій нижнее теченіе Сунжи до Брагуновъ и Горячихъ водъ—восемью станицами. Первый изъ этихъ передовыхъ полковъ названъ *2-мъ Владикавказскимъ* и вмѣстѣ съ 1-мъ полкомъ того же наименованія составилъ новую бригаду *), два остальные полка названы *1-мъ* и *2-мъ Сунжинскими* и также составили особую бригаду.

Съ развитіемъ Кавказской Линіи усложнялось ея управленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ нарушалось и единство управленія Кавказскаго Линейнаго войска. Свободное отъ многоначалія внутри, оно подвергалось ему извнѣ. По учрежденію, непосредственное управленіе войскомъ принадлежало одному войсковому наказному атаману, но по военнымъ обстоятельствамъ въ него вмѣшивались многіе распорядители, а именно: начальникъ праваго фланга линіи, начальникъ центра, начальникъ владикавказскаго округа, начальникъ лѣваго фланга, и, въ добавокъ, начальники разныхъ кордоновъ. При фельдмаршалѣ князѣ Барятинскомъ расчлененіе это увращевалось простымъ способомъ: кавказская линія раздѣлена географически на двѣ половины, названныя правымъ крыломъ и лѣвымъ крыломъ, и по этому дѣленію положены два только начальника. Правое крыло прости-

*) При чемъ моздокскій полкъ составилъ бригаду съ горскимъ, а гребенской съ кизлярскимъ. Нынѣшнія составныя названія полковъ произошли отъ именъ ихъ бригадныхъ составовъ.

ралось по кубанскому, лѣвое по терскому бассейну. Въ 1860 году, первое переименовано въ Кубанскую, а послѣднее въ Терскую область. Начальники того и другаго крыла получили званіе начальниковъ областей и командующихъ войсками въ ихъ предѣлахъ. Въ областяхъ, кромѣ казаковъ и горцевъ, за незначительнымъ исключеніемъ въ пользу гражданскаго элемента, никого больше не было. Гражданскій элементъ сосредоточивался въ Ставропольской губерніи, стоявшей посединѣ между двумя областями. Чтобы дать областямъ гражданское значеніе, нужно было или Ставропольскую губернію распредѣлить пополамъ между ними, или наполнить ихъ другимъ земскимъ содержаніемъ. Рѣшено было Ставропольской губерніи не упразднять, а содержаніе областямъ создать посредствомъ учрежденія въ ихъ предѣлахъ двухъ казачьихъ войскъ на томъ же географическомъ основаніи и подъ тѣми же наименованіями, какъ были сочинены и области. Новаго созидать тутъ ничего не приходилось, требовалось только перестроить существовавшія уже два казачьи войска, Кавказское и Черноморское. Къ осуществленію этого, первыя шесть бригадъ Кавказскаго и все населеніе Черноморскаго войскъ, то есть казачество кубанскаго бассейна составило *войско Кубанское*, а тоже казачество терскаго бассейна—*войско Терское*. Отличительные цвѣта въ обмундированіи присвоены—первому красный, а послѣднему голубой. Войсковое правленіе и другія высшія учрежденія Кавказскаго Линейнаго войска отошли къ войску терскому. Оно же наслѣдовало и архивъ Кавказскаго войска. Для кубанскаго же войска остались въ дѣйствіи высшія учрежденія бывшаго войска Черноморскаго. Званіе наказнаго атамана войска кубанскаго присвоено командующему войсками кубанской области, а какъ въ это время одно и тоже лицо (генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ) было командующимъ войсками и терской области, то въ терское войско былъ назна-

ченъ къ исправленію должности наказнаго атамана начальникъ штаба упраздненнаго войска Кавказскаго.

Образованіе двухъ казачьихъ войскъ на Кавказѣ, получившихъ именованія по двумъ первостепеннымъ рѣкамъ края, совершилось въ 1861 году. Десять почти лѣтъ послѣ этого событія, пока терская область составляла одинъ только географическій терминъ, нынѣшнее Терское войско продолжало существовать тѣмъ же строемъ, какимъ жило оно въ составѣ Кавказскаго Линейнаго войска, по войсковому положенію 1845 года. Наконецъ, въ 1870 году была фактически образована Терская область «изъ земель терскаго казачьяго войска, крестьянъ и горскихъ округовъ», со введеніемъ управленія „на основаніи общаго губернскаго учрежденія“. Должность начальника области соединена съ должностью наказнаго атамана въ одномъ лицѣ; общественныя управленія въ станицахъ подчинены окружнымъ (уѣзднымъ) и городскимъ полиціямъ области. Введены судебные уставы 20 ноября 1864 года *). Войсковое сословіе вступило въ тѣже административныя формы гражданской жизни, въ какихъ живутъ другія сословія въ государствѣ. Но по военной части, въ томъ же 1870 году, издано особое положеніе, которымъ строевой составъ войска и самый способъ отбыванія воинской повинности измѣнены кореннымъ образомъ. Вмѣсто поголовной службы по старому уставу и обычаю, выдѣленъ изъ общей цифры мужскаго населенія извѣстный контингентъ, обязанный отбывать воинскую повинность, а остальные люди служебнаго возраста обращены въ «неслужилый разрядъ» съ обязательствомъ платить, взамѣнъ службы, денежный налогъ въ войсковую казну. Что до строевой организаціи войска, то, не упоминая объ артиллерійскихъ и другихъ частяхъ, скажемъ только, что на мѣсто пяти бригадъ, отошедшихъ отъ кавказскаго линейнаго войска,

*) См. два имен. высоч. указа, данные правит. сенату въ одинъ день, 30 декабря 1869 года.

образовано пять конныхъ полковъ четырехсотенныхъ, съ тройнымъ численнымъ составомъ: во первыхъ, для того, чтобы казакъ, при мирномъ теченіи государственной жизни, имѣлъ за одинъ годъ службы два года льготы, и, во вторыхъ, чтобы въ случаѣ войны къ каждому изъ пяти полковъ можно было прибавить еще два. Полкамъ оставлены ихъ историческія имена. Имена эти исчислены въ началѣ настоящаго очерка.

Кавказскій казакъ слишкомъ много пережилъ невзгодъ, слишкомъ много принесъ жертвъ за время кавказской войны (начало которой онъ считаетъ гораздо ранѣе, чѣмъ какъ это дѣлаютъ ученые описатели ея), чтобы не принять совершившіяся въ его судьбѣ перемѣны съ глубокой покорностью своему долгу. Онъ благословилъ государственныя и сословныя улучшенія, коснувшіяся всего, что носило на себѣ печать рабства и народнаго удрученія. Радостно ощутилъ онъ ослабленіе своего безвыходнаго прикрѣпленія къ войсковому сословію, по давно отжившему стрѣлецкому уряду, — отмѣну неумолимаго приговора: умри тѣмъ, чѣмъ ты родился. Эта безвыходность, не оставлявшая изъятія ни для какой выслуги и распространявшаяся даже на женскую личность казачьей касты, глушила дарованія, упрятывала таланты въ землю, ибо извѣстно, что не бываетъ пророка въ своей землѣ, и что самое растеніе не переходитъ въ состояніе культуры безъ пересадки изъ той почвы, на которой оно прозябло. Но это не все: съ расторженіемъ сословныхъ оковъ даровано право недвижимой собственности, а до того было такъ, что домъ, построенный обывателемъ не на воздухѣ, конечно, а на землѣ, признавался его собственностью, а земля подъ домомъ нѣтъ. Снятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданскій запретъ, чтобы никто къ намъ и мы ни къ кому: открыто право гражданства и осѣдлости иносословному человѣку въ казачьемъ обществѣ, и иносословный согражданинъ подсобитъ казаку въ земской тяготѣ, а не то и въ об-

работкѣ его нивы. Сокращенъ срокъ службы и дана чистая отставка, каковой прежде ни простому, ни чиновному казаку не полагалось. Съ окончаніемъ кавказской войны не стало живой школы для боеваго развитія казака, но ее замѣнила другая, уже не столько суровая и болѣе просвѣтительная школа—„щобъ бувъ казакъ, а не мугирь“ *). Терскій казакъ не сдѣлался мугиремъ, и духъ кавказскаго линейнаго казака несомнѣнно живетъ въ немъ среди новаго уклада гражданской жизни войска. Этотъ крѣпкій духъ, по старому готовый на всякія жертвы, сказался въ поголовномъ снаряженіи терцевъ на войну, недавно нами пережитую. Крайняя тягость этого снаряженія, съ одной, и равное ей одушевленіе, съ другой стороны, засвидѣтельствованы атаманскимъ приказомъ по Терскому войску отъ 22 ноября 1876 года (№ 20), въ такихъ словахъ: «Знаю, товарищи, чего вамъ стоило это снаряженіе послѣ бѣдствій, постигшихъ край въ нынѣшнемъ году: послѣ майскихъ морозовъ, уничтожившихъ сады, послѣ засухи, доведшей до совершеннаго безплодія ваши луга и нивы, послѣ саранчи, унесшей многіе посѣвы на кизлярскихъ низменностяхъ. Знаю, что отцы выводили на продажу послѣдній скотъ, для того чтобы купить коней сыновьямъ, что жены ваши, оставляя дѣтей, сами становились за плугъ»...

А все-таки оба близнеца—и голубое войско терское, и алое кубанское—вздыхаютъ порою по славномъ имени войска кавказскаго, имени дорогомъ, добытомъ вѣковыми усиліями, подвигами, жертвами...

Такова въ бѣглыхъ чертахъ исторія трехвѣковой жизни терскихъ казаковъ, отъ эпохи присоединенія рязанскаго княжества къ великому княжеству московскому до нашихъ дней. Исторія эта, естественнымъ образомъ, распадается на три періода: начало перваго періода теряется въ туманѣ временъ малопонятнаго въ нашъ вѣкъ

*) Стихъ изъ перелицованной энеиды Котляревскаго.

появленія вольнаго русскаго казачества и оканчивается образованіемъ кавказскаго линейнаго казачьяго войска, въ 1832 году; второй періодъ обнимаетъ пространство времени отъ образованія названнаго войска до раздѣленія его на кубанское и терское, въ 1860 году, и послѣдній—отъ начала существованія нынѣшняго Терскаго войска, съ 1861 года, по настоящее время.

Относительно перваго періода слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь мы встрѣчаемся не съ особенно людными, но самобытными обществами или единицами, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою исторію, потому что каждая жила, большій или меньшій срокъ, сама по себѣ, завоевывая каждый день своего существованія, пока не вошла въ составъ значительно большей ея исторической величины. А потому, прежде чѣмъ описывать эту большую величину, историкъ обязанъ сдѣлать тоже относительно каждой изъ единицъ, послужившихъ ея образованію. Послѣдовательное обозрѣніе житья-бытья этихъ единичныхъ военныхъ братствъ, въ хронологическомъ порядкѣ, тѣмъ для насъ интереснѣе, что по нимъ, какъ по живымъ этапамъ, мы можемъ прослѣдить возникновеніе и постепенное распространеніе русскаго владычества на Кавказѣ, отъ перваго челобитья кабардинскихъ князей Іоанну Грозному, до гунибскаго плѣненія Шамиля.

Программа и источники.

Въ поверхностномъ очеркѣ, на предъидущихъ страницахъ представленномъ, предъ нами прошли въ лѣтописномъ порядкѣ слѣдующія единицы перваго періода:

1. Гребенское войско.
2. Терское-Кизлярское войско.
3. Терское-Семейное войско.
4. Моздокій полкъ.
5. Волгское войско.
6. Горскій полкъ.

Къ нимъ прибавились во второмъ періодѣ:

7. Владикавказскій полкъ, первый.
8. Владикавказскій полкъ, второй.
9. Сунжинскій полкъ, первый.
10. Того же имени полкъ, второй.

Затѣмъ, въ послѣднемъ періодѣ представляется уже, какъ окончательно сложившееся изъ всѣхъ перечисленныхъ частей, одно стройное цѣлое—Терское войско нашего времени.

Вотъ программа предпринятаго нами историческаго труда. Первой задачей стоитъ въ ней *Гребенское войско*, и мы предлагаемъ историческій очеркъ этого старѣйшаго на Кавказѣ казачьяго войска въ предлежащемъ первомъ выпускѣ. Чтобъ исчерпать указанную программу, само собою разумѣется, должны послѣдовать еще другіе выпуски, и за ними дѣло не станетъ, если изыскатель кавказскихъ архивовъ самъ не поступитъ прежде

въ тотъ всемірный архивъ, аможе всѣ человѣцы пойдемъ. Historia longa, vita brevis.

Переходя отъ программы къ источникамъ, послужившимъ къ выполненію первой задачи, составляющей заглавіе предлежащаго перваго выпуска, необходимо оговориться, что при этой работѣ пришлось не разъ натолкнуться на такой или другой важный вопросъ русской исторіи, потому что исторія казачества есть исторія русскаго народа въ колонизаціонно-завоевательномъ отношеніи. Отыскивая исторической правды и справедливости, мы останавливались, между прочимъ, на мнѣніяхъ историческихъ авторитетовъ по вопросу: что за явленіе было въ старой Руси вольное казачество? Въ одномъ мѣстѣ говорятъ намъ, что казачество, какъ явленіе чисто народное, связывается въ богатырскомъ эпосѣ русскаго народа съ вольной дружиной древнекняжеской. Мы допускаемъ эту связь въ силу логической послѣдовательности и преемственности историческихъ явленій. Но когда, въ другомъ мѣстѣ, хотятъ доказать намъ, что тоже казачество было элементомъ противообщественнымъ и противогосударственнымъ, мы не находимъ достаточной убѣдительности въ доводахъ и выводахъ, построенныхъ на отдѣльныхъ фактахъ или явленіяхъ. Тутъ уже мы дѣлаемъ самостоятельный шагъ и ищемъ инаго объясненія въ историческомъ законѣ, особенно примѣнимомъ къ государственному росту нашего отечества. Это тотъ законъ или фатумъ, по которому какое-нибудь исключительное противодѣйствіе политическаго характера, въ концѣ концовъ, достигнувъ значенія совершившагося факта, становится осязательнымъ содѣйствіемъ и разрѣшается обратными послѣдствіями. Въ силу такого-то закона, вольное русское казачество, въ которомъ доживалъ воинственный духъ вольныхъ дружинъ древнекняжескихъ, хотя и стремилось „самодурью“ за рубежъ—въ «молодечество», и этимъ своеобразнымъ стремленіемъ какъ бы протестовало противъ государ-

ственнаго процесса — собиранія земли русской, но оно же вмѣстѣ съ тѣмъ тянуло за собою тяжелую ношу предѣловъ своей обороняющейся и объединяющейся родины, ускоряло безпримѣрное ея расширеніе и закрѣпляло своими городками и вышками каждую новую фазу ея объединенія. Увлекаясь въ грубый политическій расколъ по отношенію къ государственной идеѣ, оно было тѣмъ не менѣе носителемъ монархическаго начала, воспитаннаго въ дружинахъ древнекняжескихъ, которымъ за обычай было потянуть по своемъ князѣ, лечь костьми подъ его стягомъ. Не признавало оно московскихъ бояръ и приказовъ, не любило ихъ, не имѣло вѣры къ нимъ, но чтило и любило, иногда не слушалось, иногда прогнѣвляло, никогда не оскорбляло—Царя; къ нему—надежѣ посылало бить челомъ свою зимовую станицу, ему — батюшкѣ, несло свою повинную голову, а царь, надежда и отецъ народа, жаловалъ его — то Дономъ, рѣкою великою, то «Терекомъ Горыничемъ, отъ гребня до моря до Каспицкаго».

Не составляло исключенія и то особое братство вольнаго казачества, о которомъ предстоитъ намъ рѣчь—*Гребенское войско*. Оно жаловано рѣкою вольною Терекомъ Горыничемъ, когда его станица приходила съ кавказскихъ предгорій или гребней въ Москву съ князьями кабардинскими и, вмѣстѣ съ ними, била челомъ Іоанну IV Васильевичу. Это событіе—вполнѣ или отчасти историческое. Но какимъ образомъ эта фракція русскаго казачества зашла на Терекъ и осѣла гребни по сосѣдству съ вольнымъ народомъ кабардинскимъ, вопросъ этотъ остается еще нетронутымъ нашей исторіографіей. Встрѣчается, правда, сочиненіе о какомъ-то волжскомъ атаманѣ Андреѣ, который, потерпѣвъ кораблекрушеніе съ тремя стами казаковъ, завоевалъ потомъ съ голыми руками извѣстное кумыцкое владѣніе Эндери и назвалъ его Андреевой деревней. Чтобъ не повторять подобныхъ легендъ, мы должны были обратиться къ

мѣстнымъ кавказскимъ преданіямъ, казацкимъ и горскимъ. Кромѣ другихъ находокъ, судьба послала намъ рукописный сборникъ искомыхъ преданій, оставшійся послѣ человѣка науки, носившаго сѣрую солдатскую шинель и убитаго въ одной изъ вельяминовскихъ экспедицій за Терекомъ, въ 1830-хъ годахъ. Рукопись эта, въ такомъ или иномъ видѣ, сохранилась въ домашней библіотекѣ казачьяго генерала, родовитаго гребенца Ѳ. Ф. Федюшкина, прадѣдъ котораго находился въ числѣ пятисотъ гребенскихъ казаковъ, погибшихъ въ хивинскомъ походѣ князя Бековича Черкасскаго, въ 1717 году. Получивъ эту рукопись въ свое распоряженіе, мы пользовались ею, когда встрѣчали пробѣлы въ другихъ болѣе авторитетныхъ источникахъ, или когда послѣдніе могли пополниться оттуда какими-либо подробностями.

Другимъ непечатнымъ пособіемъ служилъ намъ рукописный сборникъ разныхъ замѣтокъ, отрывковъ и выписокъ покойнаго изыскателя П. Г. Буткова, болѣе крупные труды котораго напечатаны академіей наукъ въ 1869 году. Ей же принадлежитъ и указанный рукописный сборникъ, въ пользованіи которымъ не отказало намъ это просвѣщенное учрежденіе, при посредствѣ главнаго управленія казачьихъ войскъ.

Главнѣйшимъ же образомъ, благодаря высокопросвѣщенному покровительству Е. И. В. Великаго Князя Намѣстника Кавказскаго, служили нашему дѣлу кавказскіе архивы: 1) Ставропольскій военный (бывшаго штаба войскъ Кавказской Линіи и Черноморіи). 2) Ставропольскій губернскій, въ которомъ немало старыхъ дѣлъ, перешедшихъ изъ Астрахани. 3) Кизлярскій комендантскій, самый старый, но значительно спольированный. 4) Терскій войсковой, и 5) часть стараго архива астраханской духовной консисторіи, переданная въ таковую кавказскую при учрежденіи епископской каѳедры въ Ставрополѣ, въ 1840-хъ годахъ.

Изъ печатныхъ источниковъ были доступны въ нашемъ кавказскомъ далекѣ:

1. Исторія Государства Россійскаго. Н. Карамзина. Изд. 5, И. Эйнерлинга, 1842 г.

2. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Изд. 1870 г.

3. Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устрялова. Изд. 1858—1859 г.

4. Исторія Рязанскаго княжества. Соч. Иловайскаго. Изд. 1858 г.

5. Исторія Сибири. Миллера. Изд. 1750 г.

6. Исторія Россіи Кн. Щербатова.

7. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ.

8. Книга большому чертежу.

9. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными.

10. Степенная книга.

11. Александро-невская лѣтопись (неизданная).

12. Акты историческіе, собранные Археографическою Коммисіею. Изд. 1841 и 1842 г.

13. Акты, собранные Археографическою Экспедиціею Императорской Академіи Наукъ. Изд. 1836 г.

14. Дополненіе къ актамъ историческимъ Археографической Коммисіи.

15. Акты, собранные Кавказскою Археографическою Коммисіею. Т. I—VII. Изд. 1866—1878 г.

16. Полное собраніе законовъ Россійской имперіи съ 1649 года.

17. Сказанія Русскаго народа. Н. Сахарова. Изд. 1841 г., кн. 3.

18. Новѣйшія географическія и историческія извѣстія о Кавказѣ. С. Броневскаго. Изд. 1823 г.

19. О Кавказской Линіи и присоединенномъ къ ней Черноморскомъ войскѣ. І. Дебу. Изд. 1829 г.

20. Бунтъ Стеньки Разина. Н. Костомарова. Изд. 1859 г.

21. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. М. Погодина. Изд. 1864 г.

22. Очерки быта уральскихъ казаковъ. І. Желѣзнова. Изд. 1858 г.

23. Политическія движенія Русскаго народа. Д. Мордовцева. Изд. 1871 г.

24. Земство и расколъ. А. Щапова. Вып. 1, изд. 1862 г.

25. Матеріалы для новой исторіи Кавказа съ 1722—1803 г. П. Г. Буткова. Изд. 1869 г.

26. Матеріалы военноученаго архива Главнаго Штаба, изд. 1871 г. Т. I, подъ редакц. А. Ѳ. Бычкова.

27. Историческое описаніе земли войска Донскаго. Изданіе областн. В. Д. статистическаго комитета 1872 г.

28. Трехсотлѣтіе войска Донскаго, 1570—1870 г. А. Савельева. Изд. 1870 г.

29. Сборникъ донскихъ народныхъ пѣсень, составлен. А. Савельевымъ, изд. 1866 г.

30. Сборникъ свѣдѣній о Терской Области. Изданіе областн. статист. комит. 1878 г.

И. П.

1 мая 1880 года.
Ставрополь (Кавказскій).

I.

ГРЕБЕНСКОЕ ВОЙСКО.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Вступительный очеркъ трехвѣковой жизни терскихъ казаковъ	I
Программа и источники	XXXVIII
I. Откуда взялось Гребенское войско	1.
II. При какихъ обстоятельствахъ водворилось Гребенское войско на Кавказѣ. Какъ началась его служба государству и какую прибавку дало его населенію волжское казачество .	20.
III. Какую имѣли судьбу первые походы русскихъ въ Дагестанъ. Какія потери въ боевыхъ людяхъ несло Гребенское войско и какъ онѣ пополнялись	34.
IV. Какъ отнеслось Гребенское войско къ смутному времени на Руси. Въ чемъ выражался колонизаціонный и боевой характеръ войска. Въ какихъ походахъ обозначалась его дальнѣйшая служба	49.
V. Какъ дѣйствовало московское правительство на шамхала и другихъ горцевъ восточнаго Кавказа. Какъ сдѣлана была первая попытка къ занятію предгорій полевыми укрѣпленіями. Какой службой и какой культурой заявили себя при томъ русскіе обитатели предгорій или Гребней	60.
VI. Какъ воеводскій городъ Терки подкрѣплялся служилыми людьми и куда дѣвались эти люди. Какъ разросталось молодечество вольнаго казачества на Каспійскомъ морѣ и на сколько были причастны къ нему гребенскіе казаки. Какъ охраняли они сообщенія Терскаго воеводства. Какъ отно-	

сились къ буйнымъ предпріятіямъ Стеньки Разина. Въ какихъ отношеніяхъ стояли они къ роду князей Черкаскихъ, собирателей низоваго Терскаго казачества . . . . . 80.

VII. Какъ донскіе раскольники водворялись на Кумѣ и во владѣніяхъ Шамхала. Въ какихъ отношеніяхъ стояли къ нимъ и какими службами доказывали вѣрность свою правительству гребенскіе казаки . . . . . 86.

VIII. Какія перемѣны послѣдовали въ положеніи Гребенскаго войска къ исходу XVII столѣтія. Какъ отселилось оно отъ Гребней къ устью Сунжи. Какъ отнеслось къ бунту астраханскихъ стрѣльцовъ въ 1705 году. Какое значеніе имѣло оно для Терскаго воеводства . . . . . 95.

IX. Какъ гребенскіе казаки положили краеугольный камень Кавказской Линіи. Какъ ходили они съ княземъ Бековичемъ-Черкаскимъ въ Хиву. Что ожидало ихъ при построеніи крѣпости Св. Креста на Сулакѣ. Какую службу служили они по наряду фельдмаршала Миниха. Насколько сохранились у нихъ памятники объ ихъ далекомъ прошломъ . . . . 108.

X. Какъ сложился боевой и домашній бытъ гребенскихъ казаковъ на Кавказѣ. Какой былъ у нихъ стародавній общинный строй, земскій и военный. Какъ привносились новыя черты въ этнографическій типъ ихъ населенія. Какъ шло у нихъ церковное назиданіе . . . . . 109.

XI. Какъ вошелъ расколъ въ Гребенское войско . . . . . 129.

XII. Какимъ характеромъ обозначился расколъ въ Гребенскомъ войскѣ. Какъ устроился экономическій бытъ войска на Терской линіи . . . . . 169.

XIII. Какъ устаивала старинная автономія Гребенскаго войска. Какимъ порядкомъ отправлялась служба государева. Какъ опредѣлился служилый составъ войска съ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ. Какую роль играли зимовыя станицы. Какія перемѣны послѣдовали въ старшинской іерархіи. Какія лишенія несли чиновные и простые казаки въ служебномъ быту. Какъ устроились артиллерійская и медицинская части въ войскѣ. Какія повинности отбывало войско въ земскомъ быту. Какую стихійную повинность налагали на него разливы Терека . . . . . 187.

XIV. Гнѣвъ Терека Горынича (легенда) . . . . . 223.

XV. Какъ кавказская война вліяла на жизнь гребенскихъ казаковъ, какія ставила условія этой жизни и какую давала ей обыденную обстановку. Какими нарядами и походами отправляли они внѣшнюю службу государеву. Въ какомъ эпизодѣ выразилась разумная терпимость гребенскаго раскола. Въ какомъ качествѣ войско Гребенское вошло въ составъ Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска 242

XVI. Какъ рушилось отжившее самоуправленіе и водворился новый порядокъ въ общественномъ быту Гребенскаго войска. Какъ жилось въ огороженныхъ станицахъ. Какъ добывались работники и водилось куначество съ затеречными сосѣдями. Въ какихъ чертахъ представляются народное образованіе, нравственность и матеріальное благосостояніе гребенскаго населенія въ эпоху появленія на Кавказѣ Линейнаго казачьяго войска . . . . . 285.

Примѣчанія . . . . . 313.
Приложенія . . . . . 433.

ГРЕБЕНСКОЕ ВОЙСКО.

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу...
А. Пушкинъ.

I.

Откуда взялось Гребенское войско.

На зимнихъ квартирахъ въ азіятской Турціи мы часто слыхали поговорку, что куда придетъ русское войско, туда придетъ и русская зима. Можно бы добавить, что куда ни забѣгутъ русскіе люди, хотя-бы „самодурью“ безъ видимой государственной цѣли, туда придетъ и русское царство. Такъ, малозначущая станица донскихъ казаковъ, съ Игнатомъ Некрасовымъ, изъ за бороды, изъ за сугубой аллилуи и двуперстнаго сложенія, покинувъ самодурью родные берега Дона, забѣжала когда-то въ глушь владѣній крымскаго хана, на Кубань, „рѣку великую, что вѣчно съ кровью течетъ!“ и, казалось, скрылась навсегда изъ глазъ тогдашней Руси; но вышло не такъ: едва начали сѣдѣть бороды втораго поколѣнія, какъ уже Кубань сдѣлалась русской рѣкой, второй русской, — какъ поспѣшили было повеличать ее,—Волгой. Другой примѣръ: изъ за тѣхъ

же непонятныхъ интересовъ, несговорчивые наши раскольники задумали какъ-то укрыться за рубежъ, на Вѣтку, чаяху обрѣсти обѣтованную землю въ католическомъ государствѣ, но чаяніе ихъ не было въ правду, потому что православное отечество не замедлило ихъ настигнуть и обѣтованную ихъ землю сдѣлать русской губерніей. Но это событія не такъ большой давности: случились они какихъ-нибудь полтора вѣка тому назадъ или не много раньше. Намъ предстоитъ вдвое дальше отойти назадъ, въ стародавнее время, и поставить на видъ такія же событія изъ эпохи собиранія земли русской, стягиванія во едино государства московскаго.

Мы знаемъ, что первымъ удѣлособирателемъ и устроителемъ нашего государственнаго единства былъ Іоаннъ III, перенесшій двуглаваго византійскаго орла на башни московскаго кремля; знаемъ также, что великое дѣло его продолжалось чрезъ весь XVI вѣкъ. Мы соглашаемся съ тѣми, которые дѣлаютъ замѣчаніе, что вѣкъ этотъ былъ для Россіи тѣмъ же, чѣмъ предъидущія сто лѣтъ были для Франціи—вѣкъ тяжелый, исполненный непрерывныхъ бореній и потрясеній, но за то обильный историческими послѣдствіями, до нынѣ еще вполнѣ неисчерпанными. Геній Лудовика XI, изъ рукъ котораго вышла объединенная Франція, геній, работавшій въ тихомолку, не разбиравшій орудій и средствъ, предпочитавшій шумнымъ битвамъ глухіе удары карающей сѣкиры, какъ будто перенесся съ береговъ Сены на берега Москвы-рѣки, къ такимъ же царственнымъ зодчимъ, возводившимъ изъ многихъ разрозненныхъ частей одно великое государственное зданіе,—къ двумъ Іоаннамъ, дѣду и внуку. Задача дѣда была чрезмѣрно трудна: его великое княжество укладывалось въ неширокіе предѣлы, было окружено удѣлами независимыми, часто даже враждебными и ищущими союзовъ съ чужеземцами; чужеземцы же владѣли цѣлыми тремя четвертями государственной области будущей Россіи. Москвѣ

угрожали съ запада Ливонія, Литва, Польша, а на востокѣ всеподавляющій татаринъ держалъ въ своихъ желѣзныхъ рукахъ Волгу, Донъ, Яикъ, три моря, — и Золотая Орда приходила періодически жечь предмѣстья столицы. Первому строителю единаго русскаго государства выпадало на долю ломать удѣлы, прикрѣплять ихъ къ Москвѣ и устранять безпокойныхъ удѣльныхъ владѣтелей, а своевольныя ихъ дружины стягивать подъ одно общее знамя, дабы передать своему внуку силу, достаточно сосредоточенную для отнятія у Золотой Орды Дона, Волги и Яика со взморьями и для окончательнаго рѣшенія страшнаго монгольскаго вопроса въ пользу Европы противъ Азіи.

Мы не имѣемъ надобности распространяться о томъ, какъ собиралась земля русская, какія происходили при томъ ломки и какъ велась постройка; мы должны сказать объ одномъ только явленіи изъ государственной жизни Россіи того переходнаго времени. Извѣстно, что въ домонгольскій періодъ этой жизни настоящую вооруженную силу удѣльныхъ князей составляли ихъ дружины. Княжіе дружинники были люди охочіе, вольные, не крѣпкіе землѣ, какими были полки земскіе. Они служили лицу князя, который тоже не былъ крѣпокъ въ своей волости, и когда князь, волей или не волей, перемѣщался изъ одной волости въ другую, то и дружинники слѣдовали за нимъ, за его стягомъ. При всемъ томъ они пользовались свободнымъ правомъ переходить отъ одного вождя къ другому—кто былъ имъ больше любъ. Земскіе полки набирались только по временамъ изъ людей тяглыхъ, которые снаряжались и снабжались запасами отъ обработываемой ими земли; дружина, составляя особое отъ земства военное братство или войско постоянное, земли не обработывала, ничего отъ нея не получала, а снаряжалась и кормилась отъ своего вождя—князя, изъ тѣхъ даней, которыя собиралъ онъ съ земли. Ея судьба неразрывно была связана съ судьбою князя,

который, въ силу этой связи, переходившей даже въ зависимость, ничего не предпринималъ безъ совѣта и думы въ «кругу» своей дружины. За то дружина платила ему беззавѣтной преданностью и вѣрностью на жизнь и смерть. Земская рать, въ день боя, могла колебаться и пятиться, когда вспомнятся дѣтушки малыя, полоса недопаханная; но дружина говорила: „братья, потянемъ по нашемъ князѣ и по землѣ русской“, и ложилась костьми подъ стягомъ княжьимъ. Дружинникамъ, какъ войску по профессіи, нужна была война, а нѣтъ войны, подай хоть разбой, — и они особенно любили князей предпріимчивыхъ, часто садившихся на коня, отбивавшихъ удѣлы у болѣе слабыхъ родичей. У князей, обогащавшихся корыстями войны, правой или неправой — все равно, дружинники ходили въ праздничныхъ нарядахъ, жили въ веселомъ довольствѣ. Но вотъ наступило тяжелое время татарскаго порабощенія, отнята у князей ихъ прежняя власть и воля, рядятъ землю и дань съ нея берутъ ордынскіе баскаки; тогда уже пропала воля и добрая доля и княжескихъ дружинъ. Не станетъ баскакъ-татаринъ думы думать съ дружиною и не подѣлится съ ней земской данью. Дань пойдетъ въ Золотую Орду и, за прибавку къ ней, орда пошлетъ свое татарское войско, когда князю понадобится воевать съ другимъ княземъ. Куда же дѣваться, что дѣлать и какъ жить дружинѣ, не привыкшей за плугомъ ходить, ни дань платить, ни спину гнуть предъ волостелями? Надобно припомнить, что дружина дѣлилась на старшую—меньшинство,—и младшую,--большинство,—что старшая сама, изъ своей среды, давала волостелей: изъ нея вышли бояре. Надобно еще припомнить, что Золотая Орда умѣла практиковать всесвѣтное правило: раздѣляй и властвуй; такъ вотъ, благодаря этому правилу, дружинные бояре, равно какъ и самые князья, съумѣли ужиться съ татарскимъ ярмомъ и продолжать усобицы съ помощью наемнаго татарскаго войска. Но младшая дружина, ря-

довые бойцы, видя свое безвременье, разбрелись и пошли туда, куда трудно было достигать власти баскаковъ, потянулись на „рубежъ“ и „на поле“, гдѣ можно было укрыться въ туманѣ пустыннаго простора, прожить капканомъ и неводомъ, да поразмять свое плечо богатырское—перевѣдаться съ передовымъ татарскимъ бездомовникомъ—казакомъ, и защитить своего русскаго, неудержимо двигавшагося впередъ лапотника-колонизатора, съ топоромъ за поясомъ,—„потянуть по землѣ русской“. Такимъ-то образомъ бойкіе люди осиротѣлой младшей дружины начали уходить на юго-восточныя окраины порабощенной земли русской, и отъ первыхъ своихъ татарскихъ встрѣчниковъ—казаковъ, назвались и сами казаками. И не только назвались, а еще стали усвоивать ихъ снаряженіе, вооруженіе, боевые пріемы и хитрости,—что продолжалось съ тѣхъ поръ до самой кавказской войны.

Въ казачествѣ нашла свое продолженіе первая, прочно организованная военная сила на Руси—дружина, послѣ того, какъ татарское порабощеніе лишило ее подобающаго мѣста при княжьемъ столѣ, подъ княжьимъ стягомъ. Въ казачествѣ, долго-долго потомъ, отыскивалъ русскій человѣкъ дружинной замашки ту волю и ту добрую долю, которыя отнялъ татаринъ, разогнавъ княжью вѣрную дружину. Когда не стало свободнаго вождя—князя, на его мѣстѣ сталъ атаманъ, а то духовное начало, которымъ и жила и крѣпка была дружина, когда служила князю,—мы не умѣемъ назвать его иначе, какъ монархической идеей,—стало принадлежать впослѣдствіи, съ паденіемъ татарской власти, царю—„батюшкѣ“. Такая идея иногда глохнетъ, но никогда не умираетъ въ народѣ, такъ крѣпко привязанномъ къ единодержавію, какимъ является народъ русскій отъ начала его исторіи. Поскоблите самого Разина, и въ немъ откроется какая-нибудь черта монархиста: заполонивъ Астрахань, перерѣзавъ бояръ и дьяковъ, онъ все-таки

велѣлъ народу цѣловать крестъ государю и онъ же, погромивъ на Волгѣ стрѣлецкаго голову Лопатина, внушительно говорилъ стрѣльцамъ: я сражаюсь за великаго государя [2]. Въ одиночествѣ своемъ, внѣ государства, казаки называли себя сиротами, а царя—надежей и батюшкой, то есть надеждой и отцомъ народа, отцомъ, котораго своекорыстные и спѣсивые бояре заслоняли будто бы отъ его дѣтей, которому связывали они свободу взыскать народъ своими отеческими милостями. Такъ, кажется, всегда бывало въ молодыхъ монархіяхъ. Въ эпоху распространенія вольнаго русскаго казачества, явленія съ виду какъ бы противогосударственнаго, мы видимъ гугенотовъ во Франціи, которые, сражаясь противъ королевскихъ войскъ, также точно думали, что они сражались за короля, за его свободу *).

Русскимъ дружинникамъ-казакамъ орда противопоставляла своихъ татарскихъ бездомовниковъ, но на первыхъ порахъ выходило, что и тѣ и другіе чаще якшались, чѣмъ сталкивались и рѣзались. Предпріимчивые люди съ обѣихъ сторонъ оставляли свои служебные посты и, составляя шайки, пускались въ вольное молодечество. Такимъ образомъ, первый исторически извѣстный атаманъ у русскихъ вольныхъ казаковъ на Дону былъ татаринъ Сары-Азманъ [3], и, на оборотъ, предводителемъ одной шайки крымскихъ и казыевскихъ казаковъ упоминается русскій атаманъ Сенька Ложникъ, покушавшійся погромить на Дону московскаго посла Ивана Новосильцева, въ 1570 году [4]. Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о происхожденіи казаковъ татарскихъ, а за ними и русскихъ.

Небезъизвѣстно, что полчища Чингисъ-хановъ и Тамерлановъ двигались въ своихъ нашествіяхъ вмѣстѣ

*) Même en combattant les armées royales, les huguenots affectaient toujours de combattre pour le roi, pour la liberté royale qu'ils représentaient comme entravée. (Les luttes religieuses en France au XVI siècle, par vicomte de Meaux; Paris, 1879).

съ своими семьями и хозяйствами, которыя требовали постояннаго за собою присмотра отъ воиновъ, шедшихъ впереди этихъ громадныхъ обозовъ. Домашняя жизнь со всѣми ея хлопотами тянулась за боевыми силами монголовъ и приковывала ихъ къ обозамъ, отъ которыхъ имѣли они также и свое походное продовольствіе. Между тѣмъ, необходимо было освѣщать путь этимъ громоздкимъ домовитымъ полчищамъ, держать полевыя сторожи, отыскивать обходныя дороги чрезъ мѣстныя препятствія, производить дальнія развѣдки, предупреждать или вчинать внезапныя нападенія, на которыхъ искони держалась вся сила азіятской тактики. Для этого выдѣлялись люди бѣдные, бездомовные и безталанные, которымъ не было заботъ въ обозахъ, и недостатка въ которыхъ не бываетъ въ самыхъ молодыхъ человѣческихъ обществахъ. Вотъ откуда произошли татарскіе казаки-бездомовники, люди бойкіе и смѣлые, люди степной воли и тревоги, нужды и добычи, существованіе которыхъ въ разныхъ видахъ не прекращалось, а напротивъ усиливалось и послѣ того, какъ монгольскія орды усѣлись на постоянныхъ мѣстахъ. Татарскіе казаки служили при баскакахъ, обиравшихъ русскія княжества, и этими же сорвиголовами умѣли воспользоваться великіе князья московскіе, приманивая ихъ на привольное водвореніе въ своихъ пограничныхъ владѣніяхъ. Такъ, еще въ половинѣ XIV столѣтія являются въ службѣ великихъ князей татарскіе казаки мещерскіе или городецкіе, поселявшіеся по притокамъ Оки въ муромской землѣ мещерской области и, какъ извѣстно, основавшіе украинные города Касимовъ, Темниковъ, Елатму и др. Они отбывали сторожевую службу внизъ по Дону и ходили на Волгу подъ ордынскіе улусы за добычею. Число ихъ особенно увеличилось выходцами изъ разныхъ ордъ при великомъ князѣ Васильѣ Васильевичѣ Темномъ, дававшемъ почетное убѣжище въ той же привольной муромской землѣ родовитымъ ордын-

скимъ изгнанникамъ, извѣстнымъ въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ ордынскихъ царевичей. Вслѣдъ за мещерскими татарскими казаками и не безъ связи съ ними, появляются русскіе казаки рязанскіе, о которыхъ мы должны будемъ говорить ниже.

А между тѣмъ нельзя пройти молчаніемъ любопытное, хотя и слабо освѣщенное сказаніе о томъ, что послѣ завоеванія Тамерланомъ сѣвернаго Кавказа, въ концѣ XIII столѣтія, баскакъ его Ахметъ, посланный намѣстникомъ въ курское княжество, вывелъ отъ Бештау значительное число кабардинскихъ черкесъ, обитавшихъ прежде, до Чингисъ-ханова нашествія, въ Крыму и днѣпровскихъ степяхъ подъ именемъ „чорныхъ клобуковъ“, и поселилъ ихъ по южной окраинѣ курскаго княжества въ качествѣ сторожевыхъ казаковъ, съ цѣлью вытѣснить стекавшихся туда русскихъ дружинниковъ, принимавшихъ уже характеръ тѣхъ же казаковъ. Вышло противное ожиданіямъ курскаго намѣстника: черкасскіе казаки поякшались съ русскими; обѣ стороны сошлись, какъ видно, въ общемъ чувствѣ ненависти къ своимъ татарскимъ порабощителямъ. Этотъ первый, можетъ быть, разсадникъ русскаго казачества не замедлилъ заявить себя безпощадными разбоями, отъ которыхъ больше доставалось завоевателямъ, чѣмъ завоеваннымъ. По прошествіи извѣстнаго времени, курскій князь Олегъ получилъ отъ орды ярлыкъ, разрѣшавшій ему разогнать эту безпокойную степную вольницу. Тогда черкасскіе казаки удалились въ глубину степей и долго еще держались въ крѣпкихъ мѣстахъ, продолжая усиливаться русскими выходцами-казаками и съ сѣвера и съ юга. Поглощаемые русскимъ большинствомъ и сохраняя, конечно, воспоминаніе о томъ, какъ ихъ дѣды, „чорные клобуки“, привольно обитали въ степяхъ нижняго теченія Днѣпра и служили первымъ великимъ князьямъ русскимъ сторожевую степную службу, они пришли, наконецъ, на Днѣпръ и, съ дозволенія

каневскаго баскака, основали городокъ Черкасы—чѣмъ и положили начало знаменитому впослѣдствіи черкасскому или запорожскому казачеству [5]. Но насъ интересуетъ собственно это раннее знакомство кабардинскихъ или, по старинным нашимъ актамъ, пятигорскихъ черкасъ съ Русью, и если мы коснулись описаннаго эпизода, то это для того только, чтобы сдѣлать понятнымъ, какъ рано открывалась русскимъ вольнымъ казакамъ дорога на Терекъ, къ названнымъ пятигорскимъ черкасамъ, и почему въ землѣ этого воинственнаго народа нашла гостепріимство особая фракція вольнаго русскаго казачества, о которой предстоитъ намъ рѣчь.

Осиротѣлые княжьи дружинники, носители духа военнаго братства и молодечества, не свычные съ трудомъ «черныхъ пашенныхъ людей», направлялись еще, кромѣ курской, на южную окраину княжества рязанскаго, гдѣ земля, по современнымъ описаніямъ, изобиловала всѣми благами и гдѣ, по этому, жизнь была легка. Рязанское же княжество, съ другой стороны, чаще другихъ подвергалось татарскимъ наѣздамъ и разореніямъ: такъ, тутъ были рады представителямъ русскаго молодечества мирные насельники, труженники многовѣковой русской колонизаціи. Вотъ почему о русскихъ казакахъ княжества рязанскаго упоминается въ древней нашей исторіи еще въ первой половинѣ XV вѣка, въ княженіе Василія Темнаго, съ войсками котораго побили они отрядъ ордынскаго царевича Мустафы подъ Переяславлемъ-Рязанскимъ, въ 1444 году [6]. Казаки рязанскіе обитали по рѣкѣ Червленому Яру и въ привольной волости того же наименованія; они имѣли своихъ сотниковъ и баскаковъ, держали караулы по Хопру, Дону, Великой Воронѣ и перевозы на пути изъ Москвы къ Азову; знали они также всѣ степныя дороги и проѣзды по этому направленію и служили проводниками посламъ, торговымъ и другимъ людямъ, проѣз-

жавшимъ изъ Москвы на Азовъ, въ Кафу, Константинополь или обратно [7]. При такихъ полезныхъ качествахъ украинные эти воины были, однакожъ, склонны уходить по знакомымъ тропамъ въ степное и рѣчное молодечество,—что весьма не одобрялось въ Москвѣ, какъ это видно изъ строгаго наказа Іоанна III, матери малолѣтняго рязанскаго князя Аграфенѣ, въ 1502 году: «Твоимъ людямъ служилымъ быти всѣмъ на моей службѣ, а ослушается кто и пойдетъ самодурью на Донъ въ молодечество, ихъ бы ты, Аграфена, велѣла казнити, вдовьимъ да женскимъ дѣломъ не отпираясь; а по уму бабью не учнешь казнити, ино ихъ мнѣ велѣти казнити» [8]. Этимъ гнѣвнымъ словамъ великаго князя московскаго мы придаемъ особенное значеніе въ томъ смыслѣ, что подъ правленіемъ рязанскихъ князей казакамъ рязанскимъ, или точнѣе червленскимъ, жить было вольготно, и что, съ приблизившимся уже тогда присоединеніемъ княжества къ московской державѣ, имъ могли не полюбиться новые строгіе порядки московскихъ приказовъ. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, умѣстно будетъ коснуться вопроса о томъ, что въ особенности могло увлекать служилыхъ рязанскихъ людей на Донъ въ молодечество?

Золотая Орда, утвердившись по низовьямъ рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское море, въ томъ числѣ и Аму-Дарьи (Оксуса), не измѣнившей еще тогда древняго своего теченія, сдѣлалась посредницею индійской торговли между средней Азіей и восточной Европой. При главной ставкѣ хановъ, на эмбинскомъ притокѣ Волги и подъ ихъ сильнымъ покровительствомъ, собирались громадныя ярмарки, съ которыхъ дорогіе товары Индіи и Персіи расходились по Волгѣ въ двухъ направленіяхъ: на сѣверъ, въ Новгородъ, и на югъ, чрезъ царицинскую переволоку, а потомъ Дономъ къ Азову, генуэзскому Танаису [9]. Движеніе торговыхъ каравановъ по этимъ двумъ воднымъ путямъ и вызывало русское мо-

лодечество, впослѣдствіи воровское, по преимуществу, казачество. Представители такого молодечества, или ходили по найму вооруженными провожатыми, стражниками при караванахъ, или производили нападенія на нихъ изъ береговыхъ засадъ, и когда не грабили, то брали окупъ или отступное. Починъ въ обоихъ видахъ промысла принадлежалъ новгородской вольницѣ, удалымъ медвѣжатникамъ или ушкуйникамъ *), которые, начавъ съ погони за бѣлымъ медвѣдемъ по необозримымъ дебрямъ сѣверной Россіи, проложили широкій путь русской колонизаціи до самаго Каменнаго Пояса (Уральскаго хребта) и, оказавъ эту услугу распространенію земли русской, обратили свою отважную предпріимчивость на купеческіе караваны, двигавшіеся по Камѣ и Волгѣ. Они собирались иногда въ отряды до 2.000 чел. и составляли гребной флотъ ладей изъ полутораста [10]. Естественно думать, что такіе флоты проникали въ Каспійское море и навѣдывались въ устья Терека. Разбои новгородцевъ величались на ихъ языкѣ словомъ „молодечество“, котораго такъ недолюбливала возроставшая московская власть. Не смотря на то, молодечество такого рода оставалось присущимъ нижне-волжскому, отчасти и нижне-донскому бассейнамъ до позднѣйшей эпохи бѣглаго бурлачества и забродничества [11], и мы имѣемъ достаточное основаніе считать новгородское ушкуйничество началомъ воровскаго казачества, какъ считаемъ оторвавшійся отъ удѣльныхъ князей дружинный элементъ началомъ вообще вольнаго казачества. Новгородскіе рѣчные ушкуйники, въ свою очередь, преемники отважнаго духа днѣпровскихъ плавателей, варяго-руссовъ, оставались первообразомъ для вольныхъ казаковъ чрезъ весь героическій періодъ ихъ существованія. Безстрашные наѣзды въ стругахъ и дощаникахъ

*) На сѣверѣ европейской Россіи называютъ бѣлаго медвѣдя ушкуемъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, ушкуями назывались ладьи новгородскихъ повольниковъ.

по рѣчнымъ и морскимъ водамъ, всегда стояли на первомъ планѣ ихъ неистощимой предпріимчивости, давали имъ роскошь жизни „зипуны“, составляли поэзію ихъ тревожнаго и сиротскаго, полнаго горя, лишеній, страданій, ужаснѣйшихъ казней отъ турецкихъ и татарскихъ палачей, существованія, которое такъ трудно теперь себѣ представить и объяснить. Хотя вдохновителемъ ихъ отважныхъ предпріятій была добыча, конечно, но вмѣстѣ съ тѣмъ они много поработали на русскую исторію: они отбили у орды три знатныя рѣки, а потомъ, подвязавъ къ бортамъ своихъ струговъ камышевые кули и сбивъ шапку на бекрень, пустились гулять по тремъ морямъ, какъ ранніе провозвѣстники того флота, который прославится когда-то у Чесмы... Свернувъ парусъ, покрытый заплатами—„они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ: они славятъ, прославляютъ православнаго царя“,—и, нападая на бусы-кораблики, заботятся отличить суда „орленыя“, то есть царскія; однако и тутъ иной разъ, по ночной темети, ошибутся [12].

Какъ бы то ни было, но однимъ примѣромъ новгородскихъ повольниковъ, однимъ стремленіемъ къ договорной или насильственной наживѣ отъ рѣчныхъ караванъ не объясняется еще вполнѣ увлеченіе червленскихъ казаковъ въ молодечество. По современнымъ описаніямъ, жители рязанскаго княжества вообще отличались воинственнымъ и независимымъ характеромъ, а князья и бояре вступали нерѣдко въ тѣсныя связи съ иноземцами [13]. Надобно припомнить, что Олегъ рязанскій не принялъ даже участія въ знаменитой битвѣ куликовской—за что и укорилъ его негодующій лѣтописецъ эпитетомъ „худой“ [14]. При такихъ условіяхъ, присоединеніе княжества рязанскаго къ московской державѣ, послѣдовавшее, какъ извѣстно, въ 1520 году, не могло обойтись безъ особенно крутыхъ мѣръ со стороны центральнаго правительства. И дѣйствительно сохранились достовѣрныя свѣдѣнія, что послѣдній рязанскій

князь Іоаннъ Іоанновичъ, вызванный въ Москву, былъ брошенъ въ тюрьму, а мать его Аграфена заточена въ монастырь; на всѣ рязанскіе волости были посажены московскіе намѣстники, и тысячи жителей, считавшихся болѣе безпокойными или свободолюбивыми, подверглись насильному выселенію съ семействами и животами въ московскія области—что испытали уже передъ тѣмъ и Псковъ, и Новгородъ, и Тверь [15]. Остракизмъ этотъ падалъ преимущественно на казаковъ Червленаго Яра, которымъ правительница княжества Аграфена, вдовьимъ да женскимъ дѣломъ, давала потачку къ самовольнымъ уходамъ на Донъ и на Волгу въ молодечество. Когда московскій намѣстникъ объявилъ рязанцамъ приказъ о выселеніи въ предѣлы суздальскіе, Червленый Яръ замутился и раздѣлился на два «круга»: въ одномъ изъ нихъ, люди пожилые и болѣе зажиточные приговорили покориться новой сильной власти и, подъ вѣдомствомъ московскихъ приказовъ, служить въ городовыхъ казакахъ, по стрѣлецкому уряду, гдѣ доведется; въ другомъ же кругу казаки молодые, нестолько домовитые и къ томужъ бывалые, знавшіеся съ новгородскими удальцами, шумно рѣшили отправиться по знакомой дорожкѣ на Донъ и на Волгу и уже не самодурью, а обдуманно, съ родомъ и племенемъ, у кого такіе были. Каждая изъ сторонъ осталась при своемъ и одна другой не перечила—какъ всегда водилось въ казачествѣ [16].

Подобные переломы въ жизни даже небольшихъ обществъ,—вѣдь это тоже отдѣльные міры,—не забываются чрезъ многія поколѣнія. Сохранилось преданіе, что послѣднее рѣшеніе червленскаго войсковаго круга произнесено было объ масляной, что, впродолженіе всего великаго поста, задумавшіе дальнее странствованіе „несогласники“ строили струги, а на страстной недѣлѣ все уже было готово къ отплытію рѣкою Хопромъ въ Донъ, по половодью. Рѣки вскрылись въ томъ году рано и вода была большая,—что особенно благопріятствовало плава-

нію внизъ по теченію. Въ волости Червленаго Яру зимовала на тотъ разъ станица (отрядъ) новгородскихъ ушкуйниковъ, которые особенно подбивали червленскихъ несогласниковъ къ уходу на Волгу. Тамъ, на Волгѣ, предшествовавшей осенью они бросили гдѣ-то свои струги, попрятавъ ихъ въ прибрежныхъ лѣсахъ и буеракахъ. Эта новгородская станица присоединилась къ червленскимъ несогласникамъ и пожелала раздѣлить съ ними путешествіе. На святой недѣлѣ, послѣ розговѣнья краснымъ яичкомъ, караванъ отплылъ отъ городка Червленаго, съ пищальной пальбой и пѣсней, а потомъ внизъ по Дону спустился къ Калачецарицынскому перешейку и переволокся на Волгу—что тогда, при многоводьи рѣчки Камышенки, было дѣломъ обычнымъ. Не подумали червленцы оставаться ни на нижнемъ Дону, ни на Волгѣ: тамъ, на Дону, недостаточно было далеко отъ московскаго рубежа, да и татары несовсѣмъ еще были сбиты, а здѣсь, на Волгѣ, была большая и слишкомъ открытая дорога. Замѣчательно, что вольное казачество, во всѣ времена, приливало на Волгу только для проявленія своего молодечества, для наживы отъ двигавшихся по рѣкѣ грузовъ, для выхода на просторъ—въ море, но не для осѣдлаго обитанія, и на этотъ счетъ была поговорка: на Волгѣ жить—ворами слыть[17]. Направлялись, въ описываемое время, и другіе сходцы на Донъ, такіе же отщепенцы московской централизаціи; нѣкоторымъ изъ нихъ также казалось, что Донъ все еще близко къ Москвѣ, и они тянули дальше на востокъ, въ непроглядныя заволжскія пустыни, гдѣ и были остановлены Яикомъ (Ураломъ). Такъ какъ на тогдашнемъ Яикѣ терялась уже всякая, можно сказать, государственная перспектива, то они, безъ дальнѣйшихъ колебаній, водворялись тамъ, вытѣсняя татаръ, и вскорѣ стали извѣстны подъ именемъ яицкихъ (уральскихъ) казаковъ. У этихъ, для своего времени, отчаянно дальнихъ казаковъ жила до послѣдняго времени поговорка: «Жи-

вите, братцы, такъ, чтобъ Москва поменьше про васъ знала»[18],—другими словами: живите подальше отъ Москвы. Червленскіе переселенцы были, повидимому, тѣхъ же мыслей, но они не послѣдовали на востокъ—къ Яику, а взяли южное направленіе, на Терекъ, гдѣ, можетъ быть, успѣли уже побывать ихъ ходоки и поразвѣдать что нужно, у тѣхъ пятигорскихъ черкасъ, родичи которыхъ вошли когда-то въ составъ днѣпровскаго казачества.

Переволокшись на Волгу, ушкуйники отыскали и снарядили свои прошлогодніе струги, развернули свой стягъ съ двумя медвѣдями и тремя свѣчами на престолѣ (онъ сохранился донынѣ, хотя и совершенно обветшалъ)[19] и повели червленскій караванъ по широко разлившейся Волгѣ на сине море Хвалынское. Послѣ тридцати дней плаванія, благополучнаго или съ приключеніями — не знаемъ, переселенцы достигли устьевъ Терека и высадились на Учинскую (крестовую) косу, гдѣ дружелюбно были приняты Агры-Ханомъ, владѣльцемъ большаго улуса, незадолго передъ тѣмъ отложившагося отъ Золотой Орды. Этотъ Агры-Ханъ, именемъ котораго до сихъ поръ называются лѣвый рукавъ нижняго Сулака и принимающій его морской заливъ *), былъ племянникъ послѣдняго ордынскаго хана Шихъ-Ахмата и кочевалъ сперва между Дономъ и Волгой; но, заведя съ ханомъ обычную усобицу и оставшись побѣжденнымъ, перебѣжалъ съ своимъ улусомъ къ Тереку, гдѣ занялъ Учинскую косу и отъ нея приморскую равнину между нижними теченіями Сулака и Терека до озера Джунгула. Въ прежнее время, когда въ волжско-донской степи случались безкормицы, онъ приходилъ зимовать на Черв-

*) Это нынѣшніе рѣка Аграхань и заливъ Аграханскій. Татарскія имена искажались встарину еще больше, чѣмъ въ наше время. Такъ, кумыцкое мѣстечко Эндери московскіе люди переименовали въ деревню Андрееву. И не могло быть иначе, когда Стокгольмъ писался въ государственныхъ актахъ Стекольной.

леный Яръ и получалъ отъ тамошнихъ казаковъ добрыя услуги, о которыхъ и сохранялъ благодарную память. Говорятъ, что когда онъ узналъ объ угрожающемъ казакамъ разселеніи по суздальской области, то присылалъ сказать имъ, чтобъ шли въ тѣ привольныя мѣста, куда и самъ онъ укрылся. Русскимъ переселенцамъ не безъ выгоды было встрѣтить на новой землѣ такого доброжелателя, но они при его улусѣ не остались, а, воспользовавшись отъ него перевозочными средствами и проводниками, отправились искать болѣе подходящихъ друзей и союзниковъ въ пятигорскихъ черкасахъ, которые не попустому же писались въ московскихъ актахъ бѣглыми холопями государевыми [20], а что еще важнѣе — были въ то время болѣе христіане, чѣмъ басурмане.

Кабардинскіе князья рады были приходу воинственныхъ гостей съ Руси, о которой у нихъ, носящихъ рубаху (бешметъ) сверхъ шароваръ, по русски, и низкостанный, съ открытою грудью, русскій зипунъ, сохранялась добрая память, такъ что у тогдашнихъ властителей Руси, начинавшихъ брать верхъ надъ татарами, они подумывали уже искать защиты отъ тяжелойременной плети крымскихъ хановъ. Прибывшимъ русскимъ казакамъ предложена была подъ поселеніе спорная, а потому и пустая международная земля по правому берегу Сунжи, выше впаденія въ нее Аргуна. Съ отводомъ этого прекраснаго уголка заключенъ былъ между казаками и князьями Малой Кабарды договоръ о взаимной помощи. Выбравъ болѣе крѣпкія мѣста по предгорьямъ или, какъ говорилось тогда, по гребнямъ, казаки построили между ними городки: Червленый, Шадринъ, Кордюковскій, два Гладковскихъ, и, по гористому характеру новаго своего юрта, назвались гребенскими [21]. Полагаютъ, что городковъ вначалѣ построено было болѣе, но испытанныя впослѣдствіи разоренія, съ неразлучной убылью въ населеніи, заставили казаковъ сосредоточиться въ меньшее число укрѣпленныхъ

поселеній. Какъ бы то ни было, но показанное число городковъ, равно какъ и имена ихъ, сохранились до настоящаго времени. Трудно при этомъ дать точное свѣдѣніе о численномъ составѣ гребенской колоніи, но если принимать пять только городковъ и допустить, что въ каждомъ изъ нихъ должно было находиться, по тогдашнему положенію дѣлъ, не менѣе трехсотъ боевыхъ казаковъ, то все населеніе первобытнаго гребенскаго войска необходимо положить тысячи въ четыре душъ обоего пола. Большинство, и даже значительное большинство, должно быть предоставлено мужскому полу, принимая въ разсчетъ новгородскихъ повольниковъ, изъ которыхъ у немногихъ развѣ могли быть жены «невѣнчальныя», по обычаю вольнаго казачества. Названія городковъ, начиная съ болѣе излюбленнаго Червленаго, надо предположить перенесенными съ Червленаго Яру, потому что они русскія и отъ новыхъ мѣстъ никакъ не могли быть заимствованы. Что же относится до самаго именованія гребенскихъ или горныхъ, — первыхъ на Кавказѣ, — казаковъ, то для истолкованія его нѣтъ ни малѣйшей надобности создавать не отыскиваемый ни въ какихъ памятникахъ городъ Гребень, процвѣтавшій будто бы гдѣ-то среди донскихъ пустынныхъ притоковъ. Во множествѣ оффиціальныхъ актовъ, какъ самыхъ старыхъ, такъ и болѣе новыхъ, словомъ гребни обозначаются просто возвышенности, отличающія волнистую или гористую мѣстность отъ равнинной. Въ томъ же значеніи слово это встрѣчается и въ старинныхъ пѣсняхъ, несомнѣнно народнаго склада. Въ одной изъ нихъ, которую мы будемъ читать ниже, говорится объ извѣстномъ протяженіи Терека отъ гребня до синя моря, а въ другой—опѣшившій казакъ сѣтуетъ на непростительный эгоизмъ товарищей: «При большой кручинушкѣ меня покидаютъ, а сами все, гребень за гребень, заѣзжаютъ» [22].

Въ какомъ же, спрашивается, году совершилось

прибытіе на восточный Кавказъ и водвореніе гребенскихъ казаковъ по Сунжѣ, выше устья Аргуна? Если нельзя опредѣленно указать годъ, то это не препятствуетъ признать неопровергаемымъ историческимъ фактомъ, что событіе это имѣло мѣсто во второй четверти XVI вѣка, къ концу царствованія Василія Іоанновича, въ 1530 годахъ, когда уже подготовлялось паденіе Казани и Астрахани, когда изжившіеся потомки Батыевы, одни передъ другими, напрашивались въ послуги къ московскому государю, заявляя языкомъ лести: «Я твой казакъ и твоихъ воротъ человѣкъ» [23]. Вообще, это была эпоха открытаго появленія вольнаго русскаго казачества на всѣхъ углахъ обширной сцены его исторической дѣятельности, то поднимающейся до высоты эпическаго героизма, то падающей въ низменность разбоя изъ за куска хлѣба. Надобно замѣтить, что это казачество, вслѣдствіе одного и того же политическаго кризиса—неумолимой государственной централизаціи, появилось въ одно время и на Дону, и на Волгѣ, и на Яикѣ, и на Терекѣ, съ той только разницей, что въ одномъ мѣстѣ большими, въ другомъ меньшими артелями. Въ самыхъ старыхъ казацкихъ пѣсняхъ, на ряду съ донскими казаками, всегда упоминаются и яицкіе и гребенскіе [24]. Въ другихъ же памятникахъ, нѣкоторое время, всѣ они назывались вообще или донскими или волжскими, собственно для отличія отъ казаковъ днѣпровскихъ, черкасскихъ. Совершенно произвольно говорятъ нѣкоторые систематики, что донское войско есть метрополія, изъ которой вышли казачьи колоніи на другія рѣки. Такъ можно воображать только подъ впечатлѣніемъ позднѣйшаго порядка вещей, разсматривая, напримѣръ, побѣгъ Игната Некрасова на Кубань или правительственное переселеніе сказочныхъ казаковъ съ донскихъ запольныхъ рѣкъ на Терекъ, въ Петрово время; старый же ходъ дѣлъ показываетъ, что донское казачество, прежде чѣмъ усѣлось въ своей палестинѣ, до-

вольно мыкалось въ разныхъ направленіяхъ, смотря потому, откуда вѣтеръ дулъ. Такъ, въ 1569 году, когда гребенцы давно уже жили осѣдло у живописныхъ береговъ Сунжи, турки и крымцы, посланные султаномъ Селимомъ отвоевать назадъ у русскихъ Астрахань, прошли весь Донъ отъ Азова до нынѣшняго Калача и не встрѣтили ни одного казака [25]. Доказательство, что донцовъ на Дону, въ смыслѣ обитателей страны, еще не было, а были нахожіе, во имя молодечества, русскіе казаки, которымъ терять тамъ, кромѣ собственной головы, было нечего, и которымъ также ничего не стоило уйти, какъ и придти. Отвѣтъ московскаго правительства на жалобы одного татарскаго мурзы, около 1550 года, лучше всего показываетъ, что такое было донское казачество въ начальный періодъ его существованія: «На поле ходятъ казаки многіе, казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки; и изъ нашихъ украйнъ, съ ними же смѣшавшись, ходятъ: и тѣ люди, какъ вамъ тати, такъ и намъ тати и разбойники; на лихо никто ихъ не учитъ; а учинивъ какое лихо, они разъѣзжаются по своимъ землямъ» [26]. И потомъ, уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, московскіе послы должны были объявлять въ Константинополѣ, что „донскіе казаки отъ московскаго государства поудалѣли и живутъ кочевнымъ обычаемъ, переѣзжая по рѣкамъ, а не городовымъ житьемъ“ [27]. Мы должны будемъ высказаться обстоятельнѣе по этому предмету въ своемъ мѣстѣ, а теперь требуется объяснить, какія обстоятельства поблагопріятствовали горсти русскихъ людей такъ смѣло вторгнуться въ сѣверо-восточныя предгорья Кавказа и удержаться здѣсь впродолженіи полутора вѣка, до той новой эры, когда пришла къ нимъ россійская имперія, уже не съ сулицей и рогатиной, а съ штыкомъ и европейскимъ строемъ.

II.

При какихъ обстоятельствахъ водворилось гребенское войско на Кавказѣ.—Какъ началась его служба государству и какую прибавку дало его населенію волжское казачество.

Обратимся прежде всего къ обозрѣнію страны и ея разнохарактерныхъ обитателей въ эпоху прибытія сюда первыхъ русскихъ переселенцевъ. На первомъ планѣ представляется намъ Кабарда, дѣлившаяся на Верхнюю или Большую и Нижнюю или Малую. Первая простиралась по верхнимъ теченіямъ Кубани, Кумы, Подкумка и по всему протяженію Малки до сліянія ея съ Терекомъ, а послѣдняя лежала между восточнымъ берегомъ Терека и Сунжею. Обитателями обѣихъ половинъ страны были кабардинцы, сильнѣйшій изъ народовъ адыгскаго племени, прибывшій сюда изъ Крыма и прилегающихъ къ нему равнинъ нижняго Днѣпра, въ началѣ перемѣщенія полуосѣдлыхъ народовъ, произведеннаго великимъ монгольскимъ движеніемъ. Въ описываемое время къ кабардинскому народу примыкали и родственные имъ бесленеи, занимавшіе вершины Зеленчука и Урупа. Далѣе отъ бесленеевъ по сѣверному склону западной части Кавказскаго хребта располагались, тѣснимые татарами со стороны Кубани, народы того же адыгскаго корня и языка: мохоши, темиргои, атукаи, бже-

дуги, шегаки и заны или жаны, населявшіе приморскую полосу отъ устьевъ Кубани до Геленджикской бухты [28]. Народы эти, хотя и были отобщены отъ кабардинцевъ географически, но связывались съ ними сознаніемъ племеннаго родства и общностью племеннаго духа, рѣзко отличавшагося отъ обхватывавшей ихъ татарской среды. Кабардинскій народъ дѣлился на роды, управляемые князьями, пши, подъ которыми стояли дворяне разныхъ степеней, уорки, считавшіеся древностью своихъ родовъ, и за ними свободный народъ, тльфехотль, а въ самомъ низу рабы, пшитль, — буквально княжьи люди. Князья имѣли свои удѣлы, по праву захвата (primi occupantis), и эти удѣлы стремились они расширить по мѣрѣ увеличенія своихъ родовъ. Отсюда честолюбивый и воинственный духъ, который сообщался всему населенію, постоянно вооруженному и готовому къ военнымъ тревогамъ. Ниже Малой Кабарды, къ Каспійскому морю, между Терекомъ и Сулакомъ (Койсу), лежала земля кумыковъ, состоявшая изъ многихъ мелкихъ владѣній, болѣе или менѣе признававшихъ надъ собою власть шамхала или — какъ писали его въ московскихъ приказахъ — шевкала тарковскаго. Кумыки были народъ татарскаго языка, но отличнаго отъ чингисовыхъ кипчаковъ происхожденія и типа; они считались старожилами страны, получившими политическое устройство и нѣкоторые задатки арабской культуры отъ халифовъ, завоевателей Кавказа въ IX вѣкѣ *). Въ сосѣдствѣ съ кумыками и мало-кабардинцами появлялись селенія мечкизовъ или чеченцевъ, время отъ времени выдвигавшихся изъ горъ и лѣсовъ въ болѣе открытыя мѣста. Наконецъ, по приморскимъ луговымъ равнинамъ скитались кочевые ногаи, обломки развалившагося желѣзнаго колосса на глиняныхъ ногахъ—Кип-

*) Установленіе шамхальскаго достоинства приписываютъ халифамъ и въ титулѣ «шамхалъ» видятъ сочетаніе двухъ арабскихъ словъ: Шамъ—Сирія и Халъ—властитель.

чакской или Золотой Орды. Тамъ же, въ устьяхъ Терека, существовало старинное кумыцкое владѣніе Теменское съ приморскимъ городкомъ Теменомъ и съ смѣшаннымъ населеніемъ изъ кумыковъ, кабардинцевъ, ногаевъ, астраханскихъ и казанскихъ татаръ и персидскихъ таджиковъ или тезиковъ — торговыхъ гостей. Здѣсь былъ притонъ разныхъ выходцевъ, привлекаемыхъ торговлею, рыболовнымъ промысломъ и морскими разбоями. Тарковскій шамхалъ дорожилъ этимъ промышленнымъ пунктомъ, но его вліяніе оттиралось кабардинскимъ вмѣшательствомъ *).

На этотъ, этнографически и политически разъединенный край напираютъ въ описываемую эпоху два стороннія вліянія: со стороны Дагестана кизылбашское, со стороны Крыма турецкое. Первое давитъ преимущественно на шамхала и кумыковъ, послѣднее на кабардинцевъ и ногаевъ. Въ крымскомъ давленіи на Кабарду проявляется больше силы и энергіи, какъ въ воздѣйствіи, такъ и въ противодѣйствіи, потому что здѣсь замѣшана племенная религіозная рознь. Адыги—кабардинцы угрскаго, но не монголо-татарскаго происхожденія, наклонны къ религіозному индифферентизму, не совершаютъ мусульманскихъ намазовъ, непрочь служить службу оружіемъ, но неспособны выносить такое униженіе, какъ вымогательство отъ нихъ крымскими ханами постыдной дани красивыми подростками обоего пола для гаремныхъ подарковъ въ столицу турецкихъ султановъ, унаслѣдовавшую растлѣніе Византіи. Кромѣ противоборства внѣшнимъ притязаніямъ, обозрѣнный нами край обуревается внутренними мелкими нескончаемыми борь-

*) *Темень* на адыгскомъ языкѣ значитъ болотистая низменность. Такова дѣйствительно мѣстность устьевъ Терека. Замѣчательно, что и при устьяхъ Кубани существовало старинное поселеніе подъ тѣмъ же названіемъ, измѣненнымъ татарами въ Таманъ. Названіе это мы приписываемъ адыгамъ и заключаемъ, что до татарскаго нашествія они были обладателями устьевъ обѣихъ кавказскихъ рѣкъ Кубани и Терека.

бами: княжескіе роды Большой и Малой Кабарды ищутъ преобладанія одни надъ другими и затѣваютъ усобицы; между тѣмъ они сталкиваются съ шамхаломъ, еще чаще съ мелкими кумыцкими владѣльцами Брагунскимъ, Аксаевскимъ, Костековскимъ, Эндерійскимъ, а по временамъ и съ Чечней. Вражды встаютъ, прежде всего, изъ за земли, этого вѣковѣчнаго источника человѣческихъ распрей, и малыхъ домашнихъ, и большихъ международныхъ, волновавшихъ еще библейскихъ патріарховъ. Кабардинцы, какъ и прочіе адыги, по праву завоеванія, а мечкизы (чеченцы) и кумыки, по силѣ земской давности, считали себя исконными обладателями предгорныхъ равнинъ; но татарскія нашествія и особенно вторженіе Тамерлана, разбившаго здѣсь, на берегахъ Терека, соперника своего Тахтамыша, въ 1395 году, оттѣснили ихъ въ горы, откуда и стремились они, по мѣрѣ ослабленія Кипчацкой Орды, захватить прежнее свое достояніе. Другимъ источникомъ розни между сосѣдями было воровство, даже у лучшихъ людей кабардинцевъ, возведенное на степень героизма, входившее въ систему рыцарскаго воспитанія ихъ князей и уорковъ, и отъ четвероногихъ животныхъ переносившееся даже на людей. Въ большомъ кумыцкомъ мѣстечкѣ Эндери, стоявшемъ при входѣ въ горы и имѣвшемъ въ составѣ осѣдлаго своего населенія торгашей евреевъ, существовали постоянные торги краденными или добытыми оружіемъ людьми, которыхъ, сковывая попарно, уводили въ Крымъ для перепродажи въ Константинополь [29]. Такое положеніе дѣлъ довершали движущіяся развалины Кипчацкой Орды—кочевые ногайскіе татары; они появлялись и по ту, и по другую сторону Терека нежданными гостями, но когда имъ были не рады, то ихъ кибитки валились отъ перваго сильнаго толчка и исчезали въ туманахъ кумскихъ и кубанскихъ степей, или же уносились обратно въ заволжскія пустыни. Болѣе прочными выходцами въ притеречныя долины были че-

ченцы разныхъ родовыхъ наименованій, которыхъ голодъ вынуждалъ спускаться внизъ по Сунжѣ и искать плодородныхъ мѣстъ для своихъ поселеній между кабардинскими и кумыцкими владѣніями; водворясь здѣсь, они вступили въ васальную зависимость отъ мѣстныхъ владѣльцевъ, которая съ теченіемъ времени и съ перемѣною обстоятельствъ утрачивала свою дѣйствительность.

Описанной неурядицей и разноплеменщиной достаточно объясняется легкость водворенія русскихъ пришельцевъ въ краѣ, гдѣ самыя распри за землю обусловливали уже существованіе незаселенныхъ пустырей. А между тѣмъ, въ новоприбывшей казацкой дружинѣ туземцы видѣли воинственныхъ людей, владѣющихъ „огненнымъ боемъ“, тогда еще мало здѣсь распространеннымъ, людей способныхъ постоять за себя и оказать поддержку тому или другому изъ враждующихъ сосѣдей. Въ рыцарской Кабардѣ существовалъ во всей силѣ древній народный обычай, по которому всякій прибывшій чужеземецъ, если онъ носилъ оружіе,—что обозначало свободнаго человѣка, — признавался «тегачемъ», гостемъ народа, и вступалъ въ права «тльфеготля», свободнаго гражданина. Народное собраніе Малой Кабарды приняло русскихъ пришельцевъ подъ покровительство этого, вѣками освященнаго обычая. Поставивъ свои городки между Малой Кабардой и поселеніями чеченскихъ выходцевъ, гребенскіе переселенцы скоро вошли въ дружескія и даже родственныя связи съ послѣдними. Они приняли подъ свою охрану маловоинственныя, слабо оборонявшіяся лучшимъ боемъ чеченскія общества Гуной, Курчалой и Цонторо, отъ которыхъ брали на свое обзаведеніе зерновой хлѣбъ, скотъ, лошадей и даже женъ невѣнчальныхъ. Вообще же можно сказать, что запуганные монгольскими завоеваніями туземные народцы смотрѣли на этихъ смѣлыхъ приходцевъ съ русскаго сѣвера, какъ бы на передовыхъ вѣстниковъ расширявшейся къ Кавказу силы московскаго государства, и какъ

бы читали на ихъ знамени: уже сѣкира при корнѣ чингисханова дерева лежитъ. И въ самомъ дѣлѣ, послѣдовавшее вскорѣ завоеваніе Казани и Астрахани отозвалось чрезвычайно рѣзкимъ впечатлѣніемъ между здѣшними населеніями и подвинуло ихъ искать покровительства бѣлаго русскаго царя. Въ паденіи этихъ сильныхъ татарскихъ царствъ они видѣли громадный подрывъ силамъ разбойническаго и ненавистнаго имъ Крыма. Астрахань въ особенности была важнымъ промышленнымъ и политическимъ центромъ для всей окружности каспійскаго бассейна, и едва покорилась она русской власти, какъ кабардинскіе, бесленейскіе и даже ближайшіе къ Крыму жанейскіе князья адыгской крови начали являться одинъ за другимъ въ Москву съ просьбами о принятіи ихъ въ подданство и на службу государеву. Русскій государь не облагалъ ихъ данью, а требовалъ только службы, которую они исполняли, высылая свои блестящія ополченія къ царскимъ войскамъ, особенно для тяжкихъ ливонскихъ и литовскихъ походовъ [30]. Многіе изъ князей оставались навсегда въ Москвѣ, крестились въ рускую вѣру и дѣлались русскими боярами. Особенно большое посольство отъ кабардинской земли было въ 1555 году, въ годъ принятія государемъ Іоанномъ IV царскаго титула. Тогда явилось въ Москву полтораста лучшихъ представителей пятигорскихъ, какъ ихъ называли обыкновенно, черкасъ, которые просили принять надѣленную красотами и такими естественными благами, какъ пятигорскія минеральныя воды, землю ихъ подъ царскую державу. При этомъ посольствѣ приходила и отъ гребенскихъ казаковъ станица бить челомъ царю-надежѣ о своей покорности и о царской милости къ далекому гребенскому войску. Подобныя станицы изъ заукрайныхъ мѣстъ были въ Москвѣ за обычай; онѣ наполняютъ всю исторію вольнаго казачества и составляютъ лучшее ея украшеніе. Въ частыхъ присылкахъ этихъ станицъ, преимуществен-

но „зимовыхъ“, выражалось стремленіе зарубежныхъ русскихъ борцовъ сохранить единеніе съ родиной, связь съ государствомъ, зависимость отъ главы государства, и потому всегда находили онѣ милостивый пріемъ при московскомъ дворѣ. Къ нимъ прилагали мудрые московскіе вѣнценосцы евангельскія слова: изгиблъ бе и обрѣтеся. Милостиво принялъ царь-государь и гребенскую станицу, пожаловалъ первыхъ русскихъ колонизаторовъ на Кавказѣ вольною рѣкою Терекомъ и велѣлъ имъ служить тамъ свою службу государскую, беречи новую свою кабардинскую вотчину. Память объ этомъ событіи живетъ въ прадѣдовской пѣснѣ гребенцовъ:

Не бѣлые-то гуси въ полѣ гогочутъ,
Не сѣрые орлы въ поднебесьи клекочутъ,
То гребенскіе казаки передъ царемъ гуторятъ,
Передъ грознымъ царемъ Иваномъ да Васильевичемъ,
Они самому-то царю—надежѣ говорютъ:
Ой, ты, батюшка, нашъ православный царь,
Чѣмъ ты насъ подаришь, чѣмъ пожалуешь?
Подарю я васъ, казаченьки, да пожалую
Рѣкой вольною, Терекомъ-Горыничемъ *)
Отъ самаго гребня до синя моря,
До синя моря и до Каспицкаго [31].

Съ той поры, побѣгъ гребенскихъ казаковъ изъ рязанскихъ предѣловъ и водвореніе ихъ въ сосѣдствѣ съ кабардинцами стали служить поводомъ московской дипломатіи въ пререканіяхъ съ крымскими и турецкими властями выставлять покорившихся кабардинцевъ, за-

*) Казаки, страстно привязанные къ своимъ, кровью добытымъ, рѣкамъ, олицетворяли ихъ и давали имъ отчества по мѣстамъ ихъ истоковъ: донцы прозвали свой тихій Донъ Иванычемъ по Ивань-озеру, гребенцы повеличали Терекъ Горыничемъ по горѣ Казбеку, отъ которой онъ беретъ свое начало. Но суровые запорожцы звали свой старый Днѣпръ просто батькомъ и говорили: какъ рыбѣ безъ воды, такъ казакамъ безъ Днѣпра не житье. Яицкіе казаки, напротивъ, обращались къ Яику, какъ къ своему дѣтищу, привѣтствуя его въ ласкательно-уменьшительной формѣ «Яикушкомъ-золотымъ донышкомъ».

одно съ гребенцами, бѣглыми холопями московскаго государя, ушедшими съ его государевой вотчины, изъ рязанской земли, и поселившимися въ горахъ восточнаго Кавказа. Такъ, въ наказѣ, данномъ царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ воеводѣ князю Ѳеодору Ивановичу Хворостинину и оружейничему Богдану Яковлевичу Бѣльскому, въ 1593 году, велѣно было говорить крымскимъ и турецкимъ властямъ: «города на Терекѣ поставлены въ государя нашего имя для кабардинскихъ черкасъ, а кабардинскіе черкасы искони вѣчные холопи государевы, а бѣжали съ рязанскихъ предѣловъ изъ прародителя нашего государя вотчины, изъ рязанской земли, и въ горы вселилися и служили отцу государя нашего, царю Ивану Васильевичу всея Руси, и дочь кабардинскаго князя Темрюка была за отцомъ государя нашего, и нынѣ всѣ кабардинскіе и горскіе черкасы и тюменскіе князья по прежнему государю нашему служатъ» [32].

Кабардинскіе князья враждовали съ шамхаломъ тарковскимъ и были въ добрыхъ отношеніяхъ къ царямъ Иверіи или Грузіи, съ которыми вступали даже въ родство выдачею княжескихъ дочерей въ замужество за членовъ царскаго дома. Полагаютъ нѣкоторые, что и христіанство было принесено къ нимъ изъ Грузіи, но хронологически вѣроятнѣе будетъ то мнѣніе, что христіанство было принято ими еще въ Крыму отъ генуэзцевъ, отъ которыхъ и въ нравы ихъ вошли нѣкоторыя черты феодальнаго строя средне-вѣковой Европы. Кабардинскіе послы объявляли въ Москвѣ, что если царь поможетъ имъ усмирить шамхала, то и владѣтель Грузіи отдастъ себя подъ высокую руку государеву. Въ 1559 году было послано на шамхала царское войско, при которомъ должны были находиться гребенскіе казаки, и этотъ актъ позволительно считать за начало ихъ службы государству [33]. Къ сожалѣнію, историческій памятникъ, передавшій намъ извѣстіе объ этомъ первомъ походѣ русскаго войска въ Дагестанъ, не сооб-

щаетъ желательныхъ подробностей, но само дѣло говоритъ, что походъ имѣлъ должный успѣхъ, потому что въ томъ же 1559 году шамхалъ тарковскій примирился съ кабардинцами и вступилъ въ подданство московскаго государя [34].

Былъ врагъ кабардинскаго народа опаснѣе шамхала—крымскій ханъ. Для обереганія съ этой стороны, кабардинскіе князья, и особенно тесть государевъ Темрюкъ Идаровичъ, просили царя поставить въ ихъ землѣ крѣпость и содержать въ ней свою рать съ казаками. Въ Москвѣ считали необходимымъ согласиться на эту просьбу, тѣмъ болѣе, что были въ Верхней Кабардѣ такіе князья, которые тянули скорѣе къ Крыму, чѣмъ къ Москвѣ. Въ 1567 году посланы были изъ Астрахани на Терекъ воеводы князь Андрей Семеновичъ Бабичевъ и Петръ Протасьевъ «съ огненнымъ боемъ и многими людьми», которые и построили крѣпкій городъ на лѣвомъ берегу Терека, противъ впаденія въ него горной рѣки Сунжи, то есть противъ рубежа, отдѣлявшаго кабардинскую землю отъ кумыцкой [35]. Гребенскіе казаки начали содержать при этомъ городѣ отъѣзжіе караулы и отправлять другія службы по сношеніямъ начальныхъ людей въ городѣ съ окрестными населеніями. Эта первая на Кавказѣ русская крѣпость, называвшаяся Терскою и часто смѣшиваемая съ другой крѣпостью или городомъ Терскимъ, построеннымъ позже въ другомъ, какъ увидимъ, мѣстѣ, была поставлена на удобнѣйшемъ сообщеніи Крыма съ Дербентомъ и Шемахой, чрезъ кабардинскія и шамхальскія владѣнія. Опираясь на нее, гребенскіе казаки скоро сдѣлались полными хозяевами этого важнаго пути: они держали заставы на переправахъ чрезъ Сунжу и ея притоки, караулили проѣзды чрезъ горныя тѣснины и топкія мѣста, ѣздили гонцами, ходили проводниками и охранной стражей при караванахъ и разныхъ посланцахъ, получавшихъ пропуски отъ воеводы Терскаго города или же дѣлали за-

сады и внезапныя нападенія на недруговъ [36]. На сколько внушительна была сторожевая эта служба казаковъ—видно изъ одного дипломатическаго памятника 1577 года, въ которомъ воевода Лукьянъ Новосильцевъ, бывшій посломъ при дворѣ римскаго императора Рудольфа II, объясняетъ слѣдующее: во время войны, происходившей тогда между Турціей и Персіей, крымскому хану Магметъ-Гирею приказано было султаномъ послать свою рать въ Дагестанъ на помощь турецкимъ войскамъ. Отряженный ханомъ калга Алды-Гирей, двигаясь съ большимъ отрядомъ, прислалъ къ воеводѣ Терскаго города «прошати дороги и казаковъ бы государевыхъ въ то время велѣти уняти, чтобъ имъ (крымцамъ) Сунчю рѣку отъ казаковъ перелѣзти здорово». Пропускъ былъ данъ, но крымцамъ не поздоровилось въ Дагестанѣ: они были разбиты и самъ калга взятъ въ плѣнъ кизылбашскими людьми. Хотя утекавшимъ татарамъ, въ числѣ до десяти тысячъ человѣкъ,—малолюдствомъ они не ходили, — и удалось «перелѣзти Сунчю рѣку далече отъ Терскаго города», но казаки все-таки ихъ смѣтили и дали вѣсть воеводѣ такъ своевременно, что выступившее изъ города русское войско еще разъ побило бѣглецовъ, отъ которыхъ казакамъ досталось много лошадей [37].

Русская крѣпость на Терекѣ и русскіе казаки на перепутьи между Крымомъ и Дагестаномъ очень не нравились крымскому хану и турецкому султану. И тотъ и другой настойчиво требовали отъ московскаго правительства казаковъ съ Терека свести, городъ, поставленный въ кабардинской землѣ, покинуть, астраханскую дорогу отперсть и отовсюду людей проѣзжихъ пропускать [38]. Султанъ требовалъ даже возвращенія Астрахани, какъ своего юрта (владѣнія) по званію халифа всѣхъ мусульманъ. Въ подкрѣпленіе своихъ притязаній, весною 1569 года, послалъ онъ въ Азовъ кафскаго пашу Касима съ семнадцатью тысячами

янычаръ и спаговъ, при которыхъ слѣдовали и осадныя орудія. Войску этому повелѣно было султаномъ подняться на судахъ вверхъ по Дону, перекопать царицынскую переволоку, чтобъ соединить Донъ съ Волгою судоходнымъ каналомъ, по которому войти въ Волгу и, спустившись по ней на низъ, овладѣть Астраханью, куда въ тоже время двигался и крымскій ханъ степью съ пятидесяти-тысячнымъ войскомъ. По овладѣніи Астраханью, само собою, погибло бы русское господство и на Терекѣ. Это грозное предпріятіе повелителя оттомановъ, заставлявшаго трепетать Европу, сильно обезпокоило Москву, но оно кончилось тѣмъ-же, чѣмъ оканчивались подобныя страшилища—предпріятія Ксерксовъ и другихъ властителей древности, втуне предлагающей свои поученія поколѣніямъ позднѣйшимъ. Касимъ-паша достигъ переволоки, не встрѣтивъ ни одного русскаго человѣка, ни одного казака, и приступилъ къ рытью канала; но скоро убѣдился въ неисполнимости задачи, бросилъ непосильную работу и перешелъ на Волгу сухопутью. Здѣсь астраханскіе татары предложили ему свои суда, на которыхъ онъ спустился къ Астрахани, гдѣ соединился съ крымскимъ войскомъ и расположился было зимовать, такъ какъ наступила уже осень. Но разладъ съ крымскимъ ханомъ и мятежъ янычаръ принудили его отойти обратно къ Азову. Бѣдственное отступленіе по голодной степи и безпощадныя нападенія кабардинскихъ черкасъ, не безъ участія и гребенскихъ казаковъ, погубили большую половину турецкаго войска и бывшихъ при немъ лошадей [39].

Чтобъ не вызывать могущественнаго султана на повтореніе подобныхъ нашествій, въ Москвѣ сочли благоразумнымъ городъ въ кабардинской землѣ бросить и вмѣсто его построить въ теменскомъ владѣніи, при устьѣ Терека, другой городъ, который меньше бросался бы въ глаза крымскимъ татарамъ, но за то обезпечивалъ бы торговыя и политическія сношенія Астрахани съ Ка-

бардою и Дагестаномъ. Вслѣдствіе такого, не совсѣмъ, какъ видно будетъ ниже, искренняго рѣшенія, въ 1571 году, Іоаннъ Грозный писалъ султану Селиму слѣдующее: «Желая быть съ тобою впередъ въ братствѣ и любви, мы показали братской любви знамя: городъ съ Терека рѣки, изъ кабардинской земли, велѣли снести и людей своихъ оттуда свести въ Астрахань; а что ты писалъ къ намъ о дорогѣ, то она была заперта для того, что многіе люди ходили воровскимъ обычаемъ, измѣны многія и убытки нашему городу Астрахани дѣлали; но теперь для тебя, брата нашего, дорогу мы отпереть велѣли всякимъ проѣзжимъ людямъ» [40].

Казаки не умѣли, а иногда и не должны были соображаться съ дипломатическими рѣшеніями московскаго правительства. Изъ послѣдующихъ сношеній крымскихъ хановъ и турецкихъ султановъ мы видимъ, что при жалобахъ на непріятельскія дѣйствія донскихъ казаковъ, постоянно высказываются такія же сѣтованія и на казаковъ, основавшихся около Терека. На всѣ подобныя жалобы московское правительство отвѣчало обыкновенно тѣмъ, что какъ на Дону, такъ и на Терекѣ живутъ воры, бѣглые люди, безъ вѣдома государева, и никого они не слушаютъ,— «хотя бы вы ихъ и всѣхъ побили, намъ стоять за нихъ не зачто» [41]. Это напоминаетъ нѣкоторымъ образомъ спартанскій отвѣтъ на Ксерксово требованіе выдачи оружія: приди и возьми. Въ одномъ же изъ объясненій царя Ѳеодора Іоанновича чрезъ посланника Благова, въ 1584 году, передавалось султану Амурату, что хотя изъ города, построеннаго въ прошлое царствованіе на Терекѣ, и выведены царскіе ратные люди, въ угоду султану Селиму, но въ томъ брошенномъ городѣ самовольно завели себѣ притонъ безгосударные люди, волжскіе казаки [42]. Дѣло въ томъ, что городъ, оставленный царскими войсками, не былъ „снесенъ“, по усильнымъ просьбамъ князей Малой Кабарды, и, по уходѣ стрѣльцовъ и дѣтей боярскихъ, въ

немъ засѣли гребенцы „безъ вѣдома государева“. А какъ для надежнаго обереганія довольно обширнаго укрѣпленія (валы котораго и теперь видны около станицы Шелковской), не могли они отдѣлить достаточнаго числа людей, то стараніями тѣхъ же князей и не безъ участія воеводы астраханскаго, были накликаны вольные казаки съ Волги, гдѣ никогда не было недостатка въ подобныхъ охотникахъ, потому что и самые городовые казаки, разставленные тамъ сторожевыми станицами для обереганія судоходства, частью отъ нужды, частью отъ увлеченія безконечнымъ раздольемъ знаменитой рѣки, бросали свои посты и пускались въ вольное молодечество. Новый гарнизонъ упраздненной крѣпости не могъ быть такъ уживчивъ, какъ прежній, имѣя свое особенное интендантское правило: волка ноги кормятъ; а потому кумыки, ногаи и сторонники Крыма изъ Большой Кабарды не разъ пытались выгнать казаковъ и сжечь занятый ими городъ; но казаки держались крѣпко и за нападенія отплачивали съ лихвою. Наконецъ самъ шамхалъ тарковскій подступилъ къ городу съ большою силою и, послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ приступовъ, отнялъ у осажденныхъ воду, запрудивъ канаву, которою крѣпость, стоявшая въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Терека, снабжалась водою изъ рѣки. Осажденные томились жаждою, копали безуспѣшно внутри крѣпости колодцы и продолжали упорно отбиваться. Послѣ двадцати дней осады, наступилъ праздникъ св. Троицы. Казаки пѣли молебенъ и просили у Бога дождя. Къ вечеру пошелъ проливной дождь и на утро крѣпостной ровъ наполнился водою, какъ будто манною, сошедшею съ неба для голодныхъ дѣтей Израиля въ пустынѣ. Это чрезвычайно ободрило и оживило осажденныхъ, а шевкала заставило снять осаду и отступить. Въ наступившую ночь казаки сдѣлали вылазку и побили татаръ на ночлегѣ, захвативъ у нихъ порядочную добычу [43]. Празднуя побѣду, они, однакожъ, не забы-

вали, что надлежало ожидать жестокой отместки, а у нихъ огнестрѣльный запасъ былъ израсходованъ и, кромѣ того, шамхальское нашествіе не обошлось безъ большихъ потерь для гребенскихъ городковъ: отъ нихъ было отогнано много скота и лошадей и похватаны пастухи— что испытывали они довольно часто, но и умѣли наверстывать такія потери въ свой чередъ. Между тѣмъ, въ устьяхъ Терека появился уже новый русскій городъ Терки, построенный около 1588 года, и въ его окрестностяхъ составилось новое войско вольныхъ казаковъ, подъ наименованіемъ терскихъ. Защитники прежняго Терскаго города у сунжинскаго устья порѣшили окончательно бросить его: закопали нарядъ (пушки) въ землю, а частоколъ, надолбы и всѣ строенія сожгли дотла, къ большому неудовольствію малокабардинскихъ князей, а особенно Мамсрука, младшаго брата Темрюкова, удѣлъ котораго прилегалъ къ городу. Послѣ такого событія, человѣкъ триста волжскихъ казаковъ пожелали остаться въ гребенскихъ городкахъ и увеличили собою ихъ населеніе, а остальные пошли къ терскому казачеству тянуть неводъ и промышлять въ стругахъ на синемъ морѣ, какъ обыкновенно звали Каспій [44]. Вслѣдъ за ними переселился въ новыя Терки и князь Мамсрукъ съ своими подвластными. Съ тѣхъ поръ оба войска, низовое терское и верховое гребенское, начали подавать другъ другу руку помощи, хотя и отличались характеромъ и направленіемъ. По свидѣтельству одного историческаго документа, терскіе воеводы отзывались въ Москву, что „если казаковъ по Терку и Гребняхъ не будетъ, то Терскому городу будетъ большая тѣснота“ [45].

III.

Какую имѣли судьбу первые походы русскихъ въ Дагестанъ.— Какія потери въ боевыхъ людяхъ несло Гребенское войско и какъ онѣ пополнялись.

Выше было упомянуто, что кабардинскіе князья, выпрашивая въ Москвѣ помощь русскаго оружія на шамхала тарковскаго, предсказывали, что съ оказаніемъ такой помощи будетъ искать покровительства московскаго государя и союзникъ ихъ, владѣтель Иверіи. Дѣйствительно, въ 1586 году явились въ Москвѣ послы отъ кахетинскаго князя Александра съ ходатайствомъ о принятіи его со всѣмъ народомъ въ подданство царя православнаго. Ходатайство это было уважено и въ Кахетію отправленъ былъ изъ Москвы огнестрѣльный снарядъ, а для поддержанія православія посланы были учительные мужи и иконописцы. Александръ просилъ обороны противъ турецкаго султана и кизылбашскаго шаха, которые, воюя непрестанно между собою, совсѣмъ затираютъ Грузію, попадающую между двухъ огней. Кахетинскому владѣтелю отвѣчали, что съ такими сильными государями поднимать войну изъ за Кахетіи не пригоже, и совѣтывали держаться по отношенію къ этимъ соперничествующимъ властителямъ уклончивой политики, по примѣру самой

Москвы. Тогда Александръ билъ челомъ, чтобъ государь, по крайней мѣрѣ, послалъ большую рать на шамхала, взялъ Тарки и посадилъ бы тамъ изъ своихъ рукъ свата Александрова Крымъ-Шамхала. Это дѣло показалось по силамъ московскому государству: воевода князь Хворостининъ получилъ приказъ собрать въ Астрахани большой отрядъ, идти на Терекъ, возобновить тамъ, у устья Сунжи, брошенный уже и казаками городъ и наступить на шевкала. Отъ кахетинскаго князя было потребовано доставить въ тотъ городъ продовольственныхъ припасовъ на двѣ съ половиною тысячи человѣкъ и выслать свою грузинскую рать на усиленіе московскаго войска. Отъ перваго онъ отговорился скудостью своей раззоренной земли и трудностью сообщеній, а рать обѣщалъ выслать къ Таркамъ съ своимъ сватомъ Крымъ-Шамхаломъ и съ сыномъ Юріемъ [46]. Требованіе отъ князя Александра припасовъ на 2.500 человѣкъ показываетъ, что въ отрядѣ Хворостина было не менѣе этого числа царскаго войска. Сверхъ того, воевода былъ уполномоченъ собрать казаковъ съ Волги тысячу и съ Яика пятьсотъ человѣкъ; на каковое число выдать муки по осминѣ на человѣка, крупъ и толокна по четверти на каждый десятокъ и, кромѣ того, коннымъ по четверти овса, а если станутъ приставать, то и денегъ по полтинѣ на брата [47]. Весною 1594 года, воевода Хворостининъ привелъ свой отрядъ на Терекъ, наскоро возобновилъ знакомый намъ городъ и выступилъ на рѣку Койсу, которую мы зовемъ теперь Сулакомъ. Къ его отряду примкнули гребенскіе казаки въ числѣ тысячи человѣкъ, а на оставшихся въ домахъ возложено было охраненіе города съ небольшой оставленной въ немъ станицей (командой) стрѣльцовъ и съ залишними войсковыми животами. Такимъ образомъ, дѣйствующія силы воеводы можно положить въ пять тысячъ человѣкъ. Шамхалъ Андиханъ съ тарковцами, кумыками и ногаями встрѣтилъ русскихъ на рѣкѣ Койсу, но не удержалъ пере-

правы и отступилъ къ Таркамъ. Городокъ Тарки, расположенный амфитеатромъ по скату скалистой горы, близь берега Каспійскаго моря, не имѣлъ особенно сильныхъ укрѣпленій, и взять его не стоило русскимъ большаго труда, но удерживаться въ немъ было трудно. Шамхалъ былъ сторонникомъ выжидательнаго способа веденія войны и слѣдовалъ дагестанскому правилу: ловить скорпіона за хвостъ. Воевода началъ укрѣплять Тарки, и отъ усиленныхъ работъ въ жаркіе лѣтніе дни, равно какъ и отъ недостатка продовольствія, въ его войскахъ начали развиваться лихорадки. Шамхалъ держалъ русскихъ въ блокадѣ, сперва широкой, а потомъ болѣе и болѣе тѣсной; встревоженный Дагестанъ каждый день высылалъ къ нему новыя подкрѣпленія. Наибольшую поддержку давалъ сильный аварскій ханъ. Осажденные изнурялись въ постоянныхъ битвахъ и все ждали прибытія грузинской рати. Она не приходила, а что еще важнѣе—не являлся сватъ кахетинскаго князя котораго слѣдовало посадить въ Таркахъ на шамхальство. Храбрый воевода, видя себя въ безнадежномъ и безцѣльномъ положеніи, рѣшился, наконецъ, бросить свое завоеваніе и отойти обратно на Терекъ. Дѣло это въ виду громадныхъ непріятельскихъ скопищъ, съ одной стороны, и большаго числа своихъ больныхъ и раненыхъ, которыхъ нельзя же было бросить, съ другой стороны, требовало еще большей рѣшимости и отваги, чѣмъ наступательное движеніе въ глубину незнакомыхъ горъ. Составили совѣтъ, на которомъ не долго спорили и выступили скрытно ночью, бросивъ въ добычу лукавому шевкалу всѣ лишнія тяжести. Удалось отойти незамѣченными, благодаря азіатской сонливости, на довольно большое разстояніе. Но таже темнота осенней ночи, которая оказала покровительство началу похода, явилась предательницей для его продолженія. Проглянувшая въ туманѣ предразсвѣтная луна показала роковую ошибку: отрядъ сбился съ дороги и зашелъ къ бо-

лотистому низовью рѣчки Озени. Гребенцы бросились во всѣ стороны и отыскали ногайскій кошъ, изъ котораго привезли мальчика пастуха, не успѣвшаго спрятаться съ взрослыми. Пока, съ его помощью, выбирались на чистую дорогу, наступилъ день. Стали настигать толпы непріятельской конницы и съ разныхъ сторонъ завязывать бой съ визгомъ и крикомъ, а вдали позади ихъ, въ грозномъ безмолвіи поднимались облака пыли отъ тяжело двигавшихся главныхъ силъ шахмалинской рати. Отбивая насѣдавшую конницу, русскіе ускоряли ходъ, бросали тяжелый нарядъ, повозки, бросали трудно больныхъ и раненыхъ. Тарковцы и аварцы накидывались на нихъ, какъ голодные волки, и ихъ отчаянные вопли производили замираніе въ сердцахъ московскихъ ратниковъ. Въ полдень надвинулась вся сила басурманская. Нападенія вели муллы съ поднятыми надъ головами свитками и съ завываніемъ огненныхъ стиховъ корана. Русскіе упорно отбивались, то останавливаясь и строясь «въ кольцо», то вновь двигаясь и устилая путь каждаго перехода тѣлами убитыхъ и раненыхъ, своихъ и непріятельскихъ. Только по закатѣ солнца добрались до Койсу, гдѣ наступившая ночь и обоюдное истощеніе сторонъ прекратили битву [48]. Воевода Хворостининъ пережилъ свое несчастіе и привелъ обратно на Терекъ едва четвертую часть своего отряда. Гребенскихъ казаковъ вернулось домой не болѣе трехсотъ человѣкъ.

Кровь хворостининскаго пораженія падала на кахетинскаго князя Александра, но онъ съумѣлъ оправдаться въ явной винѣ и продолжалъ заявлять о своемъ подданствѣ московскому государю. Когда турки, бывшіе въ то время въ войнѣ съ кизылбашами (борьба омаровой и аліевой религіозныхъ сектъ) и объѣдавшіе Грузію, говорили ему: Москва далеко, а мы близко, онъ отвѣчалъ: а Терекъ и Астрахань недалеко [49]. Таково было значеніе перваго, слабаго русскаго владычества на Терекѣ.

Шахъ Аббасъ, искавшій тѣснаго союза съ царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, охотно уступалъ ему Иверію и даже обѣщалъ отдать Дербентъ и Баку, если русскіе помогутъ ему выбить оттуда ненавистныхъ послѣдователямъ Алія суннитовъ, турокъ. При такихъ обстоятельствахъ въ Москвѣ желали, во чтобы ни стало, усмирить шевкала, „царскаго ослушника“, и открыть чрезъ его владѣнія свободное сообщеніе съ Грузіей по берегу Каспійскаго моря [50]. Дѣйствовать на этотъ берегъ и на самаго шевкала, въ его приморской столицѣ Таркахъ, проще всего было бы съ моря, посредствомъ какого-нибудь, хоть дощаниковаго флота, для котораго былъ уже опорный пунктъ въ Астрахани, но московское правительство не умѣло еще отрѣшиться отъ континентальнаго міросозерцанія и сама историческая правда требуетъ замѣтить, что, если не считать бѣломорскихъ рыбопромышленниковъ, единственными передовыми людьми въ этомъ отношеніи, единственными выразителями морской идеи были вольные казаки. Завоеваніе Тарковъ опять предположено было съ Терека, но уже съ большей послѣдовательностью и съ болѣе широкимъ развитіемъ военныхъ средствъ. Царь Борисъ основательно соображалъ, что для утвержденія русскаго владычества въ Грузіи необходимо было стать прежде твердою ногою въ Дагестанѣ, опрокинуть эту преграду, которую олицетворялъ всегдашній „царскій ослушникъ“, шамхалъ тарковскій. О другомъ, въ дѣйствительности болѣе сильномъ и непослушномъ обладателѣ горъ, ханѣ аварскомъ, и о вольныхъ лезгинскихъ обществахъ, въ Москвѣ, конечно, мало знали и еще меньше ставили ихъ въ разсчетъ. Въ 1604 году двинуты были на Терекъ изъ Казани и Астрахани сильные полки съ воеводами Бутурлинымъ и Плещеевымъ, и опять условлено было съ кахетинскимъ княземъ, чтобы его грузинская рать выслана была на соединеніе съ русской для совмѣстнаго дѣйствія. На военные расходы отпущено было

изъ московской казны триста тысячъ рублей. Въ Грузію былъ отправленъ думный дворянинъ Михаилъ Татищевъ для приведенія въ подданство не только Кахетіи, но и Карталиніи съ древней иверской столицей. Кромѣ того, онъ долженъ былъ пріискать въ семействахъ князей царствующаго дома Иверіи невѣсту для сына Борисова Ѳеодора и жениха для дочери его Ксеніи. Мало было присоединенія древняго царства: царь Борисъ желалъ еще породниться съ старой династіей. Но ни тому ни другому не суждено было осуществиться. Сынъ кахетинскаго князя Александра Константинъ, въ угоду шаху, убилъ своего отца и брата Юрія и остался въ персидскомъ подданствѣ. Шахъ Аббасъ не желалъ уже дѣлать обѣщанныхъ царю Ѳеодору уступокъ, потому что не видѣлъ дѣятельной помощи отъ московскаго правительства противъ враговъ своихъ, турокъ. Грузинскія ополченія, вмѣсто того, чтобъ идти на соединеніе съ русскимъ войскомъ, взяты были шахомъ на свою кизылбашскую службу. Тѣмъ временемъ русскіе воеводы съ десятитысячнымъ отрядомъ, въ составъ котораго входила значительная часть гребенскихъ и терскихъ казаковъ, выступили отъ устьевъ Терека и, подвигаясь твердымъ шагомъ на Тарки, поставили крѣпостцы на Сулакѣ и Акташѣ. Отдѣльныя части отряда производили поиски къ Эндери, Истису (по книгѣ Большому Чертежу „Горячій колодезь“) и по другимъ направленіямъ, забирая у жителей хлѣбъ, скотъ и конскіе кормы. Кумыцкая плоскость, казалось, была вся во власти русскихъ, но болѣе воинственное населеніе уходило къ шамхалу подъ Тарки, съ враждою и злобою за причиненныя ему раззоренія. Шамхалъ, этотъ Митридатъ для московскихъ воеводъ, уклонялся отъ полевыхъ дѣйствій и сосредоточивалъ свои силы въ Таркахъ, оборона которыхъ приведена была въ лучшее положеніе, благодаря указаніямъ, оставленнымъ Хворостининымъ. Прождавъ безполезно долгое время подкрѣпленій, обѣщанныхъ кня-

земъ Александромъ, воеводы подошли, наконецъ, къ шамхаловой столицѣ, раздѣлились на два полка (колонны): старшій, Бутурлинъ, съ стрѣльцами, младшій, Плещеевъ, съ боярскими дѣтьми и казаками, и повели приступъ съ двухъ сторонъ. Войска цѣловали крестъ, выслушивали рѣчи, въ которыхъ напоминалось о костяхъ братьевъ, здѣсь полегшихъ, о русской крови, вопіявшей объ отмщеніи. И стрѣльцы, и боярскія дѣти, и казаки пошли на приступъ съ одушевленіемъ и овладѣли городомъ. Городскія улицы и площади были устланы непріятельскими тѣлами. Шамхалъ Анди-ханъ бѣжалъ въ горы къ аварскому хану. Этотъ шамхалъ былъ уже дряхлый старикъ, почти лишившійся зрѣнія; онъ предоставилъ шамхальствовать и дѣйствовать противъ русскихъ сыну своему Султану-Муту (кумыцкое сокращеніе имени Махмудъ), славившемуся военными способностями. Овладѣвъ Тарками, Бутурлинъ захватилъ близь-лежащее озеро Тузлукъ, откуда жители добывали соль для своего продовольствія, селитру и сѣру для выдѣлки пороху. Желая лишить ихъ этихъ предметовъ первой необходимости, воевода началъ ставить около озера острогъ и въ то же время возводить новую каменную крѣпость въ самыхъ Таркахъ, въ верхней части которыхъ стояли двѣ крѣпкія башни, построенныя шамхалами. Наступившее позднее время года пріостановило крѣпостную работу. Явился къ тому же недостатокъ и въ жизненныхъ припасахъ; послѣднее обстоятельство заставило воеводу отпустить половину стрѣлецкихъ полковъ на зимовку въ Астрахань. Войско, оставшееся въ Таркахъ, должно было испытать въ продолженіи зимы многія лишенія, но, съ наступленіемъ весны 1605 года, оно принялось за продолженіе крѣпостныхъ работъ. Между тѣмъ, предпріимчивый Султанъ-Мутъ успѣлъ поднять на ноги весь Дагестанъ. Чтобъ возбудить и населеніе кумыцкой плоскости, онъ двинулся съ громаднымъ скопищемъ на русскій острогъ, поставленный на Сулакѣ. Стоявшій здѣсь

съ небольшимъ отрядцемъ князь Владиміръ Долгорукій, не имѣя запасовъ для выдержанія осады, зажегъ свое деревянное укрѣпленіе и отступилъ къ Тереку. Тому же примѣру послѣдовалъ и острожекъ на Акташѣ. Ободренный такимъ успѣхомъ, шамхалъ подступилъ со всей своей силой къ Таркамъ и требовалъ, чтобы воеводы, очистивъ его столицу, также отошли на Терекъ. За послѣдовавшимъ со стороны воеводъ отказомъ начались жестокіе бои. Непріятельской рати собралось изъ кумыцкихъ владѣній, аварскихъ и другихъ лезгинскихъ обществъ болѣе двадцати тысячъ. Кромѣ того шамхалъ Султанъ-Мутъ просилъ помощи у турокъ, которымъ оказывалъ недавно услуги при нашествіи ихъ на Гурджистанъ, то есть Грузію. Въ русскомъ войскѣ, изнуряемомъ непрерывными битвами и работами по укрѣпленіямъ, сильно увеличилось число больныхъ и раненыхъ, а лекарей, нѣмцевъ, по обыкновенію, было мало. Доставать свѣжихъ припасовъ не было возможности даже и для отважныхъ побѣжекъ гребенцовъ; довольствовались остатками толокна и вяленой говядины. Шамхалъ, напоминая о подданствѣ своего отца царю московскому, предлагалъ Бутурлину прекратить военныя дѣйствія и, учинивъ замиренье, отойти на Терекъ, угрожая въ противномъ случаѣ скорымъ приходомъ вспомогательной турецкой рати изъ Дербента съ тяжелымъ нарядомъ. Воеводы, хотя и тревожились возможностью столкновенія съ турками, не бывшими въ войнѣ съ русскими, но продолжали твердо отстаивать свое завоеваніе. Лучшую оборону доставляли имъ башни шамхальской постройки, откуда отборные пищальники давали сильный отпоръ непріятельскимъ подступамъ. Наконецъ одна изъ этихъ башень взлетѣла на воздухъ отъ непріятельскаго подкопа, и горы вздрогнули, а вслѣдъ за взрывомъ Султанъ-Мутъ повелъ всю свою пѣхоту на приступъ. Русскіе не дрогнули и отбили приступъ съ страшнымъ для непріятеля уроном. Однако же и имъ не дешево обош-

лась эта побѣда; особенно чувствительна была потеря лучшихъ стрѣльцовъ и казаковъ, погибшихъ подъ развалинами разрушенной башни. Тогда уже обѣ стороны рѣшились вступить въ переговоры. Русскіе воеводы требовали, чтобы шамхалова рать отошла отъ Тарковъ и дала имъ свободное отступленіе за Сулакъ, не поднимая оружія; чтобы шамхалъ принялъ на свое попеченіе трудно больныхъ и тяжело раненыхъ русскихъ, которыхъ придется покинуть въ Таркахъ, а по выздоровленіи отпустилъ бы ихъ въ Терки; чтобы въ обезпеченіе такого договора, далъ воеводамъ въ аманаты своего сына, который послѣдовалъ бы съ русскимъ войскомъ въ Терки и находился бы тамъ, доколѣ послѣдній русскій человѣкъ не будетъ отпущенъ изъ Тарковъ. Соглашаясь на эти условія, шамхалъ требовалъ, во первыхъ, чтобы и воевода Бутурлинъ оставилъ ему въ заложники своего сына, который находился при немъ въ войскѣ и выдавался удальствомъ изъ всѣхъ дѣтей боярскихъ, во вторыхъ, чтобы русскіе не ходили больше войной на Тарки. Послѣ рѣшительнаго отказа Бутурлина принять эти два предложенія, шамхалъ отступился отъ нихъ, а остальной договоръ утвердилъ шертью на коранѣ, самъ и десять начальныхъ людей изъ его рати, и сына въ аманаты выдалъ.

Оставивъ всѣхъ своихъ трудно больныхъ и тяжело раненыхъ, русскіе выступили изъ Тарковъ съ пѣснями, съ грохотомъ бубновъ и потянулись безпечно къ Сулаку. На радости прошла по рядамъ лишняя чара зелена вина. Мы смягчаемъ въ этомъ мѣстѣ кумыцкое сказаніе, которое выражается сильнѣе,—пускай его выраженіе будетъ преувеличеніемъ,—тѣмъ болѣе что и у дагестанцевъ былъ также праздникъ: это былъ день байрама. Въ шамхальскихъ станахъ цѣлое утро раздавалась пальба, завывали молитвенные азамы, въ дополненіе которыхъ имамы сочли приличнымъ украсить великій праздникъ правовѣрныхъ достойнымъ ислама дѣломъ—разрѣ-

шеніемъ шамхала и его сподвижниковъ отъ клятвы, данной невѣрнымъ. Съ объявленіемъ этой дагестанской индульгенціи послѣдовалъ шамхальскій приказъ, взамѣнъ военныхъ игръ, сопровождающихъ празднованіе байрама, произвести внезапное нападеніе на отступившихъ русскихъ, на первомъ ихъ привалѣ, и вырѣзать ихъ до ночи. Случилось, что въ тотъ же день шамхалъ праздновалъ свой бракъ съ дочерью хана аварскаго. Къ свадьбѣ, по обычаю, приготовлены были сотни тулуковъ бузы, которой стало угостить двадцатитысячную рать, стянувшуюся къ Таркамъ на выручку шамхала. Вся эта сила, раздѣленная на нѣсколько частей, двинулась скрытными мѣстами вслѣдъ за русскими и неожиданно ринулась на нихъ со всѣхъ сторонъ, когда они, перейдя рѣчку Озень, расположились нестройно на привалъ и беззаботно варили кашу. Вдохновленные хмѣлемъ свадебной бузы, непріятельскіе наѣздники врѣзались въ русскіе ряды, не давъ имъ устроиться и воспользоваться преимуществомъ, которое доставлялъ имъ огненный бой. Смятеніе увеличили новыя непріятельскія толпы, стремившіяся одна за другой съ длинными кинжалами въ рукахъ. Бой былъ рукопашный; русскіе сбивались въ кучи, не сдавались на дѣлаемыя имъ предложенія и рѣзались отчаянно, пока не падалъ послѣдній человѣкъ. Костековское преданіе приноситъ дань удивленія ихъ твердости и, между прочимъ, разсказываетъ, что воевода Бутурлинъ, сѣдобородый богатырь, видя неминучую гибель русской рати, собственноручно изрубилъ шамхалова аманата въ куски, но что это былъ подставной аманатъ, не шамхаловъ сынъ, а пріемышъ какого-то простолюдина, который за грабежъ былъ приговоренъ шамхаловымъ судомъ къ висѣлицѣ и только этимъ подлогомъ купилъ себѣ помилованіе. Разсказъ вполнѣ вѣроятный, потому что такіе же подлоги съ аманатами совершались часто и въ ближайшее къ намъ время.

Почти все московское войско и оба воеводы полегли въ этой адской свалкѣ, продолжавшейся, благодаря русской стойкости, нѣсколько страшныхъ часовъ. Спаслись немногіе изъ конныхъ дѣтей боярскихъ и гребенскихъ казаковъ. Изъ послѣднихъ остались также цѣлы тѣ, которые, сгарая нетерпѣніемъ пріѣхать скорѣе домой къ своимъ мамукамъ, отпросились у воеводъ въ началѣ похода и ускакали впередъ. Дагестанцы понесли не менѣе чувствительную потерю убитыми и ранеными; въ числѣ первыхъ былъ самъ шамхалъ Султанъ-Мутъ, прославившійся военными подвигами въ походахъ на Грузію. Безполезно прибавлять, что покинутые въ шамхальской столицѣ, несчастные больные и раненые русскіе погибли мученической смертью, влачимые и терзаемые по улицамъ. Надъ ними ругались даже старыя женщины и малыя дѣти[51]. Безъ жертвъ, и нерѣдко самыхъ тяжкихъ и ужасныхъ, не создается величіе государствъ. Намъ предстоитъ видѣть цѣлый рядъ ихъ въ предлежащемъ обозрѣніи тревожной жизни самаго дальняго изъ заукраинныхъ казачествъ, въ старое время.

Вѣроломство шамхала тарковскаго осталось какъ бы наслѣдіемъ его преемниковъ: они продолжали до позднѣйшаго времени считаться русскими подданными и вмѣстѣ продолжали дѣлать измѣны и самыя ухищренныя правдонарушенія. Въ однихъ случаяхъ виноваты были тѣже, власть надъ совѣстью имущіе имамы, въ другихъ внѣшнія политическія вліянія и обстоятельства, въ третьихъ внутреннее нестроеніе общества. Ни въ тарковскомъ, ни въ другихъ кумыцкихъ владѣніяхъ, ни тѣмъ болѣе въ ногайскихъ улусахъ и чеченскихъ родовыхъ общинахъ не было общественнаго единства и опредѣленнаго направленія. Личность преобладала надъ обществомъ и каждая отдѣльная личность была вооруженная сила, съ которою слѣдовало считаться. Отъ этого происходили постоянные разлады, правдонарушенія, столкновенія. Русская исторія записала: кабардинскіе

князья покорились царю Іоанну Грозному; объ этомъ можно говорить только какъ о большинствѣ или меньшинствѣ, но неудобно понимать это въ общемъ, опредѣленномъ смыслѣ. Одни князья покорились, другіе не захотѣли этого; одни вели своихъ ратниковъ въ Москву, другіе въ Бахчисарай, а третьи въ Телавъ. И потомъ, сегодня было такъ, завтра совсѣмъ иначе. Расположеніе умовъ было также измѣнчиво, какъ и погода въ горахъ. Но особенно важно то, что подъ князьями были уорки, пользовавшіеся, какъ и старинные русскіе дружинники, правомъ вольнаго перехода отъ одного князя къ другому. Они были ближе къ народу, вліятельнѣе на народъ, и могли тянуть его въ ту или другую сторону еще сильнѣе князя. Наконецъ, еще одна черта, общая и кабардинцамъ, и кумыкамъ, и чеченцамъ; изъ вольнаго, носящаго оружіе, народа, постоянно выдѣлялись недовольные, обездоленные люди, въ родѣ изгоевъ удѣльной Руси, или тѣхъ абрековъ и геджретовъ, которыхъ мы знали во время кавказской войны; эти отщепенцы никакъ ужь не сообразовались съ положеніемъ и направленіемъ своихъ обществъ и дѣлали тоже, что и русскіе вольные или—крайній отбросъ ихъ—воровскіе казаки.

Такое соціальное, чтобъ не сказать, политическое или космополитическое положеніе края производило частыя и рѣзкія измѣненія во взаимныхъ отношеніяхъ сосѣдей и сильно вліяло на судьбу гребенскихъ казаковъ, въ томъ смыслѣ, что вводило ихъ въ частыя столкновенія, вольныя и невольныя,—тѣмъ болѣе что они должны были держаться одного направленія—русскаго, указателемъ котораго былъ воевода сперва Терскаго города у Сунжи, а потомъ другаго города Терковъ у моря. Частыя тревоги и сшибки, а особенно два кровопролитные похода съ царскими войсками въ Дагестанъ значительно поубавили боевую силу гребенскихъ городковъ*). Мы не

*) До позднѣйшаго времени, въ населеніи Гребенскаго войска жен-

должны пройти молчаніемъ еще двухъ московскихъ походовъ съ воеводами Иваномъ Семеновичемъ Черемисиновымъ, въ 1560, и съ княземъ Засѣкинымъ, въ 1590 году, противъ того же шевкала тарковскаго. Историческіе памятники, сохранившіе извѣстія объ этихъ походахъ, говорятъ только, что они предприняты были „за неисправленіе шевкала къ пятигорскимъ черкасамъ“, но не передаютъ дальнѣйшихъ подробностей[52]. Не напечатлѣлись эпизоды эти и въ народной памяти, чрезвычайно живучей въ горахъ, гдѣ на каждое событіе, отмѣченное потоками человѣческой крови, слагается пѣсня, или былина, которая и переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Изъ такого молчанія можно заключить, что походы воеводъ Черемисинова и Засѣкина ничѣмъ особеннымъ не ознаменовались, и гребенскимъ казакамъ, которые не могли не участвовать въ этихъ движеніяхъ, не стоили потерь. Что же относится до чувствительной убыли, понесенной гребенскими городками отъ двухъ описанныхъ выше побоищъ,—подробности которыхъ удержались въ народномъ преданіи съ такой свѣжестью, какъ нелинючія краски въ фрескахъ уцѣлѣвшихъ развалинъ,—то она должна была пополниться, въ большей или меньшей мѣрѣ, новыми приходцами съ Дона, Яика и Волги, преимущественно съ послѣдней. Кому недостаточно широко было волжинское раздолье, кто не находилъ тамъ своей доли или, бѣжавши отъ бѣды, наталкивался на новое лихо, тотъ шелъ уже на край свѣта, тогдашняго русскаго свѣта—„на Куму“,—излюбленный когда-то у казаковъ несогласниковъ возгласъ,— а Кума рѣка, выбѣгающая изъ подъ подошвы самаго Эльбруса, приводила въ Пятигорскіе Черкасы и на казацкіе Гребни, гдѣ для русскаго человѣка опять таже, что на Волгѣ, русская бойкая рѣчь, русская заунывная пѣсня и русская широкая удаль. Вольное казачество, которому, по всей вѣроятности, принадле-

ский полъ всегда превышалъ числомъ мужескій, потому что послѣдній подвергался большей убыли отъ военныхъ тревогъ.

житъ честь изобрѣтенія поговорки: жизнь копѣйка, а голова наживное дѣло,—несло большія потери въ людяхъ, на всѣхъ украйнахъ,—тяжелый молотъ его судьбы, по словамъ поэта, „дробилъ стекло, ковалъ булатъ“,—но какъ пополнялись его потери, лучше всего показываетъ простодушное замѣчаніе кафинскаго паши, обращенное къ Ивану Кондыреву, первому послу царя Михаила Ѳеодоровича къ султану: „наши люди каждый годъ побиваютъ многихъ казаковъ, а все ихъ не убываетъ; сколько бы ихъ въ одинъ годъ ни побили, на другой годъ еще больше того съ Руси прибудетъ“ [53]. Нельзя сомнѣваться, что наступившее смутное время на этой неистощимой Руси могло особенно благопріятствовать приливу вольныхъ казаковъ на Терекъ и на Гребни. Кстати одно необходимое замѣчаніе о смутномъ времени, къ которому мы приблизились въ нашемъ разсказѣ.

Оно даетъ поводъ нашимъ историкамъ, особенно неблагопріятно отзываться о казакахъ—этомъ, будто бы, „противообщественномъ элементѣ“ [54],—что нетрудно отнести ко всякой казармѣ, не устанавливая различія между внѣобщественнымъ и противообщественнымъ элементомъ. Казакамъ отказываютъ въ извиненіи, которое даютъ другой части русскаго общества, введенной въ прискорбное заблужденіе самозванцами. А извиненіе въ этомъ заблужденіи скорѣе всего могло бы принадлежать казакамъ, дальнимъ украинным людямъ, вся связь которыхъ съ государствомъ держалась на одной монархической идеѣ, и которымъ политическій культъ царя природнаго, православнаго,—царя-батюшки, а не Годунова, произнесшаго имъ жестокое отлученіе отъ отечества [55],—былъ завѣтнѣе присущъ, чѣмъ всякимъ земскимъ людямъ и общинамъ. Но въ виду страшной картины ниспровергнутаго порядка, въ нихъ усматриваютъ разорителей государства, оставляя безъ оцѣнки тотъ фактъ, что они сами имѣли безчисленныхъ самозванцевъ, са-

мозванцевъ носимаго ими имени, порожденныхъ, имъ невѣдомо, въ самихъ земскихъ сферахъ, въ самой средѣ общественнаго элемента, государственнымъ потрясеніемъ смутнаго времени. Ихъ именемъ назывались и подъ ихъ поддѣланное знамя стекались необузданныя шайки земской сволочи, вчерашніе земскіе ярышки, отъ которыхъ и пошло на нихъ такое преувеличенное нареканіе. Но мы знаемъ, что сама государственная власть считала справедливымъ снять съ нихъ тяжесть этого нареканія, оправдать ихъ предъ исторіей: было повелѣніе царя Михаила Ѳеодоровича самозванныхъ казаковъ, которые „пуще и грубнѣе Литвы и Нѣмцевъ“, казаками не называть, „чтобъ прямымъ атаманомъ и казакомъ, которые намъ служатъ, тѣхъ воровъ казаковъ именемъ безчестья не было“ [56]. Не мѣсто разъяснять здѣсь, что основу казачества, и на Дону, и на Яикѣ, и на Терекѣ, составлялъ консервативный монархическій элементъ, который сообщалъ набродному обществу жизненную силу и способность, прямо или косвенно, исправно или съ уклоненіями, служить государству и дожить съ государствомъ до сего дня; но, въ силу не организованной правильнымъ образомъ свободы, къ основѣ этой привходили наплывы алчущей голытьбы, въ глазахъ которой мерещилась одна только добыча зипуна, которая, какъ все чувственное, жадное и чуждое идеи, не носила въ себѣ жизненнаго начала, а только на поверхности здороваго тѣла производила порою опасные нарывы, которые, однакожъ, не шли внутрь и разрѣшались подъ хирургическимъ ножемъ, не оставляя затвердѣній, препятствующихъ правильному развитію живучаго организма.

Послѣ высказаннаго замѣчанія, намъ удобнѣе будетъ говорить о жизни гребенскихъ казаковъ въ смутное время на Руси и послѣ него.

IV.

Какъ отнеслось гребенское войско къ смутному времени на Руси.—Въ чемъ выражался колонизаціонный и боевой характеръ войска.—Въ какихъ услугахъ и походахъ обозначилась его дальнѣйшая служба.

Не смотря на завоеваніе татарскихъ царствъ казанскаго и астраханскаго, московское государство еще не въ силахъ было поставить неодолимую преграду татарскимъ нашествіямъ и вторженіямъ. По южнымъ границамъ, едва не на тысячеверстномъ пространствѣ, сооружались городки, остроги, проѣзжія ворота, башни; выкапывались рвы, насыпались валы, набивались надолбы, ставились частоколы, воздвигались лѣсные завалы,—а лихіе татары всетаки врывались въ глубину страны, пустошили беззащитныя селенія, полонили русскихъ людей многими тысячами, гнали ихъ на чужую сторону, въ неволю, какъ скотскіе гурты, и еще хвастались иногда, что работали одной только плетью, не обнажая сабли [57]. Не естественно ли же было, при такомъ положеніи государства, всякую силу, такъ или иначе способную къ противодѣйствію, не исключая и представителей центробѣжной силы—вольныхъ казаковъ, щадить и направлять къ огражденію страны, къ упроченію ея обороны и безопасности? Московское прави-

тельство такъ и дѣлало. Дорожа охочей удалью казаковъ, заботясь обратить ихъ въ орудіе государственной защиты, оно имѣло благоразуміе терпѣливо относиться къ тому, что это обоюдуострое, но все-таки полезное орудіе не всегда было послушно, не всегда работало въ желаемомъ направленіи. Но Борисъ Годуновъ иначе взглянулъ на вещи: онъ не хотѣлъ—не можемъ сказать не умѣлъ—понять, что въ государствѣ, во многихъ отношеніяхъ недоразвитомъ, даже географически недостроенномъ, не все могло быть правильно и стройно, и затѣялъ истребленіе полевыхъ казаковъ, на первую встрѣчу съ заклятымъ врагомъ обреченниковъ, усматривая въ нихъ одно только рѣзкое противорѣчіе излюбленному имъ прикрѣпленію къ землѣ сельскаго люда, прикрѣпленію, необезпечивавшему, однакоже, этого работающаго люда отъ позорныхъ угоновъ подъ татарской плетью на невольничьи бусурманскіе рынки, даже въ Египетъ. Въ этомъ ближайшая причина, почему казаки такъ горячо приняли сторону лжедимитрія, при первомъ его появленіи, уповая видѣть въ немъ своего прирожденнаго государя, своего царя-батюшку, котораго иногда прогнѣвляли, но никогда не оскорбляли, о державствѣ котораго у нихъ говорилось: гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. Монархическій культъ казачества въ этомъ патріархальномъ или, точнѣе, національномъ смыслѣ не ускользнулъ изъ соображеній хитраго Сигизмунда: въ договорѣ объ избраніи на московскій престолъ королевича Владислава было включено, по внушенію польской стороны, условіе, которымъ будущему царю иноземному предоставлялось рѣшить вопросъ: быть или не быть казакамъ въ московскомъ государствѣ? Въ постановкѣ этого условія выражалось, конечно, предвидѣніе, что казаки не захотятъ государя не природнаго, иноземнаго и тогда вопросъ надлежало бы рѣшить отрицательно*).

*) При избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича, когда стороны колебались и голоса еще не соединились, одинъ донской атаманъ подалъ

Событія, какъ извѣстно, обошли этотъ роковой для казачества вопросъ, а для насъ имѣетъ особое значеніе въ упомянутомъ условіи то обстоятельство, что гребенскіе казаки въ немъ не названы при поименномъ исчисленіи другихъ казачьихъ войскъ. Обстоятельство это мы принимаемъ за доказательство, что гребенскіе казаки, и только они одни, оставались въ сторонѣ отъ бурныхъ движеній смутнаго времени, не ходили подъ Москву и въ Тушино. Невмѣшательство гребенцовъ въ эту разностихійную борьбу и смуту объясняется ихъ дальнимъ мѣстнымъ положеніемъ и тревожными отношеніями къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ. Всегда была такая сторона, откуда грозила имъ опасность, и вседневно вызывалась необходимость стоять на сторожѣ или за себя, или за своихъ союзниковъ—конаковъ.

Но, помимо этихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, гребенское войско, вообще отличалось большей домовитостью, болѣе замѣтнымъ культурнымъ настроеніемъ, чѣмъ другія казачьи войска того времени. Это была въ строгомъ смыслѣ колонія, самая ранняя русская колонія на Кавказѣ. Когда московское правительство, страшась разрыва съ могущественной Портой, наказывало донскимъ казакамъ, чтобы не дѣлали морскихъ набѣговъ на крымскіе и турецкіе берега, послушные въ другихъ случаяхъ, сыны Дона въ одномъ этомъ случаѣ обнаруживали непобѣдимое упрямство и обыкновенно отговаривались тѣмъ, что, окромя молодечества, имъ жить больше нечѣмъ, что безъ морскихъ походовъ они останутся наги, босы и голодны [58]. Гребенскіе казаки умѣли находить средства для жизни внѣ варяжскихъ набѣговъ—въ собственномъ производительномъ трудѣ. Донцы не знали и знать не хотѣли хлѣбопашества, муж-

собору письменное мнѣніе отъ своего войска. «Что это ты подалъ атаманъ?» спросилъ его князь Пожарскій.—«О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ», отвѣчалъ атаманъ. (Ист. рос. С. Соловьева. т. VIII. гл. 8).

ланами обзывали хлѣбопашцевъ, какъ будто бы не изъ мужлановъ сами вышли и бичами забивали тѣхъ изъ казаковъ, которые брались за соху [59]. Они кормились даровымъ хлѣбомъ, привозимымъ изъ Москвы въ царскихъ бударахъ, вмѣстѣ съ зельемъ (порохомъ), виномъ, сукнами и другими предметами царскаго жалованья. Гребенцы не ѣли московскаго хлѣба, сами его производили, сѣяли просо и кукурузу, руками женъ сукна и галуны ткали, даже насаживали шелковичное дерево и виноградную лозу. Гдѣ виноградная лоза, тамъ и женская красота, тамъ и мужская храбрость и веселая бесѣдушка за чапурой домашняго, „родительскаго“ вина *). Все это сохранилось у гребенскихъ казаковъ донынѣ, и все это несомнѣнно было у ихъ отдаленнѣйшихъ предковъ. Изъ соединенія добропорядочной домовитости и мужественной борьбы съ опасностями, составлявшими злобу каждаго житейскаго дня, создалось еще одно качество, отличавшее гребенское войско чрезъ всѣ его поколѣнія, до послѣдняго дня кавказской войны, качество, послужившее наукой и другимъ кавказскимъ казакамъ: это полная огня готовность идти по всякому призыву на службу государеву и потомъ твердо выполнить долгъ, лечь костьми въ неравномъ бою, какъ дѣлала дружина древнекняжеская. Гребенскіе казаки не знали заячьяго отступленія, но, сталкиваясь съ превосходнѣйшимъ въ силахъ непріятелемъ, схватывались съ коней и отбивались, стоя на собственныхъ ногахъ, на одномъ мѣстѣ. Такъ у нихъ велось отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку. Имѣемъ многія указанія на то, что они вѣрно и храбро служили терскимъ воеводамъ: выполняли ихъ наряды въ городъ Терки, при всякой большой тревогѣ, оберегали торговую дорогу на Тарки и отбывали всегда опасныя посылки въ обѣ Кабарды, въ Ку-

*) Чапура-цапля. Такъ нызывается заздравный ковшъ, форма котораго имѣетъ или, по крайней мѣрѣ, встарину имѣла сходство съ названной птицей.

мыки и Ногаи, въ Чечню и Дагестанъ. Причемъ много помогало имъ знаніе мѣстныхъ языковъ, а въ способности примѣняться къ чужимъ нравамъ и обычаямъ русскій человѣкъ никогда не имѣлъ недостатка.

Пускай не покажется страннымъ, если къ сказанному добавимъ, что эти же обитатели глухихъ гребней являлись иногда защитниками и европейской науки, робко пробиравшейся въ московское государство по воцареніи дома Романовыхъ. Въ 1628 году отправлены были правительствомъ царя Михаила Ѳеодоровича на Терекъ два иностранные минералога, Самуилъ Фричъ и Іоганъ Герольдъ, для отысканія въ кавказскихъ горахъ серебрянной и мѣдной руды, какъ новаго источника къ поправленію финансовъ государства, разстроеннаго предшествовавшими потрясеніями. Терскій воевода возложилъ охраненіе ученыхъ изыскателей и сопровожденіе ихъ въ горахъ на гребенскихъ казаковъ, каковую миссію послѣдніе выполнили усердно и исправно. Въ сказкѣ, представленной по окончаніи изысканій московскому правительству, нѣмцы съ похвалою отзывались о гребенцахъ, какъ о людяхъ, „на вѣрность которыхъ можно положиться“. Они видѣли гребенскіе „острожки“ въ горахъ выше „кабаковъ“ (селеній) Илдара и Келмамета, сыновей Ибака-мурзы, владѣльца малокабардинскаго, и, вѣроятно, вслѣдствіе соображеній, высказанныхъ имъ казаками, совѣтовали думнымъ боярамъ въ Москвѣ построить острогъ на Сунжѣ [60]. Былъ ли исполненъ совѣтъ ученыхъ путешественниковъ, увидимъ ниже.

Кромѣ исчисленныхъ видовъ вседневной службы, гребенское войско давало отъ себя большіе или меньшіе контингенты въ составъ экспедиціонныхъ отрядовъ, съ которыми терскіе воеводы должны были, время отъ времени, производить движенія въ туземныя общества, то для поддержанія своихъ сторонниковъ, то для укро-

щенія противниковъ, волнуемыхъ враждебнымъ вліяніемъ Крыма. Чаще всего давали поводъ къ такимъ движеніямъ малые ногаи. Что такое малые ногаи или казыевы улусы, объ этомъ нельзя не сказать нѣсколько словъ.

Въ первой половинѣ XVI вѣка произошло кровопролитное междоусобіе въ большой ногайской ордѣ, занимавшей нижнее поволожье. Завязалась жестокая рѣзня между владѣтельнымъ княземъ Юсуфомъ и братомъ его Исмаиломъ. Послѣдній остался побѣдителемъ и, умертвивъ Юсуфа, сдѣлался повѣлителемъ орды. Онъ извѣстенъ въ нашей исторіи какъ добрый слуга Іоанна IV, твердо державшійся даннаго слова быть въ его зависимости. Онъ-то писалъ царю: „я твой казакъ и твоихъ воротъ человѣкъ“. Такія отношенія сохранились и при его преемникѣ Тинахматѣ, имѣвшемъ въ супружествѣ Малкурубу, дочь кабардинскаго князя Темрюка. Явилась даже родственная связь, когда другая дочь того же кабардинскаго князя, Гуаше, во св. крещеніи Марія, сдѣлалась супругою Грознаго въ 1561 году. Между тѣмъ, побѣжденная въ междоусобной войнѣ Юсуфа съ Исмаиломъ часть орды, имѣя во главѣ мурзу Казыя, откочевала къ Азовскому морю и рѣкѣ Манычу откуда, продолжая усиливаться новыми выходцами съ Волги, распространилась до Кумы, въ сосѣдство къ кабардинцамъ. Съ тѣхъ поръ эта фракція большой орды стала называться малыми или казыевыми ногаями *) и подпала подъ власть крымскихъ хановъ. Казый-мурза породнился съ кабардинскимъ княземъ Шеапшокомъ чрезъ женитьбу свою на его дочери и этимъ семейнымъ союзомъ внесъ разлагающій элементъ въ среду кабардинскихъ князей, сдѣлавъ тестя своего приверженцемъ Крыма. Образованіе малой ногайской орды,

*) Впослѣдствіи, раздѣляясь на удѣлы между размножившимися потомками Казыя, они получили множество частныхъ названій, какъ напримѣръ: Солтанъ-Улу, Наврузъ-Улу, Каспулатъ-Улу и др.

враждебно относившейся къ своей метрополіи, усиливало крымскихъ хановъ и ослабляло союзниковъ Москвы, большихъ ногаевъ. Кромѣ того послѣдніе терпѣли постоянныя обиды отъ казыевцевъ, искавшихъ перетянуть къ себѣ, въ просторъ прикавказскихъ степей, и всю волжскую орду, чтобъ отдать ее подъ власть крымскаго хана. Это подвинуло царя Михаила Ѳеодоровича, въ 1633 году, оказать помощь князю большой орды Канаю, чтобы „Казыевы улусы до конца раззорить и искоренить“. Канай собрался на этотъ погромъ съ двадцатью тысячами своихъ ногаевъ. Терскимъ воеводамъ князю Василію Туренину и князю Семену Волконскому предписано было идти на Казыевы улусы съ 200 стрѣльцами и 20 дѣтьми боярскими, съ кабардинцами и другими служилыми инородцами, „со всѣми безъ выбору, сколько ихъ есть“, да съ вольными атаманами и казаками, терскими и гребенскими, „у которыхъ лошади есть и которые похотятъ“. Кромѣ того, двинуты были ратные люди изъ Казани, изъ понизовыхъ городовъ дѣти боярскіе и „иноземцы, которые живутъ на корму“, изъ Астрахани дѣти боярскія, стрѣлецкіе головы, едисанскіе и юртовскіе мурзы, табунные головы и юртовскіе татары и, наконецъ, съ Дону донскіе казаки. Сборный пунктъ былъ назначенъ на нижней Кумѣ, у Маджаръ, древняго города, уже и тогда лежавшаго въ величественныхъ развалинахъ. Изъ памятника, передающаго подробности этого похода, видно, что князь Туренинъ, еще до прибытія на сборный пунктъ, умеръ и что оставшійся воевода князь Волконскій, „не дождался донцовъ, на Казыевы улусы наступалъ, повоевалъ и раззорилъ и полонъ многой поймалъ и пошелъ къ Астрахани разными дорогами, а донцы, опоздавъ, отбили у ногай большихъ (то есть у побѣдителей, возвращавшихся съ тріумфомъ) татарскаго ясырю съ тысячю пятьсотъ и много лошадей“ [61]. Не знаемъ, сколько было гребенцовъ въ этомъ

большомъ походѣ, но не сомнѣваемся, что и они возвратились въ свои острожки не съ пустыми руками.

Вскорѣ послѣ этого удара, нанесеннаго малымъ ногаямъ съ Терека и Волги, совершилось на Дону событіе, покрывшее вѣчною славою удаль вольнаго казачества: донскіе казаки, соединившись съ запорожскими, безъ инженеровъ и осадной артиллеріи, овладѣли сильной турецкой крѣпостью Азовомъ и нѣсколько лѣтъ отстаивали ее противъ стотысячныхъ армій могущественной порты Оттоманской. Но когда, руководимая благоразуміемъ, Москва не пожелала принять этого завоеванія (хотя отъ Кахетіи и Карталиніи и не отказывалась), то побѣдителямъ, добровольно покинувшимъ турецкую крѣпость, не дешево пришлось платиться за свою удаль, оправдавшую русское присловье: смѣлость города беретъ. По предписаніямъ отъ Порты, крымскій ханъ началъ сильно тѣснить донскихъ казаковъ. Не разъ и прежде грозилъ онъ согнать ихъ съ Дона, а теперь со всей силой налегъ на исполненіе своей угрозы, изъ опасенія, чтобы важная азовская твердыня, ключъ къ морю и Крыму, опять не впала въ ихъ руки. Осенью 1645 года, крымскіе, азовскіе, кубанскіе татары и темрюцкіе черкасы (жаны) подступили къ Черкасскому городку, передовому и главному оплоту донскихъ казаковъ, и всю зиму держали его въ такой тѣсной осадѣ, что не давали казакамъ выдти даже за дровами и за рыбой, „и приступы подъ Черкасской городокъ дѣлали частые, большимъ собраніемъ, и бой и кровопролитіе было великое“. Царь Алексѣй Михайловичъ, по прошенію донскихъ казаковъ, послалъ къ нимъ на выручку дворянина Ждана Кондырева съ отрядомъ, набраннымъ изъ охотниковъ украинныхъ городовъ Серпухова, Тулы, Дѣдилова, Ельца, Воронежа и другихъ. „Велѣно было кликати бирючамъ, чтобъ вольные люди прибиралися: отъ отцовъ дѣти, отъ братьевъ братья, отъ дядей племянники; жалованье давать:

кто имѣетъ пищаль—пять рублей съ полтиной, а у которыхъ пищалей не будетъ—четыре рубля да пищаль, да имъ же на дорогу по фунту пороху да по два фунта свинцу; изъ Воронежа отправляться имъ на судахъ". Кондыревъ собралъ такимъ образомъ 3.060 человѣкъ и повелъ ихъ къ Черкасскому городку. Въ тоже время предписано было астраханскому воеводѣ, стольнику князю Семену Пожарскому спѣшить туда же съ астраханскими и терскими служилыми людьми, съ гребенскими и терскими казаками, съ княземъ Муцаломъ Сунчалеевичемъ и подвластными ему кабардинцами и теменскими (жившими около Терковъ) татарами. Гребенскихъ и терскихъ казаковъ пошло въ этотъ походъ 1.200 человѣкъ. Но такъ какъ облегавшая Черкасскій городокъ орда отхлынула и убралась восвояси еще до прибытія вспомогательныхъ отрядовъ, то Кондыреву и Пожарскому прислано было царское повелѣніе произвести нападеніе на Перекопъ, не трогая Азова, какъ крѣпости турецкой. Но донцы знали, что въ этой турецкой крѣпости томятся четыре тысячи русскихъ плѣнниковъ, и потому, не слушая воеводъ, „зашумѣли всѣмъ войскомъ" и рѣшили напасть на нее „изгономъ", по казацки (de coup de main). Къ нимъ пристали терскіе стрѣльцы, терскіе и гребенскіе казаки съ охочими людьми князя Муцала. Испытавъ неудачу на приступѣ съ голыми руками, казаки порубили татаръ, сидѣвшихъ въ особомъ окопѣ внѣ крѣпости, и двинулись на рѣку Ею (какое имъ дѣло, что въ тылу оставалась крѣпость съ сильнымъ гарнизономъ), гдѣ погромили большой ногайскій улусъ мурзы Шатемира и пригнали къ Черкасскому городку татарскаго ясыра до 7.000 душъ обоего пола,—вернули значитъ за своихъ,—да 6.000 головъ рогатой скотины и 2.000 барановъ. По этой тревогѣ, крымскій калга Нурадынъ-Гирей, сидѣвшій въ Копылѣ, прибылъ поспѣшно къ Азову съ семью тысячами лучшей татарской конницы и, усилясь

тремя тысячами азовцевъ, подошелъ скрытно къ Черкасскому городку, гдѣ русская рать была расположена въ безпорядкѣ по обоимъ берегамъ Дона. Князь Муцалъ Сунчалеевичъ съ своими людьми, съ гребенскими и терскими казаками стоялъ отдѣльно въ полномъ расплохѣ. Калга Нурадынъ-Гирей сдѣлалъ на него на перваго внезапное нападеніе и привелъ его отрядъ въ сильное замѣшательство. Изъ его подвластныхъ теменскій Бей-мурза потерялъ байракъ (знамя) и такъ стремительно бѣжалъ съ поля битвы, что остановился только на Терекѣ. Но гребенцы и терцы скоро оправились и завязали упорный бой, въ которомъ не замедлили принять участіе князь Пожарскій, Кондыревъ и войсковой атаманъ Осипъ Петровъ съ донцами. Бились цѣлый день и только съ наступленіемъ ночи Нурадынъ-Гирей, ослабленный большой потерей людей и лошадей, отошелъ къ Азову. Въ этомъ упорномъ сраженіи раненъ князь Пожарскій и много побито гребенскихъ казаковъ и Муцаловыхъ уорковъ. Крымскій калга отступилъ отъ Азова на рѣку Кагальникъ и тамъ началъ сбирать новую татарскую силу изъ малыхъ прикубанскихъ ногаевъ. Русскіе рѣшились отплатить ему своимъ нечаяннымъ нападеніемъ. Всего русскаго войска съ казаками и дружиною князя Муцала набиралось до шести тысячъ пѣхоты и конницы. Въ ночь на 3-е августа 1646 года, весь этотъ отрядъ двинулся скрытно въ обходъ Азова, по направленію къ Кагальнику. Двигались три ночи, скрываясь днемъ по глубокимъ балкамъ, и 7-го августа, на утренней зарѣ, ударили на станъ калги. Татары разсѣялись въ неописанномъ страхѣ, и самъ калга едва спасся поспѣшнымъ бѣгствомъ на Чубуръ. Его шатеръ съ неубранной постелью и со всѣми пожитками, шатры многихъ мурзъ и весь татарскій станъ съ запасами и разнымъ добромъ достались побѣдителямъ. Много татаръ было побито и захвачено живьемъ „въ языки“. Предавъ огню повозки, коши и все, чего не могли взять

съ собою, русскіе отошли назадъ къ Черкасскому городку. Поднявшіеся на тревогу окрестные ногаи и азовскій паша Мустафа-бей преслѣдовали ихъ вяло и особеннаго вреда имъ не нанесли, а только принудили ихъ арьергардъ перерѣзать 200 усталыхъ татарскихъ плѣнниковъ, затруднявшихъ скорое отступленіе [62]. Успокоивъ такими подвигами донскую братью, гребенскіе казаки возвратились въ свои городки, гдѣ были и слезы по кормильцамъ, сложившимъ свои головы въ донской землѣ, и радостныя угощенія чапуркой вернувшихся съ полными добычей сумами любезныхъ станичниковъ.

V.

Какъ дѣйствовало московское правительство на шамхала и другихъ горцевъ восточнаго Кавказа.—Какъ сдѣлана была первая попытка къ занятію предгорій полевыми укрѣпленіями.—Какой службой и какой культурой заявили себя при томъ русскіе обитатели предгорій или гребней, гребенскіе казаки.

Между тѣмъ, воеводы терскіе видѣли, что однихъ гребенскихъ городковъ недостаточно было для поддержанія порядка въ притеречномъ краѣ и для огражденія безопасности торговаго пути отъ Терковъ въ Шемаху чрезъ шамхаловы Тарки. Всегдашній смутникъ, шамхалъ тарковскій и пристанодержатель всякихъ разбойниковъ, владѣлецъ эндерійскій, какъ сильнѣйшіе послѣ кабардинцевъ, не переставали дѣлать обиды болѣе слабымъ владѣніямъ и обществамъ. Терскіе воеводы постоянно должны были вступаться за утѣсненныхъ и хлопотать по разбирательствамъ ихъ жалобъ. При частыхъ перемѣнахъ, трудно было бы имъ справляться съ этими дѣлами, еслибъ не помогалъ имъ прямодушный и чрезвычайно усердный къ пользамъ московскаго правительства князь Муцалъ Сунчалеевичъ. Тарковскій шамхалъ и эндерійскій предатель были неистощимы въ отговоркахъ и во встрѣчныхъ искахъ,

которые могъ сколько-нибудь распутывать одинъ Мучалъ. Въ описываемое время, шамхалъ Суркай-Ханъ принялъ къ себѣ въ „конаки“ (гости) бѣжавшаго съ Волги изъ большой орды съ значительнымъ улусомъ ногайскаго мурзу Чобана, сына Иштерекова, холопа государева. Событіе это произвело тревогу въ сосѣднихъ мелкихъ владѣльцахъ, кумыцкихъ и малокабардинскихъ, которые въ усиленіи шамхала новымъ конакомъ видѣли нарушеніе, такъ сказать, политическаго равновѣсія въ притеречномъ краѣ. Воевода послалъ къ шамхалу казаковъ и кабардинцевъ взять отъ новаго пришельца шерть (присягу) и аманатовъ; шамхалъ отнесся къ посланнымъ враждебно, а послѣ объяснился, что Чобанъ отправилъ было своего сына въ Терки въ аманаты, но нечаянная встрѣча на пути съ крымскими татарами такъ его перепугала, что онъ опрометью вернулся назадъ въ Тарки; что дѣло это можно было бы поправить, но посланные отъ воеводы люди, начавъ производить въ Таркахъ обыскъ, въ снѣжную и морозную погоду, разогнали женщинъ и дѣтей, которыя поморозились; это самое и вызвало его, шамхала, на враждебныя дѣйствія въ смыслѣ самозащиты; на будущее же время онъ обѣщается такъ не поступать и какъ Чобанова аманата выслать, такъ и своихъ перемѣнить „добрыми аманатами отъ прямыя жены“[63]. Вотъ образчикъ воеводскихъ сношеній съ управляемыми владѣльцами. Что же относится до высказаннаго шамхаломъ обѣщанія дать „добрыхъ“ аманатовъ, то надобно пояснить, что оно было вызвано требованіемъ астраханскаго воеводы, князя Пронскаго, сдѣланнымъ шамхалу вслѣдствіе челобитной отъ всѣхъ чиновъ Терскаго города. Челобитная эта любопытна тѣмъ, что въ ней исчисляются всѣ сословія, какія существовали тогда въ этомъ дальнемъ русскомъ городѣ и его округѣ. „Въ нынѣшнемъ въ 159 (въ 1651) году іюня въ 7 день“— писалъ Пронскій терскимъ воеводамъ князю Щетинину

и Алябьеву—„писали вы къ намъ и прислали подъ отпискою челобитную протопопа съ братіею и князя Муцала и мурзъ Черкасскихъ и головъ стрѣлецкихъ и дѣтей боярскихъ и сотниковъ и новокрещеновъ и пятидесятниковъ и десятниковъ и стрѣльцовъ и терскихъ и гребенскихъ атамановъ и казаковъ и охочанъ и юртовскихъ татаръ и всякихъ иноземцевъ за ихъ руками; а въ челобитной ихъ написано: тарковской-де Сурхай шевкалъ и ондереевской (эндерійскій) Казаналпъ мурза *) даютъ въ Терской городъ аманаты дѣтей не отъ прямыхъ женъ и въ дядькахъ съ ними присылаютъ холопей, а не родственныхъ людей и не узденей, и въ томъ-де имъ отъ кумыцкихъ владѣльцевъ чинится обида и тѣснота большая, и аманатовъ своихъ они отступаются, не перемѣняютъ лѣтъ по десяти и болѣе. И по государеву указу послали мы къ Сурхаю шевкалу и къ Казаналпу мурзѣ стрѣлецкаго голову Никифора Волкова, и вамъ бы допросить князя Муцала черкасскаго и мурзъ и прочихъ людей противъ ихъ челобитья, кого имены у Сурхай—шевкала и Казаналпа—мурзы взять въ аманаты доведется, чтобы они впередъ отъ нихъ не отступились и терскимъ бы всякихъ чиновъ людемъ, за тѣми аманаты, убійства и грабежу и полоннаго взятія и никакого дурна умышленья не было“.[64]

Независимо отъ аманатовъ или заложниковъ, русское правительство старалось укрѣпить за собою шаткую вѣрность шамхала, эндерійскаго мурзы и другихъ, сколько бѣдныхъ, столько же и алчныхъ владѣльцевъ, кумыцкихъ, кабардинскихъ, ногайскихъ, дачею имъ подарковъ и постояннаго окладнаго жалованья, преимущественно вещеваго и хлѣбнаго. Тотъ же способъ употреблялся для привлеченія къ служенію русскимъ интересамъ и разныхъ другихъ дѣятелей изъ инородцевъ. Такъ, въ дошедшей до насъ выписи изъ астраханскихъ посольскихъ дѣлъ 1651 года, читаемъ:

*) Правильно: Казанъ—Алипъ.

„Казаналпу Ондреевскому (Эндерійскому) пожалована шуба соболья подъ атласомъ цвѣтнымъ, цѣною сорокъ четыре рубля три алтына, да шапка цѣною шесть рублей, за то, что онъ ходилъ на государева измѣнника Иштерекова, и за таковую же службу противъ самаго Иштерека шуба въ сорокъ четыре рубля да шапка въ шесть рублей;

„Чобанъ мурзѣ Уразлину—шуба атласъ золотной, на соболяхъ, пугвицы серебряныя, цѣною пятьдесятъ шесть рублей шесть алтынъ; шапка лисья, цѣною четыре рубля, а дано ему за то, что онъ посыланъ на крымскую сторону съ государевыми ратными людьми, языковъ поимали;

„Да за тужъ службу юртовскому Эръ—мурзѣ Ишъ Мурзину—шуба подъ бархателью, пять рублей, да шапка лисья двадцать три алтына двѣ деньги;

„Едисанскому Юсупу—мурзѣ Тиникееву за службу, что онъ посыланъ на крымскую сторону подъ ногайскіе и подъ казыевскіе улусы—шуба атласъ зеленый, цѣна тридцать пять руб... да шапка лисья, цѣна два рубля;

„Едисанскому Мамадъ—Эминъ мурзѣ Алееву за взятые проводные языки—шуба камка алая, на соболяхъ, цѣна тридцать шесть руб. восемь денегъ, да шапка цѣна пять руб.;

„Мурзабеку мурзѣ Аллашеву—шуба бархательная на куницахъ, цѣна шестнадцать руб. двадцать три алтына двѣ деньги;

„Юртовскому Эль-мурзѣ Акмурзину—шуба бѣлья подъ краснымъ сукномъ, цѣна семь руб. тридцать алтынъ, да на шапку полъ-два рубля денегъ;

„А дано было жалованіе имъ за посылку съ ратными государевыми людьми для поиску калмыцкихъ людей;

„Ногайскому Исламу-мурзѣ Чубаръ—Маметову за службу и за проводные языки—однорядка красная съ кружевомъ серебрянымъ, цѣна шесть руб., да шапка

цѣна рубль; ему же кафтанъ цѣна шесть руб., да цки хребты бѣльи".[65]

Послѣдней за добрую службу наградой въ жизни полагалось пожалованіе изъ царской казны собольей или другой шубы „на гробъ" умершаго заслуженнаго лица. Такъ, когда умеръ лучшій кабардинскій мурза Урусханъ и шубы на гробъ его не было выдано по случившемуся недостатку этихъ предметовъ въ царской казнѣ на Теркѣ, то сынъ умершаго мурзы Шанъ-Гирей счелъ себя въ правѣ ходатайствовать объ отпускѣ ему этого рода жалованья „противъ прежняго государева указу". Вслѣдствіе чего послано было астраханскому воеводѣ, боярину князю Григорію Сунчалеевичу (брату терскаго Муцала Сунчалеевича) царское повелѣніе: „будетъ черкасскимъ мурзамъ, по смерти ихъ, на гробъ шубы на Теркѣ даваны, а Шанъ-Гирея, мурзы черкасскаго, отцу Урусхану-мурзѣ, по смерти его, на гробъ шубы будетъ на Теркѣ не дано, то велѣть терскимъ воеводамъ князю Савелью Козловскому съ товарищи шубу на гробъ Урусхана мурзы выдать" [66].

Но щедрые подарки и даже добрые аманаты, также какъ и гребенскіе городки, не были достаточными поруками порядка и безопасности въ краѣ, гдѣ выше всѣхъ законовъ и охранительныхъ обычаевъ было физическое право сильнаго. По незабытому ли совѣту нѣмецкихъ естествоиспытателей, или по собственному почину, правительство царя Алексѣя Михайловича рѣшилось, наконецъ, испытать примѣненіе той же системы, какая практиковалась въ позднѣйшую пору кавказской войны — системы полевыхъ укрѣпленій. Царскою грамотою отъ 31 марта 1651 года повелѣно было астраханскому воеводѣ князю Михаилу Пронскому поставить на рѣкѣ Сунжѣ „стоялый острогъ для береженья отъ приходу воинскихъ людей, и всякими крѣпостьми укрѣпить и, для береженья, въ тотъ острогъ посылать терскихъ служилыхъ людей, перемѣняя поскольку человѣкъ пригоже,

смотря по вѣстямъ". Предписывалось выбрать выгодный для постановки этого укрѣпленія пунктъ съ особенной осмотрительностью, распросить терскихъ всякихъ чиновъ людей и терскихъ и гребенскихъ атамановъ и казаковъ, „въ которомъ мѣстѣ пристойнѣе быть на Сунжѣ рѣкѣ стоялому острогу". Ближайшими судьями въ этомъ дѣлѣ явились гребенскіе казаки и, вѣроятно, по ихъ указанію, острогъ былъ возведенъ на Сунжѣ, между гребенскими городками и брагунскими „кабаками", мѣрою сто сажень въ окружности, съ башней на воротахъ для карауловъ, съ облами и бойницами и со рвомъ вокругъ[67]. Укрѣпленіе это, какъ можно заключать изъ послѣдующей его судьбы, поставлено было въ видѣ опыта, и если бы оно удержалось, то, нѣтъ сомнѣнія, имѣло бы продолженіе въ такой или другой системѣ. По отстройкѣ и вооруженіи, оно было занято терскими стрѣльцами, гребенскими казаками и служилыми инородцами князя Муцала Сунчалеевича. Около него, по обычаю времени, быстро образовалось предмѣстье изъ кабардинскихъ, чеченскихъ и кумыцкихъ выходцевъ. Особенно доброжелательствовали этому сооруженію брагунцы и малокабардинцы, но шамхалъ смотрѣлъ на него злобно.

Когда производились изысканія по вопросу о построеніи укрѣпленія на Сунжѣ рѣкѣ, былъ замѣченъ въ лѣсахъ, произраставшихъ по берегамъ этой рѣки, дикорастущій виноградникъ. По этому поводу послѣдовали къ терскому воеводѣ запросы изъ Москвы на счетъ виноградной культуры на Терекѣ. Воеводскимъ дознаніемъ обнаружено, что близко къ Теркамъ, а тѣмъ болѣе въ самыхъ Теркахъ, виноградное дѣло не за обычай, но въ полутораста верстахъ отъ воеводскаго города, въ казачьихъ гребенскихъ городкахъ „виноградная кустья добрѣ много"; что, воздѣлывая это кустье, казаки приготовляютъ изъ его плодовъ „виноградное питье," которое продаютъ въ Теркахъ и „про себя

держатъ“ [68]. Больше ли продавали, или больше про себя держали—пускай рѣшаютъ гребенцы, наши современники, положа руку на сердце, а мы только добавимъ, что ихъ прадѣды къ винодѣлію присоединяли еще шелководство, разводили тутовыя рощи [69] и, кромѣ того, умѣли извлекать выгоды и изъ другихъ даровъ растительнаго царства,—не то, что донцы, которые все поджидали бударъ съ готовымъ хлѣбомъ и горячимъ виномъ изъ Москвы. Вотъ документъ, и пускай онъ собственнымъ языкомъ говоритъ: „Астраханецъ, посадской человѣкъ Анисимъ Грибовъ въ приказѣ казанскаго дворца въ распросѣ сказалъ: на Терекѣ-де траву марену кизылбашскимъ купецкимъ людемъ продаютъ терскіе всякіе люди, терскіе и гребенскіе казаки, а емлютъ де тое траву, выкапывая изъ земли съ кореньемъ около Терека; а только-де укажетъ государь тое траву покупать на Терекѣ своею государевою казною и кизылбашскимъ купецкимъ людемъ велитъ тое траву продавать своимъ государевымъ купчинамъ, и въ томъ будетъ государю большая прибыль, потому что-де для тое травы изъ Кизылбашъ кизылбашскіе купецкіе люди ежегодно пріѣзжаютъ бусъ по шти и по осьми и по десяти, и, купя тое траву, отвозятъ въ Кизылбаши, для того, что де тою травою въ Кизылбашехъ красятъ шелки и иные товары многіе, а безъ тое травы въ Кизылбашехъ никакія краски не составятся; а купятъ-де кизылбашскіе купецкіе люди тое травы на Теркѣ у всякихъ людей мѣхъ по полтинѣ и по двадцати алтынъ, а въ мѣху будетъ тое травы по вѣсу пуда по полтора и по два; а въ Кизылбашехъ-де тое травы кизылбашскіе торговые люди продадутъ пудъ рубли по полторы и по два и больше... А въ одно-де время на морѣ кизылбашскихъ людей бусъ на Теркъ не пропускали воровскіе казаки, и въ то-де время тое травы въ Кизылбашехъ купили пудъ больше семи рублевъ“ [70]. Не утверждаемъ и не отрицаемъ, чтобы вздорожанію марены у кизылбашей не

содѣйствовали гребенцы задержаніемъ торговыхъ бусъ на морѣ. Сейчасъ это будетъ видно яснѣе.

Какъ въ предшествовавшемъ вѣкѣ при Терскомъ городкѣ, ниже устья Сунжи, такъ и теперь при стояломъ острогѣ, выше того же устья, на гребенское войско было возложено содержаніе разныхъ сторожъ и разъѣздовъ. Что же относится до всегдашней его обязанности оберегать торговую дорогу на Тарки, то, съ возведеніемъ острога на Сунжѣ, гребенское войско стало смѣлѣе и неразборчивѣе расправляться съ караванами, проходившими безъ обсылки съ терскими воеводами, стало быть въ ущербъ таможеннымъ доходамъ города Терковъ. Шемахинскій ханъ Хосревъ писалъ астраханскимъ воеводамъ, что гребенскіе казаки кизылбашскихъ людей грабятъ, городокъ поставили безъ указу въ шаховомъ владѣніи, служилыхъ людей въ городкѣ устроили и черкасскую дорогу закрѣпили. Построеніе сунжинскаго острога считалось, какъ видно, своевольнымъ дѣломъ гребенскихъ казаковъ. Жаловался также Хосревъ—мурза и на морскіе разбои воровскихъ вообще казаковъ: кизылбашскимъ торговымъ бусамъ отъ нихъ прохода не было. Астраханскіе воеводы, спасибо имъ, заступались за гребенскихъ казаковъ и отписывали шемахинскому хану, что на море ходятъ казаки съ Дону (скорѣе съ Яика), которыхъ они не вѣдаютъ, а относительно черкасской дороги требовали, чтобы кизылбашскіе торговые люди по ней не ходили, не обославшись предварительно съ воеводою терскимъ—что, сказать по правдѣ, несовсѣмъ было удобно. Въ 1653 году гребенскіе казаки побили на этой дорогѣ какихъ-то важныхъ персидскихъ купчинъ, вѣроятно, не обославшихся съ терскимъ воеводою, и это происшествіе переполнило чашу желчныхъ пререканій между Шемахою и Астраханью. Хосревъ-ханъ отъ пера перешелъ къ мечу: началъ сбирать войско и грозилъ разорить острогъ на Сунжѣ, а потомъ идти войною подъ Терки и Астрахань. Такъ далеко онъ

не пошелъ, но успѣлъ поджечь шамхала Суркая и эндерійскаго мурзу Казаналпа или Казанъ-Алипа сдѣлать нападеніе на сунжинское укрѣпленіе, на которое эти владѣльцы и безъ того смотрѣли съ досадою. Изъ кумыковъ и разныхъ дагестанцевъ составилось большое скопище, къ которому Хосревъ-ханъ выслалъ изъ Дербента значительное кизылбашское подкрѣпленіе съ двумя пушками. Суркай и Казаналпъ, не смотря на то, что ихъ аманаты были въ Теркѣ, двинулись съ этой ратью противъ сунжинскаго острога, куда между тѣмъ явились въ подмогу стрѣльцамъ и казакамъ Муцаловы мурзы Урусъ-ханъ Янсоховъ, Шангирей Урусъ-Хановъ и сосѣдніе кумыки изъ Брагунъ. Пока это происходило, русскіе торговые люди были задержаны въ Шемахѣ и Гиляни, а персидскіе въ Теркахъ. Въ числѣ послѣднихъ находился шамхаловъ племянникъ. Это не охладило, однакожъ, воинственнаго пыла Суркая и его союзника: они обложили сунжинскій острогъ со всѣхъ сторонъ и требовали его сдачи. Острогъ отвѣчалъ сильнымъ огнемъ изъ наряда и пищалей и храбро отбилъ нѣсколько приступовъ, но не могъ отстоять предмѣстья, которое было выжжено до тла. Удовольствовавшись этимъ разореніемъ, непріятели отступили и напали на Брагуны, на казачьи городки и Муцаловы улусы, гдѣ захватили лошадей до 3.000, верблюдовъ съ 500, рогатаго скота до 10.000 и барановъ до 15.000 головъ [71].

Видя такую бѣду, сидѣвшіе въ острогѣ инородцы и гребенскіе казаки должны были спѣшить къ своимъ жилищамъ, а такъ какъ защищать противъ новыхъ нападеній деревянный редутъ, испытавшій уже сильныя поврежденія отъ дербентскихъ пушекъ, однимъ стрѣльцамъ было не подъ силу, то рѣшили общимъ совѣтомъ нарядъ съ валовъ снять, зелье, свинецъ и другіе запасы забрать и все это препроводить съ стрѣльцами въ городъ Терки, а острогъ сжечь. Распоряженіе это, повидимому, самовольное, совпадало съ направленіемъ тог-

дашнихъ сношеній московскаго правительства съ персидскимъ и потому было одобрено царемъ. Въ Москвѣ увидѣли, что первый опытъ занятія стратегическихъ пунктовъ края полевыми укрѣпленіями явился яблокомъ раздора между двумя государствами, находившимися въ добромъ согласіи, и поспѣшили отъ этой системы отказаться. Царскою грамотою отъ 28 іюля 1653 года повелѣно астраханскому воеводѣ князю Пронскому „мурзъ Урусъ-хана Янсохова, да Шангирея Урусъ-ханова и иныхъ иноземцевъ, которые изъ Суншинскаго острогу отъ приходу Сурхай-Шевкала и кумыцкихъ кизылбашскихъ воинскихъ людей отъ приступу изъ осады на Терекъ отошли и государеву казну, нарядъ и зелье и свинецъ на Терекъ вывезли, призвавъ къ себѣ въ съѣзжую избу, сказати имъ государево милостиво слово: то они мурзы и иноземцы учинили добро, что въ приходѣ кумыцкихъ и кизылбашскихъ людей къ Суншинскому острогу государю служили, въ осадѣ сидѣли и бились и изъ осады на Терекъ отошли и государеву казну, нарядъ и зелье и свинецъ вывезли; и терскимъ стрѣльцомъ и гребенскимъ казакомъ, которые въ Сушинскомъ острогѣ въ приходѣ кумыцкихъ и кизыльбашскихъ людей сидѣлижъ, сказати, что Великій Государь за ту ихъ службу и промыселъ милостиво похваляетъ... А Сушинскаго острогу до государеву указу строить не велѣть“ [72].

VI.

Какъ воеводскій городъ Терки подкрѣплялся служилыми людьми и куда дѣвались эти люди.—Какъ разросталось молодечество вольнаго казачества на Каспійскомъ морѣ и насколько были причастны къ нему гребенскіе казаки.—Какъ охраняли они сообщенія терскаго воеводства.—Какъ относились къ буйнымъ предпріятіямъ Стеньки Разина.—Въ какихъ отношеніяхъ стояли они къ роду князей черкасскихъ, собирателей низоваго терскаго казачества.

Сунжинскій острогъ уже не возобновлялся и дальнѣйшее занятіе рѣки Сунжи крѣпостями было отложено на долго... до Ермолова. Мало того: московское правительство какъ-будто испугалось перваго опыта поставки полевыхъ укрѣпленій въ краѣ, оспариваемомъ сосѣднимъ государствомъ, потому что вслѣдъ за оставленіемъ сунжинскаго острога послало „наспѣхъ“ въ Терки, съ воеводами Андреемъ Плещеевымъ и Андреемъ Лазаревымъ, солдатскаго строю полковниковъ и урядниковъ и съ ними „русскихъ солдатъ, многихъ людей, съ огненнымъ боемъ“ [73]. Но опасеніе было напрасное: разрыва съ шахомъ изъ за крѣпостцы, поставленной, по словамъ Хасрева-хана, въ шаховомъ владѣніи, не послѣдовало. Да изъ-за чего было разрывать, когда кумыцкая земля, фактически, еще меньше была владѣніемъ шаха, чѣмъ московскаго государя, потому что

Дербентъ былъ дальше отъ нея, чѣмъ Терки. Бывая въ Дербентѣ, кумыки называли себя подданными брата солнца и сына луны, а въ Теркахъ—бѣлаго царя. Спрашиваютъ космополита цыгана, какой онъ вѣры, — онъ дѣлаетъ вопросъ: а какой тебѣ надо? и потомъ отвѣчаетъ по востребованію. Таково же было подданство кумыковъ, ногаевъ и другихъ народцевъ; къ однимъ только кабардинцамъ не прилагаемъ этого вполнѣ. У самаго шамхала, говорятъ, была печать на подобіе двухсоставнаго кубка, воспѣтаго въ Иліадѣ Гомера: изъ одной половины возліяли богамъ, а изъ другой пили за собственное здоровье; такъ и на шамхаловой печати— на одной сторонѣ была надпись, обозначавшая персидское подданство, а на другой—московское, и онъ прикладывалъ ее къ своимъ бумагамъ той или другой стороной, смотря потому, куда писалъ — въ Шемаху или въ Астрахань. Такъ ужь былъ человѣкъ поставленъ географически и политически. Что же относится до первыхъ русскихъ солдатъ, прибывшихъ на усиленіе терскаго гарнизона, то они, какъ видно, недалеко отходили отъ стрѣльцовъ, которымъ стоило сдѣлать одинъ только шагъ, чтобъ превратиться въ казаковъ: солдатскіе ряды въ Теркахъ скоро порѣдѣли, а число воровскихъ казаковъ на Каспійскомъ морѣ умножилось. Не приглядна и не привѣтлива была эта дальняя приморская глушь, въ которую заброшены были Терки или, какъ чаще писалось тогда, Терка. Невесело жилось среди болотныхъ камышей, наполненныхъ комарами и лихорадочными испареніями, гдѣ житейскую обстановку составляли тревоги, опасности, болѣзни, а нерѣдко и лишенія въ предметахъ первой необходимости, по случаю запозданія присылки запасовъ изъ Астрахани. Только русскій человѣкъ могъ уживаться въ этой суровой обстановкѣ съ помощью двухъ утолителей его скорбей: одинъ—пѣсня, другой—Руси есть веселіе пити. Умалчиваемъ о третьемъ—о молодечествѣ

на синемъ морѣ, но не можемъ умолчать о доносахъ, получавшихся иногда въ Москвѣ, что стрѣльцы пропивали свой провіантъ и потомъ кормились одной „рыбенкой“ [74]. Много народа съ Руси и по волѣ, и по неволѣ, шло въ Терку, но немного его выжило и осталось тамъ къ петровскому времени. Сами воеводы неохотно принимали этотъ тяжелый постъ, и мы не станемъ удивляться, что, по прошествіи пяти лѣтъ послѣ присылки на Терку новосозданныхъ русскихъ солдатъ, „многихъ людей“, понадобилось послать туда же изъ украинныхъ городовъ, до 1.400 чел. стрѣльцовъ и городовыхъ казаковъ, и не на службу только послать, а на вѣчное житье. Для чего ихъ жены и дѣти „со всѣми животы“ были собраны въ Симбирскъ, откуда, на счетъ правительства, перевезены водянымъ путемъ въ Астрахань, а оттуда въ Терку. Здѣсь эти семейные служилые люди, по московскому обычаю, приселены были къ городу особыми слободами и составили приказы или полки конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ [75]. Имъ были предоставлены тѣже права на производство торговъ и промысловъ, какими пользовались московскіе стрѣльцы, но цѣною этихъ преимуществъ поставлено было вѣчное прикрѣпленіе ихъ потомства къ стрѣлецкому званію. Первыхъ представителей правительственной или иначе принудительной колонизаціи на Кавказѣ думали приковать такой мѣрой къ ихъ суровому посту, чтобы не уходили въ вольное казачество. Но подобныя цѣпи разрушаются отъ собственной тяжести,—что и доказала судьба самихъ московскихъ стрѣльцовъ. Въ то же время нашли и другой способъ облюднить пустынную Терку: начали ссылать туда плѣнныхъ литовцевъ, нѣмцевъ и поляковъ, также опальныхъ людей и преступниковъ, а когда начались церковныя гоненія, то и раскольниковъ [76]. Одни изъ этихъ изгнанниковъ поступали въ разрядъ „ссыльныхъ работныхъ людей“, употреблявшихся „на городовое дѣло“, по нынѣшнему въ крѣпо-

стныя работы; другіе попадали въ „гулящіе люди“, заходившіе сюда преимущественно изъ Астрахани, съ одной стороны, и съ Кумы, чрезъ гребенскіе городки, съ другой. Паспортной системы не существовало: кто чѣмъ себя показывалъ, тотъ тѣмъ и слылъ; по этому классъ гулящихъ людей пользовался свободою, немыслимою въ наше время, и не былъ малочисленъ въ Теркѣ; въ немъ нуждались для производства вольныхъ работъ, особенно по рыболовнымъ и звѣринымъ промысламъ, но онъ же близко граничилъ съ вольнымъ казачествомъ и съ молодечествомъ на Каспійскомъ морѣ.

По уходѣ Ермака на сѣверъ, казацкое молодечество на этомъ морѣ совсѣмъ было затихло, но въ описываемое время оно ожило и не совсѣмъ кстати, потому что отношенія между правительствами московскимъ и испаганскимъ стояли такъ благопріятно, что и самый эпизодъ съ сунжинскимъ острогомъ не могъ ихъ пошатнуть. Шахи давали широкія льготы русскимъ торговымъ людямъ и не очень даже спорили за подчиненіе Грузіи московскому скипетру. Правительство царя Алексѣя Михайловича отвѣчало имъ такой же благосклонностью. Кизылбашскія бусы съ купеческими товарами постоянно сновали между Зензелями, Рештомъ, Гилянью и Астраханью. Въ послѣднемъ городѣ обитало цѣлое сословіе персидскихъ тезиковъ или торговыхъ гостей. На кизылбашскія бусы съ дорогимъ грузомъ и направлялось молодечество терскихъ казаковъ, большею частью, конечно, новоприходящей голытьбы изъ гулящихъ людей. Впрочемъ соблазнъ былъ такъ великъ, что увлекалъ даже континентальное, не проходившее предварительной школы на приморскихъ рыбныхъ ловляхъ и притомъ консервативнѣйшее изъ всѣхъ казачествъ — войско гребенское. Да и какъ было не увлекаться, когда, послѣ удачнаго морскаго набѣга, казаки переряживались изъ своихъ сермягъ и поршней въ бархатные кафтаны и сафья-

ные сапожки, щеголяли въ атласныхъ рубахахъ, обшитыхъ золотымъ галуномъ, и верхи шапокъ унизывали жемчугомъ [77], а съ какимъ вкусомъ, о томъ можно умолчать, чтобы не напомнить русской пословицы объ одномъ домашнемъ животномъ и ермолкѣ. Да и кого имъ было бояться, когда воеводы смотрѣли на молодечество сквозь пальцы, пока оно ихъ самихъ не затрогивало, а напротивъ являлось къ нимъ съ поминками, по нынѣшнему съ гостинцами, имѣющими неотразимую силу на всякаго городничаго. Нѣкоторыя жалобы кизылбашскихъ дипломатовъ возбуждаютъ подозрѣніе, что терскіе воеводы не чуждались приношеній изъ казацкихъ добычъ [78]. Знаемъ положительно, что даже высокопоставленный астраханскій воевода бралъ изъ тѣхъ же добычъ поминки, „по обычаю“, и одинъ разъ взялъ дорогую соболью шубу, которая много надѣлала потомъ шуму [79].

Морскіе набѣги терскихъ казаковъ съ гребенскими и волжскихъ съ яицкими, для которыхъ пустынные острова Каспійскаго моря и глухія рѣчныя устья служили опорными пунктами, вредили болѣе или менѣе персидской торговлѣ съ Астраханью, но неспособны были прервать ее. Наконецъ, въ 1688 году, явился бичъ, который пресѣкъ и подавилъ эту богатую торговлю на нѣсколько лѣтъ. Это былъ знаменитый въ лѣтописяхъ воровскаго казачества, безсмертный въ народныхъ сказкахъ, атаманъ Стенька Разинъ, который подѣлилъ „великое“ войско донское на двѣ части и сказалъ прямому войсковому атаману Корнилу Яковлеву: ты владѣй своимъ войскомъ, а я буду владѣть своимъ [80]; каковымъ дѣлежемъ воровскій атаманъ совершенно для насъ выяснилъ, что въ старомъ вольномъ казачествѣ, какъ и во всемъ мірозданіи, дѣйствительно было два начала, доброе и злое, и что первое всегда брало верхъ надъ послѣднимъ, а этотъ фактъ не служитъ ли убѣдительнымъ опроверженіемъ на абсолютное утвержде-

ніе нѣкоторыхъ изъ нашихъ историковъ, что казачество вообще было элементъ противогосударственный? Самозванный атаманъ Разинъ не хотѣлъ довольствоваться ночной ловлей торговыхъ бусъ въ морѣ, но предпринималъ завоеваніе самыхъ богатыхъ шаховыхъ городовъ, и не былъ онъ простымъ добывателемъ зипуна, а бралъ на себя рыцарскую миссію освобожденія христіанскихъ плѣнниковъ изъ жестокой неволи бусурманской, потому что самъ вынесъ истому этой неволи въ татарской темницѣ, въ городѣ Азовѣ.

Среди Азова города
Стоитъ темная темница,
А злодѣйка—земляная тюрьма;
Что во той темной темницѣ
Засаженъ сидитъ донской казакъ
Степанъ Тимофѣевичъ. *)

Кромѣ добраго дѣла избавленія православныхъ отъ неволи, Разинъ разсчитывалъ пополнять освобождаемыми плѣнниками ряды своего войска и пріобрѣтать въ нихъ, какъ въ мстителяхъ своимъ поработителямъ, храбрѣйшихъ бойцовъ. Такъ какъ христіанскаго ясыра особенно было много въ приморскихъ городахъ Дагестана, то съ нихъ Степанъ Тимофѣевичъ и началъ свои завоеванія. Предположивъ прежде всего напасть на Тарки и Дербентъ, онъ повелъ туда свою лихую флотилію, безъ всякой морской карты, а съ сухаго пути послалъ по Кумѣ есауловъ донскихъ Алешку Протокина и Алешку Каторжнаго съ двумя тысячами пѣхоты и конницы, за которыми увязался и запорожскій куренный атаманъ Боба съ четырьмя сотнями хохлачей [81]. Весною 1688 года Алешка Протокинъ приблизился къ гребенскимъ

*) Изъ казацкой пѣсни, въ которой разсказывается, что Степанъ Тимофеевичъ Разинъ, бывъ посланъ изъ Москвы легкимъ гонцомъ къ Турскому Султану, попался въ плѣнъ къ татарамъ и былъ засаженъ въ темницу, изъ которой освобожденъ будто бы самимъ султаномъ.

городкамъ и остановился въ Калиновыхъ Лукахъ. Сподвижники Разина приглашали гребенскихъ казаковъ къ совмѣстному дѣйствію, но послѣдніе не согласились, потому что терскій воевода не чаялъ отъ пришельцевъ добра и предлагалъ сыну князя Муцала, Каспулату Муцаловичу Черкасскому, идти на нихъ съ своею конницею, отъ чего Каспулатъ уклонился, отговорившись малолюдствомъ. Этотъ вліятельный человѣкъ, служившій воеводамъ, подобно отцу своему, полезнымъ совѣтомъ въ важныхъ случаяхъ, предпочелъ держаться въ сторонѣ отъ разинскаго полчища и склонилъ къ тому же гребенское войско. Разинцы побывали въ гребенскихъ городкахъ какъ земляки-гости и держали себя степенно. Принявъ ихъ русской хлѣбъ-солью, гребенцы продали имъ нѣсколько десятковъ лошадей, сѣделъ и другихъ предметовъ своей щегольской сбруи, которую строили по изящному адыгскому образцу, да съ тѣмъ и отпустили [82]. Только уже спустя два почти года, когда Разинъ овладѣлъ Астраханью и ввелъ въ ней казацкое управленіе съ войсковымъ кругомъ (въ 1670 г.), приказывая при этомъ народу цѣловать крестъ великому государю, гребенскіе казаки, вмѣстѣ съ терскими, упоминаются какъ участники въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ Разинова намѣстника въ Астрахани, воровскаго атамана Васьки Уса. Но какъ скоро обезумѣвшій отъ первыхъ успѣховъ своихъ, мятежникъ Разинъ пошелъ противъ верховыхъ городовъ и началъ поднимать народъ къ бунту, а православная церковь бросила на его голову проклятіе, терскіе и гребенскіе казаки отъ воровскаго дѣла отстали, и въ этомъ случаѣ много способствовали къ ихъ вразумленію святительскія посланія митрополита астраханскаго и терскаго Іосифа, увѣнчавшаго доблестное служеніе свое церкви и государству мученической кончиной [83]. Можно замѣтить при этомъ, что верховые гребенскіе казаки, за немногими извѣстными намъ исключеніями, не отдѣляли себя отъ низо-

выхъ терскихъ казаковъ во всѣхъ болѣе важныхъ политическихъ вопросахъ.

Между тѣми и другими стоялъ связующимъ звѣномъ благородный и заслуженный родъ кабардинскихъ князей, изъ котораго вышло одно изъ поколѣній русскихъ бояръ и князей *Черкасскихъ*. Первый изъ этого роду Сунчалей *) привелъ въ подданство царю Іоанну Грозному теменское владѣніе, превратившееся потомъ въ терское воеводство. За нимъ слѣдовали сынъ его Муцалъ и внукъ Каспулатъ—почтенныя имена, не разъ уже упомянутыя въ нашемъ разсказѣ. Въ описываемое время нѣкоторые изъ членовъ этого рода носятъ уже христіанскія имена, такъ какъ они, отправляясь въ Москву, оставались тамъ на царской службѣ и принимали христіанство **). Тѣ же изъ Сунчалеевичей, которые постоянно находились дома, на Терекѣ, служили русскимъ интересамъ вѣрою и правдою, отъ отца къ сыну, и, какъ мы уже выше замѣтили, были лучшими совѣтниками и пособниками терскимъ воеводамъ. Съ неустанной готовностью ходили они противъ враговъ русской власти въ шаткихъ предѣлахъ терскаго воеводства, присоединяя къ своимъ узденямъ (уоркамъ) и мурзамъ терскихъ и гребенскихъ казаковъ, на которыхъ всегда имѣли могучее вліяніе. За такія услуги Каспулатъ Муцаловичъ, въ 1661 году, получилъ отъ царя Алексѣя Михайловича жалованную грамоту, въ которой изображено: „Пожаловали есмя Каспулата мурзу княжъ Муцалова сына Черкасскаго за службы дѣда его, князя Сунчалея и дяди его, князя Шелоха и отца его, князя Муцала и за его службы: велѣли ему въ нашей отчинѣ, въ Терскомъ городѣ, надъ Охочаны и надъ Чер-

*) По буквальному переводу Сунжинскій или Сунжинецъ.

**) Такъ, напримѣръ, въ двухъ грамотахъ царя Алексѣя Михайловича отъ 8 іюня 1661 года именуется въ числѣ астраханскихъ воеводъ боярин князь Григорій Сунчалеевичъ Черкасскій. (Историч. акты археограф. комиссіи, изд. 1842 г., Т. 4, № 157).

касы, которые намъ, великому государю, служатъ на Теркѣ, быти княземъ, и ихъ въ ратномъ строеньи и во всѣхъ нашихъ дѣлахъ вѣдать и судить“ [84]. А за дальнѣйшіе службы и походы ему же, князю Каспулату, вмѣсто годоваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья, былъ отданъ весь пошлинный сборъ терской таможни, съ тѣмъ, чтобы „воеводамъ въ тотъ сборъ не вступаться“ [85]. Этотъ-то заслуженный и вліятельный человѣкъ находился въ гребенскихъ городкахъ въ то время, когда есаулъ Алешка Протокинъ подходилъ къ нимъ съ Разинскимъ ополченіемъ. Тогда осторожный Каспулатъ Мупаловичъ считалъ благоразумнымъ, какъ себя съ подвластными, такъ и гребенскихъ казаковъ, поставить въ безразличное отношеніе къ этому ополченію, по неизвѣстности, какого характера будутъ его дѣйствія; но послѣ того, какъ Разинъ натворилъ уже много громкихъ дѣлъ, и обагренную кровью Астрахань потребовалось вырвать изъ рукъ мятежниковъ, Каспулатъ собралъ своихъ черкасъ и охочанъ, присоединилъ къ нимъ надежнѣйшихъ людей изъ терскихъ и гребенскихъ казаковъ и двинулся на освобожденіе города, съ судьбою котораго связывались существенные интересы терскаго воеводства. Онъ оказалъ важную услугу этому дѣлу, захвативъ главнаго коновода мятежниковъ Федьку Шелудяка и выдавъ его царскимъ войскамъ, дѣлавшимъ подступы къ Астрахани; послѣ чего бунтовщики скоро принесли повинную и въ Астрахани водворилось законное правительство [86].

Къ тому, что здѣсь высказано о доброй службѣ и значеніи Каспулата Мупаловича, нелишнимъ будетъ добавить, что его дѣдъ Сунчалей, колонизаторъ терскаго низовья, былъ для волжскихъ казаковъ, оторвавшихся отъ Ермака и образовавшихъ въ устьяхъ Терека особое терское войско, почти тѣмъ же, чѣмъ были для самаго Ермака и послѣдовавшей за нимъ дружины Строгановы на сѣверѣ, и что потомки Сунчалея, кавказскаго, можно

сказать, Строгонова, близко стояли къ судьбамъ терскихъ казаковъ до ближайшаго къ намъ времени—о чемъ будетъ говориться въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же хотимъ сказать, что шамхалы тарковскіе думали, повидимому, подражать Сунчалею тѣмъ, что пытались и въ своихъ владѣніяхъ завести поселеніе рускихъ вольныхъ казаковъ—къ чему неожиданно былъ поданъ поводъ церковнымъ расколомъ, происшедшимъ въ Москвѣ въ шестидесятыхъ годахъ обозрѣваемаго нами XVII столѣтія.

VII.

Какъ донскіе раскольники водворялись на Кумѣ и во владѣніяхъ шамхала.—Въ какихъ отношеніяхъ стояли къ нимъ и какими службами доказывали вѣрность свою правительству гребенскіе казаки.

Вслѣдствіе гоненій, воздвигнутыхъ на непреклонныхъ приверженцевъ старины, на „церковныхъ противниковъ“, многіе раскольучители бѣжали на Донъ, и своими, сколько невѣжественными, столько же и самоувѣренными проповѣдями о никоніанскихъ новшествахъ, возвѣщавшихъ въ ихъ воображеніи пришествіе антихриста, сразу нашли себѣ между верховыми донскими казаками множество слѣпыхъ послѣдователей. Будь посланъ къ этимъ темнымъ людямъ незлобивый врачъ—наука, они прозрѣли бы, но, вмѣсто того, былъ посланъ бичъ преслѣдованія, и тогда слѣпые вожаки повели своихъ слѣпцовъ обычной дорогой „на Куму“. При впаденіи въ эту пресловутую рѣку притока Домузлова, неподалеку отъ Маджарскаго городища, въ крѣпкомъ лѣсномъ мѣстѣ, казаки раскольники, въ числѣ 1.500 душъ об. пола, построили себѣ городокъ со рвомъ и валомъ, и для обороны его подѣлали деревянныя пушки съ желѣзными обручами. Атаманомъ у нихъ былъ Сенька Правоторовъ, а духовными руководителями старцы Ѳеодосій и Паф-

путій. Когда нужно было ратовать противъ преслѣдователей, Пафнутій одѣвался въ кабардинское платье и выѣзжалъ въ поле на боевомъ конѣ. Выселеніе на Куму совершилось около 1680 года. Раскольники завели связи, „замирились“ съ казыевскими татарами и съ княземъ Большой Кабарды Муртазали Мисостомъ, который объявилъ ихъ своими „тегачами“—гостями, пользующимися народнымъ покровительствомъ. Изъ его ауловъ они получили на первыхъ порахъ, посредствомъ мѣны, больше тысячи возовъ хлѣба. Къ землякамъ своимъ относились они съ такой злобой, что когда отважные „гулебщики“ (охотники), обыкновенно ходившіе съ Дону на Куму поохотиться, заходили въ ихъ городокъ, то они ихъ убивали или „сажали въ воду“. Отстрѣливаясь деревянными пушками и мелкимъ ружьемъ, они стойко выдержали нападеніе отряда, посыланнаго съ Дона для ихъ разсѣянія, а между тѣмъ готовили лодки и ставили ихъ на колеса, чтобы, по древнему примѣру Игоря, докатить ихъ сухопутью до моря и открыть морскіе разбои. Узнавъ объ этомъ, шамхалъ Будай-ханъ упросилъ князя Мисоста отпустить ихъ въ его владѣнія, гдѣ, поселясь близь моря, могли бы они съ большимъ удобствомъ промышлять морскими разбоями и доставлять своимъ покровителямъ значительный доходъ. Мисостъ исполнилъ эту просьбу, взявъ съ Будая присягу, что онъ этихъ казаковъ—раскольниковъ никому не выдастъ и не отпуститъ. Такимъ образомъ кумскіе бѣглецы перебрались къ шамхалу, который дѣйствительно отвелъ имъ замѣчательно выгодный для мореходства и крѣпкій для обороны приморскій уголокъ между Сулакомъ и его рукавомъ Аграханью. Опять одна изъ тѣхъ странныхъ противоположностей, которыми исторія такъ любитъ разнообразить преемственное теченіе человѣческихъ дѣлъ: это было то самое мѣсто, гдѣ, чрезъ полвѣка, царственный врагъ закорузлаго невѣжества и умственнаго мрака поставилъ грозную крѣпость св. Креста. Въ вершинѣ

аграханскаго треугольника казаки—раскольники или, какъ чаще называли ихъ тогда, раскольщики, съ новымъ, въ высшей степени предпріимчивымъ атаманомъ Костькой Ивановымъ, бывшимъ и на Дону атаманомъ Паншина городка, поставили крѣпкій городокъ съ вышками, куда и начали прибывать новые выходцы съ Дона, не смотря на убійственный климатъ мѣстности, пожиравшій третьяго изъ переселенцевъ. Будай-ханъ помогалъ имъ обзаводиться стругами и лошадьми. Соединяясь съ кумыками, начали они производить разбои на морѣ и даже на Волгѣ, а сухопутью ходили на грабежи подъ городъ Терку и подъ дальнія украинныя селенія на Дону и на Волгѣ. Въ Астрахани имѣли они сообщниковъ, которые помогали имъ пробираться къ русскимъ украйнамъ и благовременно извѣщали ихъ о всякой готовившейся противъ нихъ посылкѣ воеводскихъ ратей. По заключенному договору шамхалъ бралъ отъ нихъ половину добычъ, дѣлился ими съ княземъ Мисостомъ и всячески поощрялъ воровскую предпріимчивость изувѣровъ. Озлобленіе ихъ доходило до того, что они убивали земляковъ и товарищей, приходившихъ къ нимъ съ увѣщаніемъ возвратиться на родину. Думая уединиться отъ остальнаго русскаго міра, они чуждались терскихъ и гребенскихъ казаковъ, хотя и недалеко отъ нихъ жили. Когда, въ 1691 году, сдѣлалось извѣстно въ Москвѣ, что въ верховыхъ донскихъ городкахъ приверженцы раскола сбираются уйти многолюдствомъ на Астрахань, былъ посланъ къ шамхалу Будай-хану думный дворянинъ Иванъ Дмитріевичъ Басовъ съ царскою грамотою о возвратѣ аграханскихъ бѣглецовъ на родину. Шамхалъ объявилъ посланному, что казаки—раскольники его гости, и онъ не можетъ прогнать ихъ по силѣ обычая, но если сами, по доброй волѣ, рѣшатся уйти, то держать ихъ насильно не станетъ. Отзываясь такимъ образомъ гласно, онъ уговаривалъ казаковъ тайно, чтобъ не слушались посланнаго отъ царя, и обнадеживалъ ихъ

своимъ и Мисостовымъ покровительствомъ. Дворянинъ Басовъ располагалъ отправиться въ аграханскій городокъ, но былъ предупрежденъ, что казаки его убьютъ. Наконецъ, при содѣйствіи вдовы знаменитаго Каспулата Мупаловича, княгини Тауки Салтанбековны, замѣчательной женщины, предъ которой преклонялись и Мисостъ и Будай-ханъ, четыре человѣка раскольщиковъ пріѣхали повидѣться съ царскимъ посланнымъ въ шамхаловой ставкѣ за Сулакомъ и съ первыхъ же словъ отказались наотрѣзъ принять призывную грамоту. Кромѣ того, съ дерзостью козла, грубившаго волку съ высокой крыши, злословили они царствованіе Алексѣя Михайловича и патріаршество Никона и заключили такой рѣчью: „Шевкалъ вѣры у насъ не отнимаетъ, живемъ и вѣру держимъ, какъ хотимъ, а идти намъ назадъ, на Донъ, за какимъ добромъ?“. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, однакожъ, не стало имъ добра и въ благодатной землѣ шевкаловой. Они перессорились съ кумыками при дуванѣ (дѣлежѣ) богатой добычи, загребленной съ двухъ кизылбашскихъ бусъ, при чемъ и благодѣтеля своего, шевкала, обсчитали. Ссора дошла до рѣзни, въ которой обманутый шевкалъ и кумыки оказались сильнѣе старовѣровъ, а потому послѣдніе раззорили свой аграханскій городокъ и перебрались съ своими старопечатными книгами на Кубань, гдѣ поддались другому благодѣтелю, три столѣтія терзавшему окраины Россіи, крымскому хану. Нѣкоторая ихъ часть, однакожъ, какъ и всегда у казаковъ водилось, оказалась въ несогласникахъ, отстала отъ большинства и, явясь къ терскому воеводѣ съ повинною, присоединилась къ терскому войску[87]. Это третье переселеніе «воровъ—раскольщиковъ» произошло въ 1691 году, а чрезъ какихъ-нибудь четыре года, когда царь Петръ пришелъ брать Азовъ, крымскій ханъ сдѣлалъ отъ нихъ нарядъ въ Азовскую крѣпость для защиты ея противъ русскихъ новосозданныхъ штыковъ. Впродолженіе двухъ осадъ этой сильной крѣпости турки

выбирали изъ кубанскихъ раскольниковъ способнѣйшихъ лазутчиковъ, которые, при помощи русскаго языка, удобно проникая въ русскій лагерь, высматривали расположеніе царскихъ войскъ, узнавали даже ходившіе по лагерю слухи и тѣмъ оказывали басурманамъ весьма полезныя услуги. По сдачѣ крѣпости, въ числѣ этихъ предателей оказались «охреяне»,—такъ называли казаки ренегатовъ,—уже успѣвшіе сдѣлать широкій шагъ изъ старой вѣры въ пропасть басурманства*). Измѣнники и вѣроотступники были всенародно казнены въ Черкасскомъ городкѣ [88].

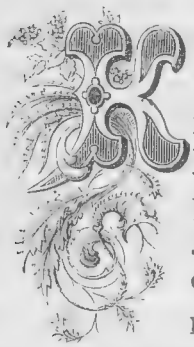
При посылкѣ думнаго дворянина Басова къ шамхалу, въ Москвѣ было опасеніе, чтобы водворившіеся на Астрахани раскольщики не соединились съ гребенскими казаками и не сообщили имъ своего страшнаго озлобленія противъ родины во имя извращенной религіозной идеи. Опасеніе было напрасное: гребенцы были чужды увлеченій церковной распри съ печальными ихъ послѣдствіями. Надѣемся представить въ своемъ мѣстѣ фактическія доказательства, что старообрядство, въ смыслѣ отчужденія отъ общей отечественной церкви, занесено къ нимъ позже уже первой половины XVIII вѣка и никогда не брало въ ихъ средѣ верха надъ здравымъ пониманіемъ гражданскаго долга, внѣ котораго у насъ не можетъ быть истинной религіи. Въ описываемое время они продолжали вѣрно служить государеву службу, какъ въ борьбѣ съ домашними недругами, такъ и въ дальнихъ походахъ при царскихъ войскахъ. Въ 1677 году часть ихъ была подъ Чигириномъ съ черкасами-кабардинцами, которые, какъ засвидѣтельствовано въ царской грамотѣ князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому: „съ царскими ратными людьми у Чигиринскихъ горъ и на горахъ, людей Турскихъ и Крымскихъ и иныхъ земель войскъ побили и съ Чигиринскихъ горъ сбили, и окопы

*) Охреяне—измѣненное въ русскую форму татарское слово огры—воръ, измѣнникъ.

и городки и обозы и наметы и пушки и знамена и языки многіе поимали; и Турскаго салтана визирь и Крымской ханъ, видя надъ собою такіе промыслы и поиски, отъ обозовъ отступили и пошли въ свои земли“ [89]. Не было, къ сожалѣнію, такого же успѣха въ крымскихъ походахъ князя Василія Голицына, въ 1687 и 1689 годахъ. Для послѣдняго изъ этихъ походовъ, равнозначущихъ по цѣли наступленіямъ Іоанна Грознаго на Казань, собрано было однихъ казаковъ и служилыхъ инородцевъ болѣе 16.000 чел. Въ числѣ казаковъ находились гребенскіе и терскіе [90]. И на ихъ долю выпало испытать съ царскими войсками невзгоды первой, несмѣлой еще попытки московскаго государства перейти изъ оборонительнаго въ наступательное положеніе противъ страшилища русскихъ украйнъ—Крыма. Неудачна была эта попытка, потому что пошли на Перекопъ, а не на Тамань изъ Кабарды, по адыгскимъ этапамъ. Была, сказать кстати, еще одна дорога въ Крымъ, перегороженная турецкой крѣпостью Азовомъ и однакожъ хорошо знакомая донскому казачеству. Царь Петръ оцѣнилъ ея выгоды и предположилъ овладѣть ею въ первую свою войну съ Турціей. Война эта открылась походомъ русскихъ войскъ подъ Азовъ, весною 1695 года. Отрядъ гребенскихъ и терскихъ казаковъ былъ высланъ на Царицынскую Переволоку, гдѣ присоединился къ передовому корпусу Гордона, двигавшемуся на судахъ по Дону, и потомъ раздѣлялъ съ царскими войсками двухлѣтніе боевые труды, увѣнчанные завоеваніемъ Азовской твердыни. Загороженная дорога въ Крымъ открылась, хотя и ненадолго.

VIII.

Какія перемѣны послѣдовали въ положеніи гребенскаго войска къ исходу XVII столѣтія.—Какъ отселилось оно отъ Гребней къ устью Сунжи.—Какъ отнеслось къ бунту астраханскихъ стрѣльцовъ въ 1705 году.—Какое значеніе имѣло оно для терскаго воеводства.



Къ этому времени, къ исходу знаменательнаго въ русской исторіи семнадцатаго вѣка, положеніе дѣлъ въ сѣверо-восточномъ углу Кавказа, гдѣ гребенскіе казаки прожили уже полтораста лѣтъ, во многомъ измѣнилось и нельзя сказать, что къ лучшему. Факторами этого измѣненія были два главныя обстоятельства: распространеніе исламизма въ Чечнѣ и Кабардѣ и вторженіе въ край новыхъ дико—воинственныхъ кочевниковъ—калмыковъ. Въ Чечню религія Магомета вносилась изъ Аваріи, въ Кабарду изъ Крыма. Въ памяти чеченцевъ живетъ имя Шейхъ-Берсана, какъ ревностнаго и даже безчеловѣчнаго проповѣдника корана, природнаго чеченца изъ племени Нахче или Нохчи. Онъ взросъ въ столицѣ аварскаго хана, Хунзахѣ, и получилъ религіозное воспитаніе отъ улемовъ при гробницѣ Абу-Мусселима, принесшаго въ Дагестанъ вѣру пегембара (пророка) изъ Аравіи въ восьмомъ или девятомъ вѣкѣ, и почитаемаго святымъ. Вооруженный богословской ученостью и укра-

шенный титуломъ шейха, чеченецъ Берсанъ возвратился на свою полу-христіанскую, полу-языческую родину и сдѣлался проповѣдникомъ новой вѣры, обѣщающей въ другомъ мірѣ роскошь и дорого стоющія наслажденія самымъ бѣднымъ и неимущимъ людямъ. Наперекоръ мнѣнію, что никто не бываетъ пророкомъ въ своей землѣ, вліяніе проповѣди шейха Берсана было такъ сильно, что непокорявшихся его ученію и не желавшихъ роскошныхъ благъ въ другомъ мірѣ сами же чеченцы сбрасывали съ высокой скалы у аула Гуной въ глубокое ущелье Джорже—Беро (чортовъ оврагъ), откуда они должны были погрузиться еще глубже—въ джегеннемъ (адъ)[92]. По мѣрѣ утвержденія въ странѣ религіи желѣза и крови, долго длившаяся пріязнь между чеченцами и гребенскими казаками начала остывать и наконецъ перешла во вражду. Враждѣ содѣйствовало появленіе въ краѣ послѣднихъ, запоздалыхъ представителей монгольскихъ нашествій на русскую землю—калмыковъ. Встрѣтивъ на Волгѣ государство, уже достаточно окрѣпшее для сильнаго отпора, монголы—калмыки начали тѣснить и порабощать своихъ предшественниковъ—ногаевъ, разложившихся на многіе улусы Кипчакской орды. Подаваясь безпорядочно на Куму и на Малку, ногаи тянули за собою новыхъ страшныхъ пришельцевъ и довели ихъ до Кабарды. Кабардинскіе князья, всегда искавшіе взять власть надъ чеченцами, которыхъ считали грубыми дикарями, съумѣли обойтись съ простоватыми калмыками, породнились даже съ однимъ изъ ихъ хановъ выдачею въ замужество за него какой-то княжны и успѣли направить потокъ въ безурядную, не имѣвшую ни князей ни мурзъ, демократическую Чечню. Храброе, но немногочисленное общество гребенскихъ казаковъ должно было дѣйствовать по одному направленію съ кабардинцами и уклоняться отъ подачи помощи чеченцамъ противъ калмыковъ, а иначе само было бы снесено потокомъ, стоя на большой „черкасской“ дорогѣ. Чеченскія преданія

говорятъ, что два калмыцкіе хана, Сургутъ и Бургустъ, успѣли было утвердиться на двухъ Аргунахъ (Шаро и Чанты) и на верхней Сунжѣ. Въ послѣднемъ мѣстѣ указываютъ на развалины подъ именемъ Куларъ, какъ на укрѣпленное мѣстопребываніе одного изъ названныхъ хановъ, куда кумыки и крымскіе промышленники пріѣзжали покупать невольниковъ, а потому и самый укрѣпленный станъ прозвали Куларомъ, то есть рынкомъ рабовъ. Другой такой же калмыцкій станъ находился на правомъ берегу Чанты-Аргуна, и это мѣсто зовется до сихъ поръ Улусъ—Кертъ—калмыцкая крѣпость*). Чеченцы никакъ не могли ужиться съ такими безобразными утѣснителями, какъ калмыки, долго съ ними рѣзались, а наконецъ и совсѣмъ отбросили ихъ въ кумскія и манычскія степи[93]. Такъ говорятъ чеченскія преданія, угождая народной гордости, а можно думать, что и сами калмыки, неспособные къ осѣдлой жизни, не были расположены упорно держаться въ горахъ и дремучихъ лѣсахъ; они должны были задыхаться въ тѣсныхъ горныхъ долинахъ, и самое устройство ихъ полуоткрытаго глаза требовало простора широкой, ясной степи. Но волей, или неволей отошли они въ равнинныя пространства, а дѣло въ томъ, что изъ за раззореній, причиненныхъ ихъ нашествіемъ, чеченцы порвали дружбу съ гребенскими казаками, отказывавшими имъ въ подмогѣ. Заодно съ чеченцами вооружались противъ казаковъ и эндерійскіе кумыки, враждовавшіе съ кумыками брагунскими, съ которыми и кабардинцы, и гребенцы были въ добромъ коначествѣ. Эндери были сильнѣе другихъ кумыцкихъ обществъ и, по мѣстному своему положенію при входѣ въ горы, служили пристанищемъ для разныхъ бродягъ не только изъ кумыцкихъ, но и изъ чеченскихъ и кабардинскихъ обществъ; сюда стекались люди, у которыхъ,

*) Кертъ слово чеченское—значитъ ограда, а улусъ монгольское, выражающее названіе поселенія или кочевья отдѣльнаго какого-нибудь племени, общества.

по татарской пословицѣ, всего добра было только два коня да третья душа. Здѣсь уживались впослѣдствіи и бѣглецы съ Дона, опальные участники раскольничьяго булавинскаго бунта*)[94]. Съ легкой руки такихъ пришлыхъ людей, между эндерійскими и чеченскими кутанами (хуторами), съ одной стороны, и гребенскими городками, съ другой, стали чаще и чаще происходить баранты, то есть взаимные угоны скота, лошадей и захваты пастуховъ. Наконецъ, чеченцы и эндерійцы, воспользовавшись какимъ-то расплохомъ или, быть можетъ, воеводскимъ нарядомъ, отвлекшимъ большое число казаковъ изъ ихъ домовъ, напали на одинъ или на два казачьи городка и такъ ихъ погромили, что забрали даже женъ и дѣтей. Тогда гребенцы увидѣли, что держаться имъ у своихъ долго насиженныхъ Гребней дальше нельзя, и рѣшились перенести свои городки съ вышками ближе къ Тереку, пониже того мѣста, гдѣ такъ геройски отстаивали они царскій острогъ, въ эту пору поросшій уже бурьяномъ. Благодаря пріязни брагунскаго владѣльца и вліятельному участію князя Каспулата Муцаловича Черкасскаго, они заняли мысъ, образуемый сліяніемъ Сунжи съ Терекомъ, и въ этой, достаточно прикрытой для нечаянныхъ нападеній, мѣстности основали свое второе водвореніе. Событіе это имѣло мѣсто между 1680 и 1685 годами[95]. Безполезно прибавлять, какія потери понесли домовитые гребенцы при этомъ переселеніи, и съ какимъ сожалѣніемъ разставались они съ своими ви-

*) По татарской этымологіи Эндере означаетъ «входъ въ ущелье»— что и отвѣчаетъ отчасти мѣстному его положенію. Но это же слово можно принять и за испорченное греческое, надъ которымъ корнесловить не станемъ, а только замѣтимъ, что близъ этого мѣстечка находится древнее кладбище, судя по нѣкоторымъ находкамъ, оставленное какимъ-нибудь греческимъ поселеніемъ христіанской эпохи. Еслибъ была возможность произвести здѣсь раскопки, то нашлось бы, можетъ быть, вещественное подтвержденіе догадкѣ, что въ этомъ мѣстѣ былъ филіальный отселокъ греческой колоніи Ставрополиса, существовавшей въ аграханскомъ треугольникѣ. Татары назвали эту мѣстность Хучъ или Учъ—крестъ.

ноградными и шелковичными насажденіями. Эта, облагороживающая человѣка, культура ставила ихъ неизмѣримо выше ногая и калмыка, выдѣлывающаго овчину въ своей дымной кибиткѣ, а потому они ее не покинули и возобновили на новой почвѣ, впослѣдствіи же перенесли и на лѣвую сторону Терека, чтобъ передать ее позднѣйшему своему поколѣнію, какъ лучшее дѣдовское наслѣдство. Въ брагунцахъ нашли они добрыхъ сосѣдей, съ которыми и сохранили пріятельскія отношенія надолго. Изъ всѣхъ кумыцкихъ владѣльцевъ брагунскіе отличались постоянствомъ и честнымъ выполненіемъ своихъ обязательствъ предъ русской властью. Впослѣдствіи гребенскіе казаки должны были оберегать ихъ, исполняя это какъ служебный нарядъ, предписанный начальствомъ вслѣдствіе прошеній самихъ брагунцевъ [96].

Еще живя по гребнямъ, казаки гребенскіе находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Терками и Астраханью Въ Терки призывались они на службу, въ Терки же ѣздили по торговымъ дѣламъ, возили, какъ мы выше видѣли, виноградное питье и корень марену на продажу, а гулящіе люди ходили на заработки, преимущественно, по рыболовнымъ ватагамъ въ глухихъ рѣчныхъ устьяхъ, на Чеченскомъ и Тюленьемъ островахъ и разныхъ морскихъ „черняхъ“, откуда былъ одинъ только шагъ къ бѣдовому молодечеству на бурномъ морѣ. Въ Астрахань ѣздили они съ кабардинскими князьями и уорками по ихъ дѣламъ. Сношенія подобнаго рода оживились, сдѣлались тѣснѣе послѣ того, какъ гребенцы поставили свои городки при самомъ Терекѣ. Если гонимые старовѣры искали убѣжища въ землѣ кумыковъ, то тѣмъ скорѣе и ближе должны они были находить его въ Астрахани, служившей дверью въ непроглядную глушь шестидесяти шести раскидистыхъ волжскихъ устьевъ. Въ 1705 году, старовѣры съ своимъ узкимъ міросозерцаніемъ взволновали астраханскихъ стрѣльцовъ и другихъ чиновъ людей тревожными толками о

нѣмецкомъ платьѣ, о бородѣ, о табакѣ и о предстоявшей будто бы выдачѣ всѣхъ русскихъ дѣвчатъ въ замужество за нѣмцевъ. Не замѣчая въ перепугѣ нелѣпости послѣдняго слуха, астраханцы въ одинъ день сыграли сто свадебъ, чтобъ нѣмцамъ не досталось ни одной, а потомъ уходили воеводу, нѣмецкихъ и русскихъ офицеровъ, разграбили казну и весь порядокъ опрокинули. А какъ русскій человѣкъ въ подобныхъ безтолковыхъ случаяхъ заднимъ умомъ крѣпокъ, то, настряпавши уже такихъ дѣлъ, принялись они соображать, что не мѣшало бы имъ заручиться сторонними сообщниками, потому-де что у міра шея толста—не перерубишь, и отправили возмутительныя письма, прежде всего, разумѣется, къ „великому“ войску донскому, а потомъ къ терскимъ стрѣльцамъ, къ терскимъ и гребенскимъ атаманамъ и казакамъ, чтобъ были съ ними за одно. Часть стрѣльцовъ на Теркѣ возмутилась и умертвила своего полковника Илью Некрасова; но большинство къ бунту не пристало и вмѣстѣ съ инородческими служилыми людьми помогло воеводѣ удержать порядокъ. Гребенскіе казаки также уклонились отъ вмѣшательства въ безразсудное дѣло астраханскихъ мятежниковъ, и, вмѣстѣ съ терскими атаманами и казаками, сдѣлали имъ такую хитрую отписку: „Мы рады за вѣру Христову, за брадобритіе и за табакъ и за нѣмецкое платье, мужское и женское, и за отлученіе церкви Божіей стоять и умирать; но вы, все великое астраханское войско и все православное христіанство, не прогнѣвайтесь на насъ за то, что войска къ вамъ на помощь не послали, потому что невозможно намъ войска къ вамъ послать: сами вы знаете, что насъ малое число и съ ордою со всею не въ миру,—чтобъ намъ попрежнему отъ орды женъ и дѣтей не потерять“ [97]. Выраженіе безплоднаго сочувствія подозрительной искренности и отказъ активной помощи съ Терека имѣли свою долю вліянія на скорое подавленіе астраханскаго мятежа,

много порадовавшее Царя Преобразователя. Возстановленіе внутренней тишины въ государствѣ освобождало его отъ тягостной необходимости развлекать свои силы въ борьбѣ съ первымъ полководцемъ своего вѣка, шведскимъ королемъ Карломъ XII. Напряженная борьба съ этимъ неукротимымъ соперникомъ хотя и привела къ знаменитой полтавской побѣдѣ, но не прекратила войны съ Швеціей, и какъ bellum parit bellum, то вызвала еще другую войну съ турецкимъ султаномъ Ахмедомъ III. Въ надеждѣ на дружную помощь угнетенныхъ турецкимъ игомъ христіанскихъ народовъ, царь повелъ эту новую войну наступательно, но предъ подавляющимъ превосходствомъ непріятельскихъ силъ, обшедшихъ его на Прутѣ, вынужденъ былъ заключить невыгодный миръ, лишившій его Азова и обладанія Азовскимъ моремъ, изъ котораго рукой подать въ Черное. Однако же султану и этой жертвы было мало. Онъ былъ недоволенъ прутскимъ миромъ и въ 1712 году угрожалъ возобновить военныя дѣйствія. Такъ какъ шведская война продолжалась, то противъ Турціи и Крыма рѣшено было принять положеніе строго оборонительное. Въ числѣ другихъ распоряженій, казанскому губернатору Петру Матвѣевичу Апраксину, на которомъ лежало также завѣдываніе Астраханью и Терками, назначено было выступить съ своимъ корпусомъ и съ калмыцкимъ ополченіемъ къ Полтавѣ, гдѣ прежде всего ожидалось нападеніе стотысячнаго войска крымскаго хана [98].

Лучшимъ коптингентомъ ханскихъ ратей считались обыкновенно кабардинцы и другіе адыги. Никто не спорилъ, что тысяча татаръ едва равнялась двумъ сотнямъ благородныхъ адыговъ. [99] Прежде чѣмъ стать на днѣпровской украйнѣ у Полтавы, губернаторъ Апраксинъ позаботился о возможномъ обезпеченіи своей кавказской украйны на Терекѣ. Особенное значеніе имѣли для него кабардинцы; въ высшей степени было полезно,

чтобы они меньше держались стороны крымскаго хана при непріятельскихъ его дѣйствіяхъ, какъ противъ днѣпровской, такъ, чаятельно, и противъ терской украйны. Не упускалось изъ виду, что недовольный прутскимъ миромъ повелитель оттомановъ ставилъ условіемъ мирнаго исхода своей воинственной демонстраціи снесеніе всѣхъ русскихъ городовъ отъ Азова вверхъ по Дону на пять дней ѣзды [100]. Очевидно, дѣло шло объ изгнаніи донскихъ казаковъ — чего такъ домогались и прежніе султаны, въ одинъ голосъ съ крымскими ханами. Съ обнаженіемъ же Дона отъ казаковъ трудно было бы держаться казакамъ и на Терекѣ, трудно было бы держаться и самому городу Теркѣ. Малая Кабарда, безспорно, тяготѣла больше къ терскому воеводству, чѣмъ къ Крыму, но ее давила большая Кабарда, гдѣ нѣкоторые владѣльцы волей—неволей склонялись на сторону крымскихъ хановъ, по временамъ давали имъ дань и высылали свои контингенты въ ихъ ополченія, не становясь, однако же, у себя дома во враждебное положеніе противъ русскихъ. Напротивъ, отъ многихъ княжескихъ родовъ и Малой и Большой Кабарды постоянно находились аманаты въ рукахъ терскихъ воеводъ, и между представителями тѣхъ же родовъ не было недостатка въ „людяхъ прикормленныхъ“, на которыхъ высылалось въ Терки царское жалованье. Всѣ они ненавидѣли крымскихъ и кубанскихъ татаръ, съ послѣдними, по сосѣдству, нерѣдко входили въ столкновенія и рѣзались, но при всемъ томъ, чаще или рѣже, больше или меньше, поддавались вліянію Крыма. Объясняется это тѣмъ, что между кабардинскими князьями и ихъ благородными уорками (дворянами, а по крымски узденями) никогда не было прочнаго союза и единодушія, вѣчно волновали ихъ распри и усобицы, потому что феодальное ихъ устройство страдало однимъ важнымъ недостаткомъ—отсутствіемъ старшаго князя, главы князей и народа, отсутствіемъ центра тяжести. Сознаніе этого не-

достатка не было чуждо самимъ кабардинцамъ и оно-то, несомнѣнно, подвинуло ихъ искать верховенства перваго русскаго царя, покорителя Казани и Астрахани. Мы не знаемъ, какія рѣчи держали пятигорскіе черкасы въ Москвѣ Іоанну Грозному, но смыслъ ихъ рѣчей не могъ быть другой, какъ такой: земля наша не особенно велика, но прекрасна и весьма удобна для внѣшней обороны, которой, однакожъ, мы вести не можемъ, потому что порядка у насъ нѣтъ; водворите у насъ этотъ порядокъ, дайте намъ старшаго князя, а потомъ поставьте сильную крѣпость при сліяніи Малки съ Терекомъ или у Бештау и отсюда вмѣстѣ съ нами дѣйствуйте на Крымъ; наши соплеменники, кубанскіе адыги, составятъ для васъ надежные этапы вплоть до самой Тузлы, а казаки сдѣлаютъ первый десантъ въ Керчь и даже въ Кафу: на это они горазды... Отвѣтомъ на такую рѣчь была Терка, невидная изъ камышей, неспособная сдѣлаться центромъ тяжести по самому своему мѣстному положенію. Безъ гребенскихъ казачьихъ городковъ политическое вліяніе ея было бы еще слабѣе и мы обязаны признать справедливость приведенныхъ нами выше воеводскихъ отзывовъ изъ Терки въ Москву, что безъ терскихъ и гребенскихъ казаковъ была бы «городу Теркѣ тѣснота большая».

IX.

Какъ гребенскіе казаки положили краеугольный камень Кавказской Линіи.—Какъ ходили они съ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ въ Хиву. — Что ожидало ихъ при построеніи крѣпости св. Креста на Сулакѣ.—Какую службу служили они по наряду фельдмаршала Миниха.—На сколько сохранились у нихъ памятники объ ихъ далекомъ прошломъ.

Во время несчастнаго похода къ Пруту, въ 1711 году, губернаторъ Апраксинъ былъ на Терекѣ и сдѣлалъ отсюда удачный поискъ къ Кубани: онъ разгромилъ большую толпу татаръ, возвращавшихся изъ набѣга на саратовскую и пензинскую украйны съ полономъ изъ 2.000 русскихъ людей, который былъ сполна отбитъ [101]. Въ то время губернаторъ Апраксинъ познакомился съ кабардинцами и съ гребенскими казаками, такъ какъ и тѣ и другіе съ великой охотой ходили съ нимъ въ кубанскій поискъ и сослужили добрую службу; онъ познакомился также съ положеніемъ дѣлъ въ Кабардѣ и въ крѣпости Теркѣ. Тылъ этой крѣпости по низовьямъ Терека до моря былъ достаточно прикрытъ терскими казаками, но такого же прикрытія въ противуположную сторону, по направленію къ Кабардѣ, не было, а оно могло бы образоваться изъ гребенскаго войска, если бы это храброе войско,

наверстывающее свою немноголюдность превосходными боевыми качествами, не уступающими кабардинскимъ, не сидѣло особнякомъ въ уединенномъ мысу между Терекомъ и нижней Сунжей, если бы оно перебралось на лѣвый берегъ Терека. Въ такихъ соображеніяхъ, губернаторъ Апраксинъ уговорилъ гребенскихъ атамановъ и казаковъ переселиться на тотъ же берегъ Терека, на которомъ стояла и крѣпость Терка, то есть на лѣвый, чтобъ составить здѣсь изъ своихъ городковъ болѣе близкое, болѣе прямое и дѣятельное прикрытіе для названной крѣпости, и въ то же время установить болѣе живую связь между Кабардою и воеводскою резиденціей—къ чему разъ уже сдѣлана была тщетная попытка постройкой недолговѣчнаго стоялаго острога на Сунжѣ. Надобно думать, что мѣра эта не противна была и собственнымъ видамъ гребенскихъ казаковъ, потому что они безпрекословно ее выполнили и въ томъ же 1711 или въ 1712 году переселились на лѣвый берегъ Терека, гдѣ поставили въ линію по рѣкѣ пять своихъ городковъ: главный Червленый—нѣсколько выше сунжинскаго устья, на высотѣ брагунскихъ горячихъ источниковъ, а отъ Червленаго внизъ по теченію Терека, то есть по направленію къ крѣпости Теркѣ, и другіе четыре городка, на протяженіи 80 верстъ, въ томъ порядкѣ, какъ существуютъ они донынѣ. Такимъ образомъ казанскій и астраханскій губернаторъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ долженъ считаться первымъ основателемъ терской кордонной линіи, изъ которой развернулась потомъ, отъ моря до моря, Кавказская Линія, прославленная столькими подвигами, проходящая сіяющей полосою, какъ млечный небесный путь, чрезъ всю исторію кавказской войны въ текущемъ столѣтіи.

Передвинувшись на лѣвый берегъ, гребенцы выполнили элементарное правило стратегіи: осѣдлали рѣку, сѣли на нее верхомъ. Они оставались хозяевами обо-

ихъ ея береговъ, удерживая въ своемъ владѣніи угодья, оставленныя ими на правомъ берегу, такъ какъ нешірокая полоса годной земли между лѣвымъ берегомъ нижняго Терека и безплодной степью, разстилающеюся на сѣверъ, къ Кумѣ, недостаточна была для безбѣднаго ихъ существованія. Право владѣнія казаковъ затеречными угодьями, не оспариваемое ни кумыками, ни кабардинцами, ни тѣмъ болѣе чеченскими выходцами, было наконецъ упразднено непослѣдовательными распоряженіями часто смѣнявшихся военныхъ правителей края, и гребенцамъ пришлось кормиться казеннымъ хлѣбомъ въ то время, когда донцы начали уже производить свой [102].

Между тѣмъ, едва гребенскіе казаки успѣли устроиться на новомъ мѣстѣ, какъ потребовалась отъ нихъ важная служба, можно сказать даже жертва отечеству, какъ бы въ искупленіе первоначальнаго географическаго отчужденія отъ него ихъ прадѣдовъ (нравственно они всегда были съ отечествомъ). Глубоко скорбѣлъ Царь Преобразователь, царь создатель русскаго флота объ отдачѣ туркамъ ключа къ Черному морю—крѣпости Азова, и о разрушеніи начатковъ русскаго военнаго флота на татарскомъ (Азовскомъ) морѣ. «Я больше вашего плакалъ»—писалъ онъ по этому поводу адмиралу Апраксину, распоряжавшемуся передачею Азова туркамъ,—„и того ради какъ несвоею рукою пишу“ [103]. Послѣ этой тяжелой утраты онъ перенесъ свои любимые помыслы и надежды на Каспійское море, предпринялъ изслѣдованіе восточныхъ береговъ его и оттуда предположилъ искать торговаго пути въ Индію. Исполнителемъ этой могучей мысли былъ избранъ потомокъ заслуженнаго рода князей Черкасскихъ, о которомъ мы говорили выше, гвардіи капитанъ князь Довлетъ-Гирей, а во св. крещеніи Александръ Бековичъ-Черкасскій. По его указаніямъ, осенью 1716 года, заложены—крѣпости по трухменскому берегу Каспійскаго моря, въ

урочищахъ Балханъ, Тюркъ-Караганъ и Красныя Воды. Въ слѣдующемъ году, весною, близь устьевъ Яика, у Гурьева городка, стянулся отрядъ тысячъ въ шесть человѣкъ, въ составъ котораго были наряжены пятисотенный полкъ гребенскихъ казаковъ съ старшинами и часть терскихъ, преимущественно изъ инородцевъ. Съ этимъ отрядомъ и съ присоединившимися къ нему, въ числѣ до двухсотъ человѣкъ, торговыми людьми, преимущественно изъ Астрахани, князь Черкасскій выступилъ въ необъятную и невѣдомую среднеазійскую степь, по направленію къ Хивѣ. Въ его распоряженіи находился морской службы поручикъ Кожинъ съ нѣсколькими „навигаторами“. Кожину поручалось изслѣдовать верхнія теченія рѣкъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи: на первой отыскать городокъ Иркеть и золотыя около него розсыпи, а по послѣдней открыть путь къ Индіи и тамъ „подъ образомъ купчины“, развѣдать о пряныхъ зельяхъ и другихъ товарахъ *). У плотинъ, загражданшихъ теченіе Аму-Дарьи къ каспійскому басейну, требовалось сдѣлать городокъ и, раскопавъ плотины, возвратить древнему Оксусу славное нѣкогда теченіе его къ морю Хвалисскому. Жило преданіе, что народы Средней Азіи отвратили это, носившее великія богатства, теченіе къ пустынному морю Аральскому, именно чтобъ не дать Руси пробраться въ глубину невѣдомаго міра пустынь. Но отъ судьбы невозможно уйти ни людямъ, ни народамъ, ни царствамъ. При свершеніи та-

*) Насколько Кожинъ готовъ былъ выполнить эту важную миссію, видно изъ записки князя Черкасскаго, посланной при отправленіи его въ походъ къ генеральному ревизору Василію Никитичу Зотову:

«Поручикъ Кожинъ взбѣсился, не яко человѣкъ, но яко бестіе, и скрылся въ Астраханѣ или внѣ Астрахани, не вѣмъ, при моемъ отъѣздѣ; и какъ я поѣхалъ, не явился мнѣ. Во всю бытность его при мнѣ весьма не хотѣлъ ѣхать и страшился отъ пути сего, и пакости великія дѣлалъ къ поврежденію дѣлъ моихъ; многія неподобныя слова говорилъ иноземцамъ». (Матеріалы Военно-учен. арх. Главн. Штаба; Т. 1; изд. 1871 г.; стр. 380).

кого подвига, князь Черкасскій долженъ былъ склонить хана хивинскаго къ русскому подданству и, въ случаѣ надобности, оставить при немъ изъ своего отряда гвардію, чтобъ упрочить его на шаткомъ престолѣ. Достигнувъ этого, и бухарскаго хана слѣдовало привести, если не къ подданству, то, по крайней мѣрѣ, къ дружеству [104]. Съ богатырской ношей такой миссіи князь Бековичъ-Черкасскій шелъ шесть недѣль по голодной и безводной степи, сдѣлалъ до тысячи четырехсотъ верстъ и, цѣною невообразимыхъ лишеній, достигъ озеръ, образуемыхъ плотинами Аму-Дарьи. До Хивы оставалось менѣе полутораста верстъ. У озеръ, послѣ короткаго отдыха, русскій отрядъ началъ дѣлать окопъ, располагая послѣ этой работы приступить къ раскопкѣ плотинъ. Но хивинскій ханъ Ширъ-Гази наступилъ съ многолюдной ратью, конной и пѣшей, и началъ биться пищальнымъ и лучнымъ боемъ, продолжавшимся три дня. Казаковъ за окопами побито не больше десяти человѣкъ, а нападавшихъ хивинцевъ съ киргизами и трухменами полегло больше тысячи. На четвертый день ханъ вступилъ въ мирные переговоры и шертовалъ на коранѣ, чтобы противъ русскихъ не поднимать больше оружія и быть во всемъ на ихъ волѣ. Отрядъ князя Черкасскаго отощалъ и хивинцы обязались доставить ему кормъ, но только въ разныхъ мѣстахъ,—для чего и долженъ онъ былъ раздѣлиться; самому же князю съ частью войска предложено угощеніе въ хановой столицѣ, изъ глины сбитой Хивѣ. Устроивъ такимъ образомъ разъединеніе русскаго отряда, хивинцы или истребили, или заполонили его по частямъ. Князь Черкасскій, послѣ поднесенія хану царскихъ подарковъ и угощенія въ его дворцѣ, былъ звѣрскимъ образомъ замученъ, а потомъ съ него содрали кожу и, сдѣлавъ изъ нея чучело, выставили его на позоръ надъ городскими воротами.

При несчастномъ князѣ Александрѣ находились его

два брата Сеунчъ и Акмурза, но ихъ свирѣпый ханъ не тронулъ, какъ мусульманъ, и отпустилъ на родину. Такъ разсказываютъ объ этомъ злополучномъ, но безпримѣрно смѣломъ походѣ свѣдущіе люди и прибавляютъ, что два зловѣщія явленія предзнаменовали плачевный конецъ хивинской экспедиціи, напоминающей безстрашное плаваніе аргонавтовъ въ невѣдомую страну за золотымъ руномъ. Жена и двое дѣтей князя Александра окончили жизнь въ самый день его отплытія къ Гурьеву городку изъ Астрахани: возвращаясь послѣ его проводовъ домой въ лодкѣ, они были опрокинуты набѣжавшимъ вихремъ и потонули въ Волгѣ, а во время заключенія мирнаго договора съ хивинскимъ ханомъ Ширъ-Гази, въ степи, полуденное солнце на безоблачномъ небѣ вдругъ померкло и настолько затмилось, что отъ его диска оставался видимымъ лишь небольшой край, на подобіе народившагося мѣсяца. Солнечное затмѣніе въ такомъ лунообразномъ видѣ было истолковано поклонниками луны въ свою пользу, а на русскихъ людей навело уныніе, подъ вліяніемъ котораго вдались они въ западню и сдѣлались жертвою хивинскаго вѣроломства. Пятьсотъ отборныхъ гребенскихъ бойцовъ погибли въ рукахъ варваровъ или подъ ударами предательскаго ножа, или въ цѣпяхъ тяжкаго рабства. Сотни семей одновременно осиротѣли въ гребенскихъ городкахъ, и памятникомъ такого многолюднаго осиротѣнія остаются до сихъ поръ, по объясненію стариковъ, своеобразныя родовыя прозванія, данныя росшимъ при матеряхъ вдовахъ мальчикамъ по именамъ отцовъ въ женской формѣ, какъ напримѣръ: Семенкинъ, Федюшкинъ *) и т. п. Только двумъ станичникамъ, и то уже чрезъ многіе годы, удалось вернуться

*) Потомку этого сироты, нынѣшнему атаману перваго военнаго отдѣла терскаго казачьяго войска, заслуженному генералъ-маіору Ѳеодулу Филипповичу Федюшкину мы обязаны авторитетными преданіями, казацкими и горскими, которыми пользуемся для настоящаго труда.

на родину: это были Червленаго городка казакъ Иванъ Демушкинъ и Шадринскаго Петръ Стрѣлковъ. Послѣдняго до самой смерти звали Хивинымъ, и это прозвище унаслѣдовали его дѣти. Оба они, переходя отъ однаго бусурманскаго хозяина къ другому, путемъ продажи, попали наконецъ въ Персію, откуда и выбѣжали уже въ старости.

Неудача хивинской экспедиціи не отвратила видовъ царя Петра отъ Каспійскаго бассейна. Заключивъ ништадтскій миръ и принявъ заслуженный великими дѣлами титулъ императора, онъ объявилъ войну Персіи. Поводомъ къ этой войнѣ были варварское избіеніе трехсотъ русскихъ купцовъ въ Шемахѣ и анархическія смуты во всемъ Иранѣ, которыми готовы были воспользоваться турки ко вреду русской торговли и политики. Въ 1722 году императоръ самъ прибылъ съ частью войскъ къ устью Терека и распорядился лично старую терскую черту, намѣченную Іоанномъ Грознымъ, подвинуть впередъ на Сулакъ (Койсу). Дряхлѣющую среди болотъ Терку должна была замѣнить новая крѣпость Св. Креста, предназначенная служить лучшему охраненію сухопутной астраханской дороги въ Дербентъ, на которой привыкли промышлять дагестанскіе разбойники съ шамхаломъ во главѣ. Гребенскіе казаки были призваны на службу въ начавшейся персидской войнѣ и опять выставили пятьсотъ служилыхъ людей. Между тѣмъ, съ возведеніемъ крѣпости Св. Креста въ пунктѣ развѣтвленія Сулака на два теченія, назначено было тридцативерстное пространство отъ этой крѣпости до морскаго берега, гдѣ надлежало быть пристани и порту, заселить казаками; для чего вызваны съ Дону тысяча казачьихъ семействъ, изъ коихъ одна половина предназначалась на пополненіе населенія гребенскихъ городковъ, ослабленныхъ хивинской катастрофой и учащенными набѣгами чеченцевъ и кумыковъ въ тотъ промежутокъ времени, когда лучшіе защитники умирали му-

чениками въ далекомъ походѣ. Однакоже, едва приступлено было къ заселенію линіи по Сулаку и Аграхани, какъ явилось предположеніе, вмѣсто отдачи пятисотъ семействъ на пополненіе гребенскихъ городковъ, и самое гребенское войско, все съ корнемъ, пересадить на Сулакъ. Это было бы уже четвертое переселеніе для гребенцовъ. Предъ этимъ испытаніемъ не устояло твердодержавшееся въ нихъ изстари качество—ихъ доброе послушаніе во имя службы государевой. По городкамъ пошелъ ропотъ, начавшійся отъ женъ и матерей, на которыхъ всегда лежали заботы дома и хозяйства въ гребенскомъ быту, по примѣру кабардинскаго. Ропотъ донесся, съ обычной глухимъ мѣстамъ летучестью слуховъ, на нижнюю Кубань, въ некрасовскіе городки, гдѣ уставщики и начетчики, изнемогая отъ болотныхъ лихорадокъ все-таки твердили: добро намъ здѣ быти. Изъ тѣхъ мѣстъ, отъ Игошки Некрасова явились къ гребенцамъ смутники съ приглашеніемъ: идите, братья, къ намъ. Гребенцы не братались съ Игошкой Некрасовымъ, который ходилъ съ татарами на кабардинцевъ и съ ними бился; но одинъ разъ, изъ жалости къ нему, какъ къ русскому человѣку и храброму казаку, отпросили его у кабардинцевъ, захватившихъ его, раненаго, въ плѣнъ. Теперь онъ, въ видѣ благодарности, предлагалъ имъ гостепріимство въ своей, какъ начетчики выражались, святой землѣ—палестинѣ. Былъ слухъ, что предложеніе это не было отвергнуто. Но, къ счастью, упомянутое правительственное предположеніе осуществилось только тѣмъ, что гребенскіе городки не получили обѣщаннаго подкрѣпленія донскими переселенцами, за то же и сами не были тронуты съ своихъ мѣстъ [105]. А между тѣмъ, съ перемѣной царствованія измѣнились и взгляды на каспійскую торгово—политическую систему. Императрица Анна Іоанновна прекратила войну съ Персіей и, заключивъ союзъ съ шахомъ въ 1735 году, возвратила ему всѣ сдѣланныя до нея

завоеванія. Въ томъ числѣ былъ брошенъ и Сулакъ. Крѣпость Св. Креста и казачьи поселенія, въ недолгое время образовавшія при своихъ окопахъ обширныя кладбища, были разрушены, а гарнизонъ и казаки отведены на Терекъ, который и остался рубежемъ по старому. При устьяхъ его, въ болѣе дальнемъ отъ моря, чѣмъ была Терка, разстояніи, на протокѣ Кизлярѣ построена новая крѣпость, названная также Кизляромъ [106].

Минутное колебаніе гребенцовъ предъ жизненнымъ вопросомъ о переселеніи, послѣ недавняго переселенія, не отразилось никакими послѣдствіями на дальнѣйшемъ отправленіи ими службы государевой. Въ 1736 году, послѣ разрыва съ Турціей, на первомъ планѣ войны поставлено было отвоеваніе у турокъ и татаръ Азова, пріобрѣтеніе котораго стоило столькихъ личныхъ трудовъ Великому Пріобрѣтателю морей для Россіи. Въ облегченіе дѣйствій противъ сильной Азовской крѣпости предназначались усиленные поиски въ татарскіе улусы, наполнявшіе широкую азовско-кубанскую степь и закубанскія предгорья. Такого рода дѣйствія были съ-руки казакамъ, и изъ нихъ собирался сильный летучій отрядъ на рѣкѣ Еѣ. Фельдмаршалъ графъ Минихъ, имѣвшій высокое мнѣніе о гребенскихъ казакахъ и знавшій притомъ немноголюдность ихъ войска, писалъ непосредственно гребенскому войсковому атаману Данилѣ Ефимьевичу Аукѣ, отъ 1 марта 1736 года, чтобы онъ выслалъ въ кубанскій походъ посильное число казаковъ, если сможетъ, въ примѣръ гусарскаго полка—сотни четыре. Въ тоже время и для того же назначенія требовались неразлучные спутники гребенцовъ, терскіе казаки и кабардинцы. Предупреждая, что кавказскіе казаки будутъ дѣйствовать вмѣстѣ съ донскими и съ калмыками Дондука—Омбо, графъ Минихъ наказывалъ атаману Аукѣ кубанскихъ татаръ и другихъ подданныхъ порты Оттоманской (разумѣлись, вѣроятно, обитатели нижне-кубанскихъ болотъ, некрасовскіе каза-

ки *) разсорять и искоренять до основанія, а съ кабардинскими и калмыцкими старшинами имѣть доброе согласіе. Исполнительность гребенскаго войска превзошла требованіе фельдмаршала: въ двѣ недѣли изготовлено было къ походу пять сотень казаковъ съ положеннымъ числомъ старшинъ, не взирая на слезныя представленія мамукъ, что Крымскій ханъ нагрянетъ на Терекъ съ великой ордой и заполонитъ ихъ со всѣми городками, да и самой крѣпости Кызлару не устоять. Такіе слухи дѣйствительно пущены были изъ Крыма въ Кабарду и нанизъ по Тереку, вѣроятно, съ умысломъ остановить сборы русскаго летучаго отряда. Походныя гребенскія сотни были раздѣлены на двѣ станицы; надъ одной изъ нихъ принялъ начальство самъ войсковой атаманъ, а надъ другой заслуженный старшина, облеченный званіемъ походнаго атамана, Иванъ Петровъ. По тогдашнимъ распорядкамъ кизлярскій комендантъ, номинатъ— полковникъ Красногородцевъ выдалъ изъ казны обоимъ атаманамъ — войсковому и походному, на содержаніе казаковъ въ походѣ 5.000 рублей, да на „зимовую стоянку“ 400 и на подъемъ старшинамъ, то есть есауламъ, сотникамъ и хорунжимъ, всего 12-ти человѣкамъ, 70 рублей. Обѣ станицы соединились на Малкѣ съ кабардинскимъ ополченіемъ и терскими казаками, вмѣстѣ съ ними двинулись на рѣку Ею и тамъ поступили подъ начальство донскаго войсковаго атамана Данила Ефремова [107]. До заключенія бѣлоградскаго мира, имъ досталось много разъ держать денные пикеты по курганамъ будущей земли черноморскихъ казаковъ, дѣлать ночные разъѣзды по крутому берегу „рѣки великой, что вѣчно съ кровью

*) Некрасовскіе или по татарски Игнатъ-казаки жили на низменномъ Каракубанскомъ островѣ и далѣе внизъ по Кубани до Агданизовскаго лимана, четырьмя городками: Кара-Игнатъ, Ханъ-Куба, Себелей и Контида.

течетъ“ (Кубани), переправляться чрезъ кипучія ея суводи подъ аулы Джемгуевъ или Темиргоевъ и Бесленеевъ, а ниже, у Копыла, перевѣдываться и съ своей заблудшей братьей, некрасовскими охреянами [108].

Когда-нибудь, терпѣливый ловецъ въ „рѣкѣ временъ, уносящей всѣ дѣла людей въ своемъ стремленьи“,—когда-нибудь историкъ кавказской войны, идущей отъ Хворостинина и Бутурлина, подробнѣе разскажетъ намъ или нашимъ дѣтямъ о „внѣшней“, по выраженію войсковыхъ казачьихъ положеній, то-есть о походной и боевой службѣ стараго, болѣе стараго, чѣмъ думаютъ, гребенскаго войска, а мы, связанные условіями нашей задачи, должны теперь остановиться на изслѣдованіи внутренней его жизни: познакомиться по возможности съ его устройствомъ и домашнимъ бытомъ. Легко сказать—познакомиться съ тѣмъ, что было когда-то и чего давно уже нѣтъ; а какъ прослѣдить эту затоптанную сакму, по которой прошли цѣлыя поколѣнія? Гдѣ памятники, гдѣ факты и документы, которыхъ требуетъ судебный слѣдователь исторіи—историческая критика? Припомнимъ, что Омаръ въ казацкомъ зипунѣ, разворитель Стенька Разинъ имѣлъ уродливое обыкновеніе рвать и жечь бумаги во всякомъ, попадавшемъ въ его руки городѣ, гдѣ только были ненавистные ему дьяки. Такъ поступая въ Астрахани, Царицынѣ, Саратовѣ, онъ похвалялся пожечь всѣ бумаги и въ Москвѣ [109]. Думаемъ, что онъ дѣлалъ это не для сокращенія переписки, которая тогда едва ли была обширна, а какъ врагъ порядка, ненавидѣвшій даже всякое письменное его начертаніе; но люди добраго порядка, казаки степенные и значные, твердой рукой державшіе войсковую насѣку, не имѣли никакой корысти безчестить войсковыхъ дьяковъ раздираніемъ или сожиганіемъ ихъ писаній,—и однакожъ войсковыхъ архивовъ не сберегли, не передали намъ даже старин-

ныхъ грамотъ, приносившихъ казакамъ „милостивое царское слово“, высшее воздаяніе за самоотверженную ихъ службу. И на Дону и на Терекѣ говорятъ одно: пожары истребили наши архивы, и на нижней Кубани еще и то услышите, что множество письменныхъ дѣлъ поглотила эта знаменитая рѣка. Историческіе факты, когда совсѣмъ размокли на днѣ рѣки, сдѣлались, конечно, пищею прожорливыхъ сомовъ. А сколько еще тѣхъ же фактовъ пошло на заклейку разбитыхъ окошекъ въ станичныхъ правленіяхъ! Но будетъ ли справедливо пенять на такую непроизводительную растрату историческаго матерьяла, винить малограмотныхъ предковъ въ недостаткѣ заботливости о сохраненіи письменныхъ памятниковъ, когда и въ наше просвѣщенное, какъ говоримъ мы, время, немного видно этой заботливости. На кладбища хоть изрѣдка ходимъ поминать родителей, а другія кладбища, гдѣ не прахъ бренный, а мысль и слово нашихъ предшественниковъ почили—хранилища письменныхъ памятниковъ прожитаго времени, оставляемъ въ пренебреженіи [110]. Но еще хуже, когда навѣдается туда чиновникъ особыхъ порученій въ качествѣ любителя старины: возъимѣвъ охоту заглянуть въ старыя, страннымъ почеркомъ написанныя дѣла, онъ повыдергаетъ изъ нихъ тѣ листы, которые ему приглянутся, и увезетъ ихъ въ своемъ портфелѣ, а послѣдующій изыскатель—хоть плачь *). Если такъ

*) Такимъ споліаціямъ подвергались старые, «комендантскіе» архивы въ городахъ Кизлярѣ, Моздокѣ и Георгіевскѣ, находившихся не такъ давно въ управленіи ставропольскихъ губернаторовъ. Многіе документы, унесенные изъ самыхъ давнихъ дѣлъ, а частью и дѣла тѣхъ архивовъ оказались, по смерти чиновника особыхъ порученій И-ва и совѣтника губернскаго правленія К-ва, въ числѣ частнаго ихъ имущества и разошлись по рукамъ. Часть ихъ случайно попала къ намъ въ 1876 году. Къ сожалѣнію, пользуясь ими для настоящаго труда, мы можемъ указывать только на архивы, но не на самыя дѣла, къ которымъ принад-

это въ нашъ грамотный вѣкъ, то, понятно, насколько тщетенъ былъ бы трудъ искать письменныхъ памятниковъ о жизни стараго гребенскаго войска у затеречныхъ Гребней и при устьѣ Сунжи рѣки. Внуки не укажутъ даже пепелищъ и могилъ своихъ дѣдовъ. Да и то правда, что эти дѣды жили въ такой глуши и писать такъ были неохочи, что „великое“ войско донское не знало одинъ разъ, какъ повеличать ихъ атамановъ, и того ради не могло не упрекнуть ихъ въ нерадѣніи по письменной части. Въ 1614 году мая 17 дня, послѣ того какъ буря смутнаго времени притихла и радуга мира всходила на прояснившемся русскомъ небѣ, великое войско донское писало грамоту войску терскому „и всѣхъ преславущихъ рѣкъ господамъ атаманамъ и казакамъ“, съ увѣщаніемъ, чтобъ жили смирно, государю служили и прямили. „Задня забывайте“, говорилось въ грамотѣ,—„на передня возвращайтеся“, а въ заключеніе было простодушно выражено: „А мы, господа, къ вамъ много писывали прежде сего о любви, да отъ васъ къ намъ ни единыя строки нѣтъ, и мы атамановъ у васъ большихъ не знаемъ, и вы на насъ не дивитесь“ [111]. Тѣмъ болѣе намъ не приходится дивиться этой безписьменной темнотѣ и остается искать луча свѣта въ преданіяхъ отцовскихъ и сосѣдскихъ. Но такого рода преданія, и свои и сосѣдскія, памятливы только на внѣшнія событія рѣзкаго, потрясающаго характера: хорошо помнятъ они голода, большія зимы, наводненія, чуму, войны; а какимъ строемъ и порядкомъ жило общество, какой связью держалось, какими соками питалось оно втихомолку, день за день: на подобные вопросы преданія

лежатъ документы. Для обозначенія послѣдней принадлежности не представляется уже никакой возможности, такъ какъ пощаженныя рукою времени дѣла разрушены рукою споліаторскою.

дають весьма невнятные отвѣты. Однакоже мы попытаемся передать ихъ болѣе ясно, а съ эпохи имперіи, съ начала жизни гребенцовъ на лѣвомъ берегу Терека, „на линеюшкѣ, на славной на сторонушкѣ“ *), будемъ имѣть возможность дать отчетъ болѣе или менѣе документальный.

---

*) Изъ казацкой пѣсни; она будетъ воспроизведена у насъ вполнѣ, когда будемъ говорить о службѣ и борьбѣ казаковъ на Линіи.

X.

Какъ сложился боевой и домашній бытъ гребенскихъ казаковъ на Кавказѣ.—Какой былъ у нихъ стародавній общинный строй, земскій и военный.—Какъ привносились новыя черты въ этнографическій типъ ихъ населенія.—Какъ шло у нихъ церковное назиданіе.

Одинъ изъ современныхъ нашихъ историковъ высказалъ, между прочимъ, о казакахъ прошлаго времени такое сужденіе, что они стремились жить на счетъ государства*). Будетъ ближе къ дѣйствительности сказать, что заукраинные эти люди, ранніе показатели будущихъ предѣловъ государства, жили на счетъ своихъ сосѣдей, отъ которыхъ, вмѣстѣ съ военною добычею, заносили въ свои городки съ вышками многіе обычаи и, прежде всего, заимствовали одежду и снаряженіе своихъ противниковъ, принимали, такъ сказать, ихъ шерсть и зубы. По поводу указа царя Петра, воспрещавшаго носить долгополые московскіе кафтаны и ферязи, донской атаманъ Савва Кочетовъ сказывалъ боярамъ въ Москвѣ, что казаки на Дону носятъ платье и русское, и татарское, и калмыцкое, и черкесское, „и въ томъ-де между ими казаками распри и никакого посмѣханія другъ

*) Ист. Россіи С. Соловьева. Т. VIII, гл. 2.

надъ другомъ нѣтъ; а нѣмецкаго-де платья никто у нихъ на Дону не носитъ, и мастеровъ, которые бы нѣмецкое платье могли дѣлать, въ городкахъ ихъ казацкихъ не живутъ“ [112]. Тѣмъ менѣе могли жить такіе мастера въ гребенскихъ казацкихъ городкахъ, въ сосѣдствѣ съ кабаками, по нынѣшнему аулами, кабардинскими. Рыцарская Кабарда была законодательницею модъ и вкуса для всѣхъ воинственныхъ адыгскихъ обществъ отъ Сунжи до Чорнаго моря. Ей же подражала, хотя и грубо, и мужицкая Чечня. Татары не подражали, потому что считали всѣхъ вообще благородныхъ адыговъ гяурами, свиноѣдами, не носившими сорочекъ, согласно предписаніямъ шаріата, ниже колѣнъ. Одежда кабардинцевъ была, если угодно, русская: зипунъ русскій съ открытой грудиной и низкой подпояской, и рубаха, называемая бешметомъ, сверхъ шароваръ, съ галунной обшивкой*). Деревянные, обдѣланные въ кость или въ серебро, патронники (хазыри), которые мы застали уже прикрѣпленными на груди зипуна, носились прежде на поясѣ, привѣшенные къ нему на длинныхъ шнуркахъ или ремешкахъ, какъ, кажется, было и у старинныхъ московскихъ стрѣльцовъ. Шнурки на ходу подтягивались, чтобъ хазыри не болтались, а во время боя отпускались для свободнаго вкладыванія заряда въ ружье. Шапка, изъ чорнаго бараньяго мѣха, была двухъ родовъ: высокая, можно сказать, боярская (наслѣдство „чорныхъ клобуковъ“) и круглая съ узкимъ мѣховымъ околышемъ и суконнымъ верхомъ, щедро обшитымъ галуномъ. Послѣдняя была больше праздничная, чѣмъ боевая. Русскій лапоть или поршень уступалъ мѣсто сафьянному, туго надѣтому на ногу, чевяку, а лапотную шнуровку ноги

*) Еще мы застали то время, когда казаки, снимая одежду съ убитыхъ черкесъ, не находили подъ бешметомъ никакой рубахи. Пріѣзжавшіе для отличій въ вельяминовскихъ экспедиціяхъ гвардейцы удивлялись, какъ горцы могутъ жить безъ *бѣлья*, не подозрѣвая, что бешметъ-то и былъ бѣльемъ.

поверхъ онучи замѣняли узкіе суконные ноговицы и наколѣнники, еще тѣснѣе обхватывающіе берцовыя части ногъ, способствующіе легкимъ движеніямъ и предохраняющіе колѣнныя сочлененія отъ разслабленія при ѣздѣ на короткихъ стременахъ. Они же дѣлали экономію и въ шароварахъ. Защитою отъ дождя и снѣга для головы, шеи и плечь, а въ случаѣ надобности и для сохраненія инкогнито, былъ башлыкъ. Незамѣнимая никакимъ плащемъ, пальтомъ, бурнусомъ, бурка совмѣщала въ себѣ епанчу, шубу, постель, одѣяло и шатеръ въ полѣ. Способная къ накидкѣ и назадъ, и напередъ, и на бокъ, она ограждала всадника, съ какой бы стороны ни била на него непогода, прикрывала и предохраняла отъ дождевой мокроты лукъ, колчанъ съ стрѣлами, огнестрѣльное оружіе, сумы въ торокѣ и руку, держащую поводья; она же, будучи войлокомъ, покрытымъ космами, представляла упругую защиту и противъ сабельныхъ ударовъ и противъ уколовъ пики, стрѣлы; а при горячемъ отступленіи или наступленіи, когда ужь не думаютъ о препятствіяхъ, если нужно было броситься съ кручи въ рѣку, не выходя изъ сѣдла, она мгновенно накидывалась на глаза коню. Вотъ сколько заслугъ за такой простой вещью. Защитой же противъ зимней стужи служилъ овчинный полушубокъ, ниже колѣнъ, одного покроя съ зипуномъ; надѣтый подъ исподъ или поверхъ зипуна, онъ нисколько не отягощалъ всадника, не связывалъ свободы его движеній. Сѣдло и вся конская принадлежность доведены были до высшей степени уютности и легкости: ни одного громоздкаго и безполезнаго убора или украшенія, никакой ненужной погремушки, ни одной лишней пряжки или кольца, ни одной лишней линіи въ ширинѣ ремня, въ размѣрѣ ленчика и стремени. „Сѣделечко черкасское“ славилось въ казацкихъ пѣсняхъ по дѣйствительной заслугѣ, а „болтоногому“ нѣмцу на немъ не поѣхать. Легкой лентой лежала уздечка на головѣ горбоносаго коня, и тонкое гладкое

удило едва чувствовалось въ его зубахъ, а короткія стремена устраняли давленіе на его бока, не стѣсняли его дыханія и не мѣшали ему вытягиваться во всю длину при усиленной побѣжкѣ. По милости тѣхъ же короткихъ стременъ всадникъ не ломалъ себѣ костей при паденіи коня, который, хотя и о четырехъ ногахъ, но спотыкается даже подъ гордымъ уоркомъ. Особый уходъ за копытомъ сообщалъ этой важной основѣ ноги столько твердости и стойкости, даже по гололедицѣ, что благородный и расторопный, какъ и самъ наѣздникъ, адыгскій скакунъ не зналъ отягощающей ногу желѣзной сандаліи—подковы, былъ свободенъ отъ унизительной ковки. Холодное оружіе всадника, какъ при лучномъ, такъ и при огненномъ боѣ, было до послѣдней возможности легкое и короткое. Длинное татарское дреколье, „ратище“ широкоплечаго и дюжаго запорожца, служило предметомъ ѣдкихъ насмѣшекъ: поздно искать разстоянія при налетѣ на противника; никакого не полагалось разстоянія въ рукопашной схваткѣ съ нимъ, и самый конь адыгскаго наѣздника пріучался сбивать грудью вражьяго коня. Грозной вывѣской всегдашней готовности схватиться вплотную съ противникомъ былъ короткій кинжалъ, никогда не сходившій съ пояса, даже въ мирной бесѣдѣ съ конакомъ у домашняго очага. Только это, изъ всѣхъ доспѣховъ младшее оружіе, которое средневѣковые рыцари употребляли для послѣдняго удара изъ милосердія (coup de miséricorde), пользовалось исключительнымъ правомъ на роскошное украшеніе, потому что всегда было на виду. Не будемъ говорить о кольчугахъ, шишакахъ и стальныхъ наручняхъ, большею частью московскаго происхожденія, доступныхъ только князьямъ и богатымъ уоркамъ, и сдѣлаемъ общее замѣчаніе, что всѣ предметы вооруженія и снаряженія были такъ стройно пригнаны и такъ мягко оснащены, что ни малѣйшій нескромный звукъ не могъ выдать скрытнаго движенія всадника и цѣлой толпы всадниковъ для внезапнаго на-

паденія. Второстепеннымъ потребностямъ боевой жизни служили: ножикъ съ костяной рукояткой подъ кинжальной ножной, легкій топорикъ въ сафьянномъ чехлѣ у сѣдельной луки, а подъ сѣдельной подушкой треногъ и сулукъ—сафьянное, воскомъ пропитанное, складное ведерко; на поясѣ жировничка, шило, отвертка, она же и огниво; въ одной изъ переметныхъ сумокъ засушенный кружокъ овечьяго сыра и горсти три обжареннаго въ маслѣ пшена (своего рода драже, хорошо утоляющее голодъ), а въ другой—сафьянный накременникъ, чистый утиральникъ, кусокъ мыла для мойки коня (скребница и щотка не были извѣстны), узкій ременный арканчикъ для ясыра, недоуздокъ для ночлега и т. п. На каждой вещи и вещицѣ лежала печать тонкаго вкуса, изящной простоты, правильности, соразмѣрности, экономіи. Ни яркихъ восточныхъ цвѣтовъ и турецкой мѣшковатости въ одеждѣ, ни татарской пестроты въ украшеніяхъ; во всемъ скромная щеголеватость, вызывающая ловкость, статность и мужественную граціозность. Такую одежду, такое снаряженіе приняли гребенскіе казаки отъ кабардинцевъ еще въ первомъ своемъ поколѣніи. Съ одеждою и снаряженіемъ они усвоили военное воспитаніе адыговъ, ихъ игры и скачки, боевую гимнастику, выправку и всѣ пріемы и турдефорсы блестящаго адыгскаго наѣздничества. Въ свою очередь они послужили примѣромъ и образцомъ для другихъ поселявшихся на Кавказской Линіи казаковъ, и по нимъ создался этотъ особый, единственный въ своемъ родѣ, типъ казачества—кавказское линейное казачье войско, которому приносили дань удивленія и великобританскіе и венгерскіе кавалеристы.

По тому же закону добровольнаго предпочтенія своего худшаго сосѣдскому лучшему, и гребенскія казачки приняли одежду и уборы кабардинскихъ женщинъ. Одежда эта состоитъ изъ узкой рубахи съ широкими рукавами, поверхъ которой надѣтъ длинный бешметъ, тѣсно за-

стегнутый и отчетливо обрисовывающій рельефы тѣла. Подпояска лежитъ еще ниже мужской и заключается въ широкомъ поясѣ съ украшеніями, не такъ уже легкими и бережливыми, какъ на мужскомъ узкомъ поясѣ. Эта широкая, низко лежащая женская подпояска, предметъ восторженныхъ стиховъ Гомера, живописно и краснорѣчиво опредѣляетъ гибкость и граціозность женскаго сложенія, бравшаго пальму первенства въ восточныхъ гаремахъ. Украшеніемъ груди служитъ ожерелье, составленное изъ золотыхъ и серебрянныхъ монетъ—символическое отраженіе сокровищъ, сокрытыхъ въ женской груди дѣвичей и материнской. На головѣ бѣлоснѣжное тонкое покрывало, служащее для обвязыванія нижней части лица и шеи—вывѣска чистоты патріархальныхъ женскихъ нравовъ, хотя, въ позднѣйшее время, и не въ рѣдкость было услышать запыленному постойному солдату изъ прекрасныхъ устъ гребенской женщины такой комплиментъ: «чево пришолъ, чортъ? Каку надо болячку, скобленое твое рыло? Табачищемъ домъ загадишь, чорная на тебя немочь»... Гребенская женщина, во множествѣ случаевъ, была мѣстнаго горскаго происхожденія. Она сообщила гребенцу, увѣсистому русскому человѣку, легкія статьи и живыя черты южнаго аборигена, а сама заимствовала отъ него ростъ и мускульную силу и мужественный характеръ русской женщины. Если отъ обмѣна сѣверовосточной русской крови съ какой-нибудь западно-тевтонской ничего особеннаго не выходитъ, то на азіятскомъ юго-востокѣ образуется отъ той же помѣси статная и даровитая порода. Доказательство тому можно видѣть не въ одномъ гребенскомъ казачествѣ.

Послѣ одежды и снаряженія, домашній бытъ гребенскихъ казаковъ, во многихъ чертахъ, сложился также по кабардинскому образцу. Кабардинская уна (хата) похожа на русскую избу тѣмъ, что, не подражая татарскимъ безкровельнымъ саклямъ, имѣетъ двухскатную крышу съ князькомъ, съ той однакожъ архитектурной

особенностью, что кровельныя стропила держатся не на стѣнахъ, которыя слишкомъ жидки, а на особо поставленныхъ вдоль стѣнъ столбахъ. Вмѣсто крылечка русской избы, ее окружаетъ открытая галлерейка. Легкость устройства жилищъ адыговъ условливалась ихъ обычаемъ не заживаться долго на одномъ мѣстѣ, а коль скоро занавоживалось оно осадками долговременнаго обитанія, переходить на новое чистое мѣсто. Этой подвижности осѣдлаго обитанія благопріятствовало обиліе рѣчныхъ или родниковыхъ водъ и лѣсовъ въ странѣ. Она внушена населенію отчасти тревожнымъ бытомъ, а болѣе гигіеническими соображеніями, невычитанными изъ книгъ, которыхъ у адыговъ не было, а почерпнутыми изъ непосредственныхъ наблюденій надъ физическою природою тогоже дѣятельнаго адыгскаго ума, который такъ счастливо создалъ походное боевое снаряженіе. Кабардинскій кабакъ или аулъ не имѣлъ, по примѣру Спарты, общей окружной ограды, въ видахъ общей обороны, но каждый дворъ самъ по себѣ укрѣплялся высокимъ тыномъ, и дворы отдѣлялись другъ отъ друга тѣсными, извилистыми закоулками, не развивавшимися до широты улицъ. Русскому человѣку какъ жить безъ улицы для хороводовъ, безъ площади для мірскихъ сходовъ и качелей, безъ крылечка при избѣ для встрѣчи гостей, и какъ обороняться врознь, не въ кучѣ? Поэтому гребенскіе казаки ставили свои жилища и укрѣпляли городки съ вышками болѣе прочно и правильно, порусски; но они взяли у Кабарды внутреннее убранство домовъ: въ одномъ углу оружіе и доспѣхи, развѣшанные по стѣнѣ, въ другомъ постели и одѣяла, сложенныя правильными кипами, а на самомъ видномъ мѣстѣ, на полочкахъ, посуда, тщательно вычищенная и парадно разставленная. Удержались, однакожъ, русская печка, русскія лавки и высокій столъ, а въ красномъ углу, завѣшенномъ разноцвѣтной пеленой,—чего ужъ никакъ не могло быть въ кабардинской унѣ,—кіотъ съ дѣдовскими образами, боль-

шею частью, мѣдными складнями, откуда неподалеку молитвенные подручники (подушечки) и кожаныя лѣстовки (чотки, эмблема лѣстницы, возводящей умъ на небо), повѣшенные на колышкѣ вмѣстѣ съ ладономъ въ мѣшечкѣ. Когда бывали въ гостяхъ кабардинцы, чеченцы, кумыки, образная пелена поднималась и закрывала святыню краснаго угла. Съ телегой и съ запряжкой коня подъ дугу гребенцы разстались навсегда, покидая Червленый Яръ; они взяли у Кабарды поворотливую двухколесную арбу и рабочую ѣзду на быкахъ, а конь остался только для сѣдла. Кабардинцы народъ земледѣльческій и разумно ведущій земледѣліе, благодаря всесторонней наблюдательности своего ума: работаютъ легкимъ плугомъ, пашутъ мѣлко, тонкими пластами, съ геометрической правильностью линій, зерно сѣютъ близко къ солнечному лучу и атмосферическому воздуху и рѣдко испытываютъ неурожаи. Все это легко перешло къ гребенцамъ, какъ представителямъ народа тоже земледѣльческаго. Но мы видѣли, что въ кругъ гребенскаго хозяйства входило еще садоводство съ виноградѣліемъ и шелководствомъ. Кабарда, часто передвигающая свои населенныя мѣста, не знала этой культуры, и гребенцы, по всей вѣроятности, заимствовали ее изъ Тарковъ, куда часто посылались „для шевкальскіе службы“. Была ли она у нихъ еще на Червленомъ Яру, неизвѣстно, но то вѣдомо, что на всякомъ мѣстѣ Руси есть веселіе пити, а кабардинскій праздничный напитокъ, буза, правду сказать, противенъ. Родное зелено вино осталось далеко за моремъ, сохранился одинъ квасъ. Донцы были счастливѣе: имъ привозили эту поэтическую влагу царскія будары вмѣстѣ съ зельемъ, и передъ тѣмъ какъ взвеселиться сердцу войсковаго атамана отъ перваго ковша, тоже жалуемаго отъ царскихъ щедротъ, онъ провозглашалъ въ войсковомъ кругу, поднявши надъ головою шапку: „здравствуй, царь—государь, въ кременной Москвѣ, а мы, донскіе казаки, на

тихомъ Дону“ [113]. Кромѣ того, родной напитокъ привозился на Донъ въ достаточномъ количествѣ и торговыми людьми изъ украинныхъ городовъ, а къ гребенцамъ за море никто его не везъ и они должны были поститься въ своихъ горахъ, какъ въ монастырскихъ стѣнахъ. Позволительно думать, что лишеніе такой важности и побудило ихъ разводить виноградники, дѣлать „виноградное питье“. Если же виноградарство послужило къ удовлетворенію потребности мужской, то шелководство могло быть вызвано равносильной потребностью женскаго обихода.

Въ Кабардѣ работали женщина и пшитль—крѣпостной человѣкъ, а мущина, въ своемъ качествѣ воина, зналъ только наѣздничество. Онъ даже не учился читать, чтобъ не испортить глаза для стрѣльбы и не ослабить дальнозоркости въ полѣ. Въ гребенскомъ быту всѣ домашнія работы возлагались также на женщину, съ придачею ей въ помощь какого-нибудь работника ногайца или байгуша чеченца. Казакъ зналъ только служебныя наряды терскаго воеводы, да походы и поѣздки съ княземъ Муцаломъ Сунчалеевичемъ или съ Каспулатомъ Муцаловичемъ; зналъ однѣ побѣжки, то на тревогу около своихъ городковъ и кутановъ, то на подмогу какому нибудь кабардинскому князю, затѣвавшему усобицу, или же ночные наѣзды съ кабардинскими, кумыцкими и чеченскими конокрадами подъ ногайскіе табуны въ кумскихъ степяхъ, а ину-пору и молодецкіе поиски съ низовыми терскими казаками на синемъ морѣ. При обыкновенномъ теченіи домашней жизни казакъ ходилъ „въ гульбу“, на звѣриную охоту и рыбную ловлю, поправлялъ плетень, чистилъ оружіе, вязалъ уздечку, плелъ нагайку, строгалъ шомполъ, игралъ съ гостемъ въ зернь. Казачка ухаживала за домашней скотиной, убирала кукурузу, просо, садъ, молола зерно ручнымъ жерновомъ, ткала сукно и галунъ, шила одежду и обувь, запрягала быковъ въ

арбу, сѣдлала коня и подавала его казаку, а въ случаѣ надобности умѣла и сама на немъ поѣхать по-казацки. При возвращеніи изъ похода, она же принимала коня отъ казака, своего господина, съ поклономъ рабыни, отпускала подпруги, вываживала, снимала сѣдло; но горе было господину, когда саквы за сѣдломъ оказывались пусты....

Осуществляя во внѣшней своей житейской обстановкѣ правило русскихъ людей: съ волками жить—по волчьи выть, гребенское войско стойко удерживало свой внутренній общественный строй, утверждавшійся на древнерусскомъ общинно-вѣчевомъ началѣ, проникавшійся сильнымъ духомъ русской земщины. Всѣ дѣла, распорядительныя и судебныя, разбирались и рѣшались въ вѣчевомъ „войсковомъ кругу“, въ которомъ всякій совершеннолѣтній казакъ имѣлъ право голоса, чисто охлократическое, не ограниченное никакимъ цензомъ. Войсковой кругъ изрекалъ постановленія и правила, дозволенія и запрещенія, обязательныя для каждаго изъ членовъ войсковаго общества. Онъ произносилъ гражданскія и уголовныя рѣшенія и самъ же немедленно приводилъ ихъ въ исполненіе всѣмъ міромъ, не имѣя ни приставовъ, ни палачей. Трибуна и эшафотъ, можно сказать, стояли рядомъ, безъ малѣйшаго промежутка. Казни совершались въ значеніи народнаго крика: „кровь его на насъ“. Такъ былъ „посаженъ на воду“, на Дону, и московскій воевода Карамышевъ за то, что не скинулъ шапки при чтеніи царской грамоты, а стоялъ „закуся бороду“ [114]. Судъ былъ скорый, немногорѣчивый, и исполненіе чинилось подъ вліяніемъ неостывшаго чувства негодованія, по принципу, выражавшемуся на нижней Кубани еще на нашей памяти въ такой оригинальной формулѣ: берите его (обвиняемаго) да бійте швидче, а то выбрешется...

Войсковой кругъ избиралъ войсковыхъ должностныхъ лицъ вольными голосами, на годичный срокъ. Должности эти были: во-первыхъ, войсковой атаманъ—временный князь войска, болѣе или менѣе ограниченный совѣтомъ старшинъ, думныхъ людей (старшей дружины), и отвѣтственный предъ войсковымъ кругомъ; степень личной его власти зависѣла отъ полномочій, предоставленныхъ ему войсковымъ кругомъ, а символомъ его достоинства была „насѣка войсковая“—жезлъ, приличнымъ образомъ оправленный; во-вторыхъ, войсковой есаулъ—временный старшій бояринъ, исполнитель и разноситель по войску распоряженій войсковаго атамана, наблюдатель за повсемѣстнымъ исполненіемъ распорядковъ, объявленныхъ войсковымъ кругомъ, созыватель этого круга и укротитель его бурь, большею частью безсильный, а сила вся была въ рукахъ подавляющаго большинства; въ третьихъ, войсковой хоружій или знаменщикъ—хранитель войсковой хоругви, выносившій ее въ войсковой кругъ предъ лицомъ атамана и отправлявшійся съ нею въ походъ, когда шелъ туда самъ войсковой атаманъ; и, въ четвертыхъ—войсковой писарь, у Гребней и вообще до перехода на лѣвый берегъ Терека лицо малозначущее, получившее вѣсъ и титулъ войсковаго дьяка уже въ то время, когда войско состояло въ подчиненіи кизлярскому коменданту и бумага стала оказывать существенное вліяніе на дѣла и судьбы войска—чего за Терекомъ не было. Совѣтъ старшинъ, старшей дружины, составлялся изъ большаго или меньшаго числа почетныхъ казаковъ, неоднократно уже избиравшихся въ административныя и строевыя должности, ознаменовавшихъ прохожденіе ихъ мудрыми дѣлами или храбрыми подвигами и за то удостоившихся отъ всего войска признанія за ними титула старшинъ или просто стариковъ. Званіе старика могъ заслужить и не старый человѣкъ, по пословицѣ: не по годамъ, а по ребрамъ. Выборы оканчи-

вались обыкновенно единодушнымъ рѣшеніемъ всѣхъ голосовъ, а если на сторонѣ оппозиціи оставалось несговорчивое и неугомонное меньшинство, то его приводили къ согласію физическими мѣрами. Утвержденіе избранныхъ лицъ въ должностяхъ дѣлалось простымъ провозглашеніемъ въ кругу (per acclamationem); одному только атаману полагалась инвеститура, состоявшая въ врученіи ему войсковой насѣки и въ водруженіи предъ нимъ войсковой хоругви, а затѣмъ, само собою разумѣется, въ преподнесеніи почетной чапуры съ родительскимъ виномъ и съ поклономъ отъ всего войсковаго круга.

Общественное устройство каждаго городка во всемъ было сходно съ войсковымъ, съ той только отмѣной, что первое ограничивалось предѣлами своего городка и его юрта (владѣнія) и именовалось станичнымъ (отряднымъ или частнымъ). Въ каждомъ городкѣ составлялся станичный кругъ, избирались станичный атаманъ, станичный есаулъ, станичный хоружій и станичный писарь. Атаманъ имѣлъ станичную насѣку и при немъ былъ также совѣтъ станичныхъ стариковъ. Хоружій былъ хранителемъ и носителемъ станичной хоругви (хорунки). Станичный кругъ и примыкающія къ нему должностныя лица имѣли тѣже аттрибуты власти по отношенію къ своему городку, что войсковой атаманъ и войсковыя должностныя лица по отношенію ко всему войску. Если войсковой кругъ могъ осудить и повѣсить или посадить въ воду каждаго войсковаго гражданина, какого бы онъ ни былъ городка, то станичный кругъ былъ въ правѣ сдѣлать тоже съ каждымъ изъ обывателей своего городка, не испрашивая разрѣшенія войсковой власти. Коротко сказать: каждый городокъ пользовался самъ по себѣ такой же автономіей, какая принадлежала войску, то есть величинѣ, помноженной на число всѣхъ городковъ. Хотя внутреннія дѣла городковъ не восходили на разсмотрѣніе войсковой

власти, но тѣмъ не менѣе власть эта была высшей инстанціей по отношенію къ нисходящимъ распоряженіямъ: приговоры и опредѣленія войсковаго круга исполнялись каждымъ городкомъ съ безпрекословнымъ послушаніемъ. Исполненіе это было вполнѣ сознательное, потому что приговоры войсковаго круга дѣлались съ участіемъ представителей отъ всѣхъ городковъ; иначе войсковой кругъ и не составлялся, по крайней мѣрѣ, не долженъ былъ составляться. Очевидно, что подобное общинно-федеративное устройство могло быть болѣе или менѣе цѣлесообразно и не могло выраживаться въ олигархію или анархію (какъ случалось на Дону) только въ такомъ небольшомъ войскѣ, какъ гребенское, особенно если принять во вниманіе, что всѣ постановленія и распорядки дѣлались „рѣчами“, безъ письма и бумаги; когда же приходилось изобразить что-нибудь письмомъ, то изъ этого выходило уже нѣчто торжественное, чрезвычайное—грамота. Но, замѣчательно, когда что постановляется рѣчами цѣлаго міра, при сліяніи всѣхъ голосовъ въ одинъ голосъ и всѣхъ мыслей и страстей въ одну мысль и одно стремленіе; то такое постановленіе держится тверже и исполняется точнѣе всякаго писаннаго устава и наказа; время оказываетъ на него не разрушающее, а укрѣпляющее дѣйствіе, превращаетъ его въ окаменѣлость, называемую преданіемъ. Доказательствомъ тому была сама эта гребенская казацкая община, державшаяся на основѣ преданія такъ устойчиво, что вліянія окружающей среды, вносившія измѣненія во внѣшнюю ея житейскую обстановку, не проникали до внутренняго строя жизни. Неудивительно поэтому, что оторвавшаяся льдина русской народности—если позволительно такое сравненіе—плавая долгое время въ волнующемся морѣ чуждыхъ народностей, не растаяла безъ остатка.

Такъ установили отцы: отъ этихъ простыхъ словъ, будто отъ магическаго заклинанія, отступало всякое

новаторское покушеніе. Подобная устойчивость присуща вообще первобытнымъ, не знающимъ письменности, обществамъ. Будь въ Кабардѣ литература и канцелярія, не устоять бы гребенскому общественному строю по старинѣ; но кабардинскій народъ тоже жилъ преданіемъ, такимъ же неписаннымъ обычнымъ правомъ, называемымъ адатомъ. Съ той поры, какъ въ Кабардѣ укоренилось мусульманство, между адатомъ и книжнымъ закономъ, шаріатомъ, завязалась борьба, и что же? книжный законъ, вооруженный религіознымъ авторитетомъ, не могъ одолѣть беззащитнаго неписаннаго преданія. Et erudimini qui judicatis terram.

Если земскій или гражданскій строй гребенскаго войска напоминаетъ намъ Русь удѣльнаго періода и вѣчевой бытъ Великаго Новгорода, то военное гребенское устройство, судя по его простотѣ, должно было вести свое начало отъ дружинъ древнекняжескихъ того же періода. Какая же была организація вооруженной силы гребенскаго войска? Въ обыкновенное время, когда всѣ казаки сидѣли дома, въ своихъ городкахъ, и походныя хоругви, войсковая и станичныя, покоились въ съѣзжихъ избахъ, въ то время и военная организація покоилась тамъ же, въ съѣзжихъ избахъ, а больше нигдѣ ея не было видно. Но она пробуждалась и являлась въ казачій кругъ, какъ только войско или часть войска поднималась въ походъ на службу или въ молодечество—все равно. Походный контингентъ, прежде чѣмъ сѣсть на конь или въ струги, разсчитывался на десятки, пятьдесятки и сотни, и тутъ же выбирались свободными голосами начальники на время похода: десятники, пятидесятники, сотники, а сверхъ того, для каждой сотни, хоружжій или знаменщикъ и есаулъ; первый былъ носителемъ хоругви при сотникѣ,—обыкновенно это была станичная хорунка съ станичнымъ хоружжимъ,—а послѣдній передатчикомъ распоряженій сотника и наблюдателемъ за неупустительнымъ ихъ

исполненіемъ. Писарь не выбирался,—къ чему онъ въ походѣ, когда есть есаулъ—трибунъ и цензоръ? Сохранилось свѣдѣніе, что въ сотняхъ покорителя Сибири, волжскаго атамана Ермака, кромѣ хоругвей, были литавры, бубны, трубы и сопѣли [115]. Тоже могло быть и въ гребенскихъ сотняхъ. Когда въ походъ выступало нѣсколько сотень, то для общаго начальствованія надъ ними избирался одинъ изъ старшинъ, кто больше былъ любъ, у кого на лбу больше было рубцовъ отъ татарской сабли,—онъ получалъ званіе походнаго атамана. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда значительное большинство войска поднималось въ походъ, съ нимъ шелъ самъ войсковой вождь – войсковой атаманъ, изображавшій этимъ торжественнымъ актомъ тотъ моментъ старины глубокой, когда удѣльный русскій князь садился на коня предъ вѣрною своею дружиною. Въ такихъ случаяхъ казаки избирали наказнаго атамана, который оставался бы дома, въ войскѣ, на время походнаго отсутствія атамана войсковаго. Такъ какъ охота пуще неволи, то избраннымъ изъ собственной среды военнымъ начальникамъ оказывалось строгое повиновеніе—не „за страхъ“, а „за совѣсть“. Нарушителямъ повиновенія или обидчикамъ начальника, сама строевая часть, ставши въ кругъ, приговаривала бичи, ослопья или что-нибудь и хуже того. Въ организаціяхъ, проистекающихъ отъ доброй воли и общаго согласія, наказанія гораздо жесточе и неумѣреннѣе, чѣмъ въ тѣхъ, которыя создаются властью. Отсюда можно заключать и къ дисциплинѣ. А если выборный начальникъ стоялъ выше всѣхъ дарованіями и потребными для общаго дѣла качествами, то господство его надъ толпою было безгранично; съ такимъ вождемъ казаки оказывали чудеса отваги и храбрости—что и составляетъ большую часть содержанія ихъ древней исторіи. По возвращеніи изъ похода и со всякой другой службы, войсковая организація опять замирала и опять нигдѣ ея не было

видно; начальники и подчиненные дѣлались попрежнему равноправными гражданами. Но за лицами, неразъ побывавшими въ роли выборныхъ начальниковъ и имѣвшими полный успѣхъ въ выполненіи этой роли, титулъ старшинъ, какъ было уже выше замѣчено, сохранялся и въ земской жизни самою силою общественнаго мнѣнія. Эти-то Цинцинаты и были хранителями военнаго опыта, военныхъ знаній, военнаго искусства, для поученія подраставшихъ поколѣній и прихожихъ новичковъ. Такая патріархальность и малоразвитость описанной организаціи прямо указываютъ на ея древность и подтверждаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ почтенную давность существованія гребенскаго казачества. Какъ человѣкъ малоимущественный знаетъ твердо счетъ только до сотни, такъ и въ немноголюдномъ гребенскомъ войскѣ тактическое образованіе не шло дальше сотни, и если бывали строевыя экзерциціи въ городкахъ съ вышками, то, конечно, ограничивались онѣ однимъ сотеннымъ ученьемъ. (Вотъ было времячко: не то, что теперь въ нашихъ учебныхъ лагеряхъ и въ ставропольскомъ юнкерскомъ училищѣ). Такое сотенное устройство было у гребенцовъ еще на Червленомъ, блаженной памяти, Яру: историческій памятникъ, передающій намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о рязанскихъ казакахъ, обитавшихъ въ названной мѣстности, говоритъ, что у нихъ были „сотники“, но о другихъ какихъ-нибудь командирахъ, выше сотниковъ, не упоминаетъ. Правда, онъ называетъ еще баскаковъ, но это были сановники провинціальные, а не строевые [116]. Остается сказать еще о нештатныхъ командахъ, которыми чаще всего выражалась обыденная служебная и другихъ видовъ боевая дѣятельность казаковъ. Команды эти назывались станицами, то есть неопредѣленнаго состава отрядами, и отправлялись куда было нужно съ старшинами простымъ распорядительнымъ порядкомъ. Тутъ ужъ обходились безъ выборовъ, такъ какъ старшины свое дѣло знали и на ихъ опытность

можно было полагаться съ полнымъ довѣріемъ, безъ шумнаго голосованія.

Замѣтимъ одну особенность, касающуюся собственно гребенскихъ и терскихъ казаковъ: старшины тѣхъ служилыхъ контингентовъ или станицъ, которыя состояли въ непосредственномъ распоряженіи терскихъ воеводъ на государевомъ жалованьи, писались обыкновенно „головами“, то есть званіями, принадлежавшими извѣстнымъ чинамъ стрѣлецкихъ полковъ. Гребенцы, какъ видно, такими стрѣлецкими званіями не обижались, между тѣмъ какъ донцы принимали ихъ за оскорбленіе и отвергали какъ регулярщину. Когда, въ 1592 году, царскій посолъ Григорій Афанасьевичъ Нащокинъ слѣдовалъ чрезъ Азовъ къ турецкому султану и передалъ донскимъ казакамъ государевъ приказъ, чтобъ они составили съ головою Хрущовымъ путевое прикрытіе для обратнаго слѣдованія посла по Дону, казаки наотрѣзъ отказались, говоря: „головъ у насъ не бывало, служивали своими головами, и нынѣ готовы служить своимижъ головами, а не съ Хрущевымъ“[117].

Остается еще замѣтить, что названіемъ станицы обозначалось также все населеніе какого-нибудь городка, потому что населеніе это составляло часть и какъ бы отрядъ войска. Съ теченіемъ времени, названіе станицъ начало вытѣснять и самое названіе городковъ, такъ что послѣдніе къ исходу прошлаго столѣтія пишутся уже во всѣхъ бумагахъ станицами; при чемъ, какъ бы въ зависимости отъ этого переименованія, является замѣтная податливость къ цивилизаціи, не только въ гребенскомъ, но и въ великомъ донскомъ войскѣ.

Однимъ изъ коренныхъ военно-гражданскихъ правъ и вольностей гребенскаго казачества, не составлявшаго въ этомъ случаѣ исключенія противъ другихъ старыхъ казачествъ, были свободный выходъ товарищей изъ

своего общества на всѣ четыре стороны, безъ всякихъ аттестатовъ, и свободное же вступленіе новыхъ согражданъ, не обусловливаемое никакими документами. Право гражданства было одинаково открыто, какъ для русскихъ, такъ и для иноязычныхъ людей. Казаки низоваго терскаго войска уживались и съ иновѣрцами, а въ великомъ войскѣ существовали нѣкоторое время цѣлыя станицы изъ татаръ—нехристей, но гребенцы были на этотъ счетъ пуритане: у нихъ было положено, чтобы кумыкъ, чеченецъ, кабардинецъ, вступавшій въ ихъ общество, крестился въ русскую вѣру. Случаи вступленія инородцевъ въ казачью среду были нерѣдки и поводы къ нимъ столь же разнообразны, какъ и самыя явленія вольной жизни въ неустроенномъ краѣ. Прибивались большею частью одиночки и послѣ нихъ не оставалось замѣтнаго слѣда въ казачьемъ обществѣ, въ этнографическомъ отношеніи; но когда замѣшивалось въ это соціальное дѣло извѣстное всепобѣждающее чувство, для котораго нѣтъ различія породъ и состояній, тутъ ужь вносились новыя черты въ физіономію казачьяго населенія. Бывали такіе случаи: въ какомъ-нибудь кумыцкомъ или чеченскомъ кабакѣ, между молодымъ наѣздникомъ, отличившимся въ джигитовкѣ, въ день байрама, и зорко слѣдившей за нимъ изъ подъ покрывала неопытной красавицей возникало взаимное стремленіе къ брачному союзу, но поперекъ дороги становилась бѣдность наѣздника, невозможность уплатить калымъ (вѣно). Невозможность, истекавшая отъ бѣдности, не имѣла безусловнаго характера и могла быть обойдена путемъ похищенія самаго существа, подлежавшаго оплатѣ калымомъ. Вслѣдствіе чего, Гассанъ похищалъ Фатьму и оба на одномъ конѣ являлись на утренней зарѣ въ какой-нибудь гребенской городокъ, гдѣ Гассанъ дѣлался Иваномъ, Фатьма Марьей или, по гребенскому, Машукой. Иногда изъ подобныхъ романовъ вставала буря, но мудрость станичныхъ старшинъ не допускала ее превратиться въ троянскую войну,

и въ городкѣ между сѣрыми глазами водворялись чорные, послѣ нѣсколькихъ похоронъ и крестинъ дошедшіе до нашихъ дней. Подобными наносами изъ горъ и изъ разнохарактерныхъ областей пространной земли русской объясняется, между прочимъ, что нынѣшнія станицы гребенскихъ казаковъ замѣтно различаются между собою нѣкоторыми особенностями въ нравахъ и обычаяхъ, въ свадебныхъ обрядахъ, пѣсняхъ и въ самомъ говорѣ. Такъ, напримѣръ, въ жителяхъ станицы Червленой проявляется больше чѣмъ въ другихъ людкости, хлѣбосольства, общительности и даже цивилизаціи въ смыслѣ захолустныхъ нашихъ клубовъ; женщины, эти прославленныя на Кавказѣ мамуки, пользуются довольно широкой свободой, не зарываютъ талантовъ своихъ въ землю, а мущины удерживаютъ за собою первенство въ наѣздничествѣ, боевой лихости и храбрости. Станица Старогладковская, напротивъ, смотритъ изъ подлобья и проявляетъ столько суровости въ своихъ нравахъ, что еще не такъ давно жаждущимъ праздничной жизни молодкамъ и дѣвчатамъ, подъ страхомъ плети, запрещалось пѣть плясовыя пѣсни на улицѣ, шутить шутки съ ребятами и, еще менѣе, дарить ласковымъ словцомъ солдатъ, табачниковъ и щепотниковъ. Изъ мужскаго населенія, на нашей памяти, выдѣлялись закаленные люди, которымъ мало было самыхъ строгихъ правилъ рядовой жизни, которые тайно принимали въ Иргизскихъ монастыряхъ монашескій постригъ и хотя продолжали жить потомъ въ своихъ домахъ, въ прежнемъ образѣ, но подъ обыкновенной наружностью мірскихъ людей скрывали мрачныхъ постниковъ, распространявшихъ на всю станицу какой-то холодный, непривѣтливый характеръ. Отъ нихъ исходило нареканіе на развязныхъ червленцевъ, что тамъ вѣра некрѣпка. Прочія станицы удерживаютъ тотъ или другой бытовый оттѣнокъ между названными двумя. Такія уклоненія, въ давнее время, конечно, болѣе чѣмъ теперь рѣзкія, даютъ намъ поводъ

заключать, что если бы гребенское общество старыхъ временъ не требовало отъ вступавшихъ въ него иновѣрцевъ принятія христіанскаго закона, то едва ли сохранило бы оно вполнѣ свою русскую народность и едва ли было бы въ силахъ сообщить ее пришлымъ элементамъ. Не въ такихъ условіяхъ и не на такомъ уровнѣ культурнаго развитія находилось это общество, чтобъ выработать другое связующее начало помимо вѣроисповѣднаго. Безполезно было бы касаться вопроса объ образованіи, хотя бы въ смыслѣ гражданскаго развитія; можно развѣ спросить только, были ли у этихъ захолустныхъ обитателей Гребней грамотные люди? Отвѣчать отрицательно нельзя: во первыхъ, нужно же было прочитать кому-нибудь воеводскій наказъ и сдѣлать отписку въ воеводскую канцелярію,—вѣдь отъ Гребней до Терки было „три днища“ пути,—и во вторыхъ, что еще важнѣе, безъ грамотности нельзя было отправлять церковныхъ должностей. Эти должности, наравнѣ съ другими, подлежали общественнымъ выборамъ и въ оныя избирались обыкновенно люди своей среды—казаки, и притомъ лучшіе. Казакъ священникъ или церковникъ желалъ, чтобы выборъ палъ въ свое время на его сына и потому училъ сына, передавалъ ему свои книжныя знанія. Съ такой преемственностью переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію книжное ученье, а съ нимъ вмѣстѣ и церковнообрядовое назиданіе. Здѣсь предстоитъ намъ, не мудрствуя лукаво, представить возможно отчетливое объясненіе старообрядства гребенскихъ казаковъ, замѣчательнаго явленія, доказывающаго глубокую давность обитанія этихъ казаковъ у Гребней, такъ что если бы не было другихъ вполнѣ историческихъ доказательствъ, то одно это явленіе могло бы уже служить достаточнымъ доказательствомъ кавказской старожилости старорусскихъ людей, гребенцовъ.

XI.

Какъ вошелъ расколъ въ Гребенское войско.

Въ новомъ направленіи исторической науки, географія является разумною истолкователь-ницею многихъ явленій и особенностей въдуховномъ развитіи народовъ и обществъ,—изъ чего не можетъ быть исключенъ и такой отрывокъ русскаго народа, какъ небольшая гребенская колонія въ кавказскихъ горахъ. Эта крошечная, но чрезвычайно живучая, русская колонія исчезала для остальнаго русскаго міра въ туманѣ далекихъ горъ и лѣсовъ, была отрѣзана моремъ. Ни одно изъ казачествъ не было географически такъ отобщено отъ своей родины. Не только Москва, а донское войско, какъ мы уже видѣли, не знаетъ, кто тамъ, у Гребней, большіе атаманы, и сѣтуетъ, что на свои писанія „о любви“ не получаетъ отвѣта. Буря смутнаго времени не достигаетъ далекихъ Гребней, не волнуетъ ихъ; тамъ свои обыденныя бури и волненія, неслышныя даже на Дону. Мы видѣли, что гребенскіе казаки не были гостями на общеказачьемъ разгулѣ: не являлись къ знаменамъ самозванцевъ, не ходили ни подъ Москву, ни въ Тушино, ни подъ Троицкій монастырь, и что они не прерывали въ то безнарядное время своей далекой службы во имя русскаго царя, „тянули по землѣ русской“, по завѣтному принципу, въ силу котораго еще

дѣды ихъ служили рязанскому князю тоже на самой дальней рязанской украйнѣ, глубоко врѣзывавшейся въ татарскіе юрты. Не коснулась ихъ и другая московская буря, взволновавшая церковь по поводу исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ, въ началѣ второй половины XVII столѣтія. Они продолжали жить тѣмъ, что принесли съ собою съ старой Руси первой половины XVI вѣка, продолжали слышать старыя книги, видѣть старые обряды, такъ какъ никто не привозилъ къ нимъ новыхъ книгъ, никто не приходилъ къ нимъ указывать новые обряды, а за неизмѣнное послѣдованіе старинѣ никто ихъ не гналъ и не тѣснилъ. Молодые ихъ священники и церковники, заступавшіе мѣста стариковъ, продолжали читать и пѣть и совершать обряды тѣмъ самымъ порядкомъ, какъ научили ихъ отцы; вмѣстѣ съ тѣмъ они продолжали покорствовать церковной власти своей русской родины, какъ это дѣлали тѣже отцы, и какъ вообще все войско покорствовало власти государственной. Служители церкви, какъ мы уже сказали, были тѣже казаки—кость отъ костей и плоть отъ плоти своего общества: не могли они въ чемъ бы то ни было отойти отъ войска, а войску казалось немыслимымъ двоить, раскалывать власть—признавать власть государственную и не признавать церковной. Того на Руси никогда не бывало и было бы то противно завѣтному преданію, занесенному войскомъ въ горы съ святой Руси. Нигдѣ подобныя преданія не удерживаются и не живутъ такъ крѣпко, какъ въ горахъ. Астраханскіе митрополиты, пользовавшіеся по отношенію къ своей эпархіи извѣстною автономіей, знали это, взвѣшивали исключительное положеніе гребенскихъ казаковъ и продолжали ставить имъ церковныхъ пастырей изъ ихъ же воинственной среды, „не истязуя“ ихъ не въ мѣру мѣстныхъ жизненныхъ условій и вознося хвалу Богу за то, что слабая русская община, объятая чуждой тьмою мусульманства, неугасимо хранила свѣтъ благо-

честивой вѣры, при простотѣ пастырей, равнявшейся въ своемъ мѣстѣ величію. Мудрые правители церкви въ краѣ, недавно еще бывшемъ татарскимъ царствомъ, относились къ заукраинной гребенской паствѣ съ такой же умѣренностью, какъ и дальновидные московскіе вѣнценосцы къ вольному казачеству: не всякое лыко ставилось въ строку *). Высказанными замѣчаніями поясняется, что гребенское старообрядство не имѣло причины быть и дѣйствительно не было расколомъ, то есть непокорствомъ общеустановленной іерархіи отечественной церкви. Это было старообрядство нынѣшняго единовѣрія, въ лонѣ котораго отечественная церковь матерински открываетъ миръ и единеніе своимъ русскимъ дѣтямъ, разошедшимся во взглядахъ на обрядъ, на схему, но не на догму вѣры.

Мы видѣли, что бѣглые донскіе старообрядцы, отдававшіе себя въ позорную власть шамхала, не сходились съ гребенскими казаками, такими же, какъ и они, послѣдователями стараго обряда. Чѣмъ искать убѣжища у басурманъ, казалось бы проще и естественнѣе было донскимъ старовѣрамъ пристать къ гребенскимъ городкамъ, чего они одинъ разъ и домогались; но дѣло въ

*) Въ Черноморскомъ войскѣ, гораздо позже поселенномъ на нижней Кубани, священники были также изъ казаковъ по выборамъ курѣнныхъ (станичныхъ) обществъ, утверждавшимся войсковой канцеляріей. Это была одна изъ войсковыхъ привиллегій, по которой сторонніе пастыри въ казачье общество не допускались. Епископы херсонскій и екатеринославскій, къ которымъ войско отправляло своихъ кандидатовъ на постригъ, относились невзыскательно къ недалекому книжному ученью этихъ казацкихъ ставленниковъ и отдавали предпочтеніе ихъ нравственнымъ качествамъ, такъ какъ выбора къ церковному служенію удостоивались обыкновенно лучшіе люди. На книжную же ихъ подготовку войско высылало архіерейскимъ домамъ извѣстныя суммы и, кромѣ того, отправляло обозы съ рыбными продуктами, добавляя къ нимъ живыхъ оленей, сернъ, рѣдкихъ птицъ и другіе «презенты». Черноморскіе казаки долго удерживали, даже въ началѣ еще нынѣшняго столѣтія, запорожскій обычай брить голову и хотя ихъ ставленники являлись къ владыкамъ нерѣдко въ такой прическѣ, но и это не ставилось препятствіемъ къ постриженію.

томъ, что подъ тождественностью послѣдованія старому обряду жителей гребенскихъ городковъ и донскихъ бѣглецовъ скрывалась бездна несходства: донскіе старообрядцы были раскольники, а гребенское старообрядство чуждалось раскола и отвращалось отъ него, какъ увидимъ ниже, до послѣдней возможности. Вотъ почему донскіе бѣглецы не могли найти гостепріимства въ гребенскихъ городкахъ. Замѣчательна ясность мысли, съ которою старые гребенцы различали два дѣла, одинаковыя по внѣшнему виду и различныя по существу: духовное дѣло—старообрядство, и мірское—расколъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое старообрядство, какъ не завѣтная, исполненная вѣры приверженность къ старому отеческому преданію, касающемуся совѣсти и внутренняго убѣжденія, и что такое расколъ, какъ не внѣшнее враждебное возстаніе противъ церковной іерархіи, неизбѣжно затрогивающее и порядокъ государственнаго управленія въ такой странѣ, гдѣ государственный строй и церковная іерархія связаны неразрывно? Положеніе это подтверждается дальнѣйшимъ осложненіемъ раскола—явленія, чрезвычайно знаменательнаго въ русской исторіи, сдѣлавшаго вторженіе и въ скромную исторію описываемаго нами войска. Почему считаемъ себя обязанными остановиться лишнюю минуту на этомъ эпизодѣ, поскольку послужать намъ мѣстныя оффиціальныя данныя и частныя свѣдѣнія, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ русскимъ расколомъ вообще.

Гребенское старообрядство безъ раскола, безъ озлобленнаго отпаденія отъ церковной іерархіи, не было свободно отъ глухихъ нареканій со стороны соборнаго духовенства города Терковъ. Это безобидное старообрядство покушались даже обнести и очернить предъ императоромъ Петромъ Великимъ, въ бытность его въ Теркахъ въ 1722 году. Великій во всѣхъ своихъ взглядахъ государь высказалъ только свое удивленіе, какъ

это малолюдное гребенское войско умѣетъ держаться среди сильнѣйшихъ его магометанскихъ народовъ, и приказалъ не тревожить его старыхъ вѣрованій, коль скоро не идутъ они противъ предержащей церковной власти, не нарушаютъ государственнаго порядка. Наказъ мудраго монарха, сказанный на словахъ, былъ скоро забытъ, а между тѣмъ астраханская митрополія превратилась въ простую епископію, и епархіальные начальники не съ такой уже самостоятельностью могли слѣдовать мѣстнымъ своимъ взглядамъ на дѣла церкви. По сооруженіи, въ 1735 году, крѣпости Кизляра, замѣнившей старинную Терку, гребенское войско было подчинено установленнымъ въ новой крѣпости и вмѣстѣ городѣ властямъ военной и духовной. Послѣднюю власть составляли духовное правленіе съ предсѣдательствующимъ архимандритомъ и особый „заказчикъ“, по нынѣшнему благочинный. Заказчикъ, попъ Ѳедоръ Ивановъ, а особенно сынъ его, попъ Афанасій, не взлюбили гребенскихъ поповъ, поставленныхъ изъ невысокоученыхъ казаковъ и стали тѣснить ихъ нападками за двуперстное сложеніе, за сугубую аллилую и хожденіе „по солнцу“. Гребенское войско терпѣло—терпѣло, да и подало астраханскому епископу Иларіону, 18 мая 1738 года, слѣдующую просьбу: „Великій господинъ преосвященный Иларіонъ, епископъ астраханскій и ставропольскій, вашего архипастырскаго благословленія нижайшіе раби, гребенскаго войска войсковой атаманъ Данила Аука и всего гребенскаго войска старшины и казаки. Ибо блаженные и вѣчно достойные памяти его императорское величество Петръ Первый, императоръ и самодержецъ всероссійскій, какъ изъ Россіи слѣдовалъ въ Дербентъ и изъ Дербента возвратно пошолъ, и тогда на насъ нижайшихъ всякое поносили люди, что мы съ бородами и въ платіѣ и двоеперстнымъ крестомъ молимся и въ другомъ протчемъ, и его императорское величество имъ сказалъ, что-де дѣло маломочное, ибо-де ихъ самихъ имѣется

всего зъ горсть, и живутъ-де они въ пограничномъ мѣстѣ, и какъ-де ихъ Богъ управляетъ отъ непріятелей и служатъ-де мнѣ, государю, въ вѣрности и безъ измѣны. И по отшествіи его императорскаго величества, по повелительному указу, остались при крѣпости Святаго Креста господинъ генералъ Артемей Григорьевичь Загряжской и при немъ полковникъ и маіоръ, и приводили насъ къ присягѣ за втораго императора двоеперстнымъ крестомъ; тако же, по указу его императорскаго величества, присланъ былъ къ намъ въ гребенскіе городки господинъ полковникъ Василей Ивановичъ Чириковъ и приводилъ насъ къ присягѣ за предбудущаго двоеперстнымъ крестомъ, и нынѣ вашего архипастырскаго благословенія всепокорно просимъ я, войсковой атаманъ, и старшины и все гребенское войско. Ибо нынѣ имѣющейся въ Кизлярской крѣпости господинъ закащикъ, попъ Ѳедоръ Ивановъ и на насъ нижайшихъ имѣется отъ него налога, какъ всему войску, такъ и нашимъ священникамъ, а наипаче ему возмущаетъ сынъ ево, попъ Афонасей Ѳедоровъ въ крестѣ и въ молитвѣ и что попы ходятъ въ служеніи и въ бракахъ и въ крещеніи по солнцу, а мы нижайшіе, какъ отцы наши и дѣды жили въ православной вѣрѣ, такъ и мы въ томъ же стоимъ, не прибавливаемъ и не убавливаемъ, о томъ ваше архипастырское благословеніе самъ извѣщенъ *), такожде которые прежде сего выходили изъ орды русскіе и разныхъ вѣръ люди и оженились у насъ и служатъ ея императорскому величеству съ нами въ равенствѣ; а дѣло наше украйное, а отъ оной налоги много людей пропадетъ и мнѣбъ. войсковому атаману, не остатца въ томъ. Вашего архипастырскаго благословенія нижайшіе раби, гребенской войсковой атаманъ Данила Аука и старшины и все гребенское войско, благословенія про-

*) Этимъ «самъ извѣщенъ» достаточно подтверждается высказанное выше, что астраханскіе архипастыри не придавали особеннаго значенія отсталости гребенскихъ священниковъ и ихъ паствы въ обрядовой практикѣ.

симъ и должны за ваше архипастырское благословеніе вѣчно Бога молить“ [115].

На такую покорную просьбу послѣдовалъ отъ епископа Иларіона указъ гребенскому войсковому атаману, всѣмъ старшинамъ и казакамъ, неблагопріятнаго для войска содержанія. Въ немъ были изложены внушительныя увѣщанія, разъясненія и угроженія правительственными наказаніями. Прежде всего требовалось полагать крестное знаменіе тремя перстами: это древній всеобщій обычай православной церкви. Троеперстное сложеніе видимо было въ правой рукѣ Андрея Первозваннаго, присланной въ Москву царю Михаилу Ѳеодоровичу въ 7152 году цареградскимъ патріархомъ Парѳеніемъ, при московскомъ патріархѣ Іосифѣ; двуперстное же сложеніе есть подражаніе еретику Мартину Армянину, а указомъ императрицы Анны Іоанновны повелѣно поступать безъ послабленія съ тѣми, которые, послѣ пастырскаго увѣщанія, останутся непослушными церкви относительно крестнаго знаменія. „Что же вы пишете“—говорилось далѣе въ указѣ—„что присягали двоеперстнымъ крестомъ, когда при всякой присягѣ поднимаютъ вверхъ руку съ простертыми двѣма большими пальцы, уповая на то якобы таковымъ и креститься повелѣно, и оное ко изображенію на себѣ крестнаго знаменія не слѣдуетъ, понеже, по воинскому уставу какимъ образомъ присягу или обѣщаніе чинить, отъ генераловъ и до фендриха, повелѣно положить лѣвую руку на евангеліе, а правую руку поднять вверхъ съ простертыми двумя большими персты, а солдатомъ (понеже ихъ множество) правую только руку поднять предъ предлежащимъ евангеліемъ, и то поднятіе знаменуетъ таковую силу: первое присягаю, какъ Богу, такъ и государю, второе знаменуетъ поднятіе тѣхъ же двухъ пальцовъ вѣрою и правдою присягаю, а не ради крестнаго знаменія“. Затѣмъ требовались отъ атамана и всѣхъ казаковъ подписки въ томъ, что они будутъ поступать согласно указу, а въ против-

номъ случаѣ, говорилось, будетъ донесено на нихъ святѣйшему синоду, и „попы за означенную святой церкви противность, по жестокомъ наказаніи, имѣютъ быть разстрижены и отосланы въ каторжную работу“. А такъ какъ во всемъ гребенскомъ войскѣ была въ то время одна только церковь во имя св. Николая, въ городкѣ Кардюковскомъ, въ остальныхъ же городкахъ, Червленомъ, Старогладковскомъ, Новогладковскомъ и Шадринскомъ, имѣлись молитвенные дома безъ алтарей, то предписывалось ко всѣмъ молитвеннымъ домамъ пристроить алтари и попамъ совершать литургіи, а казакамъ говѣть и пріобщаться. Указъ оканчивался словами: „А по сихъ всѣхъ вышеписанныхъ статіяхъ, сыновомъ святыя восточныя апостольскія великороссійскія церкве, согласующимъ и святую троицу на себѣ изображающимъ, отъ господа Бога миръ, тишина и всякое благополучіе и наше пастырское благословеніе посылаемъ. 27 іюня 1738 года“ [19].

По выслушаніи епископскаго указа, казаки рѣшили алтари къ молитвеннымъ домамъ пристроить и начали заготовлять строительный матерьялъ. Отъ атамана Даниды Ефимовича Ауки со всѣмъ войскомъ представлено было астраханскому владыкѣ исполнительное доношеніе, въ которомъ высказывалась готовность покорствовать архипастырскимъ наставленіямъ, но вопросъ о крестномъ знаменіи былъ обойденъ. По этой важной статьѣ отправилась въ Астрахань депутація, которая заявила епископу, что войско будетъ исполнять всѣ правила и таинства православной церкви, но только проситъ освободить его отъ троеперстнаго сложенія. Епископъ согласился на эту уступку, съ нѣкоторой, впрочемъ, нерѣшительностью, и отвѣтилъ войску указомъ, отъ 24 ноября 1738 года, слѣдующаго содержанія: „Присланные отъ всего гребенскаго войска Кордюковской станицы старшины Андрей Ивановъ, Иванъ Петровъ да казакъ Анисимъ Иларіоновъ просятъ насъ словесно,

дабы всѣмъ гребенскимъ казакамъ уволить въ одномъ крестѣ двоеперстномъ, а въ протчихъ де таинствахъ святѣй апостольской церкви противитися изъ васъ никто не будетъ, но будете творити, какъ по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ святая великороссійская церковь содержитъ, такъ и вы содержать будете, и священникомъ ни въ какихъ таинствахъ указывать и принуждать не будете. И мы, преосвященный Иларіонъ, епископъ астраханскій и ставропольскій, нынѣ вамъ въ двоеперстномъ крестѣ, до указу святѣйшаго правительствующаго синода, уступаемъ, а о томъ святѣйшему правительствующему синоду со мнѣніемъ своимъ предлагать будемъ, ибо онаго мнѣ самому учинити невозможно".

Уступка церковной власти въ дѣлѣ двуперстнаго сложенія много порадовала казаковъ и внушила имъ ревность къ церковному благоустройству. Вмѣсто пристроекъ къ молитвеннымъ домамъ они принялись строить новыя большія церкви. Но скоро ихъ ревность была охлаждена распоряженіемъ высшаго церковнаго управленія, не согласившагося съ уступкой мѣстнаго архіерея и настаивавшаго на упраздненіи двуперстнаго сложенія. Вслѣдствіе такого распоряженія свыше, астраханскій епископъ, отказавшись отъ сдѣланной имъ уступки, отправилъ въ гребенское войско „искуснаго человѣка", священника астраханской рождественской церкви Артемія Гаврилова съ наказомъ: „Обрѣтающихся въ гребенскихъ городкахъ, какъ атамановъ, такъ и казаковъ отъ прившедшаго имъ раскольническаго суевѣрія и заблужденія изъ священнаго писанія и изъ преданій церковныхъ о догматѣхъ вѣры и прочихъ таинствахъ и обрядахъ церковныхъ, какъ нынѣ святая великороссійская церковъ содержитъ, увѣщевать съ преподаяніемъ довольнаго имъ наставленія, и поступать тебѣ въ томъ употребляя кроткаго и терпѣливаго духа и не искій своихъ, си есть временныхъ корыстей, но

яже господа Іисуса, со искреннею Бога и ближняго любовію, сохраняюще при томъ всякое благочиніе и не употребляя никакихъ сваръ и раздоровъ, и по увѣщаніи оныхъ всѣхъ, какъ мужеска, такъ и женска полу, велѣть обрѣтающимся тамо въ коемждо городкѣ попамъ, исповѣдавъ, пріобщить святыхъ таинъ, не взирая на ихъ суевѣрныя отговорки, и взять тебѣ съ нихъ, казаковъ, за руками ихъ вѣрныя подписки въ силѣ слѣдующей, дабы они впредь суевѣрства и разврату церкве божія никакого не имѣли, а содержали всѣ таинства церковныя по древнему апостольскому и отеческому преданію". Священникъ Артемій Гавриловъ умеръ въ дорогѣ, не достигнувъ гребенскихъ городковъ. Не знаемъ, кто былъ преемникомъ его миссіи, повидимому миролюбивой, недолженствовавшей идти дальше увѣщеванія, но полагаемъ, что онъ не былъ искусный человѣкъ, потому что миролюбивая миссія произвела обратное дѣйствіе: казаки ожесточились и бросили строить церкви, сооруженіе которыхъ приходило уже къ концу. Это было въ 1740 году. Эпархіальное начальство перешло къ репрессивнымъ мѣрамъ: всѣ священники изъ казачьихъ городковъ были вызваны въ крѣпость Кизляръ, подъ предлогомъ наученія ихъ правильному совершенію обрядовъ, и въ Кизлярѣ были задержаны, а казакамъ объявлено, что ихъ попы до тѣхъ поръ не будутъ выпущены изъ крѣпости, пока церкви въ городкахъ не будутъ достроены. Легко себѣ представить, какое дѣйствіе произвела эта крутая мѣра на нравственное состояніе военнаго братства, которое изстари служило и прямило и добра хотѣло своей родинѣ, поступая въ этомъ духѣ не изъ подневольныхъ какихъ-нибудь, а изъ болѣе высокихъ побужденій, чистотѣ которыхъ нельзя не удивляться, такъ какъ всѣ условія мѣстнаго положенія этого братства давали ему возможность давнымъ-давно повернуться спиной къ терскимъ воеводамъ и создать изъ себя недосягаемое раз-

бойничье гнѣздо—что и сдѣлали было донскіе бѣглецы на Кумѣ и въ Аграханскомъ треугольникѣ. Съ Гребней, изъ за Терека во своя пріиде и свои его не пріяша—такъ говорили огорченные священники, еще громче гуторили казаки, но благоразуміе старшинъ успокоило общественное неудовольствіе и церкви были достроены. Войско опять обратилось съ покорностью къ астраханскому владыкѣ, просило объ освященіи устроенныхъ церквей, о присылкѣ священныхъ сосудовъ и антиминсовъ и объ освобожденіи задержанныхъ въ Кизлярѣ священниковъ. О послѣднемъ предметѣ новый войсковой атаманъ Иванъ Петровъ писалъ, отъ 8 января 1741 года, преосвященному Иларіону: „Рабски и всенижайше прошу, дабы отъ вашего архипастырскаго благословенія повелѣно было милостиво отпустить изъ Кизлярской крѣпости нашихъ поповъ къ намъ въ городки, понеже мы, нижайшіе, имѣемъ въ томъ великую нужду и живемъ безъ поповъ, аки скоты безъ пастыря. И дабы мы, нижайшіе, отъ вашего архипастырскаго благословенія не оставлены были, за что должны за ваше архипастырское благословеніе вѣчно Бога молить“ [120]. Наконецъ, священники были отпущены во всѣ городки, церкви снабжены утварью и антиминсами и освящены. Освященіе производилъ съ особенной торжественностью протопопъ астраханскаго успенскаго собора Андрей Григорьевъ. Народъ усердно наполнялъ новые храмы, но молился двумя перстами. Протопопъ говорилъ назиданія, сильнымъ и доказательнымъ словомъ убѣждалъ отстать отъ двуперстнаго сложенія и требовалъ на этотъ предметъ отъ всѣхъ городковъ подписки. Подписки были даны въ томъ, что казаки не будутъ ни въ чемъ святой церкви противны, но о двуперстномъ сложеніи въ подпискахъ не было ни однимъ словомъ упомянуто. Не смотря на то, три года прошли спокойно. Но въ 1744 году опять поднялись доносы, что „казаки состоятъ въ немаломъ расколѣ и противности святой церкви, имян-

по изображеніе креста знаменуютъ на себѣ двоеперстнымъ, а не троеперстнымъ сложеніемъ". И такіе доносы начались уже отъ своихъ казачьихъ священниковъ, выдержанныхъ въ Кизлярѣ на искусѣ. Епископъ Иларіонъ предложилъ астраханской духовной консисторіи, отъ 24 декабря 1744 года, „послать указы во всѣ гребенскіе городки къ атаманамъ, чтобъ казаки церкви святѣй не противились, но во всемъ были бы послушны, якоже сынове святой церкви, какъ и сами они въ 1741 году въ доношеніи отъ всѣхъ городковъ, за руками атамановъ и старшинъ, прислали повинную, чтобъ имъ въ чемъ святѣй церкви противнымъ не быть. Еслижъ паки въ своемъ двоеперстіи и упрямствѣ будутъ, то не токмо духовнымъ, но и гражданскимъ наказаніемъ наказаны будутъ". Консисторія переслала свои указы казачьимъ городкамъ въ канцелярію кизлярскаго коменданта съ промеморіей, которою просила, чтобы указы были разосланы по городкамъ и объявлены всенародно унтеръ-офицерами. Посланные унтеръ-офицеры, обнародывая консисторскіе указы, требовали уже посвоему, чтобъ казаки обязались подписками креститься троеперстнымъ, а не двуперстнымъ сложеніемъ; но ихъ проповѣдь была еще безуспѣшнѣе предъидущихъ. Дотого казаки давали подписки уклончивыя, а на тотъ разъ ужь не дали никакихъ и обратились къ коменданту Кизлярской крѣпости, бригадиру князю Василію Елисеевичу Оболенскому съ просьбою дозволить имъ отправить въ Астрахань депутатовъ съ ходатайствомъ объ огражденіи ихъ отъ троеперстнаго сложенія—что уже было имъ разъ эпархіальной властью письменно обѣщанно. При этомъ войсковые депутаты, прискорбно сказать, преподнесли князю Василію, въ видѣ умилостивительной жертвы... сотню рублей. Вѣроятно двѣ таковыхъ же были припасены еще для Астрахани. Князь отвергъ умилостивительную жертву, отказалъ въ посылкѣ депутаціи и приказалъ дать затребованныя унтеръ-офицерами под-

писки. Тогда гребенскіе атаманы и казаки дали подписки, въ которыхъ высказали уже ясно и опредѣленно, что между ними не было и нѣтъ никакого раскола, что они и впредь обѣщаются быть во всемъ покорными святой церкви, соблюдать правила святыхъ апостолъ и отецъ, но насчетъ двоеперстнаго сложенія объявили напрямикъ, что измѣнить его не могутъ, такъ какъ имѣютъ на то разрѣшительный указъ астраханскаго преосвященнаго Иларіона. Это было въ апрѣлѣ 1745 года, а въ слѣдующемъ маѣ гребенское войско рѣшилось сдѣлать нѣкоторое предостереженіе церковной власти и представило предсѣдателю кизлярскаго духовнаго правленія, архимандриту Меѳодію, слѣдующее доношеніе: „Великому господину преосвященнѣйшему архимандриту Меѳодію отъ гребенскаго войска всепокорнѣйшее доношеніе. Въ нынѣшнемъ 745 годѣ марта 6 дня прислано къ намъ отъ вашего архимандритскаго благословенія изъ Астраханской духовной консисторіи въ наше гребенское войско пять указовъ, въ которыхъ написано по доносу поповъ Шадринскаго Алексѣя Кононова, Кордюковскаго, николаевской церкви, Василія Ларіонова, Старогладковскаго, троицкой церкви, Архипа Васильева, будто мы состоимъ въ великомъ расколѣ и все наше гребенское войско, и на оной ихъ доносъ при семъ доношеніи объявляемъ: въ нашемъ гребенскомъ войскѣ расколу не имѣетца, ибо какъ отцы наши, дѣды, прадѣды издревле состояли въ православной вѣрѣ христіанской и крестились двоеперстнымъ крестомъ, также и мы, нижайшіе, гребенскаго войска войсковой атаманъ Иванъ Петровъ и есаулъ Ѳедоръ Яковлевъ и всѣ станичные атаманы и всѣ гребенскаго войска старшины и казаки, отъ мала и до велика, въ томъ стоимъ и донынѣ, не убавливаемъ и не прибавливаемъ. Ибо и въ вѣрной службѣ блаженныя и вѣчно-достойныя памяти Петру Первому императору и отцу отечествія, Петру Второму, императору, самодержцамъ всероссійскимъ,

такожде государинѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, государинѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и всемилостивѣйшей государинѣ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, самодержицамъ всероссійскимъ, присягали мы, нижайшіе, двоеперстнымъ крестомъ, въ томъ и нынѣ состоимъ и служимъ ея императорскому величеству въ вѣрности и безъ измѣны, а нынѣ насъ, нижайшихъ, принуждаютъ креститца троеперстнымъ крестомъ; а понеже дѣло наше украйное и на имя ея императорскаго величества выходятъ изъ горъ и съ протчихъ мѣстъ изъ плѣну разныхъ вѣръ люди и принимаютъ вѣру греческаго исповѣданія и оные окрестились и оженились и живутъ у насъ въ гребенскихъ городкахъ домами, какъ и мы нижайшіе состоимъ, тако и они служатъ ея императорскому величеству въ вѣрности и получаютъ ея императорскаго величества денежное и хлѣбное жалованія съ нами въ равенствѣ. Того ради вашему архимандритцкому благословенію всепокорно доносимъ гребенскаго войска войсковой атаманъ Иванъ Петровъ и войсковой есаулъ Ѳедоръ Яковлевъ и всѣ станичные атаманы и всѣ нашего гребенскаго войска старшины, что дѣло наше украйное и отъ оныя налоги люди не стерпятъ, разбредутся, а я, войсковой атаманъ, въ томъ великое имѣю спасеніе, штобъ мнѣ, нижайшему, въ томъ не остатца, что подали мнѣ, войсковому атаману, станичные атаманы съ каждой станицы по доношенію объ оныхъ людехъ и о всѣхъ казакахъ, какъ бы не разбрелись отъ великой налоги. Оныя доношенія я, войсковой атаманъ, принялъ и съ оныхъ доношеній учинилъ вашему архимандритцкому благословенію доношеніе, дабы повелѣно было на оное учинить милостивую резолюцію. И со онымъ доношеніемъ къ вашему архимандритцкому благословенію послали три старшины Егорея Кирикова, Афонасія Петрова, Матѳея Кузмина. Мая 20 дня 1745 году“ [121].

Такое же доношеніе сдѣлано было отъ войска и епископу астраханскому. Кизлярскій комендантъ полу-

чилъ, между тѣмъ, весьма неблагопріятныя свѣдѣнія о настроеніи умовъ въ гребенскихъ городкахъ, произведенномъ обнародованіемъ консисторскихъ указовъ и истребованіемъ послѣднихъ подписокъ. Отсылая эти подписки въ астраханскую консисторію, онъ писалъ ей въ промеморіи отъ 10 мая 1745 года: „хотя оныя подписки отъ казаковъ взяты, только отъ того расколу они отвратитца никакъ не могутъ, развѣ не благоволитъ ли духовная консисторія, для лутчего отвращенія ихъ отъ того расколу, прислать кого изъ духовныхъ достаточно ученаго человѣка, которому нѣсколько времени здѣсь и пожить надобно и всячески ихъ увѣщевати съ довольнымъ временемъ. Можетъ бы оные казаки отъ того расколу и отвратились, а безъ того, по такой ихъ закоснѣлости, отвратить никакъ невозможно. Чего ради духовной консисторіи и мое мнѣніе преподаю, а ежели за чѣмъ прислать невозможно, то не благоволено ли будетъ и насыланіемъ о томъ указовъ оставить, чтобъ тѣмъ найболѣе ихъ не привести *въ развращеніе и въ дальные замыслы*“. Епископъ Иларіонъ понялъ всю силу этого короткаго намека и предложилъ консисторіи оставить „насыланіе указовъ“. На этотъ разъ преосвященный нашелъ въ своемъ, любящемъ русскій народъ, сердцѣ довольно рѣшимости, чтобъ возвратиться къ первоначальному своему воззрѣнію на эту печальную распрю изъ за перстнаго сложенія, и категорически предписалъ священникамъ гребенскихъ городковъ, чтобы они „въ изображеніи троеперстнаго сложенія креста принужденія и нападковъ не чинили и взятковъ бы никакихъ съ казаковъ не брали, понеже у нихъ, кромѣ креста, иного расколу никакого нѣтъ; къ томужъ множественное число и кромѣ ихъ, казаковъ, россійскій народъ крестятся двоеперстнымъ сложеніемъ, въ чемъ находится не весьма великой расколъ“. Къ сожалѣнію, рѣшеніе это, превозмогшее, наконецъ, долгое колебаніе, пришло немного поздно. Пошатнутая глыба начала

уже скатываться подъ гору. Не говоря о безплодно потраченныхъ войсковой интеллигенціей усиліяхъ устроить дѣло путемъ того самаго компромисса, который послужилъ впослѣдствіи основаніемъ такъ называемому единовѣрію, эпархіальная іерархія утратила естественную свою опору въ лицѣ прирожденныхъ священниковъ гребенской паствы. Священники эти, какъ выборные члены своего общества, естественно, должны были служить интересамъ общества, быть органами его стремленій, а иначе общество должно было отъ нихъ отшатнуться, по силѣ извѣстнаго правила: кто не за насъ, тотъ противъ насъ. Каковъ приходъ, таковъ попъ—это также вѣрно, какъ и наоборотъ. Иначе, пастырь прихода долженъ вступить въ борьбу тяжкую, и благо ему, если не падетъ въ борьбѣ. Гребенскіе пастыри имѣли мужество вступить въ борьбу, но не имѣли силъ устоять въ ней, какъ увидимъ ниже. Послѣ выдержки и назиданія въ Кизлярской крѣпости, они отдѣлили свои взгляды на старину отъ взглядовъ своего общества и даже стали дѣлать на это общество доносы, къ прискорбію, преувеличенные, называя расколомъ двуперстное сложеніе, въ которомъ и самъ начальникъ эпархіи не видѣлъ дѣйствительнаго раскола. „Казаки“—писали они кизлярскому духовному правленію—„состоятъ въ немаломъ расколѣ и противности святой церкви, *имянно* изображеніе креста знаменуютъ на себѣ двоеперстнымъ, а не троеперстнымъ сложеніемъ“. Съ потерей мира и добраго согласія между прирожденными, выборными священниками и казаками, послѣдніе стали обращаться къ чужимъ самозваннымъ пастырямъ, которые не дверью входятъ въ овчій дворъ, а перелазятъ чрезъ ограду. Начался расколъ.

Московское государство объединилось изъ разнообычныхъ удѣловъ, благодаря тѣсному союзу его съ церковью, все обобщающею. Въ этомъ союзѣ была его сила, сломившая татарское иго, отвратившая польское влады-

чество. Московское старообрядство, не довольствуясь отрицаніемъ обрядныхъ „новшествъ“, но возставая противъ церковной іерархіи, превращаясь въ ожесточенный расколъ, возставало вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ государственнаго порядка, подрывало силу государства. Поэтому государство должно было, въ смыслѣ самозащиты, вооружиться противъ раскола, побороть его, какъ врага болѣе опаснаго, чѣмъ крымскій ханъ и Литва съ Польшею. Расколъ не былъ въ силахъ вести открытую войну противъ государства, а безсильные государственные враги не гнушаются союза и съ темнымъ преступленіемъ. Расколъ началъ свою неравносильную войну тяжкимъ, по законамъ божескимъ и человѣческимъ, преступленіемъ—измѣною государству и открытою враждою противъ своего отечества. Забывъ, или по простотѣ не вѣдая, что буква мертвитъ, а только духъ животворитъ, онъ отрѣшился отъ духа и прилѣпился къ буквѣ, язычески возвелъ онъ на степень обожанія старую букву и старый внѣшній чинъ, въ которыхъ не можетъ быть ни спасенія, ни пагубы, и передался къ исконнымъ врагамъ своей родины, Крыму и Польшѣ, прибавилъ къ тяжелымъ борьбамъ, отъ которыхъ не знала отдыха его родина, борьбу новую и самую прискорбную. Основавъ свои станы на магометанской и католической почвѣ, на Кубани, въ Вѣткѣ и Стародубьѣ, онъ началъ дѣйствовать противъ русскаго государства и народа оружіемъ всякаго калибра, усвоивъ безнравственный принципъ, по которому цѣль освящаетъ средства. Съ Кубани выходили русскіе воры и разбойники злѣе татаръ, а съ Вѣтки возставали проповѣдники антицерковной смуты и самаго грубаго суевѣрія, называвшіе себя по апостольски „ловцы человѣковъ“. Это были записные начотчики, своего рода схоластики и софисты, насквозь пропитанные буквой и формой, люди того уровня умственнаго развитія, для котораго авторитетны нелѣпыя теоріи, что земля держится на спинѣ китъ-рыбы, что на бла-

говѣщенье птица гнѣзда не вьетъ,—и однакожъ эти люди съ изумительной предпріимчивостью пробирались во всѣ концы земли русской и, въ своемъ качествѣ человѣческихъ ловцовъ, не имѣли недостатка въ добычѣ. Въ той же Вѣткѣ, въ противность и поношеніе церковному догмату, постригали отпѣтыхъ бродягъ въ монахи, снабжали ихъ клобуками и мантіями, образами, сосудами, хлѣбами въ качествѣ запасныхъ даровъ эвхаристіи, рукописными книгами, исполненными хулы на господствующее русское вѣроисповѣданіе, мистическими тетрадями „о счисленіи лѣтъ и о послѣднемъ вѣцѣ и о пришествіи антихристовѣ“, и въ такомъ всеоружіи пускали ихъ въ русскій народъ съ полномочіемъ крестить, исповѣдывать, пріобщать, совершать литургію, твердить на всѣхъ перекресткахъ: уже сѣкира при корнѣ дерева лежитъ. Въ Россіи, разумѣется, преслѣдовали и ловили этихъ непризванныхъ проповѣдниковъ, какъ преслѣдуютъ волковъ, подбирающихся къ плохо оберегаемымъ овечкамъ, при сонливости голодающихъ пастуховъ. Преслѣдуемые расколоучители съ избранными учениками укрывались въ лѣсахъ и дикихъ мѣстахъ, и оттуда выходили на человѣческую ловлю при благопріятныхъ обстоятельствахъ, подъ покровомъ темной ночи народнаго невѣжества, разсвѣтъ которой былъ еще далеко. Не говоря уже о Поморской области на сѣверѣ, притоны раскольнической пропаганды заводились на Волгѣ, на Дону, на Кумѣ и на Терекѣ. На Кумѣ служили надежнымъ убѣжищемъ исчезнувшіе нынѣ „Чорные“ лѣса, а на Терекѣ лѣсныя урочища Калинова-Лука, Моздокъ *), лѣсистые островки между рѣчными протоками и первобытные лѣса при гребенскихъ городкахъ. Въ этихъ глухихъ мѣстахъ, почти съ начала прошлаго столѣтія, начали основываться раскольническіе скиты и въ описываемое нами время число этихъ скитовъ едвали не

*) *Мезъ-догу* по кабардински значитъ *дремучій лѣсъ*. Такой лѣсъ и былъ тамъ въ старое время до русскаго водворенія.

превосходило числа казачьихъ городковъ. Расколоучители устраивали въ скитахъ молельни, въ которыхъ ставили старые образа, восьмиконечные кресты, молились двуперстнымъ сложеніемъ, читали и пѣли по старопечатнымъ книгамъ, ходили по солнцу. Здѣсь уже взволнованные обитатели гребенскихъ городковъ слышали совсѣмъ не то, что объявлялось имъ унтеръ-офицерами въ консисторскихъ указахъ. Особенно привлекали ихъ назиданія по рукописнымъ полемическимъ и мистическимъ тетрадямъ, такъ какъ русскій человѣкъ вообще падокъ на эти двѣ вещи, пока не натолкнется на чистѣйшій нигилизмъ. Молитва и чтеніе, каково бы ни было ихъ содержаніе, въ безмолвіи лѣсной пустыни, и при этомъ евангельская нищета и аскетическая обстановка пустынниковъ въ иноческихъ клобукахъ, въ мантіяхъ, а нерѣдко и въ желѣзныхъ веригахъ, и ихъ таинственныя провѣщанія о пришествіи антихриста, о близкой кончинѣ міра, глубоко дѣйствовали на натуры сосредоточенныя и мечтательныя, которымъ дано жить не о хлѣбѣ единомъ. Міръ съ его обманчивой суетой и вѣчнымъ треволненіемъ былъ заслоненъ со всѣхъ сторонъ оградою столѣтнихъ чинаровъ и дубовъ, и одно безмятежное небо было видимо надъ головами набожно настроенныхъ слушателей.

Скитничество въ кумскихъ и терскихъ лѣсахъ взялось съ Поволжья, изъ дремучихъ Керженскихъ лѣсовъ, гдѣ, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, насчитывалось болѣе ста скитовъ, быстро и съ преодолѣніемъ невообразимыхъ затрудненій разроставшихся въ слободы, стремившихся создать государство въ государствѣ. Въ эпоху преобразованій Петра Великаго и религіозныхъ гоненій въ царствованіе Анны Іоанновны, русскій народъ обнаруживалъ такую же колонизаціонную силу, какою удивляютъ старую Европу американскіе Янки, но у насъ былъ другой двигатель—расколъ, а расколъ, въ колонизаціонномъ отношеніи, былъ подражателемъ

монашеству древней Руси, вносившему жизнь въ пустынныя дебри. Однако на Терекѣ раскольническіе скиты не превращались въ населенныя мѣста (много было мѣстныхъ къ тому препятствій), а ограничивались ролью небольшихъ пустынножительскихъ обителей, глухихъ разсадниковъ противоцерковнаго ученія. Изъ первыхъ основателей такихъ разсадниковъ на Терекѣ былъ особенно знаменитъ, какъ книжникъ и учитель, керженскій выходецъ Афанасій Алифановъ, державшій скитъ въ лѣсахъ Червленаго городка. Къ нему собирались другіе скитники для упражненій въ схоластическихъ диспутахъ и въ рѣшеніяхъ труднѣйшихъ вопросовъ и задачъ, не по суетному еллинскому мудрованію, а единственно отъ писанія. Такъ, напримѣръ, вопросъ: что есть камень, рѣшался тѣмъ, что камень есть прибѣжище заяцемъ, а задача: гробъ хождаше, мертвецъ же пояше въ немъ— разрѣшалась трехдневнымъ нахожденіемъ пророка Іоны въ чревѣ китовомъ. Словопрѣнія заканчивались обыкновенно пѣніемъ гимновъ въ родѣ слѣдующаго:

Поиду язъ въ лѣса погулятн,
Плодовитыя деревья соглядати,
И тѣ мнѣ пользу показуютъ:
Труды любить прообразуютъ;
На которомъ древѣ плода нѣту,
И тѣ мене поучаютъ быть радѣтну.
Прекрасная мати пустыня,
Любезная, не изжени мя.
Не знаю себѣ что и быти,
Да гдѣ мнѣ главу подклонити,
Понеже антихристовы дѣти
Всюду простираютъ на насъ сѣти,
Хотятъ они насъ уловити,
Антихристови покорити,
А христову вѣру премѣнити.
Прекрасная мати пустыня,
Отъ сего лукаваго изми мя [122].

Расколоучители и ихъ ученики изображали изъ себя первенствующую церковь христову, гонимую первыми римскими императорами, приравнивали легендарныя событія временъ римской имперіи къ новымъ порядкамъ имперіи россійской, и чѣмъ безсмысленнѣе исторически были такія сближенія, тѣмъ сильнѣе отуманивали они простые, безотвѣтные умы. Вотъ къ какимъ пришлымъ пастырямъ стали обращаться гребенцы, вступая въ вскрытный и явный разрывъ съ своими домашними, природными пастырями. Соль земли обуяла, говорили имъ первые про послѣднихъ. Ниже увидимъ, была ли то правда.

Кизлярскіе коменданты посылали драгунскія команды по терскимъ и кумскимъ лѣсамъ забирать гнѣздившихся тамъ бродягъ раскольниковъ, какъ людей опасныхъ въ пограничномъ краѣ. Любители „въ лѣсахъ погуляти“ держали сторожи по высокимъ деревьямъ, и когда „антихристовы дѣти“ раскидывали по Тереку „свои сѣти“, они уходили на Куму, а когда очередь доходила до Кумы, перебѣгали на Терекъ. Но и при такихъ маневрахъ ловились нерѣдко. Въ ихъ скитахъ находили старинные образа крайне неискуснаго писанья, образныя пелены, восьмиконечные кресты, монашескія облаченія, деревянные сосуды или оловянные кубки и другія богослужебныя принадлежности, а также запасную эвхаристію въ завернутыхъ въ бумажки кусочкахъ сухаго заплеснѣвшаго хлѣба, давно испеченнаго на Вѣткѣ, желѣзныя вериги, старопечатныя книги: Благовѣстникъ, Часословъ, Минею Общую, Маргаритъ, Іоанна Лѣствичника, Ирмологій, Прологъ, Апокалипсисъ, и рукописныя тетради, изъ которыхъ злѣйшая была Отрицаніе, предающее проклятію господствующую церковь, называемую въ этомъ сочиненіи никоніанскою. Можно замѣтить, что какъ такой церкви въ дѣйствительности не существуетъ, то и проклятіе слѣдуетъ считать простымъ звукомъ. Въ числѣ ловившихся расколоучителей встрѣ-

чались люди глубокой старости, скитавшіеся въ лѣсахъ Терека, по ихъ словамъ, лѣтъ по двадцати и больше. Это были, по большей части, сходцы (бѣглецы) съ Дона и Волги и бѣглые солдаты; попадались иногда и выкресты изъ татаръ. Когда ихъ спрашивали въ кизлярской комендантской канцеляріи, для чего они жили въ лѣсахъ, они отвѣчали: „ради моленія Богу, ради спасенія своей души, чтобъ въ мірѣ кому не согрѣшить, понеже въ псалмѣ пятьдесятъ четвертомъ писано: се удалихся бѣгая и водворихся въ пустынѣ“. Когда допытывались, какое дѣлали они употребленіе изъ найденныхъ при нихъ книгъ, они объявляли, что, будучи неграмотны, книгъ они не чли, а только „блюли ихъ яко наслѣдіе отъ родителей“. Изъ сохранившихся, въ архивныхъ дѣлахъ 1750-хъ годовъ, допросовъ видно, что расколоучители, если ихъ выгоняли въ дверь, влетали въ окно, и что ихъ скиты, послѣ драгунскихъ разореній, выростали какъ фениксы изъ пепла, благодаря быстро возраставшему сочувствію къ нимъ въ населеніи гребенскихъ городковъ. Поименуемъ болѣе выдающихся изъ этихъ мучениковъ религіознаго заблужденія, выносившихъ лишенія, достойныя лучшей цѣли. Такъ, на поросшихъ лѣсами островкахъ Терека, выше городка Червленаго, обитали донскіе сходцы: Алексѣй Ивановъ и Александръ Дмитріевъ; въ урочищѣ Моздокѣ—Никита Михайловъ и Терентій Тимофѣевъ; въ Калиновой-Лукѣ—Потапъ Романовъ и Осипъ Ивановъ, всѣ искусные ловцы человѣковъ и неутомимые распространители скитовъ, какъ въ Чорныхъ лѣсахъ на Кумѣ, такъ и въ юртахъ казачьихъ городковъ на Терекѣ. Изъ какой среды и по какимъ побужденіямъ люди эти выходили на терскую украйну—показываютъ слѣдующіе два документа. Въ памяти изъ Розряду въ Посольскій Приказъ 31 мая 1686 года говорится: „По письму съ Воронежа стольника и воеводы Василія Лаговчина учинилося извѣстно, что въ донскихъ городкахъ по рѣкѣ

Медвѣдицѣ поселились въ горахъ и подъ горами многіе воровскіе люди и живутъ для воровства и раскола. У нихъ построена часовня и чинятъ соборной апостольской церкви всякую противность и расколъ; съ пріѣзжими людьми не говорятъ и не ѣдятъ. Пущей у нихъ воръ и раскольщикъ елчанинъ Куземка Косой, прозвище Святогорской, велитъ себѣ поклоняться и цѣловать въ плечко. Собрано у нихъ дѣвокъ немалое число и живутъ съ ними для воровства. Новопостроенные городки: одинъ вверхъ рѣки Медвѣдицы слыветъ Островской, а отъ стараго городка, отъ устья той рѣки въ десяти верстахъ; отъ Островскаго городка построены городки воровскіе многіе до Сакмы и выше Сакмы, что гоняютъ выгонъ астраханцы по царицынской степи чрезъ рѣку Медвѣдицу, а всѣхъ городковъ съ семнадцать; укрѣплены тыномъ или плетнемъ, и городокъ отъ городка по пяти и по десяти верстъ, а куреней (домовъ) въ городкѣ по двадцати и по пятнадцати. А поселились тому лѣтъ съ восемь и больше, а схожіе съ украины изъ разныхъ мѣстъ и съ Москвы и съ Кодашевой слободы, съ женами и дѣтьми, и всѣ тѣ жители, раскольщики, живутъ въ лѣсу. Да крѣпостижъ у нихъ лѣсъ превеликій и непроходимой. Въ тѣхъ же городкахъ бываетъ непрестанно донскихъ казаковъ человѣкъ по сту и больше для звѣриной ловли. Близко тѣ мѣста къ Тамбову, къ селу Кузминской-Гати. Велѣно донцамъ: поелику оные люди живутъ зазорно и на войско донское наводятъ безчестную и недобрую славу, переимать и разогнать, и ихъ пристанища и крѣпости пожечь и разворить, а пущихъ заводчиковъ переимать и прислать къ Москвѣ“ [123]. Вскорѣ послѣ этого распоряженія пріѣхалъ въ Москву съ Дону попъ Ермолай, который былъ распрашиванъ въ Розрядѣ 3-го іюля того же 1686 года, и распросныя рѣчи его записаны такъ: „На рѣкѣ Чиру, отъ Дона въ пятидесяти верстахъ, есть часовня деревянная, строилъ ее старецъ Іевъ тому лѣтъ съ пятнадцать и отправлялъ

въ ней божественную службу безъ антиминса лѣтъ съ пять, и при той часовнѣ умре тому лѣтъ съ семь. Послѣ его пришелъ къ той часовнѣ съ Волги иной старецъ, лѣтами древенъ, Досифей, прошлаго года, и онъ въ нынѣшнемъ 194 году пріѣзжалъ въ Черкаской и просилъ у войска позволенія ту часовню освятить, а у него де Досифея есть старой антиминсъ и благословенная грамота. Войско позволило. Досифей ту часовню освятилъ и божію службу отправлялъ и нынѣ служитъ. По той же рѣкѣ Чиру, вверхъ далѣе ста верстъ, тотъ же старецъ Іевъ построилъ пустынь, а въ ней живутъ старицы и бабы и дѣвки и мужескъ полъ казаки молодые, и чинятъ распутство и всякое беззаконіе, и бабы и дѣвки родятъ многія. Еще и другія многія такія пустыни построены по рѣкѣ Медвѣдицѣ. Въ нынѣшнемъ 194 году съ рѣчки Медвѣдицы изъ оныхъ пустынь пріѣзжали на Донъ въ Черкаской казаки и били челомъ въ кругу, чтобъ имъ позволили войскомъ изъ тѣхъ мѣстъ выдти и построить пустыни по Кумѣ рѣкѣ, для того де что имъ великое гоненіе съ Руси и жить имъ въ томъ мѣстѣ невозможно, и въ кругу имъ въ томъ отказали“ [124].

Отказъ войсковаго круга могъ удерживать, и то не всегда, людей домовитыхъ и семейныхъ или такихъ, которые почему-то считали душеполезнымъ раздѣлять безотрадное пустынножительство съ юными старицами; но никакая сила не въ состояніи была остановить закаленныхъ анахоретовъ, какими являлись сходцы на кумскій и терскій рубежъ. Оставляя въ сторонѣ цѣль и направленіе, нельзя не выразить удивленія безстрашному самоотверженію этихъ русскихъ людей, которые жили подъ угрозою постоянной опасности не только отъ драгунскихъ поисковъ, но и отъ хищническихъ нападеній горцевъ и татаръ—что несравненно было страшнѣе. Быть можетъ, не одинъ изъ нихъ погибъ въ татарскомъ плѣну, въ тяжелой неволѣ, о чемъ ни до кого не могло

дойти ни малѣйшей вѣсточки и не осталось никакой памяти. Не всѣ однакожъ были такого закала, а было еще больше обыкновенныхъ смертныхъ, избиравшихъ расколоучительство просто какъ выгодное ремесло. Нѣкоторыя изъ допросныхъ архивныхъ дѣлъ даютъ намъ возможность представить небезъинтересныя подробности изъ житія двухъ расколо-подвижниковъ, дѣйствовавшихъ подъ наитіемъ корыстнаго разсчета и, однакожъ, имѣвшихъ свою долю вліянія на развитіе раскола въ гребенскомъ казачествѣ.

Въ 1759 году, астраханскій епископъ объѣзжалъ терскіе и гребенскіе городки и наканунѣ одного воскреснаго дня совершалъ всенощное бдѣніе въ церкви Червленаго городка. Въ его свитѣ находился іеромонахъ Иларіонъ, который сослужилъ преосвященному во всенощномъ бдѣніи и чѣмъ то особенно приглянулся червленскимъ приверженцамъ раскола. Они насулили ему многихъ благъ въ своей средѣ, какихъ не могла дать ему суровая служба при владыкѣ, и склонили его къ переходу въ свое „согласіе“. Иларіонъ учинилъ побѣгъ и очутился въ лѣсномъ скитѣ донскаго сходца, инока вѣткинскаго постриженія Павла. Это былъ закаленный расколоподвижникъ, долгое время проповѣдывавшій на Яикѣ и на Кубани и наконецъ водворившійся на третьей „преславущей“ рѣкѣ, Терекѣ, въ червленскомъ юртѣ. Онъ, безъ дальнихъ объясненій, перестригъ никоніанина Иларіона, то есть остригъ его показацки, и сталъ приводить въ расколъ по книжкѣ Отрицаніе. Злополучный монахъ смутился зѣло предъ заклинаніями, которыя слѣдовало произнести противъ никоніанства, и запнулся въ самомъ началѣ отрицанія. Но суровый вѣткинскій чернецъ ободрилъ его рѣшительнымъ заявленіемъ, что не дастъ ему ѣсть, доколѣ онъ не дочитаетъ отрицанія, потому что „непознанные“ никоніане никакъ не могутъ вкушать отъ пищи, припасенной для аввакуміанъ, ни даже „изъ единаго чванца пити“. Одни

звѣзды небесныя созерцали эту ночную сцену въ лѣсу между двумя монахами ветхаго и новаго завѣта. Такъ или иначе, голодный Иларіонъ одолѣлъ отрицаніе и, вкусивъ заповѣдной пищи, располагалъ жить вмѣстѣ съ Павломъ, но послѣдній возвѣстилъ ему отъ писанія, что двумъ свѣтиламъ не подобаетъ быть вкупѣ и спровадилъ его отъ себя подальше, сообразивъ, конечно, что бѣжавшаго іеромонаха будутъ искать и съ нимъ легко попасть въ бѣду. Иларіонъ отправился сперва на кошъ къ червленскому казаку Петрушкѣ Шайтану, а отъ него перешелъ къ казаку Ивану Давыдову и здѣсь,—вѣткинскій чернецъ былъ правъ,—попался къ драгунамъ. Въ комендантской канцеляріи онъ показалъ, что изъ Червленаго городка отправился было въ Царьградъ „для посмотрѣнія тамошняго положенія мѣста, гдѣ напредъ сего святые отцы имѣли обиталище“, но какіе-то два человѣка завели его въ лѣсъ, гдѣ онъ попалъ въ скитъ расколоучителя Павла, который и постригъ его въ расколъ насильно. Православный монахъ Иларіонъ не сдѣлалъ особенныхъ услугъ расколу, но въ томъ одномъ была уже немаловажная услуга, что примѣръ его совращенія могъ оказать извѣстное вліяніе на умы колебавшихся станичниковъ, которыхъ было еще большинство. Въ этомъ, можетъ быть, и заключалась вся цѣль его совращенія.

Другой расколоучитель по разсчету, а не по увлеченію, былъ Ѳедоръ Степановъ. Исторія его представляетъ больше драматизма и даже перипетій. Былъ онъ родомъ татаринъ кубанской орды (Малыхъ Ногаевъ). Мальчикомъ лѣтъ десяти былъ взятъ въ плѣнъ калмыками и проданъ въ Кизлярѣ купцу Степану Иванову, который окрестилъ его въ русскую вѣру и выучилъ грамотѣ. Достигнувъ извѣстнаго возраста, ѣхалъ онъ одинъ разъ въ городокъ Червленый за чахиремъ (виномъ) и на дорогѣ былъ схваченъ татарами, которые продали его въ Крымъ, а изъ Крыма онъ перепроданъ

въ Бендеры, гдѣ и прожилъ лѣтъ шесть, повернувшись опять въ магометанскую вѣру. Пріѣзжавшіе туда по торговымъ дѣламъ черкасы (малороссійскіе казаки) украли его и привезли въ Могилевъ, гдѣ онъ вторично сдѣлался христіаниномъ и, послышавъ, что въ Вѣткѣ хорошо живется разумѣющимъ книжное писаніе тунеядцамъ, отправился туда. Тамъ его, „ногайское рыло“, постригли въ монахи, снабдили клобукомъ, мантіей, книгами, тетрадями, запасными дарами, и отправили въ Россію на проповѣдь и требоисправленіе. Въ Харьковѣ столкнулся онъ съ донскими казаками раскольниками, которые признали въ немъ знатнаго книжника и уставщика и привезли его на Донъ, въ Пяти-избейскій городокъ, наполненный раскольниками. Некорыстна показалась ему жизнь въ Пяти-избейскомъ городкѣ и онъ перешелъ на Волгу въ Дубовскій казачій городокъ, тоже раскольническій. Здѣсь насказали ему, что астраханскіе раскольники побогаче и потароватѣе,—онъ перекочевалъ въ Астрахань. Но въ Астрахани раскольническіе старцы, видя въ немъ „мужа честна и благоподвижна“, объявили ему, что на Терекѣ, жатвы много, а дѣлателей мало, и спровадили его на Терекъ въ гребенской городокъ Шадринъ. Здѣсь онъ пристalъ къ расколоучителю, донскому сходцу Кирилѣ Микифорову, который держалъ скитъ въ Шевелевой-Лукѣ и имѣлъ тамъ еще одного сходца въ товарищахъ. Послѣдній скоро умеръ, а Микифоровъ заблагоразсудилъ отправиться въ Вѣтку, и Ѳедоръ Степановъ остался единоличнымъ настоятелемъ скитской молельни. Получая щедрыя приношенія, онъ неутомимо священнодѣйствовалъ, пріобщалъ, крестилъ, хоронилъ, служилъ обѣдни на всѣ лады, и за упокой и за здравіе, и былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Но чрезъ нѣкоторое время его сильно встревожили слухи объ угрожавшемъ нашествіи драгунъ на скитъ и заставили перебраться со всей скитской утварью въ Шадринскій городокъ подъ

покровительство обращенныхъ имъ лично въ расколъ казаковъ Ильи Антонова, Алексѣя Ванжина, Ивана Исаева, Павла Маркова, Евдокима Павлова и Федота Иванова Хромаго, да жонокъ вдовыхъ Матрены Ивановой, Палагеи Харитоновой и др. Это было въ 1753 году. Въ Шадринѣ городкѣ онъ надумалъ сдѣлать себѣ двойственное положеніе: въ одномъ мѣстѣ быть раскольническимъ чернецомъ, а въ другомъ православнымъ мірскимъ человѣкомъ съ супружеской обстановкой. Сдавъ на сохраненіе сосудъ, кубокъ, ложечку деревянную (лжицу), ящикъ съ причастіемъ, образа, пелены, кресты и книги шадринскимъ казакамъ Ивану Исаеву, Петру Лихонкову, Радіону Жмурчину и старогладковскому Григорію Ушейкину, онъ уложилъ въ сумы свой клобукъ и мантію и отправился въ Кизляръ. Тамъ онъ засваталъ приглянувшуюся ему падчерицу жилецкаго человѣка Григорія Миняева Марфу Евсеевну и, какъ былъ при деньгахъ, не получилъ отказа. Игуменъ раскольничьяго скита Ѳедоръ Степановъ объявилъ себя православнымъ „гулящимъ человѣкомъ“, повѣнчался по чину православной церкви и зажилъ въ Кизлярѣ припѣвающи, по кіевскому присловью: згубивъ чернецъ клобука —не зажурився. Однакожъ оборотливый пройдоха не отказался совсѣмъ и отъ клобука, съ которымъ соединялось выгодное ремесло раскольническаго игумена: онъ продолжалъ навѣщать тайкомъ казачьи городки и тамъ, облекаясь въ мантію, пѣлъ попрежнему обѣдни, служилъ молебны, простые и закатистые (съ акафистами), и совершалъ священническія требы, которыя почему-то казались многимъ старикамъ и старухамъ цѣлесообразнѣе, чѣмъ если бы онѣ были совершены своими природными попами. При каждомъ возвращеніи изъ такихъ благочестивыхъ поѣздокъ, двуличный Ѳедоръ Степановъ привозилъ домой порядочныя деньги, а молодой женѣ подарки; но бѣдную женщину смущалъ вопросъ: можно ли въ одномъ мѣстѣ быть мірскимъ человѣкомъ, а въ

другомъ чернецомъ, и спасется ли при такихъ порядкахъ душа? Предъ этимъ вопросомъ у нея заходилъ умъ за разумъ, такъ что, въ 1756 году, она представила его на разрѣшеніе своему духовнику, священнику троицкой церкви въ городѣ Кизлярѣ. Вопросъ былъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что женатаго чернеца и искуснаго ловца человѣковъ притянули къ отвѣту въ кизлярское духовное правленіе, гдѣ онъ далъ чистосердечное показаніе о своихъ похожденіяхъ, объясняя увлеченіе въ расколоучительство „отъ неразумѣнія своего, понеже природы былъ татарской“. Марфа Евсеевна бросила его, какъ поганаго еретика, а онъ былъ отправленъ въ Астрахань и закончилъ свое поприще въ стѣнахъ тамошняго спасопреображенскаго монастыря, отрекшись отъ раскола, къ которому и не принадлежалъ никогда по убѣжденію.

Таковы были чужіе пастыри пошатнувшихся въ расколъ гребенскихъ казаковъ. Каковы же были свои?

Переходъ въ расколъ гребенскаго казачества не былъ дѣломъ общаго совѣта и единодушнаго рѣшенія. Онъ былъ запрещеннымъ плодомъ, а не вопросомъ, подлежавшимъ гласному обсужденію въ войсковомъ или станичномъ кругу; поэтому и нельзя было ему совершиться въ одинъ день. Всѣ шли по одной покатости, но не всѣ вдругъ. Одни отпадали, другіе пребывали въ лонѣ епархіальной церкви, кто какъ хотѣлъ и разумѣлъ, и одни другимъ, по казацкому обычаю, не мѣшали. Ни до службы, ни до повинностей это дѣло не относилось. Но расколъ велъ правильную осаду: скиты умножались, придвигались ближе къ городкамъ, а гдѣ совращались. люди вліятельные, старшины, тамъ уже расколоучители поселялись въ самыхъ городкахъ подъ защитою этихъ сильныхъ людей. Драгунскіе разъѣзды направлялись собственно противъ бродягъ и сходцевъ, до раскола имъ мало было дѣла, и если они захватывали расколоучителей, то потому, что это были бродяги, а если забирали

въ скитахъ книги и церковныя вещи, то потому, что это считалось имуществомъ пойманныхъ сходцевъ и поличнымъ для слѣдователей. Въ 1760 году астраханская консисторія, по поводу донесеній кизлярскаго духовнаго правленія объ увеличившемся въ гребенскихъ городкахъ числѣ раскольниковъ и о покровительствѣ, оказываемомъ имъ войсковымъ атаманомъ Иваномъ Ивановымъ съ большинствомъ станичныхъ атамановъ, отнеслась было въ кизлярскую комендантскую канцелярію съ промеморіей о преслѣдованіи раскола, ссылаясь на указы императора Петра Великаго отъ 19 ноября 1721 года и святѣйшаго синода отъ 30 марта 1755 года; но комендантская канцелярія не сочла удобнымъ вчинать преслѣдованіе, указывая въ свою очередь на то, что казаки, поселенные по Тереку, „живутъ въ пограничномъ мѣстѣ и отъ страха и принужденія могутъ разбѣжаться“. Была одинъ разъ жалоба въ туже комендантскую канцелярію на мать войсковаго атамана Иванова Анисью, что она принуждала дворовaго своего человѣка Михайла, жену его и всю прислугу клясть православную церковь, и когда они противились, то наносила имъ побои и грозилась даже утопить ихъ въ Терекѣ, „посадить въ воду“, но и эта жалоба была замята, оставлена безъ послѣдствій. Страннымъ представляется позднему изслѣдователю давняго факта состояніе общественной совѣсти этого бойкаго и смышленаго и во всѣ времена добродушно расположеннаго къ своей родинѣ, гребенскаго казачества, въ эпоху его распаденія на два вѣроисповѣдные лагеря. Мыслящіе люди соображали, что нестолько церковныя новшества, сколько угнетенность, порабощенность личности на ихъ далекой родинѣ побуждала низшій слой русскаго народа отливать въ расколъ, который бралъ на себя неестественную, мечтательную задачу повернуть русскую исторію вспять къ далекому прошлому—къ земской волѣ, къ земскимъ соборамъ, къ областному самоуправленію и саморазвитію. Мыслящіе и бывалые

люди знали, что тамъ, за Каспійскимъ моремъ, внутри государства, лежала на шеѣ народа тяжелая цѣпь крѣпостнаго рабства, и крѣпостные владѣльцы, расторгая святую связь семьи, продавали людей врознь, по словамъ указа Петра Великаго 15 апрѣля 1721 года, „какъ скотовъ: отъ чего бывалъ немалый вопль“. Тамъ шла какая-то громадная, исполинская работа и постоянно слышался голосъ богатыря - строителя: подайте людей, подайте денегъ, ступайте всѣ на работу. Тамъ была тяжелая рекрутчина и непривычная солдатчина: хватали молодежь съ пашни, съ улицы, съ дороги, забивали въ колодки и брили лобъ. Была тамъ ревизія и подушная перепись, подушная подать и безчисленные налоги: хомутейные, прикольные, посаженные, мостовые, пчельные, кожные, покосовшинные, банные и т. п., при взысканіи которыхъ не знали милосердія и забивали неисправныхъ плательщиковъ до смерти на жестокомъ правежѣ. Тамъ естественныя произведенія, предназначенныя питать вольный трудъ, народную промышленность, въ томъ числѣ и лѣса, забирала казенная монополія, и за одинъ воровски срубленный мужикомъ дубъ полагалась смертная казнь, а къ устраиваемымъ казною фабрикамъ и заводамъ приписывались тысячи людей въ вѣчную подневольную работу. Да той же подневольной работой копались на сотни верстъ каналы, строились крѣпости, порты, города, такъ что на обстройку одного „Питербурха“ ежегодно сгонялось тысячъ сорокъ народа. А воеводы чинили тамъ неправды и обиды, ненасытные приказные заѣдали людскіе животы, фискалы рыскали подъ окнами. И было тамъ страшное „слово и дѣло“, были застѣнки, встряски, кнутъ, галеры. „Сердца народныя, по словамъ Котошихина, были сильно опечалены и тоскою наполнены“. Ничего подобнаго на украинномъ Терекѣ не было, и ни одна изъ перечисленныхъ тягостей, то завѣщанныхъ московской стариной, то вызванныхъ великой реформой, не касалась гребен-

скаго казачества. Казакъ зналъ одну лишь боевую молодецкую службу, а служба вошла ему въ плоть и кровь отъ его дѣдовъ, и службу эту служилъ самъ царь, безустальный на всѣ руки работникъ, а для того и врагъ длиннополой, неповоротливой, лѣнивой старины. Такъ изъ за чего же было здѣсь, на Терекѣ, бросаться слѣпо въ мечтательный расколъ, въ разладъ съ государствомъ, тронувшимся въ добрый часъ изъ Азіи въ Европу. Изъ за какой печальной дѣйствительности выдумывать было здѣсь небывальщины о пришествіи антихриста, о кончинѣ міра? Развѣ московская старина была міръ? Нѣтъ, это былъ только темный уголокъ въ сторонѣ отъ просвѣщеннаго міра. Московская старина ничего не знала и не умѣла, науку считала чернокнижіемъ, крымскому хану унизительные поминки посылала, ясыръ съ Руси толпами забирать попускала, а сама крѣпостничествомъ народъ давила, турскому султану низкопоклонничала, Литву и Шведа какъ унять не знала, даже съ шевкаломъ, „царскимъ ослушникомъ“, справиться невсегда умѣла,—и вотъ пришла пора за умъ и за науку взяться, „окно прорубить“ къ свѣту, запущенныя дѣла поправить, съ крымскимъ ханомъ и съ прочими сосѣдями помѣриться и посчитаться, старину лежачую поднять на ноги и обрядить на новую работу, но все-таки не истребить въ конецъ. Въ исторіи, какъ и въ мірѣ физическомъ, ничто созданное и существующее не истребляется, не исчезаетъ безслѣдно, а только перерабатывается въ новыя формы жизни,—чѣмъ и обусловлено продолженіе бытія; по этому закону и московская старина должна была измѣнить формы застоявшейся жизни, но отъ этого до антихриста и до кончины міра было еще очень далеко. Такъ, приблизительно, соображали мыслящіе и бывалые люди, старшины и казаки, и видѣли въ расколѣ одно только непохваляемое евангельскимъ ученіемъ: „Нѣсмь якоже прочіи человѣцы“, братья—соотечественники. Почтенные люди такого вѣ-

росозерцанія продолжали попрежнему молиться, какъ Богъ велѣлъ, въ своей общественной станичной церкви, гдѣ никто уже не возбранялъ имъ изображать крестъ двуперстнымъ сложеніемъ и ходить по солнцу: такъ чегожъ еще, думали они, хотѣть? Но другіе, болѣе чувствующіе, чѣмъ мыслящіе, скорѣе поддающіеся впечатлѣнію, чѣмъ умозаключенію, наслушавшись въ лѣсномъ скитѣ какого-нибудь расколоучителя, „велія сказателя словесъ божіихъ, безъ книги, изъ устъ, свободнымъ гласомъ“, который, имѣя „языкъ пресладкій, чуднѣйшій Орфеовы цѣвницы, каменносердечные человѣки отъ земли на небо влечаше“, прилѣплялись тайно къ расколу и удалялись отъ церковныхъ таинствъ, но продолжали ходить въ церковь вмѣстѣ съ православными и желали слыть таковыми — будто имъ жаль было или совѣстно было чего-то,—изображали изъ себя, по отношенію къ гонимому ученію раскола, тайныхъ исповѣдниковъ, какихъ много было, по книжнымъ сказаніямъ, въ первенствующей церкви христіанской, въ рядахъ римскихъ легіоновъ. Третьи, наконецъ, и самые невзыскательные, которымъ клобукъ и мантія скитника, украшеннаго широкою сѣдою бородою, безусловно повелѣвали видѣть въ расколоучителѣ пророка, посланнаго съ небесъ, явно разрывали съ церковью и всецѣло отдавались въ расколъ. Эти ужь готовы были, въ случаѣ преслѣдованія, и „разбѣжаться“—чего такъ опасался кизлярскій комендантъ. По заведенному порядку, священники обязаны были ежегодно представлять кизлярскому духовному правленію списки прихожанамъ, не бывшимъ на исповѣди. По этимъ спискамъ, въ 1764 году, показано было не бывшихъ на исповѣди и вообще не ходившихъ въ церковь лицъ обоего пола: въ Червленомъ городкѣ 171, въ Шадринскомъ 938 (тамъ священнодѣйствовалъ предпріимчивый Ѳедоръ Степановъ), въ Старогладковскомъ 219, Новогладковскомъ 143 и Кордюковскомъ 254; всего 1.725 лицъ изъ пятитысячнаго, по меньшей мѣрѣ,

населенія. Цифру эту нельзя признать вполнѣ точной, такъ какъ изъ перешедшихъ въ расколъ и удалявшихся отъ таинства исповѣди были такіе казаки и особенно старшины, которые упрашивали священниковъ, чтобъ не включали ихъ въ списки не бывшихъ на исповѣди, и за такое снисхожденіе или обманъ предлагали имъ плату. Одни изъ пастырей спокойно брали эту плату, какъ подлежащій профессіональный доходъ, другіе отвращались отъ нея, придавая ей другое значеніе, а между тѣмъ, въ виду продолжавшагося ухода ихъ словесныхъ овецъ на чужія пожити, всѣмъ имъ приходилось думать, чѣмъ они будутъ жить. Въ 1765 году, священникъ Червленаго городка Парфенъ Ивановъ, по довѣренности отъ духовенства всѣхъ остальныхъ городковъ гребенскаго войска, подалъ въ святѣйшій синодъ прошеніе о назначеніи церковнымъ причтамъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья за крайнею скудостью оныхъ причтовъ, происходящею, главнымъ обрзомъ, отъ того, что „въ тѣхъ городкахъ, какъ самъ войсковой атаманъ, такъ и прочіе казаки, мужескъ и женскъ полъ, едва не всѣ впали въ раскольническое заблужденіе и въ церковь божію никогда не ходятъ, христіанскихъ таинствъ лишаются и гдѣ мертвыя тѣла погребаютъ, неизвѣстно“. По этому прошенію было запрошено, въ чемъ слѣдуетъ, эпархіальное начальство, и когда дошла очередь до священниковъ дать подробныя объясненія, то они отца Парфена выдали, отозвавшись, что довѣряли ему ходатайствовать о жалованьѣ вслѣдствіе другихъ нуждъ, а не раскола, раскольниковъ же въ ихъ приходахъ не имѣется. Неизвѣстно, чѣмъ объяснялся противъ этого отецъ Парфенъ, но смыслъ его объясненія не могъ быть другой, какъ тотъ, что его собратья дали показанія, несогласныя съ наличными фактами, страха ради іудейска и подъ вліяніемъ полученныхъ ими отъ атамановъ и казаковъ сребренниковъ. Слово раскольникъ звучало немелодично, простонародно; ата-

маны и лучшіе казаки сознавали, что расколъ идетъ темными, подземыми ходами противъ государственнаго порядка, а они принадлежатъ къ охранительнымъ силамъ государства: такъ потому и не желали, чтобъ ихъ войско, сословіе благородное, служилое, покрылось мужицкимъ прозвищемъ раскольниковъ, и въ этихъ-то видахъ, естественно, должны были подѣйствовать на коллегъ отца Парфена угрозами и сребренниками. Оффиціальная ложь, даже и въ то доброе старое время, въ грѣхъ не ставилась, но на оффиціальныхъ отзывахъ основывались рѣшенія, и въ жалованьѣ войсковому духовенству было отказано. Тогда положеніе эпархіальныхъ гребенскихъ священниковъ сдѣлалось невозможнымъ; они уже явно входили въ корыстныя сдѣлки не только съ „тайными исповѣдниками“, съ той частью своей паствы, которая еще стѣснялась стать открыто въ расколъ, но даже съ самыми, выживавшими ихъ, расколоучителями. Съ этихъ послѣднихъ взималось своего рода отступное и по такимъ сдѣлкамъ имъ уступались пастырскіе посты. Оправдывалось изреченіе какого-то древняго завоевателя, что нѣтъ такой искустно устроенной крѣпости, въ которую не вошелъ бы оселъ, навьюченный золотомъ. А кромѣ того не безъизвѣстно еще, какъ расправляется съ своимъ горемъ русскій человѣкъ, когда проиграетъ свое дѣло и махнетъ на все рукой. Кизлярское духовное правленіе доносило астраханской консисторіи, отъ 23 мая 1758 года, что въ приходѣ священника Старогладковскаго городка Димитрія Маркова „проявился знатный по всему гребенскому войску раскольникъ Иванъ Беззубовъ, къ коему изъ другихъ городковъ для исповѣди пораскольнически и причастія многіе пріѣзжаютъ, и оный Беззубовъ то съ ними и чипитъ, ибо онъ грамотѣ умѣющій, а самъ онъ, уповательно, никогда на исповѣди не бываетъ и живетъ подъ укрываніемъ поповымъ изо взятокъ; оный же священникъ Марковъ, по увѣдомленію отъ форпостныхъ, стоящихъ въ томъ город-

кѣ военнослужителей, нынѣшняго года, почти чрезъ весь великій постъ службы Божіей въ церкви не отправлялъ, также и въ день свѣтлаго воскресенія обѣдни, за пьянствомъ его, не было“ [125].

Такъ держали себя пастыри эпархіальнаго вѣдомства, видя волка грядущаго, такъ выносили они борьбу съ обществомъ, въ которую втянули ихъ печально сложившіяся обстоятельства. Ни одинъ изъ нихъ не положилъ души за своихъ овецъ. Православіе угасало съ каждымъ годомъ, деревянныя церковныя зданія пустѣли, ветшали и не поддерживались. Потерявши стадо, нѣтъ нужды, говорятъ, поправлять стойбище. Тѣмъ болѣе не было нужды приставлять къ нему пастуховъ. Выбывавшіе священники не замѣщались. Древнее войсковое право выбирать церковныхъ служителей удержалось, но уже выдвинулось изъ среды войсковаго населенія и стало прилагаться къ выбору разныхъ нахожихъ уставщиковъ, невѣдомыхъ эпархіальной власти. Въ городкѣ Старогладковскомъ послѣднимъ православнымъ человѣкомъ оставался дьяконъ Иванъ Ивановичъ Тамазинъ, который, видя, что ему уже нечего больше дѣлать, не передъ кѣмъ возглашать паки и паки, пошелъ туда же, куда всѣ. Онъ былъ переименованъ въ старообрядческіе станичные уставщики и проходилъ это служеніе все остальное время своей долгой жизни. Ему наслѣдовалъ сынъ его Филиппъ Ивановичъ Тамазинъ, на долю котораго выпало прослужить въ званіи уставщика пятьдесятъ лѣтъ и быть не только свидѣтелемъ многихъ прижизненныхъ событій, но и хранителемъ дѣдовскихъ преданій о дѣлахъ давно минувшихъ дней *). Между тѣмъ, веденная расколомъ осада приплa къ концу: скиты заводились

*) Почтенный старецъ Филиппъ Ивановичъ Тамазинъ умеръ уже въ наше время, въ 1850 году. Онъ слылъ лучшимъ знатокомъ родной старины и на всякій вопросъ любознательнаго человѣка могъ дать разумный отвѣтъ. Въ его роду, благодаря грамотности, наслѣдственно переходившей отъ отца къ сыну, сохранились преданія, которымъ мы обязаны дорогими

уже открыто при самыхъ городкахъ. Они остаются и до сихъ поръ живыми памятниками завоеванія, сдѣланаго расколомъ изъ дикихъ лѣсовъ. Это небольшія, огороженныя высокимъ тыномъ, съ тѣсной калиткой крѣпостцы, въ которыхъ находятъ даровое убѣжище тунеядцы, старики и старухи, много нашалившіе въ своей жизни. Они питаются приношеніями изъ станицъ, какъ и первобытные основатели этихъ острожковъ. Для полнаго, однакожъ, поглощенія расколомъ господствующаго вѣроисповѣданія, то есть обрядовой и іерархальной его стороны,—потому что существенная или догматическая сторона обоихъ исповѣданій одинакова,—требовался длинный періодъ времени. Въ подобныхъ, чисто народныхъ явленіяхъ (тутъ войско ни при чемъ), слагающихся съ колебаніями и препятствіями, трудно вообще уловить, какъ исходный пунктъ начала, такъ и заключительную точку конца. Но есть такія или другія указанія на то, что циклъ раскольническаго объединенія гребенскаго населенія закончился только въ эпоху отечественной войны 1812 года, когда излюбленное расколомъ ученіе объ антихристѣ съ особенною силою овладѣвало умами народныхъ массъ, по поводу нашествія Наполеона Бонапарта съ двунадесятью языкъ. Этого просвѣщеннаго Аттилу, потрясшаго міръ, производили въ антихристы нѣкоторые даже ученые мистики, прилагавшіе къ нему какое-то пророчество, сокрытое въ таинственныхъ числахъ апокалипсиса. Можно бы что-нибудь сообщить еще о самостоятельной жизни раскола на гребенской почвѣ въ болѣе близкое къ намъ время, но это было бы уже слишкомъ длинно и, по отношенію къ нравственному русскому чувству, утомительно *).

свѣдѣніями о самомъ отдаленномъ періодѣ существованія гребенскаго войска, касающемся выселенія его съ рязанской украйны.

*) Достаточно замѣтить, что расколъ, хотя далеко не возобладалъ надъ нравственнымъ чувствомъ гражданскаго долга въ служиломъ населеніи гребенскаго войска, но внѣ служебныхъ отношеній онъ все-таки

Скажемъ только, что гребенской расколъ недалеко отошелъ отъ господствующей церкви и не имѣетъ ничего общаго съ папскимъ non possumus, такъ что если выбросить изъ него одну только безполезную вещь—вражду, въ наше время уже безпричинную, то онъ и будетъ тѣмъ же самымъ, и великія и малыя и бѣлыя Россіи, православіемъ—въ формѣ единовѣрія. Этого именно единовѣрія и домогалось гребенское войско, какъ мы видѣли, въ половинѣ прошлаго столѣтія, но, къ сожалѣнію, тогда этого не могло быть дано. Гребенской расколъ пріемлетъ священство, не пріемлетъ только отечественнаго іерархическаго руководительства или настоятельства надъ этимъ священствомъ; понадобилась зачѣмъ-то, сперва, Вѣтка, а потомъ Бѣлая-Криница. Однакожъ, войсковой атаманъ Данилъ Ефимьевичъ Аука и всѣ его интеллигентные современники, наши, выходитъ, дѣды, очень не желали выводить войсковую церковь изъ подъ отечественнаго іерархическаго руководительства и отдавать ее подъ начало какой-нибудь польской Вѣтки или австрійской Бѣлой-Криницы. Почему же это? Потому что гребенцы стараго добраго времени крѣпко были привязаны къ своей родинѣ, даромъ что далеко отъ нея жили; да можетъ быть и потому именно, что далеко отъ нея жили, они любили матушку Русь глубокимъ сыновнимъ чувствомъ, которое отъ разлуки и дальняго разстоянія не только не слабѣетъ, а напротивъ крѣпнетъ еще сильнѣе. Это чувство, источникъ дорогихъ воспоминаній на чужбинѣ и лучшихъ радостей въ большіе русскіе праздники, они хранили свято отъ отца къ сыну и доказывали его доброй службой русскому государству въ своемъ кавказскомъ далекѣ. Какого лучше доказательства, какъ

замкнулъ гребенское общество въ тѣсный кругозоръ мысли, разобщилъ его болѣе или менѣе съ остальнымъ русскимъ обществомъ, повредилъ лучшему украшенію домашней русской жизни—общительности, гостепріимству, ослабилъ движеніе общечеловѣческаго образованія и поселилъ такія суевѣрія, что умирающій человѣкъ, напримѣръ, можетъ самъ себя причастить, взявши въ зубы кончикъ своей бороды.

эта охочая, никакой рекрутчиной ненавязанная служба за рубежемъ, за моремъ, гдѣ московская власть, представляемая едва видною изъ камышей Теркою, была почти безсильна, откуда рѣдко даже бывали станицы (вѣсти) къ Москвѣ*). Мы далеко не знаемъ всѣхъ доблестныхъ дѣлъ этой заукраинной охочей службы, мы могли разсказать лишь немногіе эпизоды, память о которыхъ сберегли намъ не истлѣвшіе отъ времени, не разнесенные въ тревогахъ, не испепеленные пожарами листки бумаги, называемые фактами. Но и по этимъ немногимъ фактамъ имѣемъ право заключать, что дѣла передовой службы старыхъ гребенцовъ на пользу ихъ отчизны были многочисленны. Петръ Великій угадалъ это своимъ чуткимъ геніемъ, когда выразилъ свое удивленіе и сочувствіе къ этой горсти русскихъ людей, державшихся полтора вѣка подъ русскимъ знаменемъ среди хищныхъ и безнарядныхъ иноязычныхъ народовъ. Чтобъ держаться на такомъ посту, мало было храбрости, требовались умъ, сообразительность, вѣрное пониманіе дѣлъ и людей. Этими качествами обладалъ, несомнѣнно, лучшій представитель своего общества, войсковой атаманъ Данилъ Ефимьевичъ, такъ не желавшій выдѣленія войсковой церкви подъ вѣткинское руководительство, отпаденія въ расколъ, который совсѣмъ не былъ къ лицу людямъ военной заслуги и славы. Много здравыхъ основаній имѣлъ онъ въ виду, рѣшая церковный вопросъ въ такомъ патріотическомъ направленіи. Недаромъ же фельдмаршалъ Минихъ относился къ нему съ такимъ уваженіемъ, что писывалъ ему непосредственно, въ собственныя, какъ говорится, руки, нужды нѣтъ, что Данилъ Ефимьевичъ не имѣлъ привычки читать фельдмаршаль-

*) Въ наказѣ астраханскимъ воеводамъ князю Пронскому, Бутурлину и Безобразову 1650 года, между прочимъ, говорится: «Терской городъ отъ Москвы удалѣлъ и станицы бываютъ къ Москвѣ нечастыя, и въ томъ государеву дѣлу чинится потчанье и поруха болшая». (Акты археограф. комисіи, изд. 1842 г., Т. 4, № 40).

скія письма лично и всегда приказывалъ, чтобъ челъ ихъ ему вслухъ войсковой дьякъ, который тоже не любилъ читать бѣгло, а все съ разстановками и откашливаніями. Такъ произойдетъ ли же поворотъ умовъ позднѣйшихъ гребенцовъ къ тому правильному воззрѣнію, какое имѣли войсковой атаманъ Данилъ Ефимьевичъ и его почтенные современники на церковное устройство въ гребенскомъ войскѣ и вообще въ дорогомъ нашемъ русскомъ отечествѣ? Предоставимъ рѣшить этотъ вопросъ самимъ гребенцамъ въ то время, когда они старопечатныя церковныя книги прочтутъ въ подлинникѣ на томъ языкѣ, съ котораго сдѣланъ встарину ихъ славянскій переводъ.

XII.

Какимъ характеромъ обозначился расколъ въ Гребенскомъ войскѣ.—Какъ устроился экономическій бытъ войска на терской линіи.

Въ этомъ одностороннемъ и до такой степени преувеличенномъ увлеченіи обрядомъ, буквою, внѣшнимъ дѣйствіемъ, мы должны, волей-неволей, признать особенность нашей славянской природы, которой дано больше силы чувства, чѣмъ глубокости мысли и критическаго анализа. Волей-неволей, думается, что въ этой только особенности можно искать объясненіе, почему старообрядчество такъ легко и просто увлекало русскій разумъ въ кабалу раскола, и почему, внѣ старообрядства, въ самыхъ даже просвѣщенныхъ и плодотворныхъ установленіяхъ или вчинаніяхъ, тамъ, гдѣ раскрывается широкое поле дѣятельной работѣ мысли, мы нерѣдко останавливаемся на бездушной формѣ и рутинѣ, на безплодной, навѣянной со стороны фразѣ, заступающей мѣсто старообрядческой буквы,—останавливаемся на поверхности и не идемъ настойчиво въ глубь, къ послѣдовательной, самостоятельной разработкѣ дѣла. Въ послѣднемъ случаѣ оказывается тотъ же самый процессъ поверхностнаго увлеченія, только въ обратномъ отношеніи къ старообрядству и съ той существенной разницей,

что здѣсь нѣтъ безсодержательнаго отрицанія для отрицанія. А потому, переживши несовершеннолѣтній возрастъ рутины, развившись шире и выше навѣянной модою фразы, все таки можно дойти до живаго плодотворнаго дѣла. Но несчастіе старообрядческаго раскола въ томъ, что онъ, не разбирая—яже на небеси—горѣ и яже на землѣ—низу, налагаетъ вѣчное запрещеніе на всякую новизну и перемѣну, хотя бы даже въ одеждѣ,—увѣряетъ, напримѣръ, сотницу и есаульшу, что если онѣ пойдутъ къ святому причастью въ нѣмецкомъ платьѣ, то это все единственно, какъ бы онѣ явились предъ алтаремъ тѣлешемъ (совсѣмъ нагія). При такомъ міросозерцаніи, старообрядческій расколъ суевѣрно отрицаетъ и отвергаетъ всякое движеніе впередъ, умственное и соціальное, безъ котораго, разумѣется, невозможно какое бы то ни было совершенствованіе или развитіе. Это крайнее неудобство старообрядства, въ смыслѣ раскола, особенно печально должно отзываться на сословіи служиломъ, какъ непосредственномъ орудіи правительства, обязаннаго двигаться за вѣкомъ, развивать государственную жизнь, чтобъ не состарѣться преждевременно, не дойти до политическаго банкротства. Такой печальный примѣръ представило изъ себя одно изъ служилыхъ сословій—уральское казачество. Въ его сосѣдствѣ процвѣтали знаменитые раскольническіе скиты иргизскіе, предъ которыми скиты терскихъ лѣсовъ были ничтожныя клѣтушки. По милости такого сосѣдства, расколъ съ особенною силою овладѣлъ умами казачьяго населенія на уральской украйнѣ, столько же глухой и отдаленной, какъ и терская. Тамъ онъ, сдѣлавшись господствующимъ вѣроученіемъ, не ограничился однимъ обожаніемъ старопечатной книги и двуперстнаго сложенія, а захватилъ въ свою власть весь строй и бытъ казачьяго общества, и такъ опуталъ его оковами косности, неподвижности, что поставилъ служилое сословіе внесообразное положеніе предъ государствомъ, предъ пре-

образовательными его требованіями. Всякая правительственная попытка ввести новый порядокъ, новое необходимое улучшеніе въ соціально-служебное устройство войска, встрѣчала грубый, непреклонный отпоръ, требовавшій въ крайнихъ случаяхъ даже вооруженныхъ мѣропріятій (какъ ultima ratio) со стороны правительства *). Ничего подобнаго не проявлялъ гребенской расколъ ни въ началѣ, ни въ послѣдующихъ перемѣнахъ жизни гребенскаго войска. Къ чести этого войска, мы должны повторить сказанное прежде, что здравое пониманіе гражданскаго долга и сознаніе его святости всегда торжествовали въ гребенской средѣ надъ раскольническимъ уклоненіемъ, и правительство находило здѣсь цѣлый рядъ такихъ пригодныхъ дѣятелей, какимъ былъ войсковой атаманъ Данилъ Ефимьевичъ Аука. Это будетъ видно изъ дальнѣйшаго описанія бытовой и служебной жизни гребенцовъ.

Начнемъ съ земли, какъ основы всякой жизни и всякой исторіи. Было уже сказано, что гребенскіе казаки, переселившись на лѣвую сторону Терека, заняли узкую полосу удобной для осѣдлаго обитанія земли, между берегомъ названной рѣки и безплодной кумской или астра-

*) Чтобъ не вспоминать о печальныхъ событіяхъ въ уральскомъ войскѣ, исходившихъ изъ раскольническаго антагонизма въ прошломъ столѣтіи, довольно указать на весьма недавнія затрудненія по введенію въ то войско правительственныхъ распорядковъ, касавшихся одного только благоустройства служилаго сословія, и ничего больше. Затрудненія эти показали, къ прискорбію, что нельзя еще считать полнымъ анахронизмомъ характеристику уральскаго общества, сдѣланную однимъ изъ государственныхъ людей въ первой четверти переживаемаго нами столѣтія: «Сія частичка отщетившихся людей, будучи одного языка и одной съ нами вѣры, держитъ себя отъ россійскаго народа въ разительнѣйшемъ отчужденіи, такъ что все россійское есть на Уралѣ общій предметъ ненависти и омерзенія. Глупо-упорное ихъ изувѣрство, затворяя къ нимъ всѣ пути людкости и общежитія, являетъ ихъ въ цѣломъ составѣ государства людьми какъ-бы дикими и гораздо менѣе къ россіянамъ дружелюбными, нежели самые инородцы-племенники, населяющіе сей край». (Рукоп. Сборн. историч. матер. П. Буткова, стр. 431).

ханской степью съ бродячимъ по ней населеніемъ кочевыхъ ордъ. Они удержали въ своемъ владѣніи и прежнія свои угодья по правую сторону Терека, долго еще слывшія подъ именемъ „казачьихъ мѣстъ“. Земельное владѣніе по лѣвому берегу простиралось въ длину верстъ на восемьдесять, а въ поперечникѣ имѣло отъ десяти до двадцати верстъ. Полоса эта, уцѣлѣвшая отъ превращенія въ пески и солонцы, благодаря освѣжающему свойству большой рѣки, не представляла существенныхъ удобствъ для хлѣбопашества. Вдоль берега тянулась почва иловатая, прорѣзанная мѣстами пескомъ и солонцами, а въ противоположную сторону, къ степи, лежали песчаные холмы, буруны, жадно поглощавшіе солнечную теплоту, атмосферическую влагу и не производившіе ничего, кромѣ какой-нибудь колючки, пригодной только для верблюда. Они перемежались низменностями, способными къ обработкѣ, но сюда напирали кочевники-ногаи, вступавшіе въ борьбу съ представителями земледѣльческаго быта. Вообще же растительный слой чернозема какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, едва доходилъ до двухъ вершковъ толщины. Подъ нимъ залегала глина, сперва смѣшанная съ пескомъ, а глубже пропитанная солями. Казаки сѣяли въ зиму рожь и пшеницу, а изъ яровыхъ хлѣбовъ ячмень и просо. На десятинѣ высѣвалось до шести четвериковъ, болѣе густаго посѣва земля не поднимала и не производила ни рослаго стебля, ни добраго зерна въ колосѣ. По снятіи трехъ хлѣбовъ съ одного поля, она не давала уже никакого урожая и требовала отдыха отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ, да и такія долговременныя залежи далеко не равнялись по степени производительности съ непочатой новиной. Дѣлались опыты, по примѣру другихъ степныхъ мѣстностей, удобренія полей толокою, то есть выпускомъ скота на истощенныя пашни, или кладкою на нихъ навоза, но подобное земленагрѣваніе, при знойномъ климатѣ, только пуще портило дѣло. Съ лучшимъ успѣхомъ

шла культура кукурузы, подсолнуховъ и бахчей, а особенно удавались на тягучемъ иловатомъ грунтѣ посѣвы конопли, которая доставляла весьма прочную пряжу для рыболовныхъ снастей. Правительство поощряло разведеніе кунжута, риса и хлопка, но эти злаки не могли идти съ такимъ успѣхомъ, какъ ближе къ морю, въ окрестностяхъ Кизляра. Однако кунжутное или рецинное масло для войсковаго лазарета было некупленное.

Скотоводству и коневодству было достаточное приволье, но этимъ отраслямъ хозяйства не благопріятствовало хищничество сосѣдей съ двухъ сторонъ: отъ кумской степи—кочевыхъ караногайцевъ, а изъ-за Терека—чеченцевъ и самихъ даже кумыковъ и кабардинцевъ. Всѣ были предпріимчивы по этой части. Пользованіе затеречными угодьями, „казачьими мѣстами“, представляло еще больше неудобствъ: они были совершенно открыты для чеченскихъ набѣговъ, а доступъ къ нимъ со стороны казачьихъ городковъ, при единственной помощи долбленыхъ челновъ, затруднялся частыми разливами горной рѣки. Такія обстоятельства заставили гребенцовъ самую любимую отрасль ихъ хозяйства, виноградные сады, переносить на лѣвый берегъ, гдѣ почва оказывалась вполнѣ пригодною для садоводства; но сѣнокосы большею частью производились на правой сторонѣ. А когда чеченскіе набѣги принудили казаковъ и отъ этого отказаться, то право владѣнія зарѣчными угодьями признавалось за ними настолько, что туземцы не могли иначе пользоваться оставленными пустошами, какъ по договорамъ, письменно заключеннымъ съ казачьими городками [126]. Такъ продолжалось до 1783 года, когда чеченскіе выходцы, жившіе въ вассальной зависимости отъ кумыцкихъ владѣльцевъ, сбросили съ себя это иго и стали просить дозволенія русскаго начальства селиться вольными аулами на плоскости между Сунжею и правымъ берегомъ Терека, противъ гребенскихъ и моздокскихъ станицъ, обѣщая составить изъ себя передовые

посты для терской линіи. При самыхъ искреннихъ желаніяхъ, обѣщаніе это не могло быть исполнено, потому что слабые чеченскіе переселенцы не въ силахъ были противостоять хищническимъ натискамъ горной Чечни на русскую окраину. Однако же тогдашніе начальники на Линіи считали возможнымъ вѣрить чеченскимъ обѣщаніямъ и отдавали „казачьи мѣста“ подъ чеченскія поселенія. Такимъ образомъ явились мирные чеченцы— самые опасные враги линейныхъ казаковъ. Генералъ Ермоловъ рѣзко осуждалъ политику своихъ предшественниковъ и признавалъ необходимымъ возвратить казакамъ прежнія ихъ затеречныя владѣнія. О мирныхъ чеченцахъ онъ объяснялъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ своемъ отъ 14 мая 1818 года, что они „прикрывая себя личиною добраго къ намъ расположенія, суть наиопаснѣйшіе для насъ, ибо, будучи ближайшими сосѣдями и зная обстоятельно положеніе наше, пользуются благопріятнымъ временемъ, приглашаютъ непріязненныхъ намъ на разбои, укрываютъ ихъ у себя, всѣми средствами вспомоществуютъ имъ и сами бываютъ участниками. Равнодушіе многихъ изъ начальниковъ на Линіи допустило ихъ поселиться на Терекѣ, гдѣ земли издавна принадлежали первымъ, основавшимся здѣсь нашимъ казачьимъ войскамъ, и, ограничивъ Терекомъ, удовольствовалось тѣмъ, что вмѣнило имъ въ отвѣтственность дѣлаемыя на нашей сторонѣ похищенія. Безпрестанно изобличаются они въ воровствахъ, нападеніи и увлеченіи въ плѣнъ людей нашихъ: нѣтъ спокойствія и безопасности. Они посмѣиваются легковѣрію нашему къ ручательствамъ ихъ и клятвамъ, и мы не престаемъ вѣрить тѣмъ, у кого нѣтъ ничего священнаго въ мірѣ. Десятая доля не удовлетворяется потери нашей и еще ни одного преступника они не выслали намъ для наказанія“ [127]. Предполагая образовать передовую линію по Сунжѣ, Ермоловъ высказывалъ далѣе въ томъ же донесеніи: „Живущимъ между Терекомъ и Сунжею злодѣямъ, мир-

ными именующимся, предложу я правила для жизни и нѣкоторыя повинности, кои истолкуютъ имъ, что они подданные Вашего Императорскаго Величества, а не союзники, какъ они до сего времени о томъ мечтаютъ. Если понадлежащему будутъ они повиноваться, то назначу, по числу ихъ, нужное количество земли, раздѣливъ остальную между стѣсненными казаками“ [128]. Раздѣла этого казакамъ не суждено было дождаться, а между тѣмъ со стороны кумской степи происходили у нихъ постоянныя земельныя распри съ кочевыми караногайцами. Неразъ начальство кавказской губерніи сбиралось произвести отмежеваніе земли гребенскимъ станицамъ, въ дачахъ которыхъ считалось въ первой четверти нынѣшняго столѣтія удобной земли до 98 тысячъ и неудобной свыше 4.200 десятинъ, да въ спорѣ съ караногайцами до 37 тысячъ десятинъ. При чемъ предполагалось дать штабъ-офицерамъ по 400, прочимъ старшинамъ по 100 и казакамъ по 50 десятинъ на душу. Для осуществленія такихъ мѣропріятій, въ 1819 году учреждена была межевая комиссія изъ чиновъ, высланныхъ отъ Саратовской Межевой Конторы. Учрежденіе это, имѣющее своимъ девизомъ „спѣши медленно“, испытало съ тѣхъ поръ цѣлый рядъ преобразованій и до настоящаго времени еще не закончило своей дѣятельности [129] *).

Осужденные довольствоваться ограниченною полосою малоудобной для земледѣльческой культуры земли, гребенцы съумѣли поставить виноградарство и винодѣліе

*) Объ этомъ учрежденіи, прозванномъ казаками «неживой комисіей», предсѣдатель комитета, трудившагося надъ составленіемъ проекта положенія о Кавк. Лин. войскѣ, генер.-маіоръ Халанскій, въ іюнѣ 1839 г., писалъ генералу Граббе слѣдующее: «Коммисія о надѣленіи землями Кавк. Лин. войска существуетъ двадцать лѣтъ, но за частою перемѣною членовъ, за неимѣніемъ хорошихъ землемѣровъ и даже матеріаловъ для производства полевыхъ работъ и для работъ въ чертежной, для чего не было положено никакого содержанія, Коммисія почти ничего не сдѣлала». (Ставроп. воен. арх. дѣло 1838—1843 г., № 74).

на такую степень, что отъ этой статьи каждый хозяинъ сада получалъ годоваго дохода отъ 400 до 800 рублей. Изъ документовъ 1825—1828 годовъ видно, что въ гребенскихъ станицахъ считалось подъ виноградниками свыше 470 десятинъ земли. Добывалось въ годъ вина, исключительно краснаго (чахиря), до 216 тыс. ведеръ; изъ того числа, для выкурки виноградной водки—кизлярки, отдѣлялось сусла съ чапрой (выжимками) до 138 тыс. ведеръ. Водки выкуривалось болѣе 200 тыс. ведеръ. Продажныя цѣны на вино были отъ 2 руб. 40 к. до 3 р. 20 к., а на водку отъ 8 р. 50 к. до 9 р. 50 к. за ведро. Водочнымъ производствомъ занимались обыкновенно кизлярскіе армяне. Они устраивали при станицахъ необходимые для того заводы и покупали у казаковъ молодое вино съ чапрой, платя за бочку до сорока пяти ведеръ вмѣстимости отъ 40 до 42 руб. Нерѣдко откупали они и виноградные сады цѣликомъ. Чрезъ это лучшая доля прибылей отъ главной статьи сельскаго казачьяго труда попадала въ стороннія руки. Удержать эти прибыли за собою казаки не были въ состояніи по неимѣнію денежныхъ средствъ и свободныхъ отъ службы мужскихъ рукъ, а женскія въ этомъ случаѣ не годились. Но мало этого: съ теченіемъ времени даже тѣ второстепенныя выгоды, которыя получали они отъ производства водки—кизлярки, были подавлены казенными питейными откупами. Самая продажа простаго виноградnаго вина, чахиря, подвергалась такимъ или другимъ невыгоднымъ ограниченіямъ. Такъ, въ 1757 году, повелѣніемъ, посланнымъ изъ Кабинета императрицы Елисаветы Петровны Астраханской Губернской Канцеляріи, въ числѣ другихъ производителей виноградnаго вина, воспрещалось и гребенскимъ казакамъ добываемый ими изъ своихъ садовъ чахирь продавать повольною цѣною кому бы то ни было, а требовалось сбывать этотъ продуктъ исключительно Астраханской Садовой Конторѣ, которая пріобрѣтала его весьма низкою принудительною

цѣною [130]. Спустя четыре года, Военная Коллегія (этотъ добрый геній казаковъ) представляла Правительствующему Сенату, что гребенское казачье войско, чрезъ стѣсненіе такой монополіей, терпитъ крайнюю нужду, и просила: „по извѣстному въ тамошней пограничности во всемъ великому недостатку и по худому въ хлѣбѣ урожаю, а также по малополучаемому жалованью“, разрѣшить тому войску виноградное вино—чахирь собственнаго казачьяго производства продавать попрежнему повольною цѣною въ Астрахани, Кизлярѣ и въ прочихъ мѣстахъ. Разрѣшеніе это послѣдовало въ сенатскомъ указѣ Астраханской Губернской канцеляріи 31 іюля 1761 года. Причемъ сбытъ чахиря на самомъ выгодномъ рынкѣ, въ Астрахани, допускался не меньшею мѣрою, какъ ведрами, а чрезъ нѣсколько лѣтъ только бочками, „дабы чрезъ продажу большими мѣрами искоренить шинкарство“ [131].

Немаловажною поддержкою въ хозяйственномъ быту гребенцовъ былъ рыболовный промыселъ, который изстари производили они свободно въ устьяхъ Терека и на взморьѣ; но развитіе и въ этой промышленной области откупной системы оттѣснило ихъ отъ завѣтныхъ прародительскихъ заработковъ. Откупъ распространялся вначалѣ на самое теченіе Терека, но грамотою императрицы Елисаветы Петровны 4 августа 1759 года, отдача на откупъ рыбнаго промысла въ пограничной рѣкѣ прекращена и гребенскому войску предоставленъ свободный ловъ рыбы въ своихъ рѣчныхъ дачахъ, съ тѣмъ только ограниченіемъ, чтобы мѣшечная икра и клей, добываемые изъ красной рыбы, продавались откупщику [132]. Кромѣ того, еще въ эпоху сооруженія крѣпости Св. Креста „главнокомандующій надъ персидскимъ корпусомъ и имѣющій надъ поморскими краи верховное правленіе, высокоповелительный генералъ-аншефъ и кавалеръ“ Василій Яковлевичъ Левашовъ предоставилъ войсковому атаману Данилу Аукѣ владѣть двумя рыбо-

ловными суводями и двумя плавами въ ближайшемъ къ морю теченіи Терека, ниже крѣпости Кизляра. По смерти Ауки, дозволено было владѣть тѣми же рыболовными угодьями послѣдующимъ войсковымъ атаманамъ Ивану Борисову и Ивану Иванову „для домовой ихъ надобности и довольствія пріѣзжающихъ къ нимъ всякихъ людей". Но кизлярскіе коменданты предпочитали отдавать эти рыболовныя угодья въ пользованіе баталіоновъ своего гарнизона и въ откупное содержаніе астраханскимъ промышленникамъ [133]. По самому протяженію станичныхъ юртовъ рыболовство въ Терскѣ стѣснялось тѣмъ, что откупщики каспійскихъ водъ перегораживали терскія устья и затрудняли ходъ рыбы вверхъ по рѣкѣ, а поселенные на правой сторонѣ кумыки и чеченцы присвоивали себѣ по береговому праву половину рѣки. При такихъ стѣсненіяхъ рыбачество въ рѣкѣ, пожалованной гребенцамъ, по ихъ сказкѣ, царемъ Іоанномъ IV Васильевичемъ, едва доставляло имъ насущное пропитаніе. Только зимніе ловы лосося, рыбы, похожей на сѣверную семгу и водящейся исключительно въ водахъ Терека, давали возможность заработать копѣйку. Но и тутъ возникали иногда запретительныя начальственныя мѣры, совершенно прекращавшія рыболовство. Подобныя мѣры основывались на карантинной предосторожности противъ внесенія въ Кавказскую губернію чумной заразы изъ за Терека. Встрѣчаемъ письменную жалобу гребенскаго войска, поданную 23 ноября 1810 года ревизовавшему Кавказскую и Астраханскую губерніи, съ властію генералъ-губернатора, генералъ-маіору Николаю Ивановичу Вердеревскому, слѣдующаго содержанія: „Войска сего служащіе старшины и казаки, равно и отставные съ малолѣтными, по безпрерывному на службѣ нахожденію, производя ежегодно хлѣбопашество малое количество и по неурожаю въ здѣшнихъ мѣстахъ, получаютъ хлѣба едва достаточно на годовое семействъ своихъ пропитаніе; и потому, по большей

части, пропитывались производимымъ въ рѣкѣ Терекѣ рыболовствомъ, на которой поселеніе свое имѣютъ, отбывая (отъѣзжая) для того также въ лѣтнее и зимнее время на короткое, не болѣе мѣсяца, время къ Каспійскому морю. Въ прошломъ же 1809 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, здѣшній 19-й дивизіи командиръ, господинъ генералъ-отъ-инфантеріи и кавалеръ Булгаковъ повелѣніемъ, съ прописаніемъ высочайшаго соизволенія, войску сему, какъ равно Моздокскому казачьему полку и Терскому Семейному казачьему войску, въ смежности съ Гребенскимъ жительствомъ расположеннымъ, предписалъ: всѣ каюки, на которыхъ рыболовство производится, вытащить на берегъ рѣки Терека и отдать подъ караулъ присланныхъ въ станицы изъ Вологодскаго мушкатерскаго и Кизлярскаго гарнизоннаго полковъ унтерофицеровъ и рядовыхъ, дабы впредь оныхъ каюковъ къ употребленію для рыболовства по Тереку казакамъ не отдавать, подъ строгимъ неупустительнымъ въ противность того взысканіемъ; каковое повелѣніе нынѣ исполняется въ точности, и жители сего войска, лишась онаго рыболовства, въ пропитаніи своемъ и семействъ своихъ крайно изнуряются“ [134].

Казаки не безъ хитрости умолчали въ своей жалобѣ о причинѣ, вызвавшей наложеніе запрещенія на ихъ каючную флотилію. А причина была и заключалась въ томъ, что рыболовные каюки служили иногда, вопреки карантиннымъ предписаніямъ, перевозочными средствами къ водворенію въ русскихъ предѣлахъ предметовъ, пріемлющихъ заразу, изъ зачумленныхъ затеречныхъ ауловъ. Случаи подобной контрабанды повторялись и гораздо позже. Въ іюнѣ 1834 года, командиръ гребенскаго полка, графъ Стенбокъ, неутомимо ратовавшій за интересы своихъ подчиненныхъ, жаловался командующему войсками на Линіи, что червленская карантинная застава воспрещаетъ казакамъ ловить рыбу въ Терекѣ, угрожая подвергать рыболововъ четырнадцатидневному

карантинному очищенію, и тѣмъ лишаетъ ихъ способовъ къ пропитанію своихъ семействъ. Командующій войсками предписалъ екатериноградской карантинной конторѣ не стѣснять казаковъ въ рыболовной промышленности, наблюдая только, чтобы они не сообщались съ аульной стороной и никого оттуда не перевозили, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности. На это карантинная контора представила начальнику края такое донесеніе (отъ 17 іюня 1834 г., № 1147): „Червленской станицы казаки, имѣя каюки, переправляютъ противъ своей станицы затеречныхъ жителей и, при тайной ихъ переправѣ, захвачено при самомъ выходѣ изъ каюка Новоюртовскаго жителя Араблама Бадзяева, при коемъ было: восемь паръ чириковъ (обуви), конецъ чорнаго сукна длиною восемь аршинъ, одна черкеска и одинъ кинжалъ, и сей послѣдній препровожденъ тогдаже къ воинскому Горячеводскаго укрѣпленія начальнику, а казакъ отданъ станичному его начальнику для присмотра, впредь до распоряженія г. генералъ-маіора Горихвостова“. Послѣ того состоялись уже роспоряженія, строго ограничивавшія свободу терскихъ рыболововъ *).

Къ числу такихъ или другихъ невзгодъ для рыболовнаго промысла должно быть отнесено и воспрещеніе казакамъ брать безденежно соль для посола рыбы изъ обракованныхъ казною озеръ, лежавшихъ близъ Таракановa Брода и составлявшихъ засухи большаго Колпичьяго солянаго озера. Изъ этихъ скудныхъ засухъ гребенцы живились солью до учрежденія Кавказскаго намѣстничества въ 1785 году; послѣдовавшій же затѣмъ запретъ былъ тѣмъ чувствительнѣе для нихъ, что въ казенныхъ соляныхъ магазинахъ, заведенныхъ въ Кизлярѣ и Моздокѣ, невсегда можно было найти соль въ продажѣ, по случаю замедленій въ заготовленіи ея, происходившихъ отъ канцелярской переписки, иногда

*) Переписка Общаго Управл. Кавк. Области 1834 г. № 44. (Ставроп. губерн. арх.). См. также приложенія I, II и V.

болѣе сложной, чѣмъ сама операція. Стѣсненіе по соляному довольствію вознаградилось впослѣдствіи назначеніемъ безденежнаго отпуска соли казакамъ изъ казенныхъ гайдуцкихъ озеръ по 85 фунтовъ на душу въ годъ [135].

Неразлучнымъ спутникомъ рыболовнаго промысла въ казачьемъ быту былъ всегда промыселъ охотничій—съ ружьемъ, капканомъ, сѣтью и другими оружіями, не считая разныхъ зельевъ и наговоровъ. Изъ доклада оберъ-егермейстера Волынскаго императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ 13 мая 1738 года видно, что около гребенскихъ городковъ водились дикіе кабаны, дикія козы и кошки, а изъ птицъ: косные пѣтушки или фазаны и „журавлики малые, именуемые терскіе, съ бѣлыми двумя по сторонамъ головы хохлами, спереди половина шеи и зобы сизые“. Указомъ Правительствующаго Сената 6-го іюня того же 1738 года астраханскому губернатору повелѣно было обязать гребенскихъ казаковъ, чтобы онѣ тѣхъ звѣрей и птицъ ловили и доставляли въ Астрахань для дальнѣйшей ихъ отправки въ столицу, въ дворцовую менажерею. Туда же требовались олени, подобные нѣмецкимъ, и штейнбоки, которыхъ около гребенскихъ городковъ не водилось, и гребенцамъ приходилось добывать ихъ въ кабардинскихъ и другихъ горахъ [136]. Казаки исполняли эту повинность охотнѣе, чѣмъ всякую другую, потому что она не была мужицкая. Изобилію же дичи благопріятствовали большіе лѣса, произроставшіе въ дачахъ гребенскихъ городковъ, особенно въ Червленскомъ и Шадринскомъ юртахъ. Съ началомъ межевыхъ съемокъ на Терекѣ, лѣса эти были взяты отъ казаковъ въ казну. Любопытна при этомъ исторія шадринскаго юртоваго лѣса, называвшагося „командным“. Названіе это дано ему казаками по тому поводу, что въ этотъ лѣсъ обыкновенно въѣзжали команды регулярныхъ войскъ для разныхъ хозяйственныхъ подѣлокъ

и выжиганія угля въ потребность войсковыхъ частей— что не мѣшало, однакоже, считаться лѣсу, находившемуся въ казачьихъ дачахъ, собственностью казаковъ. Въ 1803 году, генеральный землемѣръ Кавказской губерніи Безобразовъ, производя межевыя работы въ этой мѣстности, пожелалъ „прихватить“ часть упомянутаго лѣса къ сосѣдней деревнѣ кизлярскихъ помѣщиковъ Калустовыхъ. А какъ для этого требовалось, чтобы лѣсъ былъ казенный, то землемѣръ не нашелъ никакого затрудненія истолковать народное названіе командный въ смыслѣ казенный и подъ этимъ послѣднимъ названіемъ показалъ лѣсъ на планѣ. Обстоятельство это повело къ тому, что весь лѣсъ былъ взятъ въ губернское форштмейстерство и казаки лишены права владѣнія этой частью своего юрта [137]. Но сѣтованіе ихъ на такое лишеніе не могло быть продолжительно, потому что дремучіе лѣса по Тереку, по Кумѣ и по другимъ мѣстамъ Кавказской губерніи, послѣ ихъ отчужденія отъ мірскихъ обществъ, въ короткое время порѣдѣли и стали приближаться къ состоянію скромныхъ кустарниковъ. По современнымъ наблюденіямъ, явленіе это составляетъ отличительную черту характера русской колонизаціи; но управлявшій Астраханскою и Кавказскою губерніями, генералъ-лейтенантъ Ртищевъ причину быстраго истребленія лѣсовъ относилъ ко взятію ихъ въ казну и учрежденію правительственной лѣсной администраціи. Въ донесеніи своемъ Государю Императору отъ 1-го марта 1812 года онъ объяснялъ, что лѣса, произрастающіе въ Кавказской губерніи „въ прежнее время, назадъ тому около пятнадцати лѣтъ, находились въ совершенномъ изобиліи и сбереженіи, но поступивъ въ вѣдѣніе лѣснаго управленія, пришли въ непомѣрное уменьшеніе, такъ что впослѣдствіи непродолжительнаго времени должно ожидать и совершеннаго ихъ истребленія“, [138]— что и случилось за немногими исключеніями.

Говоря о стѣсненіяхъ, которыми регулировалась экономическая, до той поры патріархальная жизнь гребенскихъ казаковъ, нельзя умолчать и о воспрещеніи имъ свободныхъ промышленныхъ сношеній съ затеречными ихъ сосѣдями. Между казаками и туземцами правой стороны Терека, особенно кабардинцами и кумыками, издавна существовалъ обмѣнъ мѣстныхъ произведеній, обусловленный обоюдными потребностями. Подобныя мѣновыя сношенія—исходная точка международныхъ связей въ человѣчествѣ—значительно смягчали грубость порубежнаго хищничества. Гребенцы промѣнивали затеречнымъ сосѣдямъ соль, добываемую съ выше упомянутыхъ обракованныхъ озеръ, сбывали произведенія своихъ садовъ, бахчей и огородовъ, рыбные продукты, холсты домашняго издѣлія, а отъ сосѣдей получали лошадей и барановъ, чекмени, бурки, башлыки, аробныя колеса и самыя арбы. Съ построеніемъ Кизляра, въ 1735, и Моздока, въ 1763 годахъ, въ городахъ этихъ были учреждены таможни съ форпостами, и казакамъ воспрещены мѣновыя сношенія съ затеречной стороной, помимо таможенныхъ досмотровъ и соединенныхъ съ ними пошлинныхъ платежей. Установленіе это отзывалось чувствительными лишеніями въ казачьемъ быту, такъ что въ 1771 году въ гребенскихъ городкахъ не находилось аробъ для отбыванія подводной повинности. Казаки объяснялись, что дошли они до такой крайности вслѣдствіе воспрещенія вымѣнивать арбы отъ кабардинцевъ и кумыковъ помимо таможенныхъ заставъ, направляться къ которымъ обѣ стороны затруднялись по ихъ отдаленности. По представленію кизлярскаго коменданта, полковника Неймча, Военная Коллегія просила Правительствующій Сенатъ дать казакамъ исключительное разрѣшеніе вымѣнивать у горскихъ жителей безпошлинно колеса и арбы за рыбу и холстъ, „чтобъ казаки не имѣли причины въ дачѣ аробъ курьерамъ и посылаемымъ нарочно съ нуж-

нѣйшими письмами отговорокъ приноситъ". Сенатъ отказалъ, не довѣряя, чтобы казаки потому только не въ состояніи были содержать арбы съ колесами, „что оныя съ платежемъ пошлины вымѣнивать принуждены, да хотя бъ то и въ самомъ дѣлѣ было, однакожъ всегда лучше снабдить ихъ такими повозками отъ казны, нежели для такой малости отмѣнять таможенныя установленія" [139]. Еще большія стѣсненія явились впослѣдствіи, когда потребовалось завести на Линіи карантины съ долгосрочными карантинными очищеніями, поводомъ къ чему служила чума, не разъ посѣщавшая населеніе Кабарды вслѣдствіе вѣроломныхъ сношеній ея съ турками.

Аробъ нельзя было доставать за таможенными стѣсненіями, а рабочую животную силу подкашивали скотскія болѣзни и падежи. Явленія эти были довольно часты. Ниже увидимъ, какую полезную и вмѣстѣ тяжелую роль игралъ рабочій быкъ въ казачьемъ быту на пользу государства, а потому считаемъ не неумѣстнымъ привести здѣсь документъ, показывающій, какія начальственныя мѣры предписывались казакамъ для борьбы съ эпизоотіями. Въ приказѣ генералъ-маіора Сталя „въ войски, на Кавказской Линіи расположенныя", отъ 8-го августа 1819 года (№ 42), предлагалось между прочимъ: „во время сильныхъ жаровъ пасти скотину недалеко отъ водопоя, въ мѣстахъ, гдѣ есть лѣса или кустарники, дабы могла она скрываться подъ тѣнь оныхъ. Здоровой скотинѣ давать въ кормъ чаще соль и вымывать ей ротъ уксусомъ или хорошимъ квасомъ, въ которомъ распущена соль, и натирать языкъ чеснокомъ, съ солью стертымъ. Вымазывать рога и копыта дегтемъ. Въ хлѣвахъ чаще курить можевельникомъ или смолою. Коль скоро захворала скотина, то немедленно сдѣлать ей заволоку на нижней части груди, между кожею и мясомъ, или прижечь кожу раскаленнымъ желѣзомъ подъ брюхомъ, въ мѣстахъ трехъ или

четырехъ. Поить ее теплымъ зваромъ льняныхъ или конопляныхъ сѣмянъ съ водою, количествомъ штофа три и четыре въ сутки. Взять канфоры одинъ золотникъ, раздѣлить оный на восемь частей и давать каждый часъ по одной части съ вышеписаннымъ зваромъ. Таковыя мѣры къ пресѣченію падежа достаточны, если только оныя исполнены будутъ съ строгою точностью. Вслѣдствіе чего предписывается всѣмъ полковымъ командирамъ поселенныхъ на Линіи казачьихъ полковъ и всѣмъ воинскимъ начальникамъ, въ вѣдѣніи коихъ состоятъ казенные быки, принять надлежащія предосторожности, сообразно вышеизъясненному“ [140].

Если пересмотрѣнныя нами производства гребенскаго хозяйства подвергались такимъ или другимъ стѣснительнымъ условіямъ, въ которыя укладывалась новая жизнь гребенцовъ въ государствѣ, то оставалась одна культурная статья, не только не подвергавшаяся казеннымъ ограниченіямъ, а напротивъ, принимавшаяся подъ покровительство администраціи. Это было шелководство. Указомъ Правительствующаго Сената 21 февраля 1799 года, предписывалось, какъ командующему войсками на Кавказской Линіи, такъ и другимъ частнымъ начальникамъ, оказывать всякое вспомоществованіе и поощреніе казакамъ къ распространенію шелководства. Изъ сохранившихся документовъ не видно, чтобы вспомоществованія и поощренія выражались въ чемъ-либо другомъ кромѣ дароваго отвода свободныхъ казенныхъ земель частнымъ предпринимателямъ,—что и привлекало многихъ ловкихъ людей, имѣвшихъ свои заднія мысли, но не представляло особенной приманки для казаковъ. Казаки занимались шелководствомъ на собственной землѣ и по навыку, унаслѣдованному отъ предковъ. Въ одной изъ отчетныхъ вѣдомостей „кавказскаго инспектора надъ шелководствомъ“, коллежскаго ассесора Мицкевича, имѣвшаго пребываніе въ Кизлярѣ, значится, что въ пяти станицахъ гребенскаго войска, съ населеніемъ въ 1.891

семейство, состояло въ 1825 году тутовыхъ деревъ: старыхъ 21, насаженныхъ съ 1796 года 6.865 и новыхъ отводковъ 63; шелку же выдѣлано въ томъ году: сырца 7 пуд. 39¾ ф. и хлопчатаго 4 пуд. 34¼ ф. Наибольшимъ успѣхомъ въ этой культурѣ, равно какъ и въ винодѣліи, отличалась станица Червленая. Но зато отставала она въ другой отрасли промышленной дѣятельности, которую гребенское войско проявляло еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Это—собираніе и продажа красильнаго корня марены, безъ котораго въ Кизылбашахъ, какъ мы видѣли, ни одна шелковая ткань не могла получить окраски. Станицы Шадринская, Кордюковская, Старогладковская и Новогладковская добывали этого корня болѣе 3.000 пудовъ въ годъ; изъ каковаго количества, по пересушкѣ, выходило товара готоваго въ продажу до 700 пудовъ, и товаръ этотъ продавался по шести и семи рублей за пудъ. Замѣчательно, что губернская администрація относилась къ этому продукту съ полнымъ равнодушіемъ: и не поощряла, и не подчиняла его какимъ-либо фискальнымъ видамъ[141].

Перейдемъ къ измѣненіямъ, послѣдовавшимъ въ общественномъ и служебномъ быту гребенскаго войска.

XIII.

Какъ устаивала старинная автономія гребенскаго войска.—Кѣкимъ порядкомъ отправлялась служба государева.—Какъ опредѣлился служилый составъ войска съ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ.—Какую роль играли зимовыя станицы.—Какія перемѣны послѣдовали въ старшинской іерархіи.—Какія лишенія несли чиновные и простые казаки въ служебномъ быту.—Какъ устроились артиллерійская и медицинская части въ войскѣ.—Какія повинности отбывало войско въ земскомъ быту.—Какую стихійную повинность налагали на него разливы Терека.

По имперіи гребенское войско, подобно другимъ казачьимъ войскамъ, вѣдалось въ московскомъ посольскомъ приказѣ—что отвѣчаетъ нынѣшнему министерству иностранныхъ дѣлъ. Высочайшимъ указомъ 3 марта 1721 года, гребенскому войску повелѣно состоять въ вѣденіи Государственной Военной Коллегіи, съ ближайшимъ подчиненіемъ астраханскому губернатору. По возведеніи кизлярской крѣпости, гребенское войско поступило подъ команду кизлярскихъ комендантовъ, относившихся, частію, къ тому же астраханскому губернатору, а частію и прямо въ Военную Коллегію. Причемъ внутреннее устройство и самоуправленіе войска оставались по старинѣ. Судъ и расправа между казаками чинились въ войсковомъ и станичныхъ кругахъ и изъ избы сора не выносилось. Астраханскому губернатору и кизлярскому

коменданту вмѣнено было въ обязанность, во внутренніе войсковые и станичные распорядки не вмѣшиваться, а вѣдать только уголовныя преступленія и такія дѣла, которыхъ казаки сами рѣшить будутъ не въ состояніи. Въ эту эпоху войсковая община или артель была еще сбита въ такую плотную массу и настолько проникалась духомъ автономіи, что одна изъ благотворныхъ, повидимому, попытокъ правительства, усилить составъ гребенской общины присоединеніемъ къ ней новаго населенія, не повела къ желаемому результату. Послѣ срытія крѣпости Св. Креста на Сулакѣ, въ 1735 году, въ сосѣдствѣ съ гребенскимъ войскомъ, по нижнему Тереку, водворилось новое казачье войско терское семейное (бывшее аграханское), все населеніе котораго, послѣ громадныхъ потерь, понесенныхъ при крѣпости Св. Креста, вмѣщалось въ трехъ небольшихъ городкахъ. Ради такого малолюдства, правительство, въ 1745 году, признало полезнымъ присоединить это маломочное войско къ войску гребенскому. Послѣднее смотрѣло на эту мѣру несовсѣмъ сочувственно, но и не противилось ея осуществленію, какъ вообще никогда и никакой правительственной мѣрѣ не противодѣйствовало. При посредствѣ кизлярскаго коменданта, оба войска сдѣлали взаимныя уступки: изъ среды гребенцовъ былъ выбранъ общій войсковой атаманъ, Иванъ Борисовъ, и одинъ старшина, Иванъ Петровъ, а отъ терцевъ два старшины, Максимъ Татаринцевъ, да Дементій Монбеевъ. Не смотря на смѣшанный составъ войсковаго ареопага, дѣло не пошло на ладъ, и два войска никакъ не могли слиться въ одно общество. Не доставало какого-то цемента. Войсковое представительство тянуло въ разныя стороны и войсковой кругъ постоянно волновался раздорами, особенно при дѣлежѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья. Утомленный обоюдными пререканіями, кизлярскій комендантъ, бригадиръ Фрауендорфъ, просилъ, наконецъ, правительство развести соединенныя войска, и въ 1754 году состоялось

опредѣленіе Военной Коллегіи: гребенскому войску быть особымъ войскомъ и терскому семейному тоже быть самостоятельнымъ войскомъ, какъ были они ante bellum[142]. Въ такой отдѣльности и жили эти маленькія войска до самой эпохи поглощенія ихъ, вмѣстѣ съ другими, имъ подобными единицами, знаменитымъ кавказскимъ линейнымъ казачьимъ войскомъ. Настолько уважалась встарину народная жизнь.

Благодаря, можетъ быть, этой устойчивости общиннаго духа, въ отправленіи службы государевой не велось никакихъ, напередъ формулированныхъ, очередей, ни очередныхъ списковъ. Все мужское населеніе считалось служащимъ безъ всякихъ искуственныхъ изъятій и перемежекъ. Службу начинали рано, нерѣдко съ пятнадцатилѣтняго возраста. Отставными могли быть только престарѣлые и малоспособные физически люди, но и тѣ должны были выходить въ мѣстную стражу на станичные притины или на кордонъ, когда строевые богатыри отзывались на сторону. Поступленіе на службу въ раннемъ возрастѣ объясняется тѣмъ, что новички—недоросли, становясь въ ряды, имѣли опекуновъ и руководителей въ своихъ служилыхъ сродникахъ старшихъ возрастовъ. Послѣдніе берегли ихъ въ походѣ и въ минуту опаснаго боя закрывали ихъ своей грудью. А между тѣмъ это-то раннее знакомство съ походно-боевой службой и было жизненнымъ началомъ, питавшимъ военный духъ въ населеніи. Адыги также рано начинали свое боевое воспитаніе. Садившіеся на коня недоросли пріучались въ ихъ походахъ преимущественно къ сторожевой службѣ и были обязаны смотрѣть за лошадьми на привалахъ, когда старые бойцы отдыхали.

При отсутствіи всякаго сочиненнаго регламента, смѣны и льготы въ служиломъ гребенскомъ контингентѣ дѣлались побратски между отдѣльными лицами, по указаніямъ или заявленіямъ самой жизни, по домашнимъ обстоятельствамъ каждаго казака, какъ домохозяина и

семьянина. Ослабленіе или усиленіе служебныхъ нарядовъ отъ войска было обыкновенно въ зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ пограничнаго края. Во время наступательныхъ дѣйствій съ Линіи противъ зазнавшихся горскихъ разбойниковъ и, еще болѣе, во время внѣшнихъ войнъ государства, наряды достигали высшей степени напряженія, потому что казаки призывались въ дѣйствующія войска и въ то же время увеличивались безпокойства на Линіи, требовавшія большаго развитія оборонительныхъ силъ. Но подобныя напряженія не подрывали экономическаго благосостоянія казаковъ, достаточно разжившихся при спокойныхъ обстоятельствахъ, сберегшихъ запасъ про чорный день. Положеніе свое въ такихъ перипетіяхъ сравнивали они съ „нагуломъ“ степнаго коня, хорошо кормившагося впродолженіи осени, который легко переноситъ безкормицу самой суровой зимы.

При терскихъ воеводахъ, какъ мы видѣли, для призыва гребенскихъ казаковъ на службу существовало правило: „сколько похотятъ и у кого кони есть“. Съ эпохи водворенія гребенцовъ на лѣвомъ берегу Терека и замѣны воеводъ комендантами въ Терской крѣпости, принято было за правило отъ каждой казачьей семьи требовать одного служилаго человѣка съ боевымъ конемъ и снаряженіемъ*). Въ пяти городкахъ гребенскаго войска считалась тысяча семействъ съ чѣмъ-нибудь: столько же должно было быть и служилыхъ людей. Но изъ этого числа положено было содержать постоянно на службѣ, гдѣ-бы ни потребовалось, одинъ пятисотный полкъ съ надлежащимъ числомъ старшинъ, т. е. сотниковъ, есауловъ, хоружихъ или знаменщиковъ, пятидесятниковъ и писарей. Остальные служилые люди обязаны были отбывать службу мѣстную, обусловленную защитою

*) Замѣчательно, что и Шамиль, устраивая свои полчища въ Чечнѣ и Дагестанѣ, установлялъ такой же призывъ одного конно-вооруженнаго воина отъ семейства.

своихъ станицъ и полей и обереганіемъ своего участка форпостной линіи. Эти послѣдніе были на счету немобилизованнаго войска—что, впрочемъ, не отвѣчало дѣйствительности—и служили, по старинному казацкому выраженію, „съ воды да съ травы“, т. е. безъ всякаго содержанія отъ государства. Пятисотному же служилому контингенту, въ томъ числѣ и войсковымъ властямъ, положено было постоянное хлѣбное и денежное жалованье. Надобно сказать, что ни въ какія времена казаки не становились на обязательную службу государству безъ государева жалованья. (Объ охочей службѣ по собственному почину здѣсь нѣтъ рѣчи). Въ 1631 году терскіе воеводы посылали сказать терскимъ и гребенскимъ вольнымъ атаманамъ и казакамъ, „чтобъ шли на перевозы, откуда ногайскихъ и кизылбашскихъ ратныхъ людей чаять“. Казаки объявили, что безъ государева жалованья на службу идти не хотятъ; „а дана-де имъ, казакамъ, государева жалованная грамота, что имъ давать государскаго жалованья ежегодъ безпрерывно“. На ту пору, какъ это часто случалось, замедлена была присылка денежнаго и хлѣбнаго жалованья изъ Астрахани на Терку. Въ отпискѣ своей объ ускореніи таковой присылки и о возникшемъ между вольными казаками ропотѣ, терскіе воеводы высказывали, что „ежели казаковъ по Тереку и въ Гребняхъ не будетъ, и Терскому городу будетъ большая тѣснота“ [143]. Изъ сохранившагося акта 1623 года видно, „что по челобитью Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ посланъ государевъ указъ на Терки и велѣно давать государево жалованье зимовнымъ (состоявшимъ въ гарнизонѣ) атаманамъ 30 человѣкамъ по рублю, да по двѣ четверти муки; рядовымъ 470 человѣкамъ по полтинѣ, да по три осьмины муки человѣку на годъ; а когда ихъ пошлютъ на государеву службу (когда будутъ въ походѣ), давать: атаманамъ по два рубля, рядовымъ по полтора, да имъ же по осьминѣ крупъ и по осьминѣ толокна человѣку“ [144]. У терскихъ воеводъ всегда велись

окладныя книги (списки) вольнымъ атаманамъ и казакамъ „жалованнымъ“, т. е. состоявшимъ на постоянной службѣ и на жалованьѣ. Съ установленіемъ пятисотнаго служилаго контингента, какъ мобилизованной строевой части, гребенскому войску назначенъ былъ отпускъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья на пятьсотъ человѣкъ, включая въ то число и содержаніе атамановъ и старшинъ. Первоначальные оклады состояли изъ четырехъ рублей денегъ, трехъ четвертей муки и трехъ четвертей овса. По мѣрѣ увеличенія служебныхъ тягостей, къ этимъ дачамъ дѣлались прибавки и наконецъ, двумя указами Правительствующаго Сената 11 декабря 1747 и 22 мая 1751 года, установлены слѣдующіе оклады жалованья: а) денежнаго: войсковому атаману 30 руб., войсковому есаулу 20, войсковому дьяку 19 и знаменщику 18 руб.; станичнымъ атаманамъ по 17 руб., станичнымъ есауламъ по 16, сотникамъ по 15, писарямъ по 14, хорунжимъ по 13 и рядовымъ казакамъ по 12 руб.; б) хлѣбнаго: войсковому атаману муки 21 четверть, крупъ 3 четверика и овса 6 четвертей; войсковому есаулу и войсковому дьяку муки по 12 четвертей, крупъ по 3 четверика и овса по 6 четвертей; войсковому знаменщику муки 11 и станичнымъ атаманамъ по 10 четвертей; первому и послѣднимъ крупъ по 3 четверика и овса по 6 четвертей; станичнымъ сотникамъ муки по 10 и есауламъ по 9 четвертей; станичному писарю муки 8 и хорунжему 7 четвертей, а крупъ и овса противъ вышепоказанныхъ чиновъ; рядовымъ казакамъ муки по 6 четвертей, крупъ по 3 четверика и овса по 6 четвертей. Къ исчисленнымъ довольствіямъ былъ прибавленъ еще отпускъ соли всѣмъ чинамъ по 48 фунтовъ въ годъ на человѣка. Пока казаки свободно брали соль съ озеръ, отпускъ этотъ не производился, а потомъ былъ забытъ[145]. По установленіи показанныхъ окладовъ, повелѣно было отпускать гребенскому войску безденежно, „въ награжденіе за ихъ службы“, изъ ближайшихъ къ войску ка-

зенныхъ кабаковъ горячаго хлѣбнаго вина по 50 ведеръ въ годъ „для викторіальныхъ дней и пріѣзжающихъ къ войску кабардинскихъ и прочихъ горскихъ князей“[146]. Впослѣдствіи отпускъ этотъ увеличенъ до 70 ведеръ въ годъ, а въ 1783 году, по случаю распространенія на Кавказскій край общаго питейнаго устава, прекращенъ; но съ 1795 года, по просьбѣ войска, былъ возобновленъ и продолжался до 1817 года, въ томъ же году окончательно отмѣненъ генераломъ Ермоловымъ, не любившимъ баловать горскихъ князей.

Какъ при существованіи старинной Терки, такъ и по возведеніи крѣпости Кизляра, хлѣбное жалованье получалось гребенскимъ войскомъ изъ мѣстныхъ казенныхъ запасовъ, доставлявшихся изъ Астрахани, а для пріема денежнаго жалованья отправлялась ежегодно въ Москву или С.-Петербургъ зимовая станица, обыкновенно состоявшая изъ войсковаго атамана, войсковаго есаула, войсковаго писаря, одного сотника и нѣсколькихъ рядовыхъ казаковъ. Зимовая станица являлась въ столицу живымъ органомъ, при помощи котораго высшее правительство непосредственно знакомилось съ нуждами и потребностями войска. Лица, составлявшія зимовую станицу, получали денежные и другіе подарки отъ высочайшаго имени: атаманъ былъ жалованъ почетною саблею и серебрянымъ ковшемъ, а прочіе спутники его саблями или деньгами на сабли, а когда и атаманскій ковшъ нужно было замѣнить деньгами, то выдавалось за него 16 руб. 50 копѣекъ. Путевыя издержки на проѣздъ станицы до одной изъ столицъ и обратно къ войску принимались также на счетъ правительства. Случалось, что вмѣстѣ съ окладнымъ денежнымъ жалованьемъ на войско, зимовая станица принимала и высочайшія награды, войску пожалованныя. Такъ напримѣръ, станицѣ 1727 года выданы были изъ московской мундирной конторы знамена, одно большое и четыре малыхъ, всемилостивѣйше пожалованныя тогда гребен-

скому войску [147]. Тревожныя обстоятельства края невсегда дозволяли дѣлать посылки зимовыхъ станицъ, и часто проходили годы безъ этихъ станичныхъ делегацій. Такими пробѣлами или помѣхами людей посмотрѣть и себя показать казаки не могли быть довольны. Почему указомъ императрицы Анны Іоанновны 8 Февраля 1733 года повелѣно было ежегодно высылать отъ гребенскаго войска въ Москву или С.-Петербургъ зимовыя станицы изъ атамана, есаула, писаря, сотника и семи рядовыхъ казаковъ. Указъ этотъ исполнялся, пока не послѣдовало отъ Военной Коллегіи распоряженія о выдачѣ окладнаго жалованья гребенскому войску изъ общихъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе низоваго (кавказскаго) корпуса. Тогда астраханскій губернаторъ далъ ордеръ кизлярскому коменданту, чтобы гребенское войско не посылало болѣе своихъ станицъ въ столицу. Гребенцы были огорчены этимъ распоряженіемъ, сочли его отнятіемъ дарованной войску высочайшей милости. Надобно сказать, что казаки изстари дорожили посылками своихъ представителей въ столицу предъ свѣтлыя очи царскія, какъ лучшею изъ своихъ войсковыхъ прерогативъ. Правительство знало это и, въ случаѣ надобности, пользовалось установившимся въ такомъ духѣ обычаемъ для достиженія благихъ цѣлей. Такъ, въ грамотѣ царя Ѳеодора Іоанновича войску донскому 20-го Марта 1593 года, послѣ строгаго наказа казакамъ не ходить на море и не ссорить царя съ султаномъ, высказывалась угроза: „быть вамъ отъ насъ въ опалѣ и къ Москвѣ вамъ къ намъ николи не бывать“ [148]. Въ силу такого преданія, обсудивъ упомянутый ордеръ астраханскаго губернатора въ войсковомъ кругу, всегда склонномъ къ плебисцитамъ, гребенскіе казаки отписали въ Военную Коллегію 16-го Мая 1743 года, что „они живутъ въ пограничномъ и опасномъ мѣстѣ и употребляются, сверхъ всякихъ воинскихъ службъ, для доставленія вѣдомостей и прочаго, такожъ отправляютъ почтовую гоньбу до Астрахани,

Дербента, Тарковъ и въ горскія жилища; посылаются съ письмами въ Кабарды и въ Салтано-Ульскіе аулы до 150 и до 200 человѣкъ, да ихъ же казаковъ имѣется на заставѣ въ Костековской деревнѣ 100 человѣкъ, такожъ возятъ изъ новопостроеннаго фельдшанца на полки (регулярные) провіантъ и фуражъ, а понеже де отъ всѣхъ казачьихъ войскъ ходятъ повсегодно ко двору ея императорскаго величества станицы для просьбы о войсковыхъ нуждахъ невозбранно, а оному Гребенскому войску ѣздить непозволено, то проситъ оное войско, чтобъ имъ было позволено повсегодно ѣздить ко двору ея императорскаго величества, для просьбы о войсковыхъ нуждахъ, дабы они предъ другими войсками обижены не были". Просьба эта была уважена и гребенскому войску разрѣшено попрежнему присылать ежегодно въ столицу зимовыя станицы, „дабы за неприсылкою тѣхъ станицъ оное войско предъ прочими обидимо быть не могло" [149]. Составъ станицъ опредѣленъ въ то время изъ атамана, есаула, сотника и пяти казаковъ, которымъ назначены за пріѣздъ денежныя выдачи изъ Статсъ-Конторы: атаману 63 руб. 21 коп., есаулу 46 руб. 73 коп., сотнику 40 руб., казакамъ по 34 руб. 94 коп., и сверхъ того прогонныя деньги [150]. Но видно ужь время отходило на эти старинныя церемоніи, потому что и послѣ испрошеннаго разрѣшенія ежегодная посылка зимовыхъ станицъ встрѣчала остановки (вѣдь онѣ могли насказать что-нибудь лишнее на кизлярскаго коменданта). Видимъ изъ наказа, даннаго отъ войска депутатамъ Козьмѣ Біянину и Лаврентію Андрееву, отправленнымъ въ составъ коммисіи по сочиненію уложенія, въ 1767 году, что имъ накрѣпко поручалось ходатайствовать предъ правительствомъ о возобновленіи пріостановленныхъ посылокъ зимовыхъ станицъ. Однакожъ и наказъ этотъ не помогъ: новый порядокъ дѣлъ, исключительныя обстоятельства края взяли свое, и представительныя посылки въ столицу вышли, наконецъ,

изъ употребленія раньше половины первой четверти настоящаго столѣтія. Тутъ ужъ повліяло на дѣло само великое войско донское. Въ 1808 году, донской атаманъ Мартыновъ представлялъ военному министру, что для посылки станицъ въ Москву „по существующему издревле обряду избираются чиновники въ воздаяніе ихъ заслугъ, что изъ нихъ одни находятся въ походахъ, другіе заняты разными должностями по внутренней воинской службѣ, а иные за увѣчьемъ не могутъ лично являться въ Москву“, а потому просилъ, чтобы выдававшееся станицамъ жалованье, а также за будары и за хлѣбъ, присылалось ежегодно въ войско деньгами, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе [151]. Съ того времени и въ гребенскомъ войскѣ наградныя деньги, выдававшіяся станичникамъ въ столицѣ на ковшъ, сабли и на прогоны, установлено отпускать войску на мѣстѣ, обыкновеннымъ порядкомъ, наряду съ другими довольствіями отъ казны. Отпускъ этотъ производился гребенскому войску до самаго изданія положенія о кавказскомъ линейномъ казачьемъ войскѣ въ 1845 году. По переложеніи ассигнацій на серебро, онъ составлялъ сумму 417 руб. 31 копѣйку въ годъ. Въ 1840 году коммисаріатъ вздумалъ было прекратить его, потому что не видѣлъ въ натурѣ зимовой станицы и не находилъ указанія въ сводѣ военныхъ постановленій; но вслѣдствіе возникшей изъ-за того переписки, дано было особое высочайшее разрѣшеніе на продолженіе сказаннаго отпуска, по тому уваженію, что онъ служилъ поддержкой гребенскимъ офицерамъ при весьма скудномъ ихъ жалованьѣ [152].

Прослѣдимъ же суровую судьбу этихъ закаленныхъ въ нуждѣ и опасности бойцовъ, не желавшихъ даже, какъ это мы видѣли въ недавнихъ кавказскихъ походахъ, отличаться установленными знаками въ одеждѣ противъ своихъ рядовыхъ сподвижниковъ.

Совмѣстная служба гребенскаго войска съ регулярными войсками въ непрерывныхъ походахъ, начавшихся съ эпохи сооруженія крѣпости Св. Креста, повела къ измѣненію взглядовъ на отношенія старшинъ къ рядовымъ казакамъ и на самое значеніе первыхъ. Старшинскія званія въ строевыхъ сотняхъ мало-по-малу пріобрѣтали значеніе чиновъ и еще ранѣе конца XVIII столѣтія совсѣмъ перестали зависѣть отъ выборовъ. Къ старинным строевымъ званіямъ сотника, есаула и хорунжаго прибавилось новое званіе квартермистра, заимствованное отъ донскаго войска. Есаулъ въ сотнѣ сталъ считаться выше сотника, а пятидесятникъ отнесенъ къ разряду нижнихъ чиновъ и названъ впослѣдствіи урядникомъ. Такія перемѣны въ старшинской іерархіи проистекли изъ высочайшаго повелѣнія, состоявшагося въ 1775 году для донскихъ казачьихъ полковъ въ томъ смыслѣ, чтобы служащіе въ нихъ есаулы и сотники признавались въ офицерскомъ достоинствѣ „и въ налагаемыхъ на нихъ за вины наказаніяхъ поступалось бы такъ, какъ объ оберъ-офицерахъ установлено“ [153]. Послѣ этого старшины строевыхъ сотень приняли названіе офицеровъ, а выборныя старшинскія званія превратились въ чины, жалуемые правительствомъ. Впрочемъ офицерскіе казачьи чины въ гребенскомъ войскѣ не имѣли дѣйствительнаго сравненія съ чинами арміи, а за то была открыта дорога казачьимъ старшинамъ заслуживать дѣйствительные армейскіе чины съ присвоенными имъ армейскими названіями. Такъ, въ 1792 году гребенскіе казачьи старшины Грузиновъ, Мельниковъ, Ергушевъ, Семенкинъ, Маланченковъ, Борисовъ произведены были въ прапорщики арміи; Сехинъ въ секундъ-маіоры и Максимъ Фроловъ въ капитаны. Послѣдній, имѣвшій чинъ прапорщика, былъ прямо пожалованъ капитанскимъ чиномъ. Вообще же пожалованія армейскими чинами встрѣчаются не очень часто: не недостатокъ боевыхъ качествъ, а неграмотность была препятствіемъ

къ тому. Жалуемые армейскими чинами получали въ общеустановленномъ порядкѣ патенты на свои чины и старались иногда выбраться изъ казачьей среды. Остальные есаулы, сотники, хорунжіе, квартермистры никакихъ патентовъ не получали и производились, большею частію, „за урядъ“. Право такого производства было предоставлено главнымъ военнымъ начальникамъ въ краѣ. Въ 1819 году, командиръ отдѣльнаго Грузинскаго (кавказскаго) корпуса, генералъ Ермоловъ, въ дополненіе сдѣланнаго имъ представленія заслуженныхъ лицъ въ казачьи чины, для замѣщенія офицерскихъ вакансій въ поселенныхъ на Кавказской Линіи казачьихъ частяхъ и въ астраханскомъ казачьемъ войскѣ, писалъ въ Главный Штабъ, что „производство по войскамъ казачьимъ въ офицеры должно быть за урядъ, ибо они (офицеры), по совершенному невѣжеству своему, никакъ болѣе того не заслуживаютъ“; относительно же астраханскаго войска прибавлено было такое замѣчаніе, что „и сего войска чиновники ничѣмъ не лучше другихъ, съ тою только разницею, что главнѣйшая ихъ служба состоитъ въ обогащеніи атамановъ своихъ рыбною ловлею, и что не было даже необходимой нужды избирать изъ среды онаго (войска) и войсковаго атамана, ибо къ желаемому порядку скорѣе привесть можетъ войско не тотъ начальникъ, коего выгоды общія съ подчиненными ему, и на котораго, по равному съ нимъ происхожденію, разумѣя о казакахъ собственно, всѣ связи родства и дружбы имѣютъ сильное вліяніе“ [154]. Держась такого взгляда, генералъ Ермоловъ, въ 1819 году, отмѣнилъ въ гребенскомъ войскѣ выборныя должности войсковаго атамана, есаула, знаменщика, дьяка и самыхъ станичныхъ атамановъ. Для управленія войскомъ и для командованія имъ, какъ строевою частью, былъ назначенъ офицеръ изъ регулярныхъ войскъ съ званіемъ „командира войска“. Это былъ незабвенный въ благодарной памяти гребенцовъ полковникъ Евстафій Пантелеймоновичъ Ефи-

мовичъ, о распорядительности котораго, равно какъ и о переустройствѣ внутренняго быта войска, будемъ говорить ниже. Въ тоже время, гребенское войско, не переставая именоваться войскомъ, получило устройство полка, пятисотный составъ котораго, еще въ 1816 году, увеличенъ до 700 нижнихъ чиновъ *). Послѣ Ефимовича командиры войска постоянно уже назначались изъ регулярныхъ частей и оттуда же стали прикомандировываться къ строевому войсковому составу кавалерійскіе офицеры, военнообразовательное вліяніе которыхъ на казачью среду не могло подлежать сомнѣнію, доколѣ не потянулись по ихъ слѣдамъ и офицеры армейской пѣхоты.

Прикомандировываемые къ войску армейскіе офицеры, даже пѣхотные, хотя переименовывались въ казачьи чины и несли не бо́льшую противъ сословныхъ казачьихъ офицеровъ службу, но жалованье и другое содержаніе получали по армейскимъ окладамъ, тогда какъ сословные офицеры продолжали довольствоваться едва замѣтнымъ для невооруженнаго глаза жалованьемъ, установленнымъ для ихъ предковъ въ 1747 году изъ окладовъ по 14 и 16 рублей въ годъ. Единственною виною тому была смѣлая близость ихъ жилищъ, имѣвшихъ значеніе лагеря, къ жилищамъ ихъ непріятелей, имѣвшихъ значеніе другаго лагеря. Еще въ 1799 году состоялось общее положеніе, чтобы чиновникамъ всѣхъ казачьихъ войскъ производилось жалованье съ раціоны и деньщичьи наравнѣ съ армейскими чинами по окладамъ гусарскихъ полковъ, но только тогда, когда казачьи части будутъ находиться на службѣ далѣе ста верстъ отъ своихъ домовъ [155]. Гребенскіе офицеры никакъ не могли перешагнуть этого стоверстнаго разстоянія, чтобъ

*) По распоряженіямъ командовавшихъ на Линіи генералъ-маіоровъ Мусина-Пушкина и Дель-Поццо, въ пятисотный строевой комплектъ войска добавлено въ 1811 году 31, въ 1813 году—120 и въ 1816 году—72 нижнихъ чина.

имѣть право на гусарскіе оклады, потому что боевая служба ихъ, за нечастыми исключеніями, ограничивалась обороною мѣстныхъ линій, удержаніемъ натисковъ непріятеля на стоявшее позади ихъ безоружное русское населеніе *). Тяжолъ и страшенъ былъ, однакожъ, этотъ бой не сходя съ мѣста: одно поколѣніе его не оканчивало и передавало другому. Тутъ уже не на сто верстъ, а пожалуй и на сто сажень невозможно было отойти отъ рѣчнаго брода, отъ береговой вылазки, отъ воровской тропы, чтобъ не впустить въ край непріятельскаго погрома и кровопролитія. При такихъ обстоятельствахъ, хотя боевая служба гребенскихъ офицеровъ отправлялась, по большей части, у самаго порога ихъ жилищъ, хотя самый домашній очагъ ихъ былъ военнымъ постомъ, тѣмъ не менѣе они были столько же отвлечены отъ своихъ домашнихъ дѣлъ, какъ и тѣ, которые приходили для той же службы на Линію съ Дона, Волги и Урала, а жертвы и лишенія, выпадавшія на ихъ долю при каждомъ набѣгѣ или вторженіи непріятеля внутрь страны, и вовсе не были извѣстны пришельцамъ съ ранѣе умиротворенныхъ историческихъ рѣкъ [156]. Кромѣ неуравнительности въ матеріальномъ обезпеченіи, гребенскіе офицеры обречены были на ту же неуравнительность и по отношенію къ правамъ состоянія. Нельзя сказать, чтобы уровень образованности ихъ донскихъ и астраханскихъ товарищей по оружію былъ выше, а между тѣмъ, и донскіе, и астраханскіе казачьи офицеры пользовались полноправнымъ сравненіемъ съ чинами арміи: первые съ 1798, а послѣдніе съ 1817 года. Линейные же казачьи офицеры лишены были такого сравненія и, по мнѣнію генерала Ермолова, выше нами приведенному, вовсе его не заслуживали. Но позднѣйшій начальникъ Кавказской области, генералъ отъ

*) Офицеры изъ горцевъ, служившіе въ линейныхъ казачьихъ полкахъ ближе чѣмъ за сто верстъ отъ своихъ домовъ, получали жалованье по армейскимъ окладамъ.

кавалеріи Эмануэль, смотрѣлъ на это дѣло иначе и въ представленіи своемъ главноуправлявшему въ Грузіи, графу Паскевичу-Эриванскому, отъ 24-го апрѣля 1828 года (№ 1373), объяснялъ слѣдующее:

„Полки линейные, неся безпрерывную и тягостнѣе противъ другихъ казачьихъ войскъ службу, будучи всегда почти на первой кордонной стражѣ, растянуты на значительное пространство мелкими частями, ограничены или вовсе лишены способовъ къ безбѣдному себя и семействъ своихъ содержанію. Офицеры получаютъ жалованье наравнѣ почти съ нижними чинами и, по необходимости сей, большая часть изъ нихъ должна изыскивать средства для своего существованія, предосудительныя нетолько офицеру, но и простому казаку; хорошій же и достаточный офицеръ, со рвеніемъ и безотлучно исполняющій свою обязанность по службѣ, долженъ неминуемо раззориться въ своемъ хозяйствѣ. Между тѣмъ, офицеръ, не имѣющій настоящаго чина, находясь на особенномъ посту съ частью, ему ввѣренною, не можетъ командовать оною съ увѣренностію отдѣльнаго начальника; по сему уваженію я нахожу справедливымъ офицеровъ казачьихъ не производить болѣе заурядъ, а въ настоящіе, и для того состоящихъ нынѣ въ полкахъ офицеровъ заурядъ, достойнѣйшихъ, произвесть въ настоящіе чины и всѣхъ вообще сравнить навсегда съ чинами офицеровъ войска Донскаго, опредѣливъ противу оныхъ состоящимъ на дѣйствительной службѣ и жалованье и фуражное продовольствіе; сіе послѣднее распространить и на всѣхъ служащихъ нижнихъ чиновъ“ [157].

Производство заурядъ въ чины сотниковъ и есауловъ было прекращено, а оставлено одно только производство въ заурядъ-хорунжіе, съ окладомъ содержанія по этому чину. Право производства въ это званіе, равно какъ и право лишенія онаго, оставалось попрежнему за главными начальниками края [158]. Но и тѣ офи-

церы, которые производились въ дѣйствительные казачьи чины, всетаки сравненія съ донскими или, что тоже, съ армейскими чинами не получали. При такомъ лишеніи безсмѣнные бойцы кавказской войны могли еще утѣшать себя пословицей: сімъ годъ макъ не родивъ, а голоду не було; но была жертва выше и существеннѣе въ жизненномъ отношеніи: имъ закрывалась перспектива отставки, послѣдняго отдыха на лаврахъ или просто у домашняго очага, въ кругу внучатъ. По этому жизненному вопросу, въ предписаніи графа Паскевича-Эриванскаго генералу Эмануэлю, отъ 12 января 1830 года (№ 35), установлялось такое правило:

„Должно увольнять казачьихъ офицеровъ слѣдующимъ порядкомъ: чиновникъ, дѣлающійся неспособнымъ къ службѣ дѣятельной, переходить долженъ къ занятіямъ спокойнѣйшимъ, то есть отъ кордонной службы къ внутренней по войску или полку; чиновникъ, побуждаемый оставить службу по домашнимъ обстоятельствамъ, можетъ быть уволенъ отъ одной или, если мало, отъ двухъ очередей наряда на службу; чиновникъ, за ранами совершенно неспособный, по разсмотрѣнію заслугъ, удостоивается пенсіона изъ войсковыхъ суммъ или, по крайней мѣрѣ, обращается ему въ почесть то, что онъ не зачисляется по войску или полку отставнымъ и сословію безполезнымъ; чиновнику, имѣющему излечимыя раны, давать до выздоровленія увольненіе отъ наряда на службу. Однимъ словомъ люди, военному сословію принадлежащіе, должны жертвовать собою службѣ, и увольненіе отъ оной съ обязанностями ихъ несовмѣстно“ [159].

Образованіе кавказскаго линейнаго войска въ 1832 году, отъ Изряднаго-Источника до крайняго устья Терека, въ составъ котораго вошло и гребенское войско, не принесло особенныхъ улучшеній въ положеніе гребенскихъ казачьихъ офицеровъ. Положеніе это, наказный атаманъ кавказскаго линейнаго войска, гене-

ралъ-маіоръ Николаевъ, въ представленіи своемъ командовавшему войсками на Кавказской Линіи и въ Черноморіи, генералъ лейтенанту Граббе, отъ 23 августа 1838 года (№ 3), изображалъ въ такихъ чертахъ.

„Весь комплектъ штабъ и оберъ-офицеровъ казачьихъ линейныхъ полковъ находится всегда на непрерывной дѣятельной службѣ, и все облегченіе, какое они имѣютъ, заключается въ томъ, что (въ составѣ своихъ полковъ) очередуются смѣною съ постовъ отдаленныхъ на посты ближайшіе къ мѣсту ихъ жительства. Но это облегченіе, при прямомъ исполненіи службы, не имѣетъ ничего существеннаго, потому что, если офицеръ находится и въ самомъ близкомъ разстояніи отъ дома, то по строгости и безпрерывной дѣятельности кордоннаго служенія, не нарушивъ правилъ, онъ не можетъ отлучиться домой и на одинъ день, а заочными распоряженіями съ поста не принесетъ никакой пользы хозяйству, ибо быть казачьяго линейнаго офицера есть быть бѣднаго земледѣльца, гдѣ потребенъ личный трудъ хозяина или собственный его глазъ, а не распорядительныя приказанія. У линейныхъ казачьихъ офицеровъ вообще нѣтъ крестьянъ и весьма рѣдко есть работники: офицеръ самъ съ женою и дѣтьми обязанъ выполнять всѣ домашнія и полевыя работы. При этой степени достатка и при безпрерывной его службѣ, линейный казачій офицеръ получаетъ жалованье отъ 13, 16 и до 45 рублей въ годъ, тогда какъ одно обмундированіе стоитъ ему болѣе 200 рублей... Офицеры получаютъ жалованье различно по полкамъ отъ 45 до 11 рублей въ годъ и различіе окладовъ сихъ не зависитъ отъ прямыхъ мѣстныхъ потребностей. Кромѣ окладовъ сихъ, офицеры получаютъ въ натурѣ провіантъ на свое лице и овса и сѣна на три лошади, по цѣнамъ положеннымъ... Такое положеніе быта линейнаго офицера есть, если не единственная, то, по крайней мѣрѣ, самая главная причина того не-

выгоднаго мнѣнія, которое присвоилъ имъ общій голосъ. Дѣйствительно, гнетомый нуждами и бѣдностью, линейный офицеръ отваживается на поступки, неодобряемые службою и противные понятію о чести офицера“ [160].

Предоставимъ позднѣйшему суду рѣшить безпристрастно, кто былъ въ томъ виноватъ, и посмотримъ, не лучше ли было положеніе артиллерійскаго казачьяго линейнаго офицера, какъ представителя болѣе требовательнаго рода оружія.

Поселенныя на Кавказской Линіи казачьи части или скорѣе общества имѣли свою конную артиллерію, которую содержали всѣ вмѣстѣ въ складчину. Въ 1808 году, по мысли командовавшаго 19 и 20 артиллерійскими бригадами, генералъ-лейтенанта Капцевича, для всѣхъ поселенныхъ на Кавказской Линіи казачьихъ частей были сформированы двѣ казачьи конно-артиллерійскія роты, въ двѣнадцатиорудійномъ составѣ каждая, съ присвоеніемъ имъ нумеровъ 4 и 5. (Первые три нумера были донскіе). При этомъ имѣлись въ виду двѣ выгоды: сбереженіе регулярной артиллеріи отъ трудныхъ и разъединенныхъ движеній по гористымъ мѣстамъ и значительная дешевизна для казны по содержанію такого рода оружія для передовой казачьей службы. Въ этихъ послѣднихъ видахъ казакамъ были выданы отъ казны одни только орудія съ принадлежностью и назначены къ отпуску огнестрѣльные припасы, съ нѣкоторымъ единовременнымъ пособіемъ на первоначальное обзаведеніе; затѣмъ пріобрѣтеніе и содержаніе лошадей съ упряжью, ремонтированіе орудій и ящиковъ и другія хозяйственныя потребности отнесены на собственный счетъ казаковъ. Комплектованіе ротъ офицерами и нижними чинами возложено также на казачьи части пропорціонально числу служилыхъ людей въ каждой изъ нихъ. На продовольствіе артиллерійскихъ лошадей казна отпускала деньги, поставлять же фуражъ въ натурѣ

должны были казачьи части, каждая свою долю, и оттого на дѣлѣ выходило, что отъ одной части фуражъ доставлялся своевременно и сноснаго качества, а отъ другой противно тому. На долю гребенскаго войска досталось по раскладкѣ отдѣлить въ составъ 4-й роты одного оберъ-офицера, 8 урядниковъ и 81 казака, и содержать четыре запряжныя орудія. Для этого требовалось ежегоднаго расхода отъ войска до 1.600 рублей. Сумма эта собиралась съ казаковъ посредствомъ раскладки на души. Командиръ конноартиллерійскихъ ротъ черноморскаго и линейнаго казачьихъ войскъ, полковникъ Синельниковъ, въ рапортѣ своемъ генералу Эмануэлю отъ 15-го Іюня 1831 года (№ 330), объяснялъ, что линейныя казачьи роты находились въ большомъ безпорядкѣ: денежныя средства на ремонтированіе ихъ доставлялись отъ казачьихъ частей неисправно, артиллерійскія лошади перемѣнялись произвольно, продовольствіе ихъ производилось неполными дачами, а ротные командиры оставались простыми зрителями такихъ неисправностей, потому что хозяйственная часть была не въ ихъ рукахъ; артиллерійская прислуга недостаточно была знакома съ своимъ дѣломъ, по причинѣ льготныхъ смѣнъ казаковъ-артиллеристовъ (смѣны эти дѣлались, впрочемъ, чрезъ четыре года); самая же существенная невыгода заключалась въ томъ, что казачьи офицеры, служившіе въ артиллеріи, получали весьма недостаточное жалованье, а именно: капитанъ 17 руб. 82 копѣйки въ годъ, и потому не только не имѣли охоты изучать артиллерійскую службу и радѣть о ней, но всячески старались отбиться отъ нея, такъ-какъ въ полкахъ представлялось имъ больше возможности изобрѣтать косвенные способы для поддержки своего существованія [161].

Справедливость требуетъ сказать и даже воздать должную дань удивленія, что при такой нуждѣ, кавказскій казачій офицеръ умѣлъ воспитать въ себѣ блестя-

щія боевыя качества—чего далеко не достигали другіе товарищи его по оружію, пользовавшіеся гусарскими окладами за стоверстное разстояніе. Его спартанская бѣдность была, можно сказать, позолочена лучами военной славы, прекраснѣе всѣхъ другихъ видовъ славы, какъ покупаемой кровью и страданіями, и вовсе недоступной самому богатому кизлярскому откупщику. Богатство или слава: надо было довольствоваться однимъ чѣмъ-нибудь, какъ рѣшилъ популярнѣйшій изъ русскихъ поэтовъ:

Не самъ ли славу ты въ удѣлъ себѣ избралъ?
Ему жъ въ пожизненность я блага міра далъ.
Но вѣрь, коль вещи бы онъ болѣ понималъ,
И если бы ему была возможность
Почувствовать свою передъ тобой ничтожность,
Онъ болѣе бъ тебя на жребій свой роптал.

Трудности служебнаго быта простыхъ казаковъ еще рѣзче обрисовываются въ современныхъ сфиціальныхъ памятникахъ, не смотря на то, что въ подобныхъ документахъ суровая дѣйствительность представляется обыкновенно въ ослабленномъ свѣтѣ. Такъ, въ приведенномъ нами выше представленіи наказнаго атамана Николаева командовавшему войсками на Кавказской Линіи, генералъ-лейтенанту Граббе, отъ 23 августа 1838 года, о службѣ линейныхъ казаковъ говорится:

„Разъ записанный въ служащіе, линейный казакъ на весь двадцатипятилѣтній срокъ службы отдѣляется отъ домашняго хозяйства и только переходитъ съ поста на постъ, очередуясь съ товарищами. Отъ него требуется въ хорошемъ видѣ и исправности строевая лошадь, мундиръ, вооруженіе; онъ и скудное хозяйство его подвержены всегдашнимъ хищеніямъ горцевъ. Пограничное жительство казаковъ дѣлаетъ положеніе ихъ еще тягостнѣе: будучи подвержены набѣгамъ хищниковъ, они не могутъ упрочить хозяйства своего, кото-

рое, по свойству края и по условіямъ быта казачьяго, наиболѣе должно состоять изъ скотоводства. Имѣю честь представить здѣсь сравнительную вѣдомость, что именно получаетъ отъ казны офицеръ, урядникъ и казакъ линейнаго войска и донскаго войска *). Изъ сей вѣдомости усматривается, что, кромѣ жалованья 12 рублей въ годъ, линейный урядникъ и казакъ получаютъ фуражныя деньги на строевыхъ лошадей по полосамъ: на овесъ по 2 рубля 40 копѣекъ, 2 рубля 50 копѣекъ и 3 рубля, и на вьючную вообще по 1 рублю 80 копѣекъ за четверть, и во всѣхъ трехъ полосахъ за сѣно по 8 копѣекъ за пудъ, кромѣ полковъ Гребенскаго и Кизлярскаго Семейнаго, гдѣ отпускается овесъ только на строевыхъ лошадей въ натурѣ, за сѣно же ни на строевыхъ, ни на вьючныхъ лошадей, равно какъ и за овесъ на сихъ послѣднихъ, отпуска не бываетъ. Отпускъ овса и фуражныхъ денегъ производится обыкновенно въ году въ теченіи шести мѣсяцевъ. По уваженію прописанныхъ причинъ, тяготящихъ бытъ офицеровъ, урядниковъ и казаковъ Кавказскаго Линейнаго войска, долгомъ поставляю всепокорнѣйше просить ваше превосходительство исходатайствовать у всемилостивѣйшаго Государя Линейному войску оклады, уравнительные для всѣхъ полковъ и сколько-нибудь соразмѣрные съ прямыми нуждами и службою ихъ".

Объ осуществленіи этого ходатайства узнаемъ, когда будемъ говорить о положеніи, изданномъ для кавказскаго линейнаго войска въ 1845 году. Здѣсь же остается замѣтить еще одну особенность въ безпримѣрно выносливомъ служебномъ быту линейныхъ казаковъ, въ томъ числѣ и гребенцовъ. Коль скоро говорится о военномъ бытѣ, нельзя не коснуться военномедицинской части. До 1820 года, въ гребенскомъ войскѣ не было ни одного медика, ни фельдшера. Генералъ Ермоловъ, какъ ни хорошо зналъ желѣзную натуру казаковъ, но счелъ

*) См. въ примѣчаніяхъ пунктъ 162.

нужнымъ обратить на этотъ предметъ свое вниманіе и, отъ 26 мая 1820 года, писалъ начальнику главнаго штаба: „Казаки на линіи прибѣгаютъ къ старымъ бабамъ и разнаго званія людямъ, выдающимъ себя за лекарей, которые почти всегда лишь умножаютъ ихъ страданія и нерѣдко причиняютъ самую смерть“. Вслѣдствіе чего, въ томъ же 1820 году состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи въ каждую изъ поселенныхъ на Линіи казачьихъ частей, въ томъ числѣ и въ гребенское войско, одного младшаго лекаря, одного фельдшера и двухъ цирульниковъ; при чемъ предоставлено казачьимъ обществамъ учреждать у себя военные лазареты, „а построеніе лазаретныхъ зданій и содержаніе больныхъ во всѣхъ частяхъ, какъ пищею, такъ и одеждою, лежало бы на иждивеніи казачьихъ войскъ и полковъ“ [163]. Гребенское войско, построивъ свой лазаретъ въ станицѣ Червленой, издерживало на содержаніе его болѣе 2.000 рублей въ годъ, не считая такихъ хозяйственныхъ предметовъ, какъ напримѣръ дрова и огородныя овощи, которыя могли доставляться натурой. Встрѣчаются свѣдѣнія, что число больныхъ, пользовавшихся въ войсковомъ лазаретѣ, простиралось обыкновенно до 7.000 человѣкъ въ годъ [164]. Заведеніе это не отказывало въ пріемѣ и больныхъ изъ регулярныхъ частей, а потому, когда было положено начало образованію кавказскаго линейнаго войска и въ поселенныя казачьи части начало мало-по-малу вводиться разностороннее благоустройство, гребенской лазаретъ сталъ получать отъ казны положенное вообще для полковыхъ лазаретовъ денежное пособіе. До того же, содержаніе его, равно какъ и артиллерійскихъ ротъ, составляло для казаковъ одну изъ повинностей, которыхъ было у нихъ очень много, гораздо больше, чѣмъ въ какомъ бы то ни было гражданскомъ сословіи или обществѣ.

Съ самаго начала своего водворенія на лѣвомъ берегу Терека, гребенское войско представляло изъ себя,

какъ говорятъ нѣмцы, такой мѣшокъ, съ котораго бралась двойная и тройная плата за помолъ. Прежде всего познакомились казаки съ повинностями постойною, подводною и дорожною, доставляя прибывавшимъ и часто передвигавшимся съ мѣста на мѣсто регулярнымъ войскамъ квартиры и перевозочныя средства, а также разработывая для нихъ дороги и строя мосты въ дикомъ еще краѣ. При построеніи крѣпостей Св. Креста, Кизляра, приморскаго фельдшанца (ниже Кизляра) и, наконецъ, Моздока, гребенцы исполняли такія работы, при которыхъ требовалось дѣйствовать и топоромъ и оружіемъ, рубили лѣсъ въ опасныхъ мѣстахъ, сплавляли его по Сулаку и Тереку или доставляли гужемъ, производили выгрузку строительныхъ и другихъ матеріаловъ и припасовъ, прибывавшихъ морскимъ путемъ изъ Астрахани, и перевозили ихъ къ строющимся крѣпостямъ, а потомъ дѣлили съ солдатами и самыя крѣпостныя работы. Они содержали безплатно между занятыми по Тереку пунктами почтовыя станціи, о заведеніи которыхъ по общему въ государствѣ порядку не было еще и мысли [165]. Да и впослѣдствіи, при болѣе широкомъ развитіи государственной жизни въ краѣ, эта часть подвигалась впередъ такъ медленно, что даже въ ермоловское время предоставлялось проѣзжимъ чиновникамъ брать въ упряжь на линейныхъ постахъ строевыхъ казачьихъ лошадей; при чемъ предписывалось, не смотря ни на какой чинъ, не требовать болѣе трехъ лошадей подъ съѣздъ одного лица, а иначе, конечно, была бы въ конецъ разрушена кордонная служба [166]. Кромѣ того, для потребныхъ полевымъ войскамъ переправъ чрезъ Терекъ, казаки строили и содержали на свой счетъ паромы и каюки. Въ то же время они должны были возводить и для собственныхъ линейныхъ карауловъ постовыя укрѣпленія, прорубать просѣки въ глухихъ лѣсныхъ зарослях, обносить рвами и плетневыми стѣнами свои городки, повторяя ежегодно эту обширную работу, сжи-

мавшую размашистыя движенія осѣдлой жизни. Даро-
ванное имъ отъ правительства хлѣбное жалованье при-
нимали они на пристаняхъ Каспійскаго моря, и, чтобъ
доставить его въ свои жилища, должны были проѣзжать
бездорожное пространство до полутораста верстъ. А
когда, за нарядомъ въ казенную повинность, перевозоч-
ныхъ средствъ для этого въ станицахъ уже не оста-
валось, то обращались они къ помощи нагайцевъ, от-
давая имъ половину своего казеннаго хлѣба, какъ пе-
ревозную плату. Наконецъ, должны они были бороться
съ разливами Терека, укрѣпляя фашинникомъ и насы-
пями лѣвый его берегъ и отстаивая такимъ образомъ
нетолько свои поля, но и большую кизлярскую дорогу
отъ затоповъ. Изъ этого вышла современемъ нескончае-
мая сизифова работа, съ которою мы познакомимся ниже.
Одинъ только разъ, а именно въ эпоху отечественной
войны 1812 года, правительство оказало помощь въ этой
работѣ засланными въ Кизлярскую крѣпость, по при-
мѣру старинной Терки, плѣнными солдатами наполео-
новскихъ полчищъ. Руками этихъ плѣнниковъ были сдѣ-
ланы на значительномъ протяженіи берега земляныя на-
сыпи, которыя и держались пока, въ свою очередь, не
были подмыты долгимъ напоромъ рѣчнаго теченія.

Съ развитіемъ военныхъ силъ и военныхъ дѣйствій
на терской линіи, исчисленныя повинности, а вмѣстѣ
съ тѣмъ и служебные наряды, до того увеличились, что
въ нѣкоторыя отбычи, какъ напримѣръ въ подводную,
за полнымъ расходомъ мужчинъ, стали ходить женщины.
Женщины же казачки обмазывали глиною и поправляли
нерѣдко лачуги, чтобъ не сказать казармы, въ посто-
выхъ укрѣпленіяхъ своихъ мужей, за служебнымъ недо-
сугомъ послѣднихъ. Независимо отъ военнаго постоя,
переполнявшаго казачьи хаты и дворы, станицы были
обязаны уступать значительную часть своихъ пастьбищ-
ныхъ и сѣнокосныхъ земель для потребностей штабъ-
квартиръ пѣхотныхъ и донскихъ казачьихъ полковъ и

артиллерійскихъ батарей. Съ уступаемыхъ такимъ образомъ сѣнокосовъ въ гребенскихъ станичныхъ юртахъ снималось для квартирующихъ войскъ до тысячи стоговъ сѣна въ одно лѣто. Это тоже была неоплачиваемая земская повинность.

Сверхъ земскихъ тягостей, выполняемыхъ натурою, мужское населеніе гребенскаго войска, за исключеніемъ строевыхъ казаковъ, было еще обложено, наравнѣ съ гражданскими обывателями Кавказской губерніи, денежнымъ сборомъ, доходившимъ до 1 руб. 90 коп. съ души, на содержаніе почтъ въ губерніи. Въ разъясненіе этого обстоятельства слѣдуетъ сказать, что по учрежденіи, въ 1785 году, кавказскаго намѣстничества съ двумя губерніями: Кавказскою и Астраханскою, поселенные на Кавказской Линіи казаки, по всѣмъ своимъ гражданскимъ дѣламъ, не относившимся къ внутреннему станичному быту или къ отправленію военной службы, вѣдались въ общихъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ[167]. Гребенское войско принадлежало къ кизлярскому уѣзду. Въ силу такихъ распорядковъ, Кавказскимъ Губернскимъ Правленіемъ признано было умѣстнымъ ту часть казачьяго населенія, которая не несла дѣйствительной военной службы, подвергнуть земскому сбору наравнѣ съ поселянами гражданскихъ сословій. Изъ поселенныхъ на Линіи казачьихъ обществъ, волгское войско, выставляя на видъ привиллегіи, какими оно пользовалось до переселенія съ Волги, протестовало противъ распоряженія Губернскаго Правленія и по этому дѣлу, въ 1816 году, состоялось въ общемъ присутствіи инспекторскаго департамента Главнаго Штаба Его Величества такое заключеніе: „Неправильно приписанныхъ кавказскимъ губернскимъ начальствомъ отставныхъ волгскихъ казаковъ къ исправленію земскихъ повинностей, какъ нынѣ отъ оныхъ освободить, съ уничтоженіемъ всей, по тому числиться могущей, недоимки, такъ и впредь безъ указа никакихъ на нихъ обществен-

ныхъ тягостей не налагать и не взимать, поелику всякое въ семъ случаѣ обремененіе отставныхъ казаковъ, прослужившихъ съ усердіемъ и славою государю и отечеству и пришедшихъ до глубокой старости и изнеможенія силъ, требующихъ по всей справедливости всевозможнаго облегченія и успокоенія, легко можетъ обратиться въ крайнее ослабленіе и уныніе духа въ тѣхъ молодыхъ воинахъ, ихъ дѣтяхъ и внукахъ, которые съ самыхъ юныхъ лѣтъ пріуготовляются и посвящаются на пользу службы и которые во все продолженіе оной должны подвергать жизнь свою многимъ опасностямъ, а нерѣдко и самой смерти, охраняя и защищая отъ хищническихъ набѣговъ, какъ свои селенія, такъ и сопредѣльныхъ имъ жителей, покоящихся въ безопасности и свободно отправляющихъ свои работы за чертою войсковыхъ земель. Въ таковомъ случаѣ сіи воины, вмѣсто воздаянія за достохвальные свои подвиги, не иное имѣть будутъ въ виду, какъ то прискорбіе, что отцы ихъ, запечатлѣвшіе кровію усердіе, равно сами они и ихъ дѣти, приходя постепенно въ старость, дряхлость, или бывъ изувѣчены отъ ранъ, противъ непріятеля полученныхъ, при послѣднихъ дняхъ своей жизни подвергаются еще и общественнымъ земскимъ повинностямъ“ [168]. Въ уваженіе справедливости изложеннаго сужденія и еще болѣе въ силу стародавнихъ грамотъ, волгское войско было освобождено отъ земскаго подушнаго налога, но онъ продолжалъ тяготѣть на гребенскомъ войскѣ, равно какъ и на другихъ линейныхъ казачьихъ обществахъ. Но кромѣ почтоваго, дѣлались еще и другіе мелкіе налоги, какъ напримѣръ на содержаніе прислуги при гражданскихъ присутственныхъ мѣстахъ: гребенскіе казаки платили по десяти копѣекъ съ души на содержаніе сторожа при кизлярскомъ Нижнемъ Земскомъ Судѣ [169]. Во время путешествія по Кавказу, блаженной памяти, Государя Николая Павловича въ 1837 году, казачьи депутаты всеподданнѣйше ходатайствовали объ освобожденіи ихъ

отъ денежныхъ налоговъ, по тому уваженію, что отставные и другіе неслужащіе казаки весьма часто наряжались въ туже службу, что и служащіе*). Спрошенный по этому дѣлу, наказный атаманъ Николаевъ объяснялъ слѣдующее:

„По раскладкѣ въ Областномъ (бывшемъ губернскомъ) Правленіи, составленной на истекающее трехлѣтіе съ 1836 года, казаки всего войска неслужащіе и отставные платятъ на содержаніе по Области почтъ по 1 рублю 21 копѣйкѣ, а живущіе на большихъ дорогахъ по 1 рублю 5 копѣекъ съ души. Вся тягость обыкновенно лежитъ на однихъ отставныхъ и несущихъ внутреннюю службу, по прослуженіи двадцатипятилѣтняго термина или по калѣчеству. Отъ сего нерѣдко бываетъ, что отецъ, состоящій на внутренней службѣ или въ отставкѣ и имѣющій двухъ, трехъ и даже четырехъ сыновъ на дѣйствительной службѣ, у которыхъ дома малолѣтніе мужеска пола дѣти, платитъ за себя и за внуковъ своихъ точно также, какъ и поселянинъ, въ податномъ состояніи живущій. Кромѣ того, казаки, на внутренней службѣ состоящіе, будучи во всегдашней готовности къ оборонѣ, за выкомандированіемъ нерѣдко служилыхъ въ походы за Кубань и Терекъ, занимаютъ всѣ посты, а въ станицахъ несутъ въ натурѣ всегдашній постой войскъ, отбываютъ повинность сію въ большомъ числѣ, исправляютъ по войску дороги, строятъ на оныхъ мосты и по границѣ посты, а во многихъ мѣстахъ, для переправы войскъ чрезъ Кубань и Терекъ, строятъ и содержатъ на свой счетъ паромы. Въ особенности отягощены полки Моздокскій и наиболѣе Гребенской, гдѣ, по малолюдству, при необыкновенно тягостной кордонной службѣ, кромѣ всегдашняго постоя войскъ, проходятъ въ большомъ числѣ рекрутскія партіи и другія команды; казаки возятъ въ лазареты больныхъ и проѣзжающихъ

*) См. приложеніе IV.

чиновниковъ по службѣ въ Дагестанъ, въ крѣпости Грозную, Внезапную и оттуда; а также ежегодно снабжаютъ пастьбищными мѣстами и сѣнокосами Куринскій егерскій полкъ, артиллерійскую № 8 батарею и многія команды, съ большимъ для себя стѣсненіемъ, ибо сѣна заготовляется тутъ болѣе тысячи стоговъ; вспомогательныхъ участковъ не имѣютъ и, при всемъ этомъ, на содержаніе почтъ платятъ деньги подушнымъ сборомъ съ неслужащихъ казаковъ. Такая повинность, при безпрерывной кордонной службѣ казаковъ, совершенно для нихъ раззорительна. По высочайшему соизволенію избавленъ отъ взноса почтовыхъ денегъ одинъ Волгскій полкъ, и казаки онаго, исключая поступившихъ въ 1833 году изъ гражданскаго вѣдомства, не платятъ оныхъ. Принимая во вниманіе службу казаковъ и чрезмѣрное множество повинностей, на нихъ лежащихъ и отбываемыхъ натурою, полагаю, что избавленіе всѣхъ линейныхъ казаковъ отъ платежа почтовыхъ денегъ есть потребность самая справедливая“ [170].

Справедливость эта была оказана не прежде, какъ при устройствѣ Кавказскаго Линейнаго войска на началахъ войсковаго положенія 14 Февраля 1845 года. Тѣ же депутаты, которые просили о сложеніи денежнаго земскаго сбора съ казаковъ, ходатайствовали еще о принятіи на счетъ казны укрѣпленія лѣваго берега рѣки Терека на протяженіи двухсотъ верстъ, такъ какъ постоянная борьба съ разливами этой рѣки становилась мѣстнымъ станичнымъ населеніямъ не подъ силу. Наказный атаманъ Николаевъ представлялъ такое объясненіе по этому предмету:

„Берегъ рѣки Терека до того раззорителенъ для казаковъ Гребенскаго и Кизлярскаго полковъ, что отнимаетъ у нихъ послѣднее время, которое могли бы они употреблять для работъ своихъ. Не проходитъ года, чтобы прибывшею водою, при взломѣ льда, или лѣтомъ, при прибыли отъ тающаго на горахъ снѣга, не прор-

вало въ нѣсколькихъ мѣстахъ береговое укрѣпленіе и не затопило бы засѣяннаго поля и сѣнокоса. Казаки, занятые всегда службою, въ домахъ никогда не бываютъ и потому, когда сдѣлается прорывъ, то всѣ женщины и дѣти бросаютъ дома свои и работы, бѣгутъ къ прорыву и тамъ всѣми силами работаютъ днемъ и ночью, иногда цѣлыя недѣли, между тѣмъ какъ время для домашнихъ работъ уходитъ. Въ продолженіе же зимы новая для всѣхъ работа: заготовлять фашины и колья для укрѣпленія береговъ въ будущемъ году, которые заготовляются многими сотнями тысячь и слѣдовательно требуютъ много работы, много времени и рукъ. Это значительно увеличило бѣдность казаковъ полковъ сихъ и грозитъ имъ, если не будетъ оказано со стороны правительства помощи, конечнымъ раззореніемъ“ [171].

О помощи, оказанной правительствомъ, скажемъ въ своемъ мѣстѣ, а тутъ небезполезно замѣтить, что работы по укрѣпленію лѣваго берега рѣки Терека составляли стихійную повинность для гребенскихъ казаковъ съ самаго начала ихъ водворенія въ этой мѣстности. Для перваго поколѣнія она не была особенно обременительна: подмѣтили впадины и промоины берега, положили на нихъ плотины и, отдавая ежегодно часть общественнаго труда на поправку этихъ сооруженій, довѣрчиво разводили сады и виноградники у самой рѣки. Но въ 1767 году случился чрезвычайный разливъ, нанесшій первый ударъ хозяйству береговыхъ обитателей. Описаніе этого явленія сохранилось въ слѣдующемъ донесеніи кизлярскаго коменданта, генералъ-маіора Николая Потапова астраханскому губернатору Никитѣ Афанасьевичу Бекетову отъ 27 іюня 1767 года (№ 303).

„Гребенскаго войска отъ войсковаго атамана Филиппа Иванова рапортомъ ко мнѣ представлено, что вѣдомства его станичные атаманы съ старшинами рапортами къ нему объявили: сего іюля противъ 10 числа, въ ночи, внезапу отъ воли божіей изъ рѣки Терека при-

былая вода усиливалась теченіемъ чрезъ яръ въ степь въ таковыхъ мѣстахъ, гдѣ издревле теченія и опасности никакой не было и никто не запомнитъ. Чѣмъ въ Кардюковской, выше городка, на сей сторонѣ въ верстѣ, въ высокихъ мѣстахъ и чрезъ укрѣпленныя мѣста прорывомъ и заливомъ потопило жатые хлѣба, подкошенное сѣно въ стогахъ и копнахъ, собственное свое и казенное гусарское, такожъ и по той сторонѣ, не умѣщаясь въ Терекѣ, виноградные сады. Въ Старогладковѣ чрезъ берега и валы, гдѣ никогдажъ заливовъ не бывало, что и укрѣпить неможно, чѣмъ великой озимовому и еровому хлѣбу, такожъ своему и казенному, подкошенному и неподкошенному сѣну учинило немалое поврежденіе. Въ Новоглатковѣ, гдѣ еще съ начала поселенія заливовъ отъ воды не бываложъ, чрезъ берега учинился выше городка, въ самой грузинской слободѣ, прорывъ которой чрезъ двои сутки едва укрѣпить могли; внизъ растояніемъ отъ городка верстахъ въ двухъ, внизъ по берегу, здѣлался заливъ на двѣжъ версты, достепи пришла вода изъ дачъ плантанцеи. Такожъ и Шадринскихъ, шириною на версту и болѣе, и на лошади гдѣ низкіе мѣста переѣхать неможно, кромѣ что на каюкѣ; такожъ и по той сторонѣ, которую укрѣпить неможно; а затопило поджатой озимовой хлѣбъ пшеницу и не пожатое просо, подкошенное въ стогахъ и копнахъ, собственное и казенное сѣно, такожъ луга и виноградные сады. Въ Шадринѣ, въ самой станицѣ (сдѣлался) чрезъ яръ заливъ и прорывъ, которою водою имѣвшей у нихъ въ домехъ въ амбарахъ хлѣбъ весь и въ степи сѣенной хлѣбъ, подкошенное сѣно потопиложъ, которую чрезъ трои сутки едва укрѣпить могли, а внизу де за великимъ усиліемъ укрѣпить никакъ невозможно. Въ Червленомъ, выше городка, разстояніемъ въ двухъ верстахъ, гдѣ болѣе тритцети лѣтъ заливу водѣ не бывало, нынѣ чрезъ укрѣпленныя мѣста вода усиливши разлилась и потопило донѣсколько хлѣбовъ и виноградныхъ садовъ. О чемъ вашему пре-

восходительству въ потребное извѣстіе доношу, какъ и о томъ, что и здѣсь, въ Кизлярѣ, чрезвычайно вода велика, которою также во многихъ мѣстахъ хлѣбы и луга затопило, и ежели еще по времени усилитца, то опасно что, вышедши изъ береговъ и форштату повреждение здѣлать можетъ. А берега возвысить, за неимѣніемъ здѣсь лѣсовъ и скудостію обывателей, нечемъ, ибо казенныхъ на такія случаи при инженерной командѣ не положено и не состоитъ, да и потребенъ лѣсъ ко употребленію не иначе какъ сосновый, шестисаженной; меньшежъ той препорціи ко употребленію въ сваи совершено негоденъ, потому что въ берегахъ и рѣкѣ земля иловатая и, не употребля въ землю сваи сажени на двѣ или еще и болѣе, свая удержатца не можетъ и во всякой разъ быстротою теченія оную вымоетъ“ [172].

Губернаторъ Бекетовъ отвѣчалъ ордеромъ отъ 13 августа того же 1767 года, въ которомъ, выражая свое крайнее сожалѣніе о случившемся „отъ воли божіей“ несчастіи, высказалъ, что для поданія руки помощи никакихъ средствъ не имѣетъ и объ огражденіи крѣпости Кизляра съ форштатомъ отъ повторенія подобныхъ случайностей представилъ инженеръ-генералу, сенатору и кавалеру Николаю Ерофеевичу Муравьеву, такъ какъ „все крѣпостное строеніе до него принадлежитъ“; чтоже слѣдуетъ до казачьихъ городковъ, то рекомендовалъ господину коменданту „во избѣжаніе и впредь, отъ чего Боже сохрани, таковаго же приключившагося несчастнаго случая и отъ того жителямъ неминуемаго раззоренія, постараться общенародно, въ пристойныхъ мѣстахъ, берега укрѣпить хорошимъ порядкомъ и къ тому приложить единожды навсегда общественный трудъ“ [173].

Общественный трудъ былъ приложенъ и съ тѣхъ поръ повисъ навсегда на плечахъ гребенцовъ. Особенно тягостны и убыточны были для нихъ лѣтніе разливы Терека, вслѣдствіе таянія снѣговъ на горахъ. Въ эту

горячую пору приходилось бросать жатву и уборку зрѣющихъ хлѣбовъ и спѣшить бороться съ потопомъ, насылаемымъ Казбекомъ. Обстоятельство это должно быть поставлено въ ряду причинъ, задерживавшихъ успѣхи земледѣлія у казаковъ. Чрезвычайные разливы, поборавшіе преграды, поставленныя общественнымъ трудомъ, происходили при особенно неблагопріятномъ стеченіи трехъ обстоятельствъ: когда, при усиленномъ таяніи снѣговъ на вершинахъ горъ, падали въ долинахъ проливные дожди, а съ моря въ тоже время поднимались сильные вѣтры, замедлявшіе втокъ прибылой воды въ каспійскій бассейнъ. Впродолженіе прошлаго столѣтія подобныя случайности были довольно рѣдки и скоротечны; но съ началомъ нынѣшняго стали онѣ повторяться чаще и разливы вообще сдѣлались упорнѣе. Наиболѣе терпѣли отъ нихъ станицы Кордюковская и Старогладковская. Массы степныхъ кочевниковъ не принимали никакого участія въ удержаніи рѣки въ берегахъ, и для слабаго числомъ прибрежнаго казачьяго населенія стихійная борьба, при тяжелой борьбѣ другаго рода, становилась не подъ силу. Дѣло ухудшалось иной разъ разладомъ между сосѣдями, гребенскимъ и терскимъ семейнымъ войсками, вслѣдствіе кичливости и кляузы, свойственныхъ захолустнымъ самоуправленіямъ. Не съумѣли они составить одно войско, не могли сходиться и во взглядахъ на гидротехнику: одни были за параллельныя линіи, другіе за перпендикулярныя, одни заблаговременно готовились дать отпоръ наводненію, другіе нажидали пока оно придетъ. Лѣтнее наводненіе 1810-го года было такъ сильно, что залило даже почтовую дорогу, идущую изъ Георгіевска въ Кизляръ, а потому и обратило на себя вниманіе Кавказскаго Губернскаго Правленія [174]. Для противодѣйствія потопу былъ посланъ совѣтникъ Тарасовскій, вооруженный письменною дѣятельностью, которая и выразилась въ доносѣ командовавшему на Линіи, генералу отъ инфантеріи Сергѣю

Алексѣевичу Булгакову, что казачьи войска гребенское и терское семейное не высылаютъ достаточнаго числа рабочихъ людей для удержанія Терека въ берегахъ. Штабсъ-капитану Вологодскаго мушкетерскаго полка Горбатовскому было поручено произвести по этому доносу слѣдствіе. Атаманъ гребенскаго войска, маіоръ Зачетовъ объяснялся, что, по требованію дворянскаго засѣдателя Кизлярскаго Нижняго Земскаго Суда, десятаго класса Коха, высланы были изъ войска „послѣдніе всѣ безъ остатку сто человѣкъ", но изъ нихъ, по требованіямъ военнаго начальства, тотчасъ же пришлось откомандировать въ Науръ 20 (требовалось сорокъ), въ Екатериноградъ 10 и къ капитану Джимардизову, для препровожденія купленныхъ имъ въ казну лошадей, 5 казаковъ; отъ терскаго же семейнаго войска—прибавлялъ Зачетовъ—завѣдывающій онымъ, войсковой дьякъ Назаровъ ни одного рабочаго не выслалъ, „поставляя въ резонъ, что находящихся теперь онаго войска всѣхъ наличныхъ отставныхъ казаковъ при сѣнокошеніи и собираніи съ поля хлѣба отлучить никакъ нельзя; а какъ по штату того войска, нетолько служащіе старшины и казаки получаютъ на продовольствіе свое окладной казенной провіантъ, но также и вдовицы, имѣющія малолѣтнихъ мужеска пола дѣтей, и осиротѣвшія казачьи дѣти, гребенскаго же войска, окромѣ комплектныхъ 500 старшинъ и казаковъ, отставные и малолѣтные казаки таковаго провіанта не получаютъ, и ежели имъ не производить хлѣбопашества и не собирать посѣянной хлѣбъ, то съ семействами своими должны претерпѣвать въ пропитаніи голодъ и изнуреніе". Въ свою очередь, и войсковой дьякъ Назаровъ объяснился, что онъ, предусматривая наводненіе еще весною, приглашалъ гребенскаго атамана Зачетова произвести береговыя работы „общественно", но тотъ отозвался недосугомъ. „Почему я", писалъ Назаровъ, „собравъ изъ двухъ станицъ (терскихъ), отъ самой старости и до могущихъ только дѣй-

ствовать казгиремъ (заступомъ) малолѣтковъ мужеска и женска пола, даже донѣсколько было съ грудными дѣтьми женщинъ, проработалъ на тѣхъ разливахъ пять дней; Кордюковская же станица (гребенская) въ то время выкладывала валъ отъ Терека въ степь, неизвѣстно къ какой защитѣ, коихъ я присоглашалъ ко общественной бережной работѣ, но не могъ склонить; и если бы оная станица не производила пустую работу, а помогла бы Семейнымъ, то конечно въ нынѣшнее лѣто едвали бы было теченіе воды". Далѣе, войсковой дьякъ Назаровъ требовалъ, чтобъ были освидѣтельствованы береговыя укрѣпленія, сдѣланныя параллельно теченію рѣки на пространствѣ дачи ввѣреннаго ему войска, и, для сравненія съ этими искусными сооруженіями, были бы осмотрѣны пустыя работы, произведенныя перпендикулярно Кордюковскою станицею, а въ заключеніе предлагалъ „спросить старшинъ и стариковъ, сколько перенесло Семейное войско отъ сихъ разливовъ убытку, единственно отъ того, что Гребенское войско, пропуская удобное время къ загаченію и дожидаясь начальничьяго понужденія, вступаетъ въ работу въ самое половодіе, въ которое укрѣпить нужно, и тѣмъ дѣлаетъ только затрудненіе людямъ и у послѣднихъ отставныхъ стариковъ, даже и у женщинъ отнимаетъ время самое нужное и совершенно слезамъ достойное во уборкѣ хлѣбовъ и сѣновъ". Не смотря на эти доводы, штабсъ-капитанъ Горбатовскій взялъ почему-то сторону гребенцовъ и, представляя прозведенное имъ слѣдствіе, изложилъ такое мнѣніе (тогда это требовалось) въ рапортѣ своемъ шефу Вологодскаго мушкетерскаго полка, полковнику Тарасову, отъ 21 іюля 1810 года (№ 15): „По требованію дворянскаго засѣдателя Коха, Гребенское войско выслало сто человѣкъ, Семейнагожъ войска дьякъ Назаровъ людей не далъ, поставляя себѣ въ резонъ, что люди у него занимаются уборкою сѣновъ и хлѣба; а какъ по штату того войска нетолько служащіе старшины и ка-

заки на продовольствіе свое получаютъ окладной провіантъ, но и вдовы, имѣющія малолѣтнихъ мужеска пола дѣтей, и осиротѣвшія казачьи дѣти, Гребенскагожъ войска, кромѣ однихъ комплектныхъ старшинъ и казаковъ, никто провіанта не получаетъ, а потому мнѣніемъ я полагаю, что командующій Семейнымъ войскомъ дьякъ Назаровъ есть виновенъ за нехотѣніе выполнить предписаніевъ, данныхъ ему въ войско отъ главнаго начальства, чрезъ что и сдѣлалось упущеніе и неправильныя отговорки уборкою хлѣба, когда войско вообще мужеска пола, кромѣ отставныхъ, получаютъ провіантъ“ [175].

Помимо подобныхъ слѣдствій и по общему закону рѣкъ, берущихъ свое начало съ высоты вѣчныхъ снѣговъ, разливы Терека учащались по мѣрѣ истребленія лѣсовъ и засоренія рѣчныхъ устьевъ, а можетъ быть и отъ искаженія послѣднихъ несовсѣмъ удачными канализаціонными работами, производившимися еще на Теркѣ стараго времени, при воеводахъ. Видно изъ нѣкоторыхъ памятниковъ, что рукавъ рѣки, на которомъ сидѣла Терка, иногда загнивалъ, а иногда и совсѣмъ пересыхалъ. Надо было поправлять дѣло какъ-нибудь, по крайнему разумѣнію. Неблагопріятное вліяніе подобныхъ работъ увеличивалось впослѣдствіи невѣжественными продѣлками рыболовныхъ откупщиковъ, которые для своихъ корыстныхъ цѣлей перегораживали рѣчныя устья и тѣмъ несомнѣнно содѣйствовали ихъ засоренію. Какъ бы то ни было, но все прошлое столѣтіе гребенцы удерживались въ своихъ прибрежныхъ городкахъ и не переставали разводить сады у самой рѣки. Въ настоящемъ же столѣтіи, послѣ „французской зимы“, разливы рѣки приняли такіе размѣры, что заставили всѣ почти гребенскія станицы бросить насиженныя мѣста и отодвинуться отъ берега. Такъ, въ 1814 году, станицы Старогладковская и Новогладковская отселились на нѣкоторое разстояніе отъ рѣчнаго берега; въ 1816 году сдѣлала тоже станица Червленая, а въ 1823 году

станица Шадринская подвинулась болѣе чѣмъ на версту вверхъ по берегу, гдѣ мѣстность была немного выше [176]. Для населенія, имѣющаго главнымъ объектомъ хозяйства садоводство и виноградарство, подобныя переборки должны были сопровождаться громадными потерями и лишеніями. Кромѣ того, связанныя съ такимъ грознымъ явленіемъ, какъ наводненіе неукротимой горной рѣки, онѣ должны были оставлять глубокое впечатлѣніе въ умахъ населенія и вызывать его воображеніе на сказочные миѳы. И дѣйствительно, народная фантазія передаетъ потомству повѣсть объ этихъ событіяхъ въ поэтическихъ олицетвореніяхъ. Такъ, въ станицѣ Червленой живетъ разсказъ о самомъ разрушительномъ терскомъ наводненіи, украшенный всѣми чарами эпопеи. Въ какой-нибудь праздничный вечеръ его можно подслушать на завалинкѣ отъ вздыхающей по молодымъ годамъ мамуки, уже не грызущей сѣмячекъ и забытой неблагодарными поклонниками. Скоро уйдетъ она въ скитъ, и живописно-художественный ея разсказъ пропалъ навсегда. Запишемъ же его здѣсь хоть черезъ пятое на десятое.

Въ далекомъ или недалекомъ будущемъ, когда наша могила заростетъ густой колючкой, уже и теперь заволакивающей черноземныя поля всего сѣвернаго Кавказа, появится на Терекѣ новый Гомеръ и скажетъ намъ спасибо, что спасли къ его пришествію хоть одинъ остовъ народнаго разсказа эпическаго склада. Онъ вложитъ въ него дыханіе жизни и будетъ пѣть гнѣвъ Терека Горынича, какъ древній Гомеръ пѣлъ гнѣвъ Ахиллеса сына Пелеева.

XIV.

Гнѣвъ Терека Горынича.

(Легенда).

Съ ранней весны началъ сердито ворчать Терекъ Горыничъ да дуться на своихъ дѣтокъ, гребенцовъ и гребеничекъ: замаіорились, говоритъ, они, писаныхъ пряниковъ захотѣли, не по старинѣ святой жить учали. И вотъ вышелъ онъ, наконецъ, изъ береговъ терпѣнія, порѣшилъ прогнать ихъ съ глазъ долой,—не то чтобъ выдѣлить по божьему, съ награжденьемъ, а просто вытолкать въ три-шея. Вскипѣлъ, запѣнился, мечетъ волну за волной на свой любимый Червленый городокъ, хлещетъ въ двери и окошка, ломитъ плетни, ворота, тиной заволакиваетъ виноградники, посягаетъ даже и на скитъ святой. Послышались крикъ и плачь людской, ревъ скотской, визгъ вепрій и вой псовый. Спостигла эта бѣда Червленый городокъ на самомъ свѣтаньѣ божьяго дня. Ударили въ набатъ у съѣзжей станичной избы. Собрались казаки на сполохъ: кто вéрхи, кто пѣшки, по колѣно въ водѣ, составили станичный кругъ и пошли судить-рядить, слѣдствіе производить—чѣмъ бы это такъ прогнѣвили они своего поильца-кормильца, что ни съ того ни съ сего пошелъ на нихъ

войной хуже всякаго чеченскаго абрека. Пока они тамъ горланили да спорили, кто кого умнѣе, дѣвки и молодки принарядились втихомолку, подрумянились, взяли вѣнки и пошли съ атаманихой къ батюшкѣ Тереку Горыничу на поклонъ, какимъ чествовали его только въ тройцынъ день да въ большіе весенніе праздники *). Пришли такими смиренницами, такими постницами, сложа пальчики съ перстнями на поясѣ, сотворили начало, отвѣсили три поклона и поклали вѣнки на сѣдую взъерошенную голову Горынича. Страсть какой онъ былъ гнѣвный и сердитый: не сказалъ аминь и вѣночки прочь швырнулъ. Ахнули наши красотки и принялись плакать да упрашивать его съ умильными причитаньями, чтобъ пересталъ бурлить и озорничать, не топилъ бы ихъ садочковъ, не гналъ бы мутной волны въ ихъ чистыя свѣтелочки, не выживалъ бы ихъ, сердечныхъ, изъ славнаго городка Червленаго. А Горыничъ ни слова въ отвѣтъ, рычитъ только да дуется. Злость взяла атаманиху. Да ты скажи, завизжала она, почто такая твоя кручинушка, за что ты животы наши губишь, абрекъ ты этакой,—чорная на тебя немочь. Мы ли съ поклономъ къ тебѣ, что утро, что вечеръ, не хаживали? Мы ли праздничныхъ вѣночковъ къ тебѣ не нашивали и звонкой пѣсней хороводной тебя, махамета, не убаюкивали? А удалые наши казаченьки малоль тебя, стараго ворчуна, и скачкой то, и пальбой то, и гикомъ молодецкимъ потѣшали? Каку еще тебѣ болячку? Да и чтожъ ты это на старости лѣтъ супротивъ насъ задумалъ?—Добро, молвилъ, нахмурившись, ехидный Терекъ, скажу, что я задумалъ и за какія вины гнѣвъ мой праведный на васъ положилъ; все это скажу, да только не вамъ щеголихамъ, а вашимъ

*) У гребенскихъ казачекъ существуетъ обычай: въ тройцынъ день и въ нѣкоторые другіе весенніе праздники составлять хороводы на берегу Терека, плести вѣнки изъ цвѣтовъ и зелени и пускать ихъ по теченію рѣки. Древній обычай до-христіанской Руси, еще разъ доказывающій давность выселенія гребенской колоніи съ Руси.

старикамъ почтеннымъ. Есть, конечно, и за вами грѣшки,—тутъ Горыничъ какъ будто ухмыльнулся,—вы крѣпко ли горюете и убиваетесь, когда муженьки и братцы въ походѣ либо на кордонѣ? И отчего это, слышу, плетень трещитъ у васъ ину пору, ночушкой, когда ворота на запорѣ? Абрекъ, небось, перескочилъ быка изъ закуты карапчить, а не то старый песъ бродяга во дворъ сигнулъ, допоздна загулявшись гдѣ-то на улицѣ. А про какихъ такихъ постояльцевъ чапурку тайкомъ нацѣживаете, когда у людей постъ стоитъ великій? Ну, да нечего вамъ про все про то выговаривать: тихій Донъ Иванычъ и не то еще отъ вашихъ сестеръ терпитъ. А вотъ поважнѣе проповѣдь припасена у меня про вашихъ муженьковъ любезныхъ, да братцевъ чтливыхъ, да дѣдукъ богомольныхъ. Идите, касатки, домой, понесите вы имъ мой приказъ, чтобъ сейчасъ явились сюда, на ваше мѣсто, къ моему суду и отвѣту. Сказалъ, да какъ хлестнетъ ихъ волнищей корявой по чемъ ни попало, инда онѣ врознь поразсыпались. Атаманихѣ больше всѣхъ досталось.

Станичный кругъ только что порѣшилъ было отправить депутатовъ къ старинной своей благодѣтельницѣ и покровительницѣ, матушкѣ Сунчѣ-рѣкѣ, съ прошеніемъ, чтобъ она за свой любезный ей когда-то Червленый городокъ вступилась, какъ вотъ пришелъ приказъ явиться на судъ къ Горыничу, грозному ея батюшкѣ. Призадумались червленцы, а пуще всѣхъ старики: грѣха-то понабралось на долгомъ вѣку, что и въ скитѣ не отмолить. Може кто и не по солнцу въ походѣ ходилъ, може тамъ солдатскую солонину въ десятую пятницу лопалъ и табачище смердящій уживалъ. Но дѣлать нечего, выпили по три чапуры и побрели, выдвинувши молодыхъ казаковъ впередъ, въ застрѣльщики. Вотъ какъ пришли, да выстроились и гаркнули здравія желаемъ, такъ и обдало ихъ холодомъ, куда и хмѣль дѣвался: страшно было взглянуть въ перековерканное лицо расходившагося Те-

река, словно падучка на него нашла. Задыхаясь отъ ярости, брызжа пѣной въ сѣдыя бороды, онъ прогудѣлъ имъ такую рѣчь.

Съ тѣхъ поръ, какъ солнце надъ землею свѣтитъ и Казбекъ-богатырь атаманскую насѣку надъ кавказскими горами держитъ, много разноязычныхъ народовъ перебывало на моихъ привольныхъ берегахъ. Всуе нищая и голодная степь астраханская силилась придвинуться ко мнѣ и заморить меня своими песками да солонцами, съ полуночной стороны, что́ сдѣлала она, шелудивая, съ маломочной Кумой-рѣкой: нѣтъ, я ей не Кума-рѣка, я ставилъ противъ ея подкоповъ мои лѣса моздокіе, мое войско древесное, и не далъ ей изгрызть, источить мою равнинную волость полуночную. Потому и было всегда у меня чѣмъ принять и содержать приходящихъ жильцовъ. Одна бѣда, что эти жильцы перемѣнные, народы разноязычные, были все воры и сорвиголовы: оттого и не жилось имъ долго на одномъ мѣстѣ. Пришли въ кои вѣки и кабардинцы, народъ поперваховъ хорошій: князья у нихъ, уорки разные народнымъ дѣломъ заправляли, порядокъ держали, и ктомужъ первые были они въ свѣтѣ наѣздники, рубаки кольчужные; а за что я больше всего ихъ жаловалъ, такъ это то, что они бѣлому царю покорялись, въ Москву часто хаживали и на службу государеву панцырниковъ своихъ посылывали. Но вотъ начали подлазить къ нимъ крымскій ханъ да турскій салтанъ и все дѣло разстроили. А промежъ того слышу: русскій народъ завелъ тамъ, у Гребней, городки съ вышками; за моремъ, на Москвѣ, пишутъ его дьяки воровскими казаками, а дочка Сунча-рѣка и говоритъ мнѣ: нѣтъ, батя, люди они степенные, трудящіе, смышленые, бьются крѣпко вогненнымъ боемъ и царю бѣлому вѣрно служатъ, а въ наѣздничествѣ и твоихъ кабардинцевъ какъ бы не заткнули за поясъ. Вонъ терскій воевода, что въ московскіе приказы отписываетъ: коли не будетъ, говоритъ, этихъ самыхъ казаковъ, такъ Теркѣ

городу тѣснота будетъ большая. И точно, самъ вижу: проскачутъ иной разъ мимо, посмотрѣть любо—молодецъ къ молодцу; а то вотъ сойдутъ съ коней: дѣдушка, скажутъ, дозволь коняшекъ напоить съ бережку твоего краснаго. Кому же я когда отказываю? у меня и ногаю неряшливому отказа не живетъ; а они, напоивши коней, сбивши шапочки на ухо, станутъ въ кружокъ и затянутъ пѣсенку россійскую, новогородскую али рязанскую. А то и меня, старика, повеличаютъ ину пору такъ-то важно да ахтительно:

Ахъ ты батюшка нашъ, батюшка,
Быстрый Терекъ ты, Горыньевичъ!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая:
Ты прорылъ—прокопалъ
Круты горы, лѣса темные;
Какъ упалъ ты, Терекъ Горыньевичъ,
Во сине море, во Каспицкое,
Да на устьицу ты выкатилъ
Бѣлъ горючъ камень.
И тутъ шли прошли Гребенскіе казаки
Со батальицы,
И что съ той то со батальицы
Со турецкія;
Не дошли они до бѣла камушка—
Становилися;
Становившись они—дуванъ дуванили:
Что на каждаго доставалося
По пятьсотъ рублей,
Атаманушкѣ съ есаулами—
По тысячѣ;
Одного-то добра молодца
Обдуванили:
Доставалась ему добру молодцу
Красна дѣвица;
Какъ приборъ то уборъ на той дѣвицѣ
Во пятьсотъ рублей;
Коса русая—во всю тысячу;
А самой-то красной дѣвицѣ
Цѣны нетути.

Веселюсь я этой пѣсней распотѣшною и велю своимъ быстрымъ струйкамъ—лебедушкамъ: понесите вы ее владыкѣ моему Каспію, пускай старикъ потѣшится опосля кизылбашскаго мяуканья. Да вотъ, дай Богъ память, и приказъ-то былъ ко мнѣ отъ царя отъ Грознаго: подарилъ де я тебя, Горыничъ, гребенскимъ моимъ казаченькамъ за службу ихъ далекую, заморскую; такъ чтобъ ты ихъ, вѣрныхъ слугъ моихъ, поилъ, кормилъ, красну рыбку и шамайку загонялъ къ нимъ въ сѣти и холилъ бы ихъ лозу виноградную. Вспомнивши такъ-то про царскій приказъ и выждавши время, забралъ я вашихъ дѣдовъ отъ дочки Сунчи-рѣки и посадилъ ихъ у себя подъ крылышкомъ, сперва подъ правымъ, а потомъ подъ лѣвымъ. Не налюбуюсь бывало житьемъ-бытьемъ предковъ вашихъ почтенныхъ: день свой начинали они до солнышка, пахали землю подъ просо, кукурузу, бахчи, а не то и подъ пшеничку озимую, въ потѣ лица своего, по писанію; разсаживали сады чуть не на болотахъ; не косили ярмомъ сѣна у сосѣдей, а что въ табуны сосѣдскіе заглядывали въ ночи темныя осеннія-на то была мода, отъ кабардинскихъ князей она вышла; роскошества ненужнаго ни въ чемъ, кромѣ сбруи и оружія, не допускали; женъ и красныхъ дѣвицъ не баловали, выплясывать въ хороводахъ за прянички да за подарочки передъ скобленымъ рылами форпостными имъ не дозволяли; сыновья, поженившись, отъ отцовъ и матерей на свою волю глупую не отходили, и единодушіе въ городкахъ было адамантовое. Вздумалъ одинъ разъ его высокородіе кизлярскій комендантъ приписать къ нимъ терскихъ семейныхъ казаковъ, чтобъ изъ двухъ войскъ, значитъ, вышло одно; но какъ онъ тамъ ни сшивалъ, а все по шву рвалось. Не нашего сукна, стало быть, зипунъ былъ. Одинъ грѣшокъ водился за вашими дѣдуками почтенными. Что съ терчанами ину пору на синемъ морѣ въ молодечество хаживали, того не вспоминаю: давнее было то время, да и не мое тамъ вѣдомство; го-

сподинъ мой Каспій, съ своими чернями да островками, пускай о томъ доноситъ, буде ему угодно. Я хочу сказать вамъ, господа честные, про чапуру, которая отъ Ноя праведнаго происхожденіе свое имѣетъ. Не безъ пристрастія къ ней были ваши дѣды; въ писаніи, стало быть, начитывали, яко бы вино веселитъ сердце человѣка. Однакожъ знали они въ этомъ веселіи разумную мѣру: разрѣшали, когда въ святцахъ стоитъ тебѣ разрѣшеніе вина и елея, да еще отъ себя прибавливали негласныя, мірскія сирѣчь, разрѣшенія: то на сватьбахъ, то на крестинахъ, то на похоронахъ, а всего чаще на именинахъ; именинныя ликованія оттого были часты, что Ивановъ у нихъ было великое число. Не говорю ужь о походныхъ проводахъ слезныхъ, о встрѣчахъ радостныхъ, о выборахъ въ атаманы шумливыхъ: все-таки на справку выходило, что вкушали они вина и елея только по праздникамъ. Но въ будни, въ рабочіе дни—ни-ни, за позоръ считали обмочить усы въ родительскомъ. А безусымъ да безбородымъ былъ запретъ и въ праздники; нечто украдкой хлебнутъ гдѣ подъ плетнемъ по задворкамъ; во всякомъ же честномъ собраньи ихъ дѣло бывало: смотри какъ старшіе угощаются да слюнку глотай, поколь бороды не наживешь. А вы-то какъ вашу жизнь провождаете, други мои сердечные? Для васъ, хоть праздникъ, хоть будни, хоть старость, хоть юность — все чапурка. Забываете еже рече мудрецъ нѣкій: вино есть млеко старцамъ, юнымъ же огнь поядаяй. Даже въ страдную пору и въ самый великій постъ тошнитъ васъ безъ чапурки. А ужь какая она вамъ лиходѣйка: не одного добраго хозяина пустила по міру. Пошлетъ вамъ Богъ весну благодатную, благовѣщеньевъ день на дворѣ: начинай пахоту въ полѣ да сѣй пораньше, а вы захлопотали обапола чапурочки родительской, пропустите время, начнете пахать и сѣять, когда ужь трава выростетъ въ четверть, а послѣ жалуетесь и начальству выставляете: обижены-де землей, урожаевъ нѣту-ти. А въ полевую

работу сколь рано вы со двора выѣзжаете? Когда ужь мужикъ пообѣдать собрался. Тревожная жизнь наша, сказываете: рано выткнешся изъ станицы, абреку голодному на зубы попадешь, — то правда, — а все-таки кабардинскую замашку вашу некуда дѣть: казачка у васъ вставай рано и всякую работу работай, а вамъ бы полежать да побаловаться подольше: не мужики-де мы сиволапые, не шаповалы какіе-нибудь. Конечно, не мужики на службѣ царской, но коль скоро ты дома, на вольготѣ, мужикомъ подобаетъ тебѣ быть работящимъ,— на то и вольгота тебѣ положена. А то вотъ, солнышко поднялось выше лѣсу стоячаго, зарится къ тебѣ въ окошко: вставай, казакъ-кручина, на работу пора, изыди, человѣче, на дѣло свое и на дѣланіе до вечера, по писанію, а ты глаза жмуришь да съ нѣжнымъ прошеньицемъ къ сердобольной сожительницѣ: прикрой, родная, ставенку, на кордонѣ намаялся, отдохнуть хочется. Далъ же я вамъ отдыху нонешній день, до зари поднялъ, а вы, какъ высокородный носъ мой чуетъ, успѣли ужь приложиться къ чапуркѣ, хоть хлѣба-то, чай, и росинки во рту не было. Знать я сталъ ужь вамъ ненадобенъ: совсѣмъ почитай перестали вы пить мою водицу здоровую. Хвалитесь, что зелья, выспрь прозябающаго отъ чрева жены блудницы, не пьете, а винопійство невоздержное чѣмъ лучше? Вотъ ваша старшина боевая, что офицерами въ теперешнія времена прозываются, какую во всемъ свѣтѣ заслужили славу храбрыми дѣлами да безпримѣрными трудами воинскими, а повадка къ чапурѣ и другой, ей подобной утвари, нѣтъ-нѣтъ и набѣжитъ темнымъ облачкомъ на славу эту ясную. Еще и то скажу: коль скоро поднимаютъ васъ вверхъ по чиновной лѣстницѣ, такъ и вы поднимайтесь на тужъ высоту умомъ да знаніемъ, чтобъ не отдавали васъ подъ начало чужимъ людямъ. Что и по титулѣ, когда нѣтъ въ шкатулѣ, въ головѣ сирѣчь. Всему, по писанію, есть время и время всякой вещи: при-

спѣло и вамъ время доходить до тѣхъ наукъ, какъ полки водить и строить, какъ крѣпости воевать и отстаивать, какъ на листокъ бумаги положить земли и воды, пути и дороги, и какъ умѣть разбирать всякую всячину, яже на небеси горѣ и на землѣ низу. Не могу сказать, чтобъ въ славномъ городкѣ Червленомъ ученья не было, но вы все учитесь поцерковному, а надо и погражданскому, зане граждане вы великаго царства, да и въ писаніи читаете: воздадите кесарева кесареви, а божія Богови. Мало ли межь васъ такихъ, которые въ книжномъ ученьи горазды поцерковному, а неграмотны погражданскому, а войсковой дьякъ расписывайся за васъ на всякой грамоткѣ, хоть бы и служебной. Такъ посмотритежъ, какія козни эти дьяки творили супротивъ самыхъ войсковыхъ атамановъ вашихъ, которые библію читали (ину пору съ слезными зѣвотами), а подписать бумаги не умѣли. Вотъ молъ, батюшка атаманъ, его высокородію высокородному господину бригадиру, кизлярскому коменданту репортъ о поимкѣ бѣглыхъ солдатъ въ нашихъ городкахъ; руку давай, старшина честной, на подписаніе: сію минуту послать требуется наспѣхъ. А чтожъ тамъ ладно все написано, Иванычъ?—Ладно, все какъ слѣдуетъ быть. Атаманъ даетъ руку, дьякъ подпишетъ и отправитъ репортъ съ перышкомъ при войсковой красной печати: летучка значитъ. Въ скоромъ времени вызываютъ атамана въ комендантскую канцелярію къ допросу: какъ же это ты, атаманушка, солдатъ-то бѣглыхъ въ своемъ дворѣ держалъ и въ собственныя работы употреблялъ во все рабочее время, да еще супругѣ своей дозволялъ ими орудовать?—Съ чего вы это взяли? говоритъ ошеломленный атаманъ, я ихъ всего-то одинъ только разъ видалъ у себя во дворѣ, когда дьякъ высылалъ ихъ изъ городка съ бумагою.—Да вотъ въ этой самой бумагѣ въ репортѣ за твоимъ подписомъ все оное изображено; повиненъ заплатить штрафъ и заробочія деньги [177]. А это, изволишь видѣть,

дьякъ все спрокудилъ, это онъ настрочилъ такихъ коварствъ въ атаманскомъ репортѣ по неудовольствію на атаманиху, которая знатно разъ по рылу его смазала, чтобъ не въ свои сани не садился. Ну, да эту статью въ сторону. За дьяческой письменностью, по моему, гнаться не слѣдуетъ: пишущіе бо неправду пишутъ, глаголетъ царь Давыдъ. А хуже того, когда эта письменность порчей входитъ въ здоровый военный духъ, ржавитъ и тупитъ шашку вострую. Шашка молодецкое дѣло сдѣлаетъ, а боевую награду возьметъ перо. Нѣтъ, я все-таки вамъ про чапурку, испиваемую не по разуму. И не такъ бы еще было мнѣ обидно, когда бъ вы пили, по отеческому преданію, одно свое родительское, а то вѣдь еще полугару мужицкаго захотѣли, кабакъ смердящій завели—чего ни въ кои вѣки у отцовъ и дѣдовъ вашихъ не бывало. Вотъ этотъ-то кабакъ-раззоритель тошнѣе мнѣ всякой засухи; духу его тяжелаго никакъ выносить не могу. Убирайтесь же вы съ нимъ куда хотите, хоть въ кибиткахъ съ ногаями тупорылыми живите и соленой водой изъ ихнихъ худуковъ продовольствуйтесь, а я держать васъ дольше у себя подъ бокомъ ненамѣренъ. Идите съ глазъ моихъ долой. Вонъ убирайтесь сейчасъ.

Чтобъ не слышать большихъ еще грубостей отъ разгнѣваннаго Горынича, взявшаго тонъ терскаго воеводы во хмѣлю, червленцы перебрались за лѣсъ, на большую дорогу, и дѣйствительно скрылись изъ глазъ Терека, хоть и недалеко отъ него ушли.

И пустынная тишина воцарилась тамъ, гдѣ цѣлое столѣтіе раздавались веселый говоръ и звонкая пѣсня, и молодецкія гиканья джигитовки, и звонъ набата у станичной избы, и выразительный, такъ много сказывающій казацкому сердцу, топотъ ночныхъ побѣжекъ на тревогу. По дворамъ и помѣстьямъ, гдѣ стояли привѣтливыя горенки, гдѣ бойко трещалъ на очагахъ огонь, даятель пищи, а гулящій дымъ завивалъ свои бѣлоку-

рыя кудри надъ высокими коньками кровлей, поросла крапива, угрюмое, нелюдимое растеніе, любящее селиться по слѣдамъ погибшаго человѣческаго обитанія. Валы, окружавшіе городокъ, заволоклись ежевичникомъ, хмѣлемъ и всякой растительной паутиной; тамъ начали нестись фазаны, а во рвахъ бирюки порыли свои норы. Но высокія раины, лычевыя и грушевыя деревья и одичалыя лозы никогда не вымирающихъ виноградниковъ остались неподкупными доказчиками пребывавшей здѣсь станичной казачей жизни.

Прошли многіе годы.

Въ одинъ изъ позднихъ дней прекрасной кавказской осени, съ избыткомъ вознаграждающей отсутствіе въ этомъ краѣ весны, къ страшно заглохшему и одичалому Червленскому городищу, на берегу Терека, приближался усталый путникъ изъ дальнихъ восточныхъ странъ, какъ лунь сѣдой, приглуховатый, прислѣповатый, сгорбленный подъ тяжестью несчетныхъ годовъ и страданій. Разглядѣвши верхушки высокихъ раинъ, онъ сотворилъ крестное знаменіе, опустился на дрожащія колѣна и горячо молился: благодарю тебя, господи Боже, Боже спасенія моего, что сподобилъ меня достигнуть святой родины, что даровалъ мнѣ послѣднюю отраду умереть въ моемъ родимомъ городкѣ. Это былъ червленскій казакъ Иванъ Демушкинъ, молоденькимъ парнишкомъ, едва начавшимъ царскую службу, ушедшій съ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ въ хивинскій походъ и теперь только, по особенной Божьей милости къ нему и за молитвы его матери, возвращавшійся домой. Утоливши измученную душу молитвой благодарности, лучшаго человѣческаго чувства, онъ поднялся и сталъ подвигаться къ городку, а слеза горючая да сладкая все набѣгаетъ на старые тусклые глаза и не даетъ путнику разглядѣть хорошенько родное пепелище. Осеннее солнце, между тѣмъ, скрылось за лѣсомъ и сумерки стали быстро спускаться на пустынный берегъ Терека. Куда жъ

тутъ полувидючему старцу разглядѣть, что передъ нимъ не живой городокъ, а мертвое кладбище. Онъ весь превратился въ воспоминаніе и, въ его воображеніи, это безжизненное кладбище ярко облекалось во всѣ живые образы, какіе онъ покидалъ за собою, отъѣзжая въ далекій хивинскій походъ. Вотъ онъ прошелъ уже то мѣсто, гдѣ стояли станичныя ворота съ вышкою и гдѣ плачущая мать въ послѣдній разъ прижала его къ своему сердцу. Вотъ онъ чутьемъ попалъ въ свою улицу и остановился передъ своимъ помѣстьемъ, гдѣ стояли двѣ старыя, престарыя, совсѣмъ уже засохшія раины съ покинутыми вороньими гнѣздами. Богъ ты мой милостивый, да гдѣ же это нашъ домишко, гдѣ конюшня, гдѣ закута и амбарчикъ? Знать совсѣмъ ужь я ослѣпъ отъ радости. И дряхлый старикъ, въ сгустившихся сумеркахъ, ползкомъ да ощупью обыскиваетъ заглохшій бурьяномъ и крапивой дворъ, гдѣ онъ бѣгалъ и игралъ въ дѣтствѣ и такъ часто слышалъ ласковый зовъ матери: подь, Ванюша, молочка дамъ. Господь, знать, посѣтилъ наше подворье, думаетъ старикъ, тяжело вздыхая, выгорѣло, знать, безъ остатку и некому было его застроить. Вотъ онъ прошелъ на другой дворъ—узнаетъ: это сосѣда Ивана Звѣздочкина,—и думается ему, что та же бѣда и здѣсь стряслась; прошелъ онъ на третій и четвертый и пятый дворъ—и тѣ всѣ узнаетъ безъ ошибки: крѣпка на мѣста казачья память, не заглушатъ ее никакіе годы и увѣчья. И такимъ способомъ, спотыкаясь и падая, да все отыскивая воротъ и уличныхъ плетней, да все думая, что пожаромъ смахнуло цѣлую часть городка, добрался старикъ до самаго берега рѣки, а на мертвецкіе пустыри казачьяго городища спустилась уже ночь и совсѣмъ окутала ихъ осенней темнотою. Лѣто было въ тотъ годъ сухменное и во всю осень не послалъ Богъ ни единаго дождика. Терекъ Горыничъ исхудалъ, отощалъ, сталъ кроткимъ смиренникомъ,—только въ лѣстовку иноческую ему въ руки. Тихо нашептывая

вечернюю молитву, не то нашу на сонъ грядущимъ, не то кабардинскій намазъ, онъ ужь засыпалъ въ своей мягкой, пуховымъ песочкомъ позастланной постели, а карши залегли по берегу въ ночные секреты,—тамъ, на нижней Кубани, въ залоги. Присѣлъ обезсилѣвшій старикъ на каршу, отеръ рукавомъ крупныя капли пота съ лица и сталъ раздумывать: чтожъ это съ городкомъ-то моимъ подѣлалось? Пускай ужь я, глухой, не дослышу ни говора казачьяго, ни пѣсенки дѣвичей, ни лаю псоваго; пускай ужь и огоньковъ въ окошечкахъ, слѣпой я, не довижу,—да какъ же это вышло, что ни единой живой души до сихъ мѣстъ я не встрѣтилъ? Нечто на тревогу всѣ повыбѣгли? Стой, а плетни-то кудажъ подѣлись, да и дома́-то есть ли гдѣ по другимъ улицамъ? Вотъ тутъ только, съ отливомъ радостнаго чувства, переполнявшаго его душу, заслонявшаго его мысль, мелькнула въ головѣ старца догадка, не погромленъ ли городокъ дотла чеченцами. Переживший обычный человѣческій вѣкъ, страдалецъ хивинскаго плѣна вздрогнулъ, вскочилъ на ноги и отчаянно вскрикнулъ: батюшка ты нашъ родимый, поилецъ-кормилецъ Терекъ Горыничъ, скажи мнѣ, что сталось съ славнымъ городкомъ Червленымъ? Горыничъ лѣниво поднялъ голову, всплеснулъ съ досады, что какой-то скорбный голосъ помѣшалъ первому сладкому сну его, и откликнулся насмѣшливо: поминай его какъ звали. Тогда ветхій днями и страданіями пришелецъ грохнулся на берегъ и зарыдалъ глубоко, тяжко, неизобразимо человѣческимъ словомъ. Тронулся Горыничъ скорбными воплями стараго, престараго человѣка, поднесъ ему сулукъ чистой, какъ слеза, водицы и поспѣшилъ успокоить его извѣстіемъ, что городокъ здравствуетъ, а потомъ сталъ ласково распрашивать: кто ты и откуда, престарѣлый странникъ: изъ Мекки ли хаджи кабардинскій, аль изъ Ерусалима паломникъ россейскій? Отвѣчаетъ Горыничу странникъ: я не хаджи кабардинскій и не паломникъ россейскій, а

природный я гребенской казакъ Иванъ Ивановъ сынъ Демушкинъ, сто годовъ томился въ жестокомъ полону хивинскомъ, въ лютомъ рабствѣ басурманскомъ, а теперь Господь милостивый вынесъ меня на родину православную, чтобъ еще разъ повидѣть славный городокъ Червленый, да вотъ какая притча... Помню, перебилъ его Горыничъ, помню тебя еще махонькаго, какъ ты съ отцомъ своимъ плавалъ отважно въ каючкѣ промежъ моихъ суводей. Славный былъ рыбакъ твой покойный батька Иванъ Иванычъ и въ нѣдрахъ моихъ упокоился въ тотъ годъ, какъ тебя начали въ казаки справлять. Помню, какъ и въ Хиву тебя выпроваживали, молодаго парнишка по шеснадцатому, кажись, годочку. Покойница Секлетея Ивановна, царство ей небесное, мамушка твоя, такъ-то сердечная убивалася, сама твоему мерешку подпруги подтягивала и саквы твои укладывала за сѣдельце. Черезъ день послѣ вашихъ проводовъ, пришла она ко мнѣ водицы зачерпнуть, да такъ-то тяжко вздыхаетъ и говоритъ мнѣ: чуетъ, Горыничъ, мое сердечушко, что Ванюшѣ моему не бывать назадъ домой: вишь недоросточка какого въ походъ поволокли, да опять и сонъ такой дурной видѣлся... Анъ и выходитъ на правду, что страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ: вынесъ онъ тебя, землякъ почтенный, восвояси, жаль только, что поздно; много воды съ той поры утекло отъ моихъ береговъ въ ненасытное море, что никогда не скажетъ—довольно, и теперь я не знаю, кого ты изъ родни своей аль изъ сверстниковъ въ живыхъ найдешь; житья-бытья червленскаго сколько лѣтъ не вижу, только чрезъ рыболова какого, либо чрезъ охотника перепадетъ мнѣ ину пору короткая вѣсточка. Городокъ-то сбѣжалъ отъ меня и стоитъ тепереча вонъ тамъ, за лѣсомъ: твоимъ станичникамъ неблагодарнымъ на большомъ шляху жить похотѣлось, кабаки и лавки съ конфектами заводить стали, а можетъ ужь и самовары и трактиры завели, Христосъ ихъ вѣдаетъ; обидѣли меня старика бездомовнаго, въ

сиротствѣ вѣку доживать покинули. Какъ-то я буду передъ грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ отвѣтъ держать? Войсковой дьякъ немало, чай, ябеды на меня понаписывалъ.

Такъ-то старый лицемѣръ Горыничъ, всему свѣту извѣстный своимъ коварствомъ, непостоянствомъ и мостогубствомъ, облыжно объявлялъ новоприбывшему человѣку, будто городокъ ушелъ отъ него самодурью. А по таковомъ извѣтѣ, вопрошаетъ онъ пришельца: ты скажи-ка, землячокъ мой желанный, скоро ль твои походные сотоварищи, пятьсотъ гребенскихъ казаковъ, изъ Хивы домой придутъ? Отъ нихъ я чаю больше проку, люди они стараго завѣта и не побрезгаютъ жить опять на дѣдовскихъ мѣстахъ, у моего гостепріимнаго бережечка. Глубоко вздохнулъ хивинскій плѣнникъ и повѣдалъ Горыничу такую печальную повѣсть.

Вѣдомо тебѣ, высокородный Терекъ Горыничъ, славный братъ Кубани, великой рѣки, что вѣчно съ кровью течетъ, какъ мы, пятьсотъ гребенскихъ казаковъ, взяли отъ отцовъ и матерей родительское благословеніе, навѣки нерушимое, какъ распрощались съ дѣтьми и женами, братьями и сестрами, и отправились къ Гурьеву городку, въ отрядъ князя Бековича-Черкасскаго. (Горыничъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и самодовольно провелъ рукой по бородѣ). Съ того сборнаго мѣста, отъ Гурьева городка, начался нашъ походъ безталанный черезъ недѣлю аль чрезъ двѣ послѣ Красной-Горки. Потянулась передъ нами степь безлюдная, и нѣтъ ей конца-краю. Жары наступили пуще, чѣмъ у насъ въ успеньевъ постъ. Идемъ все по пескамъ сыпучимъ, пѣсенки попѣваючи, становимся на отдыхъ, гдѣ попадется поляна съ копанью и тощей травкой. Воду пьемъ соленую и горькую, страсть какую противную, кормимся казеннымъ сухаремъ, а домашнія кокурки давно ужь вышли. Гдѣ трафится бурьянъ, колючка какая, сварimъ кашу, а посчастливится подстрѣлить сай-

гака, поѣдимъ печенаго мяса. Сайгаковъ подсиживать мы выучились у яицкихъ казаковъ; такимъ только способомъ, батюшка ты мой Горыничъ, его шайтана и добудешь, а конемъ, хоть бы тебѣ Шолохова завода былъ ни въ жизнь не догонишь. Недѣли черезъ три кони у насъ крѣпко исхудали, а еще черезъ недѣльку стали падать. Да что кони, и казенные верблюды валиться начали. На седьмой аль на восьмой недѣли мы дошли до большихъ озеръ: сказывали яицкіе казаки, рѣка тамъ большая перепружена. До этого мѣста киргизы и трухмены дѣлали на насъ два большихъ нападенія,—слышь хивинскимъ ханомъ были подкуплены,—мы ихъ оба раза, какъ мякину, по степи развѣяли. Яицкіе казаки дивовались, какъ мы супротивъ длинныхъ киргизскихъ пикъ въ шашки ходили, а мы какъ понажмемъ поганыхъ халатниковъ да погонимъ по кабардинскому, такъ они и пики свои по полю поразбросаютъ; подберемъ мы эти шесты оберемками да послѣ на дрова рубимъ и кашу варимъ. Такъ-то. У озеръ князь Бековичъ велѣлъ дѣлать окопъ: идетъ вишь на нашъ отрядъ самъ ханъ хивинскій съ силой великой басурманской. И точно подошла орда несмѣтная, напуски дѣлала со всѣхъ сторонъ и билась три дня. На четвертый день и слѣдъ ея простылъ, а мы тронулись къ Хивѣ. Тутъ было намъ небесное видѣніе. Явилось оно послѣ половины дня, на привалѣ. Солнце пекло немилосердно; ни единой тучки не было на небѣ, да ихъ въ той сторонѣ и не бываетъ вовсе въ лѣтнюю пору. Вдругъ солнышко начало примеркать, темнѣть; темнѣетъ оно больше и больше, въ чугунную сковороду, съ позволенія сказать, оборачивается, и дошло до того, что отъ него остался одинъ лишь небольшой краешекъ на подобіе молодаго мѣсяца. Сдѣлались сумерки, а до вечера-то было еще далеко. Въ отрядѣ все притихло, на всѣхъ нашелъ страхъ. Лошади и верблюды сжатся, торопятся, какъ бы чуютъ звѣря. Мы крестимся, говоримъ про себя:

Господи Исусе, а какіе были въ отрядѣ татары, тѣ раскинули по песку свои епанчи и стали дѣлать поклоненіе явленному въ денную пору, молодому мѣсяцу. Прошло полчаса, коли не больше, въ этомъ страхѣ и ужасѣ; потомъ солнце начало мало по малу открываться, прогонять мракъ бѣсовскій, и наконецъ опять пришло въ свой прежній видъ. Опять пополъ по отряду говоръ, да только невеселый. Всѣ старые люди, казаки, драгуны, астраханскіе купцы, въ одинъ голосъ сказали: сіе знаменіе на радость махаметамъ, а намъ не къ добру. Такъ оно и вышло. За одинъ переходъ до Хивы, ханъ замирился, прислалъ князю Бековичу подарки, просилъ остановить войско, а самаго князя звалъ въ гости въ свой хивинскій дворецъ. Собравшись ѣхать въ гости, Бековичъ взялъ съ собою нашихъ гребенскихъ казаковъ триста человѣкъ подъ коими держались еще кони, а у остальныхъ ужь не было ихъ: часть были за походъ побиты либо ранены и брошены на съѣденіе бирюкамъ, а часть подохли отъ безкормицы. Я съ дядей Іевомъ въ числѣ трехсотъ конныхъ находился. Отправились мы въ Хиву прибравшись въ новые чекмени и бешметы съ галуномъ, а коней посѣдлали съ наборною сбруей. Хива городъ большой, обнесенъ стѣной съ каланчами, да только улицы оченно тѣсны. У воротъ насъ встрѣтили знатные ханскіе вельможи; низко кланялись они князю, а намъ съ усмѣшкою говорили: черкезъ-казакъ якши, рака будетъ кушай. Ужь и дали жъ они намъ раки, измѣнники треклятые, трусы подлые, что умѣютъ бить только лежачаго. Справивши почетную встрѣчу, повели они насъ въ городъ, а тамъ были положены двѣ засады да сбоковъ скрытно разставлены двѣ орды въ дворахъ за высокими глиняными заборами. Уличка, гдѣ эта ловушка была устроена и по косой они насъ вели, была узенькая и изгибалась какъ змѣя; проѣзжали мы по два и по три коня – больше нельзя; заднимъ совсѣмъ не ви-

дать переднихъ по кривулинамъ. Какъ только миновали мы первую засаду, она поднялась, запрудила уличку и бросилась на нашихъ заднихъ, а вторая загородила дорогу переднимъ и начала по нимъ палить. Не знаютъ наши, впередъ ли, назадъ ли дѣйствовать. А въ это самое время показалась орда съ обоихъ боковъ улички и давай жарить съ заборовъ, съ крышъ, съ деревьевъ, изъ оконъ домовъ. Вотъ въ какую западню мы втюрились. И не приведи же, Господи, какое началось тамъ побоище: пули и камни сыпались на насъ со всѣхъ сторонъ, даже пиками трехсаженными донимали насъ сверху: знаешь, какъ рыбу багрятъ зимой на Яикѣ. Старшины и пятидесятники съ самаго начала крикнули: съ конь долой, ружье въ руки, а потомъ всѣ подаютъ голосъ: въ кучу, молодцы, въ кучу. Кудажъ тамъ въ кучу, коль двумъ, тремъ человѣкамъ съ лошадьми обернуться негдѣ. Бились въ растяжку, да и бились же не на животъ, а на смерть, поколь ни одного человѣка не осталось на ногахъ. Раненые, и тѣ отбивались лежачіе, не хотѣли отдаваться въ полонъ. Раненыхъ было много, затѣмъ, что непріятель билъ все сверху, прячась за свои заслоны, и неловко попадалъ, а какой смѣло выставлялся, того наша пуля не миновала. Подъ конецъ дѣла, нашихъ раненыхъ топтали лошади, въ переполохѣ, а хивинцы ихъ дорѣзали. Ни одинъ человѣкъ не вышелъ изъ треклятой трущобы, всѣ тамъ полегли. Не пощадили изверги и казацкихъ труповъ: у нихъ отрѣзывали головы, вздѣвали на пики и носили по базарамъ. Бековича схватили раненаго, какъ видно, не тяжело, поволокли во дворецъ и тамъ вымучили у него приказъ къ отряду, чтобъ расходился малыми частями по разнымъ ауламъ на фатеры; а когда разошлись такимъ глупымъ порядкомъ, въ тѣ поры однихъ побили, другихъ разобрали по рукамъ и повернули въ ясыри. Послѣ того, какъ Бековичъ подписалъ такой приказъ въ ханскомъ дворцѣ, его тиранили всякими лютыми муками,

еще съ живаго здирали кожу, сперва съ головы, а потомъ и съ рукъ и съ ногъ, да все приговаривали: не ходи, Довлетъ, въ нашу землю, не отнимай у насъ Амударі рѣки, не ищи золотыхъ песковъ. Какимъ же родомъ, спросишь ты, я то живъ остался? А вотъ какимъ. Я безотлучно находился съ боку дяди Іева; сказано—отъ дяди ни пяди. Когда спѣшились, онъ велѣлъ мнѣ держать коней, а самъ все отстрѣливался; кони дюже бились, а онъ мнѣ: держи, держи, Ванюша, не робѣй, дурачокъ; дастъ Богъ отмахаемся, а тамъ опять на конь и тогда вотъ какъ погонимъ ихъ, поганцевъ. Тутъ покойникъ изругался неладно, а меня вдругъ трахнуло камнемъ по головѣ, въ глазахъ пожелтѣло и я повалился безъ чувствія лошадямъ подъ ноги. Долго ли находился я въ этомъ безчувственномъ состояніи, сказать не умѣю, только очнулся, себѣ не на радость, въ дворѣ одного знатнаго хивинца; дворъ большой, вокругъ меня много народа съ звѣрскими лицами, а дядина голова, смотрю, торчитъ на пикѣ. На меня надѣли цѣпь, какъ на собаку, и съ того страшнаго дня началась моя долгая горькая неволя. Нѣтъ злѣе каторги на свѣтѣ, какъ жизнь въ ясыряхъ у басурманъ.

Разскащикъ остановился, видимо нуждаясь перевести духъ. На небѣ сгустилась черная тучка и въ посохшей прибрежной осокѣ зашелестѣло. Въ мертвомъ молчаніи пустыни слышенъ только этотъ легкій, прерывистый шелестъ, точно осторожный шопотъ въ ночномъ казачьемъ секретѣ. Хивинскій плѣнникъ поднялъ глаза на Горынича, а у этого по всему лицу катятся дробныя слезы.—По комъ плачешь, Терекъ Горыничъ?—По гребенскимъ моимъ по казаченькамъ. Какъ-то я буду отвѣтъ держать передъ грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ!

XV.

Какъ кавказская война вліяла на жизнь гребенскихъ казаковъ, какія ставила условія этой жизни и какую давала ей обыденную обстановку.—Какими нарядами и походами отправляли они внѣшнюю службу государеву.—Въ какомъ эпизодѣ выразилась разумная терпимость гребенскаго раскола.—Въ какомъ качествѣ войско гребенское вошло въ составъ кавказскаго линейнаго казачьяго войска.

Мы видѣли, что при пѣрвомъ появленіи русскихъ людей въ восточной части сѣвернаго Кавказа, здѣсь боролись два сторонніе политическія вліянія, турецкое и кизылбашское или персидское. Съ построеніемъ перваго русскаго города (въ смыслѣ укрѣпленнаго поста) на Терекѣ, противъ устья Сунжи, къ нимъ примѣшалось еще третье вліяніе, московское. Слабѣйшее было кизылбашское, но и остальныя два ограничивались до полутораста лѣтъ только тѣмъ, что не давали одно другому упрочиться, перейти въ опредѣленную фазу завоеванія и обладанія. Такая перѣшительная политика Москвы и Стамбула представляла изъ себя аукціонъ для продажной покорности кабардинскихъ, кумыцкихъ, чеченскихъ и другихъ горныхъ народовъ, и пріучила эти народы къ мысли, что они могутъ быть только задобренными союзниками, гостями (падыша-

хамъ—техачъ), но не подданными того или другаго изъ соперничествующихъ государствъ. Надо, однакожъ, было выдти когда-нибудь изъ этого нерѣшительнаго положенія и подвинуть междугосударственный споръ къ рѣшенію—кто долженъ быть хозяиномъ сосѣдней безнарядной и безпокойной страны. Шагъ къ этому сдѣлалъ великій царь Петръ, по отдачѣ туркамъ Азова и съ потерей надежды завести флотъ на азовскомъ заливѣ Чернаго моря. Неудача къ сторонѣ западнаго Кавказа, какъ было уже сказано, заставила Царя-Преобразователя перенести свои виды на восточный кавказскій бассейнъ — Каспійское море, предпринять персидскій походъ. Здѣсь предстояло начать наступательныя дѣйствія съ западныхъ береговъ и потому необходимо было утвердить русскую власть надъ горными племенами, съ которыми терскіе воеводы поддерживали непрочныя и шаткія связи въ теченіи полутора вѣка. На мѣсто этихъ проволочекъ и колебаній требовалось поставить болѣе твердый порядокъ вещей. Необходимо даже было спѣшить, чтобъ предупредить на этой дорогѣ турецкаго султана. Въ маѣ 1714 года Государь предлагалъ господамъ сенату учинить совѣтъ, „какимъ образомъ горныхъ народовъ къ нашей сторонѣ приклонить“; при чемъ передавалъ въ разсмотрѣніе сената письменное донесеніе, представленное ему княземъ Бековичемъ Черкасскимъ, достойнымъ благодарной памяти дѣятелемъ, доказавшимъ свою преданность пользамъ Россіи страдальческой кончиной въ Хивѣ. Такъ какъ донесеніе это живо рисуетъ намъ тогдашнее положеніе страны и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ правдивое свидѣтельство о политической дѣятельности терскихъ воеводъ, то мы приводимъ его здѣсь дословно, тѣмъ болѣе, что заключеніе этого документа касается гребенскихъ казаковъ.

„По указу изъ Порты-Оттоманской“, доносилъ царю Петру Алексѣевичу князь Черкасскій, „посланы отъ хана крымскаго посланцы къ вольнымъ князьямъ,

имѣющимъ владѣніе близъ горъ, между Чернымъ моремъ и Каспійскимъ, дабы оные князья со владѣніями своими склонились подъ власть султана Турскаго и послушны бъ были хану Крымскому, за что могутъ многую милость получать и повсягоднымъ жалованьемъ опредѣлены будутъ. И оные посланцы перво пріѣхали въ Большую Кабарду къ князьямъ черкасскимъ съ обѣщаніемъ, о чемъ писано пространно въ письмѣ ихъ, и, не получа своего намѣренія, принуждены были отъѣхать назадъ въ Крымъ. Потомъ посланы къ другимъ владѣтельнымъ князьямъ Кумыцкимъ и Шафкаламъ *), дабы приклонить ихъ, такожде обѣщая имъ много, и нѣкоторыхъ изъ оныхъ преклонили къ своему желанію чрезъ дачу, а другихъ Шафкаловъ, которые изъ нихъ лутчіе владѣльцы въ народѣ кумыцкомъ, призываютъ, и великое между тѣхъ народовъ нынѣ несогласіе, для того—инымъ то непріятно, иные того хотятъ; а паче всего желаютъ, дабы всѣхъ тѣхъ народовъ соединить, даже до персидской границы, и тако особливо край тотъ въ волю свою привесть и подданными учинить. И ежели оное турецкое намѣреніе исполнится и оной народъ будетъ при Портѣ утвержденъ, то когда война случится, могутъ немалую силу показать, понеже оной народъ лучше въ войнѣ, кромѣ регулярнаго войска. А паче разсудить къ людству и къ силѣ отъ Чернаго моря, гдѣ есть Таманъ, по сю сторону Керчи, до самой границы персидскія, коммуникація будетъ въ близости вашихъ границъ. Ежели ваше величество соизволите, чтобъ оной народъ не допустить подъ руку турецкую, но паче привесть подъ область свою, то надлежитъ, не пропуская времени, о томъ стараться, а когда уже турки ихъ подъ себя утвердятъ, тогда уже будетъ поздно и весьма невозможно тогда чинить, какъ сами о томъ изволите разсу-

*) Т. е. къ разнымъ князьямъ кумыцкимъ и владѣльцамъ дагестанскимъ.

дить. А опасности никакой въ привращеніи ихъ не будетъ, понеже народъ тотъ вольный есть и никому иному не присутствуетъ, но паче вамъ есть причинены, что напредъ сего изъ тѣхъ кумыцкихъ владѣльцевъ Шавкаловъ въ подданствѣ, для вѣрности вашему величеству, и дѣтей своихъ въ аманаты давали; токмо незнаніемъ или неискусствомъ воеводъ вашихъ сей интересъ государственный по сіе время оставленъ, чего и нынѣ изъ оныхъ народовъ не отрекаются то учинить. И ежели народъ сей, за помощію божіею, вашимъ мудрымъ промысломъ будетъ при вашей сторонѣ, тогда сила ваша въ томъ краю наилучше разшириться можетъ, отъ чего и другимъ страхъ будетъ, понеже сего пригорнаго народа въ тѣхъ странахъ безмѣрно боятся; а паче въ страхѣ Персіяне, которые, для опасенія своего, Кумыцкимъ князьямъ Шавкаломъ будто жалованье даютъ, и ежели разсудить ихъ дѣла, то подобно дани, и расходъ великой отъ Шаха Персидскаго владѣльцамъ кумыцкимъ повсегодно бываетъ. Я вашему величеству единой образъ представлю, какъ онаго народа Персіяне боятся, а именно: которой владѣлецъ кумыцкой восхощетъ болѣе жалованья имѣть отъ Шаха Персидскаго, то не просьбою, но угрозою и раззореніемъ мѣстечекъ и деревень персидскихъ оное получаетъ, понеже когда увѣдомится Шахъ о такомъ того владѣльца насиліи, то пишетъ къ нему, чего ради такое злодѣйство показалъ, и оный отвѣтствуетъ: не имѣю отъ его величества жалованья, какъ другіе получаютъ, того ради не могу людей своихъ воздержать, и тогда, по желанію его, прибавливаютъ ему жалованья, чтобъ не продолжалъ раззоренія. И ежели ваше величество соизволите преклонить тѣхъ народовъ пригорныхъ подъ свою область, немалой страхъ будетъ въ Персидѣ во всей, и могутъ во всемъ вашей волѣ послѣдовать; въ прошломъ году, какъ сбирались войски на Царицынѣ съ Петромъ Матвѣеви-

чемъ (Апраксинымъ) къ Кубани, меня изволили послать къ черкескимъ владѣльцамъ, тогда Персидскій Шахъ разумѣлъ, будто на его край изволите сбирать, и въ великомъ страхѣ были, и тотчасъ сталъ посла своего отправлять до вашего величества, который уже и былъ, о которомъ мнѣ, въ бытность мою тамъ, слышно было, что не съ малыми подарками отъ Шаха онъ отправлялся, а именно: будто пять сундуковъ золота, десять сундуковъ серебра. Ежели ваше величество соизволите вышерѣченные народы подъ свою область привратить, то надобно годную особу въ тотъ край послать съ частію войскъ регулярныхъ и нерегулярнаго, казаковъ Яицкихъ и Гребенскихъ, понеже оные казаки въ близости тѣхъ краевъ, и надѣюся, посланному войску большаго изнуренія не быть"...[178].

Послѣднее не сбылось: изнуреніе было большое и продолжительное. Перенесеніе терской базы на Сулакъ, къ самому подножью горъ, построеніе крѣпости Св. Креста и заселеніе казаками новой аграханской линіи, стоившее жертвъ и крови, а потомъ вдругъ движеніе вспять, отступленіе обратно на Терекъ и переходъ отъ наступательныхъ дѣйствій къ оборонительнымъ, измѣнили худой миръ въ добрую ссору, длившуюся до нашихъ дней. Это кавказская война, начало которой справедливо относить къ первой четверти прошлаго, а не нынѣшняго столѣтія. Но еслибы даже считать ее отъ первыхъ движеній русскихъ ратей въ Дагестанъ, отъ походовъ Бутурлина и Плещеева, то все-таки лѣтописцу гребенскаго войска придется сказать, что русскіе люди этого войска были передовыми и безсмѣнными ея бойцами, несли ее на своихъ плечахъ отъ начала до конца. Держась, по отношенію къ кавказской войнѣ, въ предѣлахъ нашей задачи, мы считаемъ своимъ дѣломъ показать только, какъ вліяла она на жизнь гребенскихъ казаковъ, какія ставила

условія этой жизни и какую давала ей обыденную обстановку.

Проѣзжаетъ русскій человѣкъ по кизлярской дорогѣ, идущей вдоль лѣваго берега Терека, и видитъ большія русскія села, окопанныя рвомъ, обнесенныя земляным валомъ и плетневымъ тыномъ съ терновой оторочкой поверху; въѣзды и выѣзды загораживаются рогатками, затворяются воротами, покрашенными по форменному военному рисунку; надъ воротами стоятъ на четырехъ столбахъ вышки и на нихъ часовые. Это гребенскіе казачьи городки или потеперешнему станицы. А тамъ, за рѣкой, обозначаются темными массами, съ бѣлѣющими надъ ними клубами дыма, еще какія-то жилища: то мирные аулы, крайніе этапы немирныхъ горцевъ. Между аулами и станицами пролегаетъ горная рѣка, постоянно мѣняющая свой уровень: то она возвышается и заграждаетъ переѣзды, то падаетъ и открываетъ свои заставы—броды по отмѣлямъ [179]. Кавказская война распредѣлила роли между сторонами аульною и станичною такимъ порядкомъ, что первой отвела нападеніе, а послѣдней оборону и защиту. Терекъ управляетъ ходомъ кровавой игры; отъ него зависитъ дать отдышку или обострить борьбу. Терекъ бурлитъ, казакъ лежитъ; Терекъ молчитъ, казакъ не спитъ. Какой-то голосъ говоритъ ему: „не спи, казакъ, во тьмѣ ночной—чеченецъ ходитъ за рѣкой“. Онъ подвяжетъ себѣ кожаные мѣха (тулуки) подъ мышки, переплыветъ рѣку въ полномъ вооруженіи и подкрадется кровожадной гіеной къ станичному выгону. Вотъ почему жизнь въ линейной казачьей станицѣ сжата, скучена до крайности. Въ ней укладывается не только домашнее, но и все полевое хозяйство казака. Въ ней ночуетъ, а когда по линіи тревожно, то и днюетъ весь станичный скотъ. Съ захожденіемъ солнца, и люди и четвероногія—все убирается подъ защиту станичной ограды. Ite domum, hesperus venit, ite capellae. Въ опустѣломъ полѣ тихо и осторожно про-

ѣдетъ вооруженный, закутанный въ бурки и башлыки, ночной разъѣздъ, да проскачетъ почта, окруженная лихимъ конвоемъ. Да тамъ же, около рѣчнаго берега, заляжетъ невидимкой ночной секретъ, а не то старый станичный охотникъ - отвага засядетъ лѣсную тропу, чтобъ на утренней зарѣ срѣзать звѣря. Про него, должно быть, сказана храбрая пословица: волка бояться, и въ лѣсъ не ходить. Но вотъ ужь прошла ночь, наступилъ день; однакожъ никто изъ станицы не выѣдетъ и скота не выгонитъ, пока не придутъ утренніе разъѣзды и не объявятъ, что опасности не предвидится. Но предвидѣть ее также трудно, какъ и перемѣну погоды; назвать день благополучнымъ можно было только ввечеру. Въ силу такого правила, казакъ ни въ какую работу и ни въ какую поѣздку не отправлялся безъ оружія, даже домашній покой вкушалъ онъ въ полной, можно сказать, походной формѣ, подъ опекой оружія, державшагося на чеку, во всегдашней исправности. Когда казачки шли работать въ сады, казаки-подростки (старымъ было некогда) провожали ихъ съ ружьями и охраняли женскія работы, занявъ сторожевые посты по высокимъ деревьямъ. Внизу раздавалась дѣвичья пѣсня, а вверху виталъ бодрый духъ малолѣтковъ, рано сложившихся для боеваго дѣла. Но неподатливость на свычку съ опасностью и долговременное напряженное соблюденіе осторожности возможны только для натуръ боязливыхъ, къ которымъ не принадлежитъ разбитная натура русская; ей свойственно пренебреженіе опасностью, шибокъ на авось, а оттуда одинъ только шагъ до расплоха. Бывали расплохи и по волѣ, и по неволѣ, а чеченцы изъ всѣхъ горцевъ обладали преимущественнымъ искусствомъ ими пользоваться. Благородные адыги оставляли за собой пальму превосходства въ открытомъ рыцарскомъ бою, а мичкизамъ лохмотникамъ, то есть чеченцамъ, незнавшимъ какъ почистить и надѣть кольчугу, презрительно предоставляли первенство въ

засадахъ и за заваломъ. Дѣйствительно это были настоящіе шакалы и гіены въ дѣлѣ засадъ и внезапныхъ нападеній. При малѣйшемъ расплохѣ со стороны своихъ станичныхъ противниковъ, они выростали изъ земли, мгновенно производили рѣзню и хватали добычу: отгоняли скотъ и лошадей, уводили дѣтей и женщинъ; чего нельзя было увлечь, то разрушали, истребляли, но рѣдко зажигали сѣна и хлѣба въ полѣ. Въ темныя ночи подползали они вдвоемъ, втроемъ подъ самые городки, вырѣзывали кинжалами, безъ шума, прорѣхи въ плетневой оградѣ и похищали быковъ и коровъ изъ самыхъ закутъ. На такія продѣлки особенно были способны и неутомимы абреки — отпѣтые въ своихъ аулахъ люди, изгои и бездомовники. При всякомъ вторженіи или при замѣченной попыткѣ ко вторженію непріятеля, висѣвшій у съѣзжей станичной избы, по теперешнему станичнаго правленія, колоколъ звонилъ сполохъ и мгновенно вскипала тревога. Для тревоги не было урочнаго часа ни днемъ, ни ночью; она прерывала всякую работу и заботу, прерывала горе и радость, пиръ и пѣсню, плачъ и ссору, и сплетню, и пріятельскую бесѣду, и праздничную молитву въ часовнѣ. Тревога вмѣшивалась во всѣ отправленія жизни, нерѣдко портила жизнь, разрушала молодыя, едва расцвѣтшія надежды. Но здѣсь историческая проза должна отойти назадъ,—прослушаемъ нѣсколько вдохновенныхъ строфъ природнаго гребенскаго поэта-казака, нашего современника *).

Я во садикъ собиралась,
Головку чесала,
Въ косу длинную свою
Ленту заплетала.

*) Это уроженецъ станицы Червленой, командиръ лейбъ-гвардіи Терскаго казачьяго эскадрона собственнаго Е. И. В. конвоя, ротмистръ Парфеній Терентьевичъ Кулебякинъ. За стихотворенія собственнаго сочиненія, въ патріотическомъ духѣ, удостоился подарковъ отъ Государя Императора, Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича и Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны.

Я, холодною водой
Личко умывала,
Спускомъ матушки моей
Щечки притирала.

Я шириночку свою
Въ згибѣ расправляла
И атласный мой кафтанъ
Млада надѣвала.

Я съ подчернею петли
Цѣпью застегала,
Широкіе рукава
Длиннѣй выпускала.

Я кораллы съ жемчугомъ
На шею вздѣвала
И припончки на нихъ
Ручкой расправляла.

Чулки стрѣльчаты мои
Да я надѣвала
И въ чувячки дороги
Ножки обувала.

Я рабочее бѣлье
Сама собирала,
Старо платьице свое
Въ узелокъ вязала.

Я мотыженку мою
Сама наточила,
Никого-то я о томъ
Млада не просила.

Во садочикъ я пшла
Скорою ходою,
Я не чуяла млада
Земли подъ собою.

Я рабочій узелокъ
Въ подмышкѣ держала,
Отъ мотыженьки моей
Устали не знала.

Во садочикъ я пришла,
Платьеце скорѣй сняла
И рабочій свой нарядъ
Млада надѣвала.

Я батистовымъ платкомъ
Личко закрывала,
Виноградные листки
Къ щечкамъ прилѣпляла.

Я мотыженьку брала,
Травушку полола,
Все сударушка ждала,
Дружечка милаго.

Сердце-жъ чуяло мое,
Вѣщунья злодѣйка:
Не увидитъ онъ меня
Моя соловейка.

Слышу выстрѣлы вдали,
Сердце такъ заныло:
Боже, живъ-ли дорогой?
Въ глазахъ зарябило.

Я вернулася домой
Позднею порою...
Поплатился мой родной
Своей головою [180].

Тревога вызывала побѣжку станичнаго резерва—потрясающую музыку, высшимъ аккордомъ которой была погоня. Погоня неслась за Терекъ, большею частію, на одинъ перегонъ добраго коня. Прекращалась она обыкновенно у праваго берега Сунжи, въ верхней части ея теченія, гдѣ возможны уже броды, а за бродами дремучіе чеченскіе лѣса. Если не всегда, то и нерѣдко, погоня отбивала полонъ и добычу; но случалось и то, что она нарѣзывалась на непріятельскую засаду въ большихъ силахъ, и какъ отступленіе на усталыхъ лошадяхъ было бы равносильно гибельному бѣгству, то приходилось спѣшиться и биться или до прибытія подмоги, или... до послѣдняго человѣка. Такими битвами не на животъ, а на смерть, полны боевыя лѣтописи кавказскаго казачества. На эти невѣдомыя міру побоища не смотрѣли, какъ на хвастливые наполеоновскіе легіоны, сорокъ вѣковъ, но въ нихъ сказывались тотъ

духъ и та сила, какія присущи военному устройству, согласованному съ семейнымъ и общиннымъ союзомъ. Здѣсь открывался штандтпунктъ крѣпчайшей въ свѣтѣ военной организаціи. Бывали примѣры, что отсталые люди погони, видя товарищей, стиснутыхъ уже со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ непріятельскимъ скопищемъ и имѣя возможность укрыться незамѣченными, вмѣсто того, чтобъ искать этого возможнаго спасенія, бросались въ непріятельскую облаву, чтобъ прорубиться и испить одну чашу съ братьями одностаничниками.

Случались погони и въ такомъ родѣ, какъ учитъ великій знатокъ русской природы, Крыловъ: „Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надо полукавить“. Приведемъ примѣръ изъ служебно-оффиціальнаго источника. Въ прекрасное майское утро, молодой казакъ станицы Новогладковской выѣхалъ съ женою въ свой садъ на работу. Не успѣлъ онъ отпречь воловъ изъ арбы, какъ изъ кустовъ раздался выстрѣлъ и раненый гребенецъ повалился на землю. Вслѣдъ за тѣмъ шайка абрековъ выскочила изъ чащи, схватила раненаго казака, взяла его жену и быковъ и подалась къ Тереку на бродъ. Работавшій въ сосѣднемъ саду казакъ Василій Дохторовъ угадалъ по луску чеченскій выстрѣлъ и по обычаю, вошедшему въ плоть и кровь, поспѣшилъ къ мѣсту происшествія. Увидѣвъ здѣсь порожнюю арбу и брызги крови, смекнулъ въ чемъ дѣло и побѣжалъ слѣдомъ по лѣсу, поднимая крикъ на разные голоса, чтобъ показать хищникамъ будто въ погонѣ много людей. Когда онъ добѣжалъ до берега, чеченцы успѣли уже подвязать себѣ тулуки и спуститься съ добычею на воду. Преслѣдующій сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ и, выхвативъ шашку, тоже бросился за ними въ воду, продолжая кричать: сюда, братушки, за мной! Абреки дались въ обманъ, выпустили изъ рукъ полонъ и добычу и поспѣшили убраться на свою сторону. Взваливши раненаго одностаничника къ себѣ на плечи, а женѣ его сунувъ въ руки на-

лыгачъ быковъ, Дохторовъ явился съ этимъ тріумфомъ въ станицу и былъ привѣтствованъ какъ Юлій Цезарь, въѣзжающій побѣдителемъ въ Римъ, а послѣ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена [181]. Награда дорогая, но еще дороже была слава, какую давало общественное мнѣніе родной станицы, съ придачею поздравительной родительской чапуры.

Въ направленіи погони запоздавшей, когда непріятель успѣлъ уже скрыться изъ виду, много значило вѣрно схватить простывшій слѣдъ и въ немъ прочесть такія или другія показанія, а особенно разгадать вопросъ о численной силѣ вражеской шайки. Горцы были неистощимы въ изворотахъ замять, порознить, запутать свой слѣдъ, а казаки, въ свою очередь, изощрялись въ навыкѣ открывать и толковать его. Нельзя не сказать, что пріобрѣтаемый въ домашней школѣ навыкъ по этой части бывалъ имъ въ большую пригоду, когда доставалось исполнять передовую службу при арміяхъ во внѣшнихъ войнахъ.

Иногда обстоятельства погони складывались такъ, что казаки, сдѣлавъ крайній перегонъ до геркулесовыхъ столбовъ на верхней Сунжѣ и не имѣя уже надежды возвратить свою потерю, хватали первую попавшуюся подъ руку добычу на непріятельской землѣ и съ нею отходили назадъ къ Линіи. Тогда собирался новый непріятель и въ свою очередь дѣлалъ за ними погоню. Тѣснимые этой обратной погоней, казаки искали опереться на мирные аулы и тутъ-то обнаруживалось все безсиліе и даже предательство послѣднихъ въ линейной борьбѣ. Въ ночь на 2-е апрѣля 1810 года, сильная шайка чеченцевъ прорвалась между постами Долгинскимъ и Ищорскимъ и, углубившись въ степь на восемнадцать верстъ, произвела убійства и захватила плѣнъ, но, открытая тревогою, поворотила шибко назадъ. Червленскій старшина Фроловъ, съ тремя другими старшинами и 86 казаками, настигъ ее на обратной переправѣ, но задержать

не могъ. Шайка перебралась за Терекъ, увлекая съ собою одного казака съ двумя дѣтьми. Фроловъ также перешелъ за Терекъ и гналъ за хищниками до береговъ верхней Сунжи, гдѣ они и разсѣялись по лѣсамъ. Полонъ остался не отбитымъ, но за то преслѣдующіе захватили чеченское стадо, ходившее по лѣсной опушкѣ, и съ этой добычей начали отступленіе. Поднялась тревога по ауламъ и за отступавшими увязалась чеченская погоня, увеличивавшаяся численно съ часу на часъ. Когда казаки были уже близко къ Тереку, число преслѣдующихъ чеченцевъ возросло до тысячи человѣкъ. Тѣснимый превосходнымъ непріятелемъ, Фроловъ занялъ оборонительное положеніе около мирнаго аула князя Бамата Бековича, стоявшаго на берегу противъ Червленой станицы, и просилъ помощи изъ аула, но оттуда ни одна живая душа не вышла, не смотря на то, что Баматъ Бековичъ носилъ чинъ маіора. Помощь пришла изъ станицы, откуда выбѣжало все способное носить оружіе, и старики и малолѣтки. Фроловъ не выпустилъ изъ рукъ чеченской добычи и блистательно отразилъ непріятельскіе натиски, потерявъ убитыми четырехъ казаковъ служилыхъ, двѣнадцать отставныхъ, двухъ малолѣтковъ, и ранеными трехъ есауловъ, а именно двухъ братьевъ Фроловыхъ же и третьяго Тиханова, да трехъ казаковъ; кромѣ того, при отступленіи, отхвачены были два казака, вѣроятно, раненые. Бой продолжался семь часовъ. Добыча казачьей погони состояла изъ 450 головъ рогатаго скота и 5 лошадей [182].

Изъ приведеннаго эпизода можно видѣть, что станица была не только населеннымъ мѣстомъ, но и военнымъ резервомъ. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, станичный резервъ составлялся изъ сотни, полусотни, а иногда и изъ меньшаго числа строевыхъ служилыхъ людей, смотря потому, сколько этихъ людей уходило въ отряды, дѣйствовавшіе противъ горцевъ впереди Линіи [183]. При станичныхъ резервахъ находились и части ихъ

конной артиллеріи, не особенно, какъ мы видѣли, блестящей. Очевидно, что при большой тревогѣ подобный резервъ не много могъ бы сдѣлать, еслибы къ нему не присоединялось все, что было способнаго въ станицѣ владѣть оружіемъ. Между станицами, какъ связующія ихъ звѣнья, стояли посты, въ недальнихъ одинъ отъ другаго разстояніяхъ. Это были небольшія плетневыя крѣпостицы съ вышками, на которыхъ ставились часовые, и съ какой-нибудь мазанкой или шалашемъ для отдыха постовыхъ казаковъ. На границѣ не строй свѣтлицы. На эти невзрачные притоны отряжалось небольшое число людей, отъ пяти до десяти человѣкъ на каждый. Гребенское войско содержало болѣе тридцати такихъ постовъ, которые вмѣстѣ съ станицами составляли въ системѣ общей линіи гребенскую кордонную дистанцію, на протяженіи девяноста верстъ [184]. Наиболѣе уязвимый былъ участокъ между станицами Шадринской и Новогладковской: здѣсь насчитывалось двѣнадцать бродовъ, самыхъ удобныхъ для вторженій хищниковъ *). Назначеніе постовъ было наблюдательное и извѣщательное. Днемъ наблюденіе съ вышекъ, а ночью въ секретахъ, разставляемыхъ по берегу линейной рѣки въ скрытныхъ мѣстахъ противъ бродовъ и вылазокъ. Ночной секретъ былъ громоотводъ въ системѣ линейной обороны. Открытая имъ на самой переправѣ хищническая шайка обыкновенно поворачивала назадъ и невсегда безъ потери. Опытные абреки, предъ переправой дѣлали намазъ на берегу Терека, молили аллаха и пророка, чтобы миновать секретъ. Много онъ не сдѣлаетъ, но разстроитъ предпріятіе, наилучше задуманное. При большихъ тревогахъ посты покидались, оставались совершенно пустыми, и занимавшіе ихъ люди спѣшили примкнуть къ своимъ резервамъ. Надобно было сосредоточиваться, чтобы противопоставить сколько-нибудь

*) Подробное описаніе гребенской кордонной дистанціи см. въ примѣч. 184. См. также приложеніе VI.

плотную силу многолюднымъ шайкамъ вторгавшагося непріятеля. Вторженія многолюдными скопищами случались при большомъ упадкѣ воды въ Терекѣ, открывавшемъ широкіе броды, а еще чаще въ морозные зимы, когда Терекъ покрывался льдомъ и совсѣмъ отказывался служить преградой для быстрыхъ натисковъ, какъ бы говорилъ обѣимъ сторонамъ: ну, теперь подеритесь хорошенько,—мѣшать не стану. Въ подобныхъ случаяхъ горцы, оттѣсняя постовые караулы, разрушали и самые посты. Такъ, при нападеніи трехтысячнаго скопища, съ развернутыми значками, подъ предводительствомъ Шуаипъ-Муллы и Джаватъ-хана, на станицу Старобачевскую, въ январѣ 1841 года, были сожжены посты нанизъ отъ станицы Шадринской: Ищорскій, Сунжинскій, Крыушинскій и Новоучрежденный. За что храбрый командиръ Гребенскаго полка, маіоръ Веневровскій, отплатилъ непріятелю жестокимъ пораженіемъ, отбросивъ его съ малыми силами вспять на Терекъ, гдѣ ледъ не сдержалъ столпившейся массы и много горцевъ потонуло [185].

Сбираясь на Линію въ большихъ силахъ, горцы задавались обыкновенно чудовищными предположеніями погромить до основанія станицы, смести казаковъ съ лица земли и пройти до Дона, гдѣ былъ уже по ихъ міросозерцанію, конецъ Руси. Сборы свои на такія предпріятія старались дѣлать они въ глубокой тайнѣ, но отличающая ихъ болтливость и чрезвычайная страсть къ вѣстямъ и новостямъ часто выдавали тайну; кордонные начальники узнавали объ угрожающей опасности отъ первостепенныхъ представителей указанныхъ качествъ—лазутчиковъ. Лазутчики, встарину „прикормленные люди“, всегда выдѣлялись изъ самихъ же готовящихся къ походу горцевъ, и это ремесло столько же было въ ихъ нравахъ, какъ и вѣстовщичество вообще. Эти ночныя птицы играли немаловажную роль въ линейной борьбѣ, какъ и вообще въ горной кавказ-

ской войнѣ, хотя въ дѣйствительности это было оружіе обоюдуострое, которымъ не всякій умѣлъ пользоваться. Бывали однакожъ вѣрные на обѣ стороны лазутчики, которые и русскимъ не лгали, и землякамъ въ минуту боя не лукавили. Услуги такихъ своеобразно честныхъ людей оплачивались не низкой цѣной. Такъ, при нападеніи четырехтысячнаго скопища чеченцевъ, подъ предводительствомъ Ахверды-Магома, на малолюдную Наробочевскую станицу 27 декабря 1840 года, лазутчикъ получилъ отъ начальника лѣваго фланга Линіи, генерала Ольшевскаго, пятьдесятъ червонцевъ за доставленіе вѣрнаго извѣстія, которое помогло, принятыми во время мѣрами, спасти станицу. Спѣша съ этимъ извѣстіемъ, честный лазутчикъ загналъ коня, за котораго выдано ему особо пятьдесятъ серебряныхъ рублей [186] *). По вѣстямъ лазутчиковъ то и дѣло скакали по постамъ нарочные съ цидулами (открытыми листами), которыя предостерегали объ угрожающемъ набѣгѣ горцевъ и сбывались нерѣдко съ такой же точностью, какъ предсказанія Мартына Задеки. Своихъ пластуновъ для этого, какъ на нижней Кубани, на терской линіи не было.

За то, до взятія „казачьихъ мѣстъ“ на правой сторонѣ Терека подъ чеченскія поселенія, гребенскіе казаки, бывши хозяевами линейной рѣки, посылали свои разъѣзды на тотъ берегъ, откуда шелъ непріятель, и чрезъ это имѣли возможность заранѣе открывать непріятельскія движенія на Линію, по крайней мѣрѣ, въ большихъ массахъ. Но, оставшись обладателями одного только берега и одной половины рѣки, они должны были испытывать большія неудобства въ наблюденіи за непріятельскою стороною. Лѣса и кустарники, покрывавшіе оба берега на значительныхъ протяженіяхъ, затрудняли движеніе разъѣздовъ, которые въ военномъ

*) На вознагражденіе лазутчиковъ начальнику лѣваго фланга Линіи отпускалось отъ казны 3.000 р. въ годъ.

дѣлѣ тоже, что ревизія и контроль въ гражданскомъ, да и самыя наблюденія съ постовыхъ вышекъ имѣли слишкомъ тѣсный кругозоръ. Любопытна переписка по этому предмету между командовавшимъ войсками на Кавказской Линіи, генераломъ Вельяминовымъ и начальникомъ сунжинскаго кордона (которому подчинялся и гребенской), подполковникомъ Пулло. Послѣдній, на сдѣланныя ему замѣчанія о частыхъ прорывахъ горцевъ между гребенскими станицами, представлялъ такое объясненіе (отъ 1-го іюля 1835 г., № 41, изъ крѣпости Грозной): „Чтоже касается до причинъ случающихся часто въ дистанціи Гребенскаго казачьяго полка подобныхъ произшествій, доложить честь имѣю, что сіе происходитъ ни отъ чего другаго, какъ отъ мѣстоположенія, имѣющаго всѣ удобства укрываться хищникамъ. Начиная отъ станицы Щедринской, внизъ по Тереку, до станицы Старогладковской и далѣе, оба берега Терека усѣяны частымъ и мѣстами даже непроходимымъ лѣсомъ, изобилующимъ еще частѣйшими кустарниками и полевымъ виноградникомъ. На всемъ семъ пространствѣ и въ особенности на лѣвомъ берегу, даже нѣтъ тропинки у самаго берега, которою бъ можно было проходя осматривать слѣды прокрадывающихся хищниковъ. Устроенные посты въ чащѣ лѣса не могутъ обозрѣвать далѣе какъ на самое ближайшее разстояніе вкругъ себя, а посылаемые съ оныхъ разъѣзды наблюдаютъ не надъ самымъ берегомъ Терека, гдѣ ни проѣхать, ни пройтить невозможно, а по дорогамъ, въ лѣсу, на довольное разстояніе отъ берега проложеннымъ; слѣдовательно вся бдительность въ такомъ разѣ остается безполезною. Хищники, знающіе таковое мѣстоположеніе, малыми партіями удобно прокрадываясь правымъ берегомъ, не будучи никѣмъ замѣчены, съ наступленіемъ ночи, съ помощію бурдюговъ (тулуковъ) переплываютъ на лѣвый берегъ; а здѣсь скрывшись или подъ самымъ берегомъ, или же прокравшись далѣе въ лѣсъ, находятся въ оном

даже понедѣльно, выжидая вѣрной добычи; такъ что случается одному вооруженному казаку проѣзжать мимо укрывающихся двухъ-трехъ злодѣевъ, они пропускаютъ его безвредно, дабы не открыть себя и не сдѣлать тревоги, въ надеждѣ пробраться къ какой-либо станицѣ и напасть на беззащитныхъ въ садахъ или въ полѣ работающихъ. Пробравшись такимъ образомъ къ жильямъ и замѣтивши гдѣ-либо въ маломъ числѣ упражняющихся въ работахъ, бросаются на нихъ и въ мигъ увлекаютъ въ чащу лѣса, гдѣ съ оными также скрываются иногда по суткамъ и болѣе, потомъ переправляются на противную сторону, выбирая самое удобное къ тому мѣсто. Всѣ поиски въ подобныхъ случаяхъ безполезны, ибо чаща лѣса препятствуетъ открывать слѣды похитителей и преслѣдовать ихъ, а заросшіе также весьма частымъ лѣсомъ и кустарниками берега не представляютъ и малѣйшихъ средствъ оцѣпить ихъ. По симъ причинамъ устроенные на пространствѣ отъ Щедрина до Старогладковской станицы посты, подкрѣпляемые резервами, въ станицахъ находящимися, при всей бдительности своей и при неусыпномъ командующаго онымъ полкомъ, ротмистра графа Стенбока надзорѣ и участвованіи въ розыскахъ хищниковъ, остаются въ невозможности пересѣчь тайныхъ прорывовъ мошенниковъ и лишить ихъ средствъ продолжать свои хищничества“.

На этомъ объясненіи генералъ Вельяминовъ написалъ собственною рукою: „Изъ этого донесенія видно, что ни подполковникъ Пулло, ни графъ Штейнбокъ не разумѣютъ какъ должно охранять кордонъ. Есть ли густые лѣса способствуютъ чеченцамъ скрываться, то не менѣе того способствуютъ скрывать и наши караулы. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы умѣть пользоваться мѣстоположеніемъ; иначе всякое мѣсто будетъ въ пользу непріятеля. Густота лѣса препятствуетъ разъѣздамъ по берегу Терека, препятствуетъ тамъ видѣть прокрадывающіяся партіи; кто же мѣшаетъ ставить секретные

караулы въ опушкахъ лѣса, обращенныхъ въ степь, кто мѣшаетъ посылать разъѣзды не по берегу Терека, но вдоль означенныхъ опушекъ, въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи“ [187].. Кончилось, однакоже, тѣмъ, что должны были вырубать лѣса и кустарники по обоимъ берегамъ, чтобъ дать больше свѣта закрытой мѣстности.

Къ неудобствамъ мѣстности присоединялись еще другаго рода неудобства, въ одну сторону отъ мирныхъ горцевъ, обитавшихъ впереди, а въ другую, отъ еддышкульскихъ ногайцевъ, кочевавшихъ въ тылу Линіи. Извѣстную уже намъ характеристику первыхъ генералъ Ермоловъ дополнялъ такимъ объясненіемъ во всеподданнѣйшемъ донесеніи своемъ отъ 16 марта 1821 года: „Водвореніе горскихъ народовъ въ здѣшнемъ краѣ, допущенное по неосмотрительности близъ границы, представляетъ имъ всегда удобный случай продолжать вредныя для жителей здѣшнихъ связи съ горцами, которые въ своихъ хищническихъ набѣгахъ находятъ у нихъ пристанище, а нерѣдко и помощь“ [188]. Что же относится до ногайцевъ, то это были свои люди и тѣмъ хуже было, что и изъ нихъ являлись предатели. Кочевники эти занимались извозомъ, служили пастухами и работниками у казаковъ и другихъ поселянъ, а потому хорошо знали всѣ изгибы мѣстности, заслоненной отъ горцевъ казачьимъ кордономъ *). Сильнѣе другихъ по этой части были, конечно, конокрады, лучшіе, какъ извѣстно, топографы въ свѣтѣ. Люди этого ремесла, во всѣ времена присущаго пастушескому быту, попадали нерѣдко въ такое положеніе, что должны были спасаться отъ кандаловъ и тюрьмы бѣгствомъ къ непокорнымъ горцамъ. Тамъ они якшались съ самыми отчаянными чеченскими абреками и водили ихъ шайки на русскую сторону. Съ

*) Въ Моздокскомъ и Кизлярскомъ округахъ Кавказской Области обитали пять ногайскихъ племенъ: Карапоган, Еддышкулы, Ачикулакъ-Джембойлуки, Еддыганы и Трухмены. Народонаселеніе этихъ племенъ простиралось до 21.330 душъ.

такими вожаками абреки рыскали иногда по недѣлямъ въ тылу Линіи и совершали злодѣянія даже въ дальнихъ мѣстахъ, гдѣ никто не могъ ихъ ожидать. Такъ, въ ноябрѣ 1838 года, небольшая шайка изъ 27 человѣкъ, подъ предводительствомъ ногайскаго конокрада Юнуса, переправившись незамѣченною чрезъ Терекъ въ гребенскомъ кордонѣ, около Новогладковской станицы, пробралась къ рыболовнымъ ватагамъ на берегу Каспійскаго моря, погромила промышленное селеніе Черный Рынокъ, захвативъ однихъ денегъ до сорока тысячъ рублей золотою и серебрянною монетою, побывала на Кумѣ и на астраханской дорогѣ, произвела еще нѣсколько убійствъ и грабежей въ степи, наконецъ схватила четырехъ армянскихъ купцовъ, ѣхавшихъ съ Нижегородской ярмарки въ Моздокъ не съ пустыми, конечно, карманами, и уже на двѣнадцатыя сутки, ночью, подошла обратно къ Тереку съ богатой добычей и полономъ. Около Червленской станицы она нарѣзалась на секретъ, который отбилъ ее отъ брода и принудилъ искать переправы вплавь. По тревогѣ, поднятой секретомъ, залетная шайка была преслѣдуема даже за Сунжу, при чемъ вся почти добыча отбита, купцы освобождены и два абрека взяты въ плѣнъ. Изъ подробностей, разсказанныхъ этими сорвиголовами, замѣчательно, вопервыхъ, что когда хищники, подъѣхавъ къ Черному Рынку, встрѣтили ровъ съ подъемнымъ мостомъ, который былъ поднятъ, то назвались казаками, чему караульный мужикъ спроста повѣрилъ и опустилъ предъ ними мостъ, а во вторыхъ, что, укрываясь по цѣлымъ днямъ среди буруновъ (песчаныхъ холмовъ) и въ балкахъ караногайской степи, они получали отъ добродушныхъ ногайцевъ хлѣбъ, барановъ и посуду для приготовленія горячей пищи, а плѣннымъ купцамъ препоручали подуванить, то есть разсчитать между ними по равной части награбленные червонцы и карбованцы, въ томъ числѣ и взятые у самихъ счетчиковъ, потому что полудикіе абреки

не знали счета деньгамъ, принимали за деньги одно серебро и золото, а ассигнаціи отдавали своимъ марушкамъ на выкройки [189].

О подобныхъ происшествіяхъ производились обыкновенно слѣдствія съ цѣлью дознать, какой разъѣздъ или секретъ былъ виновенъ въ пропускѣ хищниковъ чрезъ кордонъ незамѣченными; но всѣ слѣдствія приводили къ одному выводу, что казаковъ на Линіи было недостаточно для совершеннаго загражденія хищническихъ прорывовъ. Это была плотина, для упроченія которой не доставало еще многихъ и многихъ слоевъ насыпи. Генералъ Ермоловъ признавалъ вообще силы Кавказскаго корпуса недостаточными, высказывая въ одномъ изъ сообщеній своихъ Начальнику Главнаго штаба, „что безпрерывные труды и занятія войскъ въ здѣшней странѣ несоразмѣрны тому количеству людей, на коихъ возлежатъ оные“ [190]. Что же собственно относится до мѣстныхъ линейныхъ казаковъ, то въ высшихъ правительственныхъ сферахъ существовали два противоположныя мнѣнія: одно, военное, за усиленіе казачьяго линейнаго населенія причисленіемъ къ нему гражданскихъ селъ, а другое, финансовое, противъ увеличенія казачьяго элемента, какъ непроизводительнаго, не приносящаго плодовъ для государственнаго казначейства. Послѣднее мнѣніе какъ бы говорило: всякое дерево, не приносящее финансоваго плода, посѣкается. Но въ томъ-то и дѣло, что дерево посѣкалось, а все-таки приносило сколько-нибудь финансоваго плода: мы видѣли это, когда шла рѣчь о повинностяхъ. Совершенное безплодіе немыслимо, когда живые корни лежатъ въ землѣ, а не въ казармѣ. Поэтому сама сила вещей давала перевѣсъ военному мнѣнію, и два гражданскія поселенія на лѣвомъ берегу Терека, Шелкозаводское и Паробочевское, заведенныя съ цѣлью развитія шелководства, на которомъ правительство одно время сильно настаивало, были въ 1832 году обращены въ казачье

званіе съ причисленіемъ къ округу гребенскихъ станицъ. Въ первомъ изъ этихъ поселеній состояло 234, а въ послѣднемъ 72 души муж. пола жителей, частью грузинъ, а большею частью армянъ, вышедшихъ изъ персидской области Гиляни еще въ царствованіе Петра Великаго. Въ ту же эпоху или немного позже, при городкѣ Новогладковскомъ составилась слободка изъ грузинъ, выбѣгавшихъ изъ плѣна отъ лезгинъ и другихъ дагестанскихъ горцевъ. Долгое время выходцы эти не принадлежали ни къ какому сословію, не несли никакой службы и, разбогатѣвъ, обзавелись холопами, пріобрѣтенными покупкою изъ за Терека, а нѣкоторые даже присвоивали себѣ титулы грузинскихъ тавадовъ (дворянъ) и князей. Въ 1824 году они были зачислены въ казаки и вошли въ составъ населенія Новогладковской станицы въ числѣ 70 душъ мужскаго пола *). Увидимъ чрезъ нѣкоторое время, что вѣсы еще болѣе должны будутъ наклониться на сторону военнаго мнѣнія, когда кавказская война положитъ на нихъ тяжелый мечь Бренна [119].

Къ сказанному же теперь добавимъ, что терская, какъ и вообще вся кавказская линія, подкрѣплялась донскими полками и регулярной пѣхотой съ артил-

*) Начало Шелкозаводскому селенію, нынѣшней Шелкозаводской или Шелковской станицѣ, положилъ выходецъ изъ Гиляни, армянинъ Сарафъ, предложившій Петру Великому основать на Терекѣ шелковый заводъ. Для этого ему отведена была земля между гребенскими городками и предоставлено право засѣлять эту дачу подобными же выходцами, въ качествѣ вольныхъ работниковъ,—изъ чего и составился поселокъ «Сарафанниковскій». Потомки Сарафа искали поработить себѣ вольныхъ поселенцевъ и самую колонію обратить въ свое владѣніе на крѣпостномъ правѣ. Долгое время велось это дѣло тяжебнымъ порядкомъ и кончилось тѣмъ, что поселеніе, признанное вольнымъ, обращено въ станицу. Подобную исторію имѣло и селеніе Паробочевское. Обращенное въ станицу съ ничтожнымъ числомъ жителей, армянъ, оно не имѣло продолжительнаго существованія въ этомъ новомъ званіи и, при изданіи положенія о Кавказскомъ Линейномъ войскѣ въ 1845 г., станицы Паробочевской уже не встрѣчается.

леріей, особенно въ зимнее время, когда дѣйствующія войска размѣщались по квартирамъ. Донскіе казаки приходили на хорошихъ лошадяхъ и нерѣдко ихъ теряли: бывали случаи, что эти добрые кони переходили въ руки горцевъ съ плохо оберегаемыхъ пастьбищъ. И недиво, когда казна половину года не отпускала на нихъ никакого фуража; гусарскіе полки, пока ихъ посылали на Линію, не всегда избѣгали той же участи, хотя ихъ кони держались въ лучшей холѣ, не обрекались на подножный кормъ. Вообще же, какъ везло донцамъ въ бѣдовой линейной службѣ, лучше всего свидѣтельствуетъ одна ихъ заунывная пѣсня:

На линіи было на линеюшкѣ,
На славной было на сторонушкѣ,
Тамъ построилась новая редуточка;
Во той ли во редуточкѣ стояла командушка,
Что донская команда казацкая.
А ужь во командушкѣ приказнымъ былъ Агурѣевъ сынъ.
За недѣлюшку у Агурѣева сердечушко не чуяло,
За другую стало сказывать,
Какъ за третію за недѣлюшку вѣщевать стало;
Наѣхали гости незваные, непрошеные,
Стали бить и палить во редуточку
И повыбили всю командушку казацкую;
Агурѣевъ сынъ ходитъ-похаживаетъ,
Свои бѣлыя ручушки поламливаетъ,
Буйной головушкой покачиваетъ:
Вы сами, ребятушки, худо сдѣлали,
Не поставили караула, сами спать легли.
Не бывать намъ, ребятушки, на тихомъ Дону,
Не видать намъ, ребятушки, своихъ женъ, дѣтей,
Не слыхать намъ, казачушки, звону колокольнаго [132].

Что до регулярной пѣхоты и пѣшей артиллеріи, то онѣ помогали линейнымъ казакамъ при открытыхъ нападеніяхъ горцевъ большими силами; гоняться же за летучими шайками было не ихъ дѣло: орелъ мухъ не

ловитъ *). При всемъ томъ, въ продолженіи прошлаго столѣтія и долго еще въ нынѣшнемъ, пока не выработались у казаковъ свои офицеры, начальствованіе надъ кордонными участками поручалось регулярнымъ пѣхотнымъ офицерамъ. Чаще всего встрѣчались въ этихъ званіяхъ маіоры,—чинъ, въ которомъ не знаютъ куда себя дѣвать, изъ котораго желаютъ скорѣе выдти. Поручая кордоны маіорамъ, думали крѣпче держать казаковъ при своихъ постахъ, но невсегда это строго осуществлялось. Такъ напримѣръ, въ приказѣ генерала Сталя 2-го „въ войска, на Кавказской Линіи расположенныя“, отъ 21 марта 1819 года (№ 10), читаемъ:

„По слѣдствію произведенному открылось, что Суздальскаго пѣхотнаго полка маіоръ Угоницѣловъ, завѣдывая Овечебродскою кордонною дистанціею, отпускалъ съ постовъ казаковъ, за что оные наносили ему на постахъ сѣна тридцать пять стоговъ, да съ отлучныхъ казаковъ удержано для него и имъ получено провіанта одинадцать четвертей. За каковой поступокъ онъ, Угоницѣловъ, въ примѣръ другимъ, преданъ военному суду, о чемъ отъ господина Корпуснаго Командира, генерала отъ инфантеріи и кавалера Ермолова всеподданнѣйше донесено и увѣдомленъ Аудиторіатскій Департаментъ. Извѣщая о семъ войски, состоящія въ командѣ моей, рекомендую гг. кордоннымъ командирамъ строго наблюдать, дабы таковыхъ безпорядковъ впредь не могло быть, а гг. штабъ и оберъ-офицерамъ, завѣдывающимъ дистанціями и находящимся на постахъ, подтверждаю исполнять въ точности обязанности службы и, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности, не отпускать съ постовъ казаковъ для собственной пользы“ [193].

Приказъ съ подобными подтвержденіями не былъ первый, не былъ и послѣдній. Домашнія нужды казака слишкомъ близко и тѣсно соприкасались съ мѣстными его служебными обязанностями, чтобъ отъ послѣднихъ

*) Aquila muscas non capit.

не урывалось чего-нибудь въ пользу первыхъ. Но нельзя не замѣтить, что у служилыхъ односумовъ существовалъ хорошій обычай „обслуживать“ другъ друга, то есть наличнымъ товарищамъ брать на себя служебныя очереди и тягости отсутствующихъ. Благодаря такому обычаю, безъ сомнѣнія, существовавшему еще на Червленомъ Яру, и волки были сыты, и козы болѣе или менѣе цѣлы. Командующіе войсками на Линіи издавали инструкціи для отправленія кордонной службы, но подобными регламентаціями трудно было уловить или предусмотрѣть безчисленныя случайности неправильнѣйшей въ свѣтѣ войны, такъ что лучшими инструкціями въ концѣ концевъ оставались опытъ, сметка, добросовѣстность, и закаленное мужество линейныхъ бойцовъ. Превосходнѣйшимъ ихъ качествомъ, можно даже сказать инстинктомъ, было слетаться дружно на выстрѣлъ, кто откуда и чей конь сильнѣе. Подобная лихость мало зависитъ отъ уставныхъ правилъ. Впрочемъ, правила, преподанныя генераломъ Вельяминовымъ въ приказѣ отъ 30 марта 1832 года (№ 7), долгое время считались лучшимъ служебнымъ руководствомъ на кордонахъ *). Мы должны воспроизвести здѣсь этотъ документъ на память грядущимъ поколѣніямъ кавказскихъ казаковъ. „Усилившіяся на Кавказской Линіи въ послѣдніе годы хищничества“—говоритъ Вельяминовъ въ приведенномъ приказѣ — „заставляютъ думать, что безпечность частныхъ по кордонамъ начальниковъ даетъ большія къ тому удобства; въ отвращеніе чего на будущее время, предписываю къ непремѣнному исполненію слѣдующее. На постахъ имѣть непремѣнно предписанное число казаковъ. Отъ постовъ выставлять нетолько на ночь, но и днемъ секреты, гдѣ мѣстополо-

*) Военный министръ кн. А. И. Чернышевъ сообщалъ командиру отд. кавк. корпуса барону Розену отъ 26 мая 1832 г. (№ 756), что Государь Императоръ Николай Павловичъ «изволилъ найти распоряженія генер.-лейт. Вельяминова, въ приказѣ № 7 изъясненныя прекрасными».

женіе позволяетъ. Мѣста секретовъ измѣнять почаще; на ночь выставлять ихъ тогда, какъ уже смеркнется, а на день предъ разсвѣтомъ, чтобы непріятель не могъ видѣть, гдѣ оные разставляются. Во время дня имѣть отъ каждаго поста на возвышенномъ мѣстѣ, нарочно для сего устроенномъ, часовыхъ. На ночь постъ можетъ иногда совсѣмъ расходиться по секретамъ; но это дѣлать не часто и такъ, чтобы непріятель никакъ замѣтить сего не могъ. Къ утру же по крайней мѣрѣ часть казаковъ должна возвратиться на постъ до разсвѣта. Посты повѣрять каждый день ближайшимъ оныхъ начальникомъ и строго взыскивать за всякую неисправность. Кордоннымъ начальникамъ осматривать посты, каждому по своему кордону, сколь возможно чаще, не имѣя на то постоянно опредѣленнаго времени, дабы посты, ожидая ихъ безпрестанно, находились во всегдашней исправности и были постоянно бдительны. Каждый постовой начальникъ обязанъ всякое утро объѣзжать охраняемыя постомъ его мѣста и если найдетъ малѣйшую причину подозрѣвать гдѣ нибудь проѣздъ хищниковъ, то немедленно по слѣдамъ дѣлать поискъ. Если во время дня или ночи замѣчена будетъ гдѣ-нибудь хищническая партія, то немедленно давать знать сосѣдственнымъ постамъ и резервамъ. Преслѣдуя хищниковъ, употреблять всевозможное стараніе къ истребленію или поимкѣ оныхъ. Хищники, послѣ сдѣланнаго ими грабежа, нерѣдко скрываются въ степяхъ и выжидаютъ, чтобы происшедшая отъ хищничества тревога окончилась и посланныя для розысканія и преслѣдованія хищниковъ команды возвратились въ свои мѣста. Для сего нужно, чтобы въ случаѣ хищничества поиски продолжались нѣсколько дней сряду и нетолько въ окрестностяхъ того мѣста, гдѣ происшествіе случилось, но и на нѣкоторое отъ онаго разстояніе, по всѣмъ направленіямъ, ибо хищники, какъ извѣстно, почти никогда не возвращаются тѣми мѣстами, коими пріѣхали, но бро-

саются въ какую-нибудь другую сторону. Отъ резервовъ, находящихся въ станицахъ, посылать разъѣзды по различнымъ направленіямъ и въ различное время дня и ночи, такъ чтобы непріятель никакъ не могъ примѣниться, гдѣ и когда можетъ онъ встрѣтить наши войска. Отъ постовъ, на коихъ число казаковъ довольно значительно, посылать такимъ же образомъ разъѣзды отъ времени до времени. Хищники, встрѣчаясь съ разъѣздомъ, который сильнѣе ихъ партіи, не рѣдко сказываются мирными. Въ такихъ случаяхъ начальники разъѣздовъ обязаны подробно распрашивать кто они такіе, откуда, куда и зачѣмъ ѣдутъ. Если въ отвѣтахъ ихъ найдется что-нибудь подозрительное, если сверхъ того замѣчено будетъ, что они искали скрываться, ѣхали не по дорогѣ, но степью и скрытными мѣстами, въ такомъ случаѣ брать ихъ и представлять къ начальству; если же станутъ сему сопротивляться, то дѣйствовать оружіемъ, какъ противъ непріятеля. Въ казачьихъ полкахъ станичные начальники обязаны наблюдать, чтобы на ночь ни овцы, ни рогатый скотъ, ни лошади не оставались въ полѣ, но чтобы все загонялось въ станицу засвѣтло, немедленно по захожденіи солнца. Еще болѣе наблюдать должно, чтобы люди, особливо женщины и дѣти, были въ означенное время въ домахъ своихъ. По утрамъ овецъ, рогатый скотъ и лошадей выпускать изъ станицы тогда, какъ совершенно ободняетъ. Особенно нужно наблюдать сію предосторожность въ случаѣ тумана, и тогда, прежде выгона изъ станицы табуновъ и стадъ, непремѣнно объѣхать окрестныя мѣста и хорошенько осмотрѣть ихъ. Въ каждой станицѣ имѣть на ночь караулъ, отъ коего ставить часовыхъ на углахъ станичной ограды, за которою нѣтъ уже казачьихъ домовъ Если гдѣ случится разстояніе между углами велико, то посединѣ ставить еще одного часоваго или болѣе, смотря по надобности. На въѣздахъ имѣть не менѣе какъ по десяти человѣкъ

караула. Выѣзды должны быть заперты отъ вечерней зари до утренней. Караулы въ станицахъ должны содержать отставные казаки, не старѣе шестидесяти лѣтъ, и малолѣтки не моложе шестнадцати лѣтъ. Около станицъ дѣлать объѣзды два или три раза въ продолженіи ночи, смотря по долготѣ оной. Для объѣздовъ не назначать постояннаго времени, дабы не могло быть извѣстно когда именно разъѣзъ будетъ высланъ. Станичный атаманъ долженъ ежедневно, послѣ вечерней зари, приказывать о семъ тайно начальнику, который наряженъ будетъ въ разъѣдъ. Сей послѣдній обязанъ доносить станичному атаману, всякій разъ какъ сдѣлаетъ объѣздъ о томъ, что во время объѣзда замѣчено будетъ, дабы въ случаѣ надобности немедленно взять приличныя мѣры для отраженія или для преслѣдованія хищниковъ. Въ объѣзды наряжать казаковъ изъ резервовъ, которые въ каждой станицѣ находятся. Въ случаѣ же недостаточнаго въ оныхъ числа людей, или какой-нибудь временной откомандировки, наряжать для объѣздовъ отставныхъ казаковъ и малолѣтковъ, какъ сказано выше о караулахъ. Если случится похищеніе лошадей или скота въ станицѣ или вблизи оной, безъ насилія со стороны хищниковъ, то въ семъ случаѣ, явно свидѣтельствующемъ объ оплошности казаковъ, за все украденное будетъ взыскиваться съ имѣнія станичнаго атамана. Полковой командиръ и кордонный начальникъ подвергаются подобному же взысканію, если похищеніе случится въ той станицѣ, гдѣ тотъ или другой лично въ то время находился. Начальники разныхъ участковъ Кавказской Линіи назначатъ число караульныхъ, кои въ каждой станицѣ нужны, и мѣста для часовыхъ. Во время полевыхъ работъ, если мѣсто пашни или сѣнокоса случится слишкомъ далеко отъ станицы, такъ что проѣздъ взадъ и впередъ потребуетъ много времени, которое для работъ теряется въ такихъ случаяхъ, дозволять казакамъ оставаться на ночь на мѣстахъ пашни

или сѣнокоса. Въ подобныхъ обстоятельствахъ должно наблюдать, чтобы казаки выходили на работу непремѣнно вооруженные, чтобы ихъ было вмѣстѣ не менѣе пятидесяти человѣкъ, кои днемъ, во время работы, могутъ раздѣляться по своимъ участкамъ; для отдыха же и на ночь должны сходиться всѣ въ одно мѣсто, сгонять туда же рабочій скотъ и лошадей и во всю ночь имѣть отъ себя бдительныхъ часовыхъ. Одинъ изъ казаковъ каждой партіи долженъ быть начальникомъ. Въ сію временную должность назначать расторопнѣйшаго и храбрѣйшаго. Тогда хищники не осмѣлятся напасть на подобную партію, или, въ случаѣ нападенія, встрѣтятъ столь сильный отпоръ, что не покусятся въ другой разъ на подобное предпріятіе. Въ случаѣ значительнаго скопища непріятелей, которое могло бы напасть на какую-нибудь станицу или селеніе, начальникъ того участка Кавказской Линіи, который наиболѣе угрожается, долженъ снять всѣ мелкіе посты, соединить казаковъ значительными массами и дѣйствовать по обстоятельствамъ. Въ сихъ случаяхъ полезнѣе всего высмотрѣть непріятеля посредствомъ разъѣздовъ, узнавать заблаговременно о движеніяхъ его черезъ лазутчиковъ, стараясь скрыть собственныя свои движенія и намѣренія, и атаковать его прежде нежели онъ успѣетъ что-либо предпринять. Если значительное непріятельское скопище войдетъ въ границы наши, то первая казачья партія или постъ, который замѣтитъ его, долженъ немедленно идти издали по слѣдамъ его, не спуская съ глазъ, тотъ часъ дать знать ближайшимъ во всѣ стороны войскамъ и каждый часъ посылать извѣстія какъ войскамъ, такъ равно въ ближайшія станицы и селенія о направленіи, по коему идетъ непріятель. Наблюдающіе такимъ образомъ за непріятелемъ казаки должны слѣдовать за нимъ издали, дабы безполезно не подвергнуться опасности, но ни подъ какимъ видомъ не должны однакоже терять его изъ глазъ. Мелкіе посты, близъ кото-

рыхъ будетъ проходить сильное непріятельское скопище, должны сходить заблаговременно съ занимаемыхъ ими мѣстъ и давать знать о непріятелѣ ближайшимъ войскамъ, станицамъ и селеніямъ, и слѣдовать за нимъ, какъ сказано выше, продолжая извѣщать о немъ отъ времени до времени всѣхъ ближайшихъ начальниковъ войскъ и всѣ мѣста, кои будутъ угрожаемы опасностію“ [194].

Въ приведенномъ приказѣ первымъ пунктомъ поставлено требованіе имѣть на кордонахъ предписанное число казаковъ. Для достиженія этого, командующіе войсками на Линіи посылали время отъ времени офицеровъ своего штаба, которые должны были повѣрять личные составы на постахъ по росписаніямъ; но нелегкое дѣло было производить переклички и учеты при многосторонних и непрерывныхъ расходахъ людей съ постовъ во всѣ часы дня и ночи. Надобно сказать, что, помимо прямаго своего назначенія, казачьи кордоны несли обязанности карантинной стражи, возили курьеровъ и нарочныхъ, конвоировали государственныя почты и эстафеты, скакали за разными коммисіонерами съ денежными суммами и за всякимъ ѣдущимъ по службѣ чиновникомъ, а вдобавокъ отбывали еще особую военно-почтовую повинность подъ наименованіемъ летучей почты. Нескончаемыя гонки, при подножномъ кормѣ, доводили казачьихъ лошадей до такого изнуренія, что нерѣдко лишали ихъ способности состязаться съ свѣжими скакунами абрековъ. По поводу тягостей одной только летучей почты генералъ Ермоловъ писалъ командующему войсками на Линіи, въ ноябрѣ 1821 года: „Проѣзжая до Владикавказа, узналъ я, что весьма часто съ Линіи отправляются бумаги по летучей картѣ, такъ что случается въ сутки по три и даже по четыре раза отряжать конвой, отъ чего стоящія на постахъ команды изнуряются. Противъ сего взяты мѣры въ Тифлисѣ и в. пр-ву поручаю распорядиться, чтобы всѣ бумаги,

изъ Георгіевска и чрезъ него отправляемыя, предъявляемы были въ вашемъ дежурствѣ и никто прямо отъ себя не имѣлъ бы права посылать оныя; особенно воздержите провіантскихъ чиновниковъ. Вообще, въ сутки не болѣе одного раза могутъ по летучей картѣ отправляемы быть бумаги, развѣ встрѣтится что-либо чрезвычайное, требующее скорѣйшаго разрѣшенія“ [195]. Подобные приказы обыкновенно оставались мертвою буквою, наравнѣ съ мѣропріятіями къ сокращенію канцелярской переписки, проникавшейся нерѣдко излишнимъ рвеніемъ надписывать на конвертахъ „экстренное“ и „весьма нужное“.

Обязанности карантинной службы заключались въ непропускѣ чрезъ кордонную линію ни людей и никакихъ вещей изъ за Терека, помимо карантинныхъ учрежденій, которыхъ было очень немного и тѣ въ крайне плохомъ состояніи [196]. Карантинныя правила особенно строго должны были выполняться въ періоды развитія чумы въ затеречномъ краѣ. Но бывали случаи, что казаки прежде другихъ принимали вещи отъ залинейныхъ сосѣдей и первые дѣлались жертвою заразы. Въ ноябрѣ 1815 года, генералъ-маіоръ Дельпоццо доносилъ главноуправляющему въ Грузіи, генералу Ртищеву, что зараза проникла на Линію именно такимъ путемъ, и при этомъ, высказывалъ замѣчаніе: „Сколько грубая и дикому только народу свойственная привычка въ казакахъ жертвовать собою изъ пустой какой-либо корысти можетъ быть причиною внесенія въ границы заразы, столько и крайность особенно здѣшнихъ линейныхъ казаковъ вынуждаетъ нѣкоторыхъ на сей поступокъ, погубный собственно для дерзкаго и вообще для всего края: всѣ казачьи войска другой годъ не получаютъ фуража; казаки должны содержать и себя, и лошадей своихъ изъ одного жалованья, состоящаго изъ двѣнадцати рублей въ годъ; многіе лишились оныхъ и по бѣдности не въ состояніи замѣнить ихъ другими; многія изъ самыхъ достаточныхъ

семействъ раззоряются, потому что нѣтъ никого въ домахъ для поддержанія хозяйства, кромѣ стариковъ и малолѣтныхъ“ [197].

Генералъ Ермоловъ вѣрно взвѣшивалъ непомѣрную тягость линейной службы казаковъ и заботился облегчить ее, если не прямыми, то косвенными мѣрами. Одною изъ такихъ мѣръ были подвижныя колонны, которыми главнокомандующій разсчитывалъ держать непріятеля въ постоянномъ страхѣ за свои стада и жилища и меньше думать о нападеніяхъ на Линію. Для этого выдвигались не особенно сильные отряды пѣхоты съ артиллеріей и съ нѣсколькими сотнями казаковъ впередъ Линіи. „Отрядъ“, по предписаніямъ главнокомандующаго, „не долженъ долгое время оставаться на одномъ мѣстѣ, но быть весьма подвижнымъ, служа подкрѣпленіемъ посылаемымъ отъ себя по разнымъ направленіямъ казачьимъ партіямъ, которыя, имѣя въ семъ подпору, тѣмъ смѣлѣе могутъ дѣйствовать. Партіи имѣютъ одинъ предметъ: отогнаніе табуновъ, и перестрѣлками не хвастать. Успѣхъ предпріятія будетъ зависѣть наиболѣе отъ продолжительнаго пребыванія отряда на землѣ злодѣевъ“ [198].

Вообще, лучшей мѣрой облегчить линейную оборону Ермоловъ считалъ наступательныя дѣйствія противъ горцевъ, занятіе новыхъ опорныхъ пунктовъ въ ихъ землѣ, отнятіе пастьбищъ и полей, потрясеніе въ самомъ корнѣ земледѣльческаго и пастушескаго ихъ хозяйства, чтобъ не сказать матеріальнаго благосостоянія, котораго никогда въ горахъ не было. Въ этомъ отношеніи онъ далеко расходился съ программой политики, предписанной графу Зубову предъ открытіемъ персидской кампаніи со стороны Дагестана въ 1796 году: „Не заниматься покореніемъ народовъ, оружіемъ неукротимыхъ и отъ сотворенія міра не признававшихъ ничьей власти; неважные грабежи ихъ презирать, противъ коихъ полезнѣе умножать собственныя предосто-

рожности и оными наказывать дерзающихъ, чѣмъ отмщать цѣлому народу за грабежи нѣсколькихъ хищниковъ и возбудить противъ себя взаимно отмщеніе цѣлаго народа, а трудными походами въ ущельяхъ терять людей напрасно, тратить время и одерживать побѣды безполезныя“ [199].

Трудно себѣ представить, подъ какой невыносимый гнетъ подпалъ бы осѣдлый казачій кордонъ, если бы наказаніе хищническихъ дерзостей дѣйствительно было предоставлено одной собственной его предосторожности, безъ всякой реакціи. Дѣло въ томъ, что партизанская линейная война не ограничивалась неважными грабежами, а принимала нерѣдко такіе размѣры, что цѣлыя племена соединялись, произносили присягу на общность враждебнаго дѣйствія и шли на Линію открытою силою. Предотвращать подобныя нашествія можно было только наступательнымъ образомъ дѣйствій. Воздержная политика, предписанная графу Зубову, не имѣла поэтому послѣдствій, также какъ и начатая имъ персидская кампанія, въ которой были участниками и гребенскіе казаки. Наступательныя дѣйствія въ связи съ линейною обороною являлись настоятельною необходимостью еще ранѣе второй половины прошлаго столѣтія; долгое время предпринимались они, такъ сказать, спорадически, по разрѣшеніямъ Военной Коллегіи, а съ ермоловской эпохи получили мало по малу систематическое развитіе особенно въ восточной части Сѣвернаго Кавказа.

Гребенскіе казаки принимали участіе во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ не только за Терекомъ, но и за Кубанью. Въ дѣйствовавшихъ за этой послѣдней рѣкой отрядахъ, въ 1769 году, генералъ-маіора Медема, и въ 1788 генерала-аншефа Текели, они составляли съ терскими семейными и терскими кизлярскими казаками отдѣльную часть и оказывали блестящія отличія, изъ которыхъ упомянемъ объ одномъ 26 сентября 1788 года, на рѣкѣ Убинѣ. Въ этой мѣстности, генералъ Текели, двигав-

шійся по закубанской сторонѣ отъ Лабы къ Анапѣ, имѣлъ горячее дѣло съ соединенными силами черкесъ и турокъ, предводимыхъ пашей Аджи-Мустафой, и нанесъ непріятелю жестокое пораженіе. Гребенцы съ терцами, подъ начальствомъ подполковника султана Селимъ-Гирея, овладѣли однимъ турецкимъ знаменемъ и получили въ добычу множество адыгскихъ панцырей [200]. Въ 1791 году они находились при взятіи крѣпости Анапы и обратили на себя особенное вниманіе генерала Гудовича молодецкими спѣшиваніями и мѣткой стрѣльбой. Во всеподданнѣйшемъ донесеніи своемъ Императрицѣ Екатеринѣ II-й отъ 7 ноября 1791 года Гудовичъ отзывался объ нихъ въ такихъ словахъ: „Гребенскіе казаки отмѣнно храбрые, хорошо стрѣлять умѣющіе и для здѣшняго горскаго края полезны; можно оныхъ почесть конными егерьми. Они и въ прошедшій походъ подъ Анапой вездѣ себя особливо отличали“ [201].

Весною 1802 года генералъ-лайтенантъ Кноррингъ, отправляясь въ присоединенную къ имперіи Грузію, для установленія въ ней правительственнаго порядка, взялъ съ собою отрядъ линейныхъ казаковъ изъ семи сотъ человѣкъ, въ составѣ котораго находился и гребенской контигентъ. Отрядъ этотъ сопровождалъ Кнорринга при произведенномъ имъ тогда обозрѣніи страны до самыхъ персидскихъ границъ. Съ тѣхъ поръ постоянно уже высылался на службу въ Грузію сборный пятисотный полкъ линейныхъ, въ томъ числѣ и гребенскихъ, казаковъ [202]. Вмѣсто всякихъ другихъ подробностей о казачьей службѣ въ древней Иверіи, предоставимъ сказать немного словъ донской казачьей пѣснѣ:

Воздалече было, воздалеченьки,
Въ чистомъ полѣ,
Какъ и росъ, выросталъ тамъ сырой дубъ;
Подъ тѣмъ-то было, подъ сырымъ дубочкомъ,
Росла трава зеленая.
Какъ на травушкѣ разостланъ ковричекъ,

На томъ-то ковричкѣ сидятъ
Три братца родные,
Три донскіе казака.
Какъ старшій братъ въ звончатыя гусли играетъ,
Средній братъ гуслямъ пѣсню припѣваетъ,
А третій грузинску сторону прославляетъ.
А лихая ты злодѣйка
Грузинская сторона:
Безъ вѣтру и безъ вихорю
Изсушила молодца,
Присушила черныя кудерцы
Ко буйной головѣ,
Вынула кровь-румянецъ
Съ мово бѣлаго лица,
Заставила добра молодца
Пѣшимъ ходить,
Руки въ пазушкѣ носить[203].

Вслѣдствіе военной необходимости, распредѣляя свой служилый составъ между линейной обороной, между экспедиціями кавказской войны и внѣшними кампаніями, гребенское войско высылало малыя части, сотни, въ составъ сводныхъ линейныхъ казачьихъ полковъ, участвовавшихъ въ персидской и турецкой войнахъ 1826—1829 годовъ, а потомъ и въ польской кампаніи 1831 года. Но эти малыя части ознаменовывали себя прекрасными дѣлами на театрахъ большихъ войнъ, особенно въ Азіи, и далеко разносили военную славу кавказскихъ казаковъ. Графъ Паскевичъ-Эриванскій настолько оцѣнилъ ихъ боевыя качества, что, по отозваніи его съ Кавказа въ Варшаву, испросилъ распоряженіе, чтобы одинъ сводно-линейный казачій полкъ (по составу равносильный дивизіону*) постоянно находился на службѣ при дѣйствующей арміи. Отъ этого полка неотлучно состоялъ конвой при главнокомандующемъ, сопровождавшій его во всѣхъ выѣздахъ. Отъ той же части, въ 1832 году, сформированъ конвой при Его Ве-

*) Штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 10, урядниковъ 15 и казаковъ 200.

личествѣ, блаженной памяти Государѣ Николаѣ Павловичѣ, въ составѣ 1 сотника, 1 хорунжаго, 4 урядниковъ и 24 казаковъ [204]. На перемѣну этой команды, въ слѣдующемъ году, набранъ отъ всѣхъ линейныхъ казачьихъ частей второй комплектъ. Впослѣдствіи оба комплекта преобразованы въ составъ эскадрона, которому присвоены служебныя преимущества старой гвардіи.

Въ томъ же 1832 году всѣ поселенныя на Кавказской Линіи казачьи части составили одно кавказское линейное казачье войско. Гребенское и другія малыя войска приняли названіе полковъ [205]. За доблестное участіе въ турецкой войнѣ 1828 и 1829 гг. и за отличія, оказанныя въ то же время въ дѣлахъ противъ горцевъ, Гребенскому полку всемилостивѣйше пожаловано было знамя, по полученіи котораго полкъ ходатайствовалъ объ освященіи новаго трофея храброй службы по старообрядческому церковному чину. Генералъ Вельяминовъ, уступая этому ходатайству, писалъ командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса, барону Розену, отъ 2 марта 1833 года (№ 837). „Казаки не отказываются исполнить должныя правила при освященіи знамени нашимъ духовенствомъ, но не менѣе того просятъ объ исходатайствованіи разрѣшенія освятить имъ знамя, по ихъ обряду. Просьба ихъ болѣе основывается на томъ, что они, удостоясь заслужить высокомонаршую милость, при освященіи всемилостивѣйше пожалованнаго имъ знамени, не могутъ съ полнымъ чувствомъ благоговѣнія исполнить всѣ священные для нихъ обряды, при семъ случаѣ долженствующіе совершиться, коль скоро будетъ служить духовенство наше, и что они при семъ по необходимости наружно только должны будутъ показывать то усердіе въ молитвахъ своихъ, которыми они хотѣли бы торжественно возблагодарить Бога за столь высокую милость, оказанную имъ Государемъ Императоромъ, и подъ священнымъ знаменемъ его снова повторить клятву въ непоколебимой вѣрности своему Государю и оте-

честву". Баронъ Розенъ былъ такого же мнѣнія и не желалъ отвѣчать отказомъ, но военный министръ сообщилъ ему высочайшую волю, чтобы знамя было освящено по господствующему православному обряду. Объ исполненіи этого дано было предписаніе командовавшему Гребенскимъ полкомъ, ротмистру графу Стенбоку и, по полученіи отъ него короткаго исполнительнаго донесенія, были потребованы подробныя свѣдѣнія: гдѣ именно исполнено было освященіе знамени, сколько находилось въ строю казаковъ, были ли при томъ старослужащіе и отставные казаки съ семействами и какъ они смотрѣли на освященіе. Графъ Стенбокъ донесъ, отъ 14 января 1834 года (№ 42), что освященіе знамени совершено было въ станицѣ Червленой чрезъ вызваннаго туда православнаго священника Шелкозаводской станицы Гавріила Егорова съ дьякономъ, и обрядъ происходилъ слѣдующимъ порядкомъ: „по прибивкѣ къ древку, знамя вынесено было съ церемоніею на площадь, посреди которой былъ устроенъ алтарь съ крестомъ и евангеліемъ; священникъ съ дьякономъ были уже въ готовности совершить священный обрядъ православной церкви. Кругомъ алтаря были выстроены въ карре 200 человѣкъ казаковъ, имѣя въ строю древнія знамена свои, припоминающія полку милости Великаго Петра, Елизаветы I-й и Екатерины II-й. Безъ изъятія всѣ жители станицы Червленой и пріѣхавшіе изъ другихъ станицъ жители тѣснились пестрыми толпами на площади и улицахъ и даже на крышахъ ближнихъ домовъ. Съ глубокимъ молчаніемъ и благоговѣніемъ казаки старообрядческіе слушали богослуженіе, послѣ котораго священникъ окроплялъ знамя священной водой, такъ же и казаковъ. Взявъ тогда священное знамя, я сталъ съ онымъ посреди карре и обратился къ казакамъ, говоря: да будетъ знамя сіе вамъ всегда припоминать милость отца-царя нашего, славу древняго войска вашего и непоколебимую преданность предковъ вашихъ къ

престолу и отечеству, и да позволитъ мнѣ Господь Богъ первому вкусить смерть подъ знаменемъ симъ за святыя дѣла царя и отечества. Сказавъ сіи слова, я понесъ знамя по рядамъ казаковъ; раздалось между ними громкое ура, повторяемое всѣми жителями; ружейные выстрѣлы оглашали крикъ душевнаго восторга, и пламя, возгорѣвшееся въ глазахъ сихъ потомковъ славныхъ казаковъ Ермака, явно выразило, что каждый изъ нихъ повторялъ присягу въ глубинѣ души своей служить вѣрою и правдою царю до послѣдней капли крови, какъ служили предки ихъ предкамъ царей. По приказанію моему, казаки сѣли на конь; предъ строемъ гордо возвышалось знамя, какъ залогъ милости царя и будущей славы полка, и съ церемоніею оно было возимо по всѣмъ улицамъ станицы. Воротясь на площадь, было позволено удалымъ казакамъ тѣшиться скачкою на коняхъ и пальбою, безъ которой сіи дѣти безпрестанной войны праздника не знаютъ. Закуски были приготовлены на многочисленныхъ столахъ и красное вино вездѣ въ кадушкахъ разставлено на площади. До глубокой ночи продолжался пиръ, на которомъ казаки, не зная обычая, просвѣщеніемъ установленнаго, но слѣдуя прямымъ чувствамъ дѣтей природы, пили чаще чѣмъ на церемоніальномъ обѣдѣ, за драгоцѣнное здоровье Царя и Наслѣдника его, возлюбленнаго атамана казаковъ, и за всю царскую фамилію“ [206].

Приведеннаго факта, кажется, достаточно, чтобъ видѣть въ истинномъ свѣтѣ либеральный характеръ гребенскаго раскола. Подобная терпимость людей секты обличаетъ ихъ гражданское развитіе. На это развитіе безспорно вліяла служба, ставившая ихъ въ самыя разнообразныя положенія. Въ этомъ отношеніи, какъ ни ограниченъ былъ войсковой составъ гребенцовъ, никогда не могли они сказать: наша улица тѣсна. Приведемъ старинный документъ, который покажетъ намъ, сколько разнородныхъ службъ отправляло это небольшое гре-

бенское войско, и сколько разнообразнаго опыта служилые люди его вносили въ свою среду, приходя со службы домой. Куда же тамъ сгущаться было сектантской атмосферѣ при столь оживленной подвижности общества. Въ 1775 году кизлярскій комендантъ, полковникъ Штендеръ, представилъ въ астраханскую губернскую канцелярію, при рапортѣ отъ 27 августа (№ 38), замѣчательно обстоятельную вѣдомость о гребенскомъ войскѣ, въ которой показаны поименно всѣ войсковые и станичные чины, съ служебными о каждомъ свѣдѣніями, проставлены противъ каждаго чина оклады хлѣбнаго и денежнаго жалованья и, между прочимъ, исчислены всѣ наряды людей отъ войска на внѣшнюю службу, независимо отъ мѣстной и главной службы кордонной. Отсылая любопытствующихъ прочесть этотъ документъ въ примѣчаніяхъ, возьмемъ изъ него одни служебные наряды въ 1774 году.

„По грамотѣ Государственной Военной Коллегіи положено служилыхъ казаковъ (безъ старшинъ) 469

Изъ того числа въ расходѣ:

При ротмистрѣ Батыревѣ въ Грузіи 11

Въ Большой Кабардѣ, при маіорѣ Таганове . 30

Для подкрѣпленія Моздокскаго селенія, съ перемѣною 30

На Кумскомъ форпостѣ, посмѣнно 30

Ниже устья рѣки Каргина, съ перемѣною, на обоихъ форпостахъ 12

До Азова посылаемы бываютъ 8

На астраханской почтѣ, въ Кизлярѣ 6

Въ Червленномъ, на учрежденной до Моздока почтѣ 6

Въ станицѣ, у сбору пошлинъ, за толмачей . 5

Въ Кизлярѣ, у кошенія камыша у Провіантъ-Коммисара Шамина съ перемѣною бываютъ . . 4

Въ Персію посылаемы бываютъ 8

Въ Кизлярѣ, на почтовомъ дворѣ, для возки писемъ 3
На перетаскѣ (?) въ караулѣ, съ перемѣною . 4
Въ войсковой канцеляріи на ординарцахъ . . 3
Въ станицахъ (небольшихъ отрядахъ) для разъѣздовъ при форпостахъ 30
Ниже Кизляра, на косѣ, съ перемѣною . . . 16
Ниже Кизляра, на еткалійскомъ форпостѣ, понедѣльно съ перемѣною 6
На кизлярскомъ форпостѣ, понедѣльно съ перемѣною 15
При чеченскомъ владѣльцѣ Расламбекѣ—Айдимировѣ бываетъ 5
Въ Большую Кабарду и за Кубань посылаемы бываютъ 5
Въ зимовой станицѣ, для пріема на войско годоваго денежнаго жалованья, ежегодно бываетъ . 11
Въ Курляндію, по требованіямъ господина генералъ-порутчика и кавалера Демедема, посылаемы бываютъ 10

Итого въ расходѣ . . 258

За расходомъ на лицо, здоровыхъ и больныхъ при войскѣ 211

Всего съ старшинами 500 человѣкъ".

На это число служилыхъ чиновъ производилось отъ казны въ годъ денежнаго жалованья 6.126 рублей, горячаго вина 70 ведръ, муки 3.100 четвертей, крупъ 187 четвертей 4 четверика, овса 3.000 четвертей, пороху 18 пудовъ 30 фунтовъ и свинцу тоже количество.

Помѣщенное въ концѣ комендатской вѣдомости примѣчаніе можетъ служить нѣкоторымъ объясненіемъ, почему гребенскіе казаки были хорошими стрѣлками; примѣчаніе это мы приводимъ здѣсь буквально: „Вышеписаннои получаемои порохъ и свинецъ, котораго въ годъ производитца на человека поодному ѳунту споловиною,

повсегдашнимъ посылкамъ вышеозъначенныхъ чиновъ и казаковъ вразныя горскія жилища для нужнейшихъ делъ, такожъ на заставы вкараулы и впротчіе командированіи, вслучае нападения отвыстреловъ по непріятельскимъ людямъ, отъ заряженіевъ и разряженіевъ ружеи и вслучаежъ переправъ чрезъ реки отмокроты, ктомужъ поздешнему пограничному месту показанные чины малолетныхъ детеи своихъ, чтобъ они ко оружеинои палбе обыкновенность имели, на обучение употребляется, и затемъ кдругому году востаткѣ того пороха и свинца небываетъ, которои по вышеписаннымъ обстоятелствамъ ежегодно производить надлежитъ“ [207].

За показанными выше раскомандировками, остававшіеся въ городкахъ служилые люди составляли наличную боевую силу войска для отраженія непріятельскихъ нападеній, и они же, по первому требованію, шли въ отряды, дѣлавшіе походы за Терекъ или въ другія залинейныя мѣстности.

Спустя почти полвѣка, въ ермоловское время, встрѣчаемъ документъ, изъ котораго видно, что въ гребенскомъ войскѣ къ 1 февраля 1818 года состояло по семейнымъ спискамъ всѣхъ пятидесятниковъ и казаковъ, служащихъ, отставныхъ и малолѣтнихъ, то есть всего мужскаго населенія, за исключеніемъ старшинъ или офицеровъ, 2.487 чел. Изъ этого числа находилось на службѣ: въ Грузіи 2 пятидесятника и 59 казаковъ, въ отрядѣ при Эндери 3 пятидесятника и 140 казаковъ, при крѣпостяхъ Преградномъ-Станѣ и Грозной 130 казаковъ съ 5 пятидесятниками, на кордонныхъ постахъ 9 пятидесятниковъ и 437 казаковъ, въ резервахъ при станицахъ 67 казаковъ съ 5 пятидесятниками, въ конвойныхъ командахъ по большому тракту 2 пятидесятника и 64 казака; всего нижнихъ чиновъ 923 человѣка. Цифры эти показываютъ, вопервыхъ, что нарядъ на службу превышалъ штатный строевой составъ войска (700 чел.), и во вторыхъ, что изъ каждыхъ трехъ душъ

мужескаго населенія на службу выходило болѣе чѣмъ одинъ человѣкъ [208].

Хотя гребенское войско, къ исходу третьяго столѣтія своего существованія, и получило наименованіе полка, но въ организаціи его ничего не измѣнилось съ новымъ наименованіемъ. Полкъ не имѣлъ способности выходить въ поле цѣлымъ своимъ составомъ, во первыхъ, потому что представлялъ изъ себя территоріальный постъ, котораго нельзя было ни на одну минуту сдвинуть въ сторону, и во вторыхъ, что численная сила его населенія не давала возможности организовать его въ двухъ или болѣе комплектахъ, изъ коихъ одинъ оставался бы на своемъ безсмѣнномъ посту, а другой выступалъ бы въ поле по востребованію *). Организація можетъ восполнять иногда недостатокъ людей, а люди замѣнять организацію. Послѣднее всегда принадлежало гребенскимъ казакамъ, богатымъ боевымъ опытомъ и одиночнымъ развитіемъ. Когда, при приказѣ военнаго министра отъ 2 мая 1838 года (№ 58), объявлены были правила для построеній и движеній казачьихъ полковъ, не исключая и кавказскихъ линейныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленъ нормальный шестисотенный составъ полковъ, то наказный атаманъ кавказскаго линейнаго войска объяснялъ начальнику штаба войскъ Кавказской Линіи: „По Кавказскому Линейному войску, къ приведенію въ исполненіе приказа военнаго министра сдѣлано только одно распоряженіе, что нижніе чины пріучаются къ поворотамъ ломаными частями фронта; всегдашнее раздробленіе полковъ по кордонамъ другаго исполненія до сего времени сдѣлать не дозволяло, и приведеніе казачьихъ полковъ въ точное число чиновъ противъ означеннаго приказа можетъ быть производимо только при собраніи сводныхъ полковъ для выкоманди-

*) Подробную вѣдомость о народонаселеніи гребенскаго войска въ эпоху переименованія его въ полкъ можно видѣть въ примѣч. 209. См. также приложеніе V.

рованія на внѣшнюю службу, потому что и народонаселеніе, и потребности пограничной службы въ полкахъ такъ различны, что въ теперешнее время уравнять оныхъ нѣтъ никакой возможности“ [210].

Всѣмъ извѣстно, что и не казачьи войска, дѣлавшія кавказскую войну, мало имѣли досуга для фронтовыхъ упражненій, которыя вытѣснялись непрерывными боевыми трудами и подвигами. Гребенскіе казаки были постоянными участниками въ этой достославной дѣятельности, смѣняясь отцы сыновьями, дѣды внуками. Встрѣчаемъ весьма мѣткое выраженіе въ донесеніи ротмистра графа Стенбока наказному атаману Верзилину отъ 3 марта 1835 года (№ 134): „Исторія походовъ на лѣвомъ флангѣ Кавказской Линіи есть и исторія походовъ гребенскихъ казаковъ, находящихся всегда частями въ составѣ всѣхъ дѣйствующихъ отрядовъ“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что о геройскихъ дѣлахъ гребенцевъ разскажутъ историки кавказской войны. Мы же взглянемъ еще разъ на внутреннюю ихъ жизнь—съ другой стороны.

XVI.

Какъ рушилось отжившее самоуправленіе и водворился новый порядокъ въ общественномъ быту гребенскаго войска.—Какъ жилось въ огороженныхъ станицахъ.—Какъ добывались работники и водилось куначество съ затеречными сосѣдями.—Въ какихъ чертахъ представляются народное образованіе, нравственность и матеріальное благосостояніе гребенского населенія въ эпоху появленія на Кавказѣ линейнаго казачьяго войска

Вольное русское казачество стародавняго времени, выбиваясь изъ подъ общегосударственнаго строя, отыскивая почвы внѣ предѣловъ этого строя, долгое время работало надъ созданіемъ такого общества, въ которомъ не было бы ни высшихъ ни низшихъ сословій, ни бояръ ни смердовъ, ни властителей ни подвластныхъ, которое состояло бы изъ людей одного общественнаго положенія, одного уровня и управлялось бы само собою безъ предпоставленной извнѣ власти. И былъ бы надъ нимъ одинъ Богъ на небѣ, одинъ царь на землѣ, и то въ далекой кременной Москвѣ. И къ одному только бы царю-батюшкѣ ходила на поклонъ вольная зимовая станица, и сказывала бы она боярамъ и воеводамъ: у насъ нѣтъ головъ, живемъ и служимъ своими головами и всѣ у насъ равны; а нашъ атаманушка только первый между равными: будетъ годиться—

будемъ ему молиться, не будетъ годиться—горшки имъ станемъ накрывать. Однимъ словомъ: казачество стремилось осуществить въ своей жизни, въ своемъ обществѣ идеалъ гражданскаго равенства и безусловнаго самоуправленія, вырастить въ дикомъ полѣ экзотическое зелье: нетронь—меня. Избравъ эмблемою равенства „кругъ“ безъ начала и конца, думало оно установить на этомъ основаніи соціальное равновѣсіе, не допускающее господъ и слугъ, спесивцевъ и низкопоклонниковъ, богачей и нищихъ и никакихъ такихъ соціальныхъ противоположностей, между которыми встаютъ зависть, ненависть, вражда и другія страсти. Но искомое равновѣсіе все какъ-то не держалось по данному указателю, общество шаталось безъ сторонней поддержки, а оттуда и самоуправленіе не шло ровнымъ правильнымъ порядкомъ. Прежде всего некуда было дѣть присущую человѣческой природѣ, если не алчность и стяжательность, то по крайней мѣрѣ тревожную заботу о завтрашнемъ днѣ, страхъ чернаго дня, побуждающій сбирать запасъ, имѣть больше чѣмъ сколько нужно для настоящей минуты. Присущее также человѣческой природѣ чувство справедливости плохо уживалось съ равенствомъ и дѣлало то, что въ самомъ дуванѣ общихъ казацкихъ добычъ оказывалось уже нарушеніе равенства имущественнаго: сильнѣйшимъ бойцамъ выдѣлялись лишніе паи противъ слабѣйшихъ. А за нарушеніемъ этого основнаго имущественнаго равенства неудержимо слѣдовало рѣзкое колебаніе и всей системы соціальнаго равновѣсія. Люди бережливые, воздержные, смышленые скопляли имущественный достатокъ и, чтобъ передать его наслѣдникамъ или завѣщать на монастырь для спасенія души, добивались порядка, въ равенствѣ неуживающагося,—между тѣмъ какъ люди противоположныхъ качествъ оставались буйной голытьбой и легко поддавались безтолковѣйшему безпорядью. Изъ неравномѣрности имущественнаго достатка возникала сама собою рознь

въ привычкахъ, вкусахъ и наклонностяхъ, потомъ являлось несходство въ образѣ жизни и въ самыхъ взглядахъ на вещи, а оттуда и самоуправленіе не приводилось къ одному общему знаменателю. Къ тому же старшинскій элементъ, котораго тоже некуда было дѣвать, который, какъ мы выше видѣли, создавался самой силой вещей, естественно не могъ оставаться въ тѣхъ же условіяхъ и отношеніяхъ, что и рядовое большинство. Лучшій изъ атамановъ Данилъ Ефимьевичъ Аука, наперекоръ правилу товарищества, выпрашиваетъ себѣ двѣ рыболовныя суводи и два плава, а другой атаманъ Иванъ Борисовъ ходатайствуетъ о производствѣ ему двойной дачи денежнаго и хлѣбнаго жалованья: большому-де кораблю большое и плаваніе. Въ самой глубинѣ рядоваго большинства, и тамъ у всякаго Филата своя въ головѣ палата; сколько страстей, столько желаній и направленій,—а когда надъ этимъ коловоротомъ нѣтъ нажима сверху, когда нѣтъ предержащей и направляющей власти—самоуправленіе не ладится, общее дѣло не спорится, вѣчевой кругъ идетъ на кулаки, по-русски. Казачество доказало это всей своей исторіей автономнаго періода и оставило поучительный урокъ утопистамъ, навязывающимъ разнузданному самоуправленію такія блага, какихъ не можетъ дать оно русскимъ людямъ. Не касаемся нѣмцевъ, которымъ, говорятъ, то здорово, что русскимъ несомнѣнно хворо. Видимъ только основаніе утверждать, что казачество имѣетъ право сказать не проходившимъ школу опыта утопистамъ: мы долго искали того, о чемъ вы проповѣдуете, искали труднымъ дѣломъ, тяжкимъ опытомъ и—не нашли.

Гребенское войско не могло составлять исключенія изъ общаго правила. Оставленное сму, какъ мы видѣли, при подчиненіи кизлярскимъ комендантамъ, внутреннее самоуправленіе не представляло изъ себя патріархальной идилліи. Главными недостатками его были распри и драки при обсужденіи житейскихъ дѣлъ въ станич-

ныхъ кругахъ, злоупотребленія отжившимъ правомъ убѣжища для людей бѣглыхъ и часто вредныхъ, безшабашный разгулъ, доводившій многихъ хозяевъ до обнищанія, шаткость брачныхъ союзовъ при отсутствіи церковнаго освященія, слабое уваженіе къ выборнымъ властямъ, а часто и обращеніе самыхъ выборовъ не на лучшихъ людей, преступленіе, выходитъ, гражданской заповѣди: не сотвори себѣ недостойнаго кумира; наконецъ имущественные захваты и самовольства во всѣхъ направленіяхъ, исключая, благодарить Бога, царской службы. Такой порядокъ или безпорядокъ внутренней жизни не укрылся отъ зоркаго глаза Ермолова. Относясь съ несомнѣннымъ доброжелательствомъ къ гребенцамъ, какъ передовымъ труженикамъ кавказской борьбы, онъ призналъ необходимымъ дать имъ болѣе удобный строй жизни на счетъ ихъ самоуправленія, всегда близко граничащаго къ олигархическому самоуправству и міроѣдству,—а какъ на нижней Кубани говорятъ—къ зажирательству,—и вообще къ раздѣленію на ся. Какъ глубоко русскій человѣкъ, онъ призывалъ на совѣтъ лучшихъ людей изъ этой старорусской гребенской среды и отъ нихъ выслушивалъ откровенно сказанную правду. Изъ такихъ совѣтныхъ людей назовемъ сына послѣдняго православнаго діакона въ Старогладковскомъ городкѣ, Филиппа Ивановича Тамазина, съ которымъ мы уже встрѣчались въ нашемъ бытописаніи; назовемъ также сильнаго въ словѣ божьемъ и учительнаго мужа Шадринскаго городка Данила Васильевича Абрамова, къ которому вся страна притекала, когда вставали вопросы, требовавшіе здравыхъ правдивыхъ рѣшеній; и наконецъ послѣдняго войсковаго атамана Федора Савельевича Зачетова, державшаго атаманскую насѣку съ послѣдняго десятилѣтія прошлаго столѣтія до ермоловской эры. Это былъ знаменитый вождь войска, гроза чеченцевъ, прославившійся лихими барантами въ горахъ и за блестящія военныя отличія получавшій именныя

монаршія благоволенія, жалованный чинами маіора и подполковника арміи. Надѣленный счастливыми способностями, онъ не остановился на библіи, но пошелъ дальше—изучилъ грамоту погражданскому и началъ служебное поприще станичнымъ писаремъ. (Мимо этой профессіи у казаковъ не шли прежде къ чинамъ). Въ такомъ скромномъ, но открывавшемъ дорогу званіи онъ посваталъ дочь у войсковаго атамана Сехина и получилъ гордый отказъ. Но юная гребеничка лучше умѣла оцѣнить достоинства будущаго войсковаго атамана и позволила себя выкрасть изъ высокаго отцовскаго терема. Въ темную осеннюю ночь, передъ Филипповымъ заговѣньемъ, она выпрыгнула изъ окошка къ ожидавшему ее внизу на боевомъ конѣ доброму молодцу Федору Савельевичу, но тотъ пропустилъ ее по темнотѣ мимо своихъ объятій и она, при паденіи на землю, вывихнула себѣ ногу,—что не помѣшало однако же ускакать ей съ своимъ возлюбленнымъ и составить, прихрамывая, счастіе его жизни.....

Выслушивая такихъ совѣтниковъ, генералъ Ермоловъ призналъ за благо устранить выборныя должности атамановъ, и какъ только подполковникъ Зачетовъ сошелъ въ могилу, онъ назначилъ войску гребенскому командира изъ регулярной кавалеріи съ предоставленіемъ ему права замѣнить покорныхъ міроѣдамъ и зажирателямъ станичныхъ атамановъ самостоятельными и отвѣтственными станичными начальниками изъ болѣе заслуженныхъ казачьихъ офицеровъ. Командиромъ войска былъ назначенъ въ 1819 году Александрійскаго гусарскаго полка ротмистръ Ефимовичъ, по прошествіи немногихъ лѣтъ полковникъ [211]. Дѣйствуя по наставленіямъ главнокомандующаго и въ добромъ совѣтѣ съ здравомыслящими старшинами, онъ успѣлъ въ непродолжительное время удалить непорядки, порожденные самоуправленіемъ, и на мѣсто ихъ поставить то благоустройство, создавать которое дано одной только, стоящей на вы-

сотѣ своего достоинства, власти. Казаки тѣмъ охотнѣе шли за указаніями новой войсковой власти, что разумно сознавали безсиліе и несостоятельность самоуправленія для русскихъ людей, какими они были. Въ выборѣ же исполнителей благихъ предначертаній тогдашній главный начальникъ края не дѣлалъ ошибокъ и умѣлъ поправлять таковыя своихъ предшественниковъ. Для управленія войскомъ Ефимовичъ имѣлъ обширное полномочіе, памятникомъ котораго остаются изданныя имъ въ 1820 году „постановленія, которыми станичные начальники и сотенные командиры во всякое время должны руководствоваться“. Постановленія эти чрезвычайно любопытны и мы не считаемъ лишнимъ познакомить съ ними читателя, а особенно носящаго голубой или красный бешметъ. Они показываютъ прежде всего, что въ эту глухую, отгороженную самоуправленіемъ и исповѣдной особностью, народную среду не проникали никакіе указы и циркуляры свыше, что въ ней царилъ на просторѣ народный обычай, способный изгибаться на всѣ лады по видамъ и проискамъ сродства, кумовства и хлѣбосольства, такъ что первому, заглянувшему въ эту глушь представителю государственной власти пришлось просто законодательствовать. Такой именно характеръ и носятъ ефимовическія постановленія, въ сокращеніи или въ текстѣ здѣсь представляемыя.

Для разбора житейскихъ станичныхъ дѣлъ они установляютъ три инстанціи: общій станичный сходъ, частный сходъ выборныхъ почетныхъ стариковъ и всерѣшающую власть командира войска. На общихъ станичныхъ сходахъ прочитываются всякіе приказы и предписанія и обсуждаются способы ихъ исполненія, происходятъ совѣщанія о дѣлахъ хозяйственныхъ и объ общественныхъ повинностяхъ; дѣлаются разбирательства ссоръ и распрей и принимаются мѣры къ ихъ умиротворенію, а въ случаѣ неуспѣха такихъ мѣръ, онѣ передаются на разсмотрѣніе почетныхъ стариковъ.

На станичныхъ сходахъ могутъ быть всѣ вообще обыватели станицы, но право голоса предоставляется только офицерамъ и тѣмъ изъ казаковъ, которые отличаются трезвой жизнью и безупречнымъ поведеніемъ. Остальные же присутствуютъ въ качествѣ безмолвныхъ зрителей и только тогда могутъ говорить, когда будутъ спрошены по какому-нибудь дѣлу или когда имѣютъ заявить какую просьбу. Мнѣнія казаковъ, пользующихся правомъ голоса, тогда только принимаются въ уваженіе, когда будутъ одобрены начальникомъ станицы и почетными стариками.

Кричать на сходѣ и говорить вдругъ многими голосами строго воспрещается. Долженъ слышаться одинъ только голосъ, и для того каждый говоритъ послѣдовательно въ свою очередь. Если въ разсужденіяхъ схода будетъ придумано что-либо полезное для общества, то начальникъ станицы обязанъ довести о томъ до свѣдѣнія командира войска, который принимаетъ всякій добрый совѣтъ съ благодарностью.

Кто станетъ на сходѣ кричать или говорить не въ очередь, того посадить подъ арестъ на хлѣбъ и на воду на одну недѣлю. Кто заведетъ ссору и будетъ произносить брань, того подвергнуть аресту на двѣ недѣли съ употребленіемъ на работы; а кто дерзнетъ завести драку, того арестовать на два мѣсяца съ употребленіемъ ежедневно на работы.

Судъ почетныхъ стариковъ составляется посредствомъ общественнаго выбора изъ шести или восьми отставныхъ казаковъ лучшихъ умственныхъ способностей и нравственныхъ правилъ. Чтобъ быть выбраннымъ въ это званіе, надобно прослужить въ общеказачьей службѣ безпорочно не менѣе двѣнадцати лѣтъ и быть не моложе тридцатипятилѣтняго возраста. Послѣднему условію подчиняются и офицеры, а требованіе двѣнадцатилѣтняго нахожденія въ службѣ для нихъ необязательно. Всякій выбранный въ почетные старики, не можетъ

оставаться въ этомъ званіи болѣе одного года, развѣ будетъ выбранъ вторично и то только чрезъ промежутокъ одного года по выбытіи изъ должности послѣ перваго выбора. Удрученные старостью и болѣзнями или слабые разсудкомъ въ почетные старики не избираются. Всякій же удостоенный этого выбора освобождается отъ тѣлеснаго наказанія.

Судъ почетныхъ стариковъ собирается по приглашеніямъ начальника станицы и разбираетъ иски и ссоры, недостигшіе рѣшенія на станичномъ сходѣ, а изъ другихъ дѣлъ такія, по обсужденію которыхъ мнѣнія станичнаго схода раздѣлились.

Сторона, недовольная рѣшеніемъ суда почетныхъ стариковъ, переноситъ свое дѣло къ командиру войска, который, если найдетъ, что дѣло рѣшено неправосудно, удаляетъ почетныхъ стариковъ отъ должности, съ тѣмъ, чтобъ никогда ихъ въ оную не выбирать. Для переноса дѣла полагается двухмѣсячный срокъ. При раздѣленіи мнѣній почетныхъ стариковъ дѣло рѣшается командиромъ войска.

Если кто изъ почетныхъ стариковъ, во время разсмотрѣнія дѣлъ, затѣетъ ссору, тотъ извергается изъ своего званія съ лишеніемъ навсегда права быть избираемымъ въ оное и, сверхъ того, съ потерей голоса на станичномъ сходѣ.

Станичный начальникъ присутствуетъ какъ на станичномъ сходѣ, такъ и въ засѣданіяхъ почетныхъ стариковъ, и строго наблюдаетъ за предписаннымъ благочиніемъ, составляя о нарушителяхъ онаго протоколы, по которымъ и опредѣляются командиромъ войска вышеписанныя взысканія.

Почетные старики, совмѣстно съ начальникомъ станицы улаживаютъ раздѣлы имѣній съ такимъ исходомъ, чтобъ всѣ участвующіе въ раздѣлѣ остались довольны, безъ чего раздѣлъ не можетъ быть признанъ правильнымъ.

Почетные старики съ станичнымъ начальникомъ пре-

кращаютъ несогласія между родственниками посредствомъ примиренія ссорящихся и водворяютъ спокойствіе въ семействахъ, не употребляя угрозъ и мѣръ принудительныхъ.

Съ ихъ вѣдома должна производиться всякая продажа домовъ, садовъ и другаго имущества, съ записываніемъ подобныхъ актовъ въ журналъ.

Особенное наблюденіе въ этомъ смыслѣ требуется при продажѣ жителями садовъ армянамъ. Всякая продажа такого рода должна быть заявлена станичному начальнику и записана въ журналъ, такъ какъ случалось нерѣдко, что чрезъ неимѣніе ни документовъ, ни свидѣтелей жители теряли напрасно свою собственность. По выкуркѣ виноградной водки, не дозволять армянамъ вывозить ее изъ станицы, пока они не разсчитаются окончательно съ хозяевами садовъ.

Похищеніе фруктовъ изъ садовъ и овощей съ огородовъ наказывается взысканіемъ съ похитителя двойной цѣны похищеннаго и денежнымъ штрафомъ въ количествѣ пяти рублей въ станичный доходъ; сверхъ того хищникъ наказывается тѣлесно или приговаривается къ аресту съ употребленіемъ въ работы, по усмотрѣнію почетныхъ стариковъ. Кто задержитъ вора, тому выдѣляется третья часть изъ денежнаго взысканія, опредѣляемаго въ пользу потерпѣвшаго; а кто, зная о воровствѣ, не донесетъ на вора, тотъ признается соучастникомъ его и наказывается по совмѣстному усмотрѣнію почетныхъ стариковъ и начальника станицы.

Затѣмъ постановленія говорятъ объ общественной помощи, общественномъ призрѣніи.

„Ежели у какихъ казаковъ домашнее хозяйство придетъ въ разстройство непредвидимыми случаями, какъ напримѣръ чрезъ пожаръ, падежъ скота, продолжительныя болѣзни и проч., о таковыхъ станичные начальники должны доносить командиру войска, дабы можно было для поправленія ихъ давать имъ нужныя пособія. Мно-

гіе же раззоряются чрезъ приверженность къ пьянству, распутство, безпорядочную жизнь и всего чаще отъ лѣности: въ такомъ случаѣ станичные начальники должны употреблять всѣ способы къ воздержанію ихъ, какъ наставленіями, такъ и строгостію; если же не видятъ исправленія, то доносятъ командиру войска, и тогда сіи нерадивцы и безполезные обществу наказываемы будутъ примѣрно".

„Нищихъ, достающихъ себѣ пропитаніе мірскимъ подаяніемъ, чтобъ вовсе не было, ибо бѣдные, могущіе работать, должны питаться трудами рукъ своихъ; о тѣхъ же, кои удручены дряхлой старостію или болѣзнями, должны пещись родственники, за исполненіемъ чего строго смотрѣть станичнымъ начальникамъ. Ежели же найдутся такіе, у коихъ нѣтъ ни родныхъ, ни здоровья, ни состоянія пріискать себѣ способы для жизни, то дать имъ пищу и одежду, хотя бы то было и изъ станичныхъ суммъ".

„Многія семейства, бывъ въ цвѣтущемъ состояніи до раздѣлу ихъ, приходятъ въ совершенную бѣдность единственно отъ того, что не могли уживаться братья съ братьями, отецъ съ дѣтьми, и расходятся, чрезъ что, не будучи уже обязаны пособлять другъ другу въ хозяйствѣ, обыкновенно у каждаго изъ нихъ приходитъ оное въ упадокъ. Къ отвращенію таковаго зла, расходиться семействамъ воспрещается, исключая изъ того такіе только случаи, когда отецъ, имѣющій нѣсколько сыновей, желаетъ одного изъ нихъ отдѣлить для житья особеннымъ домомъ, наградя всѣмъ нужнымъ въ хозяйствѣ, соразмѣрно его состоянію, и то не иначе, какъ съ позволенія начальника станицы, который доноситъ о томъ командиру войска".

Далѣе видимъ изъ постановленій заботливость командира войска объ установленіи общественныхъ денежныхъ средствъ: станичныхъ и войсковыхъ доходовъ.

„Станичныя суммы составляются изъ слѣдующихъ

источниковъ: съ переправъ, гдѣ оныя есть, по установленнымъ цѣнамъ; съ прибывающихъ въ станицы разнощиковъ, съ мѣстныхъ лавокъ, гдѣ оныя находятся; съ имѣющихся при станицахъ спиртокурительныхъ заводовъ, соображая по величинѣ оныхъ; съ переправы дровъ и таркаловъ (кольевъ) для армянъ и перевозки ихъ отъ берега до заводовъ. Съ продерживающихъ бродягъ и разнаго рода людей безъ письменнаго вида взыскивать за каждые сутки въ общественную сумму по одному рублю, не исключая изъ сего и казаковъ изъ другихъ станицъ".

„Суммы станичныя расходуются на разныя надобности станичныя и дозволяется изъ оныхъ дѣлать вспомоществованіе бѣднымъ семействамъ, съ возвращеніемъ по возможности ежегодно взятыхъ суммъ".

„Для общихъ войсковыхъ издержекъ заведена особенная войсковая сумма, для составленія коей продается произрастающій въ дачахъ противъ Червленой желтинникъ, а по всему войску марена, и дѣлается отдача въ наемъ пастьбищныхъ дачъ, за исключеніемъ нужныхъ для станичныхъ табуновъ. Войсковая сумма употребляется на содержаніе канцеляріи, артиллеріи, паромовъ и проч. Сколько таковой издержано, а равно и пріобрѣтено, ежегодно должно быть дано знать по войску приказомъ".

Не отличаясь строгой систематичностью, постановленія говорятъ потомъ о передержательствѣ бродягъ и безпаспортныхъ и оканчиваются наказомъ о брачныхъ союзахъ.

„Бродягъ, праздношатающихся и разнаго рода людей безъ письменнаго виду и паспортовъ по станицамъ не держать, а гдѣ таковые окажутся, присылать въ войско за карауломъ; въ противномъ случаѣ станичный начальникъ отвѣтствуетъ строго, а у кого безпаспортной проживаетъ, съ того взыскивать за всякій день по рублю въ станичную сумму".

Относительно браковъ требовалось, чтобы „женихъ

и невѣста были взрослаго возраста, именно: женихъ не моложе восемнадцати и невѣста четырнадцати лѣтъ".

„Удостовѣрившись въ присутствіи почетныхъ стариковъ и родныхъ обѣихъ сторонъ въ согласіи на бракъ жениха и невѣсты, начальникъ станицы даетъ свое позволеніе; въ противномъ же случаѣ не дозволяетъ".

„О всѣхъ служащихъ казакахъ, имѣющихъ желаніе вступить въ законный бракъ, сотенный командиръ доноситъ командиру войска, испрашивая на то позволенія, поясняя въ своемъ рапортѣ, съ кѣмъ вступаетъ въ оный, означая притомъ лѣта жениха и невѣсты".

„Откладывать свадьбы послѣ сватовства болѣе одного году не позволять ни подъ какимъ видомъ; въ необыкновенныхъ же случаяхъ, могущихъ произойти въ семействахъ, доносить командиру войска, объясняя оные, а тотъ, ежели находитъ причины достаточными къ продолженію срока свадьбы, отсрочиваетъ".

„За преступленіе правилъ, изложенныхъ выше о свадьбахъ, съ виновныхъ взыскивать штрафу въ пользу станичной суммы по пятнадцати рублей [212]".

Таковъ первый регламентъ, при помощи котораго гребенское общество примкнуло къ общему народноадминистративному строю въ государствѣ. Предоставляемъ прозорливости читателя усмотрѣть въ этомъ актѣ нравы и даже пороки, какіе господствовали въ названномъ обществѣ, въ минуту освѣщенія его приведеннымъ административно-судебнымъ начертаніемъ. Выскажемъ только сожалѣніе, что постановленія Ефимовича не коснулись еще одной стороны внутренней гребенской жизни: ея санитарной обстановки. По этой части также настоятельно требовались разумныя административныя постановленія. Жизнь въ станичныхъ оградахъ, какъ было уже замѣчено, до крайности была скучена. Хищный чеченецъ не давалъ ей простора. Естественнымъ слѣдствіемъ этого были занавоженіе дворовъ и скопленіе обычныхъ осадковъ осѣдлаго обитанія въ усадьбахъ.

На площадяхъ и улицахъ часто стояли лужи и растворялась едва проходимая грязь. При высыханіи все это должно было испаряться со вредомъ для здоровья. Нельзя не сказать, однакожъ, что противовѣсомъ нездоровымъ испареніямъ служилъ до извѣстной степени обычай насаживать тополь и акацію около жилищъ, а по дворамъ сѣять тыквы, подсолнухи и другую высоковьющуюся зелень, которою обыкновенно убирались плетневыя изгороди. Помогали также и четвероногіе санитары, на которыхъ не распространялось преслѣдованіе корана, существовавшее на правомъ берегу Терека. Необыкновенная опрятность, свойственная гребенскимъ женщинамъ, оздоровляла сколько нибудь жилища, а непосидячая жизнь внѣ стѣнъ станицы служила хорошею гигіеною для боеваго мужскаго населенія. Въ концѣ концовъ приходится благодарить небо и за то, что изъ мѣстныхъ, повидимому столь неблагопріятныхъ условій станичнаго быта, не возникало опустошительныхъ заразительныхъ болѣзней. Если и вторгалась въ станицы чума, то это было извнѣ, съ затеречной аульной стороны или съ Кубани. Очагомъ ея были Суджукъ-кале (нынѣшній Новороссійскъ) и Анапа, а радіусами распространенія адыгскіе и ногайскіе аулы. Изъ обыкновенныхъ же болѣзней въ гребенскихъ станицахъ преобладала лихорадка, присущая климату терской, сунжинской и другихъ рѣчныхъ долинъ. По отчетамъ военно-медицинскаго вѣдомства, къ самымъ нездоровымъ мѣстностямъ Кавказской Линіи причислялось пространство отъ Кизляра вверхъ по Тереку до станицы Червленой, а потомъ города Моздокъ и Георгіевскъ съ ихъ окрестностями и, наконецъ, нижнее теченіе Кумы отъ станицы Александрійской до впаденія ея въ Каспійское море. По отношенію къ мѣстному климату требовалась, по мнѣнію врачей, такая же осторожность, какую только можетъ соблюдать человѣкъ, проходя мимо спящаго дикаго звѣря или обращаясь съ пороховой пылью, го-

товой вспыхнуть отъ малѣйшей искры. Къ условіямъ вреднаго дѣйствія климата на здоровье войскъ относились рѣзкіе переходы отъ тепла къ холоду, отсутствіе дождей въ лѣтніе жары и чрезмѣрное обиліе ихъ въ весеннее и осеннее время, пронзительные зимніе вѣтры, недоброкачественность водъ, скудная пища, неумѣренное употребленіе недозрѣлыхъ и даже зрѣлыхъ плодовъ, недостаточная одежда, плохо устроенныя жилища, чрезмѣрные труды и утомительные походы. Какъ на лекарственныя вещества, представляемыя самою природою Сѣвернаго Кавказа, военная медицина указывала на поваренную и горькую соль, горную нефть, мѣлъ, шпанскую муху, рябину, вербу, ленъ, коноплю, морковь, лукъ, чеснокъ, черемшу, мяту, полынь, ромашку, иръ, лопушникъ, тысячелистникъ, просвирнякъ, толокнянку, баранникъ, аспидникъ, тминъ, цикорій, хрѣнъ, болиголовъ, золототысячникъ, хмѣль, белену, девясилъ, можевельникъ, одуванчикъ, анисъ, желтинникъ, бузину, шалфей, кунжутъ, горчицу, пасленъ, богородскую траву, и др. [213]. Но помимо указаній медицины, въ народномъ обиходѣ пускались въ ходъ противъ лихоманки живые пауки, зашитые въ ладонки вмѣстѣ съ змѣиными кожурками или молитвенными грамотками, а также нашептыванья и вспрыскиванья срѣтенской водой, а не то холодныя обливанья на утренней зарѣ и разныя зелья. Нельзя отвергать, чтобы лихорадка не оказывала неблагопріятнаго вліянія на ходъ естественнаго наростанія населенія, но и то слѣдуетъ признать, что она не разрушала крѣпкой мужской силы и женской красоты. Къ сохраненію, впрочемъ, послѣдней гребенская женщина прилагала особенное стараніе. Даже на работѣ, говоритъ она,

Я батистовымъ платкомъ,
Личко закрывала,
Виноградные листки
Къ щечкамъ прилѣпляла.

Другой невзгодой скученной и запертой жизни межъ четырехъ валовъ были пожары. Какъ великорусскіе люди, гребенцы всегда любили жить въ деревянныхъ домахъ. Дома ставились на высокомъ цоколѣ и покрывались камышемъ или соломой. Здѣсь видна предосторожность отъ воды, но не видно предупрежденія опасности отъ огня. Пожарныя бѣдствія не были рѣдкостью. Особенно памятны они для станицъ Кордюковской и Новогладковской, которыя выгорали до тла. Деревья, насаживаемыя около домовъ, могли служить нѣкоторой преградой распространенію пожаровъ. Тоже значеніе можно дать и обычаю, заимствованному отъ кумыковъ, устраивать земляныя крыши на небольшихъ надворныхъ постройкахъ, „избушкахъ“, гдѣ чаще разводился огонь. Для большихъ домовъ такія крыши были тяжелы.

Если не выше, то отнюдь не ниже стихійныхъ невзгодъ долженъ быть поставленъ въ экономическомъ обиходѣ казаковъ всегдашній недостатокъ рабочихъ рукъ, отвлекаемыхъ службою и повинностью. Отсюда и передержательство безписьменновидныхъ бродягъ, противъ котораго объявлялось въ постановленіяхъ Ефимовича такое строгое преслѣдованіе. Замѣчательно, однакожъ, что правительство думало одинъ разъ направить безпаспортный, бродячій элементъ къ добрымъ цѣлямъ и открыть въ немъ источникъ рабочей силы для кавказскихъ казаковъ. Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, высочайше утвержденнымъ 12 февраля 1829 года, было установлено задерживаемыхъ въ Кавказской области, а равно въ малороссійскихъ, новороссійскихъ и нѣкоторыхъ другихъ южныхъ губерніяхъ, бродягъ способныхъ къ работѣ отдавать въ работники линейнымъ казакамъ на трехгодичный срокъ, по истеченіи котораго даровые эти работники, одобренные въ поведеніи, должны были зачисляться въ казачье сословіе. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ „мѣра сія признавалась полезною какъ для казаковъ, такъ и къ вящшему прекраще-

нію бродяжничества", но на дѣлѣ не принесла она казакамъ особенной пользы по своей практической несостоятельности *). Крѣпко боялся мужикъ, а пуще бродяга, тогдашнихъ тягостей казачьей службы и крѣпостной замкнутости казачьяго сословія. Другое постановленіе, которымъ предоставлялось поселянамъ Кавказской и другихъ губерній поступать охотою въ линейные казаки даже безъ согласія мірскихъ обществъ и безъ перевода на нихъ податныхъ платежей за уходящихъ въ казаки охотниковъ, тоже не имѣло широкаго приложенія къ дѣлу [214].

Болѣе дѣйствительнымъ пособіемъ была покупка рабочихъ людей у горцевъ. Общій въ горахъ обычай доставать рабочую человѣческую силу покупкою или инымъ способомъ не былъ чуждъ и гребенскимъ казакамъ, такъ долго жившимъ въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ горцами. Но у нихъ не создавалось рабовладѣнія по самому духу ихъ вольной единосословной общины. Купленный человѣкъ или другимъ путемъ добытый полоняникъ обыкновенно принималъ русскую вѣру и дѣлался временно-обязаннымъ работникомъ, а потомъ казакомъ. Обычай имѣть такихъ работниковъ продолжался до ермоловскаго времени, какъ видно изъ слѣдующаго факта. Государственный крестьянинъ Кавказской губерніи Илья Афанасьевъ, взятый чеченцами въ плѣнъ, женился во время плѣна на чеченкѣ, съ которою прижилъ двухъ сыновей, и потомъ выбѣжалъ назадъ на русскую сторону, бросивъ свою семью въ горахъ. По 87-му рекрутскому набору онъ былъ взятъ въ службу и служилъ коноваломъ въ 6 піонерномъ баталіонѣ. Бывши одинъ разъ въ станицѣ Новогладковской для ротныхъ покупокъ, онъ встрѣтилъ тамъ свою жену, отъ которой узналъ, что она съ дѣтьми продана чеченцами гребенскому казаку Осипову, что Осиповъ привелъ ее и дѣтей въ русскую вѣру и держитъ ихъ у себя какъ домашнихъ слугъ. Это было въ

*) См. приложеніе III.

1819 году. По ходатайству рядового Афанасьева объ отдачѣ ему жены и дѣтей, генералъ Ермоловъ сдѣлалъ распоряженіе: „По заработкѣ заплаченныхъ казакомъ Осиповымъ за жену и дѣтей Афанасьева денегъ, полагая ей въ годъ по сту рублей, а дѣтямъ по двадцати пяти, отдать ему Афанасьеву и позволить опять на ней жениться; а между тѣмъ воспретить линейнымъ казакамъ, исключая чиновниковъ, покупать людей въ вѣчное и потомственное владѣніе, а позволить покупать не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы, по заработаніи заплаченныхъ денегъ, купленной человѣкъ освобождался и возвращался бы либо въ первобытное состояніе, естли до плѣна принадлежалъ къ какому нибудь сословію людей свободныхъ, либо поступалъ въ казенные крестьяне, мѣщане или казаки, естьли родился между азіатскими граничными народами и происходитъ отъ ихъ крови. Покупать же людей свѣдома полковаго начальства, которому должна извѣстна быть цѣна, заплаченная за купленнаго. За годъ заработки полагается вообще сто рублей на человѣка, малолѣтнимъ по усмотрѣнію ихъ возраста, но не менѣе однакоже двадцати пяти рублей въ годъ, и когда вся заплаченная сумма заработана будетъ, то съ купленными поступать какъ выше сказано [215]“.

Изложенное распоряженіе командира Отдѣльнаго Грузинскаго Корпуса не составляло чего-нибудь особеннаго, исключительнаго. Въ томъ же духѣ издавались правительственныя постановленія, направленныя къ освобожденію отъ горцевъ плѣнныхъ и вообще порабощенныхъ людей (ясырей) посредствомъ выкупа ихъ частными лицами, съ условіемъ отработка выкупленными уплаченныхъ за нихъ денегъ. Немногіе изъ казаковъ имѣли столько достатка, чтобъ этимъ способомъ увеличивать рабочую силу въ своемъ хозяйствѣ, а напротивъ многіе затрачивали послѣднія крохи своихъ хозяйствъ, чтобъ вызволить кровныхъ своихъ плѣнниковъ изъ жестокой неволи, такъ какъ чаще другихъ обывателей

подвергались этому несчастію, живя на передовыхъ линіяхъ. Сношенія ихъ съ затеречными обитателями большею частію касались, конечно, выкупа попадавшихъ въ плѣнъ товарищей и членовъ семействъ, но были сношенія и по другимъ дѣламъ. Таможенная черта, положенная когда-то по Тереку, перестала существовать съ присоединеніемъ Грузіи. Въ Кумыкахъ и Кабардахъ были лучшіе оружейники, сѣдельники, серебряки; казаки водили знакомство съ такими людьми, потому что нуждались въ ихъ издѣліяхъ. Да и помимо этой нужды существовало просто-на-просто куначество (хлѣбосольство). Горецъ любитъ путешествовать, видѣть новыя лица, новые обычаи, даже новыя страны—недальше двухъ-трехъ переѣздовъ коня. Еще больше любитъ онъ помѣряться даромъ слова съ новымъ человѣкомъ, поболтать изъ пустаго въ порожнее и гребенской казакъ былъ къ его услугамъ, потому что зналъ его языкъ. У гребенскаго же казака могъ онъ вкусить и запрещенной влаги изъ особой „мірской“ чапуры. Впрочемъ, болѣе реальнымъ основаніемъ куначества,—изъ пѣсни слова не выбросишь,—было конокрадство, въ высшемъ, героическомъ смыслѣ этого термина. Но отцвѣло оно, это поэтическое, въ легендарныхъ подвигахъ проявлявшееся украшеніе казацкой жизни, и теперь лучше возвратиться еще разъ къ „постановленіямъ“ Ефимовича.

Мы видѣли, что этотъ достойный преобразователь гражданскаго быта гребенскаго войска установилъ общественные доходы въ войскѣ, послужившіе къ облегченію казаковъ въ подушныхъ денежныхъ сборахъ на такія повинности, которыя не могли быть отбыты натурою. Ко времени перехода гребенскаго войска, съ переименованіемъ въ полкъ, въ составъ Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска, доходы эти представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Въ теченіи года поступало, сложными количествами:

Оброчной платы отъ кочевыхъ ногайцевъ за пастьбу ихъ скота на войсковой степи, въ зимнее время до . . . . . 2.000 р.

За право добыванія въ войсковыхъ дачахъ красильнаго корня марены свыше . . . . 500 »

За право собиранія въ тѣхъ же дачахъ красильнаго растенія желтинника до . . . . 400 »

Сбора отъ содержимыхъ казаками паромныхъ переправъ при Червленской карантинной заставѣ и противъ укрѣпленія Амиръ—Аджи—Юрта около . . . . . 500 »

Отъ переправы изъ Брагуновъ и Новаго-Юрта дровъ и таркалъ (кольевъ) на винокуренные заводы, содержимые при станицахъ армянами, свыше . . . . . 1.200 »

Пошлины съ виноградnаго вина, продаваемаго станичными жителями, равно съ винокуренныхъ заводовъ, торговыхъ лавокъ и отъ разныхъ мелкихъ статей свыше . . . . . 1.200 »

За содержаніе въ войсковомъ лазаретѣ больныхъ посторонняго вѣдомства свыше . . . 300 »

Всего годоваго дохода . . . . . 6.100 »

Къ статьямъ войсковаго дохода причислялась еще особая сумма, отпускавшаяся отъ казны въ уплату казакамъ за провозъ положеннаго имъ провіанта съ отдаленной Сладкоеричной морской пристани до города Кизляра (откуда дальнѣйшая перевозка до гребенскихъ станицъ уже не оплачивалась). Суммы этой получалось въ годъ среднимъ количествомъ 1.500 р., и она, по большей части, выдавалась казакамъ на руки.

Доходы отъ марены и желтинника подвергались колебаніямъ, смотря по большему или меньшему урожаю этихъ растеній, а также и по требованіямъ ихъ на фабрики. Количество оброчнаго сбора съ караногайцевъ за отдаваемую имъ степь зависѣло отъ большей или

меньшей суровости зимы: въ снѣжную и морозную зиму, когда кочевники болѣе нуждались въ притеречной, защищенной камышами низменности, доходъ возвышался, а въ противномъ случаѣ падалъ.

Показанные доходы употреблялись на удовлетвореніе слѣдующихъ потребностей, средними годовыми количествами:

На содержаніе такъ называемаго артиллерійскаго участка, то есть четырехъ орудій въ составѣ конно-артиллерійской казачьей № 4 роты, до	1.600 р.
На содержаніе войсковой канцеляріи свыше	800 „
На содержаніе войсковаго лазарета свыше.	2.000 „
На поддержаніе паромныхъ переправъ до .	500 „
На возведеніе и исправленіе войсковыхъ зданій около	300 „
Въ пособіе неслужащимъ казакамъ ко взносу въ казну денежнаго почтоваго налога до	700 „

Всего годоваго расхода 5.900 руб.[216].

Развивая общественное хозяйство, Евстафій Пантелеимоновичъ Ефимовичъ заботился и объ умственномъ развитіи своихъ подчиненныхъ. Выписавъ откуда-то ученаго человѣка Месинева, онъ основалъ въ станицѣ Червленой войсковую школу. Месиневъ старательно преподавалъ въ ней, кромѣ чтенія и чистописанія, грамматику и ариѳметику, чѣмъ привлекъ большое число учениковъ. Въ 1831 году полковникъ Ефимовичъ умеръ, а педагогъ Месиневъ благодаря рогу изобилія, величаемому чапурою, спился съ кругу, но войсковая школа продолжала существовать и дала отъ себя отпрыски въ нѣкоторыхъ другихъ станицахъ. Въ 1835 году встрѣчаемъ оффиціальное свѣдѣніе, что въ червленской войсковой школѣ училось подъ руководствомъ старшаго писаря Кулебякина 83, и въ Шелкозаводской, при учителѣ урядникѣ Федюшкинѣ, 26 учениковъ[217]. Не одинъ

изъ заслуженныхъ ветерановъ, встрѣчающихся въ терскомъ войскѣ въ наше время, обязанъ первыми задатками своего развитія войсковой школѣ, основанной Евстафіемъ Пантелеимоновичемъ. Да пребудетъ память его навѣки нерушимою среди потомковъ терскаго казачества, нынѣ знакомаго уже и съ университетами. Не выпустимъ изъ виду, что въ то героическое время линейнымъ бойцамъ, вся жизнь которыхъ поглощалась боевой тревогой, дано было развиваться въ одну только сторону и ужъ конечно не умственнообразовательную. Слѣдующее представленіе наказнаго атамана Верзилина генералу Вельяминову (отъ 10 апрѣля 1837 г., № 374) можетъ объяснить намъ, какъ невысоко стояли линейные казачьи офицеры относительно даже обыкновенной грамотности. „Съ самаго начала поселенія полковъ ввѣреннаго мнѣ казачьяго войска на Кавказской Линіи,—писалъ атаманъ Верзилинъ,—чувствуемъ былъ недостатокъ въ офицерахъ, получившихъ нѣкоторое образованіе, по несостоянію при полкахъ постоянныхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ они могли бы быть въ молодыхъ лѣтахъ пріуготовляемы и научиться хотя россійской грамотѣ, чтенію и правильному чистописанію. Отъ чего и нынѣ въ составѣ офицеровъ, собственно войску принадлежащихъ, находится большая часть такихъ, кои получили начальное воспитаніе, одни при родителяхъ въ домахъ своихъ, другіе попеченіемъ полковыхъ командировъ, а нѣкоторые и самоучкою, и всѣ оные ограничивались пріобрѣтеніемъ только вышеупомянутыхъ познаній безъ правилъ грамматическихъ въ правописаніи, по одному навыку. Изъ нихъ болѣе способные занимаютъ должности при полкахъ, находятся въ штабѣ вашего превосходительства и канцеляріяхъ, гдѣ усовершенствываются въ своихъ занятіяхъ, а за тѣмъ менѣе грамотные по необходимости заступаютъ должности станичныхъ начальниковъ. Чтожъ принадлежитъ до выбора изъ нихъ на служеніе въ двѣ конно-артилерій-

скія роты № 5 и 6, принадлежащія Кавказскому Линейному казачьему войску, и къ производству слѣдствій или за депутатовъ при оныхъ, то всегда встрѣчаются не малыя затрудненія въ избраніи и назначеніи къ симъ должностямъ способныхъ и съ необходимыми знаніями для исполненія съ успѣхомъ порученій, на нихъ возлагаемыхъ. Поступающіе въ артиллерійскія роты офицеры должны бы, сверхъ познаній, пріобрѣтенныхъ ими по части фронтовой, имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія, принадлежащія къ роду сей службы, а наипаче изъ математики знать хотя одни первоначальныя правила ариѳметики, но и съ сими необходимыми познаніями отыскать весьма трудно; съ настоящими же свѣдѣніями о законовѣдѣніи не имѣется, а только въ числѣ офицеровъ есть нѣкоторые, кои изъ опыта дознали форму судопроизводства, но и таковыхъ весьма мало. При семъ затруднительномъ положеніи къ избранію въ должности офицеровъ, обязываясь къ изысканію средствъ для распространенія между сословіями Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска просвѣщенія, по многимъ отношеніямъ весьма необходимаго, я имѣю въ виду, что всемилостивѣйшій Государь, по благости своей и попеченію о благостояніи народномъ, обратилъ даже вниманіе на племена закавказскія и на горскіе народы, такъ какъ дѣти почетныхъ между ими людей получаютъ нынѣ образованіе въ казенныхъ заведеніяхъ, въ столицѣ учрежденныхъ; то по сему нахожусь въ полной надеждѣ, что дѣти штабъ и оберъ-офицеровъ, войску принадлежащихъ, коихъ отцы отличноусердною и безпорочною службою, равно и другими заслугами обратили на себя вниманіе начальства и пріобрѣли право на попеченіе правительства о образованіи ихъ дѣтей, не будутъ отвергнуты, если только обстоятельство сіе повергнуто будетъ во вниманіе и благоуваженіе всемилостивѣйшаго Государя“ [218].

Свѣтлая надежда перваго войсковаго атамана, ко-

нечно, сбылась; а что касается сочувствія, съ которымъ встрѣчена была первая гражданская школа, заведенная Ефимовичемъ на старообрядческой почвѣ, то оно объясняется тѣмъ же примирительнымъ характеромъ гребенскаго раскола, проявленіе котораго мы видѣли при освященіи царскаго знамени въ станицѣ Червленой. Оно объясняется и естественной любознательностью, пробуждавшеюся въ гребенскихъ дѣтяхъ домашнимъ изученіемъ церковно-славянской грамоты. Грамотность и даже начитанность по церковно-славянскимъ книгамъ была, какъ мы видѣли, довольно распространена въ гребенскомъ обществѣ. Замѣтимъ, что первоучительницей въ этомъ обществѣ была, по большей части, женщина. И когда она читала съ дѣтьми псаломъ первый или канонъ покаянія, въ ея любящихъ глазахъ дѣти подмѣчали слезу и съ этой святой слезой смѣшивали свои чистыя слезенки. Урокъ переходилъ въ молитву. Въ сухую учебную механику вводился животворящій духъ библейскаго правила, что начало премудрости есть страхъ божій. Таково было направленіе элементарной народной школы въ старорусскомъ гребенскомъ обществѣ. Заслуживаетъ ли оно осужденія, или одобренія—пускай рѣшаютъ современные намъ просвѣтители темнаго люда; мы же должны прибавить, что изъ питомцевъ гребенскихъ „мастерицъ“ книжнаго ученья выдавались даровитые юноши, которые на память прочитывали цѣлыя главы изъ библіи, заученныя подъ руководствомъ разумныхъ толковниковъ. Высокое краснорѣчіе такихъ библейскихъ писаній, какъ книги пророковъ, вносило въ ихъ духовную природу столько такта и воспріимчивости къ изящнымъ формамъ слова, къ художественнымъ построеніямъ рѣчи, что, попадая въ порядочныя канцеляріи по поступленіи на службу, они легко овладѣвали литературнымъ или просто письменнымъ русскимъ языкомъ и писали на немъ съ замѣчательною для людей, не проходившихъ курса словесности, чистотою и пра-

вильностью. На ихъ примѣрѣ можно бы построить доказательство, что церковно-славянскій языкъ, по отношенію къ научному усвоенію живаго русскаго языка, играетъ туже роль, какая приписывается древнимъ греко-латинскимъ классикамъ. Но это только къ слову пришлось, а вотъ фактъ, который можно принять за подтвержденіе господствующаго въ наше время убѣжденія, что грамотность съ добрымъ направленіемъ улучшаетъ народную нравственность.

Въ 1829 году Общимъ Управленіемъ Кавказской Области потребованы были отъ всѣхъ линейныхъ казачьихъ войскъ и полковъ статистическія свѣдѣнія: сколько въ каждой части было за послѣднее десятилѣтіе 1820—1829 г. уголовныхъ преступленій, въ томъ числѣ самоубійствъ, незаконныхъ рожденій дѣтей и расторженныхъ браковъ; сколько было тяжебныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ въ присутственныхъ мѣстахъ, и сколько содержалось преступниковъ въ правительственныхъ тюрьмахъ. По вѣдомости, представленной отъ гребенскаго войска въ декабрѣ 1829 года, показано: расторженный бракъ (въ станицѣ Червленой) одинъ, незаконнорожденныхъ дѣтей семь (въ Червленой станицѣ 2, Шадринской 1, Новогладковской 1, Старогладковской 1 и Кордюковской 2); уголовныхъ преступленій и преступниковъ, заключенныхъ въ тюрьмы, равно и тяжебныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ или нерѣшенныхъ—ни одного [219].

На этомъ отрадномъ фактѣ мы на время разстанемся съ гребенскимъ войскомъ, чтобъ разсказать о жизни другихъ такихъ же многострадальныхъ войсковыхъ единицъ, изъ которыхъ складывалась мало по малу Кавказская Линія и создалось наконецъ Кавказское Линейное казачье войско. Въ геройскомъ составѣ этого, безъ малаго весь Кавказскій перешеекъ осѣвшаго войска мы встрѣтимся уже не съ гребенскимъ войскомъ, а съ Гребенскимъ полкомъ. Здѣсь же слѣдуетъ замѣтить,

что хотя славное имя Кавказскаго Линейнаго войска появилось на скрижаляхъ нашей военной исторіи съ 1832 года, но надъ дѣйствительнымъ, органическимъ устроеніемъ этого новаго и своеобразнаго войска нужно было поработать особому комитету десять слишкомъ лѣтъ *). Комитетъ относился къ своей задачѣ съ чрезвычайной пытливостью о каждой изъ составныхъ частей, которыя требовалось объединить. Онъ доискивался, откуда какая часть взялась, какъ начала свое существованіе, какія испытывала въ немъ перемѣны и, наконецъ, въ какомъ, сравнительно съ ея прошлымъ, являлась она положеніи при вступленіи въ одну общую семью большаго войска [220]. Между уцѣлѣвшими въ архивной сырости и заброшенности фактами, сюда относящимися, встрѣчаемъ донесеніе командовавшаго Гребенскимъ полкомъ, подполковника графа Стенбока (отъ 24 мая 1839 года, № 623) такого содержанія:

„Дабы ясно выставить предъ комитетомъ, учрежденнымъ для пользы Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, нынѣшнее положеніе Гребенскаго казачьяго полка, я долгомъ чту сравнить оное съ прежнимъ положеніемъ, какъ по части службы, такъ и касательно источниковъ благосостоянія.

„Хлѣбопашество и скотоводство никогда не могло быть занятіемъ гребенскихъ казаковъ, такъ какъ малое количество земли, имъ принадлежащей, есть по большей части песокъ и солонецъ, скудно вознаграждающіе труды земледѣльца; за недостатокъ же въ земляхъ вознаграждали ихъ виноградные сады, которые доставляли имъ значительный доходъ, ибо виноградная водка была въ Россіи въ большой цѣнѣ, отъ 800 до 1.400 руб. за бочку. Армяне—заводчики откупали у казаковъ сады виноградные для выдѣлыванія водокъ, и самый бѣдный

*) Въ составѣ этого комитета отъ Гребенскаго полка находился есаулъ Арнаутовъ.

казакъ выручалъ за садъ свой отъ 500 до 800 руб., многіе же брали по 1000, 1500 и даже 2000 руб.

„Свободная рыбная ловля на Каспійскомъ морѣ и на Терекѣ снабжала пищею, сверхъ продаваемой рыбы на сумму достаточную на покупку хлѣба, у нихъ недостающаго.

„Служащихъ казаковъ было въ семействѣ по одному и кордонная служба весьма малая, такъ какъ зарѣчные жители, поселенные на казачьихъ земляхъ, контрактами обязаны были караулить правый берегъ *).

„Въ то время богатые гребенскіе казаки, одушевленные воспоминаніемъ о славѣ ихъ отцовъ и дѣдовъ, служили на Кавказѣ примѣромъ щегольства и храбрости, и для исполненія предпріятія отчаяннаго посылались гребенскіе казаки, которые всегда оправдывали дѣлаемую имъ довѣренность. Гордясь званіемъ своимъ и желая заслужить славу, каждый изъ нихъ бросался въ бой, не жалѣя живота, въ увѣренности, что послѣ славной смерти семейство его обезпечено и что сынъ поддержитъ славу того, который палъ за славу дѣдовъ и войска.

„Нынѣ цѣна на водки виноградныя совершенно упала; платежъ въ пользу откупщиковъ по три рубля съ ведра, совершенная зависимость заводчиковъ отъ откупщиковъ и безпрестанно имъ дѣлаемыя раззорительныя притѣсненія, раззорили многихъ, заставили другихъ бросить заводы, дабы не допустить себя до крайняго раззоренія; оставшимся же заводчикамъ казаки принуждены продавать вино свое по восьми и менѣе, даже четырехъ рублей за бочку, что недостаточно содержать семейство и на полгода.

„Право на свободную рыбную ловлю у нихъ отнято, и платятъ ловцы откупщикамъ по шестидесяти и болѣе рублей.

*) Каковые контракты плохо однакожъ выполнялись, да и время ихъ дѣйствія не было продолжительно. *Примѣч. автора.*

„Не имѣя никакихъ способовъ, они вынуждены находились посылать женъ и дочерей своихъ на жатву въ Моздоцкій казачій полкъ, къ осетинамъ города Моздока и въ Терской полкъ, дабы заработывать хлѣбъ, и какъ эта мѣра недостаточна, то они вынуждены были продавать серебрянную сбрую и все лишнее для покупки хлѣба.

„Сколь много убавились средства, столь много прибавилось службы: служащихъ казаковъ прибавлено до чрезмѣрнаго числа, отставные же и неслужащіе казаки, долженствующіе содержать на службѣ служащихъ дѣтей и братьевъ, также всѣ находятся на службѣ и несутъ сверхъ сего разныя повинности, такъ что въ Гребенскомъ полку называется отставнымъ казакомъ тотъ, кто по выслуженіи двадцати пяти лѣтъ уже провіанта не получаетъ, а неслужащимъ тотъ, кто еще не поступилъ въ сословіе служивыхъ казаковъ; всѣ же они на безпрерывной службѣ на постахъ, въ секретахъ, внутри станицъ, на переправахъ, въ конвойныхъ командахъ, въ отвозахъ проходящихъ командъ, партій и проч. Еще работы береговыхъ укрѣпленій, заготовленія и перевозки всего нужнаго для лазарета и артиллеріи обременяютъ ихъ такъ, что казакъ болѣе двухъ дней свободныхъ въ недѣлю не имѣетъ. Наконецъ неурожайный годъ истощилъ у нихъ послѣдніе остатки богатства прошлыхъ временъ. По всѣмъ этимъ причинамъ стало невозможно раздѣлить время между службою и работами, оную поддерживающими; упадокъ казаковъ сдѣлался неминуемъ и дошелъ до того, что большая часть казаковъ даже рабочаго скота не имѣютъ и отъ десяти дворовъ составляется одинъ плугъ для хлѣбопашества“ [221].

Конецъ перваго выпуска.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Примѣчанія къ первому выпуску:

ГРЕБЕНСКОЕ ВОЙСКО.

I.

1) Исторія Рос. С. Соловьева. Т. XV, гл. 3. „Кубань вѣчно съ кровью течетъ“ — старинная поговорка казаковъ.

2) Бунтъ Стеньки Разина. Н. Костомарова, изд. 1859 г., стр. 113 и 138.

3) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. VI, гл. 7.

4) Рукописный Сборникъ историческихъ матеріаловъ. П. Буткова, подъ № 10, 12 а и 12 ж, изъ библіотеки Академіи Наукъ, стр. 463.

„Новосильцевъ, осенью 1570 г., шелъ съ Дона рѣкою Воронежомъ на Ряжскій городъ. Съ нимъ было Донскихъ атамановъ и казаковъ немного; иные не пошли и Государевой грамоты не послушали. Новосильцевъ былъ въ опасности отъ слѣдившаго его полемъ казачьяго атамана Сеньки Ложника, который вмѣстѣ съ Казыевцами и Крымцами намѣревался его погромить“.

5) Извѣстіе о Кавказѣ С. Броневскаго, изд. 1823 г., ч. 2, стр. 79.

6) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. IV, гл. 3. Ист. Рязанскаго княжества. Д. Иловайскаго, изд. 1858 г., стр. 301.

7) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. V, отд. 2, гл. 3. Ист. Рязанскаго княжества. Д. Иловайскаго, изд. 1858 г., стр. 143, 196.

8) Ист. Рязанскаго княжества. Д. Иловайскаго, изд. 1858 г., стр. 224.

9) Извѣстіе о Кавказѣ. С. Броневскаго, изд. 1823 г., ч. 2, стр. 246, 248.

Ист. Рязанск. Княжества. Д. Иловайскаго, изд. 1858 г., стр. 295.

10) Ист. Гос. Рос. Карамзина, изд. 5, И. Эйнерлинга. 1842 г., книга II, Т. V.

„Многіе изъ новгородцевъ, подъ названіемъ охотниковъ, составляли цѣлые полки и, безъ всякаго сношенія съ Правительствомъ, ѣздили на добычу въ мѣста отдаленныя. Отправлялись внизъ по Волгѣ на сто-пятидесяти лодкахъ, умертвили въ Нижнемъ великое число татаръ, армянъ, хивинцевъ, бухарцевъ; взяли ихъ имѣніе, женъ, дѣтей; вошли въ Каму, ограбили многія селенія въ Болгаріи. Новгородцы, какъ бы скучая тишиною и мирною торговлею, полюбили разбои, украшая оные именемъ молодечества, и многочисленными толпами ѣздили грабить купцовъ, селенія и города по Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ. Въ 1371 году, они завоевали Кострому и Ярославль, а въ 1375 году, вторично явились подъ стѣнами первой, гдѣ начальствовалъ воевода Плещей. Ихъ было двѣ тысячи“.

11) Политическія движенія Русскаго народа. Д. Мордовцева. Т. 2, стр. 2.

Законъ исторической наслѣдственности—говоритъ авторъ—положенъ въ основу не только всей исторіи русскаго народа, но и отдѣльныхъ мѣстностей Россіи, подтверждая тѣмъ, какъ остроумныя теоріи Дарвина о наслѣдственности видовыхъ признаковъ и качествъ, такъ и подмѣченную Боклемъ вытекаемость извѣстнаго историческаго склада въ томъ или другомъ народѣ изъ суммы климатическихъ и географическихъ вліяній. Исторія средняго и нижняго Поволжья отличается особеннымъ складомъ: съ самыхъ древнихъ временъ Волга служила ареной, на которой разыгрывались драмы, немыслимыя

въ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи. На Волгу обыкновенно выходили съ своей удалью новгородскіе „ушкуйники“ и, нарыскавшись по широкому раздолью, пограбивъ тамъ, гдѣ могли, а иногда натерпѣвшись горя и неудачъ, возвращались въ Великій Новгородъ. На Волгѣ гулялъ Стенька Разинъ. На Волгѣ началась и разыгралась страшная драма прошлаго вѣка — Пугачевщина. На Волгѣ появлялись самозванцы и до Пугачева и послѣ него; тутъ поймали и Богомолова и Ханина. На Волгѣ Суворовъ ловилъ Заметаева. По Волгѣ рыскала понизовая вольница до конца прошлаго вѣка; атаманы и разбойники Брагинъ, Зубакинъ, Шагала и др. закончили собой циклъ разбойнаго періода Поволжья, такъ что въ нынѣшнемъ столѣтіи упражнялись въ Поволжьѣ только воровскія шайки, для которыхъ военный катеръ былъ уже грозою, тогда какъ предшественники ихъ безбоязненно грабили караваны судовъ и также безбоязненно нападали на города и селенія. Неумѣренный разгулъ, неумѣренная широкость натуры, неумѣренная порывчатость страстей, воля и безволье, а иногда бѣдность и нерасхлебное горе, крѣпостничество, неумѣренное давленіе власти—все это были причины, которыя, такъ сказать, выдавливали изъ массъ, населявшихъ Поволжье, или самыя лучшія и даровитыя единицы, которыя, очертя голову, бросались на Волгу и погибали потомъ въ тюрьмахъ, подъ кнутами и въ Сибири, или самый грязный и жалкій отстой этой массы, или самыхъ несчастныхъ, которые, не видя спасенія дома, думали найти его въ разбойничьихъ шайкахъ.

12) Сказанія Русск. народа. Н. Сахарова, изд. 1841 года, кн. 3, стр. 236. Старинная казацкая пѣсня.

13) Ист. Рос. С. Соловьева, Т. V, отд. 2, гл. 2.

14) Idem. Т. IV, гл. 3.

15) Ист. Рос. С. Соловьева, Т. V, отд. 2, гл. 2.

Ист. Рязанск. княжества. Д. Иловайскаго, изд. 1858 г., стр. 232.

16) Рукописный сборникъ мѣстныхъ преданій, казацкихъ и горскихъ, заслуженнаго гребенца, генералъ-маіора Ѳеодула Филиповича Федюшкина, прадѣдъ котораго былъ въ числѣ казаковъ, погибшихъ въ Хивинскомъ походѣ князя Бековича-Черкасскаго, въ 1717 г.

17) Ист. Рос. С. Соловьева, Т. VII, гл. 1.

18) Очеркъ быта Уральскихъ казаковъ. Желѣзнова, ч. 2, стр. 150.

19) Въ нынѣшнемъ Гребенскомъ (Кизляро-Гребенскомъ) полку хранится 103 старинныхъ знамени и хоругви, пришедшихъ въ такую ветхость, что изображенія на большей части оныхъ не могутъ уже быть разобраны. Въ этомъ собраніи находятся два знамени или хоругви изъ полинялой шелковой матеріи съ едва замѣтнымъ изображеніемъ новгородскаго герба.

20) Ист. Гос. Рос. Карамзина. Т. X, гл. 3.

Мы велѣли—писалъ Ѳеодоръ султану—основать крѣпость въ землѣ Кабардинской и Шавкалской не въ досаду тебѣ, а для безопасности жителей. Мы ничего у васъ не отняли: ибо князья Горскіе, Черкаскіе и Шавкалскіе были издревле нашими поддапными Рязанскихъ предѣловъ, бѣжали въ горы и тамъ покорились отцу моему, своему давнишнему законному властителю.

21) Нѣкоторые связываютъ названіе Гребенскихъ казаковъ съ надписью на старинной иконѣ Божіей Матери, находящейся въ одной изъ московскихъ церквей и называемой Гребенскою. Въ сказаніи объ этой иконѣ, составленномъ рязанскимъ митрополитомъ Стефаномъ въ 1712 году, по поводу темныхъ народныхъ преданій, послѣ повѣствованія о битвѣ великаго князя Дмитрія Іоанновича съ Мамаемъ на Куликовомъ полѣ, говорится: „И егда благовѣрный великій князь Дмитрій Іоанновичъ всея Россіи, возвращаясь съ побѣдою въ радости съ Дону рѣки, и тогда тамо народъ христіан-

скій воинскаго чину живущіе, завоміи козацы, съ радости срѣтающе его со святыми иконами и со кресты, поздравляюще его о избавленіи своемъ отъ сопостатовъ и приношаше ему въ даръ духовныхъ сокровищъ, яже имяху у себя чудотворныя иконы въ церквахъ своихъ. Въ началѣ образъ Пресвятыя Богородицы одигитріи, си есть крѣпкая заступница, изъ Сиротина городка и церкви благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Великій князь Дмитрій Іоанновичъ, пріемъ сей безцѣнный даръ, любочестнѣ и благоговѣйнѣ лобызая, имѣ въ пути своемъ образъ ея помощницу. И егда до Дону рѣки достигастъ, еще козача городка, зовома Гребни, иже на усть Чира рѣчки глаголемыя, и ту живущіе воины такоже срѣтеніе сотвориша великому князю со кресты и со святыми иконами и въ даръ дающе такожде образъ пресвятыя владычицы нашея Богородицы, чудесы тамо у нихъ сіяющу благодатію пресвятаго духа, и ту такоже съ великою вѣрою и любовію пріимъ и ихъ войско вельми тѣлесными дары обогативъ и почтивъ, и по вся лѣта устави имъ казакомъ свое жалованіе за почесть ихъ и сильную храбрость противу супостатъ Агарянска языка".

Не касаясь историческаго значенія этого сказанія, мы можемъ видѣть въ немъ только подтвержденіе приведенному нами преданію о происхожденіи гребенскихъ казаковъ отъ рязанскихъ, обитавшихъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя упоминаются въ легендѣ. Относительно же городка Гребни думаемъ, что если бы часть рязанскихъ казаковъ, переселившаяся на Кавказъ, дѣйствительно жила когда-нибудь въ такомъ городкѣ, то названіе его было бы дано и одному изъ новыхъ казачьихъ городковъ у береговъ Сунжи, подобно тому, какъ имя городка Червленаго, по которому вся мѣстность, населяемая рязанскими казаками, называлась Червленымъ Яромъ (или же, наоборотъ, отъ этой мѣстности одинъ изъ городковъ заимствовалъ свое названіе), сохранилось въ

новомъ мѣстѣ поселенія казаковъ. Во всякомъ случаѣ, естественнѣе признать происхожденіе принятаго переселенцами названія отъ мѣстности, на которой они водворились, такъ какъ мѣстность эта во множествѣ старинныхъ актовъ постоянно называется Гребени или Гребни.

22) Сборникъ Донскихъ народныхъ пѣсенъ, составл. А. Савельевымъ, изд. 1866 г., стр. 28.

23) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. VI, гл. 3.

24) Сборникъ Донскихъ народныхъ пѣсенъ, составл. А. Савельевымъ, изд. 1866 г.

25) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. VI, гл. 5.

26) Idem. Т. VI, гл. 7.

27) Idem. Т. IX, гл. 4.

Трехсотлѣтіе войска Донскаго. А. Савельева, изд. 1870 г., стр. 21.

II.

28) Рукоп. Сборн. историч. матер. П. Буткова, стр. 448 и 450.

29) Извѣстія о Кавказѣ. С. Броневскаго, изд. 1823 г., ч. 1, стр. 313; ч. 2, стр. 197.

30) Извѣстія о Кавказѣ. С. Броневскаго, стр. 80. Рукоп. Сборн. историч. матер. П. Буткова, стр. 449.

31) Сборникъ свѣдѣній о Терской области, изд. областнаго стат. комит. 1878 г., стр. 219.

32) Ист. Гос. Рос. Карамзина. Т. X, гл. 3.

Рукоп. Сборн. историч. матер. П. Буткова, стр. 323.

33) Степенная книга. Т. 2, стр. 295.

34) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. VI, гл. 3.

35) Idem. Т. VI, гл. 5; Т. VII, гл. 3.

Александро-невская лѣтопись (неизданная).

36) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. VII, гл. 3.

37) Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. I, стр. 941.

38) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. VII, гл. 3.

39) Idem. Т. VI, гл. 5.

Ист. Гос. Рос. Карамзина. Т. IX, гл. 2.

40) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. VI, гл. 5.

41) Idem. Т. VII, гл. 3.

Трехсотлѣтіе войска Донскаго. А. Савельева, стр. 21.

42) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. VII, гл. 3.

43) Преданіе, сохранившееся въ записяхъ, веденныхъ въ семействѣ уставщика (священника) станицы Старогладковской Филипа Ивановича Тамазина, умершаго въ 1850 году, послѣ пятидесятилѣтняго служенія въ званіи уставщика. Отецъ его Иванъ Ивановичъ былъ также долгое время уставщикомъ и перешелъ въ это званіе изъ православныхъ дьяконовъ той же Старогладковской станицы, когда въ населеніи ея оставались еще казаки, удерживавшіеся отъ перехода въ расколъ. Рукописный сборникъ мѣстныхъ преданій генерала Ѳ. Ф. Федюшкина.

Ист. Рос. С. Соловьева. Т. IX, гл. 4.

44) Мы увидимъ далѣе, въ историческомъ очеркѣ стараго терскаго войска, что обширныя рыбныя ловли въ населяемыхъ тѣмъ войскомъ устьяхъ Терека и легкій переходъ отъ рыболовнаго промысла къ молодечеству на морѣ постоянно привлекали туда „гулящихъ людей“, искавшихъ доли.

45) Выписка изъ ногайскихъ дѣлъ въ столбцахъ московскаго архива, № 1, годъ 1631, по рукоп. Сборн. историч. матер. П. Буткова, стр. 595.

„Въ 1631 году требовано было Терскими воеводами отъ Терскихъ и Гребенскихъ вольныхъ атамановъ и казаковъ, чтобъ шли на службу Государеву на перевозы, откуда Ногайскихъ и Кизылбашкихъ людей чаять. Они отказались затѣмъ, что не получаютъ Государева жалованья, которое имъ обѣщано ежегодно 30 атаманамъ и 470 рядовымъ грамотою Государевою 1623 года. И воеводы представляли, что если казаковъ по Терку и въ

Гребняхъ не будетъ, то Терскому городу будетъ большая тѣснота. Вслѣдствіе чего повелѣно деньги и хлѣбъ въ жалованье доставлять имъ изъ Астрахани въ Терки".

III.

46) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. VII, гл. 3.

47) Idem. Т. VII, гл. 4.

Акты историческіе Археографической коммисіи. Т. I, № 230.

48) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. VII, гл. 3.

Преданія, сохранившіяся въ семействахъ Джембойлуковскаго муллы Куръ-Магома, а также Костековскаго владѣльца Будай-Хана Гамзина и Аксаевскаго князя, генералъ-маіора Мусы-Хасая Уцміева. Рукописный сборникъ преданій генерала Ѳ. Ф. Федюшкина.

49) Ист. Гос. Рос. Карамзина. Т. X, гл. 1.

50) Idem. Т. X, гл. 1.

51) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. VIII, гл. 1.

Преданіе, сохранившееся въ родѣ Тарковскаго муллы Гасана, а также князей Костековскаго и Аксаевскаго. Рукописный сборникъ преданій генерала Ѳ. Ф. Федюшкина.

Въ исторіи Государства Россійскаго, Карамзина (Т. X, гл. 1), пораженіе воеводъ Бутурлина и Плещеева изображено такъ: „Утѣсненный нами Шавкалъ, тщетно ожидалъ вспоможенія отъ Аббаса, искалъ защиты Магомета III, который велѣлъ Дербентскому и другимъ пашамъ своимъ въ областяхъ каспійскихъ изгнать россіянъ изъ Дагестана. Турки соединились съ Кумыками, Лезгинами, Аварами и весною въ 1605 году подступили къ Койсѣ, гдѣ начальствовалъ князь Владиміръ Долгорукій, имѣя мало воиновъ: ибо полки, ушедшіе зимовать въ Астрахань, еще не возвратились. Долгорукій зажегъ крѣпость, сѣлъ на суда и моремъ приплылъ въ

городъ Терскій, а паши осадили Бутурлина въ Таркахъ. Сей воевода, уже старецъ лѣтами, славился доблестію; худо ограждаемый стѣною, еще недостроенною, онъ потерялъ много людей, но отразилъ нѣсколько приступовъ. Часть стѣны разрушилась, и каменная башня, подорванная осаждающими, взлетѣла на воздухъ съ лучшею дружиною московскихъ стрѣльцовъ. Бутурлинъ еще мужествовалъ, однакожъ видѣлъ невозможность спасти городъ; слушалъ предложенія султанскихъ чиновниковъ, колебался и, наконецъ, вопреки мнѣнію своихъ товарищей, рѣшился спасти хотя одно войско. Главный паша самъ былъ у него въ ставкѣ, пировалъ и клялся ему выпустить россіянъ съ честію, съ доспѣхами и надѣлить всѣми нужными запасами. Но вѣроломные кумыки, давъ нашимъ свободный путь изъ крѣпости до степи, вдругъ окружили ихъ и начали страшное кровопролитіе. Пишутъ, что добрые россіяне единодушно обрекли себя на славную гибель, бились съ непріятелемъ злымъ и многочисленнымъ въ рукопашь, человѣкъ съ человѣкомъ, одинъ съ тремя, боясь не смерти, а плѣна. Изъ первыхъ, въ глазахъ отца, палъ сынъ главнаго начальника Бутурлина, прекрасный юноша; за нимъ его отецъ-родитель; также и воевода Плещеевъ съ двумя сыновьями, воевода Полевъ и всѣ, кромѣ тяжело уязвленнаго князя Владиміра Бахтѣярова и другихъ немногихъ, взятыхъ замертво непріятелемъ, но послѣ освобожденныхъ султаномъ.—Сія битва несчастная, хотя и славная для побѣжденныхъ, стоила намъ отъ шести до семи тысячъ воиновъ и на 118 лѣтъ изгладила слѣды россійскаго владѣнія въ Дагестанѣ".

Воспроизведенное въ нашемъ разсказѣ преданіе тарковское, тождественное съ костековскимъ и аксаевскимъ, приписываетъ побѣду, какъ мы видѣли, исключительно однимъ кумыкамъ и дагестанцамъ, не скрывая вѣроломства, жертвой котораго сдѣлались русскіе воеводы; турки же, по словамъ этого преданія, не были подъ

Тарками, а только туда ожидались. Ожиданіе это и заставило русскихъ воеводъ поспѣшить покончить дѣло миромъ — о чемъ имъ дѣлались неоднократныя предложенія. Если бы, говорятъ толкователи мѣстнаго преданія, воеводы заключали договоръ съ турецкими пашами, а не съ шамхаломъ и его дагестанскими и кумыцкими сподвижниками, то они держали бы себя осторожно противъ этихъ послѣднихъ и не дозволили бы имъ побить на голову столь многочисленное войско, превосходившее горцевъ вооруженіемъ, да и сами паши остановили бы кровопролитіе, которое началось въ одномъ только переходѣ отъ Тарковъ. Въ виду основательности такихъ соображеній, мы рѣшились придержаться мѣстнаго преданія, какъ варіанта историческаго факта, въ главныхъ чертахъ сходнаго съ изложеніемъ нашего почтеннаго историографа. Быть можетъ, варіантъ этотъ послужитъ поводомъ къ дальнѣйшему выясненію вопроса: турки, или дагестанцы заставили нашихъ воеводъ выдти изъ Тарковъ?

52) Ист. Гос. Рос. Карамзина. Т. X, гл. 3.

53) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. IX, гл. 4.

54) Idem. Т. VIII, гл. 2.

55) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. VIII, гл. 2.

Царская грамота на Донъ 7 сентября 1623 года. По рукоп. Сборн. историч. матер. П. Буткова, стр. 337.

„При царѣ Борисѣ.... въ который городъ съ Дону казаки появятся, и тѣхъ имали и разсылали по городамъ дальнимъ, по тюрьмамъ; а изъ украинныхъ городовъ никакимъ людямъ ни съ чѣмъ на Донъ ходить было не велѣно, а кто поѣдетъ на Донъ и того поймаютъ, и тѣхъ въ тюрьмы сажали и на пыткахъ пытали и всякое жестокое наказаніе чинивали, а иныхъ и смертью казнивали и во всемъ была заповѣдь крѣпкая: ни съ Дону, ни на Донъ никого ни съ чѣмъ не пускали“.

56) Акты Археографической экспедиціи. Т. III, № 44.

Ист. Рос. С. Соловьева. Т. IX, гл. 2.

IV.

57) Ист. Гос. Рос. Карамзина. Т. X, гл. 3.

58) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. IX, гл. 1 и 4.

59) Историч. описаніе земли войска Донскаго, изд. 1878 г., стр. 546.

60) С.-Петерб. Вѣдомости 1829 г., № 80. Статья академика Гамбы. По рукоп. Сборн. историч. матер. П. Буткова, стр. 582.

61) Рукоп. Сборн. истор. матер. П. Буткова, стр. 338.

62) Историч. описаніе земли войска Донскаго, изд. 1878 г., стр. 293—301.

Рукоп. Сборн. истор. матер. П. Буткова, стр. 196.

V.

63) Акты историч. Археографич. коммисіи. Т. 4, № 57.

64) Акты Археографич. экспедиціи. Т. 4, № 55.

65) Акты историч. Археографич. коммисіи. Т. 4, № 56.

66) Idem. Т. 4, № 153.

67) Idem. Т. 4, № 52.

68) Idem. Т. 4, № 63.

69) Idem. Т. 4, № 40.

70) Idem. Т. 4, № 40.

71) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. XII, гл. 5.

72) Акты историч. Археографич. коммисіи. Т. 4, № 69.

VI.

73) Акты историч. Археографич. коммисіи. Т. 4, № 69.

74) Дополненіе къ актамъ историческимъ Археографич. коммисіи. Т. IV. По рукоп. Сборн. историч. матер. П. Буткова, стр. 554.

„Были извѣты Государю, будто Терчане продаютъ хлѣбное свое жалованье Терскимъ и Гребенскимъ атаманамъ и казакамъ и иноземцамъ на винное куреніе".

75) Акты истор. Археографич. коммисіи. Т. 4, № 141.

76) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. XIII, гл. 3.

Акты истор. Археографич. коммисіи. Т. 4, № 157.

77) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. IX, гл. 4.

Бунтъ Стеньки Разина. Н. Костомарова, изд. 1859 г. стр. 92.

78) Ист. Рос. С. Соловьева. Т XII, гл. 5.

79) Бунтъ Стеньки Разина. Н. Костомарова, стр. 89.

80) Историч. описаніе земли войска Донскаго, изд. статист. комит. Т. 2, стр. 388.

81) Бунтъ Стеньки Разина. Н. Костомарова, стр. 69.

82) Акты историч. Археографич. коммисіи. Т. 4. № 202.

83) Бунтъ Стеньки Разина. Н. Костомарова, стр. 197.

84) Полное собраніе законовъ. Т. 1, ст. 308.

85) Idem. ст. 743.

86) Бунтъ Стеньки Разина. Н. Костомарова, стр. 225.

VII.

87) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. XIV, гл. 2.

Отписка войска Донскаго. По рукописному сборнику историч. матер. П. Буткова, стр. 327—328 и 547—549.

88) Ист. царствов. Петра Великаго. Н. Устрялова. Т. 2, гл. XI.

89) Полн. собран. законовъ. Т. 2, ст. 743.

90) Ист. царствов. Петра Великаго. Н. Устрялова. Т. 1, гл. XI.

„Въ составѣ всѣхъ четырехъ розрядовъ находилось: ратныхъ людей московскаго чина 3366; полковой службы городовыхъ дворянъ болѣе 4500; стрѣлецкихъ полковъ 11, въ числѣ 9270 ч.; рейтарскихъ 28, съ двумя эскадронами копейщиковъ и гусаръ, всего до 30.000; солдатскихъ 35 полковъ, до 50.000 ч.; украинскихъ черкасъ, казаковъ Донскихъ, Терскихъ, Гребенскихъ, Яицкихъ, Ногайскихъ мурзъ, Уфимцевъ, Саратовцевъ, Астраханцевъ и Калмыковъ болѣе 16.000 ч.“

91) Въ отпискѣ войска Донскаго. По рукоп. Сборн. историч. матер. П. Буткова, стр. 327.

„Другіе раскольники Донцы ушли на Куму близь Терка; жили тамъ съ годъ, потомъ, обратясь въ православіе, пришли къ Терскимъ казакамъ и вину свою принесли и живутъ тамъ, служа вмѣстѣ съ Терскими; нынѣ съ Терскими пришли они къ Царицыну и стоятъ тамъ; тутъ же и Астраханскіе, и Гребенскіе, и Яицкіе, и новое понизовое войско; ожидаютъ государевыхъ войскъ съ Гордономъ“.

VIII.

92) Изъ преданій, сохранившихся въ аулѣ Гуной, въ роду почетнаго чеченца Гехи, долгое время бывшаго наибомъ (намѣстникомъ) во время владычества Шамиля. Сборникъ преданій генерала Ѳ. Ф. Федюшкина.

93) Изъ преданій, сохранившихся въ аулѣ Атаги, что на лѣвой сторонѣ рѣки Аргуна, близь крѣпости Воздвиженской, въ роду маіора Девлетъ-Гирея Зормая. Сборникъ преданій генерала Ѳ. Ф. Федюшкина.

94) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. XVIII, гл. 1.

95) Рукоп. Сборн. историч. матер. П. Буткова, стр. 547.

„Гребенцы около 1681 и 1685 г. стали выселяться изъ Гребней на Терекъ".

96) Матеріалы для новой исторіи Кавказа. П. Г. Буткова, изд. 1869 г. Ч. 3, стр. 5 и 55.

97) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. XV, гл. 2.

98) Idem. T. XVI, гл. 2.

99) Idem. T. VIII, гл. 1.

100) Idem. T. VI, гл. 2.

IX.

101) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. VIII, гл. 1.

102) Командовавшій Гребенскимъ казачьимъ полкомъ (бывшимъ войскомъ), ротмистръ графъ Стенбокъ, въ представленіи своемъ наказному атаману Кавказскаго-Линейнаго войска, генералу Верзилину, отъ 3-го марта 1835 года, за № 154, объяснялъ слѣдующее: „Предки казаковъ Гребенскаго войска, что нынѣ полкъ, были нѣкогда поселены на правомъ берегу Терека; будучи впослѣдствіи времени, по распоряженію высшаго начальства, переселены съ праваго на лѣвый берегъ сей рѣки, они сохраняли право собственности на земли, еще предками заслуженныя и въ памяти теперь существующихъ стариковъ остается, что всѣ домашнія обзаведенія казаковъ находились на правомъ берегу, гдѣ они занимались и сѣнокосомъ и хлѣбопашествомъ. Затрудненія безпрестанной переправы чрезъ Терекъ для работъ заставили казаковъ переносить виноградные сады на лѣвый берегъ; остальныя же хозяйственныя работы еще долгое время производились на прежнихъ мѣстахъ. Дабы извлечь болѣе пользы отъ земель, имъ принадлежащихъ на правомъ берегу, старшины Гребенскаго войска заключили контрактъ съ Кабардинскимъ княземъ Баматомъ-Беко-

вичемъ, въ которомъ онъ, за дозволеніе имѣть барановъ своихъ на правомъ берегу, обязался отвѣтствовать за все, хищниками у казаковъ взятое: удовлетворять ихъ за краденый скотъ и лошадей, выручать плѣнныхъ, лѣсъ не рубить, а при приближеніи времени сѣнокоса, удаляться, ибо въ контрактѣ сказано было, что мѣста сіи нужны для казаковъ. Контрактъ былъ ежегодно обновляемъ, какъ княземъ Баматомъ, такъ и наслѣдниками его, и свято татарскіе князья исполняли подписанныя ими условія; но отъ времени учрежденія сунжинской линіи на лѣвомъ флангѣ, начальники оной, имѣя въ виду приласкать чеченцевъ и не имѣя надобности заботиться о правѣ казаковъ, водворили первыхъ на мѣстахъ, гдѣ по контракту имъ дозволялось имѣть кутаны, и изъ кутановъ сдѣлались аулы". (Изъ дѣлъ ставроп. воен. архива).

См. также приложеніе 1, пунк. 3.

103) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. XVI, гл. 2.

104) Полное собр. закон. Т. V, ст. 2993. Указъ капитану гвардіи князю Черкаскому отъ 14 февраля 1716 г.

1. Надлежитъ надъ гаваномъ, гдѣ бывало устье Аммудари рѣки, построить крѣпость человѣкъ на 1000, о чемъ проситъ и посолъ Хивинской.

2. Ѣхать къ хану хивинскому посламъ, а путь имѣть подлѣ той рѣки, и осмотрѣть прилежно теченіе оной рѣки, такожъ и плотины; ежели возможно оную воду пока обратить въ старой токъ, къ томужъ прочія устья запереть, которыя идутъ въ Аральское море, и сколько къ той работѣ потребно людей.

3. Осмотрѣть мѣсто близь плотины или гдѣ удобно на настоящей Аммударѣ рѣкѣ для строенія жъ крѣпости тайнымъ образомъ, а буде возможно будетъ, то и тутъ другой городъ сдѣлать.

4. Хана Хивинскаго склонять къ вѣрности и подданству, обѣщая наслѣдственное владѣніе оному, для

чего представлять ему гвардію къ его службѣ и чтобъ онъ за то радѣлъ въ нашихъ интересахъ.

5. Буде онъ то охотно приметъ и станетъ желать той гвардіи и безъ ней ничего не станетъ дѣлать, опасаясь своихъ людей, то оному ее дать, сколько пристойно, но чтобъ были на его платѣ, а буде станетъ говорить, что перво нечѣмъ держать, то на годъ и на своемъ жалованьѣ оставить, а впредь чтобъ онъ платилъ.

6. Ежели симъ или инымъ образомъ склонится Хивинскій ханъ, то просить его, дабы послалъ своихъ людей (при которыхъ и нашихъ два бы человѣка было) водою по Сырдарьѣ рѣкѣ вверхъ до Иркети городка для осмотрѣнія золота.

7. Также просить у него судовъ и на нихъ отпустить купчину по Аммударьѣ рѣкѣ въ Индію, наказавъ, чтобъ изъѣхалъ ее, пока суда могутъ идти, и оттоль бы ѣхалъ въ Индію, примѣчая рѣки и озера, и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной къ Индіи тою или другими рѣками, и возвратиться изъ Индіи тѣмъ же путемъ, или, ежели услышитъ въ Индіи еще лучшій путь къ Каспійскому морю, то онымъ возвратиться и описать.

8. Будучи у Хивинскаго хана, провѣдать и о Бухарскомъ: не мочно ль его хотя не въ подданство, (ежели того нельзя сдѣлать), то въ дружбу привести такимъ же манеромъ, ибо и тамъ такожъ ханы бѣдствуютъ отъ подданныхъ.

9. Для всего сего надлежитъ дать регулярныхъ 4000 человѣкъ, судовъ, сколько потребно, грамоты къ обоимъ ханамъ, также купчинѣ къ ханамъ же и къ Моголу.

10. Изъ морскихъ офицеровъ поручика Кожина и навигаторовъ человѣкъ 5 или болѣе послать, которыхъ употребить въ обѣ посылки: первая подъ образомъ купчины, другая къ Иркети.

11. Инженеровъ изъ учениковъ Куломовыхъ дать двухъ человѣкъ.

12. Нарядить казаковъ Яицкихъ полторы тысячи, Гребенскихъ 500, да 100 человѣкъ драгунъ и добраго командира, которымъ идти подъ образомъ провожанія каравана изъ Астрахани и для строенія города, и когда оные придутъ къ плотинѣ, тутъ велѣть имъ стать, и по той рѣкѣ, гдѣ плотина, прислать къ морю для провожанія его сколько человѣкъ пристойно; вышеписанному командиру накрѣпко смотрѣть, чтобъ съ обыватели земли ласково и безъ тягости обходился и для дѣланія тамъ города отпустить съ помянутыми конными нѣсколько лопатокъ и кирокъ.

13. Поручику Кожину приказать, чтобъ онъ тамъ развѣдалъ о прянныхъ зельяхъ и о другихъ товарахъ, и какъ для сего дѣла, такъ и для отпуска товаровъ, прислать ему Кожину двухъ человѣкъ добрыхъ людей изъ купечества, и чтобъ оные были не стары.

По симъ пунктамъ Господамъ Сенату съ лучшею ревностію сіе дѣло какъ наискорѣе отправить, понеже зѣло нужно.

О походѣ князя Черкасскаго въ Хиву см. Ист. Рос. С. Соловьева Т. XVIII, гл. 1, а также матеріалы военно-учен. арх. Главн. Штаба, изд. 1871 г. Т. 1, подъ редакц. А. Ѳ. Бычкова. Въ этомъ археографическомъ сборникѣ на стр. 446 значится, между прочимъ, такой документъ:

„Онымъ же сенацкимъ указомъ (отъ 14 марта 1716 года) повелѣно послать съ нимъ, господиномъ княземъ Черкасскимъ, нерегулярнаго войска казаковъ: Яицкихъ 1500, Гребенскихъ 500, и того 2000 человѣкъ, давъ имъ денежное жалованіе, а имянно: атаманомъ по 40 рублевъ, полковникомъ по 25 рублевъ, ясауломъ, знаменщикомъ и войсковому писарю по 15 рублевъ, рядовымъ казакомъ по 10 рублевъ человѣку изъ Казани изъ соляныхъ зборовъ. И по тому царскаго величества указу, а по при-

сланнымъ спискамъ, отправлено къ нему господину князю Черкасскому: съ Яику, въ августѣ да въ ноябрѣ мѣсяцехъ: атамановъ 2, полковникъ 1, ясауловъ 5, знаменщиковъ 16, войсковой писарь 1, казаковъ 1475; съ Гребней: атаманъ (Басмановъ) 1, ясауловъ 2, знаменщиковъ 5, войсковой писарь 1, казаковъ 491, и того указное число 2000 человѣкъ. Опредѣленнаго указнаго имъ жалованья: атаманомъ 3-мъ 120 рублевъ, полковнику 1-му 25 рублевъ, ясауломъ 7-ми, знаменщикомъ 21-му, писаремъ 2-мъ, и того 30 человѣкомъ 450 рублевъ; рядовымъ казакомъ 1966 человѣкомъ по 10 рублевъ, и того 19660 рублевъ; всего имъ въ дачу надобно 20255 рублевъ. А октября 11-го дня 716 году писалъ въ Казань изъ Москвы Казанскаго камисарства камисаръ Елагинъ, что въ оное число на жалованье казакомъ принято изъ Помѣсного Приказу и употреблено платою на 716 годъ 20000 рублевъ; къ тому довлѣетъ еще допять 255 рублевъ. И въ прошломъ 716-мъ и въ нынѣшнемъ 717-мъ годахъ, по писменнымъ требованіямъ господина князя Черкаского, въ Астрахань къ оборъ-коменданту Чирикову указы посланы, дабы оное казацкое жалованье изъ тамошнихъ доходовъ отдавалъ по требованію его, господина князя Черкаского, безъ замедленія. А сего маія 7-го дня писалъ изъ Астрахани въ Казань оборъ-комендантъ Чириковъ, что то казацкое жалованье 20000 рублевъ изъ Астраханскихъ доходовъ онъ, господинъ князь Черкаской, взялъ".

105) Матер. для новой исторіи Кавказа П. Г. Буткова. Ч. 1, стр. 79.

Его же рукоп. Сборн. историч. матер., стр. 61.

Въ наставленіи Терскаго Семейнаго войска депутатамъ Павлу Татаринцеву и Никитѣ Миропову отъ 3-го марта 1767 г. говорится: „Въ 1724 г. по указу Петра Великаго переведены мы съ Дону изъ разныхъ станицъ въ тысячѣ семьяхъ къ бывшей крѣпости и поселены были по рѣкамъ Сулаку и Аграхани въ пяти городкахъ".

106) Матер. для новой истор. Кавказа. П. Г. Буткова, ч. 1, стр. 153.

107) Изъ старыхъ дѣлъ Кизлярскаго комендантскаго архива.

108) Матер. для новой истор. Кавказа. П. Г. Буткова. Т. 1, стр. 186.

109) Ист. Рос. С. Соловьева. Т. XI, гл. 5.

110) Фактическимъ подтвержденіемъ обвиненія въ небрежномъ содержаніи стариннаго правительственнаго архива въ Кизлярѣ (бывшей крѣпости Теркахъ) можетъ служить слѣдующій документъ:

Отношеніе Кизлярскаго Коменданта, полковника Ахвердова къ Кизлярскому полицмейстеру, 8-го класса Таганову, отъ 2 іюля 1804 г., за № 409. Ваше высокоблагородіе, сношеніемъ своимъ за № 1118, испрашиваете увѣдомленія объ Окоченскихъ татарахъ: гдѣ они настоящее жительство имѣютъ и сколько ихъ состоитъ въ обществѣ душъ; откуда, когда перешли въ Россію; гдѣ, отъ кого позволено было имъ поселиться и о прочемъ. Симъ извѣщаю, что дѣла комендантскія прежнихъ лѣтъ хранились въ здѣшней полиціи и со вступленія моего въ должность найдены были внутри оной и на подвалкѣ въ связкахъ бумаги, въ которыхъ при осмотрѣ оказалось въ сшитыхъ тетратяхъ по семи, по восьми и до двадцати листовъ выдранныхъ, а между тѣмъ оные до половины листа выгнилые; выдранныхъ же хотя я и старался изыскивать, но отыскать не могъ; сколько же найдено мною дѣлъ, имѣю на оныя опись, по которой приказано было отъ меня пріискивать по сношенію вашему дѣлъ вступившихъ о Окоченскихъ татарахъ, но не найдено. Полковникъ Ахвердовъ. (Дѣло Ставроп. губернск. архива. Началось марта 31 дня 1804 г. № 9, на 44 листахъ).

111) Акты историч. Археографич. Коммис. Т. 3, № 12.

X.

112) Историч. описаніе земли войска Донскаго. Изд. Обл. В. Д. Статистическаго комитета 1872 г. Т. 2, стр. 537.

113) Трехсотлѣтіе войска Донскаго. А. Савельева. Изд. войск. статист. комит. 1870 г.

114) Ист. Донск. войска. В. Броневскаго. Изд. 1834 г., ч. 1, стр. 116.

115) Ист. Сибири. Миллера, стр. 80, 244, 245.

116) Ист. Рязанскаго княжества. Д. Иловайскаго. Изд. 1858 г., стр. 142.

117) Ист. Рос. Щербатова, VI, ч. 2, 53—268. Собраніе государственныхъ грамотъ 2, 125. По рукоп. Сборн. историч. матер. П. Буткова, стр. 183.

XI.

118) Изъ дѣлъ Астрах. Эпархіальной Консисторіи 1738—1765 г.

119) Idem.

120) Idem.

121) Idem.

122) А. Щапова „Земство и расколъ". Вып. 1, изд. 1862 г.

123) Рукоп. Сборн. ист. матер. П. Буткова, стр. 302.

124) Idem.

125) Вообще, свѣдѣнія о началѣ и развитіи раскола въ Гребенскомъ войскѣ, равно и документы, приведенные въ текстѣ, взяты изъ старыхъ дѣлъ Астраханской эпархіальной Консисторіи за 1738 — 1765 годы, нынѣ хранящихся въ архивѣ Кавказской Духовной Консисторіи, въ городѣ Ставрополѣ. Выборки изъ этихъ дѣлъ были напечатаны въ Кавказскихъ эпархіальныхъ вѣдомостяхъ 1875 г. № 10 и 1877 г. № 2 и 3. Смотри

также „Земство и расколъ“ А. Щапова, вып. 1, изд. 1862 г.; Ист. Донскаго войска В. Броневскаго и рукоп. Сборн. историч. матер. П. Буткова.

XII.

126) См. выше примѣч. 102 и прилож. 1.

127) Акты, собранные Кавказскою Археографическою коммисіею. Т. VI, ч. 2, № 795.

128) Idem.

129) Idem. Т. V, № 979.

Полн. Собр. Законовъ. Т. XXXVI, ст. 27704.

130) Изъ дѣлъ Ставропольскаго военнаго архива (бывшаго Штаба войскъ Кавказской Линіи и Черноморіи). Представленіе наказнаго атамана Кавказскаго Линейнаго войска, генералъ-маіора Николаева командовавшему войсками на Кавказской Линіи и въ Черноморіи, генералъ-лейтенанту Граббе отъ 23 августа 1838 г., № 3.

Полн. Собр. Закон. Т. XV, ст. 11299.

131) Idem.

132) Idem. Т. XVIII, ст. 12972.

133) Указъ изъ Государственной Военной Коллегіи князю Григорію Александровичу Потемкину отъ 22 іюня 1775 г.

Въ 750 году мая 22 дня, въ Военную Коллегію войско Гребенское отпискою представляло, что, въ бытность въ крѣпости св. Креста, покойный генералъ и кавалеръ Левашовъ опредѣлилъ по Тереку, по близости моря, ловъ рыбы по урочищамъ всякаго званія людямъ для довольствія; почему онаго войска войсковой атаманъ Аука владѣлъ двумя суводями и двумя плавами на 200 саж., по Тереку; а какъ пожалованъ въ то Гребенское войско въ войсковые атаманы Иванъ Борисовъ, который для домовой его надобности и довольствія пріѣзжающихъ къ нему всякихъ людей лову

рыбы, по близости моря, въ рѣкѣ Терекѣ не имѣлъ, то въ 749 году, по прошенію его, и даны ему въ означенной рѣкѣ Терекѣ двѣ суводи и два плава. Токмо всякаго званія люди и кизлярскіе служители къ лову рыбы чинятъ ему всякія обиды, въ чемъ имѣетъ немалую нужду; и просило оное войско, чтобъ ему, войсковому атаману, на обиходъ дома и для довольствія пріѣзжающихъ къ нему всякаго званія людей опредѣлить по Тереку рѣкѣ, по близости моря, къ лову рыбы двѣ суводи и два плава. Тогда посланнымъ къ генералъ-лейтенанту Девицу указомъ велѣно оному атаману Борисову, для ловли рыбы на его обиходъ и довольствіе пріѣзжающихъ къ нему всякаго званія людей, по Тереку рѣкѣ двѣ суводи и два плава отвесть, по своему разсмотрѣнію, въ такихъ мѣстахъ, чтобъ кизлярскимъ обывателямъ, а наипаче воинскимъ людямъ въ такой же ловлѣ рыбы никогда недостатка, а напротивъ того, и отъ нихъ помянутому войсковому атаману помѣшательства и обиды, быть не могло. А на то онъ, генералъ-лейтенантъ, и рапортовалъ Коллегіи, что показанному атаману Борисову по рѣкѣ Тереку рыбныхъ ловель въ отводѣ имѣется: лѣтнихъ суводей на одну сѣть, зимнихъ и лѣтнихъ плавовъ на двѣ сѣти, которыми суводью и плавами и владѣть; а ежели ему показанное число, какъ онъ проситъ, дать, то можетъ кизлярскимъ жителямъ въ томъ недостатокъ быть, ибо какъ атаманъ, такъ и тамошніе жители и военные люди довольствуются ловлею рыбы по рѣкѣ Тереку, что Коллегіею опробовано. Но затѣмъ, въ 752 году, онаго войска войсковой атаманъ Ивановъ просилъ о нечиненіи матери его и ему съ прочими его братьями утѣсненія, обидъ и нападковъ и о владѣніи ему съ матерью пожалованными отцу его, помянутому войсковому атаману Борисову, рыбными ловлями, съ чѣмъ сходно учинено отъ Коллегіи предписаніе тогда же правящему въ Кизлярѣ комендантскую должность, полковнику Гневашову и вой-

ску Гребенскому. 759 г. іюля 26 дня, по указу Правительствующаго Сената, между прочимъ, 3-мъ пунктомъ велѣно: въ Кизлярѣ рыбныхъ промысловъ на откупъ, для представленныхъ отъ Военной-Камеръ-коллегіи резоповъ, не отдавать и имѣющій съ нихъ оброкъ, котораго при отдачѣ Астраханскою Губернскою Канцеляріею на откупъ съ 755 по 759 годъ состояло 200 рублей, сложить и впредь на откупъ не отдавать, а оставить на довольствіе Гребенскому и Терскому Семейному войскамъ и прочимъ тамошнимъ жителямъ. А какъ изъ прошенія Терскаго Семейнаго войска видно, что рыбные въ рѣкѣ Бекетей промыслы отдавались на откупъ пріѣзжающимъ изъ россійскихъ городовъ купцамъ бывшими въ Кизлярѣ комендантами, въ точную противоположность вышеозначеннаго Правительствующаго Сената указа, но нынѣ таковая отдача бываетъ-ли, не объясняетъ то войско, и для того нынѣ находящемуся въ Кизлярѣ коменданту, полковнику Штендеру предписано указомъ, чтобы, по прежнимъ Военной Коллегіи опредѣленіямъ и по содержанію объявленнаго Правительствующаго Сената указа, о дозволеніи производить рыбныя ловли въ тѣхъ мѣстахъ и чтобъ то войско довольно оными быть могло, учинить оному войску нетолько дозволеніе, но и въ случаѣ когда отъ кого-либо происходимаго въ уловѣ рыбы помѣшательства чинить защищеніе.

134) Изъ дѣлъ Ставроп. губ. арх. № 933. Бумаги 1805—1815 годовъ, оставленныя безъ разрѣшенія за давностію времени.

135) Полож. Комит. Министровъ, высоч. утверж. 17 марта 1831 г.

Назначенію отпуска Гребенскому войску казенной соли по 2 п. 5 ф. на душу предшествовало слѣдующее представленіе командовавш. войск. на Кавк. Линіи

Главноупр. въ Грузіи, отъ 16 ноября 1830 года, № 4053.

Бывшему Кавказскому инспектору, генералъ-лейтенанту Кнорringу 2-му Гребенское казачье войско, рапортомъ отъ 2 іюня 1799 года, доносило, что по состоявшейся въ 1725 году всемилостивѣйшей грамотѣ получали войска сего старшины и казаки казенной соли на семью по 48 ф., по близости соляныхъ озеръ, и оною довольствовались; при открытіи же бывшаго Кавказскаго Намѣстничества, той привозъ соли запрещено, а повелѣно покупать оную изъ Кизлярскихъ магазейновъ. Хотя заплата за неё и не оскудѣваетъ казаковъ, но какъ они всегда заняты службою, отлучаться не могутъ и не всегда потребное число соли для дому въ продажу отпущается, отъ чего также терпятъ не малую нужду, а потому просило войско позволить брать казакамъ соль изъ ближайшихъ соляныхъ озеръ и не поступившихъ въ казну, лежащихъ между называемаго Колпычьяго озера, Тараканьяго Бугра и рѣчки Кумы, хотя единовременно, посылая достаточное число аробъ не для продажи, а единственно про домашній обиходъ. Изъ представленія Астраханской Казенной Палаты къ нему же генералъ-лейтенанту Кнорringу отъ 15 іюня 1800 года видно, что Гребенское войско, съ начала до открытія Кавказскаго Намѣстничества, солью довольствовалось вывозимою для своихъ обиходовъ съ лежащихъ ниже Колпичьяго разныхъ соляныхъ озеръ, безъ всякаго запрещенія, ибо въ то время оная соль состояла вольною, а довольствуется войско покупкою изъ Кизлярскаго соляпаго магазейна, и хотя по грамотѣ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государыни императрицы Елизаветы Петровны, прошлаго 1751 года, и велѣно производить войску Гребенскому соли каждому казаку въ годъ по 1 п. 8 ф., которую, кромѣ хлѣбнаго и денежнаго жалованья, войско Гребенское и по нынѣ

не получало; а поелику высочайшаго рескрипта, даннаго правившему должность Кавказскаго генералъ-губернатора, графу Потемкину мая въ 3 день 1785 года, въ 8 пунктѣ поставлено: соляная и винная продажа долженствуетъ въ сей губерніи остаться на основаніи уставовъ о винѣ и соли, соблюдая при томъ всю осторожность въ разсужденіи дикихъ народовъ, дабы имъ подъ симъ видомъ не было дѣлаемо никакихъ притѣсненій, то въ городахъ Кавказской области и казачьихъ станицахъ продажа казенной соли и введена въ 1786 году; о озерахъ же соляныхъ обракованныхъ, состоящихъ около Колпичьяго озера къ Тараканову бугру, въ дѣлахъ камеральной части свѣдѣнія не состоитъ и въ сочиненномъ въ 1797 году историческомъ, географическомъ и камеральномъ о соли въ Астраханской Губерніи описаніи ихъ не видно, а считаются негодными въ Кизлярскомъ уѣздѣ, подъ названіемъ Тараканьевскихъ, четыре озера, съ Кумскихъ же двухъ, большаго и малаго, соль поставляется въ казенные магазейны Кизлярскій и Моздокскій, а съ лежащихъ въ Ставропольскомъ уѣздѣ таковой поставки не бываетъ, по причинѣ негодности ихъ къ человѣческому употребленію, дойденной чрезъ химическое испытаніе, почему казна и не имѣетъ съ нихъ ни какого дохода... Командующій Гребенскимъ войскомъ доноситъ, что жителей въ семъ войскѣ состоитъ нынѣ мужеска 2740 и женска пола 3004, а всего 5744 души; для ежегоднаго ихъ домашняго продовольствія нужно соли 11631 п. 24 ф., предполагая количество сіе такимъ образомъ: для одного человѣка въ годъ по 1 п. 8 ф., для соленія рыбы и разныхъ овощей 28 ф. и во время болѣзни разнаго скота для леченія онаго 5 фун., всего же на одного человѣка въ одинъ годъ по 2 п. и 1 ф... Нынѣ производится Моздокскому полку изъ Гайдуцкихъ запасовъ соли 23923 п. 10 ф. въ годъ, то есть по 2 п. 5 ф. на каждую душу, безъ взиманія ак-

цыза и приготовительныхъ денегъ, съ предоставленіемъ доставки сего количества въ казачьи станицы самимъ казакамъ, или, буде они пожелаютъ, перевозкою на ихъ счетъ по распоряженію Астраханскаго Соляная Правленія. Сообразивъ всѣ вышеприписанныя обстоятельства, я не нахожу никакихъ препятствій на исходатайствованіе Гребенскому войску отпуска соли 11631 п. 24 ф. въ годъ изъ Гайдуцкихъ запасовъ... (Дѣло Ставроп. губерн. архива 1828—1831 г., № 120).

136) Полн. собр. закон. Т. X, ст. 7581 и 7592.

137) Представленіе командующ. войск. на Кавк. Линіи командиру Отд. Кавк. Корпуса отъ 26 мая 1844 года, № 903.

. . . . Въ вознагражденіе казаковъ Гребенскаго полка за собственный ихъ лѣсъ, истребляемый для казенной потребности, я имѣю честь просить ходатайства вашего объ окончаніи спорнаго дѣла, заведеннаго ими съ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, по предмету лѣсной дачи „Командный лѣсъ“, близъ Шадринской станицы состоящій, возвратомъ нынѣ же этой дачи въ собственность казаковъ. Обстоятельства этого дѣла были слѣдующія: въ проѣздъ Государя Императора по Кавказу казаки Гребенскаго полка подавали Е. И. В. всеподданнѣйшее прошеніе, въ коемъ ходатайствовали о возвращеніи имъ участка лѣса, состоящаго изъ 800 десятинъ, между станицы Шадринской и деревни Паробочевской; каковой участокъ принадлежалъ сперва казакамъ, а потомъ неправильно, единственно по недоумѣнію землемѣра, былъ отмежеванъ въ казну и современемъ поступилъ въ вѣдѣніе Государственныхъ Имуществъ. Изъ переписки, заведенной по этому предмету, видно, что предмѣстникъ вашего высокопр-ства сносился съ г. министромъ Государственныхъ Имуществъ, на что получилъ отзывъ отъ 16 мая 1840 года,

№ 1373, препровожденный въ копіи предписанія генералъ-отъ-инфантеріи Головина къ генералъ-адъютанту Граббе отъ 23 іюня того же года № 757, коимъ требовалось разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, сдѣланныхъ министромъ Государственныхъ Имуществъ. Генералъ-адъютантъ Граббе, при рапортѣ отъ 20 сентября 1840 года, № 18142, представилъ отвѣты на вышеупомянутые вопросы; главное содержаніе ихъ было: 1) что лѣсъ, именуемой Командным, принадлежалъ издревле казакамъ Гребенскаго полка, что видно изъ плановъ и документовъ, хранящихся въ Коммисіи надѣленія землями Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска; 2) лѣсомъ этимъ пользовались до 1825 года гарнизонъ упраздненнаго укрѣпленія Ивановскаго и разныя команды на Терекѣ проходившіе, отъ чего онъ и назывался: то командным, то казеннымъ; въ томъ же году командной лѣсъ, съ упраздненіемъ укрѣпленія, былъ неправильно отобранъ въ казну отъ ошибки землемѣра Безобразова, который, снимая въ 1803 году лѣсныя дачи, Кизлярскаго округа, нанесъ на планъ и Командной лѣсъ, показавъ его принадлежащимъ не казакамъ, а укрѣпленію; и наконецъ 3) что хотя по планамъ и числится въ Моздокскомъ и Гребенскомъ полкахъ до 17132 десятинъ 919 сажень лѣса, но сей лѣсъ большею частію состоитъ даже не изъ дровянаго, а изъ кустарника, растущаго по степямъ и болотамъ, который съ 1825 года до сего времени на разныя, какъ частныя, такъ и казенныя потребности, а особенно на устройство плотинъ вдоль Терека, значительно истребленъ. (Дѣло Походнаго Дежурства командующаго войск. на Кавк. Линіи 1844 года, № 178).

138) Изъ дѣлъ Ставр. воен. архива.

139) Полн. Собран. Закон. Т. XIX, ст. 13620.

140) Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива. Приказы

командира 19-й пѣхотной дивизіи и командующаго войсками на Кавказской Линіи, генералъ-маіора Сталя 2-го, за 1819 годъ.

141) Изъ дѣлъ Ставроп. губ. арх. 1827 г., № 95.

XIII.

142) Полн. Собран. Закон. Т. XVI, ст. 11824.

143) См. примѣч. 45.

144) Рукоп. Сборн. историч. матер. П. Буткова, стр. 584.

145) Полн. Собр. Закон. Т. XIII, ст. 9849.

Вѣдомость, представл. Кизл. коменд. Штендеромъ въ Астрах. губ. канцелярію при рап. 27 авг. 1775 г. № 1838.

146) Полн. Собр. Закон. Т. XIII, ст. 9894.

Указъ изъ Государств. Воен. Коллегіи кизлярскому коменданту, генералъ-маіору фонъ-Фрауендорфу отъ 17 ноября 1757 года, за № 9680.

....Прошлаго 1751 октября 14 дня, по опредѣленію Правительствующаго Сената и по прошенію Гребенскаго войска, въ которомъ служилыхъ казаковъ 906 человѣкъ, велѣно: въ награжденіе за ихъ службы, для викторіальныхъ дней и пріѣзжающихъ къ войску тому кабардинскихъ и прочихъ горскихъ князей, отпускать повсегодно изъ ближайшихъ къ оному войску кабаковъ до 50 ведеръ въ годъ безденежно.

147) Полн. Собр. Закон. Т. VII, ст. 5041.

148) Собран. государств. грамотъ и договоровъ. Т. 2. 125. По рукоп. Сборн. историч. матер. П. Буткова.

149) Полн. собран. закон. Т. XI, ст. 8742.

150) Idem.

151) Idem. Т. XXX, ст. 23412.

152) Изъ дѣлъ Ставропольск. военнаго архива. От-

зывъ коммисаріатскаго департамента военнаго министерства командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса Головину, отъ 27 мая 1842 года, № 5094.

153) Полн. собран. закон. Т. XX, ст. 14251.

154) Изъ дѣлъ Ставр. военнаго архива. Докладъ Инспекторск. Департ. начальнику главнаго Штаба, 2 іюня 1819 года, № 5681.

155) Полн. собран. закон. Т. XXV, ст. 19135 и Т. XXVI, ст. 19981.

156) Изъ дѣлъ Ставр. воен. арх. Представленіе инспектора кавказской инспекціи, генералъ-лейтенанта Кнорринга въ Военную Коллегію отъ 30 декабря 1802 года:

Поселенные на Кавказской Линіи казаки, хотя и не вдалекѣ отъ домовъ своихъ несутъ службу, но отнюдь не облегчительнѣе противъ выкомандированныхъ на Линію донскихъ полковъ, по причинѣ, что и тѣ, кои, за содержаніемъ постовъ по кордону, находятся въ домахъ своихъ, не могутъ изъ оныхъ для домашнихъ работъ отлучаться, а обязаны быть всегда въ ежеминутной готовности, какъ къ преслѣдованію хищниковъ, часто на знатное за границу разстояніе, никогда не оставляющихъ Линію въ покоѣ, такъ и для подкрѣпленія кордонныхъ постовъ, въ случаѣ покушенія на оные непріятелей, и для другихъ многихъ, по тамошнему пограничному краю, встрѣчающихся употребленій; въ семействахъ же ихъ, какъ и во всѣхъ, въ Астраханской губерніи (т. е. въ Кавказскомъ краѣ), казачьихъ войскахъ и полкахъ находящіеся отставные и неслужащіе казаки, за исключеніемъ государственныхъ податей, несутъ всѣ поземельныя повинности, паче же почтовую гоньбу по пространству Астраханской губерніи и, по малолюдству, довольно казакамъ тягостную.

157) Изъ дѣлъ Ставр. воен. архива.

158) Idem. Отзывъ генералъ-фельдмаршала графа Паскевича Эриванскаго къ управл. Главнымъ Штабомъ

Е. И. В. генералъ-адъютанту графу Чернышову отъ 18 марта 1830 года, № 314.

Вслѣдствіе почтеннѣйшаго отношенія ко мнѣ в. с. отъ 9 декабря минувшаго 1829 года, № 9465, честь имѣю сообщить мнѣніе мое относительно заурядъ-офицеровъ. Производство въ чины сіи можно допускать только въ одни заурядъ-хорунжіе, и то при недостаткѣ въ полку полнаго комплекта хорунжихъ, изъ достойнѣйшихъ урядниковъ и прослужившихъ въ семъ званіи не менѣе пяти лѣтъ, кромѣ оказавшихъ отличія. Заурядъ-хорунжихъ производить въ настоящіе хорунжіи по прослуженіи съ отличіемъ въ означенномъ званіи восьми лѣтъ, если знаютъ грамотѣ, а незнающихъ оной награждать чиномъ хорунжаго только при увольненіи отъ службы за увѣчьемъ, старостью и болѣзнями. Въ прочіе чины, какъ то: заурядъ-сотники и есаулы, не производить. Какъ заурядъ-офицеры несутъ службу и должны имѣть обмундировку и лошадей наравнѣ съ дѣйствительными офицерами, но получая отъ казны содержаніе по урядничьему окладу, терпятъ чрезъ сіе крайнюю нужду, то признаю съ моей стороны справедливымъ дозволить имъ пользоваться жалованьемъ и прислугою наравнѣ съ дѣйствительными хорунжими. Производство изъ урядниковъ въ заурядъ-хорунжіе по способности и за отличную службу по прежнему предоставить главнокомандующему войсками въ здѣшнемъ краѣ. Равнымъ образомъ отъ него же должно зависѣть и смѣщеніе изъ означеннаго званія оказывающихся недостойными, по представленію начальства.

159) Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива.

160) Idem.

161) Idem.

162) Изъ дѣлъ Ставр. военнаго архива.

ВѢДОМОСТЬ

о довольствіи, какое получаютъ отъ казны воинскіе чины Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска.

Въ 1838 году.

ВЪ ПОЛКАХЪ:	ВЪ ГОДЪ. Жалованья. Р.	К.	Провіанта. Муки. Чет.	Чет.	Гар.	Крупъ. Чет.	Чет.	Гар.	Фуража. Овса. Чет.	Чет.	Гар.	Сѣна. Пуд.	Фунт.		
Волгскомъ.															
Командиръ полка, состоящій по кавалеріи, полковникъ Зельмицъ	1700	—	18	—	—	1	5		Не пол			участъ.		Провіантъ получаетъ на 6 деньщиковъ. Офицеры, кромѣ заурядъ-хорунжихъ, получаютъ фуражъ на 2 строевыхъ и 1 подъемную; заурядъ-хорунжіе, урядники и казаки на 1 строевую и 1 подъемную, изъ коихъ на строевыхъ за четверть овса по 2 р. 20 к., а на подъемныхъ по 1 р. 80 к.; за сѣно же вообще за пудъ по 8 к.	Въ Волгскомъ полку провіантъ и жалованье получается на чиновъ согласно ордера генералъ-маіора Фабриціана на имя Волгскаго войска походнаго атамана Страшнова отъ 2 іюня 1781 года, за № 837. За фуражное довольствіе деньги, на основаніи указа Государственной Военной Коллегіи, состоявшагося въ 26 д. октября 1809 г. за № 41173, по 2-й полосѣ Линіи.
Войсковой старшина	17	82	3	—	—	—	2		18	—	—	270	—		
Есаулъ	17	82	3	—	—	—	2		18	—	—	270	—		
Сотникъ	17	82	3	—	—	—	2		18	—	—	270	—		
Хорунжій	17	82	3	—	—	—	2		18	—	—	270	—		
Заурядъ-хорунжій, урядникъ и казакъ	11	88	3	—	—	—	2		12	—	—	180	—		
Горскомъ.															
Командующій полкомъ, состоящій по кавалеріи маіоръ Макаровъ	1100	—	9	—	—	—	6		Не пол			участъ.		Провіантъ получаетъ на 3 деньщиковъ. Какъ офицеры, такъ и нижніе чины получаютъ фуража на столько же строевыхъ и подъемныхъ лошадей, какъ и въ Волгскомъ полку и по тѣмъ же самымъ цѣнамъ за четверть овса и пудъ сѣна.	Горскій полкъ всѣ довольствія получаетъ по примѣру Волгскаго полка, по случаю сформированія онаго въ 1825 году, и потому особыхъ указовъ и постановленій не имѣетъ.
Войсковой старшина	17	82	6	—	—	—	4		18	—	—	270	—		
Есаулъ	17	82	6	—	—	—	4		18	—	—	270	—		
Сотникъ	17	82	3	—	—	—	2		18	—	—	270	—		
Хорунжій	17	82	3	—	—	—	2		18	—	—	270	—		
Заурядъ-хорунжій, урядникъ и казакъ	11	88	3	—	—	—	2		12	—	—	180	—		
Моздокскомъ.															
Командующій полкомъ, состоящій по кавалеріи маіоръ Власовъ	1100	—	9	—	—	—	6		Не пол			участъ.		Провіантъ получаетъ на 3 деньщиковъ. Офицеры, кромѣ заурядъ-хорунжихъ, получаютъ фуражное довольствіе на 2 строевыхъ и 1 подъемную, а заурядъ-хорунжіе, урядники и казаки на 1 строевую и 1 подъемную за четверть овса по 3 р., а на подъемную или вьючную по 1 р. 80 к.; за сѣно же, какъ на строевую, такъ и вьючную по 8 к. за пудъ.	Моздоцкій полкъ жалованье получаетъ по примѣрному штату, Высочайше утвержденному въ 31 д. іюля 1799 г. За фуражное довольствіе лошадей деньги по цѣнамъ, Высочайше утвержденнымъ въ 26 д. октября 1809 года, по 3-й полосѣ Кавказской Линіи.
Войсковой старшина	17	82	3	—	—	—	2		18	—	—	270	—		
Есаулъ	17	82	3	—	—	—	2		18	—	—	270	—		
Сотникъ	17	82	3	—	—	—	2		18	—	—	270	—		
Хорунжій	17	82	3	—	—	—	2		18	—	—	270	—		
Заурядъ-хорунжій, урядникъ и казакъ	11	88	3	—	—	—	2		12	—	—	180	—		

Пѣшей командѣ, составляющей гарнизонъ Моздокаго полка:											
Есаулъ	17	82	3	—	—	—	2				
Сотникъ	17	82	3	—	—	—	2				
Хорунжій	17	82	3	—	—	—	2				
Казакъ	3	75	3	—	—	—	2				
Гребенскомъ.											
Командующій полкомъ, состоящій по кавалеріи подполковникъ Стенбокъ	1200	—	12	—	—	1	1	Не пол	учаетъ.	Провіантъ получаетъ на 4 деньщиковъ.	Гребенской полкъ жалованье получаетъ на основаніи указовъ изъ Государственной Статсъ Конторы отъ 5 іюня 1761 г., № 1682, и изъ Государственной Военной Коллегіи 27 ноября 1800 г. Провіантъ на людей и фуражъ на верховыхъ лошадей получаютъ на основаніи указа Е. И. В. Государыни Елизаветы I отъ 30 октября 1755 года.
Войсковой старшина	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Есаулъ	15	84	8	—	—	—	3	По 6	Сѣна	Овесъ	
Сотникъ	14	85	9	—	—	—	3	чет-	не	полу-	
Хорунжій	12	87	7	—	—	—	3	вер-	полу-	чаютъ	
Полковой писарь	19	—	7	—	—	—	3	тей.	чаютъ.	въ	
Заурядъ-хорунжій, урядникъ и казакъ	11	88	6	—	—	—	3			натурѣ.	
Семейномъ Кизлярскомъ.											
Полковой командиръ, состоящій по кавалеріи маіоръ Ульяновскій	1100	—	9	—	—	—	6	Не пол	учаетъ.	Провіантъ получаетъ на 3 деньщиковъ.	Чины, составляющіе сей полкъ, прежде бывшіе состава Терскаго полка, получаютъ жалованье, провіантъ и фуражъ въ натурѣ, на основаніи тѣхъ положеній, по коимъ довольствуются чины Гребенскаго полка; бывшаго же состава Кизлярскаго полка получаютъ жалованье, провіантъ и фуражъ на основаніи положенія, изъясненнаго въ выпискѣ Кизлярской секретной Экспедиціи 22 генваря 1770 года.
Бывшаго состава Терскаго полка, поступившаго въ составъ Семейнаго Кизлярскаго, чины получаютъ довольствія:											
Войсковой старшина	—	—	13	—	—	3	—	6	—	—	
Есаулъ	15	84	8	—	—			По шести		Овесъ	
Сотникъ	14	85	8	—	—			чет-		полу-	
Хорунжій	12	87	7	—	—			вер-		чаютъ	
Заурядъ-хорунжій	11	88	7	—	—			тей.		въ	
Полковой писарь	19	—	10	—	—					натурѣ.	
Урядники и казаки	11	88	6	—	—						
А бывшаго состава Кизлярскаго:								22	4	—	
Есаулъ	45	—	22	—	4	—	—	20	—	—	
Сотникъ	40	—	20	—	—	—	—	10	—	—	
Хорунжіе два по	40	—	20	—	—	—	—				

Хорунжіе два по.	25	—	12	4	—	—	—	12	4	—
Зауряд-хорунжіе два по	40	—	20	—	—	—	—	20	—	—
— одинъ	35	—	17	4	—	—	—	17	4	—
и послѣдніе.	30	—	15	—	—	—	—	15	—	—
Урядники семь человѣкъ (въ томъ числѣ и полковой писарь) по	20	—	10	—	—	—	—	10	—	—
Четыре по	15	—	7	4	—	—	—	7	4	—
Одинъ	14	—	7	—	—	—	—	7	—	—
14-ть по	12	—	6	—	—	—	—	6	—	—
Писаря: одинъ	17	—	8	4	—	—	—	8	4	—
одинъ	15	—	7	4	—	—	—	7	4	—
Казаки изъ новокрещенныхъ:										
девять по	13	—	6	4	—	—	—	6	4	—
девять по	12	—	6	—	—	—	—	6	1	—
Изъ окочепъ:										
три по	14	—	7	—	—	—	—	7	—	—
четыре по.	13	—	6	4	—	—	—	6	1	—
Отставные 10, равно и Терскіе казаки 446, каждый по	12	—	6	—	—	—	—	6	—	—

чаютъ въ натурѣ.

Овесъ полу-чаютъ въ натурѣ.

Примѣчаніе. Въ конно-артиллерійской казачьей ротѣ № 5 офицеры получаютъ фуражъ на 2 строевыхъ и 1 подъемную, а урядники и капониры на 1 верховую и 1 подъемную, а за фуражъ деньгами по полосамъ: въ расположеніи полковъ Кавказскаго, Кубанскаго, Ставропольскаго за четверть овса верховой лошади по 2 руб. 20 к., а на подъемныхъ по 1 р. 80 к., за пудъ сѣна всѣмъ вообще по 8 к., равно и жалованье получаютъ такое же, какое отпускается чинамъ вышеупомянутыхъ полковъ.

Конно-артиллерійская казачья № 6 рота состоитъ отъ полковъ: Горскаго, Моздокскаго, Гребенскаго и Семейнаго-Кизлярскаго и получаетъ жалованье, провіантъ и фуражъ, а за оный деньги, въ которыхъ полкахъ сіе существуетъ, на основаніи постановленій, для каждаго полка учрежденныхъ. Въ ротахъ же особыхъ узаконеній на счетъ сего никакихъ не имѣется.

Чины же всѣхъ полковъ сего (Кавказскаго линейнаго) войска, не исключая и состоящихъ въ артиллерійскихъ ротахъ, во время нахожденія ихъ въ командировкахъ далѣе ста верстъ отъ домовъ своихъ, получаютъ жалованье по старому гусарскому окладу въ годъ: полковникъ 1.122 руб. 90 к., подполковникъ 753 р. 25 к., войсковой старшина 577 р. 5 к., есаулъ 430 р.

10 к., сотникъ 310 р. 37½ к., хорунжій 250 р. 30 к., заурядъ-офицеръ, неимѣющій настоящаго офицерскаго чина, противу старшаго урядника войска донскаго — 37 р. 24 к., старшій урядникъ то же самое количество, младшій 16 р. 66 к.

Чины, состоящіе на службѣ въ С.-Петербургѣ, въ собственномъ конвоѣ Его Императорскаго Величества, довольствуются на основаніи штата, Высочайше утвержденнаго въ 12 д. октября 1832 г., для помянутой команды.

Находящимся въ дѣйствующей арміи въ городѣ Варшавѣ, въ сборномъ линейномъ казачьемъ полку чинамъ производится жалованье и прочее довольствіе на основаніи табели, приложенной при приказѣ военнаго министра отъ 5-го мая 1837 г., № 54.

Состоящіе на службѣ въ г. Тифлисѣ получаютъ по грузинскому окладу, наравнѣ съ донскими полками, тамъ находящимися.

Столовыхъ денегъ командиры полковъ войска сего, состоящіе по кавалеріи, получаютъ въ годъ по 1.100 р. каждый; изъ сословія же войска сего командиръ полка столовыхъ денегъ не получаетъ, жалованье же получаетъ, какъ видно изъ ордера генералъ-маіора Фабриціана на имя Волгскаго войска походнаго атамана Страшнова, по 100 р., а фуража на 8 лошадей, провіантъ же на основаніи донскихъ полковъ.

Въ полкахъ Гребенскомъ и Семейномъ-Кизлярскомъ сѣна для продовольствія лошадей и за оное денегъ не получаютъ. Не видно изъ свѣденія и того, на сколько лошадей въ сихъ полкахъ чины получаютъ овесъ въ натурѣ, а сказано: на человѣка по 6 четвертей. Казаки сихъ полковъ получаютъ провіантъ въ двойномъ количествѣ. Когда же они бываютъ въ командировкахъ, тогда получаютъ одну дачу, а другую получаютъ въ домахъ семейства ихъ.

Сверхъ того, командующій Гребенскимъ казачьимъ

полкомъ, въ чинѣ подполковника, состоящій по кавалеріи, сверхъ своего довольствія, получаетъ по окладу сего полка 21 четверть муки и 6 четвериковъ овса. Въ Семейномъ-Кизлярскомъ полку получается, по окладу бывшаго состава Терскаго полка, на занимающаго мѣсто атамана муки 40 четвертей, крупъ 6 четвериковъ. Занимающій мѣсто дьяка и коммисара—муки 20 четвертей, крупъ 6 четвериковъ. Три станичныхъ писаря—на каждаго муки по 7 четвертей, крупъ по 3 четверика. Тремъ священникамъ, каждому муки по 6 четвертей, крупъ по 3 четверика. Вдовамъ 68, на каждую муки 3 четверти, крупъ 1 четверть, 4 четверика; на ихъ дѣтей и сиротъ отъ 5 до 10 лѣтъ, въ числѣ 24 душъ, на каждаго муки 6 четвериковъ, крупъ 3 четверика; отъ 10 до 15 лѣтъ, 50 душамъ, на каждаго муки 1 четверть, 4 четверика, крупъ 6 четвериковъ; отъ 15 до 20 лѣтъ, 63 душамъ, каждой муки 2 четверти, 2 четверика, крупъ 1 четверть, 1 гарнецъ. Бывшаго состава Кизлярскаго полка занимающій окладъ при мурзахъ маіоръ муки 100 четвертей.

Объ окладахъ донскихъ чиновъ:

Чины Донскаго войска, находящіеся на службѣ внѣ войска, получаютъ слѣдующіе оклады: полковникъ 1.122 р. 20 к., подполковникъ 753 р. 25 к., войсковой старшина 577 р. 5 к., есаулъ 430 р. 10 к., сотникъ 310 р. 37½ к., хорунжій 250 р. 30 к., старшій урядникъ 37 р. 24 к., младшій 16 р. 66 к. Провіантъ получаютъ офицеры на деньщиковъ по чинамъ, а урядники и казаки на себя, по общему положенію. Фуражъ нижніе чины получаютъ на строевыхъ лошадей по полосамъ на 8, 7 и 6 мѣсяцевъ въ году, въ натурѣ или деньгами. Сверхъ того урядники и казаки получаютъ ремонтныхъ денегъ по 75 р. въ годъ.

163) Изъ дѣлъ Ставр. воен. архива. Рап. генер. отъ инфант. Ермолова начальнику Главн. Штаба кн. Волконскому отъ 26 мая 1820 г., № 1093.

Полн. Собр. Зак. Т. XXXVII, ст. 28351.

164) Изъ дѣлъ войсковаго архива Терскаго казачьяго войска.

165) Изъ дѣлъ архива Втораго Отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи. Наставленіе депутатамъ, посланнымъ отъ Гребенскаго войска въ Москву, въ 1768 году, для участвованія въ Коммисіи по составленію уложенія.

Наставленіе это подписали:

Войсковой атаманъ Филиппъ Ивановъ, а за него неграмотнаго войсковой писарь Василій Куприяновъ.

Старшина войсковой Сергей Шумыкинъ своеручно.

Войсковой есаулъ Григорьевъ и войсковой знаменщикъ Никитинъ, а за нихъ неграмотныхъ писарь Мукосѣевъ.

Червленскаго городка станичный атаманъ Ларіоновъ, есаулъ Ефремовъ, сотникъ Григорьевъ и хорунжій Лукіяновъ, а за нихъ неграмотныхъ и за казаковъ станичный писарь Федоръ Зачетовъ.

Шадринскаго—станичный атаманъ Шаминъ, есаулъ Семеновъ, сотникъ Афонасьевъ и хорунжій Егоровъ, а за нихъ и за казаковъ писарь Мукосѣевъ.

Старогладковскаго — станичный атаманъ Леонтій Пчельниковъ, а за него и за другихъ казакъ Федоръ Трусовъ.

Новогладковскаго—станичный атаманъ Ивановъ, есаулъ Алексѣевъ, сотникъ Павловъ и хорунжій Михайловъ, а за нихъ и за казаковъ станичный писарь Брюховецкій.

Курдюковскаго—за атамана и другихъ казакъ Морозовъ.

166) Изъ дѣлъ Ставроп. военнаго архива. Приказъ въ войски, на Кавказской Линіи расположенныя.

30 іюля 1819 года, № 40. въ Георгіевскѣ.

Пунк. 7. Приказами по корпусу, отданными 1817 года 17 числа апрѣля, № 18, и 4 декабря, № 27, предписано: ѣдущимъ по особой порученности чиновникамъ

давать подъ съѣздъ казачьихъ лошадей неболѣе трехъ, какого бы чина проѣзжающій ни былъ, и то неиначе, какъ по открытымъ листамъ за подписомъ командира Линіи, а на конвой получать таковые листы: ѣдущимъ отъ Астрахани—въ Кизлярѣ, а отъ Черкаска—въ Георгіевскѣ. Сіе правило соблюдалось весьма слабо или совсѣмъ не соблюдалось; почему, дабы распоряженіе вышняго начальства оставалось всегда въ своей силѣ, имѣютъ быть отправлены отъ меня открытые листы къ гг. кордоннымъ командирамъ, генералъ-маіору Дебу и полковнику Побѣдному, для снабженія оными тѣхъ чиновниковъ, кои будутъ посыланы по особымъ порученіямъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ нѣтъ обывательскихъ лошадей и гдѣ необходимость требуетъ брать въ упряжь постовыхъ казачьихъ лошадей... Проѣзжающіе же должны ѣхать днемъ, а не ночью, въ каковое время конвою имъ не давать и не позволять ѣхать. Почты, эстафеты и курьеры должны быть конвоируемы во всякое время.

Подписалъ генералъ-маіоръ Сталь 2-й.

167) Какъ полагали устроить подчиненность казачьихъ населеній двумъ властямъ, военной и гражданской губернской, показываетъ совмѣстное представленіе командира 19-й пѣхотной дивизіи и кавказскаго гражданскаго губернатора главноуправлявшему въ Грузіи Тормасову на предписаніе послѣдняго отъ 1-го мая 1809 года, за № 23.

Отставные и не служащіе казаки полковъ и войскъ, на Кавказской Линіи поселенныхъ, какъ люди не въ военной службѣ состоящіе, по общимъ правиламъ должны бы быть подвѣдомы начальству гражданскому. Но какъ они составляютъ родъ поселянъ военныхъ вспомогательныхъ и въ здѣшнемъ краѣ исключительно употребляются на службу при всякомъ случаѣ недостатка казаковъ служащихъ (тотъ и другой, т. е. отставной и не служащій, съ оружіемъ) не только на ближайшіе посты для защищенія границы здѣшней отъ впаденія

хищниковъ горскихъ, но и въ другія дальнія отъ жилищъ командировки и казенныя работы по Линіи, какъ напримѣръ для строенія Константиновскаго редута за Терскомъ, и для инженерныхъ и артиллерійскихъ работъ въ Георгіевскѣ и для работъ въ Тагаурскомъ ущельѣ, гдѣ они находятся по нѣсколько мѣсяцевъ, отлученные отъ домовъ своихъ и отъ хозяйства, получая только въ послѣднемъ случаѣ содержаніе, военно-рабочему опредѣленное, не болѣе десяти копѣекъ въ день, и зависятъ въ таковыхъ порядкахъ непосредственно отъ начальства военнаго: то изъ того явствуетъ, что люди сіи въ одно время подвергаются вѣдомству двухъ начальствъ, коихъ распоряженія, одно отъ другаго не зависимыя, могутъ встрѣчать неудобства въ исполненіи, а второе что тягость, казаками несомая, далеко превышаетъ повинности, гражданскими поселянами отправляемыя. Слѣдовательно, если отъ сихъ военныхъ нарядовъ, на основаніи Высочайшаго указа 1-го января сего 1810 года, отставные казаки не могутъ быть изъяты, кромѣ одной помощи въ защищеніи ихъ станицъ, что для нихъ самихъ почти всегда необходимо, то справедливость требуетъ дать казакамъ нѣкоторыя уваженія и изъятія изъ нѣкоторыхъ общихъ повинностей, гражданскими обывателями отправляемыхъ. По сему, признавая удобнымъ, впредь до настоящаго о казачьихъ войскахъ здѣсь постановленія, если отставные казаки отъ нарядовъ и командировокъ для военныхъ работъ не могутъ быть освобождены отъ оныхъ, полагаемъ учредить слѣдующія правила для отставныхъ казаковъ въ отношеніи ихъ къ губернскому начальству и ограниченія въ отбываніи повинностей.

Во первыхъ, по отношенію казаковъ къ гражданскому начальству. 1) Участвованіе въ выборахъ отъ казаковъ сельскихъ засѣдателей въ суды уѣздный и земскій, въ каждый по одному, и то тамъ гдѣ въ уѣздѣ находится не менѣе трехъ станицъ казачьихъ; отъ всѣхъ же во-

обще войскъ быть одному сельскому засѣдателю въ Совѣстномъ Судѣ. Засѣдатели сіи суть депутаты отставныхъ военныхъ поселянъ, и для того, въ случаѣ какихъ-либо дѣлъ, до казаковъ касающихся, и исполненія по станицамъ, они преимущественно отъ земскихъ судовъ туда командируются. 2) Атаманъ каждой станицы, по части военной, яко то сооруженія нарядовъ на кордоны и тому подобныхъ дѣлъ, состоя въ точной командѣ начальника полковаго или сотеннаго, въ тоже время и по части земской состоитъ въ подчиненности земской полиціи. Онъ о всѣхъ происшествіяхъ въ станицѣ и на земляхъ той станицы, какъ-то: о необыкновенныхъ приключеніяхъ въ натурѣ, о пожарахъ, потопахъ, насильственной смерти людей (разумѣя отставныхъ и не служащихъ или женска пола), скотскомъ падежѣ, о посѣвѣ, урожаѣ и о всѣхъ потребныхъ для начальства случаяхъ доноситъ станичному или полковому начальнику и въ тоже время по земской полиціи, которая въ случаяхъ нужныхъ производитъ слѣдствіе при депутатѣ отъ полка или войска и получаетъ для того законное содѣйствіе. 3) Въ пресѣченіе того отступленія отъ законнаго порядка, которое въ нѣкоторыхъ казачьихъ войскахъ существуетъ, что властію полковаго или сотеннаго начальника рѣшаются такіе случаи, по которымъ виновные не рѣдко подлежатъ суду уголовному, по воровствамъ и подобнымъ тому преступленіямъ, постановить въ обязанность и отвѣтственность станичныхъ атамановъ: о виновныхъ въ таковыхъ дѣлахъ, донося мѣстному военному начальству, увѣдомлять тогда же по порядку и Земскіе Суды о преступленіяхъ уголовныхъ, криминальныхъ и воровствахъ свыше двадцати рублей или въ третій разъ учиненныхъ и прочихъ по законамъ сужденію подлежащихъ; прочія же маловажныя дѣла разбираетъ атаманъ или миритъ ссорящихся на правѣ словесныхъ судовъ. 4) Войсковые и полковые командиры, во всякомъ таковомъ случаѣ и

вообще по дѣламъ, до благоустройства относящимся, властію своею обязаны помогать станичному атаману и должны оказывать удовлетвореніе и требованіямъ гражданскихъ мѣстъ о присылкѣ преступника или подсудимаго; въ каковыхъ случаяхъ градская или земская полиція требованіе свое обращаетъ къ полку или войску, станичному же атаману поставить въ обязанность исправное доставленіе виновнаго къ суду. Въ дѣлахъ тяжебныхъ между казаками предоставляется на волю ихъ прибѣгать къ разбирательству гражданскихъ судовъ или же прекращать оныя между собою судомъ третейскимъ. Въ семъ случаѣ рѣшенія медіаторовъ приводятся въ исполненіе полковымъ или сотеннымъ начальникомъ. 5) Въ станицахъ Ставропольской и Александровской, какъ онѣ отъ городовъ почти не отдалены, а равно и въ Терскомъ-Кизлярскомъ, въ самомъ городѣ Кизлярѣ между обывателями городскими водворенномъ, предоставить имѣть вліяніе полиціямъ городскимъ, а особенно въ исправленіи и содержаніи мостовъ, дорогъ, въ расположеніи войскъ по квартирамъ, учрежденіи распорядка отъ пожаровъ и во всѣхъ случаяхъ, касающихся до благоустройства общаго. На сей конецъ, для содѣйствія городничимъ въ обязанностяхъ полицейскихъ, долженъ быть выбранъ отставными или отъ начальства прикомандированъ отъ каждой изъ сихъ станицъ атаманъ или другой чиновникъ изъ отставныхъ старшинъ либо исправныхъ пятидесятниковъ, въ той станицѣ живущихъ, въ званіи квартальнаго, который обязанъ будетъ полицейскимъ наблюденіемъ въ станицѣ и доставленіемъ городничему потребныхъ для полиціи свѣдѣній. Станицу Георгіевскую, какъ прилежащую къ городу Георгіевску, который послѣ пожара не въ силахъ нести всѣхъ тягостей, особливо въ разсужденіи проходящихъ командъ, въ разсужденіи отставныхъ — причислить къ городу. 6) Учрежденіе сельскихъ запасныхъ магазиновъ по станицамъ на томъ же основаніи, какъ они заведены меж-

ду поселянами гражданскими, признается необходимымъ сдѣлать во всѣхъ казачьихъ войскахъ, поелику таковые запасы въ здѣшнемъ краю, отдаленномъ отъ пособія внутреннихъ хлѣбородныхъ губерній и долженствующемъ снабжаться собственными произведеніями, будутъ служить съ пользою для сего состоянія людей на случай неурожая хлѣба. А по сему всѣ полковые начальники обязаны будутъ доставлять гражданскому начальству по формамъ свѣденія, какъ о состояніи запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и допущенію къ свидѣтельству тѣхъ, кто отъ гражданскаго начальства отправленъ для того будетъ, такъ и о посѣвѣ и урожаѣ хлѣба.

Во вторыхъ, въ разсужденіи доставленія выгодъ казакамъ по земскимъ повинностямъ. Оныя могутъ состоять: 1) Въ избавленіи ихъ отъ наряда подводъ въ отдаленныя мѣста для развоза провіанта, такъ равно и отъ выкомандировки людей для работъ гражданскихъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда бы обѣ сіи надобности встрѣтились необходимыми для самихъ ихъ. 2) Въ избавленіи платежа государственныхъ податей за то, что пользуются землями и всѣми угодьями. Что касается до содержанія почтъ, отъ оныхъ освобождены быть не могутъ по малому населенію здѣшняго края, отчего обыватели сами по себѣ, безъ помощи казаковъ, не въ состояніи содержать почты, тѣмъ болѣе, что по всей дорогѣ отъ Моздока къ Кизляру нѣтъ ни одного селенія, а занимаютъ всю сію дистанцію одни казаки, не меньше того, для избѣжанія затрудненій въ очередяхъ при выставкѣ подводъ на случай недостатка почтовыхъ лошадей и къ возкѣ членовъ земской полиціи и для препровожденія колодниковъ и проч., что нынѣ отправляется нарядомъ, предоставить вмѣсто сего въ каждой станицѣ учредить станичныя почты изъ шести лошадей. 3) Для содержанія въ извѣстности всѣхъ доходовъ станичныхъ и денежныхъ сборовъ съ отставныхъ и не служащихъ казаковъ и расходовъ, имъ не излишне будетъ, чтобы ста-

ничные атаманы, подобно тому, какъ волостные головы и старосты, содержали у себя книги, гдѣ тѣ сборы и расходы, по общему согласію казаковъ, съ утвержденія полковаго командира, производимые, будутъ записываться. Книги сіи могутъ быть повѣряемы по части воинской чиновниками по препорученію дивизіоннаго или бригаднаго командира, а по части гражданской—чиновниками, имѣющими на то право, для удостовѣренія, нѣтъ ли въ оныхъ излишнихъ либо не законныхъ употребленій. Счеты симъ суммамъ должны храниться по станицамъ въ исправности.

Что касается до формы сношеній сихъ полковъ съ гражданскими мѣстами здѣшней губерніи, для постановленія оной принять слѣдующее правило: Губернское Правленіе, какъ мѣсто управляющее именемъ Е. И. В. всею губерніею, будетъ указами предлагать казачьимъ войскамъ или ихъ канцеляріямъ; сіи же въ оное относятся рапортами или донесеніями, прочія же мѣста и лица сношеніями, получая таковыя же и отъ войскъ.

(Акты, собран. Кавказск. археографич. коммисіею, Т. IV, ст. 1261).

168) Изъ дѣлъ войсковаго архива Терскаго казачьяго войска.

169) Дѣло Ставроп. губерн. арх. 1824—1828 г., № 40.

170) До какихъ размѣровъ достигали повинности въ казачьихъ станицахъ, вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, показываетъ представленіе наказнаго атамана Николаева командовавшему войск. на Кавк. Линіи, генералъ-лейтенанту Гурко, отъ 25 апрѣля 1844 года, № 31.

„Малолюдство полковъ Горскаго, Моздокаго, Гребенскаго и Семейно-Кизлярскаго и отдаленіе оныхъ по мѣсту жительства отъ селеній гражданскаго вѣдомства значительнымъ пространствомъ, при всегдашнемъ прослѣдованіи и постоянномъ постоѣ войскъ, положеніе казаковъ дѣлаетъ вообще очень тягостнымъ: дорога

здѣсь одна, одинъ и рядъ станицъ, людей мало, войскъ проходитъ и остается на ночлегѣ много, требованія со стороны сихъ войскъ и подводъ, и пастьбищныхъ мѣстъ, и сѣнокосовъ всегда огромны; къ тому же и самое поселеніе надъ Терекомъ подвержено частымъ тревогамъ. Но не смотря на все это, казаки означенныхъ полковъ привыкли къ этимъ тягостямъ и считаютъ ихъ обыкновенными. Тягость нынѣшняго года, по случаю прослѣдованія войскъ въ Дагестанъ и Чечню, никакъ не можетъ идти въ сравненіе со всегдашнею, ибо означенные полки подводами и постоемъ отягощены до совершеннаго раззоренія, а въ особенности Моздокскій и Гребенской, изъ которыхъ въ первомъ въ послѣдніе три года былъ неурожай на хлѣбъ и травы, истребленные еще во многихъ мѣстахъ и саранчею, а въ дистанціи послѣдняго сосредоточиваются войска, производится хлѣбопеченіе проходящими частями и заготовляются сухари для отрядовъ, предназначенныхъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Такимъ образомъ, при размѣщеніи по квартирамъ, въ одинъ разъ становится по нѣскольку десятковъ человѣкъ въ каждомъ домѣ и для перевоза тяжестей огромное число подводъ высылается безъ всякой посторонней помощи и прогоновъ. Сверхъ того, въ Гребенскомъ полку, для пересушки сухарей, выготовляются дрова изъ небольшихъ станичныхъ лѣсныхъ дачъ самими казаками Моздокскаго и Гребенскаго полка и на казачьихъ же подводахъ сихъ двухъ полковъ перевозятся къ мѣсту сушенія сухарей верстъ за тридцать и болѣе. А какъ въ нынѣшнемъ году всѣ служащіе казаки отвлечены отъ домовъ службою, а старики, малолѣтки и женщины заняты возкою подводъ, то часто во многихъ казачьихъ домахъ постояльцы, оставаясь безъ хозяевъ, жгли вмѣсто дровъ надворныя строенія, а самое важное, что у многихъ хозяевъ чрезъ безпрестанное употребленіе въ подводы и крайнее изнуреніе отъ того рабочаго скота, поля остались не вспаханы и не засѣяны, а въ Гребенскомъ

полку лѣсъ, единственное общественное достояніе казаковъ составляющій, до того истребленъ, что Червленная станица и теперь уже чувствуетъ недостатокъ въ дровахъ для собственнаго обихода, да и Шадринскую скоро постигнетъ участь та же. И справедливо опасаться должно, что казаки полковъ сихъ, обязанные еще взносомъ денегъ за ссудный хлѣбъ въ 1833 и 1834 годахъ, по случаю неурожая отъ казны позаимствованный, не смотря на неограниченное усердіе къ службѣ и готовность къ перенесенію всякихъ трудностей, не будутъ въ состояніи не только исправлять себя къ службѣ лошадьми и оружіемъ, но и прокормить свои семейства". (Дѣло Походн. Дежурства командующ. войск. на Кавк. Линіи 1844 г., № 178, стр. 1).

Указаніемъ на то, что отъ повинностей не освобождались даже восьмидесятилѣтніе старики, можетъ служить прошеніе, поданное Государю Императору 13 октября 1837 года, во время путешествія Его Величества по Кавказской области, урядникомъ Екатериноградской станицы Горскаго казачьяго полка Кузьмою Ивановымъ Пастуховымъ: „Службу началъ я, блаженной памяти, Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ съ 1781 года марта 25; продолжалъ таковую по 1801 годъ апрѣля 17 числа въ Волгскомъ казачьемъ полку; находясь въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля: 1783 года былъ въ походѣ противъ горскихъ народовъ подъ командою полковника Ребиндера; 1784-го противъ тѣхъ же народовъ подъ командою генералъ-поручика Потемкина; 1785 г. съ генералъ-маіоромъ Савельевымъ противъ Кабардинцевъ; 1786-го былъ отправленъ съ разными бумагами отъ генералъ-поручика Потемкина курьеромъ въ Москву къ генераламъ Нарышкину и Воронцову; 1787 г. съ генералъ-поручикомъ Потемкинымъ въ експедиціи противъ закубанскихъ народовъ; 1788 съ генералъ-маіоромъ Текеліемъ въ дѣйствіи и осадѣ Турецкаго города

Анапы; 1789, съ генералъ-маіоромъ Булгаковымъ за Кубанью; 1790, съ генералъ-поручикомъ Бибиковымъ до города Анапы и при дѣйствительной осадѣ онаго, за что получилъ за отличіе противъ непріятеля и усердіе къ службѣ серебряную медаль съ надписью „за вѣрность Екатеринѣ“, на андреевской лентѣ; 1790, съ генералъ-аншефомъ Ртищевымъ въ походѣ противъ Кабардинцевъ; 1791, съ генералъ-поручикомъ Гудовичемъ при дѣйствительной осадѣ города Анапы, и во время дѣла съ непріятелемъ былъ раненъ въ правую ногу пулею на вылетъ, и за взятіе города Анапы, за отличіе и усердіе къ службѣ, отъ генералъ-поручика Гудовича получилъ похвальный аттестатъ; 1794, съ генералъ-маіоромъ Мухтелемъ противъ кабардинцевъ, и въ дѣлахъ противъ непріятеля за отличіе былъ произведенъ въ урядники; 1796-го съ генералъ-аншефомъ графомъ Зубовымъ въ Персіи, въ Дербентѣ и Бакѣ. Въ продолженіи моей службы Ея Императорскому Величеству, блаженной памяти, Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ былъ болѣе 20 лѣтъ на службѣ и во время походовъ потерялъ здоровье и получилъ болѣзнь въ ногахъ ломоту, которая дѣлала мнѣ преграду продолжать службу и я уволенъ былъ отъ службы 1801 года, а завыслуженіемъ безпорочно болѣе 20 лѣтъ долженъ былъ получить крестъ Св. Анны, слѣдуемый для нижнихъ чиновъ, но по перемѣнѣ, по разнымъ случаямъ, во время моей службы, пяти полковыхъ Командировъ, и послѣдній хотя обѣщалъ и льстилъ надеждой, что я буду представленъ къ чину и кресту за мою службу усердную и получу таковые, но всѣ остались его обѣщанія втуне, который послѣ сего умре. Сверстники мои съ одного года получили таковые кресты, которые также умре, а я остался безъ таковаго; нынѣ, уже достигши преклонныхъ самыхъ древнихъ болѣе 82 лѣтъ, долженъ былъ имѣть покой и не нести никакой службы наравнѣ съ прочими; но начальство, не уважая моихъ

старыхъ лѣтъ и прежней моей службы, употребляетъ во всѣ мѣста не только по внутренней, но и на кардоны употреблялся на службу; исполняю всѣ станичныя повинности, какъ денежныя, равно и подводы долженъ отбывать наравнѣ съ прочими; а притомъ начальство угрожаетъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Прискорбно заслуженному воину и по старости моихъ лѣтъ переносить таковыя порицанія, а требуемыя начальствомъ повинности выполнять уже не въ силахъ. Всемилостивѣйшій Государь! припадаю къ стопамъ В. И. В. воззрѣть на мои старыя преклонныя лѣта и хорошую мою прежнюю службу, не оставить Монаршею милостію хотя тѣмъ, дабы я былъ уволенъ отъ всѣхъ станичныхъ повинностей и отбычъ наравнѣ съ прочими; преклонныя старыя мои лѣта, а къ томуже и болѣзнь, которою страдаю болѣе двадцати лѣтъ, дѣлаютъ мнѣ весьма большую преграду, съ великимъ трудомъ только могу пріобрѣсти кусокъ хлѣба для пропитанія себя и жены своей, не имѣвши у себя дѣтей и родныхъ ближнихъ, которые бы мнѣ при старости и древнихъ моихъ лѣтъ дѣлали пособіе по домашнему хозяйству". (Дѣло Штаба войскъ Кавказской Линіи 1838—1842 год., № 503, стр. 10).

171) Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива. Рап. наказн. атамана Кавк. Лин. казач. войска командующему войск. на Кавказ. Линіи генер. Граббе, отъ 11 сентября 1838 года, № 5.

172) Изъ старыхъ дѣлъ Кизлярск. комендантскаго архива.

173) Idem.

174) Наводненіе изъ Терека повторилось и въ 1811 году, какъ показываетъ вѣдомость о произшествіяхъ, случившихся въ Кавказской губерніи съ 15 по 29 іюня 1811 г. „Во всѣхъ уѣздахъ здѣшней губерніи, въ теченіи двухъ недѣль, въ разное время, былъ сильный дождь, сопровождаемый чрезвычайными громовыми ударами и молніею, коими побито на полѣ находившихся

въ Георгіевскомъ и Александровскомъ уѣздахъ 4 человѣка. Всѣ большія или малыя рѣчки наполнились такъ водою, что почти всѣ устроенные на нихъ мосты и мельницы сорвало. Протекающая мимо Моздока и Кизляра рѣка Терекъ, въ Моздокскомъ уѣздѣ, выступая изъ береговъ, затопила близъ казачьихъ станицъ и селеній многое число тутовыхъ и виноградныхъ садовъ, а въ Кизлярѣ прорвала берегъ и залила многія вблизи лежащія мѣста и сады". (Акты Кавк. Археогр. коммисіи. Т. V, ст. 1048).

175) Изъ старыхъ дѣлъ Кизлярск. комендантскаго архива.

176) Idem.

XIV.

177) Idem.

XV.

178) Полн. Собр. Закон. Т. V, ст. 2815.

179) Въ статистическомъ описаніи Ставропольскаго и Пятигорскаго округовъ, составленномъ генеральнаго штаба штабсъ-капитаномъ Калмбергомъ въ 1834 году, рѣка Терекъ изображается въ такихъ чертахъ:

„Высокое положеніе мѣста, откуда вытекаетъ рѣка Терекъ, дѣлаетъ ее во всемъ теченіи до Кизляра быстрою. Въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, когда снѣговая вода, стекая съ горъ на равнину, подымаетъ оную до полутора сажени выше обыкновенной мѣры, какая бываетъ осенью, зимою и весною, она становится свирѣпою. Тогда, во многихъ мѣстахъ выступая изъ береговъ, затопляетъ она часть оныхъ, начиная отъ Шадринской станицы до самаго Каспійскаго моря. Терекъ не всякій годъ замерзаетъ, но зимою несетъ по немъ ледъ; въ сіе время вода въ немъ бываетъ совершенно чиста, прозрачна, вкусна и здорова, а во время прибыли мутна и не такъ здорова, но въ палитомъ сосудѣ, въ про-

долженіи сутокъ, отстаивается и дѣлается хорошей. Ширину Терека совершенно опредѣлить невозможно, ибо оная, при частыхъ наводненіяхъ, перемѣняетъ свое теченіе, промываетъ новыя русла, а старыя засыпаетъ пескомъ и иломъ, но можно сказать, что имѣетъ ширину отъ 50 до 275 саж. Въ оной рѣкѣ водятся рыбы большею частію: сомъ, лосось, севрюга и, частію, осетръ; мелкой же рыбы, кромѣ усачей, рѣдко случается. Грунтъ всего пространства по обѣимъ сторонамъ Терека ило-песковатый, далѣежъ въ степь, къ сѣверу, совершенно песчаный до самой рѣки Кумы; самое же русло Терека ило-песковатое и, частію, изъ мелкаго хряща. Ниже Кизляра стремленіе рѣки сей гораздо менѣе, въ которомъ вода течетъ столь тихо, что русло стараго Терека годъ отъ году болѣе засаривается, что и сдѣлало его совершенно безводнымъ и сухимъ, исключая то время, когда талая вода, стекая съ горъ, наводняетъ Терекъ; въ оное время и въ старомъ Терекѣ появляется немного воды, которая въ весьма короткое время вся истощается. Русло Терека отъ станицы Шадринской до впаденія въ морѣ примѣтно возвышено противъ горизонта земли лѣваго берега, такъ что въ Каргалинской станицѣ и далѣе къ Кизляру горизонтъ воды равняется съ крышами домовъ; во время прибыли воды отъ таянія снѣговъ въ горахъ рѣка выступаетъ изъ береговъ, затопляетъ нѣкоторые кордонные посты и станицы. Нижніе берега Терека, начиная отъ моря до Кизляра и выше до станицы Дубовской, покрыты камышами, далѣе до Каргалинской лѣвый берегъ покрытъ рѣдкимъ кустарникомъ, а правый камышемъ, выше жъ къ селенію Шелкозаводскому обои берега покрыты крупнымъ лѣсомъ и кустарникомъ, шириною отъ берега отъ одной до трехъ верстъ; выше до Шадринской станицы крупный лѣсъ шириною отъ двухъ до четырехъ верстъ. Ниже Малки въ 12-ти верстахъ, съ правой стороны впадаетъ въ Терекъ рѣчка Курпъ, про-

тивъ Новоосетинской и Павлодольской станицъ; Сунжа съ правой стороны выходитъ изъ ущелья хребта, называемаго Гребнемъ, и впадаетъ противъ Шадринской станицы. При впаденіи Сунжи въ Терекъ, какъ быстрота, такъ и глубина Терека увеличилась; но судоходство быть не можетъ по частому приливу воды отъ дождей и тающихъ на горахъ снѣговъ; въ таковыя времена онъ перемѣняетъ свое теченіе и самыя глубокія мѣста остаются мѣлководными или вовсе сухими, а тамъ, гдѣ было мѣлко, вымывается до чрезвычайной глубины.

(Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива).

180) Тотъ же гребенской поэтъ П. Т. Кулебякинъ подарилъ насъ и другимъ прекраснымъ стихотвореніемъ все на ту же неисчерпаемую тему:

ТРЕВОГА.

Ну, потрогивай,
Понукай гнѣдка,
Пока солнышко
Стоитъ на небѣ.
Чтобъ доѣхать намъ
Домой засвѣтло,
Гнѣдка выкупать,
Дворъ метлой смахнуть,
Чтобы завтра встать
Раньше утречкомъ
И, умывшися,
Идти въ божій храмъ.
Не люблю на смерть,
Кто въ воскресный день
Работать начнетъ,
Точно въ будничный;
Вѣдь же сказано,
Въ книгахъ божіихъ:
Работай шесть дней,
Седьмой Богови.
Ну, потрогивай,
Понукай гнѣдка,

Пока солнышко
Стоитъ на небѣ.
Отдохнемъ завтра,
Пустимъ на волю,
Чтобы цѣлый день
Въ лугу бражничалъ.
Ухъ! Съ трудомъ, братъ, я
Нынче выдулся,
Пилъ воды столько,
Что сказать нельзя!
Эко жаръ-то былъ!
День деньской пекло,
Будто варомъ все
Обдало кругомъ.
Хоть бы вѣтеръ чуть
Пахнулъ по полю,
Освѣжилъ бы онъ
Степь заснувшую;
А то мертво все,
Не шелохнется,
И кузнецъ даже,
Не чирикаетъ.
Нынче врядъ ли я
Скосилъ два копна:
Нѣтъ возможности
Одинъ рядъ пройти;
Ну, да самъ суди,
Тутъ кака косьба,
Когда льется потъ
Проливнымъ дождемъ.
Колибъ намъ сюда,
Ночи Сѣвера,
То косилъ тогдабъ,
День и ночь—себѣ;
А тутъ днемъ жара,
Ночи темныя,
Да спѣши домой
Съѣхать за-свѣтло,
А не то абрекъ
Ружьемъ крымскімъ
Угоститъ дружка
По-пріятельски.

Да когда же мы
Вольной пташкою
Ночевать будемъ
Тамъ, гдѣ слюбится.
Надоѣла жизнь,
Жизнь тревожная,
Для хозяйствушка
Непригожая.
Ну, потрогивай,
Понукай гнѣдка,
Пока солнышко
Стоитъ на небѣ.
Скинь папахъ-то свой,
Освѣжи лицо,
Вѣтерокъ подулъ—
Не надышешься.
Стой! не слышешь ты?
Кажись—выстрѣлы
Отдаютъ будто
Къ Арнаутскому *).
Посмотри впередъ:
Вьется пыль столбомъ,
Да и слышится—
Колоколъ гудитъ.
Кто-то скачетъ къ намъ
На гнѣдомъ конѣ,
Видно вѣсть везетъ
Про тревогушку.
Эй, батякушка,
Подъѣзжай-ка къ намъ:
Что ты скачетъ такъ,
Не тревога ли?
— «Даю міру знать:
«Горцевъ партія
«Переправилась
«Чрезъ рѣку Терекъ,
«Возлѣ самаго
«Арнаутскаго;
«Да забылъ сказать:
«Нашъ Татаринцовъ

*) Кордонный постъ, названный въ честь заслуженнаго есаула Арнаутова.

«Долго жить велѣлъ,
«Вспоминать его:
«Сложилъ буйную
«Добрый молодецъ;
«Самъ троихъ срубилъ,
«Да и кончился.
«Ну, да что сказать,
«Дай Богъ всякому
«Умереть, какъ онъ,
«Съ честью, славою;
«Даже бороду,
«Тайну божію,
«Умираючи,
«Закусилъ въ зубахъ;
«Чай ужь душечку
«Его на небо
«Взяли ангелы
«Златокрылые;
«Ну, простите же,
«Поскачу скорѣй—
«Разнесу вездѣ
«Вѣсть нерадостну».
—Вотъ и знай-живи
И загадывай,
Завтра что съ тобой
Къ утру станется!
Хорошо еслибъ
Умереть также
Какъ Татаринцевъ,
Удалецъ Гребня!
А то можетъ быть
Схватятъ соннаго,
Аль одинъ будешь
Ѣхать по лѣсу:
И пройдетъ кинжалъ
Грудь казацкую,
Оберетъ тебя,
Рука вражая!
Ну, потрогивай,
Понукай гнѣдка,
Пока солнышко
Стоитъ на небѣ.

181) Изъ дѣлъ Ставропольск. воен. архива. Журналъ военныхъ происшествій на лѣвомъ флангѣ Линіи съ 8 по 16 мая 1846 г.

182) Акты Кавк. Археогр. ком., т. IV, ст. 1373.

183) До какого минимума сокращались служилые резервы въ станицахъ нарядами въ дѣйствующіе отряды и въ Грузію, можно видѣть изъ слѣдующихъ двухъ документовъ разныхъ эпохъ.

1.

Приказъ въ поселенные на Кавказской Линіи казачьи полки и войски. Іюня 29-го дня 1819 г., № 31.

За выкомандированіемъ казаковъ въ отрядъ войскъ, собираемой подъ командою господина генералъ-маіора и кавалера Вельяминова, и въ Грузію на смѣну сборнаго линейнаго полка, остается въ полкахъ на лицо малое число людей: то съ воли господина корпуснаго командира, предписываю гг. кордоннымъ, полковымъ и постовымъ начальникамъ безъ замедленія употребить всякую возможную осторожность по кордону и, въ случаѣ необходимой надобности въ казакахъ, употреблять не служащихъ и отставныхъ. Подписалъ генералъ-маіоръ Сталь 2-й.

2.

Рапортъ командира Гребенскаго полка, графа Стенбока начальнику Сунжинской линіи, полковнику Пулло отъ 13-го апрѣля 1836 года, № 388.

Во время нахожденія моего въ отрядѣ въ Кумыцкихъ владѣніяхъ случилось въ дистанціи Щедринской станицы слѣдующее происшествіе, о которомъ сотникъ Фроловъ, рапортомъ № 84, доноситъ: „Сего мѣсяца 10 дня, въ 8 часовъ утра, чеченская конная партія въ числѣ 600 челов., переправясь въ бродъ чрезъ Терекъ въ виду Щедринской станицы, оставя другихъ 200

челов. на правомъ берегу, невдалекѣ отъ Брагунъ,—сотникъ Фроловъ тотъ-часъ выскочилъ со всѣми наличными въ резервѣ состоящими казаками, всего 15 челов. при одномъ орудіи,—засталъ часть хищниковъ еще на переправѣ, а другихъ стремящихся въ степь на мѣсто пашней Щедринской станицы, въ 4-хъ верстахъ отъ берега. Онъ открылъ огонь изъ орудія, бросился повсюду, но не былъ въ состояніи отвратить бѣдствія на пашни, гдѣ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ убито: отставныхъ и малолѣтнихъ казаковъ 20 и безъ вѣсти пропавшіе или захваченные въ плѣнъ также 20 душъ разнаго пола и возрасту; сверхъ сего убито: ѣхавшіе по дорогѣ отставной унтеръ-офицеръ Калантаровъ, житель селенія Воронцовки Алексѣй, товарищъ его неизвѣстно имяни, сидѣлецъ червленскаго питейнаго дома Дмитрій Ивановъ; безъ вѣсти пропавшіе: сынъ Калантарова, Кизлярскаго полка отставной казакъ Акташъ Чуризуковъ и города Кизляра Окоченецъ Хаджи Магметовъ. Чеченцы, услышавъ выстрѣлы изъ орудія, бросились стремглавъ обратно на Терекъ, гдѣ были отрѣзаны отъ подоспѣвшаго съ казаками Ключенскаго поста хорунжимъ Тарасовымъ и еще одного орудія, поспѣшившаго изъ станицы Щедринской подъ прикрытіемъ 5 пѣшихъ казаковъ и 6 егерей.—Чеченцы, тѣснимые горстью казаковъ, бросились съ крутаго берега на Терекъ и, вышедши на бродъ, переправились обратно подъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Вслѣдъ за ними переправились и казаки совмѣстно съ подоспѣвшими казаками Червленской станицы и преслѣдовали партію до Сунжи вмѣстѣ съ жителями Брагунъ, выдержавъ нѣсколько яростныхъ атакъ несоразмѣрно сильнѣйшихъ чеченцевъ. Отбито 4 души плѣнныхъ, одинъ чеченецъ захваченъ въ плѣнъ, два тѣла съ полнымъ вооруженіемъ остались въ рукахъ казаковъ и перевезены въ станицу Щедринскую; отбито лошадей 5. По извѣстіямъ, полученнымъ изъ Гундермесса чрезъ Брагунскаго жителя Мачика, чеченцы увез-

ли съ собою нѣсколько тѣлъ убитыхъ и значительное число раненыхъ. Предводительствовали сею партіею извѣстные Уди-Мулла, Думбай, Оздемиръ и Умаханъ". (Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива).

184) Лѣвый флангъ Линіи отъ Моздока до устья Терека и отъ Прегражнаго-Стана, на Сунжѣ, до Міатлинской переправы, на протяженіи слишкомъ 250 вер. длины, оберегается шестью укрѣпленіями, занятыми пѣхотными гарнизонами и казачьими полками: Моздокскимъ, Гребенскимъ и Семейно-Кизлярскимъ, расположенными въ 16 станицахъ и на 68 постахъ. Часть кордона отъ Моздока до Червленной, прикрытая передовою Сунжинскою линіею, пролегающая по мѣстоположенію открытому и ровному, хорошо обезпечена отъ покушеній горцевъ; напротивъ того пространство отъ Червленной до Кизляра, гдѣ лѣвый берегъ р. Терека лѣсистъ, а равно и промежутокъ между укрѣпленіями Умаханъ-Юртомъ и Внезапнымъ, гдѣ находятся выходы изъ лѣсистыхъ горныхъ ущелій, по свойствамъ мѣстности, особенно благопріятствуетъ проходу хищническихъ партій. Этотъ участокъ кордона преимущественно подвергается нападеніямъ разбойниковъ, тѣмъ болѣе, что кочующіе здѣсь ногайцы даютъ имъ всегда у себя убѣжище и способствуютъ ихъ пропуску. (Изъ дѣла Генер. Штаба войск. Кавк. Линіи 1839 г., № 148).

Гребенской участокъ (дистанція) кордона былъ подробно описанъ генеральнаго штаба штабсъ-капитаномъ Калмбергомъ въ 1834 году. Вотъ это описаніе съ небольшими пропусками.

1. Станица Червленая.

Лежитъ на равнинѣ, въ одной съ половиною верстѣ отъ берега Терека. Грунтъ земли въ станицѣ ило-песковатый и, частію, солонцоватый; въ окрестности же вообще ило-песковатый. Станица сія построена по пла-

ну: улицы прямыя и паралельныя между собою, на срединѣ площадь, на которой предположено было выстроить церковь, но такъ какъ жители сей станицы всѣ безъ исключенія старообрядцы, въ числѣ коихъ есть одинадцать семействъ еврейскаго исповѣданія, то таковое предположеніе осталось ненужнымъ. Строенія всѣ вообще деревянныя, покрыты камышемъ; въ станицѣ есть старообрядская церковь и священникъ. Промышленность жителей вообще составляютъ хлѣбопашество, скотоводство и садоводство; послѣднимъ тщательнѣе занимаются, отъ котораго ежегодно получаютъ краснаго вина до 148.000 ведръ, а иногда и болѣе; излишнее вино продается ежегодно на сумму до 55.000 рублей. Въ дачѣ станицы лѣсу строеваго не имѣется; хотя по берегу Терека и есть лѣсъ, но оный годенъ только для мелкихъ домашнихъ построекъ, а для постройки домовъ покупаютъ у зарѣчныхъ жителей. Луговыхъ мѣстъ недостаточно. Станица отъ набѣговъ хищниковъ укрѣплена кругомъ плетнемъ и обрыта канавой; изъ станицы пять выѣздныхъ воротъ со шлагбаумами, при коихъ часовые. Въ оной станицѣ войсковой штабъ, войсковая канцелярія и гауптвахта. Войсковой лазаретъ, при восточной сторонѣ станицы, выстроенъ въ 1828 году. На правомъ берегу Терека, противъ станицы сей находится чеченскій аулъ Баматъ-юртъ.

Отъ станицы Червленой внизъ по Тереку кордонные посты:

Ломакинскій.—Въ четырехъ верстахъ отъ названной станицы, стоитъ на берегу Терека, окруженъ камышемъ; прилегающіе посты скрыты. Постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавою; караулъ изъ шести казаковъ.

Прогонный.—Въ 2-хъ верстахъ отъ Ломакинскаго: стоитъ на берегу, окруженъ камышемъ, но съ вышки прилежащій восточный постъ и дорога видны; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; кара-

улъ состоитъ изъ восьми человѣкъ. Въ полу-верстѣ ниже поста имѣется бродъ въ октябрѣ, ноябрѣ, мартѣ, а когда Терекъ не покрывается льдомъ, то и въ зимнее время.

Буковскій.—Въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Прогоннаго, стоитъ на берегу Терека, окруженъ лѣсомъ; восточный прилежащій постъ виденъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; караулъ состоитъ изъ восьми человѣкъ.

Минавновскій, или Миновный.—Въ одной верстѣ отъ Буковскаго, стоитъ на берегу Терека, окруженъ лѣсомъ; западный прилежащій постъ виденъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; караулъ состоитъ изъ шести казаковъ.

Роговицкій.—Въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Минавновскаго, стоитъ на берегу Терека, окруженъ лѣсомъ; прилегающихъ постовъ невидно; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; караулъ состоитъ изъ восьми казаковъ.

Ключевской.—Въ 11 верстахъ отъ станицы Червленой, стоитъ на возвышеніи, на большой дорогѣ, въ $2^1/_2$ верстахъ отъ берега Терека; съ онаго поста во всѣ стороны открыто. Сей постъ квадратный, каждая сторона въ 20 сажень: постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри поста караульный сарай и сакля для офицера турлучные; караулъ состоитъ при офицерѣ изъ 20 казаковъ. При воротахъ онаго поста лежитъ на двухъ полѣнахъ чугунная пушка, чтобъ въ случаѣ тревоги сдѣлать выстрѣлъ, при коей имѣются три заряда; также у поста стоитъ сигнальная вѣха.

Банный.—Въ 3 верстахъ отъ Роговицкаго, стоитъ на берегу Терека, окруженъ лѣсомъ; прилежащій восточный постъ виденъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; караулъ изъ шести казаковъ; при посту сигнальная вѣха и въ лѣтнее время бываетъ резервъ изъ 40 человѣкъ регулярной пѣхоты.

Яхтинскій. — Въ одной верстѣ отъ Баннаго, стоитъ на берегу, съ западной стороны окруженъ лѣсомъ, а къ востоку камышемъ; западный прилежащій постъ виденъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; караулъ изъ шести казаковъ. Ниже сего поста бываютъ броды съ октября по мартъ мѣсяцъ.

Монастырскій. — Въ 1¼ верстѣ отъ Яхтинскаго, стоитъ на берегу Терека, съ запада окруженъ лѣсомъ, а съ востока камышемъ, чрезъ который прилежащій постъ открытъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; караулъ изъ шести казаковъ. Ниже сего поста бываетъ бродъ съ октября по мартъ мѣсяцъ и далѣе.

Растяжной. — Въ 1½ верстахъ отъ Монастырскаго, стоитъ на берегу Терека, неподалеку отъ дороги, на открытомъ мѣстѣ; западный постъ открытъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри укрѣпленія для караула турлучный балаганъ; караулъ состоитъ изъ шести казаковъ. Ниже сего поста бываетъ бродъ въ октябрѣ и мартѣ мѣсяцахъ и далѣе.

Антиповскій. — Въ 2 верстахъ отъ Растяжнаго, стоитъ на берегу Терека, окруженъ лѣсомъ; съ поста станица Шадринская открыта; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри для караульныхъ казаковъ навѣсъ на четырехъ столбахъ; караулъ состоитъ изъ четырехъ казаковъ; ниже сего поста имѣется бродъ съ октября до марта мѣсяца и далѣе. Между Антиповскимъ постомъ и Шадринской станицей, въ лѣсу, стоитъ резервъ изъ сорока казаковъ при офицерѣ, а въ лѣтнее время присоединяется орудіе и всего сто десять казаковъ при трехъ офицерахъ.

2. Станица Шадринская.

Въ 19 верстахъ отъ Червленной, на самомъ берегу Терека; жителей въ сей станицѣ мужескаго пола 503 и

женскаго 519 душъ; грунтъ земли въ станицѣ ило-песковатый и частію солонцоватый, въ окрестности же вообще ило-песковатый; станица построена по плану: улицы всѣ прямыя, паралельныя между собою и пропорціональной ширины; на срединѣ станицы площадь; строенія всѣ вообще деревянныя, покрыты камышемъ; жители оной станицы всѣ безъ исключенія старообрядцы, имѣютъ для отправленія молитвъ часовню; вмѣсто священника исправляетъ службу избранный изъ самихъ себя казакъ, который именуется наставникомъ. Главная промышленность жителей состоитъ въ хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ, рыбной ловлѣ и садоводствѣ; первые три промысла едва достаточны жителямъ для пропитанія самихъ себя, послѣднимъ тщательнѣе занимаются, да и почва земли способствуетъ, отъ котораго ежегодно получаютъ краснаго вина до 91.600 ведръ, которое большею частію продаютъ на сумму до 50.000 рублей. Дача Шадринской станицы лѣсомъ изобильнѣе всѣхъ станицъ по Тереку, но строеваго лѣсу не имѣется, а годенъ только для мелкихъ домашнихъ построекъ; луговъ вовсе недостаточно и большею частію покупаютъ луговыя мѣста у зарѣчныхъ жителей. Станица отъ набѣговъ хищниковъ, съ трехъ сторонъ, укрѣплена плетнемъ и обрыта канавой; четвертая же сторона станицы берегъ Терека; станица имѣетъ трое выѣздныхъ воротъ со шлагбаумами и съ караульными турлучными будками, при коихъ часовые. При станицѣ имѣется запасный хлѣбный магазинъ, въ который собирается съ жителей во время урожая и раздается въ случаѣ неурожайнаго года, въ коемъ нынѣ хранится 36 четвертей въ зернѣ. Такъ какъ станица сія построена на самомъ берегу Терека, то во время прибыли воды въ ономъ, таковая выступаетъ изъ береговъ даже и въ станицу, по причинѣ низменнаго горизонта всего пространства лѣваго берега Терека противъ русла рѣки; для сего сдѣланы по берегу фашинныя укрѣпленія, дабы разлитіе воды не могло причи-

нить вреда станицѣ. Противъ станицы, при впаденіи рѣки Сунжи въ 3 верстахъ, находится чеченскій аулъ Брагунскій. Между Шадринской станицей и Казы-юртскимъ шанцемъ находится двѣнадцать извѣстныхъ бродовъ, гдѣ хищники всегда имѣютъ переправу.

Отъ станицы Шадринской внизъ по Тереку кордонные посты:

Сунжинскій.—Въ $3^1/_2$ верстахъ отъ станицы, стоитъ на берегу Терека противъ впаденія Сунжи въ Терекъ; окруженъ лѣсомъ; прилежащій восточный постъ виденъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; на посту караульная сакля турлучная; караулъ состоитъ изъ пяти человѣкъ. Противъ поста, при впаденіи Сунжи въ Терекъ, аулъ Джавгаръ-юртъ.

Ищорскій. — Въ $1^1/_2$ верстахъ отъ Сунжинскаго, стоитъ на берегу Терека у самой воды; окруженъ со всѣхъ сторонъ лѣсомъ; укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри турлучная сакля; караулъ состоитъ изъ пяти казаковъ.

Крыушинскій.—Въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Ищорскаго, стоитъ на берегу Терека, окруженъ лѣсомъ; прилегающій постъ невиденъ; укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри поста караульная сакля турлучная; караулъ изъ шести казаковъ.

Лопатинскій.—Въ $3^1/_2$ верстахъ отъ Крыушинскаго, стоитъ на берегу Терека около военнаго поселенія женатыхъ солдатъ 43 егерскаго полка; напротивъ онаго поста, на правомъ берегу Терека, укрѣпленіе Амиръ-Аджи-Юртское, къ которому переправа на семи паромахъ, изъ коихъ 4 казенныхъ, а 3 станицы Шадринской. Постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри для караульныхъ казаковъ камышевый балаганъ; караулъ состоитъ изъ 15 казаковъ при офицерѣ и 20 человѣкъ рабочихъ казаковъ при паромахъ.

Лафетный. — Въ $4^1/_2$ верстахъ отъ Лопатинскаго, стоитъ на берегу Терека, окруженъ камышемъ и лѣсомъ;

укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри для караульныхъ казаковъ камышевый балаганъ; караулъ состоитъ изъ восьми человѣкъ.

Сухой. — Въ $9^1/_2$ верстахъ отъ станицы Шадринской, стоитъ на большой дорогѣ, на открытомъ мѣстѣ, отъ Терека въ 4 верстахъ; весь промежутокъ между Терекомъ и постомъ покрытъ крупнымъ лѣсомъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри для караульныхъ казаковъ и офицера камышевый шалашъ; караулъ состоитъ при оберъ-офицерѣ изъ десяти человѣкъ, у поста имѣется чугунная пушка на двухъ брусьяхъ, чтобы въ случаѣ тревоги сдѣлать выстрѣлъ; также у поста стоитъ сигнальная вѣха.

Новоучрежденный.—Въ 3-хъ верстахъ отъ Сухаго поста, стоитъ на большой дорогѣ, на открытомъ мѣстѣ; прилегающій постъ и деревню Парбучеву видно; оный постъ отъ Терека въ 4-хъ верстахъ; въ промежуткѣ между Терекомъ и постомъ находится крупный лѣсъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри камышевый балаганъ; караулъ состоитъ изъ десяти казаковъ при урядникѣ.

Ивановскій.—Въ 6-ти верстахъ отъ Лафетнаго поста, а отъ Парбучевой деревни въ 3-хъ верстахъ, стоитъ на берегу Терека, окруженъ крупнымъ кустарникомъ; около онаго поста въ 50 саженяхъ бывшая крѣпость Ивановская; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; для караульныхъ казаковъ турлучная сакля; караулъ состоитъ изъ семи казаковъ.

3. Селеніе Шелкозаводское *).

Въ 3-хъ верстахъ отъ деревни Парбучевой, стоитъ на берегу Терека; принадлежитъ генералъ-маіоршѣ Ха-

*) Во время составленія настоящаго описанія сел. Шелкозаводское, равно и сосѣдняя съ нимъ дер. Парубочевская, были уже отчислены въ казачье вѣдомство, но какъ видно, распоряженіе это не было еще приведено въ исполненіе.

статовой и частію состоитъ изъ государственныхъ крестьянъ, армянъ и грузинъ; въ ономъ селеніи двѣ церкви, греко-россійская и армянская, обѣ деревянныя; одинъ спиртокурительный заводъ помѣщицы Хастатовой. Жители промышленность имѣютъ въ хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ и садоводствѣ; послѣднимъ тщательнѣе занимаются. Помѣщица Хастатова ежегодно получаетъ краснаго вина болѣе 6.000 ведръ; въ спирто-курительномъ заводѣ выгоняетъ ежегодно виноградной водки болѣе 700 ведръ. Въ ономъ селеніи казенныхъ крестьянъ: армянъ мужескаго пола 426, женскаго 133, грузинъ мужескаго 106, женскаго 92; помѣщицы Хастатовой мужескаго пола 88 и женскаго 87 душъ. Помѣщицѣ принадлежитъ земли удобной 1.468 десятинъ 991⅔ квадратныхъ сажень; неудобной 42 десятины 365⅓ сажень, подъ деревнею и садами 39 десятинъ 2.286 квадратныхъ сажень, всего удобной и неудобной 1.550 десятинъ 1.243 сажень У казенныхъ удобной земли 1.629 десятинъ 2.027⅔ квадратныхъ сажень, неудобной 48 десятинъ 743⅓ сажень, а всего 1.678 десятинъ 371 сажень. На правой сторонѣ Терека противъ сего селенія, на берегу, чеченскій аулъ Акбулатъ-юртъ.

Постъ Албекскій, или Болотный. — Въ 6-ти верстахъ отъ Новоучрежденнаго поста, стоитъ на большой дорогѣ, на открытомъ мѣстѣ, отъ Терека въ 4½ верстахъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри для караульныхъ казаковъ сакля турлучная; караулъ при урядникѣ изъ 10-ти казаковъ.

4. Станица Новогладковская.

Въ 22½ верстахъ отъ Шадринской, была построена на самомъ берегу Терека; въ 1821 году, отъ сильнаго обмытія берега водой, жители должны были перенести строенія нѣсколько подальше отъ берега, гдѣ нынѣ и находятся. Жителей въ сей станицѣ считается муж.

пола 304 и женскаго 329 душъ. Грунтъ земли въ станицѣ ило-песковатый, равно и въ окрестности таковой же. Станица построена по плану: улицы прямыя и паралельныя, по срединѣ станицы площадь. Станица стоитъ въ лѣсу, но жители понемногу стараются очищать около оной, дабы не могли хищники причинять вреда изъ лѣсу. Жители оной станицы всѣ старообрядцы и имѣютъ для отправленія молитвъ уставщика, выбраннаго изъ самихъ себя. Главный промыселъ въ станицѣ состоитъ въ хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ, пчеловодствѣ, рыболовствѣ и въ садоводствѣ; послѣднимъ тщательнѣе занимаются, отъ котораго ежегодно получаютъ краснаго вина до 6.000 ведръ, изъ коего продается на сумму до 4.000 рублей. Въ дачѣ сей станицы лѣсу изобильно; хотя строеваго не имѣется, но для мелкихъ домашнихъ построекъ годенъ; луговъ недостаточно. Въ сей станицѣ жительство имѣли грузины, кои нынѣ зачислены въ казачье сословіе, коихъ мужескаго пола 39, женскаго 24, грузины имѣютъ церковъ деревянную около станицы. Станица отъ набѣговъ хищниковъ укрѣплена кругомъ плетнемъ, трое выѣздныхъ воротъ, при коихъ караульныя плетневыя будки и рогатки.

Отъ станицы Новогладковской внизъ по Тереку кордонные посты:

Тележный или Коровкинъ.—Въ трехъ верстахъ отъ станицы, стоитъ на берегу Терека, окруженъ лѣсомъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри караульный балаганъ турлучный; караулъ состоитъ изъ шести казаковъ.

Верхній Протоцкій.—Въ двухъ верстахъ отъ Тележнаго поста, стоитъ на самомъ берегу Терека, окруженъ лѣсомъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри турлучная сакля; караулъ состоитъ изъ шести казаковъ.

Татаринскій.—Въ 5-ти верстахъ отъ станицы Новогладковской, стоитъ на большой дорогѣ, на откры-

томъ мѣстѣ; укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри караульная турлучная сакля; караулъ состоитъ изъ 6-ти казаковъ.

Нижній Протоцкій.—Въ двухъ верстахъ отъ Верхне-Протоцкаго, стоитъ на берегу Терека, окруженъ съ восточной и западной сторонъ лѣсомъ, а къ сѣверу Татаринскій постъ виденъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри караульная турлучная сакля; караулъ состоитъ изъ шести казаковъ.

Акаевскій или Кобелевскій.—Въ 2½ верстахъ отъ Нижне-Протоцкаго поста, стоитъ на берегу Терека, на открытомъ мѣстѣ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри турлучная сакля; караулъ состоитъ изъ 6 человѣкъ; противулежащій берегъ покрытъ рѣдкимъ лѣсомъ.

Гараевскій.—Въ 2½ верстахъ отъ Акаевскаго поста, стоитъ на берегу Терека между лѣсомъ; противулежащій берегъ мѣстами въ лѣсу и камышѣ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри турлучная сакля для караульныхъ казаковъ; караулъ состоитъ изъ шести человѣкъ.

5. Станица Старогладковская.

Въ 15 верстахъ отъ Новогладковской, построена была на самомъ берегу Терека, но сильнымъ стремленіемъ Терека начало берегъ станицы подмывать и многія строенія обрушились въ воду, то за нужное почли въ 1813 году съ онаго мѣста передти подалѣе отъ берега и поселиться на нынѣшнее мѣсто, которое отстоитъ отъ берега въ одной верстѣ. Жителей въ сей станицѣ муж. пола 372 и женск. 395; вѣроисповѣданія старообрядскаго, имѣютъ часовню, службу отправляетъ казакъ, выбранный изъ своего общества, который называется уставщикомъ. Грунтъ земли вообще ило-песковатый. Станица построена по плану: улицы прямыя

и паралельныя, на срединѣ площадь, строенія вообще деревянныя, крыты камышемъ. Станица отъ набѣговъ хищниковъ укрѣплена кругомъ плетнемъ и обрыта канавой. Около станицы находится греко-россійская церковъ, которая нынѣ оставлена по причинѣ что жители всѣ перешли въ старообрядскую секту. Главный промыселъ сей станицы состоитъ въ хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ и садоводствѣ; отъ хлѣбопашества весьма мало получаютъ хлѣба, котораго недостаточно для прокормленія самихъ себя и большею частію покупаютъ хлѣбъ; отъ садоводства же получаютъ ежегодно краснаго вина до 10.000 ведръ, изъ коего продаютъ на сумму около 8.000 рублей. Въ дачѣ сей станицы лѣсу достаточно, но строеваго не имѣется, годенъ для мелкихъ домашнихъ построекъ; луговъ не достаточно. Станица имѣетъ двое выѣздныхъ воротъ съ рогатками, при коихъ ночью бываетъ по три человѣка часовыхъ, а днемъ по одному. Отъ наводненія Терека при берегахъ у станицы сдѣлано фашинное береговое укрѣпленіе. При станицѣ имѣется запасный хлѣбный магазинъ, въ который при урожаѣ собирается съ жителей по четыре гарнца съ души и раздается при неурожайномъ годѣ, въ коемъ хранится ржи 150 четвертей.

Отъ станицы Старогладковской внизъ по Тереку кордонный постъ.

Маячный или Щербаковскій.—Въ $3^1|_2$ верстахъ отъ станицы, стоитъ на дорогѣ, на открытомъ мѣстѣ, отъ Терека въ 2-хъ верстахъ; промежутокъ покрытъ лѣсомъ; постъ укрѣпленъ однимъ плетнемъ; внутри караульная сакля турлучная; караулъ состоитъ изъ шести казаковъ.

6. Станица Кордюковская.

Въ $6^1|_2$ верстахъ отъ Старогладковской, построена была на самомъ берегу Терека; по случаю пожара въ 1812 году, переселена на нынѣшнее мѣсто, которая

стоитъ отъ Терека въ 2-хъ верстахъ. Жителей считается въ сей станицѣ муж. пола 268, женскаго 229 душъ, кои всѣ старообрядцы и имѣютъ часовню, въ коей отправляетъ службу казакъ, именуемый уставщикомъ. Грунтъ земли вообще ило-песковатый, станица построена безъ плану, улицы узкія и грязныя. Станица отъ набѣговъ хищниковъ укрѣплена плетнемъ и обрыта канавой; строеніе все вообще деревянное, покрыто камышемъ; изъ станицы двое выѣздныхъ воротъ съ шлагбаумами и караульными будками; ночью при воротахъ по 3 человѣка часовыхъ, а днемъ по одному. Главный промыселъ состоитъ въ хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ, частію рыбной ловлѣ и въ садоводствѣ; первые промыслы малозначущи и недостаточны для содержанія самихъ себя, а въ послѣднемъ тщательнѣе занимаются, по причинѣ способствующаго грунта земли, отъ котораго ежегодно получаютъ краснаго вина до 40.000 ведръ и продается изъ онаго ежегодно на сумму болѣе 6.000 рублей. Въ дачѣ сей станицы хотя и есть по берегу лѣсъ, но оный годенъ только для отопки; для постройки же покупаютъ у зарѣчныхъ жителей; луговъ недостаточно даже для прокормленія строевыхъ лошадей, а по недостатку покупаютъ луга у зарѣчныхъ жителей. Въ станицѣ имѣется запасный хлѣбный магазинъ; хлѣбъ, собираемый съ жителей при урожайномъ времени, съ души по четыре гарнца, раздается онымъ же въ случаѣ неурожая; въ магазинѣ хранится нынѣ хлѣба въ зернѣ 23 четверти. Берегъ противъ станицы отъ наводненія укрѣпленъ фашинною плотиною, дабы во время прибыли воды не затопило станицу, по случаю возвышенности русла рѣки Терека противъ горизонта станицы и вообще всего берега. (Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива).

185) Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива. Журналъ военныхъ происшествій на лѣвомъ флангѣ Кавказской Линіи съ 17 по 21 число генваря 1841 года.—

Начальникъ лѣваго фланга Кавказской Линіи, генералъ-маіоръ Ольшевскій доноситъ о слѣдующемъ подвигѣ командира Гребенскаго казачьяго полка, маіора Венеровскаго. 9 Генваря, поутру, партія чеченцевъ, силою до 3-хъ тысячь человѣкъ, съ тремя значками, подъ предводительствомъ Шуаипъ-Муллы и Джаватъ-Хана, переправилась чрезъ Терекъ между станицею Щедринскою и Амиръ-Аджи-Юртовскимъ укрѣпленіемъ, и напала вдругъ на всѣ посты, лежащіе между этими пунктами, чтобы не позволить казакамъ о появленіи своемъ дать знать въ сосѣднія станицы. Отрѣзавъ такимъ образомъ прямое сообщеніе между Щедриномъ и Амиръ-Аджи-Юртомъ, партія раздѣлилась: пѣшіе и худоконные стали на большой дорогѣ и заняли прилегающій къ ней лѣсъ, чтобы остановить войска, которыя пошли бы на помощь къ угрожаемымъ мѣстамъ, а 600 человѣкъ на отборныхъ лошадяхъ бросились къ станицѣ Паробочевской съ намѣреніемъ отбить пасшійся въ окрестностяхъ ея многочисленный скотъ, какъ казачій, такъ и мирныхъ чеченцевъ деревни Брагунъ; (стада которыхъ при настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ пасутся на лѣвомъ берегу Терека).—Но несмотря на быстрое и одновременное нападеніе на посты, постовые казаки успѣли дать знать объ этой партіи въ станицу Щедринскую; а тамъ сдѣланъ былъ сигнальный выстрѣлъ, который услышали въ Червленой.—По оному маіоръ Венеровскій тотчасъ взялъ находившихся у него подъ рукою 30 человѣкъ казаковъ и поскакалъ съ ними на тревогу.—Въ Щедринѣ узналъ онъ, что большая дорога занята непріятелемъ и что конная партія взяла направленіе на Паробочевскую станицу. Приказавъ находившемуся въ Щедринѣ Куринскаго егерскаго полка капитану Костыркѣ, съ пятью взводами егерей и двумя конными орудіями, выступить изъ станицы и атаковать засѣвшихъ въ лѣсу, маіоръ Венеровскій присоединилъ къ себѣ 10 человѣкъ Щедринскихъ казаковъ и, оста-

вивъ большую дорогу вправо, степью пустился прямо въ Паробочевскую станицу. Несмотря на быстроту, съ которою онъ скакалъ, прибылъ онъ въ станицу эту (отстоящую отъ Червленой въ 40 верстахъ) когда уже до 8000 скота и барановъ было угнано и когда хищники гнали уже ихъ вверхъ по Тереку къ Амиръ-Аджи-Юрту, чтобы, недоходя до этого укрѣпленія, переправить на ту сторону. Лучшіе же ихъ люди прикрывали отступленіе. Маіоръ Венеровскій, приказавъ находившейся въ станицѣ ротѣ Куринскаго полка идти за нимъ, самъ съ 40 казаками на чистомъ мѣстѣ бросился на непріятеля, опрокинулъ его и вогналъ въ лѣсъ. Остановленный здѣсь на нѣкоторое время превосходствомъ его силъ, онъ спѣшилъ своихъ казаковъ и, выждавъ пѣхоту, съ барабаннымъ боемъ повелъ ее въ лѣсъ. Чеченцы были снова опрокинуты и, преслѣдуемые казаками, оставляли своихъ убитыхъ, бросали лошадей и наконецъ, не доходя Амиръ-Аджи-Юрты, спустились на Терекъ. Но здѣсь, когда большая часть ихъ подходила уже къ правому берегу и въ страхѣ и безпорядкѣ стѣснилась на одномъ мѣстѣ, то подломился ледъ, образовалась полынья сажень въ 70 въ окружности и все стоявшее на этомъ пространствѣ потонуло. Остальные, переправясь чрезъ Терекъ, продолжали бѣжать. Маіоръ Венеровскій, перейдя рѣку нѣсколько выше, пустился за ними, гналъ ихъ и отбилъ всѣ стада, уже переправленныя на ту сторону. Между тѣмъ остававшаяся около Щедрина непріятельская пѣхота также была опрокинута и прогнана за Терекъ и теперь показалась въ виду нашихъ казаковъ. Видя пораженіе, нанесенное конной партіи, она отступила въ такомъ же страхѣ и съ такою же поспѣшностію. Казаки бросились и на этихъ бѣгущихъ. Маіоръ Венеровскій находился впереди всѣхъ, самъ убилъ трехъ чеченцевъ и наконецъ, оставшись одинъ въ срединѣ бѣгущаго непріятеля, съ поручикомъ собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя

Фроловымъ и казакомъ Груняшинымъ, увидѣлъ, что лошади прочихъ казаковъ, проскакавъ 60 верстъ, не могли слѣдовать далѣе, долженъ былъ прекратить преслѣдованіе. Исключая потонувшихъ, число которыхъ было очень велико, чеченцы оставили на нашей сторонѣ десять тѣлъ, 21 лошадь съ сѣдлами и съ сбруею и одинъ значекъ. Все пространство, гдѣ было дѣло и гдѣ бѣжалъ непріятель, покрыто кровью; однимъ словомъ пораженіе было совершенное, несмотря на то, что чеченцы были болѣе чѣмъ въ пять разъ сильнѣе нашихъ. Маіоръ Венеровскій, давно извѣстный на Кавказѣ своею отважностію и неустрашимостію и израненный въ бояхъ съ горцами, показалъ новый опытъ геройской своей храбрости. Въ своемъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ онъ съ отличною похвалою отзывается о поручикѣ собственнаго Е. И. В. конвоя Фроловѣ, который былъ съ нимъ впереди всѣхъ и самъ убилъ двухъ чеченцевъ. Съ нашей стороны убитъ одинъ рядовой Куринскаго полка и одинъ гребенской казакъ; одинъ донской казакъ и одинъ неслужащій линейный (находившіеся на постахъ во время перваго нападенія непріятеля) пропали безъ вѣсти. Кромѣ того убиты бывшіе при брагунскихъ стадахъ мирной чеченецъ и одна женщина. По извѣстіямъ, полученнымъ генералъ-маіоромъ Ольшевскимъ чрезъ два дни послѣ дѣла, всѣ находившіеся въ партіи, возвратясь въ Чечню, разошлись по домамъ своимъ по одиночкѣ и сами говорятъ, что они были совершенно разбиты. Такимъ образомъ, въ теченіи мѣсяца чеченцы три раза въ совокупныхъ силахъ дѣлали нападеніе на дистанцію Гребенскаго полка. Но, несмотря ни на число ихъ, ни на скрытность ихъ движеній, не только ни въ одномъ изъ ихъ набѣговъ не имѣли удачи, но еще при каждомъ потерпѣли пораженіе и понесли сильныя потери. Успѣшныя эти дѣйствія должно отнести какъ къ бдительности и благоразумнымъ распоряженіямъ командира полка, маіора Венеровскаго, такъ и къ военнымъ способностямъ и не-

устрашимой его храбрости. Маіоръ Веперовскій всегда первый является на тревогу, несмотря ни на какое превосходство силъ непріятеля, вступаетъ съ нимъ въ бой и обыкновенно уничтожаетъ всѣ его покушенія.

186) Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива. Рапортъ генералъ-маіора Ольшевскаго команд. войск. на Кавк. Линіи генер.-лейт. Граббе отъ 30 дек. 1840 г., № 106.

187) Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива.

188) Полн. Собр. Зак. Т. XXXVIII. ст. 29682. пунк. II.

189) Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива, 1-го отдѣл. генеральн. штаба, № 195.

190) Акты кавк. Археогр. ком. Т. VI, Ч. 2. ст. 204.

191) Указъ Правительствующему Сенату 2 декабря 1832 года.

Признавъ нужнымъ усилить оборону Кавказской Линіи посредствомъ обращенія въ сословіе линейныхъ казаковъ жителей нѣкоторыхъ ближайшихъ казенныхъ селеній, повелѣваемъ: Селенія Кавказской области Новодонецкое, Новомалороссійское, Архангельское, Ильинское, Дмитріевское, Разшеватское, Успенское, Ново-Александровское, Ново-Троицкое, Сергѣевку, Калиновку, Сѣверное, Круглолѣское, Саблю, Верхнеподгорное, Нижнеподгорное, Незлобное, Александрію, Паробочево, Шелкозаводское, Дербентское, Каржалинское, Малахалинское, Сенгилѣево или Богоявленское, Каменобродское, Новомарьевку, Рожественское, Михайловку, Надежду, Старомарьевку и Бешпагиръ передать со всѣми числящимися въ оныхъ жителями и находящимися въ законномъ владѣніи ихъ землями и угодьями въ военное вѣдомство. Всѣмъ означеннымъ селеніямъ поступить въ вѣдѣніе начальства войскъ Кавказской Линіи съ 1 января будущаго 1833 года. Питейный откупъ и продажу соли въ оныхъ оставить безъ измѣненія на существующихъ нынѣ основаніяхъ. Порядокъ управленія сими новыми казаками, а равно служебныя и другія ихъ обязанности имѣютъ быть

опредѣлены особымъ положеніемъ о Кавказскихъ Линейныхъ казакахъ. (Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива 3-го отд. 1836 г.)

192) Сборникъ донскихъ народныхъ пѣсень. Сост. А. Савельевъ. Изд. Донск. Войск. Статист. Комит. 1866 года.

193) Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива. Приказы командовавшаго войск. на Кавк. Линіи генер. маіора Сталя 2-го за 1819 г.

194) Idem. Издавались наказы кордонной службы и въ другомъ родѣ, когда напримѣръ требовалось прикрыть и обезопасить важное сообщеніе въ краѣ, параллельное общей линіи. Памятникомъ мѣропріятій въ подобномъ родѣ могутъ служить изданныя генераломъ Заводовскимъ въ 1844 году, „правила для постояннаго руководства постовымъ и дистанціоннымъ начальникамъ большаго почтоваго тракта отъ города Ставрополя до Екатериноградa“.

Посты и пикеты, устроенные вдоль большаго почтоваго тракта, предназначены для постояннаго обезпеченія проѣзда по оному почтъ, фельдъегерей, нарочныхъ, всѣхъ вообще проѣзжающихъ и слѣдованія транспортовъ, а потому безопасность на всемъ протяженіи сего пути возлагается вполнѣ на отвѣтственность дистанціонныхъ и постовыхъ начальниковъ, которые и обязываются непремѣнно и безъ малѣйшаго отступленія соблюдать слѣдующія правила:

I.

Относительно порядка службы на постахъ и пикетахъ вообще.

1. Казаки на постахъ вышеозначеннаго тракта смѣняются чрезъ каждые два мѣсяца, по распоряженію полковаго командира.

2. Полковой командиръ, дистанціонный начальникъ и наконецъ начальникъ поста строго отвѣчаютъ за постоянное комплектное число казаковъ на посту по утверж-

денному положенію. А потому съ поста не иначе можетъ быть спущенъ казакъ или командированъ для какого-либо другаго назначенія, какъ по распоряженію или разрѣшенію полковаго командира, который въ такомъ случаѣ долженъ прежде спуска казака нарядить другаго на смѣну его.

3. Постовой начальникъ не можетъ отлучаться съ своего поста иначе, какъ только для осмотра выставленныхъ отъ онаго пикетовъ, и въ такомъ даже случаѣ обязанъ, по осмотрѣ пикета, возвратиться нисколько немедля на постъ.

4. Дистанціонный начальникъ обязанъ объѣзжать и повѣрять посты вдоль большаго тракта на протяженіи своей дистанціи, но отнюдь изъ оной не отлучаться; при томъ въ каждой дистанціи долженъ быть назначенъ одинъ пунктъ, гдѣ дистанціонный начальникъ имѣлъ бы постоянное свое пребываніе по возвращеніи съ объѣзда.

5. Казаки несутъ поочередно слѣдующую службу:

а) Стоятъ на часахъ при посту.

б) Наряжаются на денные пикеты.

в) „ въ ночные секреты.

г) „ въ разъѣзды.

д) „ для конвоированія ночью и въ туманные дни почтъ, фельдъегерей и нарочныхъ.

е) Наряжаются для конвоированія во всякое время дня коммисіонеровъ съ казенными суммами.

6. Изъ числа казаковъ, остающихся на посту, постоянно одинъ находится на часахъ на вышкѣ, а другой въ тоже время остается внизу у воротъ. Прочіе казаки отдыхаютъ; но поочередно половина команды должна быть дежурною, т. е. быть въ полной готовности по первому требованію сѣсть на коней, и ни подъ какимъ предлогомъ лошадей своихъ съ поста не отпускать на подножный кормъ, а держать ихъ осѣдланными.

7. На каждый денной пикетъ, выставляемый отъ поста наряжаются поочередно на весь день три казака, изъ коихъ одинъ также поочередно стоитъ на часахъ,

другіе же два отдыхаютъ, но въ полной готовности, имѣя лошадей осѣдланными.

8. Передъ самымъ разсвѣтомъ съ поста посылается въ каждую сторону разъѣздъ изъ шести человѣкъ при одномъ приказномъ, съ тѣмъ чтобъ, осмотрѣвъ мѣстность по сторонамъ дороги и убѣдившись, что нѣтъ нигдѣ злонамѣренныхъ людей, выставить денные пикеты и снять ночные секреты.

9. По возвращеніи перваго разъѣзда на постъ, бывшій въ разъѣздѣ приказный доноситъ постовому начальнику, что въ окрестностяхъ ничего особеннаго не замѣчено, что пикеты выставлены и секреты сняты.

10. Въ продолженіи дня начальникъ поста долженъ посылать безпрестанно разъѣздъ то въ одну сторону, то въ другую, каждый разъ изъ трехъ человѣкъ, такъ что каждый разъѣздъ, доѣхавъ до того мѣста, которое уже находится подъ наблюденіемъ казаковъ другаго поста, возвращается на свой постъ, съ котораго немедленно же посылается другой разъѣздъ въ противную сторону, и такъ далѣе.

11. Разъѣздъ обязанъ слѣдовать не только по большой дорогѣ, но и по сторонамъ оной, гдѣ мѣстность закрытѣе и способствуетъ укрывательству злонамѣренныхъ людей.

12. Какъ только солнце сядетъ и наступитъ темнота, посылаются разомъ два разъѣзда въ обѣ стороны, чтобы снять денные пикеты, въ замѣнъ которыхъ отдѣляются отъ разъѣзда назначенные въ секреты казаки. Послѣдніе слѣдуютъ къ мѣсту, назначенному для секрета, сами по себѣ, стараясь расположиться скрытно. Мѣста секретовъ должны измѣняться всякую ночь, но преимущественно должно избирать мѣста закрытыя или гдѣ хищники могутъ удобнѣе пробираться.

13. Въ туманные дни, если туманъ такъ густъ, что невозможно съ пикетовъ и постовъ наблюдать за протяженіемъ пути, денные пикеты не выставляются, а до-

рога наблюдается лишь разъѣздами, которые въ этомъ случаѣ отправляются въ обѣ стороны одновременно, такъ чтобъ по возвращеніи однаго немедленно высылся другой въ туже сторону.

14. Лишь только высланы послѣдніе разъѣзды для снятія денныхъ пикетовъ, постовой начальникъ долженъ немедленно назначить изъ числа остающихся на посту четырехъ казаковъ при одномъ приказномъ, съ тѣмъ чтобъ въ случаѣ проѣзда почты, фельдьегеря или нарочнаго немедленно же и безъ малѣйшей остановки дать имъ конвой.

15. Конвой дается ночью почтѣ и фельдьегерямъ отъ одного поста до другаго; конвойные казаки должны смѣняться безъ малѣйшаго задержанія, такъ чтобъ почта или фельдьегерь вовсе не останавливались на тѣхъ постахъ, которые не при почтовыхъ станціяхъ.

16. На случай же проѣзда коммисіонера съ казенными суммами, въ продолженіи всего дня также долженъ быть постоянно готовъ на посту конвой изъ пяти человѣкъ.

17. Нарядъ казаковъ для каждаго изъ вышеисчисленныхъ назначеній долженъ дѣлаться особо, по очереди, самымъ уравнительнымъ образомъ.

II.

Относительно проѣзжающихъ и транспортовъ.

1. За безопасность проѣзжающихъ и транспортовъ, также какъ и почтъ и фельдьегерей, отвѣчаютъ постовые и дистанціонные начальники, а потому на нихъ возлагается наблюденіе, чтобъ проѣзжающіе и транспорты, съ наступленіемъ темноты, останавливались для ночлега, первые на почтовой станціи, а послѣдніе на какомъ-либо посту, гдѣ настигнетъ ихъ темнота.

2. Съ ночлега постовой начальникъ отпускаетъ проѣзжающихъ или транспортъ не прежде, какъ выстав-

лены уже денные пикеты и когда мѣстность осмотрѣна кругомъ.

3. Въ туманные дни, если туманъ такъ густъ, что совершенно препятствуетъ наблюденію съ пикетовъ, не иначе отпускать проѣзжающихъ и транспорты съ поста, какъ по разсѣяніи тумана.

4. Въ такіе же дни, когда густой туманъ продолжается очень долго, постовой начальникъ обязанъ отправить проѣзжающихъ подъ прикрытіемъ пяти казаковъ и никакъ не менѣе, дождавшись когда соберется не менѣе трехъ проѣзжающихъ. Во всякомъ случаѣ, однакожъ, проѣзжающаго днемъ не должно задерживать болѣе двухъ часовъ, по прошествіи коихъ онъ долженъ быть отправленъ съ конвоемъ, хотя бы и не собралось вышеозначеннаго числа проѣзжающихъ.

5. Транспортамъ же и вообще ѣдущимъ на долгихъ, въ туманные дни не иначе дается конвой (также изъ 5 казаковъ), какъ по сборѣ не менѣе двадцати повозокъ.

6. Почтамъ, фельдъегерамъ и нарочнымъ дается конвой изъ пяти казаковъ только ночью, т. е. послѣ захожденія солнца и до восхожденія, а также и въ туманные дни, когда пикетъ не можетъ наблюдать за всѣмъ протяженіемъ пути.

7. Конвой изъ пяти же казаковъ дается во всякое время, какъ днемъ, такъ и ночью, въ ясные и туманные дни, коммисіонерамъ, ѣдущимъ съ казенными суммами, по особому открытому листу.

8. Еслибъ какой-либо проѣзжающій нарушилъ вышеизложенныя правила и, несмотря на предложеніе постоваго начальника, при почтовой станціи не остался ночевать, а продолжалъ путь, то постовой начальникъ обязанъ записать его имя, званіе и по какому виду онъ ѣдетъ, съ тѣмъ чтобъ немедленно донести о томъ чрезъ дистанціоннаго начальника прямо командующему войсками. Съ такими проѣзжающими, нарушающими установленное положеніе, будетъ поступлено со всею строгостію.

9. Съ другой же стороны, постовымъ начальникамъ строго воспрещается дѣлать проѣзжающимъ какія-либо незаконныя притѣсненія и удерживать ихъ на посту преждевременно, когда они еще могутъ доѣхать до слѣдующей станціи засвѣтло, или не отпускать ихъ съ поста, когда уже разсвѣло, подъ какимъ-нибудь напраснымъ предлогомъ.

10. Еслибъ постовой начальникъ опоздалъ выставить денные пикеты и потому не выпускалъ бы проѣзжающаго послѣ восхожденія солнца, несмотря на то, что нѣтъ густаго тумана, то проѣзжающій имѣетъ право записать свою жалобу въ книгѣ, находящейся для этого назначенія на почтовой станціи, и въ то же время жалобу свою представить прямо командующему войсками.

Правила эти имѣютъ быть напечатаны и разосланы на всѣ станціи и посты, гдѣ они имѣютъ быть прикрѣплены къ стѣнѣ, дабы они были извѣстны всѣмъ проѣзжающимъ. Подписалъ генералъ-лейтенантъ Заводовскій. (Дѣло Ставроп. воен. архива, по управленію праваго фланга. 1844 г., № 127).

195) Акты Кавк. Археогр. ком. Т. VI, ч. 1. ст. 249.

196) Акты Кавк. Археогр. ком. Т. VI, ч. 1, ст. 257. Письмо генерала Ермолова къ генер. отъ инфант. Вязмитинову отъ 22 мая 1818 г., № 125.

Осматривая войска, по Кавказской Линіи расположенныя, обратилъ я особенное вниманіе на состояніе по оной карантиновъ и, кромѣ состоящаго близь Кизляра, видѣлъ ихъ всѣ вообще, потому спѣшу в. выс—ву представить вѣрнѣйшее объ оныхъ описаніе. Карантинъ при кр. Усть-Лабинской, гдѣ во множествѣ приходятъ отъ закубанскихъ жителей товары, въ числѣ коихъ бываютъ иногда турецкіе, изъ Константинополя чрезъ Анапу доставляемые, не только тѣснотою неудобный, но и своимъ расположеніемъ не представляетъ безопасности. Въ немъ пасажиры, оканчивающіе положенный срокъ очищенія, отъ тѣхъ, кои поступаютъ вновь, отдѣлены двумя жер-

дями, въ два столба воткнутыми, и сія есть единственная преграда, охраняющая со стороны сей Кавказскую губернію. Всѣ прочія строенія карантина въ соотвѣтственномъ сему порядкѣ. Карантинъ, при кр. Св. Николая бывшій, наводненіемъ въ прошедшемъ году Кубани разрушенный, за совершенною и прежде сего негодностію, по распоряженію предмѣстника моего, ген. Ртищева, замѣняется устроивающимся вновь, въ добычу той же Кубани пріуготовляемымъ. Я допустилъ его остаться на семъ мѣстѣ, до учрежденія онаго на другомъ мѣстѣ, болѣе приличествующемъ; онъ также негоденъ, какъ и Усть-Лабинскій, но имѣетъ то преимущество, что между строеній есть какое-нибудь пространство. Карантинъ, близъ Константиногорска, при Горячихъ Водахъ устроенный, лучше прежде поименованныхъ двухъ, но большая часть строеній, по недостатку лѣса, сдѣлана изъ плетня и сему одно крайнее снисхожденіе даетъ наименованіе карантина.

Карантинъ Моздокскій, на сообщеніи съ Грузіею стоящій, важнѣйшій по положенію своему, гдѣ соединяется язва, изъ Константинополя чрезъ Анапу, изъ Мекки чрезъ Анатолію и Грузію ввозимая, гдѣ проходятъ въ довольномъ количествѣ изъ Грузіи товары и въ теченіи года, со включеніемъ военныхъ людей, считаемо бываетъ до 20-ти и иногда и болѣе 1000 чел., имѣетъ строенія всѣ ветхія, тѣсныя, худо и небезопасно расположенныя, и во множествѣ стекающіеся пасажиры, ни малѣйшихъ удобностей расположенія, а часто ниже крова отъ непогодъ неимѣющіе, не безъ основанія упрекаютъ начальству равнодушіе его къ претерпѣваемымъ ими нуждамъ и къ жалобамъ безполезно приносимымъ. Карантинъ при станицѣ Наурской не заслуживаетъ сего имени, состоя изъ одной землянки для окуриванія и нѣсколькихъ плетневыхъ шалашей. Таковой учреждаю я теперь при станицѣ Червленской, по случаю перехода войскъ за Терекъ. Таковое состояніе карантиновъ оставляетъ одно

только удивленіе, что язва не избрала Кавказскую Губернію вѣчнымъ мѣстомъ своего пребыванія.

197) Акты Кавк. Археогр. ком. Т. V, ст. 414.

198) Idem. Т. VI, ч. 2, ст. 834.

199) Матер. для новой ист. Кавказа П. Буткова. Ч. 2, гл. 210.

200) Idem. Ч. 1, стр. 210, 291.

201) Рукоп. Сборн. историч. матер. П. Буткова, стр. 564.

202) Idem. стр. 515.

203) Сборн. донск. народн. пѣсень. А. Савельева. 1866 г. стр. 126.

204) Полн. Собр. Зак. Т. VII. Штаты и Табели, ст. 5669. Штатъ командѣ, назначенной въ собственный Е. И. В. конвой, изъ Сборнаго Линейнаго Казачьяго полка. Утвержденъ 12 октября 1832 года.

	Число людей.	Имъ жалованья въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.	
		Рубл.	Коп.	Рубл.	Коп.
Сотникъ	1	780	—	780	—
Хорунжій	1	690	—	690	—
Урядниковъ	4	61	22 1/2	244	90
Казаковъ	24	24	24 1/4	581	82
Деньщиковъ: Сотнику 2, Хорунжему 1, всего	3	7	30	21	90
Итого	33	—	—	2318	62

По малому числу сей команды отпускать каждому урядннку и казаку для составленія артели ежегодно по 36 рубл.

Всѣ вообще офицеры, при первоначальномъ поступленіи въ сію команду или при производствѣ изъ нижнихъ чиновъ оной, получаютъ отъ казны на полную обмундировку и конскую сбрую деньгами по 1458 рублей единовременно.

Жалованіе офицерамъ и нижнимъ чинамъ опредѣляется по примѣру Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка.

Нижнихъ чиновъ, по возвращеніи ихъ изъ конвойной команды въ полкъ, не употреблять ни на какую службу,

исключая обороны собственныхъ ихъ селеній, буде бы случилось на оные нападеніе непріязненныхъ племенъ.

Лошади въ сей командѣ должны быть, по примѣру Лейбъ-Гвардіи казачьяго полка, собственныя, урядникамъ и казакамъ строевыхъ по одной и подъемныхъ по одной же.

На все вообще обмундированіе и конскую сбрую отпускать командѣ отъ Коммисаріата деньги.

Аммуничныя деньги отпускаются также командѣ отъ Коммисаріата.

Всѣ вообще вещи, принадлежащія къ вооруженію, и деньги на ремонтъ собственнаго оружія, отпускаются отъ Артиллерійскаго Департамента.

На всѣ тѣ безсрочныя вещи, кои новыя въ команду даны будутъ, положенную годовую сумму отпускать спустя одинъ годъ отъ полученія оныхъ въ команду.

205) Полн. Собр. Закон. Т. VII, ст. 5698.

Приказъ по Отдѣльн. Кавк. корпусу отъ 4 октября 1832 г. № 101. Приказу этому предшествовало отношеніе военнаго министра къ командиру Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса отъ 7 августа 1832 г., № 2394, слѣдующаго содержанія:

Изъясненное въ почтеннѣйшемъ отношеніи ко мнѣ вашего высокопр—ства отъ 21 апрѣля сего года, за № 280, предположеніе ваше объ усиленіи обороны Кавказской Линіи присоединеніемъ къ составу водворенныхъ на оной казачьихъ полковъ крестьянъ ближайшихъ казенныхъ селеній было, по высочайшему повелѣнію, сообщаемо мною на соображеніе генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго и министра финансовъ. По полученіи отзывовъ князя Варшавскаго и графа Канкрина, а также отношенія вашего высокопр—ства отъ 22 іюня, за № 625, я входилъ по дѣлу сему съ подробнымъ къ Государю Императору докладомъ, съ коего копію у сего для свѣдѣнія вашего высокопр—ства препроводить честь имѣю, и Е. В., согласно съ изъясненнымъ въ семъ докладѣ мнѣніемъ,

высочайше повелѣть соизволилъ приступить къ исполненію означенной мѣры на слѣдующемъ основаніи: 1. Обратить въ казачье сословіе жителей предназначенныхъ вами къ тому 26 казенныхъ селеній Кавказской области. 2. Сверхъ сихъ селеній присоединить къ Кизлярскому казачьему войску 5 армянскихъ и 1 татарское селеніе, упоминаемыя въ отношеніи ко мнѣ вашего высокопр—ства за № 4, а къ Гребенскому селеніе *Шелкозаводское*, по изъявленному на то жителями онаго желанію. 3. Означенныя въ первомъ пунктѣ 26 селеній причислить къ существующимъ уже линейнымъ полкамъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ селеній, находящихся близъ Ставрополя, изъ коихъ сформировать особый полкъ подъ названіемъ Ставропольскаго, съ назначеніемъ въ составъ онаго двухъ или трехъ станицъ полковъ Кубанскаго и Хоперскаго. 4. Всѣмъ вообще, въ сословіе казаковъ поступающимъ, крестьянамъ выдать ружья и сабли отъ казны. 5. На сей конецъ предоставить вашему высокопр—ству составить безъотлагательно полное и подробное во всѣхъ частяхъ положеніе о таковомъ присоединеніи къ Кавказскимъ Линейнымъ казакамъ крестьянъ 33 селеній, которое и представить къ высочайшему утвержденію. Вмѣстѣ съ симъ Е. И. В. соизволилъ повелѣть, согласно мнѣнію министра финансовъ, дабы съ таковымъ причисленіемъ казенныхъ крестьянъ въ казачье сословіе не было, для отвращенія всякаго ущерба казны, дѣлаемо никакого измѣненія въ существующемъ нынѣ въ Кавказской Области питейномъ откупѣ, а также не назначалось бы никакихъ въ пользу поступающихъ въ казаки крестьянъ особыхъ выгодъ по продажѣ имъ соли.

Что же относится до предположеннаго вашимъ высокопр—ствомъ соединенія казачьихъ войскъ Терско-Семейнаго и Кизлярско-Терскаго въ составъ одного полка, съ наименованіемъ онаго Терскимъ-Кизлярскимъ казачьимъ, и переименованія въ особый казачій же полкъ Гребенскаго войска, то Е. И. В., разрѣшивъ переиме-

нованіе сихъ войскъ въ казачьи полки, съ названіемъ оныхъ: Гребенскимъ, Терскимъ и Кизлярскимъ, изволитъ, согласно мнѣнію князя Варшавскаго, полагать оставить оныя попрежнему каждый подъ собственнымъ своимъ начальствомъ. (Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива).

206) Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива.

207) Изъ старыхъ дѣлъ Кизлярскаго Комендантскаго архива.

(Удержано правописаніе подлинника).

ВЕДОМОСТЪ

Учиненная вкизлярскои каменданскои канцеляріи, сколко здесь, втерскомъ гребенскомъ ивтерскомже семеиномъ нерегулярныхъ воискахъ, состоитъ какихъ чиновъ и посколку опымъ отъ роду летъ и дослужбы и скакихъ чиновъ бывали, а въ службу и въ нынешния настоящия чины скоторыхъ годовъ, мѣсяцовъ и чиселъ вступили, грамоте читать и писать умеютъ или нетъ, женаты и сколко усебя имеютъ детей мужеска полу и вкаковыя лета или холосты и ныне изоныхъ кто где вотлучкахъ находятца и небывалиль зачто вкакихъ штрафахъ и наказаніяхъ и какимъ случаемъ убыли, также посколку какому чину денежнаго и правиантскаго жалованья, пороха, свинца въ годъ, откуда на человека производятца, іистого отпускаемаго пороха и свинца сколко въ годъ и начто воупотребление бываетъ и затемъ кдругому году востатке состоитъ, о томъ значится на обороте.

(Представлена при рапортѣ Кизлярскаго Коменданта, полковника Штендера въ Астраханскую Губернскую Канцелярію отъ 27 августа 1775 года, за № 38).

По грамоте государственнои военной коллегіи положено, а вкоторомъ году, мце и числе при войсковыхъ письменныхъ делахъ грамоты не отыскалось.	Чины, имена.	Отроду лѣтъ.	вслужбѣ искакихъ чиновъ.	внынешнемъ чину.	Грамоте умеетъ іли нетъ.	Кто женатъ или нетъ и детеи мужеска полу имеетъ.	Где обретается.	Зачто кто вштрафахъ и какихъ наказаніяхъ.	Какимъ случаемъ убыли.	Имъ производится вгодъ жалованья: Денежное жалованье получаютъ вгодъ изъ кизлярскои воеводскои канцеляріи. Рубли	Копейки	вина простаго ведръ	Хлебное жалованье: муку, крупу и овесъ получаютъ из кизлярскаго провианъскаго магазина. мука. четверти	мука. четверики	крупа. четверти	крупа. четверики	овса. четверти	овса. четверики	Порахъ и свинецъ получаютъ из кизлярскои артиллерискои команды. пороха. пуды	пороха. фунты	свинца. пуды	свинца. фунты
1.	Гребенскаго войска войсковои атаманъ Сергей Шумкинъ.	51	съ 749-го года, исказачьихъ детей.	773-го года декабря 2 дня по указу государственнои военнои коллегіи пожалованъ из воисковыхъ старшинъ.	умеютъ.	Женатъ, у него сынъ Стефанъ 20 летъ.	При воиске	Не бывали	Не бывали	30	›	70	21	›	›	3	6	›	›	1½	›	1½
2.	воисковой старшина Василей Купреяновъ.	46	съ 749-го года, исказачьихъ детеи.	съ 773 года по указу государственнои военнои коллеги пожалованъ из воисковыхъ дьяковъ.		Женатъ, детей мужеска полу нетъ				24	›	›	13	›	›	3	6	›	›	1½	›	1½
3.	воисковои Есаулъ Федоръ Морозовъ.	52	съ 769 года, исказачьихъ детей.	775 года Генваря 1-го по выбору воисковому выбранъ по 776 годъ Генваря по 1-е число.	Не умеетъ.	Женатъ, у него детей мужеска полу нетъ.				20	›	›	12	›	›	3	6	›	›	1½	›	1½

По грамоте государственной военной коллегии положено, вкоторомъ году, мѣсте и числе, при войсковыхъ письменныхъ делахъ Грамоты неотыскалось.	Чины, Имена	Отроду лѣтъ.	всужбу искакихъ чиновъ.	вынѣшнемъ чину	Грамоте умеютъ іли нетъ.	Кто женатъ или нетъ детей мужска полу іметъ.	Где обретается	Зачто кто вштрафахъ и какихъ наказаніяхъ.	Какимъ случаемъ убыли.	Имъ производится вгодъ жалованья: Денежное жалованье получаютъ вгодъ из кизляръской воеводской канцеляріи.		Хлебное жалованье: муку, крупу и овесъ получаютъ из кизлярскаго провиантскаго магазеина.						Порахъ и свинецъ получаютъ изкизлярской артиллерійской команды.			
												мука.		крупа.		овса.		пороха.		свинца.	
										Рубли	Копейки	четверти	четверики	четверти	четверики	четверти	четверики	пуды	фунты	пуды	фунты
4.	войсковой писарь Стефанъ Гуляевъ.	40	съ 755 году исказачьихъ детей.	775 году Генваря съ 1-го повыбору войсковому выбранъ по 776 годъ Генваря по 1 число.	умеетъ	Женатъ, у него сы[нъ] Григорей [...] летъ.	При войске	Небывали	Небывали	19	—	12	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
5.	войсковой знаменщикъ Степанъ Гуляевъ.	60	съ 741 года Генваря съ 1 исказачьихъ детей.	775 года Генваря съ 1 по выбору войсковому выбранъ по 776 годъ Генваря по 1-е число.	Неумеютъ	Женатъ, у него сы[нъ] Ефимъ 1[...] лѣтъ.	При войске	Небывали	Небывали	18	—	11	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
6.	Червленской станицы атаманъ Никита Федоровъ.	42	751-го года исказачьихъ детей.	775 года Генваря съ 1 по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1-е число.	Неумеютъ	Женатъ, у него сы[нъ] Илья 18 ле[тъ], Өедоръ [...] летъ.	При войске	Небывали	Небывали	17	—	10	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½

По грамоте государственной военнои коллеги положено, а вкоторомъ году, месяце и числѣ, при воисковыхъ писменныхъ делахъ грамоты не отыскалось	Чины, Імена	Отроду лѣтъ.	вслужбе искакихъ чиновъ.	внынѣшнемъ чину.	Грамоте умеетъ или нетъ.	Кто жена… или нетъ детей му… съка пол… имеетъ.
7.	Шадринской станицы атаманъ Василей Симахинъ.	43	съ 759 году. исказачьихъ детей.	775-го года Генваря съ 1 по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1-е число.	Не умеютъ	Женатъ, … него сы… Михайла … ного года.
8.	Новогладковскои станичнои атаманъ Алексей Маюковъ.	44	съ 760-го году. исказачьихъ детей.	775 году Генваря съ 1-го по выбору станичному выбъранъ по 776 годъ Генваря по 1 число.		Женатъ, … него дет… мужеска … лу нетъ.
9.	Староглатковской станичной атаманъ Іванъ Бирюковъ.	48	съ 758-го году. исказачьихъ детей.	775 году Генваря съ 1 по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1 число.		Женатъ, … ти ево … дрей 12 ле…
10.	Кордюковскои станичной атаманъ і депутатъ Козма Биянинъ.	57	Съ 769 году исказачьихъ детей.	775 году Генваря съ 1 по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1 число.		Женатъ, … ти ево … кита 10, … велей 4-… летъ.

№	Где обретается.	Зачто кто вштрафахъ какихъ и наказаніяхъ.	Какимъ случаемъ убыли	Іmъ производится вгодъ жалованья: Денежное жалованье получаютъ вгодъ изкизлярской воеводской канцеляріи. Рубли	Копейки	Хлебное жалованье: муку, крупу и овесъ получаютъ изкизлярскаго провиантскаго магазеина: мука. четверти	мука. четверики	крупа. четверти	крупа. четверики	овса. четверти	овса. четверики	Порахъ и свинецъ получаютъ изкизлярской артиллерискои команды. пороха. пуды	пороха. фунты	свинца. пуды	свинца. фунты
7.	При воиске	Не бывали	Не бывали	17	—	10	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
8.				17	—	10	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
9.				17	—	10	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
10.				17	—	10	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½

По грамоте государственной военной коллеги положено, а вкоторомъ году, месяце и числе, при войсъковыхъ писменныхъ делахъ грамоты не отыскалось.	Чины, Имена	Отроду лѣтъ.	въ службе искакихъ чиновъ.	вынѣшнемъ чину.	Грамоте умеютъ или нетъ.	Кто жена… или нетъ… детеи му… скаго по… имеетъ:	Где обретается.	Зачто кто оштрафахъ какихъ и наказаніяхъ.	Какимъ случаемъ убыли	Имъ производится вгодъ жалованья: Денежное жалованье получаютъ вгодъ изкизлярской воеводскои канцеляріи. Рубли	Копейки	Хлебное жалованье: муку, крупу и овесъ получаютъ изкизлярскаго провіанъскаго магазина. мука. четверти	четверики	крупа. четверти	четверики	овса. четверти	четверики	Порохъ и свинецъ получаютъ изкизлярскои артиллерисъкой команды: пороха. пуды	фунты	свинца. пуды	фунты
11.	Станичные Есаулы: Червленской Борисъ Защепинъ.	38	съ 758-го году исказачьихъ детей.	775 году Генваря съ 1-го по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1-е число.	Неумеютъ	Женатъ, … него сы… Яковъ … летъ.	При войске	Небывали	Небывали	16	—	9	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
12.	Шадринской Сергеи Карчугинъ.	27	съ 768 году, исказачьихъ детей.	775 года Генваря съ 9 по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1-е число.		Женатъ, … тей мужес… пола не… имеетъ.				16	—	9	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
13.	Новоглатковской Карпъ Өедоровъ.	45	съ 766 года исказачьихъ детей.	775 года Генваря съ 1-го по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1-е число.		Женатъ, … него де… Афонасей … Өедоръ … летъ.				16	—	10	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
14.	Староглатковской Неөетъ Афонасьевъ.	30	съ 770 года исказачьихъ детей.	775-го года Генваря съ 1-го по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1-е число.		Женатъ, … него де… Лукъянъ … ти летъ				16	—	10	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
15.	Кордюковской Трофимъ Павловъ.	25	съ 771 года исказачьихъ детей.	775 году Генваря съ 1 по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1 число.		Женатъ, … тей мужес… полу нетъ.				16	—	10	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½

По грамоте государственнои военнои коллеги положено, а вкоторомъ году, месяце и числе, при войсъковыхъ писменныхъ делахъ грамоты не отыскалось.	Чины, Імена	Отроду лѣтъ.	вслужбе искакихъ чиновъ.	вынѣшнемъ чину.	Грамоте умеютъ или нетъ.	Кто женатъ или нетъ и детеи мужескаго полу имеетъ:	Где обретаетца	Зачто кто вштрафахъ, какихъ наказаниихъ.	Какимъ случаемъ убыли.	Имъ производится вгодъ жалованья: Денежное жалованье получаютъ вгодъ искизлярскои воеводскои канъцеляри: Рубли	Копейки	Хлебное жалованье: муку, крупу и овесъ получаютъ искизлярскаго провианъскаго магазина: мука. четверти	мука. четверики	крупа. четверти	крупа. четверики	овесъ. четверти	овесъ. четверики	Порахъ и свинецъ получаютъ искизлярскои артиллерискои команды: пороха. пуды	пороха. фунты	свинца. пуды	свинца. фунты
16.	Станичные сотники: Червленской Степанъ Івановъ.	50	съ 755 года исказачьихъ детей.	775 года Генваря съ 1-го по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1 число.	неумеетъ.	Женатъ, дети ево Иванъ 20, Андрей 12, Ѳедоръ 6, Степанъ 3-хъ летъ.	При воинске	Не бывали	Не бывали	15	—	10	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
17.	Шадринскои Василей Павловъ.	22	съ 762 года исказачьихъ детей.	въ 762 годе по указу Государственнои военнои коллеги.	умеетъ.	Холостъ.				15	—	10	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
18.	Новогладковскои Василей Егоровъ.	45	съ 750 года исказачьихъ детей.	770-го Года по указу Государственъной военнои коллеги.	Не умеютъ	Женатъ, у него сынъ Евдокимъ 17 летъ.				15	—	9	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
19.	Староглатковской Афонасеи Земляковъ.	40	съ 760 года исказачьихъ детей.	775 года Генваря съ 1 по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по первое число.		Женатъ, у него дети Иванъ 12 летъ.				15	—	9	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
20.	Кордюковскои Михаила Копчиковъ.	39	съ 759 года исказачьихъ детей.	775 года Генваря съ 1 по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1 число.		Женатъ, у него дети Емельянъ 20, Аѳонасеи 5 летъ.				15	—	9	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
21.	Станичные писаря: Червленской Максимъ Ѳроловъ.	30	съ 765 года исказачьихъ детей.	775 года Генваря съ 1-го по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1-е число.	умеетъ.	Женатъ, у него сынъ Емельянъ 5, Степанъ 1 года.				14	—	8	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½

По грамоте государственнои военнои коллеги положено, а вкотором году, месяце и числе, при войсковых писменных делах Грамоты не отыскалось.	Чины, Имена	Отроду лѣтъ.	в службу искакихъ чиновъ.	вынѣшнемъ чину.	Грамоте умеетъ или нетъ	Кто женатъ или нетъ и детеи мужеска полу имеетъ.	Где обретается.	Зачто кто винтраѳахъ какихъ и наказаніяхъ.	Какимъ случаемъ убыли.	Имъ производится вгодъ жалованья: Денежное жалованье получаютъ вгодъ искизлярскои воеводтскои канцеляріи. Рубли	Копейки	Хлебное жалованье: муку, крупу и овесъ получаютъ искизлярскаго провианьскаго магазеина. мука: четверти	четверики	крупа: четверти	четверики	овесъ: четверти	четверики	Порохъ и свинецъ получаютъ изкизлярскои аргиллерискои команды. пороха: пуды	ѳунты	свинца: пуды	ѳунты
22.	Шадринскои Іванъ Дьячковъ.	25	съ 765 года издьячковыхъ детеи.	775 года Генваря съ 1 по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1 число.	Умеютъ	Женатъ, у него детеи мужеска полу нетъ.	Привописке	Не бывали	Не бывали	14	—	8	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
23.	Новоглатковскои Дмитреи Брюховецкой.	31	съ 765 года исказачьихъ детеи.	775 году Генваря съ 1 по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1-е число.		Женатъ, у него детеи мужеска полу нетъ.				14	—	8	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
24.	Староглатковскои Іванъ Павловъ.	20	съ 755 года исказачьихъ детеи.	775 году Генваря съ 1 по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1 число.		Женатъ, у него детеи мужеска полу нетъ.				14	—	8	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
25.	Кордюковскои Степанъ Шумкинъ.	22	съ 771 году из. детеи воисковаго атамана.	775 года Генваря съ 1 по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1-е число.		Женатъ, детеи мужеска полу нетъ.				14	—	8	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
26.	Станичныхъ хорунжей: Червленскои Савелеи Амзарученковъ.	37	съ 765 года исказачьихъ детеи.	775 года Генваря съ 1 по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1-е число.	не умеетъ	Женатъ, дети ево Антонъ 12, Сергеи 9, Никита [illegible] летъ.				13	—	7	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½

По грамоте государственнои военнои коллегіи положено, а вкоторомъ году, месяце и числе, при воисковыхъ писменныхъ дѣлахъ Грамоты не отыскалось.	Чины, Имена	Отроду летъ.	въ службѣ искакихъ чиновъ.	вынѣшнемъ чину	Грамоте умеютъ іли нетъ.	Кто женатъ или нетъ, и детеи мужеска полу имеетъ.	Где обретаются.	За что кто виштраеахъ какихъ и наказаніяхъ.	Какимъ случаемъ убыли.	Имъ производится вгодъ жалованья: Денежное жалованье получаютъ вгодъ искизлярскои воеводскои канцеляри. Рубли	Копеики	Хлебное жалованье: муку, крупу и овесъ получаютъ искизлярскаго провианъскаго магазеина. мука. четверти	четверики	крупа. четверти	четверики	овесъ. четверти	четверики	Порахъ и свинецъ получаютъ изкизлярскои артиллерискои команды. пороха. пуды	фунты	свинца. пуды	фунты
27.	Шадринскои Яковъ Жмуринъ.	45	Съ 757 года исказачьихъ детеи.	775 года Генваря съ 1 по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1 число.	Неумеютъ	Женатъ, у него сынъ Петръ 14 летъ.	Привонске	Небывали	Небывали	13	—	7	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
28.	Новоглатковскои Иванъ Максимовъ.	40	съ 767 году исказачьихъ детеи.	775 года Генваря съ 1 по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1-е число.		Женатъ, у него сынъ Михайла, 5 летъ.				13	—	7	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
29.	Староглатковскои Емельянъ Земляковъ.	30	съ 771 года исказачьихъ детей.	775 года Генваря съ 1 по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1-е число.		Женатъ, у него детеи мужеска полу нетъ.				13	—	7	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
30.	Кордюковскои Михаила Кокинъ.	45	съ 758 года исказачьихъ детеи.	775 года Генваря съ 1 по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1 число.		Холостъ.				13	—	7	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½
31.	Камисаръ Василей Огуревъ.	28	съ 759 года исказачьихъ детеи.	775 года Генваря съ 1 по выбору станичному выбранъ по 776 годъ Генваря по 1-е число.	умеетъ	Женатъ, дети ево Михайла 4, Сава 1 года.				12	—	7	—	—	3	6	—	—	1½	—	1½

По грамоте государственои военнои коллеги положено, а вкоторомъ году, мѣсяце і числе, при войсковыхъ письменныхъ делахъ Грамоты неотыскалось.	Званіе чиновъ.	Число людей.	Имъ производится вгодъ жалованья:									
			денежное жалованье получаютъ вгодъ изкизлярскои воеводскои канъцеляріи.		Хлебное жалованье: муку, крупу и овесъ получаютъ искизлярскаго правианскаго магазеина.						Порахъ и свинецъ получаютъ изкизляръскои артиллерисъкой команды.			
					Мука.		Крупа.		Овса.		Пороха.		Свинца.	
			Рубли.	Копеики.	четверти	четверики	четверти	четверики	четверти	четверики	пуды	фунты	пуды	фунты
Казаковъ 469.		469	5628	—	2814	—	175	7	2814	—	17	23½	17	23½
Истого числа врасходе.														
11	При ротмистре Батыреве вгрузіи.													
30	вбольшеи кабарде при маіоре Таганове.													
30	для подкрепления моздокскаго селенія, спеременою.													
30	накумскомъ Ѳарпосте, посменно, спеременою.													
12	ниже устья реки каргина, спеременою, наобеихъ Ѳарпостахъ.													
8	доазова посылаемы бываютъ.													
6	на астраханскои почте вкизляре.													
6	вчервленомъ паучрежденнои до моздока почте.													
5	встаницахъ узбору пошлинъ за толмачей.													
4	вкизляре у кошенія камыша управиантъ камисара Шамина спеременою бываютъ.													
8	вперсію посылаемы бываютъ.													
3	вкизляре напочтовомъ дворе для воски писемъ.													
4	на перетаске вкарауле спеременою.													
3	ввоисковои канцеляріи на ординарцахъ.													
30	Ф станицехъ для розъездовъ при фарпостахъ.													
16	Ниже кизляра накосе спеременою.													
6	Ниже кизляра наеткалійскомъ Ѳарпосте, по неделно спеременою.													

По грамоте государственной военной коллеги положено, а вкоторомъ году, месяце і числе, при войсковыхъ письменныхъ дѣлахъ Грамоты неотыскалось.	Званіе чиновъ.	Имъ производится вгодъ жалованья:											
		денежное жалованье получаютъ вгодъ изкизлярской воеводской канцеляріи.		вина простаго ведръ.	Хлебное жалованье: муку крупу и овесъ получаютъ изкизлярскаго правианскаго магазеина.						Порахъ и свинецъ получаютъ искизлярской артиллерискои командыі.			
					Мука.		Крупа.		Овса.		Пораха.		Свинца.	
		Рубли	Копеики		четверти	четверики	четверти	четверики	четверти	четверики	пуды	фунты	пуды	фунты
15	Накизлярскомъ Ѳарпосте понедельно, спеременою.													
5	При чеченскомъ владелце расламбеке аидимиреве бываютъ.													
5	вболшую кабарду и закубанью посылаемы бываютъ.													
11	взимовои станице для приему на войско годоваго денежнаго жалованья ежегодно бываютъ.													
10	вкурляндію потребованиямъ господина генералъ-порутчика и кавалера Демедема посылаемы бываютъ.													
258	Итого врасходе.													
211	Зарасходомъ налицо, здоровыхъ и больныхъ при войскѣ.													
	Итого.	0	6126	—	70	3100	—	187	4	3000	—	18	30	18	30

вышеписаннои получаемои порохъ и свинецъ, котораго въ годъ производитца на человека поодному фунту сполвиною, повсегдашнимъ посылкамъ выше означенныхъ чиновъ и казаковъ вразныя горския жилища для нужнеишихъ делъ, такожъ на заставы вкараулы и впротчие командированіи, вслучае нападения отвыстреловъ по непріятелскимъ людямъ, отъ заряженіевъ и разряженіевъ ружеи и вслучаежъ переправъ чрезъ реки отмокроты, ктомужъ по здешнему пограничному месту показанные чины малолетныхъ детеи своихъ, чтобъ они ко оружеинои палбе обыкновенность имели, наобучение употребляется и затемъ кдругому году востатке того пороха и свинца небываетъ, которои по вышеписаннымъ обстоятелствамъ ежегодно производить надлежитъ. Полковникъ и комендантъ Иванъ Штендеръ.

208) Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива. Вѣдомости о числѣ старшинъ, пятидесятниковъ и казаковъ въ поселенныхъ на Кавказской Линіи казачьихъ войскахъ и полкахъ къ 1 числу февраля 1818 года.

Изъ строевыхъ свѣдѣній 1841 г. видно, что въ эту эпоху состояло въ Гребенскомъ полку оберъ-офицеровъ: казачьяго сословія 30 (штабъ-офицеровъ не было); прикомандированныхъ изъ арміи: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 3 и изъ азіатцевъ оберъ-офицеровъ 13.

209) Вѣдомость о народонаселеніи въ Гребенскомъ казачьемъ войскѣ мужескаго пола. Сост. Марта 21 дня 1831 года.

Гребенскаго казачьяго войска въ станицахъ.	Служащихъ.			Отставныхъ.			Неслужащихъ.			И т о г о.	Служащихъ въ конно-артил. казачьей № 6 ротѣ.			Всего мужеска пола.
	Оберъ-офицеровъ.	Урядниковъ.	Казаковъ.	Оберъ-офицеровъ.	Урядниковъ.	Казаковъ.	Отъ 18 лѣтъ и далѣе: могущихъ поступить на службу.	Отъ 18 лѣтъ и далѣе: не могущихъ по разнымъ болѣзненнымъ причинамъ.	Отъ одного года до 18 лѣтъ.		Оберъ-офицеровъ.	Урядниковъ.	Казаковъ.	
Червленской. .	14	11	326	2	7	91	132	—	629	1212	1	3	31	1247
Шадринской. .	1	3	120	—	3	34	19	2	262	444	—	3	13	460
Новогладковской . . .	2	5	52	1	2	34	15	7	127	245	—	—	8	253
Старогладковской . . .	4	7	96	2	1	63	11	13	146	343	—	3	11	357
Кордюковской .	3	2	78	—	—	15	18	—	155	271	—	—	11	282
Итого. . . .	24	28	672	5	13	237	195	2	1319	2515	1	9	74	2599

Сверхъ сего, въ войскѣ живущихъ при станицѣ Новогладковской грузинъ, причисленныхъ въ сословіе казаковъ по распоряженію вышняго начальства, мужеска пола, немогущихъ быть по разнымъ причинамъ въ службѣ 18; отъ 18 лѣтъ и далѣе могущихъ быть на службѣ 7; отъ однаго года до 18 лѣтъ 8. Подписалъ командующій войскомъ маіоръ Балашовъ. (Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива).

210) Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива.

XVI.

211) Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива. Рап. команд. Греб. полка, подполк. гр. Стенбока генералу Халанскому отъ 20 мая 1839 г., № 617.

212) Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива.

Постановленія для Гребенскаго казачьяго войска, которыми станичные начальники и сотенные командиры во всякое время должны руководствоваться. Составл. въ 1820 году.

Постановленія, относящіяся до внутренняго порядка.

Гдѣ собираются сборы; чѣмъ на оныхъ занимаются; кто могутъ быть зрителями и кто можетъ подавать голосъ?

1. Жители каждой станицы собираются каждое воскресенье въ мѣстѣ, для того назначенномъ; тамъ читаютъ касающіяся до обществъ приказы и постановленія, совѣтуются о исполненіи оныхъ, разсуждаютъ о дѣлахъ хозяйственныхъ, объ общественныхъ повинностяхъ, мирятъ распри и ссоры; таковыя же, кои не могутъ быть окончены примиреніемъ, передаются суду почетныхъ.

2. Зрителями при сборахъ могутъ быть всѣ безъ исключенія. Говорить и подавать свое мнѣніе на сборѣ имѣютъ право отставные офицеры всѣ вообще, а изъ нижнихъ чиновъ тѣ только, кои извѣстны своей честностью, трезвой жизнью и не были замѣчены ни въ какихъ порокахъ; но мнѣнія ихъ тогда только могутъ быть приняты, когда одобрятся начальникомъ станицы и почетными стариками; протчіе же единственно говорятъ въ такомъ только случаѣ, когда имѣютъ принести какую жалобу, или будутъ спрашиваемы, или же позваны свидѣтелями.

3. Кричать на сборѣ всѣмъ вдругъ строго запрещается, а непремѣнно, ежели кто имѣетъ что сказать полезное, говорить въ свою очередь. Естли что придумаютъ на сборѣ полезное для общества, обязанъ станичный начальникъ ихъ предложеніе довести до свѣденія,

безъ малѣйшаго отлагательства, командира войска, а сей послѣдній приметъ всякой добрый совѣтъ съ благодарностію.

Какое наказаніе за шумъ, ссоры и драки на сборѣ?

4. Ежели кто на сборѣ будетъ кричать или говорить не въ очередь, того въ наказаніе посадить подъ караулъ на одну недѣлю, на хлѣбъ и воду; кто заведетъ ссоры и брань, того содержать подъ карауломъ двѣ недѣли, съ употребленіемъ на работы; естли осмѣлится кто завести драку, таковаго посадить на два мѣсяца подъ караулъ съ употребленіемъ ежедневно на работы.

О судѣ почетныхъ.

Изъ кого составляется судъ почетныхъ; какъ они выбираются, гдѣ собираются для разбирательства дѣлъ?

1. Судъ почетныхъ составляется въ каждой станицѣ не болѣе какъ изъ восьми и не менѣе шести извѣстныхъ примѣрною честностію и безпристрастіемъ, отставныхъ казаковъ. Избираемы быть могутъ въ сіе званіе тѣ только, кто не менѣе двѣнадцати лѣтъ безпорочно выслужилъ и не моложе тридцати пяти лѣтъ отъ роду. Отставные офицеры могутъ выбираться несмотря какъ долго служили, но не моложе тридцати пяти лѣтъ отъ роду. Всѣ они имѣютъ право говорить на сборахъ.

2. Почетные выбираются на сборахъ съ одобренія цѣлаго общества и въ должности сей болѣе году не остаются; по прошествіи году перемѣняются другими, и никто сряду два года быть въ этой должности не можетъ; чрезъ годъ же достойные могутъ быть избираемы вторично, и такъ далѣе.

3. Обремененные дряхлою старостью, болѣзнями и слабымъ разсудкомъ въ званіе почетныхъ избираемы быть не могутъ.

4. Судъ почетныхъ, по увѣдомленію начальника станицы, собирается въ назначенный имъ особый домъ, когда есть дѣло, подлежащее его разбирательству. Судъ

почетныхъ рѣшаетъ тяжбы и ссоры, переходящіе къ нимъ со сборовъ, стараясь сколько возможно окончить ихъ примиреніемъ; какъ равно разнаго рода совѣщанія, кои, за разностію мнѣній, рѣшены быть на сборахъ не могли.

5. Въ случаѣ разности мнѣній почетныхъ при рѣшеніи какого-либо дѣла, относятся они прямо къ командиру войска.

6. Когда судъ почетныхъ рѣшитъ какое дѣло и приговоромъ онаго одна изъ тяжущихся сторонъ недовольна, въ такомъ случаѣ имѣетъ право войти къ командиру войска съ просьбой о неправильномъ рѣшеніи, считая со дня выслушанія опредѣленія ихъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ; по прошествіи же срока сего никакая жалоба принята быть не должна, исключая ежели оные были одержимы болѣзней или находились въ дальнихъ командировкахъ; сіи могутъ просить и по истеченіи срока, буде докажутъ, что дѣйствительно по означеннымъ причинамъ въ срокъ исполнить того не могли.

7. Всякій полезный совѣтъ отъ почетныхъ стариковъ войсковой командиръ принимаетъ съ уваженіемъ и за удовольствіе поставитъ исполнить, ежели, по его мнѣнію, онъ будетъ обществу полезенъ.

8. Дѣло, несправедливо рѣшенное почетными, подвергаетъ ихъ исключенію изъ сего сословія, съ тѣмъ чтобы впередъ никогда уже не выбирать.

9. Ежели бы кто изъ почетныхъ завелъ ссоры или драки, таковыхъ лишить права имѣть голосъ на сборѣ и никогда не выбирать въ сіе сословіе почетныхъ.

10. Станичные начальники присутствуютъ какъ на сборахъ, такъ и въ судѣ почетныхъ, наблюдая за порядкомъ, а буде окажутся нарушители онаго, записывать имена ихъ, для того, чтобы подвергнуть вышеписаннымъ по мѣрѣ вины наказаніямъ.

11. Почетные освобождаются отъ всякаго рода наказанія тѣлеснаго.

12. Всякой раздѣлъ имѣній не иначе дѣлать, какъ съ вѣдома станичныхъ начальниковъ и суда почетныхъ, которые, по окончаніи, должны записать подробно по станичному журналу и утвердить своимъ подписомъ, объясняя что раздѣлъ учиненъ по общему согласію участвующихъ въ ономъ, ибо безъ согласія общаго онъ не можетъ быть признанъ правильнымъ.

13. Станичные начальники и почетные стараться должны, въ случаѣ несогласія между родственниками, примирять ихъ всячески, не употребляя, однакожъ, угрозъ и принужденій.

14. Всякая продажа домовъ, садовъ и протчаго также не иначе должна производиться какъ съ вѣдома начальника станицы и суда почетныхъ, и записываться по журналу.

15. При продажѣ садовъ жителями армянамъ наблюдать, дабы всякій хозяинъ непремѣнно объявлялъ станичному начальнику, а сей записуетъ условіе ихъ въ станичной журналъ, ибо нерѣдко случалось, что жители, не имѣя ни свидѣтелей ни документовъ, теряли свою собственность. По выкуркѣ спирту не дозволять вывозить его изъ станицъ до тѣхъ поръ, пока не удостовѣрится отъ хозяевъ, что все сполна выплочено.

16. Для прекращенія покражи овощамъ изъ садовъ и огородовъ, воръ долженъ заплатить тому у кого укралъ вдвое противъ цѣны, чего стоятъ настоящіе; сверхъ того долженъ вносить въ станичную сумму пять рублей и быть наказаннымъ тѣлесно или содержаться подъ карауломъ, съ употребленіемъ на работы, по назначенію почетныхъ. Кто поймаетъ вора, получаетъ въ награду третью часть денежнаго штрафа, съ него на удовлетвореніе хозяина взыскиваемаго.

17. Кто, видя вора, не донесетъ, тотъ, какъ участникъ въ воровствѣ, наказывается по приговору начальника станицы и почетныхъ.

Хозяйство.

1. Ежели у какихъ казаковъ домашнее хозяйство придетъ въ разстройство непридвидимыми случаями, какъ напримѣръ чрезъ пожаръ, падежъ скота, продолжительныя болѣзни и протчее, о таковыхъ станичные начальники должны доносить командиру войска, дабы можно было, для поправленія ихъ, давать имъ нужныя пособія. Многіе же раззоряются чрезъ приверженность къ пьянству, распутство, безпорядочную жизнь и всего чаще отъ лѣности: въ такомъ случаѣ станичные начальники должны употреблять всѣ способы къ воздержанію ихъ какъ наставленіями, такъ и строгостію; естли же не видятъ исправленія, то доносятъ командиру войска; тогда сіи нерадивцы и безполезные обществу наказываемы будутъ примѣрно.

2. Нищихъ, достающихъ себѣ пропитаніе мірскимъ подаяніемъ, чтобъ вовсе не было, ибо бѣдные, могущіе работать, должны питаться трудами рукъ своихъ; о тѣхъ же, кои удручены дряхлою старостію или болѣзнями, должны пещись родственники,—за исполненіемъ чего строго смотрѣть станичнымъ начальникамъ. Ежели же найдутся такіе, у коихъ нѣтъ ни родныхъ, ни здоровья, ни состоянія пріискать себѣ способы для жизни, то дать имъ пищу и одежду, хотя бы то было и изъ станичныхъ суммъ.

3. Многія семейства, бывъ въ цвѣтущемъ состояніи до раздѣлу ихъ, приходятъ въ совершенную бѣдность единственно отъ того, что не могли уживаться братья съ братьями, отецъ съ дѣтьми, и расходятся, чрезъ что не будучи уже обязаны пособлять другъ другу въ хозяйствѣ, обыкновенно у каждаго изъ нихъ приходитъ оное въ упадокъ. Къ отвращенію таковаго зла, расходиться семействамъ воспрещается, исключая изъ того такіе только случаи, когда отецъ, имѣющій нѣсколько сыновей, желаетъ одного изъ нихъ отдѣлить для житья

особеннымъ домомъ, наградя всѣмъ нужнымъ въ хозяйствѣ, соразмѣрно его состоянію, и то не иначе, какъ съ позволенія начальника станицы, который доноситъ о томъ командиру войска.

Станичныя суммы.

Изъ чего составлять общественныя суммы?

1. Суммы составляются изъ слѣдующихъ источниковъ: съ переправъ, гдѣ оныя есть, по установленнымъ цѣнамъ; съ прибывающихъ въ станицы разнощиковъ; съ мѣстныхъ лавокъ, гдѣ оныя находятся; съ имѣющихся при станицахъ спиртокурительныхъ заводовъ, соображаясь по величинѣ оныхъ; съ переправы дровъ и таркаловъ (кольевъ) для армянъ и перевозки ихъ отъ берега до заводовъ. Съ продерживающихъ бродягъ и разнаго рода людей безъ письменнаго вида взыскивать за каждыя сутки въ общественную сумму по одному рублю, не исключая изъ сего и казаковъ изъ другихъ станицъ.

2. Суммы станичныя расходуются на разныя надобности станичныя и дозволяется изъ оныхъ дѣлать вспомоществованіе бѣднымъ семействамъ, съ возвращеніемъ по возможности ежегодно взятыхъ суммъ.

Изъ чего составляется войсковая сумма?

3. Для общихъ войсковыхъ издержекъ заведена особенная войсковая сумма, для составленія коей продается произрастающій въ дачахъ противъ Червленной желтинникъ, по всему войску марена и дѣлается отдача въ наемъ пастьбищныхъ дачъ, за исключеніемъ нужныхъ для станичныхъ табуновъ; каковая сумма употребляется на содержаніе канцеляріи, артиллеріи, паромовъ и протчаго. Сколько таковой издержано, а равно и пріобрѣтено, ежегодно—должно быть дано знать по войску приказомъ.

Общія правила; сватовства и свадьбы.

Какъ поступать съ бродягами и съ тѣми, кто ихъ продерживаетъ?

1. Бродягъ, праздношатающихся и разнаго рода людей безъ письменнаго виду и паспортовъ по станицамъ не держать, а гдѣ таковые окажутся, присылать въ войско за карауломъ; въ противномъ случаѣ станичный начальникъ отвѣтствуетъ строго, а у кого безпаспортный проживалъ, съ того взыскивать за всякій день по рублю въ станичную сумму.

2. Женихъ и невѣста должны быть взрослаго возраста, именно: женихъ не моложе восемьнадцати лѣтъ и невѣста четырнадцати лѣтъ.

3. Удостовѣрившись въ присутствіи почетныхъ стариковъ и родныхъ обѣихъ сторонъ въ согласіи на сей бракъ жениха и невѣсты, начальникъ станицы даетъ свое позволеніе, въ противномъ же случаѣ не дозволяетъ.

4. О всѣхъ служащихъ казакахъ, имѣющихъ желаніе вступить въ законный бракъ, сотенный командиръ доноситъ командиру войска, испрашивая на то позволеніе, поясняя въ своемъ рапортѣ, съ кѣмъ вступаетъ въ оный, означая при томъ лѣта жениха и невѣсты.

5. Откладывать свадьбы послѣ сватовства болѣе одного году не позволять ни подъ какимъ видомъ; въ необыкновенныхъ же случаяхъ, могущихъ произойти въ семействахъ, доносить командиру войска, объясняя оные, а тотъ, ежели находитъ причины достаточными къ продолженію срока свадьбы, отстрочиваетъ.

6. За преступленіе правилъ, изложенныхъ выше о свадьбахъ, съ виновныхъ взыскивать штрафу въ пользу станичной суммы по пятнадцати рублей.

Подписалъ командиръ Гребенскаго войска, подполковникъ Ефимовичъ 2.

213) Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива. 1839 г., втор. отд. Генер. Штаба, № 86.

214) Полн. Собр. Закон. Т. IV, ст. 2671.

215) Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива.

Приказъ въ казачіи войски, на Кавказской Линіи поселенныя. Въ Георгіевскѣ, августа 8 дня 1819-го года, № 41.

Корпусный Командиръ, господинъ генералъ отъ инфантеріи и кавалеръ Ермоловъ, по донесенію къ нему 6-го піонернаго баталіона штабсъ-капитана Федоровича, что поступившій въ полубаталіонъ 8-го піонернаго баталіона изъ набранныхъ по 87 набору на Кавказской Линіи рекрутъ въ коновалы Илья Афанасьевъ, бывъ прежде сего пятьнадцать лѣтъ въ плѣну у чеченцевъ и женясь на тамошней уроженкѣ, прижилъ съ нею двухъ сыновей и потомъ бѣжалъ оттуда въ Россію; нынѣ же, будучи въ Новогладковской станицѣ для ротныхъ покупокъ, узналъ у казака Осипова жену и дѣтей своихъ. Они оба съ матерью, по уходѣ Афанасьева, помянутому казаку проданы чеченцами, у коего и теперь находятся; при томъ уже введены въ греко-россійскую вѣру. Почему оной Афанасьевъ проситъ возобновить прежній его бракъ и отдать ему дѣтей. Корпусный командиръ изволилъ предписать командующему Гребенскимъ войскомъ, ротмистру Ефимовичу, по заработкѣ заплаченныхъ казакомъ Осиповымъ за жену и дѣтей Афанасьева денегъ, полагая ей въ годъ по сту рублей, а дѣтямъ по двадцати пяти, отдать ему Афанасьеву и позволить опять на ней жениться. А между тѣмъ предлагаетъ мнѣ воспретить линейнымъ казакамъ, исключая чиновниковъ, покупать людей въ вѣчное и потомственное владѣніе, а позволить покупать не иначе, какъ съ тѣмъ чтобы, по заработаніи заплоченныхъ денегъ, купленной человѣкъ освобождался и возвращался-бы, либо въ первобытное состояніе, есть-ли до плѣна принадлежалъ къ какому-нибудь сословію людей свободныхъ, либо поступалъ въ казенные крестьяне, мѣщане или казаки, естли родился между азіатскими граничными народами и происходитъ отъ ихъ крови. Покупать же людей съ вѣдома полковаго начальства, которому должна извѣстна быть цѣна, заплоченная за купленнаго. За годъ заработка полагается вообще сто рублей на человѣка; малолѣтнимъ по усмотрѣнію ихъ возраста, но не менѣе однакоже двадцати пяти

рублей въ годъ, и когда вся заплоченная сумма заработана будетъ, то съ купленными поступать какъ выше сказано. О выполненіи чего во всей точности предписываю казачьимъ полкамъ и войскамъ, на Кавказской Линіи поселеннымъ; наблюденіе же за тѣмъ имѣть г.г. полковымъ командирамъ. Подписалъ генералъ-маіоръ Сталь 2.

216) Изъ дѣлъ Ставроп. воен. арх. 1830—1841 г. №№ 3, 25 и 47, по собиранію разныхъ свѣдѣній о частяхъ Кавк. Лин. казач. войска.

217) См. выше примѣч. 211.

218) Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива.

219) Idem. Таблица, показывающая нравственныя наклонности жителей по Гребенскому войску за десятилѣтіе 1820—1829 г.

Представлена въ Общее Управленіе Кавказской Области командиромъ названнаго войска, полковникомъ Ефимовичемъ въ декабрѣ 1829 года.

Число станицъ.	ИМЕНА СТАНИЦЪ.	Въ десять послѣднихъ лѣтъ сколько считалось:								Въ особенности сколько преступниковъ считалось въ 1826, 1827 и 1828 годахъ.		Сколько считалось тяжебныхъ дѣлъ въ 1826 27 и 28 г.		Сколько содержится въ смирительномъ домѣ.	Сколько въ городской тюрьмѣ арестантовъ.
		Самоубійствъ.	Скончавшихся отъ иной насильственной смерти.	Расторженныхъ браковъ.	Незаконнорожденныхъ дѣтей.	Преступниковъ: Преданныхъ наказанію. Уголовнымъ судомъ.	Преступниковъ: Преданныхъ наказанію. Гражданскимъ судомъ.	Преступниковъ: Оправданныхъ по суду. Уголовнымъ судомъ.	Преступниковъ: Оправданныхъ по суду. Гражданскимъ судомъ.	Наказанныхъ.	Оправданныхъ.	Рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ.			
1	Червленская.	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—		—	—
2	Шадринская.	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—		—	—
3	Новогладовская	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—		—	—
4	Старогладковская . . .	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—		—	—
5	Кордюковская	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—		—	—
	Общій итогъ по войску .	—	—	1	7	—	—	—	—	—	—	—		—	—

Преступниковъ, преданныхъ суду, равно и тяжебныхъ дѣлъ никакихъ не имѣлось.

Подписалъ полковникъ Ефимовичъ.

220) Въ архивныхъ дѣлахъ комитета, трудившагося надъ законодательнымъ проектомъ по устройству Кавк. Лин. войска, встрѣчаются слѣдующія статистическія свѣдѣнія о Гребенскомъ полку къ 1-му января 1838 года.

	Число станицъ.	Хуторовъ.	Зимовниковъ.	Деревянныхъ. Приходскихъ церквей.	Домовъ офицерскихъ.	Домовъ казачьихъ.	Лавокъ.	Питейныхъ домовъ.	Винокуренныхъ заводовъ.	Водяныхъ мельницъ.
Населенность полковаго округа. .	7	3	1	4	34	1358	9	4	19	10

	Духовнаго званія. Мужска пола.	Женска пола.	Служащихъ. Оберъ-Офицеровъ.	Урядниковъ.	Казаковъ.	Малолѣтковъ 19 лѣтъ готовыхъ на службу.	Отставныхъ. Оберъ-Офицеровъ.	Урядниковъ.	Казаковъ.	Офицерскихъ.	Нижнихъ чиновъ.	Дѣтей мужска пола отъ 1 до 19 лѣтъ. Женска пола. Офицерскихъ	Нижнихъ чиновъ.	Отставныхъ солдатъ.	Ихъ дѣтей мужска пола.	Солдатскихъ женъ и дѣтей женска пола.	Итого всѣхъ жителей. Мужска пола.	Женска пола.
Народонаселеніе . . .	17	7	26	65	849	28	6	18	447	30	1732	3	3416	4	4	6	3226	3432

		Число учащихъ.	Учащихся дѣтей.	
			Офицерскихъ	Казачьихъ
Станичныя школы. . .	Червленская	1	6	67
	Шелковская	1	—	26

	Ржи и пшеницы				Овса, ячменя, проса и гречихи.			
	Въ 1837 г.		Въ 1838 г.		Въ 1837 г.		Въ 1838 г.	
	Засѣяно.	Собрано.	Засѣяно.	Собрано.	Засѣяно.	Собрано.	Засѣяно.	Собрано.
	четвертей							
Хлѣбопашество . .	1.212	7.014	1.391	4.080	247	226	318	773

	Лошадей.		Воловъ.		Коровъ и гулячаго скота.		Овецъ.	
	1837 г.	1838 г.	1837 г.	1838 г.	1837 г.	1838 г.	1837 г.	1838 г.
Скотоводство. . .	1.269	1.265	2.779	2.379	5.052	4.302	4.894	3.523

Сверхъ того, въ полковыхъ и станичныхъ конскихъ табунахъ состояло:

Жеребцовъ горскихъ . . . . . 8.
„ ногайскихъ . . . . . 13.
„ другихъ породъ . . . . . 37.
Матокъ . . . . . 304.

Приплода:

Четырехлѣтковъ	39.
Трехлѣтковъ	47.
Двухлѣтковъ	55.
Годовиковъ	54.
Сосуновъ	76.
Итого . .	633.

(Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива 1839—1841 г. № 1).

221) Изъ дѣлъ Ставроп. воен. архива.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

О земельномъ надѣлѣ и о рыболовствѣ въ рѣкѣ Терекѣ.

(Архивные документы).

1. Прошеніе на высочайшее имя повѣреннаго Гребенскаго казачьяго войска, хорунжаго Ивана Сергѣева отъ 26 ноября 1828 года.

Общество Гребенскаго казачьяго войска станицъ Червленской, Шадринской, Новогладковской, Старогладковской и Кордюковской, изъ чиновниковъ и казаковъ состоящее, данною мнѣ довѣренностію сего 1828 года ноября въ 11 день, засвидѣтельствованною тогожъ числа въ Войсковой Канцеляріи за подписомъ командующаго войскомъ и съ приложеніемъ войсковой печати, довѣрило мнѣ на всевысочайшее В. И. В. имя прошеніе о нижеслѣдующемъ: бывшій по волѣ главнаго начальства въ прошломъ 1827 году, старшій генеральный землемѣръ, 8-го класса Федоровъ для обмежеванія земли, принадлежащей нашему Гребенскому войску, который, по исполненіи сей порученности и по сдѣланіи на оныя земли плановъ, объявилъ таковымъ же бывшимъ при томъ межеваніи уполномоченнымъ повѣреннымъ, войсковому знаменьщику и кавалеру Фролову и сотнику Ильину, что къ надѣленію на число душъ, нынѣ на лицо въ войскѣ состоящихъ, не достаетъ удобной земли по положенной припорціи всего 67045 десятинъ, 63½ сажень; каковой недостатокъ земли и долженъ замѣнитца

по времяни, согласно инструкціи изложенной къ надѣленію казачьихъ войскъ землями, за рѣкою Терекомъ, гдѣ и прежде сего войска казаки имѣли владѣніе. А какъ неизвѣстно войску, когда воспослѣдовать можетъ таковое надѣленіе недостающаго количества земли, притомъ же состоящія въ дачѣ нынѣ владѣемой довѣрителями моими зе́мли, по свойству пещанаго грунта земли, противу другихъ сосѣдственныхъ земель имѣютъ большую неудобность къ произведенію хлѣбопашества и сѣнокошенія, почему и претерпѣваютъ крайнія въ земляхъ стѣсненія и недостатки; въ смежной же дачѣ Моздокскаго казачьяго полка, какъ извѣстно моимъ довѣрителямъ, имѣется нынѣ противу числа душъ излишней одной удобной земли болѣе 30000 десятинъ.

Протекающая рѣка Терекъ, по всему протяженію нынѣ владѣемой довѣрителями моими дачи, до 1765 г., съ обѣими берегами и землями принадлежала ко владѣнію нашему, но нынѣ за онымъ Терскомъ на земляхъ тѣхъ имѣются съ давняго времени въ поселеніи мирныхъ черкесскихъ горскихъ народовъ деревни, именуемыя: Старый-Юртъ, что при горячихъ минеральныхъ водахъ, владѣнія князя Батырь-Гирея Черкасскаго, Баматова, князя Шахъ-Гирея Черкасскаго и протчіе, которые пользуются съ того 1765 года и доднесь тѣми землями на условіяхъ, сдѣланныхъ въ прошлыхъ 1765, 1778 и 1799 годахъ между довѣрителями моими. Въ рѣкѣжъ Терекѣ производимое рыболовство для собственнаго своего продовольствія, до 1802 года состояло во владѣніи моихъ довѣрителей, а напослѣдокъ, въ томъ же году, по обмежеваніи дачи войска нашего старшимъ генеральнымъ замлемѣромъ Безобразовымъ и нынѣ землемѣромъ Федоровымъ, на основаніи межевыхъ узаконеній, отмежевана ко владѣнію довѣрителей моихъ половинная только часть оной рѣки, а другая оставлена ко владѣнію вышеписанныхъ горскихъ народовъ; почему всеподданнѣйше прошу, дабы повелѣно было недостающее

количество удобной земли въ дачу довѣрителей моихъ, всего 67045 десятинъ 63½ сажень, отмежевать изъ дачи Моздокскаго казачьяго полка, какъ по излишеству у онаго имѣющейся, а прочію достальную часть изъ казенной степи, смежествующей съ дачею нынѣ владѣемой довѣрителями моими, на которой нынѣ имѣютъ кочевья Караногайскіе татары. Въ вознагражденіе же большихъ неудобностей нынѣ во владѣемой нами дачѣ къ произведенію хлѣбопашества и сѣнокошенія, повелѣть предоставить рѣку Терекъ попрежнему во владѣніе довѣрителей моихъ для произведенія во оной рыболовства собственно для домашняго семейственнаго продовольствія, а иногда и на продажу для исправленія воинскихъ казачьихъ нуждъ.

2. Довѣренность, данная хорунжему Сергѣеву 11 ноября 1828 года.

Бывшій здѣсь по волѣ главнаго начальства въ прошломъ 1827 году старшій генеральный землемѣръ, 8-го класса и кавалеръ Федоровъ для обмежеванія земли, принадлежащей нашему Гребенскому войску, которой, по исполненіи сей порученности и по сочиненіи на оныя земли плановъ, объявилъ повѣреннымъ уполномоченнымъ отъ насъ войсковому знаменщику и кавалеру Фролову и Сотнику Ильину, что къ надѣленію на число душъ, нынѣ на лицо въ войскѣ состоящихъ, недостаетъ удобной земли 67045 десятинъ 63½ сажень, каковой недостатокъ земли и долженъ замѣнитца, по силѣ инструкціи изложенной къ надѣленію казачьихъ войскъ землями, современемъ, за рѣкою Терекомъ, какъ и прежде нашего войска казаки имѣли тамъ владѣніе; но какъ неизвѣстно войску, когда воспослѣдовать можетъ таковое надѣленіе недостающаго количества земли, общество же наше между тѣмъ временемъ, по недостатку нынѣ удобныхъ земель къ хлѣбопашеству и сѣнокошенію, претерпѣваютъ крайніе недостатки; а посему мы, уполномочивая васъ, милостивый государь, отъ лица цѣлаго войска, покор-

нѣйше просимъ отправиться въ областной городъ Ставрополь и тамъ по командѣ подать отъ себя на всевысочайшее имя прошеніе, которымъ и просить дабы повелѣно было кому слѣдуетъ недостающее на наличныя души число десятинъ удобной земли примежевать къ нашей дачѣ нынѣ владѣемой изъ смежной дачи Моздокскаго казачьяго полка, какъ извѣстно намъ, что во оной имѣется излишку противу числа душъ болѣе 30000 десятинъ, а остальное количество изъ казенной степной земли, на которой имѣютъ кочевье Караногайскіе татары. Сверхъ сего, какъ земли, состоящія нынѣ въ дачѣ нашей, по свойству своему пещанаго грунта, противу другихъ имѣютъ большую неудобность къ произведенію хлѣбопашества, то въ вознагражденіе онаго просить предоставить во владѣніе нашего войска рѣку Терекъ съ обоими берегами по всему протяженію нашей дачи, для произведенія во оной рыболовства собственно для домашняго нашего продовольствія, такъ какъ и до 1765 года общество наше онымъ рыболовствомъ безпрепятственно съ чьей-либо стороны пользовалось; во удостовѣреніе чего и прилагаемъ при семъ на случай для ясныхъ доказательствъ подлинныя, заключенныя въ 1765, 1778 и 1799 годахъ между нами и зарѣчными азіатскими горскими владѣльцами условія,—и гдѣ слѣдуетъ посему дѣлу имѣть ваше хожденіе и къ чему подлежать будетъ—къ выпискамъ или рѣшительнымъ опредѣленіямъ, во удовольствіи или въ неудовольствіи вмѣсто насъ подписываться, въ чемъ вамъ вовсемъ вѣримъ, и что по сему учините, впредь спорить и прекословить не будемъ; въ протчемъ пребываемъ съ почтеніемъ къ вамъ: Войсковой знаменщикъ Фроловъ, атаманъ Палашкинъ, атаманъ Арнаутовъ, есаулъ Камковъ, хорунжій Ефимъ Фроловъ 4-й, хорунжій Федоръ Тарасовъ; Червленской станицы Суда Почетнаго старики: Спиридонъ Грининъ, Иванъ Рогожинъ, Иванъ Мишутушкинъ, Сергѣй Ліонтичевъ, Титъ Душаевъ, Иванъ Зининъ, Ники-

та Казанинъ, Иванъ Халипкинъ и Андрей Соинъ, а за неумѣніемъ ихъ грамотѣ, по рукоданной просьбѣ, станичной писарь, казакъ Семенъ Янхотовъ руку приложилъ; хорунжій Иванъ Кудановъ, хорунжій Максимъ Золотовъ, хорунжій Иванъ Юкинъ; Шадринской станицы Суда Почетнаго старики: Иванъ Павловъ, Василій Хивинъ, Осипъ Абрамовъ, Андрей Стешинъ, Иванъ Грузиновъ и Дмитрій Ковалевъ, а за неумѣніемъ ихъ грамотѣ, по рукоданной просьбѣ, станичной писарь, казакъ Иванъ Канчоринъ руку приложилъ; сотникъ Семенъ Тургеневъ, есаулъ Семенъ Нечкинъ, сотникъ Иванъ Васильевъ; Новогладковской станицы Суда Почетнаго старики: Алексѣй Веселовъ, Григорій Гагаринъ, Дмитрій Борисовъ и Аммосъ Богдашкинъ, а за неумѣніемъ ихъ грамотѣ, по рукоданной просьбѣ, урядникъ Павликъ руку приложилъ; сотникъ Иванъ Максимовъ, сотникъ Василій Ильинъ, хорунжій Кондратій Беззубовъ, хорунжій Варфоломей Ергушевъ, хорунжій Федоръ Золинъ; Старогладковской станицы Суда Почетнаго старики: Антонъ Кубиневъ, Василій Заикинъ, Савелій Огурьевъ и Сидоръ Кузинъ, а за неумѣніемъ ихъ грамотѣ, по рукоданной просьбѣ, станичный писарь, казакъ Михайла Бабковъ руку приложилъ; урядникъ Леонтій Гожевъ, урядникъ Мефодій Сенчиковъ; станицы Кордюковской Суда Почетнаго старики: Иванъ Недуговъ, Иванъ Чистинъ, Осипъ Ефремовъ, Ефимъ Ковалевъ и Ефимъ Ельбашовъ, а за неумѣніемъ ихъ грамотѣ, по рукоданной просьбѣ, урядникъ Матвей Егоровъ руку приложилъ.

3. Условія, заключенныя между казаками Гребенскаго войска и зарѣчными горскими владѣльцами.

а) 1765 года іюня 19 дня сія записка заключена Гребенского войска Червленскаго городка, станичнаго атамана Стефана Гулаева, сотника Якова Леонтьева, хорунжева Никиты Федорова и при томъ старшинъ и казаковъ, да Гребенчуковскаго владѣльца Девлетгирея

Черкаскаго, Чанки-Баташъ-Ахтолова, Ельбузы Минкишіева, Бамата Амматова, Мыта Хлестакова и протчихъ при немъ узденей, въ томъ что состоитъ онъ, упоминаемой Девлетгирей съ подвластными своими поселеніемъ въ нашихъ дачахъ у Горячихъ Водъ житіемъ, и въ томъ мы съ общаго согласія договоръ учинили, какъ его подвластнымъ внижеписанномъ казакомъ никакова воровства не чинить, тожъ и казакамъ ево подвластнымъ никакихъ обидъ не чинить; а именно: съ марта мѣсяца съ 1-го числа до Петрова дня, по урочища Павлову Щель и Павловъ Колокъ, табуновъ конскихъ и скотскихъ и овецъ бездозволенія нашей станицы старшинъ и казаковъ не пасти и на Гребнѣ, противъ нашего городка, безъ дозволеніяжъ нашей же станицы не рубить лѣсъ Девлетгиреевымъ подвластнымъ; а въ воровствѣ кто явится, наши казаки или ево подвластные, и въ переправѣ отъ насъ на ту и отъ Девлетгирея на сю сторону, то поусильству ихъ убивать чѣмъ будетъ способно, и естьли кто въ томъ воровствѣ пойманъ будетъ, сверхъ наказанія, взыскать нижеписанной штрафъ; тожъ естьли и отъ ево людей произойдетъ воровство: капканъ, лошадь, быкъ, колесы сымутъ, на сабанѣ (пашнѣ) дерево порубятъ и чрезъ сабанъ или садъ дорогу проложатъ и кошеное сѣно увезутъ или лисицу вынутъ, и таковые сыщутся, то взыскать обидимымъ, сверхъ платежа, какъ съ ихъ, такъ и съ нашихъ, пятнадцать рублевъ денегъ; и отарами быть выше нашего Червленскаго городка, на той сторонѣ, въ урочищѣ называемомъ Бливной Протокѣ, по Старой Выходъ; въ чемъ подъ симъ обще во увѣреніе и подписуемся. А во овоще, яко-то: арбузы, дыни, тыквы, огурцы и протчіе—кто на ономъ пойманъ будетъ, то быка съесть, и ежели въ темъ лугу они овощь накладутъ, то взыскать вышеписанной штрафъ пятнадцать рублевъ денегъ. Къ сему договору, вмѣсто вышеписанныхъ станичнаго атамана Стефана Гулаева, сотника, хорунжева и всѣхъ казаковъ

станичной писарь Лаврентій Андреевъ руку приложилъ. Подлинное подписано вышеписанными зарѣчными жителями на татарскомъ деалектѣ: подъ вышеписанныхъ пунктахъ, какъ отецъ мой Девлетгирей Черкаской подписался, теми я сынъ ево Баматъ Девлетгиреевъ доволенъ. Вмѣсто ево, по ево прошенію, за неумѣніемъ грамоти, подписался Кизлярской житель Персіянъ Ногай Исуповъ, а Баматъ приложилъ своеручную печать. Сентября 8 дня 1778 года. Переводилъ переводчикъ Калилъ Бадыръ.

Еще къ дополненію собѣихъ сторонъ, въ Девлетгиреевой деревни 1768 года іюня 2 дня, что Девлетгиреевымъ подвластнымъ по зарѣчью марену корень по большую дорогу, которая лежитъ отъ Кабарды подлѣ рѣки къ Брагунамъ, не копать отъ рѣки и до горъ; а къ дорогѣ отъ горъ имъ свободно копать, въ чемъ и они подъ симъ и подписались. Подлинное подписано на татарскомъ деалектѣ.

б) 1778 года сентября 6 дня, мы нижеподписавшіеся Девлетгиреевой деревни владѣлецъ Баматъ Девлетгиреевъ съ нижеписанными той деревни старшинами и уздени, въ сходствіе даннаго съ началу заведенія нашей деревни письменнаго обязательства отцомъ моимъ Девлетгиреемъ Черкаскимъ въ 775 году іюня 19 дня, и я повторяю сею подпискою Червленской станицы старшинамъ и казакамъ въ томъ, что наши подвластные въ казачьи дачи, по показанные грани, то есть урочищи ниже Павловой Щели, лежащей къ Дергачеву Гребню въ ущельяхъ, и Павловъ Колокъ, тожъ и Подгорное Займище, больше отнюдь табунами, скотомъ и овцами не вступали, сѣно не косили, пашни не имѣли, лѣсъ не рубили самовольно, какъ по Гребню и подлѣ Терека рѣки и по островамъ; безъ дозволенія оной станицы тожъ водопои не дѣлать, хуторажъ не строить; будетъ то въ томъ преступленіи явится, то, поимавъ что при оныхъ будетъ: волы, ружьи и протчіе, отобрать каза-

камъ себѣ, а буде табуны конскіе и скотскіе или овечьи стада пасти будутъ, то также вмѣсто штрафу брать казакамъ противу обиды вдвое, какъ и сего года онымижъ казаками баранта захвачена; будежъ въ переправѣ съ сей на ту сторону или отъ той брести кто будетъ чрезъ рѣку Терекъ, того убивать казакамъ чѣмъ способно будетъ, и за такихъ намъ преступниковъ не вступатца; въ чемъ подъ симъ и подписуемся. Подлинное подписано на татарскомъ деалектѣ.

в) 1799 года генваря 20 дня, я нижеподписавшійся Девлетгиреевской деревни князь Баматъ Девлетгиреевъ далъ сію обязательству Гребенскаго войска Червленской станицы старшинамъ и казакамъ въ томъ, что отъ Моздокскаго казачьяго полка, отъ Нижняго бикета, называемаго урочища Кечимтагай, до Шадринскихъ дачъ, урочищажъ Избушки, по той сторонѣ рѣки Терека, я взялъ съ своими подвластными содержать вышесказанное мѣсто подъ свой отвѣтъ. Будежъ въ той дистанціи что отъ хищниковъ Чеченцовъ произойдетъ разбой людямъ и скоту воровство, то за все мнѣ отвѣчать, какъ за убитаго, также и увезеннаго. Въ случаѣжъ будетъ неурожай на ихъ сторонѣ сѣна, то они должны косить на той сторонѣ, гдѣ мнѣ отдано; также и лѣса сыраго не рубить по Тереку; въ чемъ подъ симъ и подписуюсь князь Баматъ Бекичъ.

(Изъ дѣла Ставроп. воен. арх. объ отмежеваніи Гребенскому войску земель 1828—1834 г. № $^{251}/_{7}$).

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

О винодѣліи и торговлѣ продуктами онаго

(Архивные документы).

1) Прошеніе на высочайшее имя того же повѣреннаго, хорунжаго Ивана Сергѣева отъ 26 ноября 1828 года.

Всемилостивѣйшею грамотою, блаженной памяти, Елисаветы Первой, Императрицы и Самодержицы всероссійской, въ 31 день марта 1759 года данною, по уваженію исправляемой Гребенскимъ войскомъ походной службы и по малополучаемому жалованью, для лучшей впредь исправности, предоставлены войску сему права: собственно казацкихъ садовъ виноградное вино повольною цѣною въ городахъ Кизлярѣ, Астрахани и другихъ мѣстахъ кому похотятъ продавать безъ всякой платы въ казну денегъ. Сею высочайше дарованною привилегіею казаки Гребенскаго войска пользуясь, имѣли единственное средство къ исправному содержанію себя на службѣ и къ пропитанію своихъ семействъ отъ разведенія виноградныхъ садовъ и выдѣлыванія вина: но время отъ времени донынѣ размножено садоводство на Линіи поболѣе у вольныхъ людей, какъ-то: Кизлярскихъ купцовъ, армянъ, грузинъ и другихъ мѣстъ и сословій жителей, что и пресѣкло расходъ Гребенскому казачьему вину; сверхъ того казаки, не имѣя достаточной посуды для выдѣлыванія вина и бывъ всегда отвлечены

службою отъ своихъ домовъ противъ горскихъ хищныхъ народовъ, принуждены бываютъ продавать на корню пріѣзжающимъ кизлярскимъ жителямъ за безцѣнокъ, ибо они, зная что казаки не имѣютъ никакой возможности производить въ другихъ отдаленныхъ мѣстахъ торговли своимъ виномъ или передѣлывать оное въ спиртъ, опредѣляютъ самую низкую цѣну, немогущую вознаградить и однихъ трудовъ, такъ что прошлаго лѣта сорокаведерная бочка вина продавалась отъ 9 до 11 рублей; казаки, стѣсняясь крайностію въ содержаніи себя и чтобъ только имѣть малѣйшій способъ къ пропитанію, по необходимости сбываютъ за такую цѣну, какую кизлярцы, по общему между собою согласію, къ притѣсненію казаковъ назначаютъ; мелочнуюжъ продажу, могущую доставить болѣе выгоды, Управленіе въ Кавказской Области Питейныхъ Сборовъ, невзирая на помянутую, дарованную отдѣльно Гребенскому войску по особеннымъ причинамъ, высочайшую грамоту на свободную продажу вина, запрещаетъ, подводя таковую продажу къ общимъ правиламъ, изложеннымъ въ указѣ Правительствующаго Сената, состоявшемся въ 8 день генваря 1828 года, дозволяющемъ мелочную продажу россійскаго произведенія вина однимъ только ренсковымъ погребамъ, въ которомъ въ протчемъ нащетъ Гребенскаго войска, пользующагося въ семъ случаѣ особо дарованнымъ правомъ за службу, ничего не упомянуто, и слѣдовательно изложенныя въ упомянутомъ указѣ правила нащетъ мелочной продажи вина на сіе войско не распространяются, потому что въ сей только промышленности состоитъ все благосостояніе казаковъ. По мѣрѣ прекращенія такимъ образомъ доходовъ отъ виноградныхъ садовъ, войско и казаки, не имѣя никакихъ другихъ доходовъ, какъ-то отъ хлѣбопашества и скотоводства, перваго по чрезвычайному грунту земли, и невозможности развести послѣдняго за безпрерывнымъ нахожденіемъ всѣхъ безъ изъятія казаковъ на службѣ

и оплошности отъ горскихъ народовъ (рыбныя же ловли, кромѣ дневной пищи, никакихъ доходовъ не приносятъ), приходятъ въ крайнее раззореніе по хозяйству и не всостояніи быть исправными на службу; къ томужъ нынѣ послѣдовавшее новое переобразованіе въ обмундированіи войска на собственный же щетъ потребовало новыхъ издержекъ; а потому, чтобы доставить казакамъ Гребенскаго войска способъ къ содержанію себя на службѣ въ надлежащей исправности и къ пропитанію семействъ, я, по силѣ данной мнѣ отъ нихъ довѣренности, всеподданѣйше прошу, дабы повелѣно было, внявъ описаннымъ истиннымъ нуждамъ казаковъ Гребенскаго войска, оберегающимъ ревностно и бдительно цѣлость границъ Россійской Имперіи отъ нападенія пограничныхъ хищныхъ сосѣдей, дозволить имъ: собственное ихъ виноградное вино, исключительно изъ общихъ для Кизлярскихъ винъ постановленій, дозволя выдѣлывать изъ онаго водку на манеръ Французской безъ заплаты акцызныхъ въ казну денегъ, продавать оное бочками, ведрами и осмухами, какъ съ вывозомъ въ Россію, такъ и на Линіи купцамъ и разнымъ лицамъ по даннымъ на то отъ войска свидѣтельствамъ, что оное вино, называемое чихирь, пріуготовлено дѣйсвительно изъ собственныхъ ихъ садовъ и водка выдѣлана изъ онаго же подъ надзоромъ Казенной Палаты. Безъ соизволенія же на утвержденіе сей просимой привилегіи казаки, не имѣя, какъ уже объяснено, никакихъ другихъ пособій, придутъ въ совершенное раззореніе и въ несостояніе исправности на службѣ.

2) Довѣренность, данная хорунжему Сергѣеву 11 ноября 1828 года.

Не безъизвѣстно и вамъ, что войско наше обселено на толь безпокойномъ краю противъ горскихъ народовъ, грабежъ поставляющихъ главною себѣ добычею, не имѣя болѣе никакихъ средствъ возстановить себѣ и другіе какіе либо хозяйственные доходы, кромѣ какъ раз-

вести съ неограниченными трудами однихъ виноградныхъ садовъ, которые за нахожденіемъ на безпрерывной службѣ самихъ казаковъ, всегда обрабатываются женами ихъ, и по малоимѣнію тогда на Линіи виноградныхъ садовъ, вино имѣло себѣ въ продажѣ непослѣднія цѣны, чѣмъ самымъ казаки составляли свой доходъ какъ къ исправленію себя на службу, такъ и по хозяйству на годичное пропитаніе; но время отъ времени донынѣ размножено садоводство на Линіи болѣе у вольныхъ людей, какъ-то Кизлярскихъ купцовъ, армянъ, грузинъ и другихъ мѣстъ и сословій людей; умноженіе того вина пресѣкло вовсе расходъ нашему казачьему вину не только что ведерной и мелочной продажи, но даже казачьи жены изъ нужды, безъ помощи своихъ мужей, которые всегда на службѣ, современемъ отдаютъ въ 45 ведръ бочку вина отъ 10 и 7 рублей, не получая себѣ даже и за работу, на то понесенную, и потому самому, какъ не имѣя казаки никакихъ другихъ доходовъ, приходютъ нынѣ въ крайнее раззореніе по хозяйству, отъ чего и на службу не могутъ быть исправными. Въ такомъ случаѣ мы, уполномочивая васъ, милостиваго государя, отъ лица цѣлаго войска, покорно просимъ отправитца въ губернскій городъ Ставрополь, написать тамо и подать по командѣ на высочайшее имя прошеніе, дабы позволено было войска нашего казакамъ собственное свое воноградное вино перегонять въ спиртъ, выдѣлывать стого водку на манеръ Французской и безъ заплаты акцызныхъ въ казну денегъ, продавать оное бочками и ведрами, какъ съ вывозомъ въ Россію, такъ и на Линіи купцамъ и азіацкимъ заграничнымъ народамъ по даннымъ на то отъ войска свидѣтельствамъ подъ надзоромъ Казенной Палаты; въ чемъ мы вамъ во всемъ вѣримъ, и что вами по сему учинено будетъ, спорить и прекословить не будемъ и пребываемъ съ истиннымъ почтеніемъ. (Слѣдуютъ подписи тѣже, что и въ первой довѣренности.

3. Высочайшая грамота. Божіею милостію мы Елисаветъ Первая, Императрица и Самодержица всероссійская и проч., и проч., и проч. Нашего Гребенскаго войска войсковому наказному атаману Дмитрію Степановичу и всему нашему Гребенскому войску.

Сего марта 29-го дня указали Мы И. В-во, по доношеніямъ генералъ-маіора и Кизлярскаго коменданта Фонъ-Фрауендорфа, и по отпискамъ нашего Гребенскаго войска войсковаго атамана Ивана Иванова и отъ васъ Гребенскаго войска, по учиненной въ нашей Военной Коллегіи справкѣ, подать доношеніе въ Правительствующій Сенатъ и требовать, дабы повелѣно было, для прописанныхъ въ доношеніи генералъ-маіора Фонъ-Фрауендорфа обстоятельствъ, какъ Терскому-Семейному, такъ и вамъ, нашему Гребенскому войскамъ, для представленныхъ отъ Терскаго-Семейнаго и отъ васъ, нашего Гребенскаго, войскъ крайнихъ нуждъ, а паче по нынѣшнимъ, извѣстнымъ Правительствующему Сенату по тамошней пограничности обращеніямъ, что Терское-Семейное и вы, наше Гребенское войско, въ прежнее лѣто почти всѣ въ походѣ находились, для лучшей впредъ Терскаго-Семейнаго и васъ, нашего Гребенскаго войска, по малополучаемому жалованью, исправности, собственное казацкихъ садовъ виноградное вино попрежнему повольною цѣною Терскому-Семейному и вамъ, нашему Гребенскому войску, въ городкахъ, въ Кизлярѣ и въ Астрахани, кому похотятъ, продавать и рыбную ловлю, отданную на откупъ, яко небольшую сумму, за вѣрныя службы отдать Терскому-Семейному и вамъ, нашему Гребенскому, войскамъ безъ платежа денегъ, и откупщикамъ не быть, какъ и напредъ сего происходило, и буде за довольствомъ домашнимъ останется, то повольно гдѣ и кому похотятъ продавать позволить; будежъ зачѣмъ той рыбной отдачи безъ платежа учинить неможно, то, какъ помянутой войсковой атаманъ Ивановъ представляетъ, отдать уже обоимъ Терскому-Семейному и вамъ,

нашему Гребенскому, войскамъ изъ показаной получаемой отъ искупщиковъ суммы за службу, и что напредъ сего и всегда оную имѣли повольно со уменшеніемъ, какое Правительствующій Сенатъ соблаговолитъ, и о томъ требовать указа; которое доношеніе изъ Нашей Военной Коллегіи и подано, и какъ вы сію Нашего И. В-ва грамоту получите, и вамъ, войсковому наказному атаману и всему нашему войску Гребенскому о томъ вѣдать. Писано въ Санктъ-Петербургѣ, въ Нашей Государственной Военной Коллегіи, лѣта 1759 года марта 31 дня. Подлинную грамоту подписали: В. Суворовъ, секретарь Петръ Кирилинъ, актуаріусъ Никита Амурковъ.

(Изъ дѣла Ставроп. воен. арх. 1828—1834 г. № $\frac{251}{7}$. Въ полномъ же Собраніи Законовъ грамоты этой не находится).

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Объ отдачѣ бродягъ въ работники къ линейнымъ казакамъ, какъ правительственной мѣрѣ, направленной къ достиженію двухъ цѣлей: воспособленію казачьимъ хозяйствамъ рабочей силой и увеличенію служилаго состава казачьихъ частей.

(Архивные документы).

1. Предложеніе начальника Главнаго Штаба Е. И. В. генералъ-лейтенанту Емануелю отъ 29 сентября 1827 года (№ 1698).

При настоящихъ разсужденіяхъ правительства объ употребленіи съ пользою бродягъ, вошло между прочимъ въ мои соображенія: 1, что какъ отсылкою ихъ въ Сибирь наполняется край сей людьми ненадежными, требующими бдительнаго надзора, каковаго за ними тамъ имѣть невозможно; 2, опредѣленіе ихъ въ солдаты не только не приноситъ никакой пользы, но напротивъ, распространяя дурной примѣръ нравственности между нижними чинами, умножаетъ число дезертировъ; 3, назначеніе ихъ въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ усугубитъ еще сію невыгоду предоставленіемъ имъ возможности перейти въ Персію и тамъ служить противу насъ, каковою они безъ сомнѣнія воспользуются. По всѣмъ симъ уваженіямъ и дабы извлечь изъ упомянутаго рода людей существенную пользу, я полагалъ бы обращать ихъ постепенно, сначала малыми партіями, на Кавказскую Линію, съ тѣмъ чтобы они были отдаваемы ра-

ботниками линейнымъ казакамъ, имѣющимъ въ таковыхъ нужду; для поощренія же ихъ къ доброму поведенію и для умноженія современемъ населенія на Линіи, положить срокъ, по истеченіи котораго бродяги, съ свидѣтельства старшинъ въ станицахъ о хорошемъ и надежномъ ихъ поведеніи, могутъ поступать въ сословіе казаковъ и водворяться между ими. Сообщая вашему пр—ству вышеизложенное предположеніе для ближайшаго соображенія съ мѣстными обстоятельствами линейныхъ казаковъ, я покорнѣйше прошу васъ представить въ подробности ваше мнѣніе по оному прямо г. командиру Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, который вмѣстѣ съ симъ предваренъ мною на счетъ дѣлаемаго вамъ порученія.

Подписалъ графъ Дибичъ.

2. Мнѣніе командующаго Терскимъ-Семейнымъ войскомъ.

23 ноября 1827 года.

По основанію объявленнаго мнѣ предписанія г. начальника Главнаго Штаба Е. И. В., воспослѣдовавшаго на имя вашего пр—тва; о принятіи въ работники казакамъ подлежащихъ къ ссылкѣ на поселеніе людей, я мнѣніемъ моимъ полагаю: принять таковыхъ людей казакамъ въ работники будетъ совершенно безполезно, ибо таковые люди, содѣлавшіе преступленіе, не могутъ въ жизни своей исправиться, тѣмъ болѣе что они будутъ стараться совращать на дурные поступки самихъ коренныхъ жителей, и что казаки наивсегда находятся на безпрерывной службѣ, а помянутые работники должны оставаться въ домахъ съ ихъ женами и дѣтьми. Сіи послѣднія совершенно ихъ будутъ опасаться, дабы не учинилъ работникъ покражи въ домѣ и не сдѣлалъ побѣга къ горскимъ народамъ, да и сихъ послѣднихъ совратятъ къ покушенію для грабительства въ границахъ нашихъ.

Подписалъ войсковой старшина Поповъ 3-й.

3. Мнѣніе командующаго Кизлярскимъ-Терскимъ войскомъ.

24 ноября 1827 года.

По основанію объявленнаго мнѣ предписанія г. начальника Главнаго Штаба Е. И. В., послѣдовавшаго на имя вашего пр—тва, о принятіи въ работники казакамъ подлежащихъ къ ссылкѣ на поселеніе людей, я мнѣніемъ моимъ полагаю: принять таковыхъ людей казакамъ въ работники будетъ совершенно безполезно, тѣмъ болѣе что Кизлярское-Терское войско составлено большею частію изъ магометанскихъ народовъ и имѣть работниковъ изъ хрестіанъ совершенно будетъ противно ихъ религіи, да и таковые люди, содѣлавшіе преступленіе, не могутъ въ жизни своей исправиться тѣмъ что они наиболѣе будутъ стараться совращать на дурные поступки самихъ коренныхъ жителей, такъ какъ казаки навсегда находятся на безпрерывной службѣ, а помянутые работники должны оставаться въ домахъ съ ихъ женами и дѣтьми. Сіи послѣдніе совершенно будутъ опасаться ихъ, дабы не учинилъ работникъ покражи въ домѣ и не сдѣлалъ бы побѣга къ сосѣдственнымъ горскимъ народамъ, да и сихъ послѣднихъ совратятъ къ покушенію для грабительства въ границахъ нашихъ, по узнаніи совершенно о мѣстныхъ положеніяхъ, занимаемыхъ войскомъ.

Подписалъ маіоръ Фирсовъ.

4. Мнѣніе за общимъ подписомъ командировъ шести другихъ казачьихъ линейныхъ частей, въ томъ числѣ и командира Гребенскаго войска, полковника Ефимовича.

(Безъ даты).

Мнѣніе его с—тва начальника Главнаго Штаба графа Дибича, сообщенное на разсужденіе наше, находимъ благотворительнымъ для казаковъ линейныхъ полковъ, поселенныхъ на Кавказской Линіи, относительно великаго пространства границы, занимаемой столь малымъ количествомъ людей, тѣмъ болѣе, что непредвидимые

случаи вынуждаютъ нерѣдко начальство употребить на службу несоразмѣрное съ общимъ составомъ число людей, чрезъ что казаки, оставляя хозяйство на неопредѣленное время безъ всякаго надзора, приходятъ нерѣдко въ невозможность быть полезными для исполненія настоящаго ихъ назначенія. Но дабы нравственность сословія сего не потерпѣла слишкомъ отъ дурныхъ примѣровъ бродягъ, которая имѣетъ рѣшительное вліяніе, какъ на вѣрное охраненіе границы, такъ и на уваженіе къ намъ смежныхъ съ нами пограничныхъ народовъ, и которая даже въ настоящемъ составѣ онаго удерживается только самымъ бдительнымъ и строгимъ надзоромъ мѣстныхъ начальниковъ, то полагаемъ, что должно сдѣлать различіе между бродягами, раздѣливъ оныхъ на два разряда, изъ коихъ одинъ можетъ принесть существенную пользу, второй же, полагаемъ, не только будетъ безполезенъ, но даже и вреденъ. Въ разряды опредѣляемъ: 1, Таковыхъ которые удалились отъ жилищъ своихъ подъ предлогомъ непомнящихъ родства; 2, Съ просроченными пашпортами; 3, Людей зашедшихъ по разнымъ случаямъ въ другія губерніи и, по болѣзнямъ, либо какимъ другимъ обстоятельствамъ, не имѣли средствъ и желанія возвратиться; И наконецъ 4, всѣхъ таковыхъ, которые независимыми отъ нихъ случаями подвергались имени бродягъ, зашедшихъ для заработковъ даже съ цѣлыми семействами, преимущественно же въ Кавказскую Область, и числящихся при селеніяхъ, не исполняя никакихъ повинностей. Таковые бродяги доставятъ пользу сословію казаковъ сообразно съ мнѣніемъ его с—тва. Во второй разрядъ полагаемъ скитающихся долговременно, привыкшихъ къ праздной и порочной жизни, ни въ какомъ сословіи не могшихъ себѣ составить водворенія: ибо естли таковые безполезны въ Сибири и требуютъ въ той странѣ бдительнаго надзора, а въ армейскихъ полкахъ служатъ развращеніемъ для протчихъ нижнихъ чиновъ, умножая число дезертировъ, въ Кав-

казскомъ же корпусѣ усугубляютъ еще и ту невыгоду, что имѣютъ возможность переходить въ Персію, то въ линейныхъ полкахъ, которые поселены на границѣ такихъ народовъ, съ коими мирныя условія не могутъ быть постоянны, еще болѣе таковые люди имѣютъ случаи и удобства быть вредными цѣли правительства. Сверхъ того они поселятъ въ семействахъ развратъ, который въ послѣдствіи времени трудно будетъ искоренить; надзоръ же за таковыми бродягами приведетъ полки въ затрудненіе.

Подписали: маіоръ Канивальскій, маіоръ Васмундъ, маіоръ Верзилинъ, маіоръ Синановъ, подполковникъ Степановскій и полковникъ Ефимовичъ.

5. Мнѣніе Государственнаго Совѣта, высоч. утвержд. 12 февраля 1829 года.

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе начальника Главнаго Штаба Е. И. В. по предположеніямъ отсылать бродягъ изъ ближайшихъ къ Кавказской Области губерній на Линію, для обращенія въ работники къ линейнымъ казакамъ, и признавъ мѣру сію полезною, какъ для казаковъ, такъ и къ вящшему прекращенію бродяжничества, положилъ: въ дополненіе къ мнѣнію его, въ 22 день марта 1828 года высоч. утвержденному, постановить слѣдующее: на будущее время, какъ изъ Кавказской Области, такъ и изъ губерній Малороссійскихъ, Новороссійскихъ, равно изъ Воронежской, Тамбовской, Астраханской, Саратовской, Слободско-Украинской и Курской бродягъ здоровыхъ, способныхъ къ работѣ и не старѣе 35 лѣтъ отсылать на Кавказскую Линію для отдачи въ работники къ казакамъ. Отсылка сія имѣетъ производиться на томъ же основаніи, какъ постановлено въ положеніи 22 марта 1828 года для ссылаемыхъ въ Сибирь. Лѣта опредѣляются по наружному виду. Означенныя Губернскія Правленія и Кавказское Областное производятъ выборъ бро-

дягъ, для отсылки на Линію, обще съ командиромъ внутренняго гарнизоннаго баталіона, въ губернскомъ городѣ находящагося; при отсылкѣ же должны препровождаться и статейные о бродягахъ списки съ подробнымъ изъясненіемъ въ оныхъ всѣхъ случаевъ, до нихъ относящихся, поколику случаи сіи изъ дѣлъ могутъ быть открыты.

6. Докладная записка капитана Пономарева (штабнаго офицера) генералу Емануелю отъ 5 августа 1830 г.

Весьма частыя донесенія полковыхъ командировъ линейныхъ казачьихъ полковъ о побѣгахъ отсылаемыхъ къ нимъ для опредѣленія, на основаніи высоч. утвержденнаго въ 12 день февраля 1829 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, къ казакамъ въ работники, бродягъ раззоряющихъ казаковъ покражею у нихъ при побѣгѣ разнаго имущества, открываютъ, что сіи испорченные въ нравственности люди нимало не чувствуютъ благодѣтельныхъ средствъ правительства, клонящихся къ возвращенію ихъ какъ къ собственнымъ ихъ пользамъ въ общественной жизни, такъ и пользамъ на службу правительству, и вовсе не заботятся исправиться и приспособлять себя къ казачьимъ работамъ и роду ихъ службы, которою бы, послѣ трехлѣтней порядочной жизни въ работникахъ могли они заслужить вниманіе начальства опредѣленіемъ и водвореніемъ въ казаки; но, уходя, скитаются и чрезъ нѣсколько времени попадаясь, объявляютъ себя вновь непомнящими родства и, небудучи узнанными по примѣтамъ, опредѣляются на основаніи закона въ полки, и такимъ образомъ одинъ и тотъ же бродяга, въ отягощеніе правительства и казаковъ, можетъ сдѣлать нѣсколько побѣговъ и поступать въ разные полки. Между же тѣмъ дѣлается замѣтнымъ, что изъ регулярныхъ полковъ нижніе чины дѣлаютъ таже побѣги, имѣя вѣроятно въ виду способъ избавиться фронтовой службы и, явившись бродягою, быть опредѣленнымъ къ казакамъ въ работники; а тѣмъ болѣе неминуемо должно ожидать сего отъ тѣхъ нижнихъ чи-

новъ, которые назначаются въ войски, на Кавказской Линіи расположенныя, изъ арестантовъ изъ разныхъ россійскихъ губерній довольно въ большомъ каличествѣ. О таковомъ вредѣ, происходящемъ отъ бродягъ, я долгомъ моимъ счелъ донести вашему высокопр—тву съ тѣмъ—не благоугодно-ли будетъ войти куда слѣдуетъ съ представленіемъ о прекращеніи присылки сюда бродягъ.

7. Указъ Правительствующаго Сената Кавказскому областному начальнику, генералъ-лейтенанту Алексѣю Александровичу Вельяминову отъ 13 апрѣля 1833 года (№ 19511).

Правительствующій Сенатъ слушали рапортъ г. министра Внутреннихъ Дѣлъ, что по дѣлу о побѣгахъ помѣщичьихъ крестіянъ на Кавказскую Линію входилъ онъ съ представленіемъ въ Комитетъ г.г. министровъ, по положенію коего въ 14 день минувшаго февраля Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: приписку всѣхъ тѣхъ, кои задержаны будутъ за неимѣніе законныхъ видовъ и назовутся непомнящими родства, въ работники къ казакамъ Астраханскимъ и Кавказскимъ, равно какъ и ссылку ихъ въ Сибирь на поселеніе, немедленно прекратить и пріемъ оныхъ туда совершенно запретить. Всѣхъ таковыхъ людей, не дѣлая объ нихъ никакихъ предварительныхъ розысканій, заисключеніемъ лишь случаевъ, когда они приличаются въ уголовныхъ преступленіяхъ, отдавать впредь немедленно въ солдаты, коль скоро они окажутся способными нести военную службу, хотя и не строевую; совершенно же къ оной неспособныхъ распредѣлять въ военно-рабочія и арестантскія роты, которыя въ случаѣ надобности формировать для сего вновь, а гдѣ сіе окажется неудобнымъ, употреблять ихъ въ крѣпостныя работы....

(Ставроп. воен. архива. Дѣло 1827—1834 г., № 46).

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

О службномъ содержаніи, почтовомъ налогѣ, земельномъ и лѣсномъ довольствіи, винодѣльной промышленности и другихъ предметахъ.

(Архивный документъ).

Докладная записка, представленная Государю Императору Николаю Павловичу депутатами отъ линейныхъ казачьихъ полковъ Семейнаго, Кизлярскаго, Гребенскаго, Моздокскаго и Горскаго 15 октября 1837 года, въ Екатериноградской станицѣ, съ собственноручными резолюціями Его Величества по каждому пункту записки.

1.

Штабъ и оберъ-офицеры находятся всѣ безъ исключенія на безпрестанной службѣ по кордонной линіи и не имѣютъ времени заниматься хозяйственнымъ обзаведеніемъ, а жалованье получаютъ по полковому положенію съ давнихъ лѣтъ малое, по чинамъ своимъ, не свыше 13, 14, 15 и 16 рублеваго въ годъ оклада; а

Собственноручныя высочайшія резолюціи:

По 1-му пункту.

„Во всемъ справедливо уравнять противъ донскихъ“.

обмундированіе стоитъ каждому офицеру, по нынѣшней на всѣ вещи дороговизнѣ, довольно значительно; чрезъ что самые офицеры взошли въ несостоятельность, и потому просимъ В. И. В. о прибавленіи жалованія во всякое время по старому гусарскому окладу; будучи же далѣе ста верстъ отъ домовъ своихъ—по новому гусарскому положенію, а урядникамъ и казакамъ выдавать въ годъ по семидесяти пяти рублей ремонтныхъ денегъ. Безъ сего же пособія, за всѣмъ вѣрноподданническимъ и истиннымъ усердіемъ къ службѣ В. И. В., сословіе крайне изнемогаетъ.

2.

Отставные казаки, прослужившіе 25, 26 и 27 лѣтнее время, платятъ на почтовую казенную повинность деньги, тогда какъ сами состоятъ на безпрерывной внутренней службѣ, за всѣмъ тѣмъ нерѣдко занимаютъ, за раскомандировкою казаковъ, посты по границѣ противъ непріязненныхъ намъ горскихъ народовъ, на собственномъ своемъ продовольствіи, а жены ихъ употребляются въ отвозы проходящихъ чрезъ станицы ихъ воинскихъ командъ и разныхъ проѣзжающихъ г.г. офицеровъ и другихъ чиновъ людей на обывательскихъ подводахъ; словомъ сказать: до такой крайности жители дошли, что едва-ли могутъ

По 2-му пункту. „Весьма справедливо, ежели натурой исполняютъ“.

поддерживать свое хозяйство, каковымъ приготовляются ихъ дѣти на службу; а потому и просимъ В. И. В. объ освобожденіи отъ платежа почтовыхъ денегъ.

3.

Дѣтямъ, рожденнымъ въ штабъ и оберъ-офицерскихъ чинахъ, назначить срокъ службы казака до урядничьяго чина, за отличіе же въ дѣлахъ противъ непріятеля и отличіе по службѣ утвердить правиломъ производство въ урядники одному корпусному командиру и наказному атаману войска.

По 3-му пункту. „Какое правило нынѣ?“

4.

Выдѣлываемое казаками красное вино, называемое чихиремъ, изъ собственныхъ виноградныхъ садовъ, продается Кизлярскимъ жителямъ, для перегонки въ спиртъ на заводахъ, за цѣну отъ 4 до 8 рублей бочка; противу прошлыхъ лѣтъ гораздо унизились на оное цѣны, по каковому предмету и люди пришли въ крайнюю несостоятельность; что все служило допрежде сего казачьему сословію главнымъ источникомъ въ поддержаніи домашняго хозяйства и для исправленія всѣмъ нужнымъ на службу, то по таковой необходимой крайности просимъ В. И. В. о дозволеніи казакамъ выгонять изъ собственнаго своего вина водку на манеръ французской, безъ взысканія въ казну

По 4-му пункту. „Кажется справедливо, надо будетъ министра финансовъ переспорить“.

акцизныхъ денегъ, и предоставить оную вольно продавать повсемѣстно какъ въ Кавказской области, такъ и въ великороссійскихъ губерніяхъ безпрепятственно; каковую статью на предбудущихъ торгахъ изъять изъ откупныхъ условій, заключаемыхъ съ откупщиками на поставку и продажу хлѣбной водки.

5.

Полки Лѣваго Фланга не имѣютъ достаточной пропорціи земли по числу душъ; по каковому недостатку казаки крайне въ томъ нуждаются, какъ хлѣбопашествомъ, такъ и сѣнокошеніемъ; но вмѣсто того недостатка земли полки необходимымъ считаютъ ходатайствовать у В. И. В. о замѣнѣ оной даровать въ привиллегію морскіе берега и воды рыболовные въ ономъ съ банками, впадающими изъ рѣки Терека въ Каспійское море; каковымъ средствомъ и рыба тогда свободно по рѣкамъ будетъ имѣть свой ходъ вверхъ по Тереку, которая останавливается всегда ловцами, производящими оной около самыхъ банковъ, отъ чего казаки всего Лѣваго Фланга лишаются свободной промышленности и приходятъ въ несостоятельность по хозяйству.

По 5-му пункту. „Кажется можно будетъ дать, но на сіе нужна справка“.

6.

Рѣка Терекъ, на которой расположены станицы Семейно-Кизлярскаго, Гребенскаго и Моздокскаго полу

По 6-му пункту. „Нужно узнать у Г. Толя“.

ковъ, почти всегда быстро свирѣпствуетъ своимъ наводненіемъ, затопляетъ сады и луга, что и случилось отъ нынѣшняго сильнаго наводненія рѣки Терека, отъ чего и понесли жители чувствительные убытки и крайнее раззореніе затопленіемъ садовъ, хлѣбовъ и сѣнокосныхъ луговъ водою; укрѣпленіе же береговъ вверхъ и внизъ по Тереку, по всѣмъ дачамъ, принадлежащимъ полкамъ болѣе 200 верстъ, лежитъ на отвѣтственности самихъ жителей, которымъ времени ни мало не достаетъ обрабатывать за упомянутыми во второмъ пунктѣ обстоятельствами; наконецъ обрабатываніе остается затѣмъ на ихъ женахъ и дѣтяхъ, чрезъ что терпятъ по хозяйству немалые убытки и приводятъ себя въ самое бѣдственное положеніе; то по симъ уважительнымъ и истиннымъ причинамъ береговое укрѣпленіе обратить на казенное попеченіе.

7.

Полки Семейно-Кизлярскій и Моздоцкій весьма нуждаются неимѣніемъ лѣса, такъ что только и произростаетъ въ дачахъ оныхъ одинъ тальникъ и кустарникъ и тотъ вырубается ежегодно на укрѣпленіе береговъ; почему и дозволить навсегда вырубку таковую на разныя домашнія подѣлки изъ казенныхъ лѣсовъ, произростаемыхъ въ смежности съ казаками Гре-

По 7-му пункту. „Нужно узнать у Г. А. Киселева“.

бенскаго полка, называемый Командной, безъ платы попенныхъ денегъ, или совершенно передать вышеупомянутымъ двумъ полкамъ.

8.

По 8-му пункту. „Нужно справиться, можно-ли“.

По дальнему разстоянію пристани отъ поселеній полковъ, кои получаютъ довольствіе въ натурѣ, не мѣнѣе какъ 150 верстъ отъ нынѣ строющейся пристани, жители для полученія провіанта оттоль обязаны доставлять на собственныхъ своихъ подводахъ, нанимать же подъ свозъ онаго вольнонаемныхъ, коимъ за перевозку платятъ отъ рубля до пятидесяти коп. и двухъ рублей пятидесяти коп., за каждую четверть муки, крупъ и овса, а сами они получаютъ за перевозку таковаго только положенный казенный прогонъ по двадцати семи коп. за четверть; почему просимъ В. И. В., чтобы провіантъ доставляемъ былъ казной въ Кизлярскій магазейнъ, изъ котораго дѣлать отпускъ полкамъ или уплачивать онымъ сумму, во чтобы казнѣ перевозка обошлась:

Всемилостивѣйшій Монархъ, никогда не осмѣливались бы представлять нуждъ нашихъ къ перемѣненію постановленій, предками В. И. В. намъ данныхъ, естлибъ не самая живая истина и быстро сближающаяся

общая нищета насъ не постигала. 15 октября 1837 г. Станица Екатериноградъ.

(Ставроп. воен. арх. Изъ дѣла о составл. проекта управл. Кавк. Лин. войска. 1838—1841 г., № 114).

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

Народонаселеніе Гребенскаго войска и его богатство въ первые годы по образованіи Кавк. Лин. войска.

(Архивные документы 1838 и 1839 годовъ).

Посемейные списки и вѣдомости, представленные въ комитетъ по составленію проекта полож. о Кавк. Лин. войскѣ, при рапортахъ подполк. графа Стенбока отъ 20 марта и 6 іюля 1839 г., № 282 и 924.

1. Вѣдомость общая за 1839 годъ.

Въ семи станицахъ Гребенскаго казачьяго полка (бывшаго передъ тѣмъ войска) состоитъ мужеска пола 3289 душъ.

Изъ того числа:

Штабъ-офицеровъ	(нѣтъ).
Оберъ-офицеровъ.	36.

Изъ нихъ:

На дѣйствительной службѣ съ полученіемъ отъ казны жалованья, провіанта и фуража.	31.
Перечисленныхъ съ дѣйствительной на внутреннюю службу, неполучающихъ никакихъ отъ казны довольствій . . .	2.
Отставныхъ	3.

Малолѣтковъ отъ одного до 20 лѣтъ:

Отъ 1 до 16 лѣтъ . . .	1256.	Въ томъ числѣ обучающихся грамотѣ 138.
Отъ 16 до 20 лѣтъ, кои по необходимости употребляются на внутреннюю службу .	321.	

Урядниковъ и казаковъ отъ 20 до 45 лѣтъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ съ полученіемъ отъ казны жалованья, провіанта и фуража:

Урядниковъ.	69.	Въ томъ числѣ безлошадныхъ . . . 128.
Казаковъ	837.	

Перечисленныхъ съ дѣйствительной на внутреннюю службу и вовсе неслужившихъ, кои не получаютъ отъ казны ничего:

За ранами	28.	Въ томъ числѣ безлошадныхъ . . . 207.
За болѣзнями	45.	
По неспособности . . .	58.	
Вовсе неслужившихъ. .	226.	
Отъ 45 до 60 лѣтъ, состоящихъ на внутренней службѣ	267.	Безлошадныхъ. 230.

Отъ 60 лѣтъ и далѣе, кои по необходимости состоятъ тоже на внутренней службѣ . . 146.

Женскаго пола во всѣхъ семи станицахъ. 3532 д.

Состояніе хлѣбопашества.

Въ станицахъ Гребенскаго полка сѣется хлѣба:

Офицерами и заурядъ-офицерами:

Пшеницы	155 четв.	
Ржи	65 „	5 четвер.
Ячменя	2 „	
Проса	72 „	4 „

Урядниками, казаками и казачьими вдовами:

Пшеницы	1128 четв.	1 четвер.
Ржи	218 „	

Ячменя . . . . . 7 четв.
Проса . . . . . 507 „

Кромѣ сихъ хлѣбовъ никакихъ другихъ не сѣетъ никто.

Казаки Гребенскаго полка всѣхъ станицъ не имѣютъ удобства въ производствѣ хлѣбопашества и сѣнокошенія, имѣя во владѣніи дачи пещанаго и солонцоватаго грунта, и требуется трудная работа для напоенія оныхъ водою посредствомъ канавъ и чрезъ высокія мѣста, особенно подъ хлѣбопашество. По этимъ причинамъ урожай столь скудно вознаграждаетъ труды земледѣльца, что большую часть года казаки питаютъ семейства свои покупнымъ хлѣбомъ. Станица же *Шелковская* (новоприписанная) имѣетъ столь малое количество земли, что вовсе лишена способа занятія хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ на собственной землѣ. Станица *Паробочевская* (тоже новоприписанная), будучи поселена на земляхъ помѣщика изъ армянъ Калустова, вовсе земли не имѣетъ... По снятіи старшимъ землемѣромъ Федоровымъ земель Гребенскаго войска въ 1827 году на планъ и по исчисленіи оказалось въ безспорномъ владѣніи онаго удобной 98919 десятинъ 2336½ саженъ, неудобной 19465 десятинъ 1136½ саж. да въ спорѣ съ помѣщиками Калустовыми удобной 1275 десятинъ 132 саж. Не доставало же по числу душъ до сего времени въ полку земли 70045 десятинъ 42½ саж.

Виноградарство.

Всѣхъ виноградныхъ садовъ различной величины состоитъ:

Офицерскихъ и урядничьихъ . . . . 239.
казачьихъ, въ томъ числѣ и вдовьихъ . 2532.

Изъ сихъ садовъ добывается въ годъ вина бочекъ мѣрою въ сорокъ ведеръ:

Изъ офицерскихъ и урядничьихъ . 738¼.
„ казачьихъ . . . . . 4580¾.

Строенія и заводы.

Во всѣхъ семи станицахъ состоитъ:

Лавокъ, въ коихъ торгуютъ армяне и жиды 12

Дохода въ полкъ не приносятъ, а платятъ въ станицы въ годъ . . . . . 192 р.
и хозяевамъ оныхъ. . . . . 542 р.

Виноградныхъ заводовъ для дѣланія кизлярской водки 21

Доходовъ въ станицы не приносятъ.

Дворовъ казачьяго вѣдомства 1450
„ посторонняго 6

Мельницъ водяныхъ 11
„ лошадиныхъ 1
„ вѣтряныхъ . . . . . нѣтъ.

Дохода въ полкъ не приносятъ

Хуторовъ 3

Въ нихъ дворовъ 32.

Конскихъ заводовъ частныхъ. 17

Въ нихъ: жеребцовъ 24, матокъ 337, жеребятъ 153.

Конскій заводъ полковой 1

Въ немъ: жеребцовъ 2, матокъ 29, жеребятъ 24.

Что все показанное въ сей вѣдомости дѣйствительно справедливо и вѣрно, въ томъ свидѣтельствую, а за невѣрность отвѣтствую: подполковникъ графъ Стенбокъ. Вѣдомость составлялъ полковой писарь Кулебякинъ.

2. Вѣдомость по станицамъ.

	Станицы и жители оныхъ по чинамъ и званіямъ.	Лѣта отъ роду.	Число душъ въ семействахъ.		У нихъ имѣется.									
								Головъ.						
			Мужескаго пола.	Женскаго пола.	Виноградныхъ садовъ.	Получается въ годъ бочекъ вина.	Тутовыхъ деревъ.	Лошадей.	Рабочихъ воловъ.	Коровъ.	Телятъ.	Овецъ.	Свиней.
	Червленская.												
1	Есаулъ Иванъ Пономаревъ	66	9	10	6	15	2	10	12	16	4	50	3
2	Есаулъ Ефимъ Фроловъ 4-й	44	3	2	3	11	—	51	14	16	4	100	6
3	Есаулъ Максимъ Фроловъ 5-й	41	3	3	5	12½	10	60	19	24	4	300	6
4	Есаулъ Титъ Палашкинъ. (отставной).	65	1	3	3	9	—	2	6	7	3	10	3
5	Сотникъ Иванъ Сергѣевъ.	50	3	7	3	24	2	80	10	16	14	150	7
6	Сотникъ Максимъ Залатовъ	54	2	3	4	10½	3	3	9	13	7	20	—
7	Сотникъ Иванъ Андреевъ.	60	3	3	3	16	—	2	7	4	4	40	8
8	Сотникъ Василій Ермолаевъ . . . . . (отставной).	62	1	3	2	10½	1	1	5	10	3	—	—
9	Заурядъ-сотникъ Иванъ Фроловъ 2-й	50	4	4	4	8	5	2	8	7	4	10	5
10	Хорунжій Ларіонъ Фроловъ 6-й	35	4	3	2	15½	3	8	5	16	15	40	—
11	Хорунжій Федотъ Федюшкинъ	35	9	8	2	40	5	100	16	20	15	150	—

	Станицы и жители оныхъ по чинамъ и званіямъ.	Лѣта отъ роду.	Число душъ въ семействахъ. Мужескаго пола.	Женскаго пола.	У нихъ имѣется. Виноградныхъ садовъ.	Получается въ годъ бочекъ вина.	Тутовыхъ деревъ.	Головъ. Лошадей.	Рабочихъ воловъ.	Коровъ.	Телятъ.	Овецъ.	Свиней.
12	Хорунжій Савостьянъ Тихановъ. . . .	30	2	1	2	10	—	7	8	11	7	60	—
13	Хорунжій Ануфрій Иничкинъ	29	8	6	3	20½	—	5	10	15	5	30	5
14	Хорунжій Афанасій Камковъ	28	6	6	3	16	4	80	10	22	8	400	6
15	Хорунжій Иванъ Палашкинъ.	42	6	6	4	13½	—	5	6	6	4	10	6
16	Заурядъ-хорунжій Василій Арнаутовъ	39	1	3	2	10	—	2	6	17	3	240	3
17	Заурядъ-хорунжій Яковъ Хановъ .	52	5	6	2	8	2	2	6	3	3	6	1
18	Заурядъ-хорунжій Евтей Рогожинъ.	36	5	7	3	11	3	5	6	10	—	30	6
19	Дьяконъ Иванъ Сергѣевъ . . . . (отставной).	68	8	7	5	11	3	—	4	27	3	9	—
	Итого семействъ офицеровъ и одного отставнаго дьякона.	—	83	91	61	272	43	425	167	260	110	1655	65
	Уряднини:												
1	Сафонъ Кулебякинъ	42	4	3	2	5½	—	1	3	3	2	4	6
2	Василій Татаринцовъ	38	1	1	2	4	—	2	2	6	5	—	1
3	Никифоръ Иничкинъ	40	4	2	3	7½	3	1	3	8	3	—	6
4	Фадей Кубановъ.	29	1	2	2	12½	—	1	4	5	4	—	1

	Станицы и жители оныхъ по чинамъ и званіямъ.	Лѣта отъ роду.	Число душъ въ семействахъ.		У нихъ имѣется.									
			Мужескаго пола.	Женскаго пола.	Виноградныхъ садовъ.	Получается въ годъ бочекъ вина.	Тутовыхъ деревъ.	Головъ.						
								Лошадей.	Рабочихъ воловъ.	Коровъ.	Телятъ.	Овецъ.	Свиней.
5	Петръ Титкинъ.	31	3	3	3	6¾	—	1	3	4	2	—	2
6	Кирилъ Екимовъ	35	8	6	3	5	2	2	3	8	3	9	6
7	Иванъ Фроловъ.	24	3	2	2	9½	—	3	8	11	2	400	4
8	Семенъ Янхотовъ	37	7	8	6	11½	—	4	8	7	6	13	3
9	Федотъ Хановъ.	35	3	3	2	3	2	1	1	4	—	6	2
10	Тимофей Полушкинъ	35	2	4	3	5	—	—	2	4	1	—	5
11	Никифоръ Лачиновъ.	37	3	1	2	4	—	1	2	2	1	—	4
12	Савелій Зиминъ.	37	4	3	2	6	5	1	2	4	2	—	6
13	Никифоръ Ермолаевъ	25	4	4	3	9	—	2	6	4	4	40	—
14	Архипъ Пономаревъ	33	5	10	2	12	—	1	5	14	5	40	1
15	Савостьянъ Шурыгинъ.	39	4	3	2	3	4	1	3	2	1	—	1
16	Екимъ Пузинъ .	28	1	4	1	4	2	1	2	—	—	—	5
17	Романъ Тарасовъ	39	2	3	1	2	—	1	—	—	—	—	1
18	Афанасій Палашкинъ	32	2	1	2	3	—	1	2	3	1	9	4
19	Никонъ Урахчинъ	43	2	2	3	5	—	1	3	3	2	—	2
20	Венедиктъ Карпушкинъ	30	5	4	3	15	14	20	18	40	10	100	12
21	Якимъ Яреминъ.	26	3	2	3	4	4	1	3	3	2	—	1
22	Абросимъ Демушкинъ	36	3	3	3	10	5	3	10	8	7	30	5
23	Евплъ Семенкинъ	23	1	4	2	6	—	40	8	4	4	30	—

	Станицы и жители оныхъ по чинамъ и званіямъ.	Лѣта отъ роду.	Число душъ въ семействахъ: Мужескаго пола.	Женскаго пола.	У нихъ имѣется: Виноградныхъ садовъ.	Получается въ годъ бочекъ вина.	Тутовыхъ деревъ	Головъ: Лошадей.	Рабочихъ воловъ.	Коровъ.	Телятъ.	Овецъ.	Свиней.
24	Устинъ Байсунгуровъ. . . . . (отставной).	62	3	2	2	2	3	1	3	3	2	9	—
25	Филипъ Андрюнькинъ . . . . . (отставной).	64	3	3	3	10	2	1	8	10	2	5	—
26	Филипъ Кулебякинъ . . . . . (перечисленъ по неспособности во внутреннюю службу).	43	4	3	4	8	—	—	2	9	4	2	3
27	Осипъ Фроловъ. (отставной по неспособности).	36	2	3	1	4	—	2	9	5	4	100	—
28	Федотъ Рогожинъ (отставной по неспособности).	44	5	5	2	9	2	4	4	4	3	30	7
	Итого семействъ урядниковъ 28 . .	—	92	94	69	186¼	48	98	127	178	82	827	88
	Казаки:												
	Всѣхъ семействъ казачьихъ 550 . .	—	1400	1428	1377	2040¾	1109	436	1232	1766	791	822	1121
	Всего въ станицѣ.	—	1575	1613	1507	2499	1200	959	1526	2204	983	3304	1274

Станичный начальникъ есаулъ *Фроловъ*.

Большинство хозяевъ имѣютъ отъ одного до четырехъ виноградныхъ садовъ. Хозяевъ, имѣющихъ по пяти садовъ, *семь*, а по шести только *два*. Первые получаютъ по 12½, а послѣдніе по 15 бочекъ вина въ годъ.

Вообще же сады такихъ размѣровъ, что даютъ въ большинствѣ случаевъ отъ 1 до 4 бочекъ вина каждый. Встрѣчаются и такіе, что два даютъ одну только бочку вина.

Одинъ хозяинъ въ большинствѣ случаевъ имѣетъ лошадей отъ 1 до 5. Хозяевъ, имѣющихъ отъ 10 до 50 лошадей, *четыре;* отъ 50 до 80—*три*, а сто лошадей имѣетъ только *одинъ*.

Немногіе хозяева имѣютъ по одному только рабочему волу. Большинство имѣетъ ихъ отъ 2 до 5. Шестьдесятъ одинъ хозяинъ имѣетъ отъ 5 до 10 воловъ. Три хозяина имѣютъ по 10 воловъ; два по 12; два по 14; одинъ 16, одинъ 18 и одинъ 19—высшее количество.

Коровъ отъ 1 до 3 имѣютъ сто шестьдесятъ семь хозяевъ; отъ 3 до 6—сто восемдесятъ пять; отъ 6 до 10 семдесятъ; по 10 коровъ имѣютъ пятнадцать хозяевъ; отъ 10 до 20—двадцать три; отъ 20 до 25—шесть. *Одинъ* хозяинъ имѣетъ 27 коровъ и *одинъ* 40—высшее количество.

Овцеводствомъ занимается едва пятая часть домохозяевъ, изъ коихъ только два имѣютъ по 400 и одинъ 300 овецъ. Шесть хозяевъ имѣютъ отъ 100 до 250; сорокъ два отъ 10 до 100 и шестьдесятъ отъ 1 до 10 овецъ.

Въ числѣ домохозяевъ встрѣчается одинъ безсемейный, 29 лѣтъ, все имущество котораго состоитъ изъ одного сада, дающаго одну бочку вина, и изъ одного рабочаго быка.

Въ общемъ числѣ казачьихъ семействъ значится 56 вдовъ, имѣющихъ главенство въ семействахъ и управляющихъ хозяйствами.

При разсмотрѣніи возрастовъ супруговъ въ семействахъ оказывается 239 такихъ брачныхъ союзовъ, въ которыхъ мужъ и жена однихъ лѣтъ, и 165 такихъ, въ которыхъ жены лѣтами старше своихъ мужей.

Число женщинъ превышаетъ число мужчинъ на 38 лицъ.

	Станицы и жители оныхъ по чинамъ и званіямъ.	Лѣта отъ роду.	Число душъ въ семействахъ. Мужескаго пола.	Женскаго пола.	У нихъ имѣется. Виноградныхъ садовъ.	Получается въ годъ бочекъ вина.	Тутовыхъ деревъ.	Головъ. Лошадей.	Рабочихъ воловъ.	Коровъ.	Телятъ.	Овецъ.	Свиней.
	С. Новогладковская.												
1	Есаулъ Семенъ Нечкинъ . . . . . (на внутренней службѣ).	56	3	4	3	4	22	1	3	1	2	—	—
2	Хорунжій Федоръ Бирюковъ.	41	5	5	1	5	22	1	1	2	2	—	4
3	Заурядъ-сотникъ Иванъ Вилковъ . (внутренно-служащій).	59	3	6	2	6	17	8	4	7	5	—	3
4	Штабсъ-капитанъ Антонъ Шаликовъ. . . . . (служитъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку).	41	1	—	1	7	15	23	—	12	6	—	—
5	Поручики: Петръ и Григорій Шаликовы. . (служатъ неизвѣстно гдѣ).	25 20	—	—	1	6	10	12	—	2	—	—	—
6	Портупей-юнкеръ. Петръ Шаликовъ. (отставной).	43	2	1	2	20	23	25	4	2	2	45	—
7	Дьячекъ Василій Кузьминъ. (отставной).	48	2	1	2	9	10	9	5	4	3	—	3
	Итого семействъ офицеровъ и одного отставного дьячка 7.	—	16	17	12	57	119	79	17	30	20	45	10
	Урядники.												
1	Иванъ Ивановъ .	37	3	3	3	8	8	1	3	6	6	—	2

	Станицы и жители оных по чинамъ и званіямъ.	Лѣта отъ роду.	Число душъ въ семействахъ.		У нихъ имѣется.								
					Виноградныхъ садовъ.	Получается въ годъ.	Тутовыхъ деревъ.	Головъ.					
			Мужескаго пола.	Женскаго пола.				Лошадей.	Рабочихъ воловъ.	Коровъ.	Телятъ.	Овецъ.	Свиней.
2	Трофимъ Павлинъ.	37	2	2	2	3	9	1	2	1	1	—	2
3	Ефремъ Худяковъ.	29	2	2	2	3	8	1	2	1	1	—	—
4	Леонтій Кругавовъ	36	2	1	2	4	10	1	2	4	3	1	1
5	Иванъ Пархаевъ . (внутренно-служащій).	58	2	1	2	5	6	—	2	—	—	6	—
6	Ермолай Шиповъ. (внутренно-служащій).	51	1	1	2	6	12	—	3	3	1	4	1
7	Иванъ Леонтіевъ . (внутренно-служащій).	49	1	5	2	3	6	—	3	3	3	1	—
	Итого семействъ урядниковъ 7. . .	—	12	15	15	32	59	4	17	18	15	12	6
	Казаки:												
	Всѣхъ семействъ казачьихъ 110 . .	—	260	290	196	395	894	96	216	220	191	125	107
	Всего въ станицѣ	—	288	322	223	484	1072	179	250	268	226	182	123

Станичный начальникъ сотникъ *Сергѣевъ*.

Большинство хозяевъ (104) имѣютъ отъ одного до трехъ виноградныхъ садовъ. Имѣющихъ по три сада шестнадцать хозяевъ, а по четыре только два. Первые получаютъ отъ 2 до 8, а послѣдніе отъ 5 до 8 бочекъ вина, въ годъ.

Обыкновенно садъ даетъ отъ 1 до 4 бочекъ. Есть три сада, которые даютъ по полъ-бочки и только одинъ садъ доставляетъ 10 бочекъ вина.

Относительно другихъ отраслей хозяйства оказывается, что пятьдесятъ шесть семей имѣютъ по одной лошади. Имѣющихъ отъ 2 до 10 лошадей—десять; отъ 10 до 14—три и только одинъ хозяинъ имѣетъ 23 лошади.

Большинство хозяевъ (71) имѣютъ отъ 1 до 3 рабочихъ воловъ. Тридцать пять имѣютъ отъ 3 до 6 и одинъ 8 воловъ—высшее количество.

Коровъ отъ 1 до 3 имѣетъ семдесятъ одна семья; отъ 3 до 6—тридцать; отъ 6 до 10—три. Одинъ хозяинъ имѣетъ 12 коровъ—высшее количество.

Три домохозяина имѣютъ по одной овцѣ и пять—отъ 4 до 15. Одинъ хозяинъ имѣетъ 30 овецъ и одинъ 45, а у остальныхъ овцеводство не за обычай.

Въ общемъ числѣ семействъ находится 50 казачьихъ вдовъ, изъ которыхъ 35 стоятъ во главѣ семействъ и управляютъ хозяйствами.

По отношенію къ брачнымъ союзамъ встрѣчается та особенность, что въ 27 супружествахъ мужъ и жена равныхъ лѣтъ, а въ 39—жены старше лѣтами своихъ мужей.

Число женщинъ превышаетъ число мужчинъ на 34 лица.

Станицы и жители оныхъ по чинамъ и званіямъ.	Лета отъ роду.	Число душъ въ семействахъ.		У нихъ имѣется.								
		Мужескаго пола.	Женскаго пола.	Виноградныхъ садовъ.	Получается въ годъ бочекъ вина.	Тутовыхъ деревъ.	Головъ. Лошадей.	Рабочихъ воловъ.	Коровъ.	Телятъ.	Овецъ.	Свиней.
Шелкозаводская.												
Офицеровъ нѣтъ.												
Урядники:												
1 Григорій Рамазинъ	44	2	2	2	12	300	2	2	4	1	—	—
2 СтепанъБацацовъ.	28	2	3	1	5	50	1	1	1	1	—	—
3 Егоръ Калустовъ.	28	3	5	1	4	100	2	5	10	6	80	—
4 Василій Солуквадзевъ	26	2	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Итого семействъ урядниковъ 4 . .	—	9	11	4	21	450	6	8	15	8	80	—
Казаки:												
Всѣхъ казачьихъ семействъ 112 . .	—	283	271	119	531	13475	58	175	262	184	248	—
Всего въ станицѣ	—	292	282	123	552	13925	64	183	277	192	328	—

Завѣдующій станицею урядникъ *Рамазинъ*.

Большинство жителей армяне (казачьяго сословія). Преобладающая отрасль сельско-хозяйственной промышленности—разведеніе тутовыхъ садовъ и шелководство. Въ большей части хозяйствъ имѣются десятки

тутовыхъ деревъ. Крупныхъ садовъ, въ которыхъ деревъ этихъ насчитывается: отъ пятидесяти до двухсотъ—13, отъ двухсотъ до четырехсотъ—9; садовъ изъ пятисотъ деревъ 4, изъ тысячи деревъ 4, изъ полуторы тысячи 1 и изъ двухъ тысячь 1.

Вдовъ, имѣющихъ главенство въ семействахъ и управляющихъ хозяйствами 21, но брачныхъ союзовъ, въ которыхъ возрастъ жены превышалъ бы возрастъ мужа, почти не встрѣчается.

	Станицы и жители оныхъ по чинамъ и званіямъ.	Лѣта отъ роду.	Число душъ въ семействахъ. Мужескаго пола.	Женскаго пола.	У нихъ имѣется. Виноградныхъ садовъ.	Получается въ годъ бочекъ вина.	Тутовыхъ деревъ.	Головъ. Лошадей.	Рабочихъ воловъ.	Коровъ.	Телятъ.	Овецъ.	Свиней.
	Шадринская.												
1	Хорунжій Степанъ Евдокимовъ	51	2	4	3	8½	6	3	7	5	4	26	4
2	Священникъ Алексѣй Шадринской	53	5	3	2	4	—	20	2	8	2	—	2
	Итого въ 2 семействахъ, офицера и священника . . .	—	7	7	5	12½	6	23	9	13	6	26	6
	Урядники:												
1	Денисъ Абрамовъ.	30	3	2	1	2	1	1	2	2	1	—	1
2	АгафонъАбрамовъ.	38	1	6	2	4	4	1	2	1	1	—	1
3	Лука Дмитріевъ .	30	2	2	4	6	8	1	3	4	3	—	2
4	Дорофей Земляковъ	36	2	2	3	4	1	1	2	2	2	—	2
5	Данилъ Скороходовъ	41	2	5	4	9	6	1	4	3	2	—	3

	Станицы и жители онымъ по чинамъ и званіямъ.	Лѣта отъ роду.	Число душъ въ семействахъ. Мужескаго пола.	Женскаго пола.	У нихъ имѣется. Виноградныхъ садовъ.	Получается въ годъ бочекъ вина.	Тутовыхъ деревъ.	Головъ. Лошадей.	Рабочихъ воловъ.	Коровъ.	Телятъ.	Овецъ.	Свиней.
6	Матвѣй Хивинъ .	31	3	4	5	9½	2	1	5	2	3	—	5
7	Иванъ Стрѣловъ .	47	1	4	3	4	5	1	4	1	1	—	1
8	Филатъ Шаминъ .	41	2	3	3	5	4	—	2	3	3	—	5
9	Венедиктъ Урчукинъ	27	2	1	3	4	3	1	2	1	1	—	3
10	Иванъ Шляхтинъ. (отставной).	78	3	4	4	8	3	1	3	2	2	—	4
11	Филатъ Абрамовъ. (отставной).	58	2	4	3	5	8	1	3	2	2	—	—
12	Иванъ Мингалевъ. (отставной).	59	2	2	2	3	5	—	—	—	—	—	—
13	Степанъ Лупинъ . (отставной за ранами).	50	1	2	2	4	6	—	2	—	—	—	2
14	Федоръ Шаминъ . . (отставной).	62	2	3	4	8	12	1	4	2	3	25	4
	Итого 14 семействъ урядниковъ	—	28	44	43	75½	68	11	38	25	24	25	33
	Казаки:												
	Всѣхъ казачьихъ семействъ 196 . . .	—	396	470	504	782	918	166	386	307	264	117	351
	Всего въ станицѣ	—	431	521	552	870	992	200	433	345	294	168	390

Начальникъ станицы есаулъ *Фроловъ 4-й.*

Большинство хозяевъ (167) имѣютъ отъ одного до четырехъ виноградныхъ садовъ. Имѣющихъ отъ четырехъ до шести садовъ 29 хозяевъ. Встрѣчаются два крупныхъ садовладѣльца, изъ коихъ одинъ имѣетъ семь садовъ и получаетъ 11 бочекъ, а другой восемь и получаетъ 13 бочекъ вина въ годъ.

Средняя доходность сада выражается количествомъ отъ одной до четырехъ бочекъ вина, и только противъ одного сада показано пять бочекъ, а между тѣмъ встрѣчается одинъ хозяинъ, получающій съ четырехъ садовъ только двѣ бочки вина.

Коневодство и скотоводство въ Шадринской станицѣ мало распространены. Большинство хозяевъ (101) имѣютъ только по одной лошади; у двадцати хозяевъ—по 2; у четырехъ—отъ 3 до 5 и только одинъ домохозяинъ имѣетъ 20 лошадей.

Большинство хозяевъ (118) имѣютъ по одной парѣ быковъ, двадцать четыре хозяина—по 2 пары, а имѣющихъ по одному только быку 26 семей. Два хозяина имѣютъ по 6-ти и одинъ семь быковъ.

Сто двадцать восемь хозяевъ имѣютъ отъ 1 до 3 коровъ; двѣнадцать—отъ 3 до 5, и только у одного 8 коровъ—высшее количество.

Овцеводствомъ въ станицѣ занимается только два хозяина: одинъ имѣетъ 26, а другой 3 овцы.

Въ общемъ составѣ семействъ насчитывается 105 казачьихъ вдовъ, которыя всѣ почти стоятъ во главѣ семействъ и управляютъ хозяйствами.

Такихъ супружествъ, въ которыхъ жены старше лѣтами своихъ мужей, 60, а гдѣ мужья и жены однихъ лѣтъ—59.

Въ населеніи станицы число женщинъ превышаетъ число мущинъ на 94 лица.

Станицы и жители оныхъ по чинамъ и званіямъ.	Лѣта отъ роду.	Число душъ въ семействахъ.		У нихъ имѣется.								
							Головъ.					
		Мужескаго пола.	Женскаго пола.	Виноградныхъ садовъ.	Получается въ годъ бочекъ вина.	Тутовыхъ деревъ.	Лошадей.	Рабочихъ воловъ.	Коровъ.	Телятъ.	Овецъ.	Свиней.
Паробочевская.												
Офицеровъ и урядниковъ не имѣется.												
Казачьихъ семействъ 19.	—	59	74	18	59	1100	11	54	49	38	325	—

Завѣдующій станицею урядникъ *Рамазинъ.*

Станица Паробочевская, обращенная изъ гражданскаго вѣдомства въ 1832 году, собственной земли не имѣетъ, а ведетъ свое хозяйство на землѣ частнаго владѣльца, кизлярскаго помѣщика Калустова, и за пользованіе этою землею отдаетъ владѣльцу десятую часть всѣхъ произведеній своего хозяйства.

Примѣч. Станица эта исключена впослѣдствіи изъ казачьяго вѣдомства

	Станицы и жители оныхъ по чинамъ и званіямъ.	Лѣта отъ роду.	Число душъ въ семействахъ.		У нихъ имѣется.								
								Головъ.					
			Мужескаго пола.	Женскаго пола.	Виноградныхъ садовъ.	Получается въ годъ бочекъ вина.	Тутовыхъ деревъ.	Лошадей.	Рабочихъ воловъ.	Коровъ.	Телятъ.	Овецъ.	Свиней.
	Кордюковская.												
1	Сотникъ Семенъ Тургеневъ.	49	1	2	1	3½	—	3	2	5	5	4	3

	Станицы и жители оныхъ по чинамъ и званіямъ.	Лѣта отъ роду.	Число душъ въ семействахъ. Мужскаго пола.	Женскаго пола.	У нихъ имѣется. Виноградныхъ садовъ.	Получается въ годъ бочекъ вина.	Тутовыхъ деревъ.	Головъ. Лошадей.	Рабочихъ воловъ.	Коровъ.	Телятъ.	Овецъ.	Свиней.
2	Сотникъ Леонтій Гожаевъ	43	3	7	1	4½	2	2	2	4	6	8	1
3	Хорунжій. Федоръ Залинъ. .	51	4	2	2	6½	—	3	3	6	5	10	2
	Итого семействъ офицеровъ 3	—	8	11	4	14½	2	8	7	15	16	22	6
	Урядники:												
1	Климъ Чуваловъ .	40	4	2	2	7½	—	2	4	6	5	2	2
2	Иванъ Калугинъ .	28	1	1	1	3	—	1	1	—	1	—	—
3	Трифонъ Золотухинъ	33	1	1	1	3	—	1	1	1	1	—	—
4	Евстафій Симановъ	35	2	1	1	3½	—	2	2	1	1	—	—
5	Михаилъ Киреевъ	26	4	4	3	4	2	3	3	3	1	2	3
	Итого семействъ урядничьихъ 5 . . .	—	12	9	8	21	2	9	11	11	9	4	5
	Казаки:												
	Всѣхъ казачьихъ семействъ 113 . .	—	240	282	134	420½	77	76	235	245	247	126	123
	Всего въ станицѣ.	—	260	302	146	456	81	93	253	271	272	152	134

Станичный начальникъ сотникъ *Гожевъ*.

Большинство хозяевъ имѣютъ по одному виноградному саду. Двадцать хозяевъ имѣютъ по два сада и два по четыре. Одинъ изъ послѣднихъ получаетъ 11, а другой—20 бочекъ вина въ годъ. Обыкновенный же доходъ отъ одного сада простирается до 5 бочекъ; есть, однако, два сада, изъ которыхъ добывается только по полъбочкѣ вина въ годъ. Садовладѣльцевъ, получающихъ отъ 5 до 11 бочекъ, пятнадцать.

Пятьдесятъ шесть домохозяевъ имѣютъ по одной лошади, девять по 2 и только одинъ имѣетъ 3 лошади.

Большинство домохозяевъ имѣютъ по одной парѣ рабочихъ быковъ; двадцать двѣ семьи имѣютъ по одному быку. Имѣющихъ отъ 3 до 7 быковъ—тринадцать, и только три хозяина имѣютъ по четыре пары быковъ.

Двадцать восемь семей имѣютъ по одной коровѣ, тридцать шесть отъ 2 до 6 и только три—отъ 10 до 20 коровъ.

Овцеводствомъ занимаются только девять семей; изъ нихъ семь имѣютъ отъ 2 до 10 штукъ. У одного хозяина 18 и у одного же 104 овцы.

Въ населеніи станицы число женщинъ превышаетъ число мущинъ на 38 лицъ.

Въ числѣ супружествъ значится 39 такихъ, въ которыхъ жены старше лѣтами своихъ мужей, и 13 такихъ, гдѣ мужъ и жена однихъ лѣтъ.

Вдовъ, имѣющихъ главенство въ семействахъ и управляющихъ хозяйствами, 34. Въ томъ же положеніи находится одна дѣвица (Арина Манакова) 20 лѣтъ, семейство которой составляютъ два брата 9 и 18 лѣтъ. Вдовствующихъ отцовъ семействъ 12.

Кромѣ того по семейному списку станицы Кордюковской показано внѣ семействъ, подъ именемъ „бурлакъ“—чего не встрѣчается въ другихъ станицахъ—8 казаковъ, неимѣющихъ ни семей, ни хозяйствъ. Всѣ они зрѣлаго служилаго возраста отъ 20 до 31 года и

одинъ 47 лѣтъ. Показано также 4 „осиротѣвшихъ вдовы“, тоже безсемейныхъ и неимущественныхъ, въ преклонныхъ лѣтахъ—отъ 50 до 64, полагать можно—посвятившихъ себя отшельнической жизни въ станичномъ скиту.

	Станицы и жители оныхъ по чинамъ и званіямъ.	Лѣта отъ роду.	Число душъ въ семействахъ. Мужска пола.	Женска пола.	У нихъ имѣется. Виноградныхъ садовъ.	Получается въ годъ бочекъ вина.	Тутовыхъ деревъ.	Головъ. Лошадей.	Рабочихъ воловъ.	Коровъ.	Телятъ.	Овецъ.	Свиней.
	Старогладковская.												
1	Есаулъ Василій Ильинъ. .	51	2	4	1	9	—	6	13	12	9	—	6
2	Есаулъ Иванъ Максимовъ.	63	7	8	2	6	—	4	4	4	4	—	5
3	Есаулъ Иванъ Тамазинъ . (отставной).	73	4	2	2	2	2	—	4	5	4	—	5
4	Сотникъ Григорій Сенюхаевъ	42	4	3	1	2	—	5	8	12	2	—	4
5	Сотникъ Варфоломей Ергушовъ	41	3	2	1	3	—	2	10	7	2	—	6
6	Есаульша Татьяна Сехина. . (вдова).	63	4	9	1	3	—	—	3	1	1	—	1
7	Хорунжія Агафья Беззубова. (вдова).	57	3	4	2	4	—	6	4	2	2	8	3
	Итого семействъ офицерскихъ 7. . .	—	27	32	10	29	2	23	46	43	24	8	30
	Урядники:												
1	Дементій Сехинъ.	51	3	1	1	1	1	1	1	1	1	—	2
2	МихаилъБабсковъ.	37	10	7	2	7	—	2	4	8	8	—	4

Станицы и жители оныхъ по чинамъ и званіямъ.	Лѣта отъ роду.	Число душъ въ семействахъ. Мужска пола.	Женска пола.	У нихъ имѣется. Виноградныхъ садовъ.	Получается въ годъ бочекъ вина.	Тутовыхъ деревъ.	Головъ. Лошадей.	Рабочихъ воловъ.	Коровъ.	Телятъ.	Овецъ.	Свиней.
3 Семенъ Ильинъ (внутреннослужащій).	50	3	2	2	6	7	—	4	7	5	30	1
4 Алексѣй Павлюковъ (внутреннослужащій).	53	1	3	1	½	—	—	1	1	—	—	—
5 Константинъ Набычеевъ	30	2	1	2	3	2	1	3	1	1	—	—
Итого урядничьихъ семействъ 5.	—	19	14	8	17½	10	4	13	18	15	30	7
Казаки:												
Всѣхъ казачьихъ семействъ 156	—	338	372	184	352½	176	136	389	351	308	69	246
Всего въ станицѣ	—	384	418	202	399	188	163	448	412	347	107	283

Станичный начальникъ есаулъ *Ильинъ*.

Изъ виноградныхъ садовъ одинъ даетъ 9, четыре по 7, одинъ 6, два по 5 и пять по 4 бочки вина, а остальные отъ 1 или даже отъ половины до 3 бочекъ, какъ и въ другихъ станицахъ.

Лошадьми Старогладковская станица очень небогата: у двухъ хозяевъ ихъ имѣется по 7, у трехъ по 6, у трехъ по 5, у одного 4 и у двухъ по 3; остальные имѣютъ по одной и рѣже по двѣ лошади.

Рабочихъ воловъ одинъ только хозяинъ имѣетъ 13 головъ, одинъ 10, три 8, два 7, одинъ 6, шестнадцать по 5, тридцать по 4, тридцать по 3, а остальные по 2 или даже по одному быку.

Два двора имѣютъ по 12 коровъ, одинъ дворъ 9, два по 8, три по 7, четыре по 6, четырнадцать по 5, восемнадцать по 4, а остальные по одной или по двѣ и рѣже по три коровы.

Изъ всей станицы овцы имѣются только въ пятнадцати дворахъ: въ одномъ состоитъ ихъ 30, въ одномъ 26, въ трехъ 9, 8 и 7, въ двухъ 5 и 3, а въ остальныхъ по одной или по двѣ.

Женскій полъ въ станичномъ населеніи преобладаетъ надъ мужескимъ въ численномъ отношеніи на 39 лицъ.

Въ брачныхъ сопряженіяхъ—женъ старѣе по возрасту своихъ мужей 50, а равныхъ съ мужьями лѣтъ 41. Встрѣчаются изрѣдка такія супружества, въ которыхъ мужу показано 16, а женѣ 20 лѣтъ *).

Вдовъ казачьихъ, стоящихъ во главѣ семействъ и хозяйствъ, 42. Въ такомъ же положеніи показана одна старая дѣвка (Авдотья Давыдова) 46-ти лѣтняго возраста, не имѣющая никакого семейства, но владѣющая однимъ виноградным садомъ, съ годовымъ доходомъ изъ двухъ съ половиною бочекъ вина, однимъ тутовымъ деревомъ, четырьмя рабочими волами, пятью коровами съ телками и четырьмя свиньями. Изъ показанныхъ же выше вдовъ выдается одна, представляющая примѣръ чрезвычайнаго долголѣтія, а именно достигшая ста двадцати двухъ лѣтъ отъ роду и, несмотря на такой преклонный возрастъ, управляющая хозяйствомъ. По камерально-посемейному списку станицы Старогладковской (1839 г.) семейство это записано такъ:

*) На нижней Кубани говорятъ на этотъ счетъ: «не кайся рано вставши, а молодъ оженившись».

№	Вдова	Отъ роду лѣтъ. Мужеска пола.	Отъ роду лѣтъ. Женска пола	Виноградныхъ садовъ.	Тутовыхъ деревъ.	Лошадей.	Воловъ рабочихъ.	Коровъ.	Телятъ.	Овецъ.	Свиней.	Примѣчаніе.
65	Катерина Коршунова . . . . . Управляетъ хозяйствомъ.	—	122	2 сад. боч. вина 7.	—	2	4	4	5	—	3	
	У ней дѣти:											
	Марья	—	53									
	Марко	31	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Служащій.
	Марка жена											
	Катерина Федорова	—	28									
	У нихъ сынъ											
	Іосифъ	4										
	Никонъ	51	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Отставной на внутренней службѣ.
	У него жена											
	Агафья Артемьева.	—	43									
	У нихъ дѣти:											
	Матрена	—	18									
	Павлина	—	14									
	Евдокія.	—	6									
	Аммосъ.	4										
	Матрена	—	3									

Кромѣ вышепоказанныхъ 42 вдовъ, главенствующихъ въ семействахъ, значится шесть вдовъ безсемейныхъ и неимущественныхъ (полагать надобно скитницъ). Пять изъ нихъ находятся въ возрастѣ отъ 51 до 93 лѣтъ, а одна 30 лѣтъ.

Общіе выводы:

Въ казачьемъ населеніи гребенскихъ станицъ число женщинъ превышаетъ число мущинъ.

Въ значительной части супружествъ жена старше лѣтами своего мужа или же однихъ лѣтъ съ нимъ.

Казаки вступаютъ въ бракъ по большей части въ возрастѣ, предшествующемъ поступленію ихъ на службу, имѣя нерѣдко 17 и даже 16 лѣтъ отъ роду.

Казачка пользуется преобладающимъ значеніемъ въ семьѣ и хозяйствѣ. Оставшись вдовою, она дѣлается главою дома, хотя бы въ числѣ членовъ семьи и находились взрослые, даже женатые мущины. Приводимъ примѣръ изъ посемейнаго списка предпослѣдней въ настоящемъ приложеніи, Кордюковской станицы:

№	Вдова	Отъ роду лѣтъ. Мужеска пола.	Женска пола.	Виноградныхъ садовъ.	Тутовыхъ деревъ.	Лошадей.	Воловъ рабочихъ.	Коровъ.	Телятъ	Овецъ.	Свиней.	Примѣчанія.
70	Акулина Недугова. Управляетъ хозяйствомъ.	—	67	4 сад. боч. вина 20	20	2	8	18	8	104	5	
	Дѣти ея:											
	Григорій	47	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Отставной.
	Андрей	46	—	—	—	—	—	—	—	—	—	На внутренней службѣ.
	Климъ	39	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	Вонифантій	33	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Служащіе.
	Иванъ	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	У Григорія дочь											
	Домна	—	19									
	У Клима жена											
	Матрена Никитина	—	38									

№		От роду лѣтъ. Мужеска пола.	От роду лѣтъ. Женска пола.	Виноградныхъ садовъ.	Тутовыхъ деревъ.	Лошадей.	Воловъ рабочихъ.	Коровъ.	Телятъ.	Овецъ.	Свиней.	Примѣчанія.
—	У Вонифантія жена											
	Аксинья Федорова.	—	34									
	У Ивана жена											
	Наталья Степанова	—	25									
	У Клима дочь											
	Агафья	—	5									
	У Ивана дѣти:											
	Михаило	6	—									
	Елена.	—	3									
	Степанида	—	мц. 7									

(Изъ дѣла Ставроп. воен. арх. 1839. № $^{18}/_{55}$. О народонаселеніи Гребенск. казач. полка и состояніи его въ хозяйствен. отношеніи. 252 листа).

ПРИЛОЖЕНІЕ VI.

О Кавказской Линіи вообще и о подраздѣленіяхъ ея въ восточной части Сѣвернаго Кавказа.

(Выборки изъ архивнаго документа, служащіе къ уясненію стратегическаго положенія Гребенскаго войска въ системѣ линейной обороны края).

Обзоръ Кавказской Линіи въ 1842 году.

Кавказская Линія простирается отъ Чернаго моря до рѣки Сулака и до береговъ Каспійскаго моря. Она раздѣлена на слѣдующія части: Черноморская Береговая Линія, Черноморская Кордонная Линія, Правый Флангъ, Центръ, Управленіе Владикавказскаго Коменданта и Лѣвый Флангъ. Изъ числа сихъ частей двѣ, находящіяся въ срединѣ всего этого пространства, особенно важны: вопервыхъ тѣмъ, что лежатъ на сообщеніи нашемъ съ Закавказомъ (чрезъ нихъ проходитъ Военно-Грузинская дорога), и вовторыхъ потому что, раздѣляя племена Лѣваго Фланга отъ племенъ Праваго, препятствуютъ ихъ соединенію и нетолько разобщаютъ ихъ дѣйствія, но еще не дозволяютъ имъ имѣть между собою, кромѣ нѣкоторыхъ и необыкновенныхъ случаевъ, почти никакихъ сношеній. Части эти суть: 1) Управленіе Владикавказскаго Коменданта и 2) Центръ Кавказской Линіи.

1) Управленіе владикавказскаго коменданта.

Пространство, называемое Управленіемъ Владикавказскаго Коменданта, заключается между хребтомъ Кав-

казскихъ горъ, Центромъ Кавказской Линіи, Лѣвымъ ея флангомъ и Чечнею. Оно населено народами племенъ: Ингушевскаго и Осетинскаго. Ингушевскія племена живутъ по восточную, а Осетинскія по западную сторону Военно-Грузинской дороги. Главное мѣсто здѣсь есть крѣпость Владикавказъ. Кромѣ этой крѣпости находятся въ Управленіи Владикавказскаго Коменданта слѣдующія укрѣпленія: Назрановское, Сераль-Юртовское, Казакъ-Кичинское и вновь возводимое укрѣпленіе на р. Ассѣ, при оставленномъ аулѣ Гажиръ-Юртѣ. Ингушевскія и Осетинскія племена, живущія въ Управленіи Владикавказскаго Коменданта, подчинены приставамъ, зависящимъ отъ Владикавказскаго коменданта. Къ Ингушевскимъ племенамъ принадлежатъ: Назрановцы, Царинцы, Галгаевцы, Кистинцы, Джераковцы, Карабулаки и Галашевцы. Эти два послѣднія племени участвуютъ въ возмущеніи, прочія остаются покорными. Число всѣхъ Ингушъ простирается примѣрно до 30,000 душъ обоего пола. Изъ этого числа—Карабулаковъ и Галашевцевъ до 10,000 душъ. Ингуши управляются однимъ приставомъ. Къ Осетинскимъ племенамъ принадлежатъ: Алагирцы, Тагаурцы и Куртатинцы. Всѣхъ этихъ народовъ считается до 20,000 душъ обоего пола. Ими управляютъ два пристава.

Кордонная часть.

Въ вѣдѣніи Владикавказскаго коменданта состоитъ кордонъ верхней части Военно-Грузинской дороги, начиная отъ поста Кобійскаго до поста Архонскаго. Кордонъ этотъ имѣетъ цѣлью обезпеченіе сообщеній по Военно-Грузинской дорогѣ. Кромѣ этого кордона подчинена Владикавказскому коменданту передовая линія, проходящая чрезъ Малую Кабарду, т. е. уже въ Центрѣ Кавказской Линіи, и составленная изъ укрѣпленій: Елисаветинскаго и Константиновскаго. Цѣль этой Ли-

ніи есть частію охраненіе Малой Кабарды, но особенно же большая безопасность Военно-Грузинской дороги.

Отношеніе къ непокорнымъ племенамъ.

Восточная часть Владикавказскаго Комендантства прилегаетъ къ возмутившемуся племени Чеченцевъ. Кромѣ того участвуютъ въ возмущеніи пограничные съ Чечнею Ингуши, т. е. Карабулаки и Галашевцы. Поэтому съ этой стороны Управленіе Владикавказскаго Коменданта подвергнуто непріятельскимъ нападеніямъ. Нападенія эти дѣлаютъ чеченцы болѣе или менѣе сильными партіями, которыя или производятъ грабежи въ самыхъ земляхъ управленія, или проходятъ чрезъ восточную оконечность онаго для вторженія въ Малую Кабарду. Наконецъ бывали примѣры, и именно весною 1841 года, что чеченцы предпринимали нападенія и въ чрезвычайно большихъ силахъ для увлеченія покорныхъ намъ Ингушъ. Покушенія эти остались, впрочемъ, безъ успѣха. Такъ какъ Управленіе Владикавказскаго Коменданта не отдѣлено отъ Чечни ни большой рѣкой, ни горами, то и доступъ въ оное непріятелю во всякое врема года равно удобенъ. Однако же полевыя работы, которыми чеченцы занимаются въ продолженіи лѣта и началѣ осени, удерживаютъ ихъ въ это время года отъ важныхъ покушеній на наши предѣлы, и самая большая опасность для Управленія Владикавказскаго Коменданта начинается позднею осенью, послѣ роспуска отрядовъ и продолжается до исхода апрѣля, когда отряды вновь собираются.

2. Центръ кавказской линіи.

Центръ Кавказской Линіи состоитъ изъ казачьихъ полковъ Горскаго, Волгскаго и Владикавказскаго, Большой и Малой Кабарды, Дигоріи и Карачая. а) Казачьи полки: Волгскій, Горскій и Владикавказскій относятся

къ начальнику Центра только по дѣламъ, касающимся до кордонной службы; по внутреннему же управленію зависятъ отъ наказнаго атамана Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска. б) Въ Большой Кабардѣ учрежденъ со временъ генерала Ермолова временный Кабардинскій судъ, состоящій изъ двѣнадцати членовъ, а именно: изъ четырехъ судей княжескаго сословія, по одному изъ каждаго княжескаго рода, изъ нихъ одинъ предсѣдатель; изъ трехъ судей отъ сословія узденей, двухъ депутатовъ отъ простаго народа, одного эфендія, секретаря и одного русскаго чиновника. Суду этому подлежатъ дѣла гражданскія и всѣ разбирательства ссоръ и обидъ между кабардинцами, исключая дѣлъ уголовныхъ, которыя судятся военнымъ судомъ. Самое же управленіе Большой Кабарды находится въ непосредственномъ вѣдѣніи начальника Центра. в) Малая Кабарда управляется приставомъ, находящимся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ начальника Центра. Народонаселеніе Большой и Малой Кабарды простирается до 60,000 душъ обоего пола. г) Дигорцы подчинены приставу, также непосредственно зависящему отъ начальника Центра. Дигорцевъ считается до 5,000 душъ обоего пола. д) Карачаевцы управляются приставомъ, состоящимъ въ вѣдѣніи начальника Кисловодской Линіи. Впрочемъ, такъ какъ власть наша въ Карачаѣ не совершенно еще утверждена, то и вліяніе тамъ пристава незначительно; онъ не входитъ ни въ какія разбирательства дѣлъ, а наблюдаетъ только по возможности, чтобы карачаевцы не пропускали чрезъ свои земли хищническихъ партій. Число карачаевцевъ можно примѣрно полагать до 5,000 душъ обоего пола.

Раздѣленіе въ отношеніи кордонной части.

Относительно кордонной части Центръ раздѣляется на слѣдующія части: Кисловодская Линія, Внутренняя

Кабардинская Линія, Передовая Кабардинская Линія. Военно-Грузинская дорога. 1. Кисловодская Линія начинается отъ верховьевъ р. Кумы, верстахъ въ 20 отъ Кубани и укр. Хумаринскаго, постомъ Верхне-Кумскимъ, и идетъ частію сухимъ рубежемъ, большею же частію по р. Малкѣ до поста Соленобродскаго, между станицами Новопавловскою Волгскаго и Солдацкою Горскаго казачьихъ полковъ, и заключаетъ въ себѣ всѣ земли Волгскаго казачьяго полка. Къ Кисловодской Линіи принадлежатъ слѣдующія укрѣпленія: Боргустанское, Кисловодское, Георгіевское и Каменный Мостъ на р. Малкѣ. 2. Внутренняя Кабардинская Линія начинается отъ поста Соленобродскаго и идетъ Малкою и Терекомъ до поста Озернаго, находящагося въ четырехъ верстахъ за городомъ Моздокомъ, и заключаетъ въ себѣ земли Горскаго казачьяго полка. Къ линіи этой принадлежитъ Екатериноградское зарѣчное укрѣпленіе и, кромѣ того, городъ Моздокъ въ послѣднее время приведенъ жителями въ оборонительное положеніе. 3. Передовая Кабардинская Линія идетъ отъ укрѣпленія Каменный-Мостъ на Малкѣ до Уруха и занимаетъ ущелья, выходящія отъ главнаго хребта горъ на Кабардинскую плоскость. Она состоитъ изъ слѣдующихъ укрѣпленій: Баксанское, Мечетское, Чегемское Нальчикское, Урванское и Черекское. Изъ числа сихъ укрѣпленій Нальчикъ есть мѣстопребываніе начальника Центра Кавказской Линіи. 4. Военно-Грузинская дорога. Линія Военно-Грузинской дороги идетъ отъ Екатериноградa вверхъ по лѣвому берегу Терека до впаденія въ оный р. Архонки, откуда уже начинается Управленіе Владикавказскаго Коменданта. Сверхъ находящагося на Военно-Грузинской дорогѣ поселенія Владикавказскаго полка, устроено на оной еще три военныхъ поселенія: Александровское, Котляревское и Николаевское. Поселенія эти не зависятъ отъ начальника Центра, а управляются каждое своимъ частнымъ начальникомъ, которые всѣ находятся

въ непосредственномъ вѣдѣніи Владикавказскаго коменданта. Нынѣ высочайше повелѣно какъ эти поселенія, такъ и Малороссійскій № 1, полкъ причислить къ Владикавказскому полку, и всѣ части эти переформировать въ одинъ полкъ, который и будетъ называться Владикавказскимъ Линейнымъ.

Отношеніе къ непокорнымъ племенамъ.

Центръ Кавказской Линіи подверженъ съ восточной стороны нападеніямъ чеченцевъ, съ западной нападеніямъ Закубанскихъ племенъ. Со стороны чеченцевъ опасность угрожаетъ Малой Кабардѣ и Военно-Грузинской дорогѣ. Въ послѣдніе годы непріятельскія партіи предпринимали набѣги на обѣ эти части. Изъ набѣговъ этихъ самый значительный сдѣланъ ими былъ весною 1841 года на Александровское военное поселеніе: чеченцы отбили здѣсь до 1500 штукъ скота и убили или взяли въ плѣнъ болѣе 100 душъ обоего пола, бывшихъ въ полѣ. Хотя въ прошломъ и нынѣшнемъ году открывались между малокабардинцами люди, имѣвшіе сношенія съ чеченцами, но вообще нельзя полагать, чтобы Малая Кабарда принимала участіе въ возмущеніи, отъ котораго ее удерживаютъ: довольство большей части жителей, плоская и неудобная къ оборонѣ мѣстность и, наконецъ, разноплеменность народовъ Кабардинскаго и Чеченскаго. Нападеніямъ Закубанцевъ подвержены: Карачаевцы, Кисловодская Линія и Большая Кабарда. Карачаевцы, покоренные генераломъ Эммануелемъ, живутъ у подошвы Эльбруса и въ особенности важны для насъ тѣмъ, что находятся въ самомъ близкомъ разстояніи отъ минеральныхъ водъ и отдѣляютъ собою Большую Кабарду отъ племенъ Закубанскихъ. Карачаевцы живутъ въ такихъ неприступныхъ мѣстахъ, что вторгнуться къ нимъ непріятель можетъ только съ согласія ихъ самихъ. Власть наша надъ ними еще не утвержде-

на совершенно, и народъ этотъ удерживается въ повиновеніи болѣе тѣмъ, что въ продолженіи большей части года многочисленныя стада его, не находя достаточнаго корма въ самомъ Карачаѣ, должны пастись на принадлежащихъ намъ поляхъ на плоскости. Кисловодская Линія, хотя и не прилегаетъ къ Кубани, но находясь въ близкомъ отъ оной разстояніи, подвержена также вторженіямъ непріятельскихъ партій, которыя проходятъ туда или выше такъ называемаго Каменнаго Моста на Кубани, или чрезъ Баталпашинскій участокъ, принадлежащій къ Правому Флангу Линіи. Карачаю и Кисловодской Линіи наибольшая опасность угрожаетъ весною, лѣтомъ и въ первые осенніе мѣсяцы. Позднею же осенью и зимою, когда горы покрываются снѣгомъ, доступъ къ нимъ становится весьма затруднительнымъ, а въ Карачай невозможнымъ. Хотя Большая Кабарда и отдѣлена отъ Закубанскихъ племенъ Кисловодской Линіей и Карачаемъ, но однако же случиться можетъ, что непріятель, собравшись въ значительныхъ силахъ, успѣлъ бы прорваться туда или чрезъ Карачай, по Баксанскому ущелью, или чрезъ Кисловодскую Линію.

Лѣвый Флангъ Кавказской Линіи.

Лѣвымъ Флангомъ Кавказской Линіи называется пространство, заключающееся между Кавказской Областью съ сѣвера, Центромъ и Управленіемъ Владикавказскаго Коменданта съ запада, хребтомъ Кавказскихъ горъ съ юга, Сѣвернымъ и Нагорнымъ Дагестаномъ и Каспійскимъ моремъ съ востока. Къ Лѣвому Флангу принадлежатъ: земли полковъ Моздокскаго, Гребенскаго и Семейно-Кизлярскаго; пространство между Терекомъ, Малою Кабардою, Управленіемъ Владикавказскаго Коменданта и Сунжею; Кумыкскія владѣнія и вся Чечня, т. е. собственно такъ называемая Чечня Большая и Малая, Ичкерія и земли Ауховцевъ и Качкалыковцевъ. Казачьи полки: Моздокскій, Гребенской и Семейно-Кизлярскій

относятся къ начальнику Лѣваго Фланга только по дѣламъ, касающимся кордонной службы; по внутреннему же управленію зависятъ отъ наказнаго атамана Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска. Изъ числа племенъ, принадлежащихъ къ Лѣвому Флангу остались покорными намъ одни только Кумыки и чеченскія деревни: Старый-Юртъ, Новый-Юртъ и Брагуны, также нѣсколько чеченскихъ семействъ, живущихъ близъ крѣпости Грозной. Кумыки управляются тремя приставами. Ихъ считается до 20,000 душъ обоего пола. Оставшимися намъ покорными чеченскими деревнями завѣдываетъ чеченскій приставъ. Въ деревня хъэтихъ можно считать до 6,000 душъ обоего пола.

Когда, до настоящаго возмущенія, вся Чечня была намъ покорна, то чеченцы управлялись слѣдующими приставами: приставъ Малой Чечни, Большой Чечни, Качкалыковскій и Ауховскій. Всѣхъ чеченцевъ считается болѣе 100,000 душъ обоего пола. Они раздѣлялись на чеченцевъ Надтеречныхъ, жившихъ вдоль праваго берега Терека, Сунжинскихъ, жившихъ вдоль Сунжи, чеченцевъ Малой Чечни, чеченцевъ Большой Чечни, Мичиковцевъ, Качкалыковцевъ, Ауховцевъ и Ичкеринцевъ. Къ чеченцамъ принадлежатъ также Шубузы, Чабырлойцы и другіе жители Горной Чечни, съ которыми мы почти никакихъ сношеній не имѣли.

Лѣвый Флангъ Кавказской Линіи раздѣленъ на линіи: Сунжинскую и Терскую. Сунжинская Линія начинается отъ города Моздока на Терекѣ и укр. Казакъ-Кичу на Сунжѣ, и идетъ по Тереку до границъ Семейно-Кизлярскаго полка и по Сунжѣ до укр. Умаханъ-Юрта, а оттуда сухимъ рубежемъ по границѣ Кумыкскихъ владѣній чрезъ укр. Ойсунгуръ, Герзельаулъ и Внезапную до р. Сулака, за которой уже начинается Сѣверный и Нагорный Дагестанъ. Сунжинская Линія находится подъ вѣдѣніемъ особаго начальника. Та часть Сунжинской Линіи, которая идетъ по Тереку, раздѣляется на два

участка: участокъ Моздокскаго и участокъ Гребенскаго полка, которыми завѣдываютъ командиры этихъ полковъ. Посты на оныхъ содержатся казаками сихъ же полковъ.

Къ Сунжинской Линіи принадлежатъ слѣдующія укрѣпленія: кр. Грозная, она есть пребываніе начальника Лѣваго Фланга и штабъ-квартира Куринскаго егерскаго полка; укр. Заканъ-Юртовское; Горячеводское; Умаханъ-Юртовское; Амиръ-Аджи-Юртовское; Ташъ-Кичинское; Герзель-аульское; кр. Внезапная; и вновь возводимое укрѣпленіе при Ойсунгурѣ.

Терская Линія начинается отъ границъ Семейно-Кизлярскаго полка и идетъ до береговъ моря. Начальникъ оной есть командиръ Семейно-Кизлярскаго полка. Посты на Терской Линіи содержатся казаками Семейно-Кизлярскаго полка Къ Линіи этой принадлежитъ кр. Кизляръ.

Весною 1840 года жители Большой и Малой Чечни, бывшіе уже большею частію намъ покорны, взбунтовались. Къ нимъ присоединились чеченцы Надтеречные, которые, оставивъ свои жилища, ушли въ Малую Чечню. Главою этого возмущенія былъ бѣжавшій въ 1839 году изъ подъ Ахульго Лезгинскій мулла Шамиль. Пользуясь обстоятельствами, употребляя весьма искусно разныя средства и вспомоществуемый призванными имъ изъ Дагестана Лезгинами, а также нѣкоторыми умными и преданными ему людьми, изъ которыхъ примѣчательнѣйшіе теперь Ахверды-Магома и Шуаипъ-Мулла, Шамиль пріобрѣлъ надъ чеченцами чрезвычайную власть и теперь управляетъ ими почти неограниченно. Кромѣ того успѣлъ Шамиль снова утвердить власть свою и въ Дагестанѣ, гдѣ она въ 1839 году была уничтожена, такъ что теперь онъ сдѣлался главою не только всѣхъ чеченцевъ, но и большей части лезгинъ. Располагая силами обоихъ сихъ племенъ, онъ не довольствуется непокорностью, а почти всегда ведетъ съ нами войну наступательную; весьма часто дѣлаетъ вторженія въ наши предѣлы, какъ на Ли-

нію, такъ и въ нѣкоторыя провинціи Закавказскія, и тѣмъ приводитъ насъ на Лѣвомъ Флангѣ Линіи въ положеніе все болѣе и болѣе опасное. Уничтожить власть Шамиля и снова покорить Чечню была цѣль главнѣйшихъ нашихъ усилій въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ. Съ 1840 года всѣ экспедиціи предпринимались или въ Чечню, или въ сосѣднія съ нею земли лезгинъ. Кромѣ того, для покоренія Чечни составленъ и высочайше утвержденъ проектъ такъ называемой передовой Чеченской Линіи, которая должна состоять изъ семи укрѣпленій, устроенныхъ на Чеченской плоскости у выходовъ на оную изъ горъ главнѣйшихъ ущелій.

Съ Лѣвымъ Флангомъ Кавказской Линіи смежно Управленіе Сѣвернаго и Нагорнаго Дагестана. Къ управленію этому принадлежатъ: владѣніе Шамхала Тарковскаго, владѣніе хана Мехтулинскаго, Аварія, земли Койсубулинцевъ и Салатовцевъ (часть сихъ послѣднихъ участвуетъ въ возмущеніи); кромѣ того причисляются къ Сѣверному и Нагорному Дагестану Гумбетовцы, Андійцы и другія менѣе значительныя непокорныя племена. Въ послѣдніе годы Управленіе Сѣвернаго и Нагорнаго Дагестана часто подчинялось, для большей совокупности дѣйствій, командующему войсками на Кавказской Линіи, но нынѣ вновь поступило въ непосредственное вѣдѣніе командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.

(Ставроп. воен. арх. Изъ дѣла генер. штаба войскъ Кавк. Линіи 1842 г., № 52).

ПРИЛОЖЕНІЕ VII.

Нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о первомъ, по назначенію начальства, командирѣ Гребенскаго войска, полковникѣ Евстафіѣ Пантелеймоновичѣ Ефимовичѣ.

(Изъ формулярнаго о службѣ его списка за 1830 годъ).

Кавалеръ орденовъ св. Владиміра 4-й степени и св. Анны 3-го класса. Имѣлъ медаль въ память отечественной войны 1812 года.

Изъ дворянъ Кіевской губерніи.

Въ подлежащей графѣ формулярнаго списка значится: „Пороссійски, французски и нѣмецки писать и читать умѣетъ, ариѳметику, геометрію, исторію и географію знаетъ“.

Въ службу вступилъ въ Кіевскую милицію пятидесятникомъ въ 1807 году, а въ слѣдующемъ 1808 году переведенъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, гдѣ получилъ чины корнета, поручика, штабсъ-ротмистра и ротмистра, въ періодъ времени между 1808 и 1813 годами.

Въ 1819 году назначенъ командиромъ Гребенскаго казачьяго войска, гдѣ въ томъ же году произведенъ въ маіоры, а въ слѣдующемъ 1820-мъ въ подполковники и въ 1826-мъ въ полковники.

Имѣлъ въ супружествѣ Анну Афанасьеву, Харьковской губерніи, (состоянія не обозначено).

Былъ въ походахъ: въ 1807—1811 годахъ въ Мол-

давіи, Австріи, Валахіи и Болгаріи. Въ іюлѣ 1812 г. участвовалъ въ сраженіи противъ французовъ подъ Кобриномъ и за отличіе награжденъ орденомъ св. Анны 3-го класса. Въ 1813 году находился въ партизанскомъ отрядѣ полковника князя Мадатова въ Саксоніи и Силезіи; за отличіе въ сраженіи подъ Люценомъ 20 апрѣля награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, а въ дѣлѣ при Гроссенъ-Гессенѣ, 15 сентября, раненъ палашемъ въ лѣвую сторону груди навылетъ. Потомъ продолжалъ кампанію 1814 и 1815 г. въ Пруссіи, Богеміи и Франціи.

По переходѣ на службу въ отдѣльный Грузинскій (Кавказскій) Корпусъ, дѣлалъ походы съ генераломъ Ермоловымъ въ Кабарду, Чечню и Дагестанъ, съ 1819 по 1826 г., и получалъ чины отъ ротмистра до полковника включительно за боевыя отличія.

Умеръ въ 1831 году на должности командира Гребенскаго войска.

ПРИЛОЖЕНІЕ VIII.

Нѣсколько старинныхъ пѣсенъ, живущихъ въ устахъ гребенскихъ казаковъ.

(Записаны со словъ станичныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ въ 1880 году).

1.

Какъ во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
У славнаго у князя у Владиміра,
У солнушки у краснаго, сына Всеславича,
Собирался пиръ-бесѣдушка
Честнохвальная да почетная.
Ужъ какъ пьютъ они да гуляютъ,
Князья-бояре проклаждаются,
Межъ собой они похваляются:
Сильный хвалится своей силою,
Богатый хвалится богачествомъ,
А убогій божьей милостью.
Лишь Владиміръ князь одинъ не хвалится
И какъ солнышко князь улыбается;
Держитъ рѣчь онъ свою ко бесѣдушкѣ:
Всѣ друзья мои братья поженилися,
Вся голыдьба моя пересватана,
Одинъ я, добрый молодецъ, холостъ хожу,
Холостъ хожу — не засватанный.

2.

Года было тысяча семьсотъ пятаго *)
Мѣсяца іюня въ числахъ двадцать пятыхъ,

*) Исторически 1709 года.

Хвалился, собака, похвалялся,
Со многой силою собирался,
Захотѣлъ онъ двинуться въ Россію
Подъ славный подъ городъ подъ Платовъ, *)
Подкупилъ онъ русскаго Мазепа,
Да ужь ему русскій Мазепъ не напрочилъ:
Повелъ онъ его не путемъ, не дорогой,
Повелъ его топями да водами,
Морскимъ флотомъ, быстрыми рѣками.
Подходятъ ко рѣчушкѣ ко Морзѣ,
Стали черезъ рѣчку переправливаться;
Переправившись, становилися,
Шанцы, батареи повыставили,
Секреты-бикеты въ полѣ стали.
Какъ не въ далекѣ, въ далечѣ во чистомъ полѣ,
Пролегала тамъ новая дорожка,
Какъ никто по ней да не хаживалъ,
Никто по широкой не ѣзживалъ;
Только шолъ-прошолъ по ней бояринъ большой,
Графъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ.
Онъ пришолъ съ московскими полками;
Поймали они шведскаго майора,
Поймали его, шельму, связали,
И связавши его, спрашиваютъ:
Ты скажи—скажи всю правду намъ,
Много-ль у васъ силы-то во корпусѣ?
Во корпусѣ силы—сорокъ тысячъ,
А въ городѣ во Полтавѣ смѣты нѣту.

Пѣсни 1-ю и 2-ю пѣлъ старикъ семидесяти трехъ лѣтъ, Старогладковской станицы казакъ Осипъ Васильевичъ Максимовъ, 19 февраля 1880 года.

3.

Въ саду дѣвушки гуляли,
Со травы цвѣточки рвали,
Вѣночки плели
Всякая себѣ.
На вѣнкахъ онѣ гадали,
Вѣнки въ воду побросали—

*) Подъ Полтаву.

Чей вѣночекъ восплыветъ,
Ту и милый вспомянетъ.
Дѣвка росту небольшаго
Громкимъ голосомъ кричитъ:
Мой вѣночекъ тонетъ-тонетъ,
Мое сердце болитъ-ноетъ,
Мой вѣночекъ потонулъ,
Меня милый обманулъ.
Вокругъ дѣвушки сбѣжались,
Машу утѣшать старались:
Перестань, Маша, тужить,
Можно лучшаго нажить,
Можно полюбить другаго,
Казака младаго,
Съ черными бровями,
Съ ясными очами.

4.

Ты грушица—грушица моя,
Грушица зелена—садова,
Какъ подъ грушею свѣтлица стоитъ,
Во свѣтлицѣ дѣвица сидитъ,
Да разумны рѣчи говоритъ:
Нынче вѣдь такія времена—
Сушатъ женъ хорошіе мужья,
А у дѣвушекъ все дальніе друзья;
Дальній другъ—велика сухота,
Ближній другъ—свиданье завсегда.
Гдѣ бы мнѣ его случаемъ увидать
Да въ глаза ему, злодѣю, попенять:
Обѣщалъ меня онъ до-вѣку любить,
До-вѣку до смертнаго часа,
А теперь покинулъ онъ меня.
Съ горя да кручины молода
Я пойду ли во зеленые луга,
Я сорву со травушки цвѣтокъ,
На головушку совью себѣ вѣнокъ;
Выйду я на Терекъ, на песокъ,
И спущу съ головушки вѣнокъ.
Тонетъ ли, не тонетъ мой вѣнокъ?
Тужитъ ли, не тужитъ мой дружокъ

На чужой, далекой сторонѣ,
Во матушкѣ въ каменной Москвѣ,
Во матушкѣ во Россеюшкѣ?
Сталъ по Тереку вѣночекъ мой всплывать,
Сталъ меня мой милый вспоминать
Во матушкѣ въ каменной Москвѣ,
Во матушкѣ во Россеюшкѣ.

Пѣсни 3-я и 4-я поются казачками при спусканіи вѣнковъ на Терекъ въ Духовъ день.

5.

Ты кручинушка, кручинушка моя,
Ты кручинушка—несносная тоска!
Никому свою кручину не скажу,
На ретивомъ на сердечкѣ схороню.
Подъ окошечкомъ сиротушкой сижу,
Сквозь стеколушко на милаго гляжу:
Ужъ ты миленькій, пригоженькій ты мой,
Ужъ ты миленькій—лазоревый цвѣтокъ!
Ты когда-то хаживалъ ко мнѣ,
Ты и хаживалъ и любливалъ меня,
А теперь не сталъ ко мнѣ ходить,
Пересталъ ходить, не сталъ меня любить.

Поется объ масляной «на погонялкахъ».

6.

Расколися сырой дубъ
На четыре грани!
А кто любитъ чужихъ женъ,
Того душа въ раѣ.
А кто дѣвушку полюбитъ—
Душѣ на спасенье,
А кто вдовушку полюбитъ—
Грѣхамъ избавленье,
Кто старушку обойметъ—
Лихорадка затрясетъ.
Шарилъ батюшка на лавкѣ,
Шарилъ и подъ лавкой,
Да немножко не дошарилъ
Возлѣ самой печки,

Возлѣ печки, на лавочкѣ,
На самомъ шесточкѣ,
Что на самомъ на шесточкѣ,
Въ самомъ уголочкѣ.

7.

По широкому двору,
По широконькому,
Ходитъ—гуляетъ господинъ Иванъ
Душа Дмитріевъ,
Кличетъ—выкликаетъ
Онъ Авдотьюшку свою
Душу Андріановну:
Ты поди сюда, ты Авдотьюшка,
Душа Андріановна!
Я тебе люблю, я тебе люблю
За походочку твою,
За полеточку,
За ласковый разговоръ,
Твой веселый поцѣлуй;
Слово—молодца утѣшитъ,
Съ поцалуемъ веселитъ,
Да ты рѣчи говоришь—
Какъ лебедушка кричишь,
Да ты по двору идешь,
Ровно навушка плывешь,
Ровно сизынькая.

Пѣсни 6-я и 7-я поются на сватьбахъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ IX.

ДУМА

гребенскаго казака по умиротвореніи восточнаго Кавказа.

Слушай, дядюшка нашъ Терекъ,
Что мы скажемъ ручейки:
Долго мыли мы твой берегъ
Отъ чеченской стороны.
Долго кровь съ полей смывали
Буйныхъ удали дѣтей
И тебя мы угощали,
Нашъ Горыничъ—чародѣй.
И разгульно и проворно
Мы къ тебѣ спѣшили вѣкъ,
Всюду намъ было просторно,
Съ нами мчался и абрекъ.
Что же нынѣ, дядя Терекъ,
Ты совсѣмъ насъ позабылъ,
Сдѣлалъ чуждымъ ты свой берегъ
Тѣмъ, которыхъ такъ любилъ?
Позабыли мы свободу,
Позабыли вольный бѣгъ,
Не лобзаемъ твою воду
И не скачетъ ужъ абрекъ.
Прежде знала, дядя Терекъ,
Насъ Каспійская вода,
Принимала въ свое лоно
Точно родное дитя.
Нынѣ всѣ мы позабыты,
Позабылъ ты, дядя, насъ!

Мы засохли, мы забиты,
Нашъ послѣдній пробилъ часъ.
Терекъ молвитъ имъ спокойно,
Какъ старикъ, отживший вѣкъ:
Пировали, но—довольно,
Нынѣ—новый человѣкъ!
Въ головѣ людей забота,
Умъ болота изсушилъ,
Всюду слышится работа
И работа мощныхъ силъ.
Я и самъ почуялъ слабость,
Силы сякнутъ день отъ дня,
Гдѣ дѣвалась моя младость,
Сила мощная моя!...
И, вздохнувъ, поникнулъ Терекъ,
Замолчали ручейки....
Тихо моютъ родной берегъ,
Катятъ сѣрые пески.

П. Кулебякинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ X.

Pia desideria терскаго казака, первый періодъ службы котораго прошелъ въ боевыхъ рядахъ, славной памяти, Кавказскаго линейнаго войска.

Не на те казакъ бье що е, а що буде.
Нижнекубанск. послов.

(Письмо генералъ-маіора Терскаго казачьяго войска И. И. Сафонова къ автору настоящаго историческаго очерка).

М. Г.

Прежде чѣмъ капитальный трудъ вашъ по исторіи Терскаго казачьяго войска успѣетъ придти къ концу, да будетъ позволено мнѣ, терскому казаку, по прочтеніи только первыхъ двухъ рукописныхъ тетрадей, привѣтствовать этотъ почтенный трудъ, впервые дающій подробное понятіе о кавказскомъ казачествѣ.....

Въ ожиданіи дальнѣйшаго появленія вашихъ рукописей, я обращусь на досугѣ въ нѣсколькихъ словахъ къ предмету, составляющему суть казачьяго вопроса среди кавказскихъ казаковъ. Почему же слова „Кавказскіе Казаки“ безпрерывно напрашиваются на языкъ? Смѣю думать, потому что передъ этимъ собирательнымъ наименованіемъ невольно должны преклониться всѣ другія частныя названія кавказскихъ казаковъ. Казаки, постепенно населявшіе Кавказъ, при постоянномъ къ тому поощреніи и при содѣйствіи правительства, думали достигнуть солиднаго и полнаго на Кавказѣ единства; но

послѣдовавшее въ 1860 г. неожиданное раздѣленіе Кавказскаго линейнаго казачьяго войска вызвало недоумѣніе среди казаковъ и разстроило ихъ ожиданія. Мѣра эта никого не удовлетворила, не принесла никакой существенной пользы ни казакамъ, ни правительству; напротивъ, отсутствіе единства управленія казаками повело лишь къ пріостановкѣ ихъ бытоваго роста, опаснаго однимъ врагамъ Россіи.

Кавказскіе казаки думаютъ, что не въ розни, а въ единствѣ управленія казаками по всей Кавказской Линіи, посредствомъ отдѣльнаго, пользующагося довѣріемъ Государя, атамана, правительство могло бы найти опору для государственныхъ цѣлей и для удобства исполненія часто экстренныхъ, усиленныхъ служебныхъ нарядовъ.— Въ той же единой власти думали найдти и болѣе благотворную руководящую силу для развитія и укрѣпленія экономическаго и боеваго быта казаковъ. Такое желаніе имѣть одного наказнаго атамана повлечетъ за собою, конечно, и общее переустройство нашего казачьяго положенія; но это не ухудшитъ, а скорѣе послужитъ къ улучшенію казачьяго дѣла, такъ какъ, не смотря на многія весьма хорошія стороны, наше положеніе съ теченіемъ времени нуждается въ пересмотрѣ.

Не стану описывать подробностей по поводу двойственнаго управленія казаками одновременно посредствомъ атамановъ отдѣловъ и окружныхъ начальниковъ. Скажу только, что два равноправные начальника въ глазахъ казаковъ представляютъ далеко уже не ту твердую власть, съ которою они сжились при старомъ положеніи. Нельзя также не указать и на должности станичныхъ атамановъ, на выборныхъ началахъ основанныя. Должности эти перестали занимать люди энергичные, люди крѣпкіе духомъ. Ихъ замѣнили люди слабые, несознающіе важности положенія, лежащаго въ основѣ выборнаго права. Понятно, что такіе люди не смогутъ принять на себя въ дѣлахъ общественныхъ полезнаго почина. Общество,

пользуясь слабостью выборныхъ атамановъ, злоупотребляетъ дарованною ему свободою.—Отсюда неизбѣжныя послѣдствія перекрикиванья и устраненія на общественныхъ сборахъ всякаго здороваго слова. Отсюда же, за малыми исключеніями, и ложное направленіе общественныхъ дѣлъ нерѣдко по пути, указанному дешевкой. При такомъ складѣ общества, прикрытаго закономъ и руководящаго общественными дѣлами, неминуемы вредныя послѣдствія, какъ для нравственной, такъ и для матеріальной стороны казачьяго быта. Благодаря лишь укоренившимся въ казакахъ началамъ религіи, дурнопонятая ими свобода безсильна подточить окрѣпшій корень самобытнаго устройства казаковъ. Удержать за казаками такія начала святой долгъ и начальника и общества.

Точно также необходимо пересмотрѣть законъ и объ офицерахъ. Молодежь наша, получившая образованіе, не стремится уже съ рвеніемъ отцовъ въ родные боевые ряды казачества и при первой возможности старается искать службы внѣ войска. Одна изъ важныхъ причинъ та, что зачисленіе въ войско офицеровъ посторонняго вѣдомства, зачастую безъ особенной нужды и невсегда съ строгой разборчивостью, убиваетъ въ казачьей молодежи надежду на нормальный ходъ служебныхъ успѣховъ. Между тѣмъ, не то встрѣчаютъ въ родныхъ рядахъ донскіе офицеры. Начиная службу, они въ своемъ войскѣ достигаютъ поприща служебнаго часто виднаго, почетнаго. Противуположное сему приниженіе офицерскаго сословія кавказскаго казачества и прискорбно, и для службы вредно. Такой путь указываетъ, что ихъ считаютъ неспособными для устройства дѣлъ у себя дома; въ дѣйствительности же за казачьими офицерами останется громадная заслуга по ближайшему руководству казаками и въ полѣ, и въ домѣ. Эту святую обязанность они несли честно въ самыя трудныя минуты боевой жизни. Правительство много обязано этой домашней связи офицера съ казакомъ, этой, такъ сказать,

внутренней спайкѣ, какъ выражается маститый профессоръ академіи генеральнаго штаба Леэръ въ своемъ указаніи объ устройствѣ боевыхъ частей. Чтобы сдѣлать казака счастливымъ дома и ретивымъ въ полѣ, казачій офицеръ считалъ необходимымъ проникнуть во всѣ подробности его семейнаго положенія. Онъ близко зналъ, голодны или накормлены дѣти казака, не течетъ ли его хата и, тамъ гдѣ нужно, приходилъ ему на помощь зависящими отъ него средствами.

Казачій офицеръ, станичный начальникъ, въ минувшую кавказскую войну умѣлъ обезопасить станицу отъ внезапнаго нападенія горцевъ на работавшихъ въ полѣ однѣхъ женщинъ, въ то время когда мужья ихъ находились въ походѣ. Казачій офицеръ умѣлъ ретиво, на ряду съ казаками, жертвовать жизнью, когда хищникъ отнималъ у казака послѣдняго коня или вола. Ни стужа, ни жара, ни усталость, ни ночь не останавливали казачьяго офицера въ погонѣ за дерзкимъ непріятелемъ; казакъ усталый, изнемогая отъ трудныхъ поисковъ, уже машетъ рукой на свою потерю, офицеръ поощряетъ его слѣдовать быстрѣе въ рискованную погоню. Подвергая часто свою жизнь явной опасности за интересъ казака, офицеръ смѣлымъ, рѣшительнымъ дѣйствіемъ поражаетъ непріятеля, отнимаетъ добычу и вручаетъ ее казаку. На войнѣ, какъ и дома, эта связь проявлялась съ одинаковою силою. Казачій офицеръ несетъ на буркѣ раненаго или убитаго казака изъ вражьихъ трущобъ, чтобы не быть осмѣяннымъ за потерю своего станичника въ басурманской сторонѣ. До какихъ размѣровъ достигала храбрость казачьихъ офицеровъ, сжившихся съ постоянно тревожными условіями жизни, умѣстно указать на слѣдующій примѣръ отваги. Казачій офицеръ, увидѣвши уничтоженную команду, среди которой изрубленъ его братъ, и находясь самъ въ лѣсу, внѣ опасности, перекрестясь, отчаянно скачетъ одинъ въ толпу горцевъ, рѣжетъ многихъ длиннымъ кинжаломъ и самъ погибаетъ

рядомъ съ изрубленнымъ братомъ. Такихъ примѣровъ за длинный періодъ кавказской войны масса. Казаки съ своими офицерами дружно ложились костьми на службѣ царской и притомъ за одинъ общій принципъ военной славы своей станицы, своей сотни, своего полка, своего войска.

Вотъ интересы, вотъ труды, которые неразрывно связываютъ казака съ казачьимъ офицеромъ. Вотъ тотъ источникъ боевой силы, при которомъ воспитывалась и крѣпла несокрушимая рать, обуздавшая разгулъ враждебныхъ сосѣдей. Вотъ тотъ колонизаторскій элементъ, который въ корнѣ уничтожилъ логовища грознаго врага, замѣнивъ его своими мирными станицами и расширивъ еще болѣе казачье поселеніе по всему подножію Кавказа. И, наконецъ, смѣемъ указать, что это тѣ самыя неистощимыя силы, изъ которыхъ правительство свободною рукою черпало средства для исполненія своихъ плановъ къ замиренію Кавказа.

Ближе всѣхъ зналъ про это казачій отецъ-атаманъ; онъ поощрялъ казаковъ къ этому и словомъ и дѣломъ. Казаки, группируясь не только дома, но и въ полѣ вокругъ своего атамана, не щадили жертвъ, не боялись чрезмѣрныхъ напряженій. За то казаки хорошо знали, что въ своемъ отцѣ-атаманѣ отыщутъ защиту тамъ, гдѣ въ ней нуждаются. Чуткости казака не учить, онъ знаетъ по первому взгляду, въ комъ его опора. Имена Круковскаго и Слѣпцова останутся незабвенными среди казаковъ и перейдутъ изъ рода въ родъ. Исторія въ свое время укажетъ и на другія имена людей, потрудившихся на пользу казачества. И въ самомъ дѣлѣ, какъ не благоговѣть казаку передъ такими отеческими чувствами, какія были выражены, между прочимъ, въ завѣщаніи покойнаго атамана Феликса Антоновича Круковскаго? „Я предпочитаю, говорилъ онъ въ завѣщаніи, приличную смерть командованію войскомъ, въ которомъ хозяйничаетъ всякій, кто вѣруетъ въ Бога и кто не вѣруетъ“.

Къ кому относился его горькій упрекъ, это снесено имъ въ могилу, по его завѣщанію устроенную при Екатеринодарскомъ соборѣ; извѣстно только, что желаніе его улучшить положеніе и казаковъ, и войсковыхъ офицеровъ было велико; но онъ находилъ въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, препятствіе въ Командующемъ тогда войсками на Кавказской Линіи и въ Черноморіи, черезъ котораго восходили въ то время всѣ представленія въ высшія инстанціи.

Вотъ какіе атаманы поднимали духъ казаковъ и заставляли ихъ свято исполнять завѣтъ праотцовъ: „умереть или побѣдить“.

И теперь съ глубокою благодарностью примутъ казаки слитіе всѣхъ ихъ въ одну общую кавказскую семью, чтобы добыть себѣ вмѣстѣ съ этимъ сліяніемъ прежняго отдѣльнаго отца-атамана, при которомъ въ трудныя минуты войны жилось имъ хотя и не легко, но дышалось свободно. Еще не вся задача окончена на Кавказѣ казаками. Казачья шашка, совмѣстно съ русскимъ штыкомъ, убѣдившая горца въ невозможности противиться этой грозной силѣ, совершила только первую половину умиротворенія Кавказа; вторая, и самая главная, задача наступила непосредственно вслѣдъ за замиреніемъ Кавказа и всего тяжелѣе ложится на плечи казака-гражданина. Колонизація казаковъ отнынѣ должна пойти быстрыми шагами въ смыслѣ культурной дѣятельности. Сосѣдъ горецъ не въ угрозѣ шашкой и кинжаломъ, а въ культурной силѣ казака усмотритъ единственный путь достигать благополучія и для своей семьи. Но эта задача можетъ быть достигнута лишь при участіи правительственныхъ мѣропріятій къ наилучшему устройству по всему сѣверному Кавказу экономическаго и боеваго быта казаковъ. Казакъ стойко вынесъ колонизаторское назначеніе, царскимъ перстомъ указанное; не менѣе стойко и зорко онъ долженъ смотрѣть за своимъ сосѣдомъ горцемъ, пока не пріучитъ его къ удобству жить

по сосѣдству мирно, спокойно, служа ему самъ прежде всего примѣромъ трудолюбія, общежитія и нравственности. Для этого необходимо покровительство твердой единой власти, способной поддерживать традиціонныя обязанности казаковъ и послѣ войны, рядомъ съ гражданскимъ развитіемъ, стольже внушительно, сколько дружественно.

Казаки издавна извѣстны какъ боевая сила, но ихъ должно разсматривать еще и какъ образцовыхъ гражданъ. Теперь, когда по всей Россіи зараза соціализма терзаетъ жизнь трудящагося русскаго общества, кавказская казачья семья, въ силу своихъ вѣковыхъ традицій, чужда этой вредной заразы. Несчастный тотъ соціалистъ, который позволилъ бы себѣ начать свои ученія среди населенія кавказскихъ казаковъ. Гдѣ же искать корня такихъ прочныхъ основаній казачества? Въ самобытномъ устройствѣ казачьей общины, въ здоровыхъ началахъ, положенныхъ въ основаніе казачьей жизни, казачьей службы, казачьей семьи, казачьихъ обычаевъ, не поддающихся лжеученію недоучившагося пролетарія. Отъ всѣхъ подобныхъ золъ спасаетъ казаковъ твердая, разумная вѣра въ Бога, ясное пониманіе религіи, непоколебимыя вѣрноподданическія чувства Престолу, Царю и отечеству, наконецъ трудолюбіе и терпѣніе.

Вотъ тѣ начала казачьяго склада жизни, которыми оно дорожитъ и сохраненіе ихъ видитъ, между прочимъ, въ сохраненіи одной казачьей семьи по всему сѣверному Кавказу.

И такъ сводимъ нашу мысль къ тому, что для счастья казаковъ, для выгодъ правительства необходимо соединить всѣхъ кавказскихъ казаковъ въ одну общую семью, дать имъ одно самостоятельное устройство, вмѣсто двухъ одну казачью администрацію съ однимъ атаманомъ во главѣ. Ключемъ закипитъ казачья кровь, забьется пульсъ сильнѣе и кавказское казачество ста-

нетъ съ гордостью приближаться къ почтеннымъ цифрамъ полковъ, считающихся на Дону, а такой счетъ не есть пустое слово.

Принадлежать къ почтенной семьѣ сорока пяти полковъ, съ своею самобытною пѣхотою и артиллеріею, дѣло далеко не маловажное для поднятія боеваго духа въ молодомъ казачьемъ поколѣніи. Такому стремленію, способному за молодыми казаками закрѣпить боевую славу ихъ отцовъ, не порадуются развѣ заморскіе друзья. За то Батюшка Царь и матушка Россія съ восторгомъ могутъ взирать и надѣяться, что на далекомъ, все еще грозномъ Кавказѣ служатъ оплотомъ тѣ казаки, предки которыхъ за вѣру, Царя и Отечество не одинъ разъ ложились костьми рядомъ, какъ одинъ человѣкъ.

Трехсотлѣтняя вѣрная служба кавказскихъ казаковъ заслуживаетъ того, чтобы голосъ потомковъ объ ихъ переустройствѣ былъ услышанъ и принятъ во вниманіе, и притомъ не ради однихъ выгодъ казаковъ, но и ради видимой общегосударственной пользы.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Илья Сафоновъ.

11-го ноября 1879 г.

Если предыдущимъ фактомъ выражаются сословныя желанія въ объединяющемъ направленіи, то выразителемъ единаго сословнаго духа, глубоко проникающаго Кавказское казачество и на Терекѣ и на Кубани, можетъ служить поэтическое произведеніе червленскаго гребенца П. Т. Кулебякина:

СЛАВА ЦАРЮ.

Солнышкомъ ласковымъ грѣетъ
Царь на Руси православной,
Царство могучее зрѣетъ
Въ мощной десницѣ державной.

Путь намъ указанъ широкій
Къ счастію, къ миру, къ покою;
Въ путь этотъ съ вѣрой глубокой
Двинемся твердой стопою.

Слава-же Царю Бѣлому, слава!
Слава разуму зрѣлому, слава!
Слава Царю и Россіи, слава!
Слава ратной ихъ силѣ, слава!

Четверть ужъ вѣка промчалось
Царству Царя-Исполина,
Что невозможнымъ казалось—
Все для него исполнимо:

Рабство прошло невозвратно,
Правда въ судахъ воцарилась,
Все, что тянуло обратно,
Воли Царя покорилось.

Слава-же Царю Бѣлому, слава!
Слава разуму зрѣлому, слава!
Слава хранящимъ Россію, слава!
Слава дающимъ ей силу, слава!

Двигай же мощной рукою
Русь начертанной дорогой;
Всѣ мы пойдемъ за Тобою,
Вмѣстѣ съ богатымъ убогій.

Врагъ же Царя и народа
Смутой пусть насъ не пугаетъ;
Пусть же крамола—невзгода
Прахомъ отъ насъ отлетаетъ!

Слава разящимъ крамолу, слава!
Слава царевой опорѣ, слава!
Слава хранящимъ Россію, слава!
Слава дающимъ ей силу, слава!

Будь же Ты Богомъ хранимый,
Въ лонѣ обширнаго царства
Вѣчно повсюду любимый,
Вѣчной грозою коварства.

Пусть не коснется святыни
Русской исчадья дыханье;
Пусть же Твой образъ отнынѣ
Въ мракѣ являетъ сіянье.

Слава-же Царю Бѣлому, слава!
Слава разуму зрѣлому, слава!
Слава хранящимъ Россію, слава!
Слава дающимъ ей силу, слава!

Парфеній Кулебякинъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
	сверху		
22	20	племенная религіозная.	племенная и религіозная.
24	4	водворясь	водворяясь
24	5	вступили	вступали
33	29	по Терку и Гребняхъ	по Терку и въ Гребняхъ
37	9	шамхалинской	шамхальской
43	7	до ночи	до ноги
50	16	работающаго	работящаго
50	27	въ договорѣ	въ договоръ
62	10	городъ аманаты	городъ въ аманаты
69	11	кумыцкихъ кизылбашскихъ	кумыцкихъ и кизылбашскихъ
71	10	Иліадѣ	иліадѣ
87	21	разложившихся	разложившейся
104	34	Ханъ-Куба	Ханъ-Туба
118	27	на воду	въ воду
140	12	чтобъ имъ въ чемъ	чтобъ имъ ни въ чемъ
142	23	спасеніе	опасеніе
156	13	Жмурчину	Жмурину
162	11	пожити	пажити
167	35	потчанье	мотчанье
181	8	оружіями	орудіями
205	7	запряжныя	запряженныя
215	35	іюля	іюня
260	35	Еддыганы	Еддысаны
265	16	наносили	накосили
316	12	отправлялись	отправились
318	29	Гребенскою	Гребеневскою
337	5	имѣющій	имѣющійся
341	32	Т. XIX, ст. 13620.	Т. XIX, ст. 13602.
441	35	то въ томъ	кто въ томъ